В.С. ПЕТРОВ

ПРОШЛОЕ С НАМИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
МОИХ ТОВАРИЩЕЙ — СОЛДАТ-АРТИЛЛЕРИСТОВ
92-го ОАД И 231-го КАП,
НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ПОЛЯ БОЯ,
И ТЕМ, К КОМУ БЫЛИ ОБРАЩЕНЫ
ИХ ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ

В. С. ПЕТРОВ
дважды Герой Советского Союза
генерал-лейтенант артиллерии

ПРОШЛОЕ С НАМИ

Книга первая

3-е издание, переработанное и дополненное

текст отсканировал
Брицун В.Н.
bvn1967@rambler.ru

Киев
Издательство
политической литературы
Украины
1988

ББК 63.3(2)722
П30

Рецензент
кандидат исторических наук *В. С. Коваль*

П $\frac{1305010000-187}{М201(04)-88}$ Инф. п.

ISBN 5-319-00354-4

От автора

После выхода из печати второй книги воспоминаний «Прошлое с нами» я занялся третьей. Отвлекли текущие дела — участие в киносъемках, работа над материалами для журнала по случаю знаменательного события в жизни всех родов войск наших Вооруженных Сил — 600-летия артиллерии, которое отмечалось в 1982 году и прошло почти незаметно. Много времени поглощала служба, неурядицы разного рода.

Закончить третью книгу в срок, назначенный договором, не было возможности, вопрос повис в воздухе. Издательство предложило подготовить к переизданию ранее опубликованные книги. Работа пустячная, я согласился, но оказалось, что обе книги требуют серьезной доработки.

Воспоминания — не репортаж с поля боя. Стремление придать им удобную для чтения форму и дополнить фактическим материалом, который был опущен в первых изданиях по причинам, не зависящим от автора, заняло больше времени, чем предполагалось. Я буду рад, если люди найдут новое издание лучше предыдущих.

Жизненный выбор

Командиры

Перестук колес становился все реже. Из темноты появлялись один за другим керосиновые фонари, освещая перрон, столб со станционным колоколом и фигуру стрелочника, единственного, кто встречал прибывающий поезд. Окутанное мраком, в глубине возвышалось здание вокзала, на фронтоне в ряду узких стрельчатых окон — надписи: «Вход», выше — «Владимир-Волынский».

Поезд остановился. В распахнутых купе немногочисленные пассажиры торопливо собирали вещи. Вслед за другими я вышел из вагона. Стрелки показывали около часа ночи, начало суток 14 июня 1941 года.

Теплый июньский ветер шумел в листве привокзальных тополей, мерцали в вышине звезды. Позади стучали буфера, пыхтел маневровый паровоз, оглашая свистками темноту.

Владимир-Волынский — конечная станция, дальше к границе, в сторону Сокаля, пассажирские поезда не идут. Владимир-Волынский был последним пунктом на моем пути из Сумского артиллерийского училища к месту службы.

На перроне, в освещенном пространстве под фонарем, собрались мои товарищи — лейтенанты А. И. Коваленко,

М. Ф. Коротеев, Павлов, Луценко, Желудь — в ожидании других лиц из состава команды, созданной в отделе кадров штаба артиллерии Киевского особого военного округа из выпускников училища, которые получили назначения в части, дислоцированные на западной границе в районе Владимира-Волынского.

Андрей Коваленко — среднего роста, голова с пепельными, короткой стрижки волосами прочно посажена на широкие плечи. Крепкие от рождения мышцы, тренированные двухлетней подготовкой, не скрывала шерстяная ткань гимнастерки. Коваленко я знаю лучше всех остальных. Вместе с первых дней несли мы курсантскую службу в третьем взводе 1-й батареи 1-го дивизиона Сумского артиллерийского училища.

Достаточно знакомы мне и другие. Луценко из 3-й батареи, Павлов — из 2-й. Манежи, артиллерийские парки, учебные классы, спальные помещения всех батарей нашего 1-го дивизиона, где проходила жизнь и обучение курсантов, располагались в одном правом крыле главного корпуса училища.

Меньше в повседневной службе я сталкивался с Михаилом Коротеевым и Желудем. Первый из 5-й батареи 2-го дивизиона, Желудь из 7-й — третьего. Но за время нахождения в пути мы сдружились и принимали наспех созданную в Киеве команду как подразделение, которому не страшны никакие преграды.

Двенадцать лейтенантов связывали не только общие дорожные впечатления. Нас роднило состояние духа людей, сделавших важный шаг в своей жизни. Период созерцания, как и все то, чем занимались курсанты на протяжении двух лет в училище, закончился. Пришла пора действий. Отныне всякий из нас располагал полномочием самостоятельной личности и был вправе поступать по своей воле, руководствуясь представлениями о чести командира, облаченного правами и ответственностью не только перед старшим, но и перед теми, кто призван ему подчиняться.

Мы дорожили своим командирским положением и высоко ставили науку, приобретенную в училище. Умение держаться, как подобало военнослужащему, вести огонь и управлять огневыми взводами лейтенанту-артиллеристу представлялось добродетелью, выше которой нет ничего на свете.

Не берусь судить о настроениях, которые уносят из училища танкист или пехотинец, но артиллерист чувствовал себя именно так. Дело, которому он посвятил все свои способности и силы, нельзя воспринимать иначе.

Служба

Кого не гложут сомнения в начале военной тропы? Но вот дни тягостных раздумий остаются позади и наступает радостная уверенность от того, что появилась ясность, вы начали ориентироваться в новых условиях, символы и нормы воинской службы постепенно наполняются содержанием простым и понятным.

Вот он, юнец, только одевший обмундирование. Вокруг неведомый мир, строгие и суровые люди со своими званиями и рангами, утверждающие древний культ силы и мужества, присущий нашему народу, умеющие повиноваться его воле, избранники, которым вверена судьба сегодняшних поколений и поколений грядущих. Командиры. Им вручено оружие, военная мощь. И удел этих людей — постоянное напряжение, жизнь в зависимости, подчиненная порядку, регламентированному статьями уставов, наставлениями и приказами.

Труден путь познаний! И далеко не сразу новичок начинал понимать то, чего не замечал прежде. Да... действительность отличалась во многих отношениях от картин, которые рисовала воображению абитуриента внешняя сторона воинской службы. Строевой шаг или поворот кругом, казалось бы, чего проще? Передвигай ноги и только, да не тут-то было! Носки вкось, каблук в сторону. Или, скажем, седловка коня... взмах — стремя завалилось куда-то, потник повис, седло сдвинулось на круп. Нет... военное ремесло легко никому не давалось. Необходима сноровка, прочные физические навыки, которые приобретаются вместе с волевыми стимулами в результате долгих, настойчивых и беспрерывных тренировок.

И дело не столько в трудах, сколько в том, что обучение — от начала до конца — втиснуто в жесткие рамки, сложившиеся чуть ли не в допотопные времена под влиянием причин, непонятных не только новичку, но зачастую и тем, кто имел опыт. И потом — однообразие... Сегодняшний день напоминал минувший, тот, что был вчера, позавчера, неделю и месяц назад. Все это похоже на колею, по которой катился бесконечный эшелон и отстукивал час за часом дни нелегкой курсантской службы.

В начале раздавалась команда — всего одна-две фразы, оглашенные звонким баритоном, настойчивым и требовательным. Команда незыблема и нерушима, как нерушимо заклинание в магии. Неведомая сила возносит курсанта над всем обыденным и тут же ввергает в положение автомата.

Курсант всецело во власти команды, послушный воле, не терпящей никаких возражений. Он устал?.. выдохся?.. отказывают мышцы?.. нет никаких сил?.. Вздор! Он обязан! Обязан повиноваться, найти выдержку, терпение для того, чтобы управлять собой... Это необходимо будущему командиру. Занятия продолжались до тех пор, пока упражнение не отработано в мельчайших деталях, до автоматизма — на плацу, в спортзале, под крышей манежа, в парке, в поле... Отклонения недопустимы! И никаких пауз сверх положенных по расписанию, никаких разговоров и ничего другого в этом роде.

Легко и непринужденно печатала шаг в городской прогулке батарея курсантов старшего курса, вызывая восхищение великолепием выправки и тем мощным единообразием движений, которое лежит в истоке воинской гармонии. Жители — стар и мал,— позабыв все дела, толпятся на тротуарах. Что привлекало их, людей, привыкших, казалось бы, к подобным зрелищам?

По-видимому, присущее естеству всякого здорового человека желание, стремление видеть красоту в себе подобных и чувствовать собственную душу... Равнение, мелодичный звон шпор, разворот плеч молодых людей, одетых один к одному, четкий ритм как бы приподнимали покров служебных тайн, дистанция, отделяющая курсанта от гражданского человека, сокращалась. Кто-то из зрителей вспоминал впечатления прошлого, иному, может быть, открывался путь в будущее. Публика гордилась внушительной поступью воинов. Ей импонировало живое, неподдельно искреннее согласие, царящее в строю. Оборотной стороной медали мало кто интересуется. Но курсанты знали истинную цену тяжелым трудовым будням, именуемым воинской службой, и усилиям командиров, принесенным для того, чтобы продемонстрировать... нет, не умение рисоваться, а величие духа людей, сплоченных воинской дисциплиной.

Безнадежно заблуждаются те, кто полагает, будто солдата понуждало к повиновению приниженное самолюбие и страх перед наказанием. Ничего подобного! Он предпочел ремесло воина, движимый сознанием своей силы и чистой совестью — неотъемлемым свойством интеллекта, соединяющим всякую нравственно здоровую личность неразрывными узами с той общностью людей, которая называется народ... Он рожден в его среде, говорит его языком... С детства его волновало, наполняя душу чувствами, все, что было в прошлом, далеком прошлом, с древних, незапамятных времен. Материнское молоко, питающее разум и мышцы, воскрешало

в маленьком сердце седую старину. Разве ему не дорого то, что почитали отцы и праотцы, и не щемит сердце, когда он листает страницы ушедших жизней? Разве он не унаследовал их славные имена?.. Доблестный дух их и поныне витает в туманах, а в пору ненастья разве не слышится зов далеких голосов, зов родства и крови?.. Сказания о князьях-воителях, храмы старых богов, башни Кремля — бесценное достояние великого народа, средоточие русской государственности, нетленные святыни предков... Пространства владений их возвышают дух, согревают обычаи, веселят песни, далекая неведомая быль оживает, чудится звон мечей, привкус дыма отшумевших в веках битв. Подвиги древних героев приобщают его к понятиям чести и справедливости... Он с детства научен дорожить словом, обещанием, обязательством по отношению к другим... Превыше жизни он ставит верность, и свои годы прожил заботой, общей со всеми... Он принял правоту народа, как принимают собственную правоту, и поэтому служит ему.

Только воин — тот, кого природа в щедроте своей наделила возвышенной душой и силой истинного мужества,— готов безропотно и терпеливо повиноваться, нести тяготы ратных трудов, «...не щадя крови и самой жизни...», как повелевает присяга, во имя долга и чести. Не следует вдаваться в обман — меч, и ничто другое, в тысячелетиях служил тем доводом, который не единожды решал судьбы племен и народов. На полях сражений и в будничной жизни именно он — воин — призван свершать и свершает то, что иные люди в облачении мишуры тщатся показать с театральных подмостков.

Воинский порядок — мир вещей и понятий, которыми живет военный человек,— фактор психологического воздействия и подобно всякому проявлению творческой воли — понятие этическое в такой же мере, как и эстетическое. Правила, учрежденные воинскими уставами, сообщают поведению воина форму, строго согласованную в эмоциональном отношении с содержанием. Воин радует своим видом, когда он обучен соблюдению предписанных ему норм, и обаяние личности здесь ни при чем. Возвышает его — воина, будь он новобранец или убеленный сединой служака,— факт подчинения дисциплине сам по себе, как свидетельство уважения не только освященных столетиями общепризнанных нравственных установлений, но и личности всякого гражданского человека и всех людей в целом.

С точки зрения морали, строго выдержанный внешний ритуал воинской службы и работа, красиво и добросовестно

сделанная мастеровым человеком,— явления одного рода. И то и другое способствует единению людей, пробуждает «...чувства добрые...», зовущие к порядку и созиданию.

Я не утверждаю, что все, кто поступал в Сумское артиллерийское училище, достаточно разбирались в вопросах психологии и воинской этики, но, несомненно, многие интуитивно чувствовали благородный смысл воинской службы. Наряду с призванием их влекла здоровая нравственная атмосфера, равные для всех возможности, бескорыстие военного человека, мудрая простота его обязанностей.

Артиллеристы

Но простота воинской службы не сродни несложности. В этом курсанта-артиллериста сразу убеждало знакомство с артиллерией, отраслью военной науки, которая изучает законы движения снаряда, управления огнем орудий в сочетании с тактикой других родов войск.

Артиллерийское орудие, изрыгающее огонь на головы врагов, в натуре выглядит далеко не так, как на экране. И если ореол грозного могущества нисколько не меркнет, то все же становится ясно: это — сложная система, состоящая из устройств всякого назначения, приспособлений, механизмов. И что ни возьми — станины, ствол, приборы наводки — все неподатливо, громоздко и тяжестью своей далеко превосходит все то, к чему люди привыкают в мирной жизни.

Не менее разноречивое впечатление производил и весь вспомогательный арсенал, относящийся к орудию. Снаряд — конусообразное металлическое тело — необыкновенно тяжел, холоден и загадочен, будто заключенный в его стальной оболочке разрушительный потенциал тринитротолуола не подвластен человеческой воле и может обрушиться на кого угодно.

А сколько интереснейших сведений содержат схемы, формулы, чертежи! Придать направление для стрельбы и навести артиллерийское орудие в цель — понятия совершенно разного рода. Для артиллериста наведение орудия в цель — операция многоступенчатая, нисколько не напоминающая то, что делает танкист или пехотинец. И на каждом этапе наводки необходим определенный минимум моральных и материальных предпосылок: штатная численность орудийного расчета — людей, которые обслуживают орудие, номинальный уровень дисциплины и огневой службы каждого в от-

дельности орудийного номера и всех вместе, минимальный уровень специальной подготовки огневых взводов и батареи в целом. Затем чисто командирские качества должностных лиц: командира батареи, командиров взводов и орудий, их дисциплина, специальные знания и т. д.

Если не достает хотя бы одной из перечисленных предпосылок, специалист не станет говорить всерьез о стрельбе и огневой службе, понятиях, которыми характеризуется боеспособность всякого артиллерийского подразделения.

Пушка, гаубица или мортира — разновидности артиллерийских орудий — недвижимы, как монумент войны. Чтобы оживить орудие, вывести его из состояния статики, необходимы строго согласованные усилия дисциплинированных, сноровистых и опытных воинов — орудийных номеров.

В популярной литературе того времени по истории войн слабо освещались специфические способности артиллерии — самого могущественного из четырех родов наземных войск. Мы, курсанты, все это открывали для себя, глядя на вещи как бы изнутри. И действительность вносила немало поправок в наши прежние представления.

Артиллерия — фундаментальная отрасль военных знаний. Она составляет предмет целого ряда учебных дисциплин: устройство материальной части орудия; боеприпасы; приборы наводки и управления огнем; правила стрельбы; тактика; топография; разведка и наблюдение; аппаратура связи; полевая фортификация; химическая служба; средства тяги.

Артиллерийское подразделение — это громоздкий, в высшей степени разнообразный по составу и сложный по своей штатной структуре организм, для управления которым используются воины многих специальностей — огневики, разведчики, топографы, телефонисты, радисты и т. д.

Орудие обслуживается орудийными номерами. Численность орудийного расчета — пять, семь, десять и больше номеров — в зависимости от калибра орудия. У каждого орудийного номера свои обязанности, нисколько не схожие с обязанностями других номеров. Но действовать они должны все в одном ритме, объединенные стремлением, исходящим отнюдь не из собственного сознания, а извне, со стороны другого лица — стреляющего. Обычно это командир батареи — тот, кто возглавляет подразделение. Стреляющий избирает цель, готовит исходные данные для первого выстрела, управляет огнем орудий, другими словами,— корректирует огонь — измеряет отклонения разорвавшегося снаряда от цели, рассчитывает и вводит поправки — цифровые величины, которые каждый раз после того, как в районе цели разо-

рвался очередной снаряд, он передает на огневые позиции. Все перечисленные операции представляют собой последовательную цепь сугубо индивидуальных решений, строго ограниченных во времени, и требуют мгновенной реакции.

Командир батареи единолично управляет огнем подразделения. Он должен обеспечить выполнение боевой задачи в условиях разобщенности боевых порядков подразделения. Орудия — на огневых позициях, стреляющий вместе со взводом управления удален на наблюдательном пункте на расстоянии 5—8 километров и более. Через старшего на батарее и командиров огневых взводов стреляющий усилиями орудийных номеров устанавливает отсчеты на прицельных приспособлениях, перемещает стволы, производит заряжание орудий, и в конце концов — выстрел. Весь процесс управления огнем — передача команд с наблюдательного пункта на огневые позиции и поток докладов в обратном направлении — осуществляется по линиям связи, которые поддерживает в рабочем состоянии опять же он — стреляющий.

Представить себе батарею или группу их — дивизион — как инструмент войны в состоянии только тот, кто наделен знанием дела и воображением добросовестного человека. Это необходимо — иначе нельзя войти в роль каждого в отдельности из десяти-двенадцати специалистов — людей взвода управления и огневых взводов, всех, кто участвует в обслуживании орудий до выстрела, в момент выстрела и в управлении огнем.

Программа специальной подготовки курсанта-артиллериста начиналась с изучения материальной части орудия, обязанностей обслуживающего персонала всех специальностей, тактики артиллерии и подразделений родов войск, в интересах которых артиллерия ведет огонь. Теоретические знания в строгой последовательности увязывались с практикой в артиллерийских парках, у орудий. На миниатюр- и винт-полигонах курсант приобретал первичные навыки в организации службы наблюдательных пунктов и в управлении личным составом, учился обращению с приборами и средствами связи. Но имитационные средства не давали знаний, необходимых артиллеристу в некоторых принципиально важных аспектах его образования, и рассматривались как ступень, завершающая только курс начальной подготовки.

Вместе с развитием физических сил курсанта в условиях строгого воинского порядка совершенствовались его волевые задатки. Один успевал больше, другой — меньше. Индивидуальные способности каждого в отдельности выявляются во время боевых стрельб. Выстрел артиллерийского орудия —

дорогостоящее дело как в части материальных затрат, так и в организации. Необходимо пространство: специально оборудованная безлюдная местность — артиллерийский полигон. Боевые стрельбы остаются в памяти курсанта-артиллериста как своеобразное крещение, на котором подводятся итоги напряженной работы большого коллектива командиров, политработников, преподавателей училища.

* * *

В ходе тактических занятий курсантские подразделения входят в пределы артиллерийского полигона. Те, кто действовал в качестве «пехоты», переходили «к обороне». Батареи, поддерживающие «пехоту», расчленялись — взводы управления занимали наблюдательные пункты, огневые взводы — закрытые позиции.

Для всех подразделений, продолжающих «боевые действия», вводятся реальные элементы в тактическую обстановку, на фоне которой курсанты привлекаются к выполнению обязанностей должностных лиц батареи. Так начинаются боевые стрельбы.

Жарко греет солнце. В глубоких траншеях наблюдательного пункта — духота. Ячейки командиров, ниши, где установлены приборы наблюдения, ступени, полки, каждый поворот и ответвление, брустверы снаружи отделаны с величайшей тщательностью. Соблюдается режим строгой маскировки. Наблюдательный пункт, оборудованный по всем правилам полевой фортификации, для артиллериста не только инженерное сооружение, это — составная часть программы боевых стрельб, и всякий должен чувствовать ее особую важность.

В секторе наблюдения — поле, чахлые кустики, развалины хат на склоне бугра, петляет дорога. Линия горизонта, объекты полигонной обстановки — все колышется в горячем мареве, будто подмыто наводнением. Руководитель стрельб ставит боевую задачу. Воцаряется тишина. Объявлена фамилия курсанта, возводимого в должность командира взвода. Он — стреляющий. Неписаные правила боевых стрельб позволяют стреляющему снять часть полевой выкладки. Но отставленные в сторону ранец и драгунская винтовка нисколько не облегчают его положения. Привычно мягкий карандаш неожиданно режет ватман планшета, непослушными становятся циркуль, логарифмическая линейка. Перед глазами карта — цветные пятна, рассеченные квадратами координатной сетки, растительный покров, замысловатые кривые горизонталей. Там цель — пулемет. Начинается ориентирование.

Изображенные условно в масштабе карты предметы необходимо найти на местности. Нуль линейки совмещен с крошечной точкой — огневой позицией (ОП). Построен один треугольник, другой, третий... синусы, косинусы, тангенсы... В мыслях чередуются формулы, послушно перемещаются на шкалах и лимбах приборов указатели. Бегут секунды. Стреляющий оперирует цифрами, множеством знаков... вычитает и складывает, умножает и делит. Снова и снова. Сверяются исчисленные величины. Звучат заученные слова доклада: «К открытию огня... готов!»

За поведением стреляющего неотступно следит руководитель стрельб. Отсчитывает время хронометрист. Двадцать, тридцать таких же курсантов в молчаливом ожидании обратили к стреляющему лица. Он подает команды. Наконец последняя: «Огонь!»

Цель — расположенный открыто пулемет. Напрасно несведущий человек напрягал бы зрение, вглядываясь в даль в поисках пулемета. Целеуказание имеет в виду отдельные элементы позиции тяжелого автоматического оружия пехоты, особенности местного рельефа, характерные для расположения пулеметной точки.

Где-то в тылу громыхнул выстрел, минуту спустя послышался вой, впереди взметнулось облако, окрашенное рыжим пламенем. Разорвался снаряд, несущий гибель и разрушение всему, что есть у точки встречи его с преградой и вокруг в зоне разлета осколков.

На своей первой боевой стрельбе будущий артиллерийский командир освобожден от всякой ответственности за поведение огневых взводов и лиц, которые обслуживают приборы наблюдения и линий связи. Сейчас курсант-стреляющий демонстрирует только свои индивидуальные качества: умение ориентироваться на поле боя, готовить исходные данные, знание боевых уставов и наставлений, правил стрельбы, одним словом — способность действовать в качестве командира, управляющего огнем орудия, взвода или батареи.

Далеко не всякий, даже хладнокровный человек остается верным своей натуре, когда в поле зрения разрыв поднимает облако пыли и дыма. В течение нескольких мгновений стреляющий обязан успеть зафиксировать положение разрыва относительно цели — измерить отклонения, рассчитать угловые и линейные величины, ввести поправки и все это облечь в четкие слова команд: «Телефонист, передать на огневые позиции... правее... 0-30... огонь!»

«Выстрел!» — докладывает стреляющему телефонист, если принял сообщение с ОП. И снова напряженная тишина.

Мельтешат, смещаясь в сетке бинокля, кустики, воронки, дым... Стреляющий не ждет помощи ни с какой стороны. Он изолирован от окружающих и одинок. Ошибки его не исправляет преподаватель и не является на выручку инструктор. Посредника не существует. На одной стороне стреляющий, на другой — противник.

Боевые стрельбы требуют от курсанта-артиллериста большого самообладания, дисциплины и умения сосредоточить все свойства своего ума и характера в одном мгновении. Будущий артиллерийский командир должен мыслить точными категориями и обладать твердостью духа. Без этих качеств нельзя использовать в полную меру поражающий потенциал боевых средств коллективного обслуживания.

Самообладание — способность подчинять собственные поступки велению долга — необходимо всякому командиру: десантнику, танкисту, пехотинцу, тем, кто управляет людьми в бою.

Самообладание артиллериста особого рода. Он не только обязан сохранять над собой постоянно контроль. Он стоит в центре событий, происходящих у орудий и приборов управления огнем — районах, разнесенных на пять, десять и более километров. Своим поведением стреляющий влияет на орудийные номера, разведчиков, вычислителей, связистов — на всех, кто прямо или косвенно причастен к орудийному выстрелу.

Бог войны вручил артиллерийским командирам важную функцию на поле боя — поддержку пехоты и танков — тех, кто находится в непосредственном соприкосновении с противником. Как пехота, так и танки ведут огонь только в пределах досягаемости своего оружия, и не более, тогда как основная мощь противника сосредоточена дальше, в глубине первого и последующих эшелонов его боевых построений. Подавление огневых средств, скрытых за чертой горизонта, посильно только батарее и дивизиону, когда они достигли необходимого уровня боеспособности для ведения огня с закрытых позиций.

Тщетно отрицать очевидные истины. Тщетно замалчивать то, что условия службы кавалерии, танковых экипажей, пехоты и орудийных номеров определяются объективной причиной — боевыми свойствами оружия. Задача надежного поражения цели вблизи, равно как и отстоящей на десять, двадцать километров, требует от воина качества, несомненно, иного, нежели от тех, кто имеет оружие, дальность стрельбы которого не превышает сотню, две или три тысячи метров,— обстоятельства, в своей совокупности форми-

рующие принципы боевой подготовки, уровень дисциплины, правила субординации, другими словами, особенности службы того или иного рода войск. Проистекающее отсюда неравенство нагрузок — духовных и физических — порождало так называемое соперничество представителей трех родов оружия — явление будничной жизни, раскрывшее субъективную сторону связи воина с коллективом. Артиллеристы, случалось, смотрели свысока на собратьев с петлицами малинового, синего или черного цвета. Объясняется это отнюдь не самомнением, а самосознанием: компетенция артиллериста в области управления подразделениями других родов войск на поле боя простиралась несравненно дальше, нежели пехотинца, кавалериста, танкиста — в управлении огнём батареи.

В артиллерии с самого начала ее появления на арене войны сложилось свое неизменное распределение ролей. Батарея, как неделимое огневое подразделение, всегда составляла основу любой артиллерийской группировки. Командир батареи — лицо, непосредственно приводящее в действие механизм подразделения, является главной фигурой в системе управления огнем. Будучи средним командиром, он вобрал в своем лице все достижения и недочеты боевой подготовки личного состава целого рода войск — от орудийного номера до высших командных инстанций артиллерии включительно.

Не стану возражать. Все эти сентенции знакомы в общем-то всякому мало-мальски военному человеку, если, конечно, ему не чуждо понятие долга и совести. Обращаться к деталям чисто артиллерийской специфики здесь, на первых страницах воспоминаний, меня заставляет совсем не желание славословить свое оружие. Артиллерия не нуждается в этом. Я упоминаю особенности службы артиллериста только как автор, занятый тем, чтобы доставить читателю возможность ближе понять моих спутников — лейтенантов. Их имена дороги мне. Но ушли они все и более не вернулись. В живых остался только Коротеев. Будучи в Одессе проездом, подполковник в отставке Коротеев Михаил Фомич случайно увидел на прилавке мою книгу, явился ко мне 37 лет спустя с настоятельной просьбой в новом издании сказать несколько слов о курсантской службе в память о наших погибших товарищах, всех, кто окончил Сумское артиллерийское училище накануне войны.

Начало

Первые дни

— Товарищи командиры, вы с поезда? Кто старший? — громко спросил вышедший из темноты лейтенант-танкист.— Ну и дела... третий эшелон новоиспеченных лейтенантов за сегодняшний день.— Позади танкиста стояли патрульные с карабинами «на ремень».

— Случилось что-нибудь? — спросил в свою очередь лейтенант Луценко у танкиста.

— Нет, ничего особенного. Я встречаю прибывающих во Владимир-Волынский военнослужащих, проверяю документы. Гарнизонный наряд.— Лейтенант открыл планшетку на ремне. В развороте под целлулоидной пленкой — лист, пересеченный широкой красной полосой,— удостоверение комендантского патруля.

— А теперь позвольте ваши документы.

Луценко протянул танкисту командировочное предписание. Тот просмотрел документ.

— Один из моих людей укажет машину. Поезжайте в комендатуру. Там узнаете все, что нужно, и получите место для ночлега.

На привокзальной площади — конные экипажи, автомо-

били-такси. Дремавшие владельцы их бросились навстречу, наперебой предлагая свои услуги. Не без труда прорвав заслон разочарованных извозчиков и шоферов, мы направились к автомобилю ГАЗ-АА. Лейтенант Луценко занял место в кабине, все остальные в кузове, и машина тронулась, оставляя позади шлейф дыма. Редкие фонари освещали безлюдную улицу. В некоторых окнах еще мерцал свет.

Комендатура частей Владимир-Волынского гарнизона размещалась в здании казарменного вида с массивными колоннами у входа. Дежурный после осмотра документов сообщил, что воинские части, указанные в командировочном предписании, дислоцированы за пределами города. Он брал на себя обязанность уведомить должностных лиц о нашем прибытии. Нам всем завтра, не позже девяти часов, надлежало явиться в комендатуру.

— Дома для расквартирования в разных местах. Квартирмейстер проводит... недалеко,— закончил дежурный по комендатуре.

— Ближайшая задача, кажется, выполнена.— Луценко обратился к представителю комендатуры.— Договоренность с хозяевами есть?

— Не беспокойтесь,— сержант вскинул винтовку на ремень и застучал каблуками по ступеням лестницы, ведущей к выходу. Мы пошли за ним.

Утром следующего дня, умывшись наспех, я вышел из дома, где провел ночь, имея в запасе немного времени. Восходящее солнце вместе с темнотой рассеяло и тихое захолустье улицы. По сторонам — узенькие, чисто подметенные тротуары, за изгородями — особняки с зарешеченными окнами, вьется по стенам плющ. Горожане, встречаясь, церемонно кланяются друг другу. Город Владимир-Волынский имел свое лицо.

* * *

Я стал вспоминать уроки школьной истории. Владимир-Волынский основан в 988 г. Владимиром, сыном киевского князя Святослава, на землях, занятых славянскими племенами в северо-западной части Волыно-Подольской возвышенности. Богатая водами, эта географическая область питает Припять в самом истоке и впадающие в нее с юга многие реки — Турью, Стоход, Стырь, Ствигу, Уборть и другие, в междуречье которых образовалось обширное заболоченное пространство, покрытое дремучими лесами.

Географическое положение Волыни во многом определило ее исторические судьбы. Местное население всегда гляде-

ло в обе стороны — на запад и на восток. Вначале город Владимира Святославовича служил своего рода передовым заслоном, прикрывающим северо-западные пределы Киевской Руси, и оказывал некоторое влияние на ее дела. В последующие столетия он потерял свое значение и довольствовался уделом провинциального галицийского городка Российской империи.

Волынь временами вовлекалась в политическую орбиту своих западных соседей, но никогда не порывала родства с восточно-славянскими землями. Волынские дружины участвовали в битве у Грюнвальда, плечом к плечу с дружинами других славянских князей сражались не однажды против диких орд, проникших из Восточной Азии. В апогее этой многовековой борьбы, в битве на Куликовом поле, положившей конец татаро-монгольскому игу, одним из самых доблестных предводителей в рати великого князя Московского был воевода Дмитрий Боброк — волынянин.

В годы, предшествующие началу первой мировой войны, во Владимире-Волынском дислоцировался Бородинский пехотный полк и несколько сотен донских казаков. Недовольство бюрократизмом, очковтирательство, скука и безделье в офицерской среде, пороки служебного уклада тогдашней русской армии порождали тип военных людей, о которых рассказывал в своих повестях Александр Куприн.

Разразилась первая мировая война. В результате ударов, нанесенных в 1916 году войсками русского Юго-Западного фронта по австро-венгерскому союзнику Германии, Волынь стала ареной ожесточенных боев. Во времена панской Польши старые казармы русской пехоты занимала польская кавалерия.

За год с лишним после воссоединения западноукраинских земель в единой Украинской Советской Социалистической Республике Владимир-Волынский внешне мало изменился. Чуть ли не на каждом доме красовались рекламные вывески, торговали многочисленные лавки, бытовые заведения предлагали свои услуги. По улицам, звеня колокольчиками, катили черные лакированные экипажи с пассажирами в цилиндрах, важно восседающими на высоких сиденьях.

Местный портняжный цех, не щадя сил, обнажал социальное расслоение прежнего владимир-волынского общества. Состоятельная часть публики облачалась в одежду, тщательно сработанную из добротной ткани, и вынуждала всех остальных из кожи лезть вон, чтобы выглядеть выше своих достатков.

Несмотря на ранний час, повсюду толпились люди. У дверей роскошного магазина я остановился. Продавцы стали предлагать свои услуги. Явился владелец магазина. Но меня интересовала больше, чем товары, публика, судачившая на разные лады о «советах» и «германе».

* * *

Перед зданием комендатуры, у скамейки, я нашел всю команду в сборе. Лейтенант Адаменко рассказывал о ночных приключениях. Пришел сотрудник комендатуры с зелеными петлицами младшего техника-интенданта. Бывший с ним артиллерист-старшина сверхсрочной службы, не желая, по-видимому, терять даром время, вскинул руку к пилотке и без всяких околичностей отрекомендовался.

— ...Разрешите узнать, кто назначен в 92-й отдельный артиллерийский дивизион? — он назвал свою фамилию.— Прибыл для сопровождения.

Из двенадцати лейтенантов, имевших направление в части Владимир-Волынского укрепленного района, Луценко, Павлов, Желудь, Адаменко и я назначались в 92-й ОАД, два — в том числе Коваленко — в 146-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, Коротеев и все остальные — в 85-й ОАД.

Все направились к полуторке. Любопытствующий шофер глядел сквозь стекло дверцы.

Началась посадка.

— ...Прощай, мой товарищ... настало расстаться... нам время,— декламировал Коротеев потеплевшим голосом, пожимая руку Андрею Коваленко. Прощались, как беззаботные люди в чужом краю, когда пришло время. Долго ли, коротко, все же мы знали один другого, успели сдружиться. Суждено ли встретиться? На миг сомнение встревожило душу и рассеялось в шумной толкотне рукопожатий.

— ...Всего хорошего... авось свидимся... желаю удачи... счастливо оставаться! — кричали весело все разом.

Автомобиль обогнул площадь и покатил вниз по улице. Семь лейтенантов, наши товарищи с поднесенной к пилотке рукой, остались у здания комендатуры.

Булыжная мостовая за городской чертой кончилась. Под колесами мягко стелется полевая дорога. Справа петляет в окаймлении буйных камышей неширокая речка. На берегу — серый трехъярусный корпус водяной мельницы, дальше, на склоне бугра, белеют деревенские хаты. А посреди зеленеющих лугов, на холме, живописно вздымает в небо бе-

лые купола монастырь, обнесенный высокой каменной оградой. Плечом к плечу с центральным зданием стоят два других — пониже, выражая идею единства и подчинения, господствующую в церковной иерархии.

Старшина, заметив впечатление, вызванное видом монастырского холма, повернулся к борту.

— Из училища? Давно? — спросил он лейтенанта Павлова. Старшину интересовали условия приема в училище, служебный режим. Курс обучения в военно-учебных заведениях артиллерии заканчивается осенью. Почему выпуск произведен раньше срока? Знает ли товарищ лейтенант положение на западной границе?

Ответы лейтенанта Павлова заставили старшину задуматься на какую-то минуту. Он стал рассказывать о житье-бытье в гарнизоне, коснулся местных условий.

— Население здесь...— старшина поведал о хозяевах хаты, где снимал квартиру и питался, о заботах крестьян и деревенских нравах.— Окрестные жители относятся к нам дружественно... но иногда напоминает о себе наследие, оставленное рухнувшим польским государством. В последнее время активизировалась деятельность националистически настроенных группировок, циркулируют слухи о скорой войне.— В стенах монастыря размещаются все пять батарей дивизиона, штаб и вся интендантская мелкота — продовольственная и вещевая службы, финчасть, артснабжение, техническая часть, медицинская. Закончив этот обзор, старшина перешел к изложению сведений сугубо тактических.— Весной началось строительство конюшен... теперь приостановлено. Под орудия получены тягачи. На конях остались только взводы управления.

— А как боевая подготовка? — спросил Павлов.— Лошадь и тягач... разные скорости...

— Не знаю...— протянул старшина.— Говорят, будто наш дивизион полностью перейдет на механическую тягу.

Начатая неожиданно беседа вовлекла всех, кто находился в кузове.

— Хаты южнее ограды тоже принадлежат монахам? — поинтересовался Адаменко.

— Нет, деревенька... полтора-два десятка дворов. Как и монастырь, называется Зимно. А там вдали,— старшина протянул руку,— уже заграница... за Бугом.

— Должно быть, километров восемь — десять,— высказал предположение Павлов.

Старшина утвердительно кивнул головой.

— Раньше наши батареи занимались в той стороне тактикой.

— Занимались? — спросил Павлов.— А в настоящее время?

— Сменили районы. Движение колонн, даже одиночных орудий, к границе запрещено.

— Почему? — спросил Адаменко.

— Большой расход горючего... точно не знаю,— ответил старшина неопределенно.— Политрук объяснял, будто немцы заявили протест... опасно, мол... договор о дружбе... но сами не стесняются,— и объявил, спохватившись: — Ну вот и приехали!

ГАЗ-АА заскрипел тормозами и остановился у дубовых монастырских ворот с тяжелыми створами под двускатным низко опущенным навесом, одетым частой чешуйкой красной черепицы. Годы окрасили черепичное покрытие мшистой зеленью, тяжелые приворотные столбы — в темно-коричневый морёный цвет. Зданьице с островерхой черепичной же крышей, встроенное в ограду, примыкало к воротам. Сквозь узкое окно в серой гранитной стене глядел когда-то на белый свет монах-привратник, коротая унылые дни.

Старшина спрыгнул наземь и скрылся за дверью сторожки — контрольно-пропускного пункта. Минуту спустя на пороге появился адъютант командира дивизиона — с черными петлицами, красным кубиком и артиллерийскими эмблемами. Был он в полном полевом снаряжении: слева у бедра клинок в ножнах, окантованных медью, планшетка, справа — пистолет, полевая сумка, противогаз. Луценко по очереди называл наши фамилии. Младший лейтенант, принимая удостоверения, мельком глядел в лицо.

— Я доложу, ожидайте здесь,— объявил он, когда закончилась процедура проверки документов, и, звякнув шпорами, зашагал обратно.

Лица наряда, несшие у ворот наружную службу, поворотом головы провожали младшего лейтенанта, пока тот не скрылся с глаз. Обычная деталь, отражавшая уровень дисциплины того времени в войсках. И адъютант — тоже обычный строевой командир того времени. Снаряжение, оружие, предметы экипировки вплоть до страховочного ремешка сигнального командирского свистка на левом плечевом ремне — все то, что люди, недостаточно подготовленные к службе, придерживают руками, было у адъютанта прилажено, затянуто со всей тщательностью и не затрудняло движений. Шагал адъютант легко и непринужденно, с уверенностью служаки, который не скрывает своего превосходства, и встреч-

ная нестроевая и полустроевая братия принимала это как факт совершенно очевидный и неоспоримый.

Во дворе, за монастырской стеной, слышен знакомый шум. Двигался строй. Делался отчетливей тяжелый мерный шаг. Открылись створки ворот. Сохраняя равнение, строй проследовал мимо. Ведущий командир, окинув взглядом незнакомых лейтенантов, взмахнул задорно рукой, как бы призывая нас в голову колонны.

Не всякий, кто только прибыл в воинскую часть, согласен, если нет особой надобности, мозолить прохожим глаза в ожидании на КПП [1]. Возможно, по этой причине лейтенант Луценко отошел к углу монастырской ограды. За ним последовали все остальные.

Отсюда, с возвышения, открывался вид на окрестности. На востоке, повернутая фасадом, симметрично разграфленная черными квадратами окон, виднелась водяная мельница, в стороне поднимались одна над другой крыши домов городской окраины. В западном секторе лежал обширный луг, прорезанный извилистым течением речки. Я знал, она называется Луга. Дальше, сдвинутые к горизонту, теснятся холмы. На склоне прилепился крошечный хуторок в окружении лоскутных полей, темнеет лес.

Приход дневального прервал наблюдения. Вслед за другими я через контрольно-пропускной пункт прошел во внутренний двор и оказался под сводами монастыря.

В детстве я бывал раз-другой в деревенской церкви. Но заведения вроде того, куда привела меня служба, видеть не приходилось. Высокий сводчатый потолок, полутемный коридор, деливший длинные ряды дверей, хранили тишину и прохладу. Под ногами потрескивал паркет, звенели шпоры. Был слышен запах дерева, сушеных трав и каких-то масел.

Назначение

Дневальный замедлил шаг, приостановился у двери с табличкой, белевшей в полумраке, оправил гимнастерку, штык на ремне и, помедлив, нажал дверную ручку. Дверь бесшумно отворилась, и вслед за другими я вошел в приемную командира дивизиона. Тяжелые своды потолка увеличивали высоту стен, и квадратная комната казалась вытянутой. Сквозь зарешеченные окна падал свет, не рассеивавший, однако, таившийся в углу полумрак.

---

[1] КПП — контрольно-пропускной пункт.— *Авт.*

В интерьере приемной командира дивизиона были две достопримечательности: огромное зеркало и дубовые стулья с высокими резными спинками.

Для военнослужащего зеркало — предмет необходимый. Прежде чем идти в следующую комнату, нужно тщательно осмотреть свою внешность — одежду, знаки различия, снаряжение.

Адъютант, покачиваясь с носков на каблуки, ожидал, пока мы займем места на стульях, а затем объявил, что обязанности командира дивизиона исполняет его заместитель по строевой части и что представляться нам — всем вместе. После этого он опустился в кресло и занялся бумагами раскрытой на столе папки.

Тишину нарушил звонок. Младший лейтенант поспешно вышел из-за стола, открыл дверь и, взглянув высокомерно в сторону наших стульев, щелкнул шпорами: «Вход свободен! Не задерживаться...»

Из-за стола в глубине комнаты поднялся капитан, белокурый, среднего роста, экипированный точно так же, как адъютант. Недоставало разве противогаза, он лежал в сумке на тумбочке, рядом с зачехленным биноклем. Капитан Корзинин, временно исполняющий обязанности командира 92-го ОАД, выслушал слова доклада, который полагается произносить лейтенанту, прибывшему для прохождения службы. Подошел к нашей шеренге, оглядел каждого.

— Я и личный состав 92-го отдельного артиллерийского дивизиона приветствуем ваше прибытие, товарищи лейтенанты. Не хватает начальствующих лиц. В каждой батарее на огневых взводах вместо предусмотренных штатом трех средних командиров налицо только по одному... Обстоятельство, препятствующее планомерному ходу боевой подготовки артиллерийской части, когда она не вышла еще из стадии сколачивания подразделений. Конечно, вакантные места есть и в интендантских службах — обозно-вещевой, продовольственно-фуражной, артснабжения, авторемонтной, финансовой, медицинской,— но с этим можно мириться. Обязанности начальников тыловых служб исполняет писарский и складской персонал, и не случалось еще перебоев в материальном и техническом снабжении строевых подразделений.

Капитан говорил о трудностях организационного порядка, чтобы подчеркнуть значение, которое он придавал прибытию пополнения.

Коснувшись советско-германского договора и последних сообщений в нашей печати, капитан стал излагать задачу, которую решал дивизион, охарактеризовал силы и средства

Владимир-Волынского укрепленного района. В пограничной зоне велось строительство фортификационных сооружений — собственно, сам инженерный каркас обороны был еще далек от завершения, но как тактическая система укрепленный район уже выполнял отчасти свою функцию. Отдельные узлы обороны связали воедино долговременные огневые точки. Обеспечивалось прикрытие наиболее важных операционных направлений. В промежутках между узлами обороны действовали силы так называемого полевого заполнения укрепрайона. Эту задачу выполняли части 87-й стрелковой дивизии. Артиллерийскую поддержку узлов обороны юго-западного фаса укрепрайона обеспечивали 92-й и 85-й отдельные артиллерийские дивизионы. На западных и северо-западных фасах для этой цели привлекались дивизионы корпусных артиллерийских полков 15-го стрелкового корпуса. Помимо 19, 20, 145 и 146-го пулеметно-артиллерийских батальонов, отдельных артиллерийских дивизионов, стрелковых и артиллерийских полков 87-й СД [1] в районе Владимира-Волынского дислоцировались части 41-й танковой дивизии, которые завершали формирование на базе 38-й легкой танковой бригады.

После напоминания о том, что все эти сведения — строжайшая тайна и что знание общей ситуации необходимо для прибывших командиров, капитан вернулся к штатной структуре. 92-й ОАД имел на вооружении 152-мм гаубицы образца 1909—1930 годов и состоял из трех батарей по четыре орудия в каждой, штаба, батареи управления, учебной батареи и тыловых подразделений: парковой батареи, транспортной роты и интендантских служб. Продолжался перевод подразделений на механическую тягу, автомобилей недоставало, во взводах управления использовались лошади. Имел место некомплект строевых командиров и начальствующих лиц двух-трех категорий. Дивизион укомплектован младшим командным и рядовым составом полностью. Общая численность личного состава — 650 человек.

Капитан вернулся к столу, поднял лежавший там лист.

— Лейтенант Луценко...

— Я!

— Вы назначены в первую батарею.

Капитан назвал фамилию Павлова и мою: — Вы — во вторую и третью. Каждый на должность старшего на батарее, то есть заместителя командира.

Лейтенант Желудь назначался в учебную батарею, лей-

---

[1] СД — стрелковая дивизия.— *Авт.*

тенант Адаменко — в батарею управления, оба — на должность командиров взводов.

— Устав вверяет вам людей, орудия, тягачи, по существу, все, что составляет огневую мощь артиллерийского подразделения. Командир батареи и его заместитель должны понимать друг друга с полуслова, между ними не может быть неясностей и трений. Всякое отклонение от уставных норм поведения со стороны старшего на батарее наносит ущерб воинскому сознанию орудийного номера, его интересам и огневым взводам в целом.

Капитан вернулся на середину комнаты и подал команду: «Внимание... кру-у-у-гом!»

Нет, он не услышал разнобоя каблуков. Строевая выучка лейтенанта была на высоком уровне. Мы гордились этим. Поворот делался в два такта: раз — следовала пауза, два — снова пауза, а затем звон пяти пар в одно мгновение сомкнутых шпор.

— Меня радует выправка. Это несомненное доказательство приверженности к службе,— констатировал капитан после нового поворота шеренги.— Но обязанности ваши, наряду со строевой выучкой и артиллерийским образованием, требуют качеств характера, которых нельзя получить в военно-учебном заведении. Старшему на батарее необходимо влияние среди орудийных номеров. Воинский авторитет приобретается образцовым поведением командира. У вас есть, мне кажется, предпосылки к несению службы. Но в нынешних условиях, на расстоянии пушечного выстрела от границы...— капитан умолк, похоже, к нему вернулись сомнения, которые испытывает командир, когда вынужден назначать на должность лиц, не имеющих служебного опыта,— я возлагаю надежды на вашу совесть, прилежание... и на поддержку со стороны командиров батарей — непосредственных ваших начальников... Они умелые и опытные люди. Все мы начинаем путь с первых шагов,— капитан улыбнулся,— желаю удачи. Идите!

В 3-й батарее

Командира 3-й батареи я нашел в канцелярии — просторной, такой же мрачной комнате, как и приемная командира дивизиона. Большая хрустальная люстра свисала с потолка. Вдоль стены — два дивана, койка, кресло, у окна — стол, посредине — подсвечник внушительных размеров. За столом

над книгой сидел лейтенант. Я доложил о прибытии. Лейтенант поднялся, протянул руку, шагнув навстречу.

— Я командир третьей батареи, моя фамилия Величко.— Одежда лейтенанта еще хранила наглаженные утром стрелки. Командирское снаряжение с оружием лежало на нем ладно, подчеркивая внешность лейтенанта: высокий рост, стройную фигуру.— Садитесь, рассказывайте, чем занимались до училища? — Он опустился в кресло и внимательно взглянул на меня.— Впрочем, это праздный вопрос... в школе занимаются уроками... Начинайте с училища.— Лицо лейтенанта уже загорело на летнем солнце. Ему около тридцати лет. Спокойно сосредоточенный взгляд, короткая прическа, которую в то время носил каждый командир. Величко говорил, выделяя окончания фраз.— Стрелял штатным орудием... три боевых стрельбы... в течение всего курса обучения в училище,— повторял он за мной. Затем командир батареи поинтересовался моими знаниями правил стрельбы, статей БУА [1], параграфов устава внутренней гарнизонной службы, дисциплинарного устава. Далее он стал рассказывать о положении дел в батарее.

— Огневые взводы... расчеты орудий и отделение тяги, отделение боепитания... укомплектованы людьми, вооружением и средствами тяги полностью. На каждый тягач два водителя. Численность личного состава огневых взводов... пятьдесят восемь человек. Во взводе управления... приборы разведки и наблюдения, топопривязки, аппаратура связи полностью в наличии, но вместо четырех автомобилей, положенных по расписанию, на сегодняшний день... один, полуторатонный, едва поднимает имущество. Люди всех пяти отделений взвода... разведки, телефонной и радиосвязи, топографического, отделения связи с пехотой — на лошадях. Боеспособность батареи,— лейтенант сослался на итоги проверки, недавно проведенной штабом дивизиона,— оценена удовлетворительно. По дисциплине, боевой и политической подготовке лучше выглядят огневые взводы. Хуже — отделение средств тяги... причина — недостаток времени — перевод на механическую тягу еще не закончен.— Он взглянул на мои шпоры.— Вы знакомы с мотором? В ближайшие два-три дня нужно закончить подготовку отделения тяги...

Наше училище имеет свой профиль и готовит командиров для артиллерии на конной тяге. Перед выпуском курсантам показали в крытом манеже новые специальные артиллерийские тягачи — два экземпляра.

---

[1] БУА — боевые уставы артиллерии.— *Авт.*

— Быстроходные... с кузовом СТЗ-НАТИ-5,— подтвердил командир батареи,— предназначены для артиллерийских подразделений и частей в танковых и механизированных дивизиях, которые формируются в нашем Киевском особом военном округе. Значит, вы видели тягачи?

— Курсанты гаубичных батарей нашего дивизиона — второй и третьей,— кажется, даже ездили, наша батарея не успела.

— Знакомство, как говорится, шапочное,— улыбнулся Величко.

— Да, на уровне экскурсанта.

— Не беда, тягач — дело не мудреное, не то, что конь... выездка, кормежка, выводка, уход. Начнем заниматься вместе, нельзя терять времени,— командир батареи обратился к будням.— Дел много — срочных, особо срочных, сверхсрочных. В боевой подготовке артиллерии — теперь уже и нашего калибра — упор перенесен на маневренные действия. Поставлена задача повысить подвижность каждого орудия и батарей в целом. Существенно возросла физическая нагрузка личного состава... Огневые взводы уже начали изучать стрельбу прямой наводкой по движущимся целям.— Величко отметил, что пока еще нет условий, ни имитационных средств, ни оборудования. Принимаются меры, чтобы выйти из положения.— Принимайте огневые взводы... детали обговорим позже. Находчивые люди уже ввели в оборот новое выражение — учебные огневые позиции. Не слышали? Огневые взводы занимаются там «стрельбой»... К исполнению обязанностей приступить с завтрашнего дня.— Лейтенант поднялся, оправил одежду, оружие.— Завтракали? Командный и начальствующий состав дивизиона — на казарменном положении, питается у местных жителей в деревушке, спим здесь, в служебных помещениях... Выбор у нас невелик... а теперь и у вас тоже. Занимайте один из диванов.— Оглядев комнату, он продолжал, размышляя вслух: —...Гарнизон монастыря приведен в боевую готовность, не знаю, сколько продлится состояние боевой тревоги. Объявлена почти две недели назад... Не берусь комментировать этот факт. Это вызвано обстановкой.

Чисто официальный вначале разговор принимал непринужденный характер. Меня не заботило ни размещение, ни пища, но вот терминология... В училище слово «обстановка» имело значение условное. Здесь командир батареи вкладывал в него явно иной смысл. Я чувствовал себя достаточно свободно и, соблюдая предписанную уставом форму обращения, спросил:

— Обстановкой частной или обстановкой вообще?

Лейтенант, кажется, был недоволен моим вопросом.

— Я ознакомил вас с задачами третьей батареи в части того, что касается старшего на батарее. Все остальное узнаете, когда наступит срок. Любопытство командиру не к лицу... Пойдемте, я представлю вас личному составу огневых взводов. Но вначале осмотрим помещения.

Казарма, точнее спальное помещение 3-й батареи, размещалась в просторной, чисто убранной комнате. Справа в углу — ружейные пирамиды, три секции. Доступ с двух сторон. Никаких замков, никаких решеток и пломб. Зачем замки? Ружейная пирамида — не ящик со сладостями. Дальше койки — в три яруса. Но воинский порядок не страдал от тесноты. Света и воздуха по крайней мере было достаточно. Постели аккуратно заправлены, блестит под ногами паркетный пол.

Дежурный сержант встретил командира батареи рапортом, в строгом соответствии с правилами устава внутренней службы.

— Огневые взводы в районе артиллерийских парков, на занятиях. Взвод управления — на юго-западной окраине села Зимно,— закончил без запинки сержант. Два дневальных, опоясанные лямками противогазов, с подсумками, штыком на ремне застыли возле стола в начале прохода, который разделял помещение на две половины.

Все же лейтенант Величко нашел повод для одного-двух замечаний, впрочем, не очень серьезных. Дневальный бросился устранять недочеты тут же. Но этого не следовало делать. Замечания адресовались старшему — дежурному. Командир батареи посмотрел укоризненно на сержанта, потом перевел взгляд на меня и направился молча к выходу.

Время близилось к полудню. Во дворе было жарко. Два-три командира спешили куда-то, одетые, как того требовало положение воинской части, приведенной в боевую готовность. Миновав КПП, лейтенант Величко пересек дорогу, остановился и начал меня ориентировать.

— Перед нами село Зимно... Там — водяная мельница. Дорога ведет в сторону сельца Млынув [1] и дальше на Устилуг, там — пограничный мост через Западный Буг,— он протянул руку в противоположном направлении.— Видите в городе красные корпуса на возвышении? Это казармы частей восемьдесят седьмой стрелковой дивизии. Запоминайте, при-

---

[1] Здесь и далее населенные пункты даются в том написании, как они значились на картах предвоенного времени.— *Авт.*

годится.— Закончив ознакомление с местностью в пределах видимости до горизонта, он зашагал дальше.

Перед ограждением артиллерийских парков нам встретился заместитель командира 3-й батареи по политчасти политрук Шапир — небольшого роста, вьющиеся с проседью волосы выбивались из-под пилотки. Позади шел его помощник — замполитрук Кинерман. Замполит был гораздо старше командира батареи, ему лет под сорок, Кинерман — молод, он срочной службы.

— Здравствуйте, из училища? — замполит протянул мне руку, приветливо улыбнулся.— Давно вас ждем.— И тут же поправился: — Не лично вас, конечно, некому просто нести службу, не хватает командиров. Только приехали? А вещи? Оставили в городе? Откуда родом?

— Пойдемте, у меня не более сорока минут,— командир батареи двинулся в сторону четырехорудийной 152-мм гаубичной батареи, которая занимала огневые позиции невдалеке.— Лейтенант назначен старшим на батарее. Надо ввести в должность.

— Правильно, нечего откладывать,— согласился замполит,— у вас, кажется, в четырнадцать часов начало тренажа?

— В тринадцать,— командир батареи открыл планшетку.— В шестнадцать — смотр учебной батареи. Начальник штаба дивизиона проверяет комплектование отделений, готовящих младших командиров для 3-й батареи. В восемнадцать...— лейтенант Величко умолк, отвлеченный командой, которую подал на огневых позициях бдительный командир, заметив появление старшего:

— Внимание! Огневые взводы, стой! За орудия... Смирно!.. Равнение направо!..— и с обнаженным клинком двинулся навстречу командиру батареи.— Товарищ лейтенант, огневые взводы вверенной вам третьей батареи занимаются огневой службой. Тема — ведение огня с закрытых позиций. Командир второго огневого взвода — младший лейтенант Гаранин.

— Вольно! — командир батареи распорядился приостановить занятия.

— Внимание...— младший лейтенант Гаранин сделал пол-оборота в сторону орудий,— огневые взводы, перерыв!.. В укрытие!..

Орудийные расчеты — полсотни человек,— топоча сапогами, пробежали мимо и скрылись в зарослях позади фронта батареи. Когда шум затих, командир батареи представил меня младшему лейтенанту Гаранину. Командиру 2-го огневого взвода лет тридцать. Он среднего роста, широк в

плечах, тонок в талии. Тщательно заправлен и затянут ремнями, как и все командиры, которых я видел.

После осмотра буссоли лейтенант Величко заглянул в блокнот с записями, которые полагалось вести Гаранину, руководителю занятий.

— Товарищ младший лейтенант, в дивизионе производится выверка буссолей. Начало в шестнадцать ноль, конец — в восемь утра... Завтра к пятнадцати часам две ваши буссоли и третью — взвода управления — сдать службе артснабжения, воентехнику Хану,— объявил командир батареи.— Заставьте артснабженцев подкрасить треноги, довернуть шурупы на опорах... ремни засалены... пусть моют,— наставлял он Гаранина, направляясь к первому орудию.— Предупредите воентехника: выверка приборов должна закончиться к шести часам. Не позже шести тридцати... буссоли вернуть.

Часы и минуты Величко указал потому, что 3-я батарея без буссолей не могла бы вести огонь с закрытых позиций и в этом смысле утрачивала боеспособность.

— Вы говорили, что Сумское артиллерийское училище готовит командиров дивизионной артиллерии? — лейтенант Величко остановился у орудия.— Семидесятишестимиллиметровые пушки, стодвадцатидвух... гаубицы.

— Да, но только в первых двух дивизионах училища, в 3-м и 4-м — вместо 122-мм на вооружении 152-мм гаубицы.

— Вы знаете материальную часть этого орудия? — он опустил руку на гаубичный щит.— Расскажите принципы устройства и назначение панорамы Герца, прицельных приспособлений. Что вам известно о взрывателях инерционного типа, дистанционных трубках?

Командир батареи проявлял вполне оправданный интерес к знаниям лейтенанта, назначенного управлять его огневыми взводами. Покончив с теоретическими вопросами, он приказал мне занять место вначале командира орудия, затем — наводчика, заряжающего и так в порядке последовательности до девятого номера включительно.

Навыки мои в работе, по-видимому, удовлетворяли командира батареи. Лейтенант Величко отстегнул клинок, снял противогаз, планшетку и приступил к практике. Подняв с ящика 46-килограммовый осколочно-фугасный снаряд, он с силой бросал его мне, десять, двадцать, тридцать раз, и тут же, через мгновение — гильзу с зарядом. Я принимал снаряд, опускал на лоток перед казенником и следом — гильзу. Гаранин нажимал рукоятку затвора и доводил его до закрывания, имитировался полный цикл заряжания гаубицы.

Наконец лейтенант Величко разогнул спину, выпрямился.

— Товарищ командир батареи, вам впору состязаться со всем орудийным расчетом,— проговорил восхищенно замполит, подавая командиру батареи кусок ветоши,— чистая работа.

— На том и стоим, комиссар,— ответил серьезно Величко. Он тщательно вытер ветошью руки, принял клинок, оправил снаряжение.— В нашем деле предпочтение всегда отдается действию... Как говорится, лучше раз увидеть, чем десять услышать,— и приказал Гаранину строить огневые взводы.

Вступление в должность

Лейтенант Величко объявил перед строем огневых взводов:

— На должность старшего на батарее назначен окончивший в текущем месяце курс двухлетней подготовки в Сумском артиллерийском училище лейтенант...— командир батареи назвал мою фамилию,— девятнадцати лет... Я уверен, командиры орудий, остальной личный состав огневых взводов встретят старшего на батарее, как заведено у нас, артиллеристов, с радушием и готовностью повиноваться. Младшему лейтенанту Гаранину с сегодняшнего дня возвратиться к исполнению своих прямых обязанностей,— и, повернувшись ко мне, закончил:

— Товарищ лейтенант, приступайте к делу!

Я проводил командира батареи за пределы огневых позиций и вернулся к буссоли уже в качестве должностного лица. Вместе с Величко ушел и замполит.

Младший лейтенант Гаранин объявил личному составу перерыв в занятиях. Нам следовало познакомиться. Давно ли младший лейтенант несет службу? На каких должностях?

Гаранин у буссоли смотрит сосредоточенно перед собой.

— Призван в тридцатом году... начинал службу четвертым номером орудийной прислуги 152-миллиметровой пушки Шнейдер-Крезо. Затем полковая школа... шесть лет сверхсрочной.

Гаранин сам изъявил желание носить командирский мундир?

— Как вам сказать... Поначалу не собирался... дисциплина отпугивала... А потом, как говорят, «свыкнется, слюбится». Военный человек выше гражданского... целеустремленностью, любовью к порядку...— он рубит сплеча, без хитро-

стей и обиняков.— «То имеешь, что умеешь»,— для вящей правды по-польски произнес Гаранин и продолжал: — Окончил курсы ускоренной подготовки командного состава артиллерии... участвовал в боях в Финляндии.

После заключения мира многие артиллерийские части реорганизовались. Гаранин получил назначение в 191-й легкий артиллерийский полк, откуда был направлен в 92-й ОАД, который тогда начинал формирование. Принимал личный состав, орудия, лошадей и прочее.

— Первым в третью батарею пришел лейтенант Величко, за ним... я... но недолго мы были вдвоем... В середине мая явился командир взвода управления младший лейтенант Поздняков.

Когда 3-я батарея начала свое существование? [1]

— Два месяца назад. К боевой подготовке мы приступили с конца апреля, нет, с начала мая... Десять суток со станции возили снаряды... Вот то здание загружено от подвала до чердака,— Гаранин указал в сторону водяной мельницы.— Наш дивизион может вести огонь двое суток... и не оглядываться на артснабженцев.

В каком состоянии огневые взводы?

— Орудия перед вами... там... тягачи...— Гаранин считал, что личный состав — младшие командиры, орудийные номера, химики, артмастера — в целом справляется со своими обязанностями, но подготовка водителей на тягачах еще не закончена.

Когда я представлялся, командир батареи говорил об указаниях командующего артиллерией Красной Армии по боевой подготовке. Как выполняются они на практике?

— Стрельба прямой наводкой по танкам? Гм... сложное дело. Орудийные номера все на огневых позициях до последнего человека, теорию усвоили,— улыбнулся Гаранин,— но... нужна дисциплина и еще кое-что. На политзанятиях все сознательные, а у орудий? Словами не сделаешь... поворочай гаубицу, цель-то движется, только успевай за нею. Силенок у человека маловато... гоняю-гоняю огневиков в течение недели по десять часов в сутки... полгода нужно, если не больше.

Чем вызваны требования командующего артиллерией? Изменениями в тактике войск или положением здесь, на границе?

— Не берусь судить... должно, и тем и другим. Сосредо-

---

[1] В настоящем издании сохраняются особенности авторской пунктуации.— *Ред.*

точение немецких войск по ту сторону Западного Буга продолжается... вы слышали?

— Да, говорят... в поезде, среди толпы в городе. Я спросил об этом командира батареи, но он не стал отвечать.

— Гарнизон монастыря Зимно — два дивизиона, девяносто второй и восемьдесят пятый — уже вторую неделю после объявления тревоги находится в состоянии боевой готовности.

— А другие части?

— Не знаю, как во Владимире-Волынском. Уровские батальоны, как и мы, на казарменном положении.

Младший лейтенант здесь с начала года. Что он думает о войне?

— Талдычат все тут...— помолчав, Гаранин обвел взглядом безлюдную позицию, гаубицы с поднятыми стволами, задержался на здании водяной мельницы.— Пахнет порохом... Когда гром грянет?.. Трудно сказать...

Я не чувствовал «пороха». Но стоит ли возражать сослуживцу, который с первого дня существования дивизиона нес службу на расстоянии орудийного выстрела от границы?

— За пределы района расквартирования,— младший лейтенант продолжал, его не интересовало мое мнение,— отлучки запрещены. Да вот, у каждого своя забота... Тот хотел бы на́ танцы, другой — наведаться в город, к семье... Жизнь, она у каждого своя.

Младший лейтенант отошел в сторону и принялся оправлять гимнастерку. Под ремнями снаряжения широкими полосами темнела непросохшая от пота ткань.

В моем курсантском блокноте содержались разнообразные сведения и рекомендации: правила ввода поправок на склонение магнитной стрелки и сближение меридианов, расшифровка бюллетеня АМП [1], выписки из таблиц стрельбы, номенклатура топографических карт [2]. Упоминался там и порядок принятия должности. Непосредственным начальникам я доложил о своем прибытии, состоялось представление личному составу, знакомство с командиром 2-го огневого взвода. Нужно продолжать дальше.

Гаранин вызвал командиров орудий «по местам». Часть людей из укрытий выдвинулась и стала наблюдать, что происходит. Гаранин вернул их всех обратно.

Командиры орудий, как требовал уставный порядок, заняли свои места. Первым представлялся старший сержант

[1] АМП — артиллерийский метеорологический пост.— *Авт.*

[2] Специальное обозначение листов топографических карт, принятое в военной топографии.— *Авт.*

Проценко — крепкий рослый парень, блондин с правильными чертами лица, будто сошедший с плаката.

— Третий год службы. На должности полтора месяца,— отвечал старший сержант.— Орудие со складов Наркомата обороны... произвело сорок восемь выстрелов, потери начальной скорости не имеет.— Командир орудия сообщал данные, содержащиеся в орудийном формуляре.

Следовало проверить практические знания командира орудия. Гаранин передавал мои команды, Проценко действовал с быстротой и сноровкой опытного артиллериста, сознающего мощь вверенного ему орудия.

Замечания расчет имеет? Какие?

— Так точно. Первый номер допускал ошибки при установке отсчетов на панораме,— старший сержант едва заметно повел глазами в сторону Гаранина.— Третий номер...

Не менее внушительно выглядел и командир 2-го орудия сержант Дорошенко. Выше среднего роста, плечист, крепок, рыжие волосы под пилоткой взмокли от пота. Круглое лицо усеяли яркие веснушки. По своей личной подготовке, кажется, он не уступит Проценко.

152-мм гаубицы — тяжелые, с низким силуэтом орудия — стояли уступом на расстоянии пятидесяти шагов одно от другого. Слева от лафета — орудийный передок, рядом — ящики со снарядами, чехлы. Справа — шанцевый инструмент, досыльник, вехи — небольшие шесты, окрашенные в два цвета — белый и черный, которыми пользуются в особых случаях для наведения орудия.

Я подошел к 2-му огневому взводу. Уровень подготовки командиров орудий, а также воинский порядок на позиции ничем не отличались от того, что я видел в 1-м огневом взводе. Это было естественно — младшие командиры обучались в полковой школе по одной программе.

Занятия продолжались.

— Внимание... огневые взводы, отбой!.. Тягачи на батарею! — подал Гаранин сигнал флажками.

Расчеты бросились приводить орудия в походное положение. Из укрытий развернутым фронтом шли в тучах пыли тягачи.

Отделение тяги вопреки моему ожиданию довольно дружно перестроилось один раз, другой. Тягачи, оказывается, действовали точно так же, как конные упряжки. Соблюдаются те же интервалы и дистанции. Маневрирование закончилось, когда тягачи задним ходом вышли на уровень орудийных передков.

— Стой! — подал команду Гаранин.— За орудия... водители, глуши моторы... слезай!

К буссоли явился командир отделения тяги сержант Белый. Он и впрямь белый — светлые брови, ресницы, волосы.

— Машины новые, закончена обкатка... В отделении тяги десять водителей, подготовлены удовлетворительно... Налицо шесть, четыре на конюшне. Замечаний в последний день не имею,— бойко отвечал Белый.

— Внимание всем! — отрывистым движением флажков младший лейтенант красиво вычертил в воздухе сигнал.— Справа, поорудийно... за мной... марш!

Орудия одно за другим вытянулись в колонну. В руках Гаранина снова мелькали флажки: «Огневые взводы... развернутым фронтом... стройся влево... марш!» И затем: «Стой! К бою! Тягачи в укрытия!».

Орудийные номера на ходу спешивались, снимали с крюков тяжелые гаубичные лафеты. Сброшены через борт ящики со снарядами. Орудия приведены в положение «к бою». Командиры сначала один, потом два других и, наконец, последний подняли сигнал о готовности к открытию огня.

— Пехота с тыла! По пехоте... Осколочно-фугасной гранатой... взрыватель РГМ осколочный,— Гаранин указал угломер, уровень, прицел. Командиры орудий в части, которая касалась каждого отдельно, повторяли команды. Орудия разворачиваются все вдруг, и массивные их стволы принимают горизонтальное положение.

— Огонь!

Проходят мгновения.

— Стой! Танки справа... Первому огневому взводу... по головной группе... второму... по группе слева... бетонобойным...

Командиры орудий доложили о готовности, младший лейтенант объявляет новую вводную: «Танки слева!»

Сектор стрельбы открыт только у четвертого орудия. Остальные стоят к нему в затылок. Необходимо перестроить фронт огневых взводов. Команды поданы, и орудия снова готовы к ведению огня.

Меня захватило зрелище, происходившее на огневых позициях. Командиры орудий уверенно управляли людьми. Ни суеты, ни разговоров. Орудийные номера старательно и умело делали свое дело. Правда, перестраивать фронт батареи следовало быстрее. Танки — цель движущаяся.

Гаранин по моей просьбе повторил последние вводные. Люди работают с полным напряжением сил. Да, 76-мм

пушки — я привык в училище к этому — легче и маневренней на позиции, чем слоноподобные 152-мм гаубицы.

— Внимание... стой! Огневые вводные... отбой! — объявил Гаранин, соблюдая паузы, необходимые для выполнения команд.— Тягачи... на позицию... командир первого орудия... ко мне!

Занятия окончены. Старший сержант Проценко — помощник командира первого огневого взвода — по уставу считается старшим среди командиров орудий, он ведет колонну в парк. После этого личный состав огневых взводов отправляется на обед.

— Пойдемте в обход,— младший лейтенант Гаранин направился в сторону мельницы.— Они тут подымут такую пыль — не продохнуть.

Гул моторов удалялся. Гаранин молча глядел вслед колонне.

— Стопятидесятидвухмиллиметровую гаубицу тащили четыре уноса [1], зарядные ящики — по два уноса,— нарушил он молчание,— длина батарейной колонны четыреста метров. На механической тяге — в пять-семь раз короче. Уход за тягачами требует меньше усилий.

Младший лейтенант перечислял преимущества механической тяги: высокая проходимость, маневренность, компактность. А жаворонки не внимали разговору, пели в небе свою бесконечную песню. Легкий ветер волновал рожь. Стрекотали на все лады кузнечики.

Дорога — заброшенная колея во ржи — успела зарасти травой. Она вела к забору из ошкуренных сосновых кольев, ограждавших территорию артиллерийских парков. Впереди возвышалось некое подобие арки — входные ворота.

Люди огневых взводов ставили орудия. Явился с докладом старший. Гаранин, окинув взглядом линию равнения, сделал знак сержанту. Тот вернулся к своему месту.

— А с другой стороны батарейная колонна на механической тяге напоминает страуса,— Гаранин по пунктам разбирал плюсы и минусы,— бегает быстро... укрылась в овраге... а след гусениц — вот он, видно с воздуха, с земли как на ладони. Еще немало работы,— знакомя меня с расположением парка, говорил младший лейтенант,— гусеницы расковыряли совсем грунт, нужно горизонтировать, белить, сделать таблички...

Я решил заняться наружным осмотром тягачей. Да, но-

---

[1] Унос — пара лошадей в артиллерийской упряжке. Первый унос, второй, третий, четвертый и т. д., в зависимости от веса орудия.— *Авт.*

визну свою СТЗ-НАТИ-5 еще не потеряли. Зеленая краска будто только что высохла.

— Я умею водить... Факир поневоле,— сказал Гаранин.— Хотите посмотреть? — Он поднял флажки. Но, поскольку ни он, ни я не принимали участие в том, чем занимаются огневые взводы, сигнал остался незамеченным.

— Внимание!.. Командира отделения тяги... ко мне! — продублировал Гаранин команду голосом.

Подбежал сержант Белый, открыл дверцу. Младший лейтенант занял место водителя, я — командира. Тягач тронулся рывком и начал лавировать между кольями, натыканными в беспорядке за ограждением парка, описывая повороты один за другим.

СТЗ-НАТИ-5 — специальный тягач, предназначенный для буксирования артиллерийских орудий, развивал скорость в два-три раза выше тракторов, которые тогда широко использовались в артиллерии на механической тяге. У этого гусеница на траках значительно эластичней, кабина удобно вынесена вперед. К тому же он имел вместительный кузов под тентом.

В кабине тягача — запах перегретого топлива, тесно и жарко. Слева от сидения, под капотом,— двигатель, спереди выступал резервуар радиатора, лобовое стекло, справа — дверца. Стекло опущено в нижнее положение, клубы пыли проникают в кабину.

Гудел монотонно двигатель. Слышен снаружи стук, мягко повизгивали траки. Гаранин освоился и управлялся с рычагами на поворотах так же легко, как и на прямой.

Пятиминутный показ закончен. Тягач проследовал обратным путем под арку и остановился в месте старта. Двигатель заглушен. Гаранин оттолкнул со стуком дверцу. Я сказал, что он вполне справляется с обязанностью водителя.

— Может быть,— Гаранин спрыгнул на землю,— не лежит душа... Ну что это? Ящик железный... не ящик... бабья подушка... духота, вонь...

На командирском сидении СТЗ-НАТИ-5 я, правда, не нашел удобств, о которых любили распространяться техники. Места было достаточно, но я не мог избавиться от ощущения ограниченности, тесноты. Ощущение, как у боксера, загнанного в угол. Где-то подтекало топливо, слышен еще запах перегретого пара.

И все же Гаранин сгущал краски. Его можно понять — многие командиры, свыкшиеся на службе с лошадью, предвзято судят о моторах. Об этом не однажды я слышал еще в училище.

Проценко увел людей на обед. Отправился следом и водитель запасного тягача. Гаранин, едва миновав арку, снова завел речь о тягачах. Его волнует уязвимость. Близкий разрыв снаряда, по его мнению, мог привести тягач в негодность. Конная тяга обладала большей живучестью. Даже один унос из четырех в состоянии тащить гаубицу.

— А снабжение топливом? Нефтебазы в тылу за пятьдесят — сто километров... Пути подвоза прерваны, как было в прошлом году во Франции,— все... конец...— рассуждал Гаранин.— Пустые баки не наполнишь за счет подножных кормов и конфискации овса у местного населения.

Мой конь

С монастырского двора доносятся звуки горна — сигнал к обеду. Гаранин взглянул на часы.

— С питанием у вас как? Не устроились? Мы пользуемся гостеприимством жителей села Зимно. Здесь рядом,— он протянул руку,— хотите с нами? Конь у вас есть? Для лошади старшего на батарее лейтенант Величко отдал приказание подготовить амуницию. Предоставляется выбор... три верховые лошади... пойдемте на коновязь.

Перед воротами КПП Гаранин повернул вдоль ограды. За углом — полевая, наспех поставленная коновязь. Грибок для лиц, несущих службу наряда, дальше — копна свежего сена, несколько двуколок под навесом. На коновязи десятка четыре лошадей.

Гаранин позвал дневального. Наряду уже известно о приказании командира батареи. Дневальный шел со мной, останавливаясь возле каждого стойла, называл кличку лошади. Пятый от края стоял под седлом красавец жеребец темно-гнедой масти, поджарый, тонконогий даже для строевой лошади.

Дневальный отвязал чембур и принялся сдавать коня назад.

— Ну, ну, не балуй, Перик... не балуй,— боязливо приговаривал он,— ступи еще, Перик... еще,— и, управившись, взял коня под уздцы, представил:

— Конь строевой, по кличке Перик.

Когда я принял поводья, дневальный вздохнул с облегчением.

— Ничего конек, только... злой бывает...

Я повернул коня направо, налево, осмотрел ковку, исправность оголовья, седло. Перик... лошадям клички даются

звучные, знаменитые, легко произносимые, выражающие иногда и стать лошади. А этот Перик... слово не русское, без смысла.

Перик двигался беспокойно, похрапывал, когда я стал подтягивать подпруги, ударил копытом раз, другой, пыль поднялась.

— Ну, ну... не дури, Перик,— увещевал со стороны дневальный,— иди послушно... Перик... Товарищ лейтенант, поводья вы знаете? Верхний... удила, нижний трензельный.

— Перик, Перик,— оборвал дневального Гаранин,— сколько раз вам говорить? Пе-ри-кл... повторите: Пе-ри-кл.

Значит, кличка моего коня не составляла исключения. Перикл — афинский демагог и правитель, живший за несколько веков до нашей эры. Хотя темно-гнедой тезка знаменитого эллина был по-лошадиному простоват, но, как выяснилось, выказывал к существующим установлениям ничуть не меньшее пренебрежение.

Полагалось вначале коня водить в поводу, но Гаранин следил за мной и, кажется, не собирался ждать. Подобрав поводья, он захватил обе луки и, легко оттолкнувшись, по-жокейски вскочил в седло. Пришлось мне садиться и на ходу заканчивать подгонку стремян.

За поворотом я увидел еще одного всадника.

— Младший лейтенант Поздняков — наш командир взвода управления,— попустив поводья, представил Гаранин.

— Когда же завершится комплектование штатов в огневых взводах третьей батареи? Дотянем мы до того дня? — после рукопожатий спросил Поздняков и засмеялся.— Кого еще там недостает? Командира первого огневого взвода [1]... так? Или второго?

— От меня это не зависит,— отвечал Гаранин.

— Не упустите шанс, Гаранин,— настаивал Поздняков.

— Начальству видней.

Меня занимал Перикл. То норовит уйти, то поворачивается боком. Гаранин и Поздняков загадочно посмеивались, как двое, которым известно то, чего не знал третий.

— Ну, ну...— командир взвода управления уже не шутил,— дела-то вон какие,— и ко мне: — Товарищ лейтенант, война ведь не за горами... Первый удар для нас уготовлен, в солнечное сплетение... запрещенный правилами...

Перикл вздрогнул подо мной, без видимых причин поднялся на дыбы и в ответ на поводья рванул с диким ржани-

---

[1] Командир 1-го огневого взвода считается старшим среди командиров взводов в батарее. По обычаю, принятому в артиллерии, его должность не должна оставаться вакантной.— *Авт.*

ем. Удила он закусил намертво и несся во весь опор в сторону видневшегося вдали леса. Ну, нет, раз лошадь не подчинялась всаднику, тот вправе ввести в действие трензель и силою поводьев разомкнуть ей челюсти.

Боль, причиненная трензелем, привела жеребца в бешенство. По-бычьи наклонив голову, он вздрогнул всем корпусом и внезапно завалился на передние ноги.

— Бросай стремя...— вскричали Гаранин и Поздняков в один голос.

* * *

Курсанты, проходившие в мое время службу в 1-м дивизионе Сумского артиллерийского училища, несомненно, помнят строевую лошадь по кличке Дикарь. Время от времени он делался по-настоящему диким. Хватит зубами полу длинной курсантской шинели, иногда и колено зазевавшегося всадника и стоит как ни в чем ни бывало. Много знал Дикарь хитрых и почти по-человечьи коварных уловок. На утреннюю чистку дневальные выводили его на двух недоуздках, и не всякий раз удачно.

Под стеной наших конюшен — коновязь — ряд бетонных кормушек с кольцом для привязи. Вес каждой — около ста пятидесяти килограммов. Бывало, Дикарь сорвет кормушку и мчится галопом к домам начсостава. Женщины визжат, дети бросаются в подъезд. К Дикарю не подступиться. Кормушка на чембуре раскачивалась и могла зашибить насмерть.

Только один человек управлялся с Дикарем — сержант сверхсрочной службы Луценко, ведавший фуражным складом и каптеркой — помещением, где хранилась амуниция. На нем списанное курсантское обмундирование, тщательно отремонтированное, сапоги со шпорами. Опрятный, чисто одетый, затянутый ремнем сержант выглядел безупречно, как полагалось младшему командиру, держался всегда тактично и среди курсантов слыл бывалым парнем и знатоком жизни. Все свое время начальник склада — он же фуражир — проводил на конюшне либо рядом, в кузнице. Никто не мог сказать, когда он занимался личными делами — ежедневно являлся к подъему лошадей, в пять тридцать, и уходил после отбоя.

Всякий раз, когда сержант Луценко переступал порог конюшни, Дикарь настораживался, уши — торчком, будто слушал звон сержантских шпор. Окликнув жеребца, сверхсрочник заходил в стойло, иногда подбросит в кормушку полсовка овса.

Обыкновенно Дикарь шалил по утрам. Сержант, если бывал поблизости, без особого труда умел усмирить коня и спокойно направлял, куда следовало. Но когда Дикарь срывался, то на свободе он уже не признавал никого.

Нередко из-за Дикаря задерживалась утренняя чистка. Нарушение распорядка дня приравнивалось к серьезным происшествиям и долго потом служило предметом для толков. Тем не менее курсанты неохотно прибегали к услугам сверхсрочника, полагая, что это ущемляет их воинские чувства.

Ветеринары училища неоднократно ставили вопрос о списании Дикаря. Но должностные лица штаба артиллерии Киевского особого военного округа, ведающие учетом службы конского состава, медлили. Дикарь — конь крепкий, а исправлять экстерьер — дело командиров. В общем Дикарь оставался в строю и приносил много хлопот курсанту, за которым был закреплен, лицам наряда и всем, кто имел хоть какое-то отношение к коням.

Однажды в погожий осенний день утром 1-й батарее была объявлена тревога. Лейтенант Патаман — командир нашего взвода,— будучи человеком истинно военным, умел предугадать намерения старших и, не ожидая очередных сигналов, отправил двух курсантов — Александра Матюху и меня — на конюшню, пока не подошли другие взводы, для получения попон, брезентовых ведер и всего прочего, что обыкновенно укладывается в саквы.

Матюха стал ждать перед закрытой каптеркой, а я занялся поисками сержанта Луценко и нашел его на конюшне 3-й батареи. В это время два курсанта-дневальных выводили Дикаря. Луценко наблюдал из дальнего конца конюшни. Дикарь брыкался, дневальный, тот, что был на моей стороне, не удержал чембур. Конь, привстав на дыбы, лягнул копытом другого дневального и поволок, срываясь на рысь. Луценко, заложив пальцы за ремень, не шевелился, я заметил на его лице улыбку. Дикарь, раздувая ноздри, надвигался, никого рядом не было. Если упустить, сверхсрочник имел бы повод обвинять меня, курсанта, в трусости. Что было делать? Дикаря удержать уже нельзя. Подхватив оброненный чембур, я вскочил на коня.

Из конюшни ход вел в тамбур — обширное помещение с высоким потолком, служившее зимой сенником. Изогнувшись, Дикарь ринулся в дверь, и я едва успел пригнуть голову, чтобы не удариться о дверной косяк.

Остались слева кузница, магазин военторга, швейные мастерские. Высекая искры на мостовой, конь шел карье-

ром. Под липами перед КПП повернул к жилым корпусам начсостава.

Тщетно я старался придать скачке хоть какое-то направление. Не меняя аллюра, конь несся к главному зданию. А навстречу — строй. 1-я батарея повзводно спешила на конюшни. Навьюченные оружием и приборами, мои товарищи изумленно поворачивали головы.

Может быть, под действием чембура, который я тянул что было сил, занятый только тем, чтобы удержаться, или по своей воле, но Дикарь сделал поворот. Я очутился на строевом плацу. В разных концах его две-три батареи занимались строевой подготовкой — близился ноябрьский парад.

На территории училища тогда не было такой концентрации зданий, всех нелепейших заборов и перегородок, куриных домиков, именуемых важно караульными городками. Вдоль ограды стояло несколько домов начсостава, и все пространство до КПП занимал строевой плац — по тем временам совершенно необходимый в боевой подготовке.

Дикарь проскакал мимо колонн главного корпуса, которые среди курсантов почему-то считались чуть ли не священными, и по тротуару бешеным галопом пошел к вещевым складам. Здесь стоял построенный еще сахарозаводчиком Терещенко участок стены из полированного камня, ограждавший территорию в те времена, когда училище было кадетским корпусом. Предпринятая перед угловой башней попытка унять бег подняла коня на дыбы, потом он повалился наземь, катался с боку на бок, всхрапывал и ржал. Чембуры — один оборвался под кованым копытом Дикаря, другой выскользнул из моих рук. Вцепившись в гриву, я вскакивал на коня всякий раз раньше, чем он срывался в бег. Упустить Дикаря на виду трехсот курсантов — нет, это было бы величайшим позором для меня, моих товарищей, 13-го классного отделения и всех, кто был свидетелем этой дикой скачки. Дикарь носил меня по территории от «стены Терещенко», как называли это место курсанты, к зданию котельной, к вещевому складу и к домам начсостава. Не знаю, как мне удалось поймать оброненный чембур. Снова перед глазами конюшни. Наша батарея седлала коней.

Под стеной кузницы стояли два вяза. Кто-то из курсантов, чтобы перекрыть путь, выкатил телефонную двуколку, наполовину загруженную. Дикарь махнул через оглобли и мимо коновязи, в тыльные ворота за конюшней, на тот раз открытые, и пошел по спуску к зарослям на берег Псла.

Управлять неподседланной лошадью в недоуздке, имея только один чембур,— занятие почти безнадежное. Я старал-

ся только удержаться и не расшибить о дерево голову или колено.

Почуяв воду, разгоряченный конь помчался берегом, и тут обнаружилось, что Дикарь начал реагировать на уклон моего корпуса. Я подобрал обрывок второго чембура и, не дав коню ни единого глотка воды, пришпорил, стал гонять его по отмели в песке на бывшем пляже. Взмыленный Дикарь стал выдыхаться.

В половине двенадцатого я направил коня к забору и потребовал отворить уже закрытые ворота. С изумлением оглядывали меня дневальные: пуговицы на штрипках оборваны, штанины выше колен, шпоры в крови.

Но Дикарь, как ни жаль было коня, получил воду только после того, как проследовал — уже смиренным шагом — мимо кузницы. Луценко и его закадычные друзья — ковочные кузнецы,— стоя перед распахнутой дверью, проводили Дикаря молчаливыми взглядами. На плацу осталась только одна батарея, но я счел это достаточным для удовлетворения и повернул на коновязь.

Капитан Руссов

В училище умение владеть конем считалось одним из важнейших показателей успеваемости курсанта. Конная подготовка — предмет практический, и мы много времени проводили в седле.

Посреди манежа — капитан Руссов — начальник цикла конной подготовки. В руке хлыст — ременная плеть длиной метров шесть-семь. Взвод курсантов — смена, тридцать всадников,— по одному описывает круги ровной рысью.

Капитан Руссов — кавалерист до мозга костей. Он управляет лошадью так же, как иные — собственными конечностями, и животное повинуется малейшему движению корпуса, поводьев, шенкелей. На рубке шашка капитана — именная — командный состав вооружен стандартным клинком,— блеснет над головой, словно молния, и срубленная лоза, сохраняя вертикаль, втыкается в землю рядом со стойкой.

Даже в среде командиров, людей военных по призванию, не часто встречаются лица, наделенные талантом подавать команды. Голос капитана, восторженно-звенящий, нес в себе какой-то заряд бодрости, захватывал разум и чувства одновременно. Что это? Врожденная черта натуры? Плод длительных тренировок? Капитан умел строить интонации,

разносил паузы, подчиняя всецело сознание всадника велению команды.

Капитан Руссов — во всех отношениях личность необыкновенная. Высок ростом, гибок, всегда в новой, безукоризненно пригнанной и в то же время свободной одежде, надушен, неизменно молчалив и угрюм. Под густыми белесыми, вразлет бровями серые, пронзительно светлые глаза, наполненные каким-то непонятно тяжелым смыслом.

Конь, по мнению капитана, одно из немногих, может быть, единственное животное, требующее всяческого внимания, даже участия. Необходимо жалеть его. И капитан Руссов жалел, но не сюсюканием расслабленного многоречием говоруна. Нет, жалость начальника цикла конной подготовки была бессловесной, он молчал от спокойствия человека, который стоял выше эмоций. Неторопливо капитан переводил взгляд на курсанта, замеченного в небрежном обращении с лошадью, и глядел мимо невидящим взглядом, не говоря ни слова, и худо было виновному. Сам он казнил себя, терзаемый стыдом за слабость и лень, ведь он — всадник, а конь — безответное животное.

И никаких выговоров и взысканий. Нельзя уравнять недозволенный совестью бездушный поступок и дисциплину, когда речь идет о человеке и животном. Капитан никогда не пользовался правами начальника, он поступал как арбитр, поставленный блюсти законы природы.

В объяснения капитан не вдавался. Ни при посещении конюшен, ни перед строем смены, ни на инспекторской выводке. В манеже лексикон его содержал не более десяти — пятнадцати слов. Капитан пристально следил за поведением лошади, изредка подымал глаза на всадника, но не выше его плеч. Фамилий курсантов не знал и обращался по кличке лошади: «Эй... на Птице... корпус» или «...на Едигере... клинок...» Значит, по команде «Шашки под-высь!» всадник заваливает клинок либо держит эфес выше или ниже подбородка, а тому, кто на Птице, необходимо выпрямиться в седле, прогнуть позвоночник, возможно, развернуть плечи.

Манеж — это огромное здание с потолком, высотой двадцать метров и пролетами в пятьдесят метров. На уровне шести-семи метров — ложи зрителей в несколько ярусов. Пол устлан толстым слоем опилок. Того, кто показывал успехи, капитан Руссов призывает к себе в центр манежа, чтобы курсант убедился, насколько он превосходит остальных в смене, которая идет манежным галопом по кругу.

Раз или два и меня заметил начальник цикла конной подготовки. Кажется, на препятствиях в открытом манеже

и на вольтижировке. Я упоминаю эту деталь затем, чтобы отметить еще одну необыкновенную черту личности капитана Руссова. Призывая, он никогда не прибегал к жестам или словам. Обычно всадник каким-то непостижимым образом ощущал волю руководителя, тем же аллюром оставлял строй и становился, не спешиваясь, рядом с капитаном.

Так же, как успехи отдельных лиц, капитан умел ценить достижения и коллективные. В дни батарейных занятий[1] по конной подготовке в центре манежа иногда выстраивалась вся смена, чаще других — так называемый томский взвод.

В предвоенное время существовал в артиллерийских училищах обычай обмениваться курсантскими взводами. Эти «экспедиционные» взводы комплектовались на подбор самыми способными, рослыми и красивыми курсантами. Сумское артиллерийское училище посылало свой взвод в Томское артиллерийское училище и принимало у себя томский взвод. Будущие командиры обучались по общей программе и поддерживали тесные связи со своими училищами. Мы носили на петлицах буквы САУ, томские курсанты — ТАУ. Понятно, с какой ревностью относились они к своему воинскому престижу, несшие службу вдали от своей альма-матер.

Томский взвод не признавал никаких преград. В конной, физической, стрелковой подготовке, во всех видах спорта для томских курсантов, казалось, нет ничего невозможного. Прыжки в длину они выполняли, используя свои строевые лошади: три-четыре — голова к хвосту — и все тридцать курсантов один за другим шли с дистанцией в полшага.

Помимо городских прогулок в конном строю — мероприятия, в основном преследовавшего цель развлечения городской публики,— два раза в месяц в училище проводились показательные уроки верховой езды и вольтижировки. В этот день все, кто имел доступ, а также многочисленные городские гости спешили в манеж. И если томский взвод, неизменно участвовавший во всех состязаниях, делил второе место с сумским, никто из зрителей не замечал этого. В конце зрелища, когда в ворота вступали в строю по три всадника с трафаретами ТАУ на петлицах — над головой

[1] На взводных занятиях во главе смены шел командир взвода, на батарейных — командир батареи. Помимо этого строевой конный состав подразделений ежедневно привлекался к занятиям конной подготовкой по специальной программе.— *Авт.*

правофлангового трепетала треугольная ткань взводного штандарта,— зрители всякий раз неизменно награждали томский взвод самыми восторженными аплодисментами.

Начальник цикла конной подготовки пользовался среди преподавателей особыми правами. Только капитан Руссов позволял себе иногда нарушать установленный порядок: задерживал в манеже смену-взвод. Расписание занятий сдвигалось тогда за счет других дисциплин. Если это происходило с кем-то другим, виновник получал взыскание.

...Как-то наш 1-й дивизион возвращался в пешем строю с полевых учений. Стояла поздняя осень. Часов за восемь перед тем, как был объявлен отбой, начался дождь.

До училища километров двадцать. Батареи шли повзводно на положенной дистанции. Перед строем — шеренга командиров взводов, в голове — командир батареи старший лейтенант Кулаков. Командир дивизиона был вызван кем-то, и колонну подразделений дивизиона вел капитан Руссов, принимавший участие в учениях как старший посредник.

Горизонт скрылся в туманной дымке. Нудный, холодный дождь не переставал. Дорога размокла. Под ногами плескалась грязь. Движение продолжается час, другой, третий. Вдали уже были видны контуры городских строений.

Не оглядываясь, командир батареи крикнул: «Песню!» Строй идет молча. Нужно начинать, иначе последует команда: «Стой!» И тогда придется месить на месте грязь двадцать, тридцать минут — правило, от которого старший лейтенант Кулаков не отступал ни разу.

Продрогший фальцет начал «Катюшу». Его поддержало несколько голосов. Запевала стал кашлять, поперхнулся еще кто-то. Песня оборвалась. Причин ослушания командир батареи не признавал никаких. Запевала начал снова:

Бьют копыта о землю сырую,
И чуть слышно звенят трензеля...

Был спет куплет, второй. Голоса слабели. Разве в таком состоянии до песен? Шинель промокла. Режут плечи ранец и драгунская винтовка, ноги едва передвигаются.

Старший лейтенант Кулаков хранил молчание. 1-я батарея хорошо знала, чем это кончится. Задняя шеренга запела снова:

Кто привык за свободу бороться,
С нами вместе пускай запоет,
Кто весел, тот смеется,

Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

Припев дружно подхватили все:

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля...

В сером непромокаемом плаще с шашкой капитан Руссов невозмутимо шагал километр за километром. Командир батареи, обнажив клинок, опустил на плечо. Это — команда. Шеренга взводных командиров перешла на строевой шаг, а за ней и вся батарея, немилосердно разбрызгивая лужи. Позабыв холод и усталость, четыре взвода — сто с лишним курсантов — горланили во всю силу: «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

Когда под ногами уже стучала мостовая и колонна во всю длину вытянулась на городскую улицу, выдержка изменила старшему посреднику 1-го дивизиона. Бывший сотник Забайкальского казачьего войска капитан Руссов оглянулся, и по его суровому лицу скользнула улыбка.

Быт

Гаранин и Поздняков ничего не знали ни о томском взводе, ни о капитане Руссове, и меня нисколько не удивлял испуг, охвативший обоих младших лейтенантов.

Конечно, только что вышедший из стен училища лейтенант не укротитель, но совладать с лошадью под седлом, даже когда она необъезжена, вполне в его силах.

Периклу не удалось сбросить всадника. Сейчас он завалится на бок, но шпоры впивались в ребра, и взбешенный жеребец снова вставал на дыбы, бросался из стороны в сторону.

Изрядно поопримяв рожь, Перикл, храпящий, весь в мыле, в конце концов вернулся на дорогу.

— Поносил же он вас... разве дневальный не остерег? — встретил меня Поздняков и продолжал, как будто оправдываясь: — Вздорный конь, но красив, шельма... Приглянулся мне, когда пригнали из Желкува*... Кавалеристы сплавили. А будто без изъяна, жаль, прибрать жеребца к рукам некому.

Как? А они, командиры взводов, на казарменном положении, заботы их не отвлекают?..

---

* Ныне г. Нестеров Львовской обл.— *Ред.*

— Конечно... да где выездкой заняться? Манежа нет. На дороге? Гляди, ржи положили сколько. Этак скотина Перикл за неделю пустит все село по миру.

А на лугу? Простор и помех никаких.

— Что вы, там места болотистые, не разгонишься... коня искалечить недолго.

Раньше-то, неделю, месяц назад, они где занимались?

— Там,— Гаранин указал в сторону границы,— в районах основных огневых позиций.

— Кончилось приволье... С этой боевой готовностью как на привязи.— Поздняков повернулся в седле.— За пределы видимости... ни-ни...— Командир взвода управления подтянут, аккуратен. Выразительное, в меру удлиненное лицо, густые светлые волосы гладко причесаны. Ему несколько больше тридцати. Посадка не хуже, чем у Гаранина.— Только и развлечение, что поездка на обед. И еще наши немецкие «друзья». Да, вот еще поляки из-за Буга являются навестить родичей... странно...— продолжал Поздняков.— Согласитесь, Гаранин, вы знаете, сколько преград... люди нашей пограничной стражи через каждую сотню метров, река, посты немецких караулов. Риск... но им все нипочем. Прежде этих «родственников» отправляли во Владимир-Волынский, теперь они шатаются по селам, сеют смуту: «Герман то, герман сё».

Перикл сделал очередную попытку выйти из строя, на этот раз безуспешно. Ему удалось только вырваться на один корпус вперед.

— Не петушись, Перикл... мы тебя скоро объездим,— привстав в стременах, похлопал жеребца по шее Гаранин.

На виду у крайней хаты Поздняков выдвинулся вперед.

— Товарищ лейтенант, несколько слов к сведению... Хозяек две. В высшей степени хлебосольные женщины. Но бабуся — старая католичка. Строгая, не удивляйтесь. Вот та крыша, во дворе роскошный ясень, видите? — и стал говорить о местной кухне.

Хата стояла на левой стороне. У ворот все спешились. Я ослабил подпруги, после осмотра связал в узел поводья. Перикл вел себя спокойно.

Залаяла собака. На пороге появилась девушка, молодая белокурая полька, протянула кокетливо руку. Поздняков приложился губами, но, кажется, выше, чем полагалось в таких случаях. Девушка погрозила пальцем.

— Обед готов, прошу панов поручиков к столу,— по-русски, с акцентом, проговорила она,— милости просим.

В комнате окна в белых занавесках. Справа за порогом — печь, дальше — кровать, в другом углу — икона, на деревянной подставке прислонилось распятие — серебряный крест с барельефом, подернутый слегка темной окисью. Ближе к окну — стол под скатертью, стулья.

Поздняков, расточавший похвалу в адрес хозяек, нисколько не преувеличивал. Стол уставлен тарелками, блюда с ароматной пищей, плетеная хлебница. Посредине бутылка с этикеткой.

— Желаю панам поручикам аппетита,— окинув взглядом стол, девушка вышла. Дверь закрылась. Гаранин указал острием ножа:

— Хотите чарку? Нет? Мы тоже не охотники. Приступим к обеду... Перикл, негодяй, урвал двадцать минут... опаздывать нельзя.

Обед закончился. Взглянув на часы, Поздняков постучал в дверь, за которой скрылась девушка. Я вышел к коню.

Если бы я задержался еще минуту, обратно шел бы пешком. Перикл уже расшатал столб, за который был привязан. Меня окликнул Гаранин.

— Немного времени у нас еще есть. Хотите представиться старушке?

Я не знал отношений, которые существовали у младших лейтенантов с хозяевами. Возвращаться в дом? Без приглашения хозяев? Неловко. Но и в батарее одному нечего делать. Займусь-ка Периклом. Жеребец не слишком пострадал. Нужно только промыть порывы, оставленные удилами.

Перикл косил иссиня-черным глазом, ударял копытом. Но когда почувствовал шенкели, стал послушней, шел по улице ровной рысью. И только в поле сорвался в галоп.

Зимно — небольшое село. Над крышами хат — соломенными и цинковыми — возвышается купол церквушки. В восточной части села — купа высоких деревьев с густыми кронами, там кладбище.

Я дал коню поводья. Побрыкавшись, жеребец перешел на рысь. Что же с Периклом? Непонятно. Может, застоялся?

На пригорке я осмотрелся. Знакомая, кажется, хата. У ворот девушка... двое садятся в седла.

— Куда это вы запропастились? — спросил, догнав меня, Поздняков.— Времени в обрез... Держите по левой развилке, там...— слов не было уже слышно. Перикл шел карьером впереди кобылиц младших лейтенантов.

Скоро мне пришлось снова взяться за мундштучные поводья. Только перед контрольно-пропускным пунктом удалось усмирить жеребца.

— Успеем, кажется,— Гаранин взглянул на часы,— переводите на шаг, здесь нельзя рысью.

Дневальный, принимавший поводья, неодобрительно качал головой. Перикл взмылен гораздо больше кобылиц. На боках — гули величиной с яйцо, кровавые следы шпор, с морды падала хлопьями красная пена.

Боевая подготовка

Из разговора с Гараниным по дороге в парк выяснилось, что приведение огневых взводов в боевую готовность фактически не закончено. Еще не поступили со складов некоторые зипы[1] и табельное имущество, в частности тенты к тягачам. Из средств химической защиты имеются только противогазы и несколько комплектов противоипритной одежды. Часть орудийных номеров несет службу на конюшне, в то время как за огневыми взводами не числится ни одной лошади. Обязанности этих лиц на случай боевой тревоги не определены.

Гаранин построил огневые взводы за линией орудий в одну шеренгу на разомкнутых интервалах. У каждого орудийного номера — карабин «у ноги», два подсумка, шинель в скатке, ранец, противогаз.

В течение полутора часов я осматривал состояние оружия, обмундирования, обуви и экипировки людей. Столько же времени заняли гаубицы, орудийное имущество, зарядные ящики, боеприпасы, тягачи, документация.

В конце предписанных уставом правил принятия должности производится опрос. Орудийные номера имели случай заявлять просьбы и претензии, если ущемлялись права военнослужащего. Отдельные лица выражали недовольство нерегулярной доставкой почты, не выдавался положенный по нормам снабжения табак.

Речь шла, по существу, о недоразумениях. Объяснения, сделанные перед строем младшими командирами, нельзя было признать убедительными с точки зрения воинского порядка. Мне придется обращаться к лейтенанту Величко. Снабжение и почта — вопросы, выходившие за пределы компетенции старшего на батарее.

---

[1] Зип — запасный инструмент и принадлежности.— *Авт.*

Объявлен перерыв. В течение последующих часов огневые взводы занимались приведением в порядок орудийных зипов и прочего вспомогательного имущества, а также устраняли обнаруженные недостатки в содержании орудий, тягачей, личного оружия.

Возобновились занятия.

— Внимание! — передавал Гаранин.— К орудиям!

Меня интересовала прежде всего элементарная подготовка, изначальные знания орудийными номерами огневой службы. Следует установить степень согласованности в поведении девяти человек, обслуживающих гаубицу. Выяснилось, что из четырех орудийных расчетов один был слабо сколочен и при выполнении команд не укладывался в норму времени. Отдельные орудийные номера и водители еще не имели должной сноровки, хотя в старании им отказать было нельзя.

Положение в общих чертах представлялось удовлетворительным. Для боевой подготовки орудийных расчетов 3-й батареи имелись, по-моему, все необходимые отправные начала.

Я ознакомил Гаранина с замечаниями, которые намеревался сообщить командиру батареи в порядке принятия должности. Командир второго огневого взвода вначале не возражал, но по пути на КПП обвинил меня в предвзятости. Только предвзятый человек, говорил Гаранин, тратит столько времени в поисках мелких нарушений воинского порядка и раздувает значение известных всем недостатков.

— Некомплект имущества по ПХЗ[1], тенты, заправочные принадлежности — все это мелочи. Да, люди отвлекаются... но нельзя же оставить лошадей без присмотра, кто-то должен за ними ухаживать. Лейтенант Величко хорошо знает об этом.

Тем более, если это действительно так. Командир, принимающий должность, обязан правдиво доложить своему непосредственному начальству о положении в огневых взводах.

— Правдиво? — переспросил Гаранин.— Известно ли вам, что боевой подготовкой третья батарея занимается в общей сложности не более месяца?

Я не видел связи между продолжительностью занятий и моим назначением на должность.

---

[1] ПХЗ — противохимическая защита.— *Авт.*

— Много ли сделаешь за этот срок? — продолжал мой собеседник, полагавший, что связь есть.— Не отрицаю, недочеты имеют место... Но мои орудийные расчеты подготовлены лучше, чем в других батареях. Проверял штаб дивизиона.

Проверка и принятие должности — понятия разные. Штаб хотел установить относительный уровень боевой подготовки, старший на батарее — положение на сегодняшний день. Младший лейтенант Гаранин не согласен?

— Нет... зачем же.— Он умолк.

В конце коновязи показался Поздняков с подседланной лошадью в поводу.

— Эй, долго вы еще намерены беседовать? — крикнул он и принялся подтягивать подпругу.

— Подождите минуту,— ответил Гаранин и продолжал: — Понятия, конечно, разные...

Может быть, командир второго огневого взвода скажет, как мне доложить командиру батареи?

— Без преувеличения недостатков.

Гаранина смущает служебный стаж старшего на батарее. Как я не догадался раньше...

— Да нет...— ответил неуверенно Гаранин,— я не люблю розовый колер так же, как и черный.

Он ошибается, если думает, что я питаю пристрастие к тому или другому цвету, но когда мерная рейка окрашена в черный цвет, так тут ничего не поделаешь.

— Ладно,— согласился Гаранин,— доложите, как есть, но не забывайте условий, в которых находятся огневые взводы третьей батареи и все другие подразделения. Поздняков зовет. Едем? Не хотите?

— Пора, учтите поправку на поведение Перикла,— смеясь, говорил мне Поздняков.— Мы можем опоздать. Вы все еще сыты обедом? Гм...— Легко оттолкнувшись, он перенес вытянутую ногу через круп лошади и не спеша опустился в седло.

Младшие лейтенанты уехали. Я остановился перед КПП. Шесть-семь всадников проследовали на Зимно, столько же — по дороге к хатам, в сторону мельницы.

* * *

Явился старший сержант Проценко. Вместе с ним я прошел вдоль ряда зачехленных гаубиц и тягачей. Старший сержант завел стопорную чеку в створки зарядного ящика и остановился в ожидании.

Как он, Проценко, исполнявший фактически должность

командира огневого взвода, объясняет упущения, обнаруженные в содержании материальной части орудий, тягачей, зипов и прочего орудийного имущества? Три человека не участвуют совершенно в занятиях по боевой подготовке. Известно ли старшему сержанту об этом?

— Так точно!

Он принимал меры? Какие именно?

Проценко начал с материальной части орудия.

— После осмотра на прошлой неделе наводчик удалил почти всю краску на казеннике с платформы для контрольного уровня. Можно установить уровень в обоих плоскостях.

Но краска все же оказалась там, где ее не должно быть.

— Моя вина,— Проценко умолк.

А другие замечания? Пусть помкомвзвода отвечает пункт за пунктом.

Старший сержант вытащил из полевой сумки блокнот и продолжал:

— Ключ для установки взрывателей... Один штифт сломался давно. Доложено старшему на батарее. Наводчик, по его приказанию, ходил в артснабжение. Ключ обещают заменить. Пружинку ударника из запасного комплекта орудия забрали во второй огневой взвод... Каждый раз я просил младшего лейтенанта вернуть... Зипов и тентов нет ни в одном тягаче... обещают прислать. У двух человек не пристреляны карабины... только из ремонта.

Когда поступили из ремонта? Точнее.

Старший сержант задумался на мгновение.

— Двенадцатого числа.

Батарея приведена в боевую готовность... как же так?!

— Мы еще не ходили на стрельбище.

Положение с орудиями старший сержант считает нормальным?

— Я докладывал за пружину и за ключ не раз. И о людях... Знают командир батареи и замполит. Если они смирились, то я, командир орудия, должен глядеть на старших.

Начальник, предположим, сделал ошибку, ну и что же? Подчиненные ее повторяют? Разве это дело? Устав обязывает военнослужащих, независимо от должностного положения, принимать решительные меры для поддержания порядка. И если начальник не реагирует, как следует поступать?

— Обращаться с жалобой к старшим...

Старший сержант Проценко это сделал?

— Нет...

Почему?

— Жаловаться... а на кого? — ответил вопросом Проценко.— Я стану писать, а пружину, может, завтра вернут.

Он не согласен с уставом?

— Никак нет... я обязан докладывать по команде.

Но доложить — еще не значит сделать дело. Меня интересуют практические меры, принятые командиром орудия.

— Доложил...

Помкомвзвода обязан соблюдать уставные правила по отношению к старшим. Я не хочу слушать отговорки.

— Доложил... а жаловаться...

Сержант уклоняется от разговора. Так поступают лица, безразличные к службе, но он-то парень добросовестный. Может быть, я не нравлюсь ему... начальников не выбирают... ему придется привыкать.

— Так точно...— отвечал Проценко и напрямую: — Товарищ лейтенант, старшие начальники отделались обещаниями, чего мне лезть на рожон?

И все же... он — командир. Как должен поступать в таких случаях? Батарея ведь приведена в боевую готовность!

— Доложить старшему на батарее... идти до замполита...

Ну, а если сейчас поступит команда «огонь!»? Сломался ударный механизм, а запасного в зипе 1-го орудия нет... Мощная 152-мм гаубица выведена из строя — это тяжкое преступление. Кто отвечает?

— Командир орудия.

И как он — Проценко — представляет свою участь?

— Не знаю... наверное... трибунал.

Следовательно, ответственность за содержание материальной части и воинский порядок в орудийном расчете ложится целиком на командира орудия. Он сознает последствия?

— Так точно.

Учить, однако, подчиненных легче, чем самому отстаивать уставные положения в будничной жизни. В сумерках я вошел в комнату командира батареи. Хрусталь рассеивал вокруг люстры неяркий свет оплавленных свечей, еще, кажется, из монастырских кладовых. Лейтенант Величко поднялся с кресла.

— И опрос провели? Хорошо...— Командир батареи два-три раза заглянул в тетрадь.— Командный состав дивизиона участвует в мероприятиях по уточнению боевых задач подразделений. Завтра начало рекогносцировки. В двенадцать ноль. Утреннего времени у вас достаточно, займи-

тесь наведением порядка. Личному составу необходимо дать понять факт прибытия лица, ответственного за состояние огневых взводов... Вот, возьмите,— он указал на книги одного формата, целую стопку.— Наставление «Строи и огневая служба», «Устав внутренней службы», Гарнизонный, Дисциплинарный уставы — не отступать ни на йоту... Вы знаете обязанности. Можете рассчитывать на мою поддержку,— командир батареи задумался.

Склады задерживают поставку зипов и противоипритных костюмов. В строю огневых взводов недостает десяти человек.

— Вы о чем?.. А-а-а, наши конюхи...— припомнил лейтенант Величко,— ничего не поделаешь, уход за лошадьми возложен пока на третью батарею...

Надолго ли?

— Автомобилей ожидаем.

Как скоро?

— Не знаю... поступят, нужно полагать.

На огневых позициях ежедневно отсутствует пятая часть людей — орудийный расчет полного состава.

— Не более того, что определено в приказе по дивизиону.

Вместе с орудийными номерами там три тракториста, два шофера.

— Знаю,— командир батареи придвинул к себе одну из книг.

В отделении тяги налицо только половина людей.

— Занимайтесь с теми, которые есть.

Речь идет не только о боевой подготовке. Огневые взводы нельзя признать приведенными в боевую готовность.

Командир батареи удивленно поднял голову.

— Ну что ж... не признавайте.

Этот некомплект затрагивает интересы нашего подразделения в целом.

— Товарищ лейтенант, вы не единственный, кто заботится о боеспособности третьей батареи. Занимайтесь этим в рамках вашей должности.

Но старший на батарее не в состоянии обучить людей службе у орудий, когда они находятся за пределами огневых позиций.

— Не позже чем через восемь дней орудийные номера и трактористы возвращаются в строй, обслуживание лошадей в порядке очередности принимает первая батарея.

Но до того времени мне что делать?

— То же, что и делали.

Какое-то безразличие. Я не понимал, почему мой непосредственный начальник не принимает мер, и продолжал настаивать, уверенный, что стоит ему захотеть, и вопрос будет решен. Устав твердо определяет обязанности для всех. Принуждать орудийного номера к двойным, тройным усилиям именем того же устава — противозаконно, как противозаконно требовать дисциплину у командира орудия, взвода, батареи, если вместо орудийных номеров в строю — мертвые души.

— Семь человек достаточно для обслуживания гаубицы... даже нашего калибра... Все остальное вы обязаны компенсировать за счет дисциплины.

Вчера я имел беседу с командиром 2-го орудия, сегодня — 1-го. Они твердят одно: положение, сложившееся в батарее, заведено не ими, и объясняют этим упущения в службе орудийных номеров и свои собственные. В вопросах поддержания воинского порядка сержанты в своих требованиях к подчиненным не идут дальше лейтенантов. Они оглядываются на старших и следуют их примеру.

— Командир орудия несет единоличную ответственность и не должен винить ни начальников, ни подчиненных за то, что происходит в расчетах...

У орудий вместо десяти человек — семь-восемь.

— Вы снова о том же...

Так точно. Нужно решать. Дивизион удовлетворяет свои нужды в ущерб боеспособности орудийного расчета, что незаконно в понимании командира орудия. Людей из конюшни нужно вернуть.

— Товарищ старший на батарее, пора расстаться с курсантскими иллюзиями,— улыбнулся лейтенант Величко.— Если в бою расчет потерял часть своих людей, орудие не перестает вести огонь. Растолкуйте это командирам орудий. И мирная обстановка нередко заставляет нас плыть против течения. То, что ослабляет одно орудие, для двенадцати орудий на сегодняшний день выглядит наоборот.

Я не разделял такого мнения. Уменьшение численности людей в расчете одного орудия соответственно снижало боеспособность их суммарного числа.

— Он не понимает...— сокрушенно произнес лейтенант Величко.— Нельзя же лишать средств передвижения командный состав и взводы управления девяносто второго отдельного артиллерийского дивизиона.

Выходит, лошади взвода управления и наши, командирские, содержатся в ущерб боеспособности орудийных расчетов?

— Вы должны понять, что огневые взводы имеют возможность высвободить часть людей, взводы управления — нет.

Но ведь те и другие составляют одно целое. В конце концов работа разведчиков, топографов и связистов направлена на то, чтобы орудийные номера послали в цель назначенное стреляющим количество снарядов в определенное им же время.

— Наблюдательный пункт не будет функционировать, если разведчики слабо подготовлены... В орудийном же расчете положение можно выправить,— Величко стал говорить о взаимозаменяемости. В распоряжении старшего на батарее имеются химики, санинструкторы, отделение тяги. Стреляющему известно положение на ОП, он учитывает все.

Аргументы командира батареи казались мне малоубедительными. Он обошел стороной вопрос о том, почему командир дивизиона не затребовал недостающее артиллерийской части количество людей и, вопреки инструкциям на случай войны, решился раскомплектовать орудийные расчеты. Уговорить сержанта легче, чем начальника артиллерии корпуса, подумал я и, устыдившись низости своего предположения, не стал настаивать. Люди в конце концов вернутся, к тому времени, может быть, прибудут автомобили и все прочее, чего недоставало огневым взводам. Дивизион ведь только сформирован...

* * *

— Ну что, будем готовиться ко сну? Занимайте диван, на другом спит Гаранин... койкой пользуюсь я,— лейтенант Величко поднялся, задул часть свечей.

Спать? Рано. В комнате, едва освещенной, заняться нечем. Я вышел. Под липами какая-то батарея под аккомпанемент старшины разучивала вполголоса песню. Я прошел на коновязь, занялся осмотром Перикла. Позвякивали цепи, дневальные удлиняли чембуры. До отбоя для лошадей оставалось четверть часа.

Вернувшись к воротам, я стал ждать младших лейтенантов. Похоже, они задерживались. Тем временем наряд на КПП сменился. В размышлениях я шагал от ворот до коновязи, вернулся в канцелярию. Лейтенант Величко спал.

Я устроился на диване у окна. Вместо подушки под голову положил планшетку. Ушедший день, кажется, был самым насыщенным в моей жизни. Столько людей прошло перед глазами! Капитан Корзинин, лейтенант Величко, политрук Шапир, Гаранин, Поздняков, замполитрука Кинер-

ман, младшие командиры, орудийные номера. Вспомнился парк, длинные шеренги огневых взводов. Удастся ли закончить подготовку огневых взводов? А если возвращение людей и поставки недостающего имущества затянутся? Что делать? Обращаться с жалобой? Сколько она будет ходить? Время не терпит. Орудийные номера призваны обслуживать гаубицу. Отвлечение хотя бы одного наносит ущерб боеспособности орудия, взвода, батареи и является противозаконным. Должностные лица, если они не принимают мер, обвиняются уставом внутренней службы в соучастии и несут ответственность наравне с теми, кто совершил злоупотребление... Нет, жаловаться — не командирское дело! Переговорю еще раз с командиром батареи...

— ...Пора подниматься, все давно на ногах. Слышите — петух поет только для вас,— посмеивался Гаранин, успевший завершить свой утренний туалет: выбрит, причесан, стрелки наглаженных брюк тянутся к сапогам, начищенным до блеска. Мои часы показывали 6.30.

— Умывальник за углом, но я советую на речку. Двести шагов лучше, чем самый великолепный душ.— Он умолк, озабоченный.— Постойте, а как же с одеждой?.. Не была в глажке? У меня есть спортивные брюки...— он снова умолк.— Вы проспали, с половины седьмого в спортивной одежде появляться на территории нельзя...

Раздался стук в дверь. Вошел Поздняков.

— Не беда,— заявил он, обменявшись приветствиями,— идите пе берег с дневальным. Пока лейтенант будет мыться, дневальный доставит обмундирование... под утюг. Я задержу каптенармуса...

В западной части ограды — будка со следами свежей штукатурки. Перед дверью — караульный, в одном шагу — крутой, почти отвесный, спуск, тропка вниз. А там — полоска наносного песка шириной в три шага и волны.

Река Луга омывала монастырский холм почти по всему периметру. Бежит вода, катится вниз по течению, причудливо завихряется кругами. Луга — намного уже Псла, но вода показалась мне значительно холоднее.

Наверху хлопнула дверь калитки. По склону спешил дневальный с моей выглаженной одеждой. Тем же путем я вернулся в батарейную канцелярию. Подсвечник и книги были отодвинуты, угол стола закрывал лист ватмана, на нем — нехитрая пища, которой хозяева вчера вечером снабдили младших лейтенантов. Оба они сидят друг против друга.

Завтрак закончен. Поздняков ушел. Взвод управления

пользуется некоторой свободой действия. Пять его отделений — на лошадях. Для их боевой подготовки нужно больше пространства, чем отведено огневым взводам.

На учебной огневой позиции

В пятидесяти шагах от арки, на ближнем фланге, стояли орудия 1-й батареи. Похоже, они готовились к выходу. Дальше — 2-я батарея и в противоположном конце парка — 3-я. Люди суетились у орудий. Мелькали флажки командиров. Одна пара, другая, третья.

— По местам... моторы! — крикнул издали Гаранин. Сержант Белый поднял флажки. Отделение тяги двинулось к орудиям. Гаранин подал команду: «В походную колонну справа поорудийно...»

Колонна огневых взводов 3-й батареи миновала арку, ржаное поле и после поворота развернутым строем двинулась на огневые позиции. Снова взмыли флажки. Клубится пыль, поднятая гусеницами тягачей, видны только гаубичные стволы. На ходу орудийные номера прыгают через борт. Занятия начались.

Служба орудийных номеров тяжелая и хлопотная, требуется сила, выдержка, настойчивость. Цель состоит в том, чтобы девять человек, обслуживающих орудие, двигались, как один.

Каждый орудийный номер действует в своих рамках. Нельзя спешить, так же, как и опаздывать, отклонения от нормы приведут к замедлению общего ритма.

По команде «по местам» четвертый номер должен повернуться на полоборота к третьему — заряжающему. Пустячная, казалось бы, деталь, но всякая небрежность с его стороны потребует при передаче снаряда дополнительных усилий других номеров. Ящик панорамы, орудийные чехлы, снятые по команде «к бою», полагается класть в полуметре от орудия, на уровне левого переднего колеса. Брошенные произвольно, все эти предметы при изменении направления стрельбы попадают под колеса.

Боевой устав артиллерии определяет на огневых позициях места для орудий, принадлежностей, боеприпасов, приборов наводки, средств связи и всего прочего; он же определяет правила поведения лиц, обслуживающих орудие: установщика трубок, снарядных, заряжающего и его помощника, замкового, наводчика, командира орудия, командиров огневых взводов, старшего на батарее. Устав не при-

знает причин, которые оправдывали бы нарушения воинского порядка. Командиры и орудийные номера должны выполнять свои обязанности в четком согласии и в темпе, который задан стреляющим.

Если внимательно присмотреться, то нельзя не заметить лиц, поведение которых расстраивает общий ритм. Но есть ли смысл из-за одного-двух человек повторять упражнение всем составом орудийного расчета?

Гаранин отвел в сторону всех отстающих орудийных номеров. Эти люди будут обучаться по элементам, каждое движение в отдельности.

В артиллерии, как разновидность средств управления орудием, взводом, батареей, издавна использовались флажки. В приложении к уставу приведены соответствующие схемы и описание. Подразделение должно изготовлять флажки и приучить людей пользоваться ими. Но на практике флажками пользуются преимущественно на полевых учениях, чтобы удовлетворить посредников и лиц инспектирующих.

Лейтенант Величко придерживался собственного мнения, и в 3-й батарее предпочтение отдавалось флажкам. Колонна огневых взводов — четыре орудия, свыше полусотни людей — повинуется зрительному сигналу и действует молчаливо вплоть до команды «к бою».

Еще одна деталь. Постоянно выставляется наблюдатель — орудийный номер, не занятый ничем другим. Его обязанность — вести наблюдение за подступами к огневым позициям. Чем бы ни занимались люди, у гаубиц ли, в укрытиях,— по мнению Гаранина, им дозволялось собирать ягоды и даже спать — наблюдатель оставался на посту. Обнаружив всадника, автомобиль или пешеходов в секторе «стрельбы», наблюдатель доносит тут же. Определяются дальность, направление, скорость движения и т. д.— данные, с помощью которых старший разнообразил учебную обстановку.

Я понемногу привыкал к выкрикам наблюдателя, который позволял Гаранину превращать безобидную крестьянскую повозку в танк, а всадника — в кавалерийский эскадрон, вознамерившийся атаковать позиции 3-й батареи.

— Воздух! — послышался голос наблюдателя.

— Стой! — распорядился Гаранин.

Движение прекратилось. В синем безоблачном небе со стороны границы летел самолет.

Я стал припоминать силуэты военных немецких самолетов. Да ведь это «Хеншель-126» — неуклюжий, на длин-

ных растопыренных шасси, будто корова на льду. Этот самолет использовался в немецкой артиллерии для корректирования огня.

— Высота... тысяча метров,— продолжал наблюдатель.

«Хеншель» прошел над дорогой, оставив артиллерийские парки справа, монастырь — слева. Миновал мост через Лугу, сохраняя некоторое время взятый курс. Перед Владимиром-Волынским повернул в сторону Сокаля, развернулся и стал удаляться. Гаранин подал команду огневым взводам «в укрытие». Позиции опустели.

— Как вы считаете, сколько времени занимает обработка фотопленки? Снимки с кадрами наших военных тайн...— Гаранин насмешливо поглядел вслед корректировщику.

Я не понял вопроса.

— Как? — удивился Гаранин.— Артиллерийские подразделения занимаются в воскресенье — факт многозначительный!..— он постучал свернутыми флажками по планшетке.— Командирских лошадей ко мне!

Солнце в зените. Позади фронта орудий, в зарослях, где установлена буссоль, жарко. Перикл отбивался от слепней. Жужжали насекомые, жалившие чуть ли не на лету. Вспотевший коновод с трудом удерживал лошадей.

Гаранин отдавал предпочтение приемам посадки, которыми пользуются вольтижировщики: энергичный толчок, подсечка — и он в седле.

— Как ваш жеребец сегодня? — спрашивал младший лейтенант, попуская поводья.— Не оплошает? Рекогносцировочная группа уже, кажется, готова к построению.

Рекогносцировка

За углом монастырской ограды топтались на месте два десятка всадников. Я узнал младшего лейтенанта Позднякова, рядом — два разведчика с приборами. В воротах появился командир, которого я прежде не видел. Кто он?

— На вороной кобылице?.. Помощник начальника штаба дивизиона старший лейтенант Шилкин... к нам прибыл из 186-го ЛАП [1],— ответил Гаранин.

Началось построение. Старший лейтенант Шилкин объявил задачу рекогносцировки, и группа двинулась на Зимно.

---

[1] ЛАП — легкий артиллерийский полк.— *Авт.*

— ...Вы выбрали Перикла? — командир батареи с удивлением оглядел жеребца.— Разве старшина вас не предупредил? А вы, Гаранин?

О чем, собственно, следовало предупреждать?

— Разрешите доложить? — привстал в стременах Гаранин.— Я пришел вместе с лейтенантом на коновязь... Обе кобылицы, моя и Позднякова, и Перикл были уже подседланы... Я думал...

— Меня не интересует, что вы думали,— проговорил командир батареи и обратился ко мне: — Как конь? Вы, надеюсь, на нем выезжали?

Пошли рысью. Старший лейтенант Шилкин оглянулся, подал знак командиру батареи.

— За мной,— произнес лейтенант Величко и прибавил рысь. Перикл преодолел дистанцию, и я поравнялся со старшим рекогносцировочной группы. Командир батареи представил меня. Помощник начальника штаба дивизиона спросил о моей службе в училище и жестом показал: «свободен, возвратиться в строй».

Знакомые места — рытвины, вокруг рожь, полегшая под копытами Перикла. Вернулся командир батареи.

— Следите внимательно за местностью. Первый маршрут выдвижения в районы боевых порядков...— он начал цитировать пункты инструкции на случай войны.— Положение в укрепленном районе серьезное... сигнал к занятию огневых позиций может последовать в любой момент.

За селом Перикл пытался нарушить равнение. Командир батареи недовольно оглядывался. Я осадил жеребца раз, другой.

Впереди хутор — десяток хат. Жители — старики и молодежь,— как и в Зимно, где крестьяне знают командиров, вежливо кланяются, снимая головные уборы.

— Вас познакомили с местными условиями? Националисты иногда постреливают из-за угла... Отмечены случаи нападения на отдельных лиц...— командир батареи стал говорить о миссии наших войск в западных областях Украины, о том, что население бывшей Галиции в большинстве своем отвергает националистические лозунги.

Поравнявшись, в разговор вступил Поздняков, припомнил эпизод, когда во время ночных занятий банда обстреляла группу военнослужащих. Местные жители оповестили ближайший гарнизон, и банда была рассеяна.

Старший лейтенант Шилкин оставил полевую дорогу и двигался, держась тропы по краю зарослей, которые покры-

вали склоны пологой лощины. Начинался лес. Рекогносцировочная группа шла в колонне по одному. Старший остановился, повернул коня в одну, другую сторону, вглядываясь в карту.

— Слезай... для коноводов укрытие — поляна в пятистах метрах, коней в укрытие... командный состав — за мной!

Гуськом все шли вверх по склону. Помощник начальника штаба снова раскрыл карту. Кто-то подал команду. Голова и хвост колонны выдвинулись вперед, и старший лейтенант Шилкин оказался в центре подковы. Подошли отставшие разведчики, стали разворачивать приборы.

— Ориентирую,— начал старший лейтенант,— север... восток... юг... запад. Младший лейтенант Поздняков, как называется населенный пункт слева позади? Укажите направление на Владимир-Волынский, Устилуг, Холм. Расстояние?

С вопросами такого рода старший обращался к Гаранину, Величко, ко мне. Ответы составлялись с помощью карты и приборов, используемых в подготовке данных для стрельбы.

На следующей точке рекогносцировки обзор значительно расширился. Просматривается местность в юго-западном, южном и восточном направлениях. Видна верхняя часть купола монастыря Зимно.

— Внимание!.. Соблюдать осторожность, на опушку не выходить.

Я взглянул на свою карту. От границы нас отделяет не более четырех тысяч метров. Снова ориентирование, подготовка данных, вопросы.

— Поздняков, вы... командир стопятидесятидвухмиллиметровой гаубичной батареи... ваш наблюдательный пункт...— старший лейтенант Шилкин уколом циркуля отметил на карте точку, нанес огневые позиции и цели: одну, другую, третью.— Приступайте к подготовке исходных данных... Готовность к передаче команд — восемь минут.

Закончился первый час занятий, потом другой. Объявлен перерыв на обед. В дополнение к тому, что содержалось у каждого в переметных сумках, коноводы, поившие коней в ближнем селе, доставили воду в брезентных ведрах, крестьянский хлеб, колбасу.

Рекогносцировочная группа меняла раз за разом положение. Старший лейтенант Шилкин назначил меня начальником огневого разъезда батареи.

Район огневых позиций — лощина юго-западнее небольшого села Лудзин. В состав разъезда вошли три человека: Гаранин, разведчик с приборами и коновод.

Путь в район огневых позиций занял четверть часа. Предварительно, до прибытия огневых взводов, разъезд обязан выбрать огневые позиции, разбить фронт батареи, наметить точки стояния орудий, укрытия для тяги, провешать основное направление стрельбы и т. д.

Деятельность разъезда, как, впрочем, и все другие мероприятия, связанные с подготовкой к открытию огня, строго регламентирована по времени. Каждый старался закончить в срок свою часть работы.

На дороге появился наряд конных пограничников. Зеленые фуражки с синими околышами, карабины, клинки, завьючены по всем правилам седла.

— Чем занимаетесь? — спросил, приблизившись к буссоли, лейтенант, старший из пограничников.

— Колышки строгаю,— не совсем вежливо ответил разведчик, работавший рядом с буссолью.

— Зачем тренога?

— Тренога служит платформой для прибора, здесь обозначена точка стояния основного орудия.

— Какого такого орудия?

— Это так... условно, товарищ лейтенант... орудия пока стоят в парке.

— Знаю... условно, а прибор?

— Как называется? Буссоль... вот магнитная стрелка, угломерная шкала,— разведчик ткнул пальцем,— предназначена для измерения углов, заключенных между направлением на северный магнитный полюс Земли и направлением на цель.

— На цель? — спросил озадаченный пограничник, удерживая поводья.— Какая может быть цель рядом с государственной границей? Предъявите документ!

Разговор принимал неожиданный оборот. Разведчик направил пограничников к Гаранину. Командир второго огневого взвода не пожелал отвлекаться, и они явились ко мне. Злоречие разведчика и жара приводили лейтенанта-пограничника в раздражение. Он потребовал прекращения работ.

Подошел Гаранин. Общими усилиями нам удалось уговорить пограничный наряд, и он направился к старшему рекогносцировочной группы. Огневой разъезд не уложился в график, отведенный для работ.

В положенное время прибыл старший группы. Моя ра-

бота была признана удовлетворительной. Расхождение в цифровых величинах, определенных начальником огневого разъезда и посредником, роль которого выполнял лейтенант Величко, не выходило за пределы допустимых отклонений.

Бдительность лейтенанта-пограничника имела свои последствия. Старший приказал угнать лошадей в тыл и к наблюдательному пункту идти пешком.

Пока Поздняков держал экзамены как стреляющий, я рассматривал польскую землю за Бугом, занятую немецкими войсками. Лоскутные поля на склонах холмов, перелески, хаты небольших хуторков. Плескался в горячих волнах марева остроконечный шпиль костела.

«Отбой!» Наши кони отмерили три километра, еще три и еще. На каждом положении роли менялись. Я выполнял обязанности должностных лиц батареи: командира взвода управления, свои собственные и командира батареи.

В тот день, 15 июня, мы, покрыв расстояние без малого в сорок километров, голодные и усталые, к девятнадцати часам вернулись к монастырским воротам. Старший лейтенант Шилкин объявил конец занятий. Коноводы увели лошадей на кормежку. Вслед за Гараниным и Поздняковым я отправился по знакомой уже тропе на берег Луги. Холодная вода омыла пыль приграничных дорог, вернула ощущение бодрости и силы.

Четверть часа спустя Гаранин, Поздняков и я вошли в батарейную канцелярию. Лейтенант Величко начал разбор прошедших занятий.

Совершенно секретно

Я просыпался позже всех и до завтрака не имел ни одной свободной минуты. Гаранин не хотел будить меня, ссылаясь на Позднякова. Оба они намерены предоставить мне дополнительный отдых взамен отпуска, который полагается по окончании училища. Будильника нет. Обращаться к лейтенанту Величко? Он оставлял постель до шести и не станет поднимать старшего на батарее и никого другого.

И опаздывать совестно. Сколько мог, я настаивал, чтобы меня будили, но младшие лейтенанты отделывались шутками.

— Кто знает, попадете ли в отпуск...— каждый раз говорил Гаранин.

— В училище ведь недосыпали,— вторил ему Поздняков,— и здесь обитель не тихая, не отоспаться... День растянут во всю длину. Когда были лошади, мы не спали до двух-трех ночи.

И сегодня, 16 июня, я вернулся с берега, когда каптенармус уже расставил котелки. Завтрак с полевой кухни — картофель, хлеб, чай — пища, которой довольствовался начальствующий состав части, приведенной в состояние боевой готовности.

Вошел командир батареи. Все поднялись.

— Садитесь, продолжайте...— с порога поднял он руку.

Трапеза закончена. Убран стол. Гаранин подстегнул клинок, одел противогаз и ушел вместе с Поздняковым. Я тоже готов был оставить канцелярию, но лейтенант Величко остановил.

— Одну минуту... Старший на батарее является заместителем командира подразделения,— начал он,— деталь до некоторой степени формальная, поскольку обязанности четко разграничены... но в случае чрезвычайных обстоятельств,— командир батареи избегал слова «война»,— положение меняется... Для каждого из нас составлены инструкции, с которыми вы должны ознакомиться. Идите в секретную часть штаба. К двенадцати часам изучение документов закончить.

Комната, куда направлял меня командир батареи, находилась в подвальном помещении монастыря. Дверь одета раздвижной решеткой, явно предназначенной для окон. Пожилой техник-интендант — начальник секретной части штаба дивизиона — настороженно встретил незнакомого посетителя. Одел очки и долго вглядывался в гербовую печать на моем удостоверении.

— Из третьей батареи... лейтенанта Величко,— говорил он сам с собой,— знаю, он... хороший командир.

У меня время ограничено. Нельзя ли получить папку с инструкциями на случай войны? Сейчас же.

— Ваше удостоверение в порядке, но...— интендант глядел поверх очков,— предъявите выписку из приказа по дивизиону о назначении на должность старшего на батарее... Отметки нет... вот графа.

В общей части штаба я нашел писаря-сверхсрочника, тоже с зелеными петлицами интенданта. Выписка не была готова, и писарь последовал за мной через зарешеченную дверь.

— Товарищ техник-интендант, не сомневайтесь... В двенадцать часов начальник штаба несет приказ на подпись

командиру дивизиона. К половине первого я закончу оформление. Товарищ лейтенант, вы можете передать мне удостоверение? — старший писарь быстро уладил дело.

Техник-интендант удалился за перегородку. Загремел ключ, и дверца сейфа протяжно скрипнула раз, другой. Техник-интендант протянул мне книгу регистрации.

— Удостоверение он унес, ну ничего... распишитесь, вот здесь... так... а заниматься за тем столом,— он указал в противоположный угол комнаты.— Вы знаете, что делать выписки, оставлять таковые, снимать копии с грифованных документов запрещается? — Пересчитав листы, он протянул мне папку.

Под самым потолком — узкое, как амбразура, зарешеченное окно, освещавшее узкую полосу у средней части стены. Техник-интендант предложил табуретку, с его разрешения я передвинул в освещенное место столик.

В папке, лежавшей передо мной, хранились инструкции для командира 3-й батареи на случай начала боевых действий. В правом верхнем углу — четко выведено тушью: «Совершенно секретно». Все листы пронумерованы и прошнурованы, узел опечатан большой сургучной печатью. Во внутреннем конверте опись документов.

В первом разделе инструкции излагались общеизвестные уставные требования, которые необходимо соблюдать в повседневной службе. Командир батареи обязан содержать личный состав, вооружение, средства тяги в состоянии готовности к немедленному применению. Все это я знал. Не было ничего нового и в рекомендациях по организации оповещения и связи в батарее, мерах маскировки.

Начальник артиллерии 15-го стрелкового корпуса полковник Стрелков — его подпись стояла на титульном листе инструкции — воспринимал все, что происходило на противоположном берегу Западного Буга, по ту сторону границы, с полным сознанием ответственности перед старшими начальниками и личным составом войск, которые предназначались для обороны приграничных рубежей. Сосредоточение немецких войск продолжалось — этот факт исключал двоякое толкование намерений нашего западного соседа. Активизировалась деятельность немецкой авиации. Самолеты-разведчики открыто производили разведку, удалялись от границы на расстояние до двадцати километров и более — на всю глубину тактического построения войск нашего первого эшелона.

У всякого, кто знакомился с обзорной частью инструкции, не оставалось сомнений: нападение неизбежно. Но сле-

дующий раздел, где излагались меры по пресечению агрессии, вызывал недоумение — никакой определенности. В каждом пункте недомолвки, одна фраза противоречила другой. Составители этого особо важного документа явно отходили от своих собственных выводов. Почему?

Для 92-го ОАД на первые часы войны предусматривалось три основных варианта действий:

— немецкие войска переходят в наступление на Владимир-Волынский. Уровские подразделения удерживают свои позиции. 92-му ОАД объявлена тревога. Батареи выведены в выжидательный район. Устанавливается связь с командиром дивизиона. Выжидательный район 3-й батареи — кладбище села Зимно.

— после прорыва тактической обороны немецкие войска начинают продвижение вглубь. Подразделения дивизиона разворачиваются немедленно в районе: артиллерийский парк — монастырь — на открытых позициях. На 3-ю батарею возлагалось прикрытие сектора: восточная окраина села Зимно — мост на р. Луга у водяной мельницы;

— монастырь Зимно атаковали диверсионные группы или подвижные силы противника, подошедшие с других направлений. Подразделения дивизиона занимают круговую оборону района: село Зимно — монастырь — водяная мельница — развилка дорог на южной окраине Владимира-Волынского. 3-я батарея действует по второму варианту.

Заключительная страница инструкции больше напоминала головоломку, нежели руководство к ведению войны. После занятия боевых порядков подразделениями предписывалось со всей решимостью отвечать противнику и в то же время соблюдать особую осторожность, огонь не открывать, ожидать указаний и т. д.

Ни командиры батарей, ни командир дивизиона не имели полномочий использовать огневую мощь своих подразделений в условиях обстановки, не терпящей отлагательства. Право на открытие огня сохранялось только за старшими начальниками. Когда? Каких инстанций? Будут ли они располагать сведениями о том, что происходит на поле боя?

Инструкции ничего не говорили старшему на батарее о тех конкретных задачах, которые он должен решать. Заключение напрашивалось само собой, и я принялся за чтение снова.

После объявления боевой тревоги старший на батарее должен действовать согласно указаниям командира батареи. Но лейтенант Величко оставался на огневых позициях

ровно столько, сколько требовали обязанности. В боевых порядках его место — наблюдательный пункт. Рисовалась такая ситуация: лейтенант Величко отбыл на НП, в это время появляется противник, надо действовать без промедлений, но старший на батарее не имеет права подать команду «огонь» без санкции своего отсутствующего непосредственного начальника.

Где командир батареи? В пути к наблюдательному пункту... У командира дивизиона или где-то между этими пунктами?.. Но, предположим, местонахождение командира батареи установлено, и с ним поддерживается связь. Решится ли он удовлетворить просьбу огневых взводов вопреки инструкции?

Я чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Может быть, что-то упустил? Начну сначала... Боевая тревога. Наряд выдает боеприпасы. Люди разбирают оружие и бегут в парк: «Сцепляй... по местам... Марш!» Старший на батарее в кабине тягача 1-го орудия. Начался обстрел... горит тягач... орудие катить на руках? Около четырех тонн... девять человек по грунтовой дороге... Впрочем, вероятность повреждения тягача невелика, но как знать? Я могу рассчитывать по крайней мере на два-три исправных тягача. Итак, огневые взводы вышли из парка. Навстречу — пехота́, парашютисты. Я подам команду «К бою»... а дальше? Взмахом сигнальных флажков противника не остановить. Нужен огонь... разрешение старших начальников... где они, где командир батареи?

Скрипнула дверь. В комнату вошел лейтенант Величко.

— Как у вас дела? — он придвинул к себе папку.

Я отказываюсь понимать некоторые пункты. Требования инструкции не согласуются с положениями устава.

— Да?..— протянул командир батареи.— В чем дело?

После объявления тревоги он — лейтенант Величко — отправляется на командный пункт командира дивизиона?

— Да.

Старший на батарее уводит из парка огневые взводы в выжидательный район?

— Да.

Колонна подверглась обстрелу диверсионных групп. Старший на батарее обязан развернуть орудия и подать команду «Огонь»?

— Нет,— лейтенант Величко придвинул к себе инструкцию.— Здесь сказано, читаю второй абзац: «...открывает огонь только по особому распоряжению».

Огневые взводы приводятся в действие старшим на батарее или кем-то... «по особому распоряжению»?

— Старшим на батарее.

Разве старший на батарее в состоянии управлять орудиями, если не волен поступать в соответствии с обстановкой?

— Инструкция имеет в виду отношения между командиром батареи и старшим на батарее.

Но вот... обстрел усилился. Колонна остановилась. Что делать? Продолжать движение? Путь отрезан. Разворачиваться? Гибнут люди, нужно отражать нападение. Где же лицо, по распоряжению которого открывается огонь?

— Речь идет о командире батареи...

В данный момент он в колонне?

— Маловероятно.

Значит, вне колонны?

— Да... пожалуй... скорее всего...

Как поступать старшему на батарее? Бросаться на поиски старших начальников или отражать нападение?

— Говорите открытым текстом... не надо подбирать выражения.

Инструкция снимает всякую ответственность со старшего на батарее за поведение огневых взводов на поле боя.

— Стой! — Величко поднялся, прошел из угла в угол.— Нельзя спешить с выводом. Мы имеем дело с документами особой важности... Нельзя,— он опустился на табурет у стола.

Стояла тишина. В подземелье не проникали никакие звуки снаружи. Командир батареи сидел спиной к перегородке, я — напротив. Техник-интендант открыл дверцу углового сейфа и замер, обратившись весь в слух.

— Это документ особой важности,— Величко начал листать инструкцию с конца,— начнем по порядку... выстрел орудия... это огонь... поэтому в уставах сказано: «Артиллерия ведет огонь». Пехота стреляет... даже самая длинная пулеметная очередь — всего лишь веер пуль, понимаете? Вам запрещается использовать орудия для подавления целей малозначащих... вести огонь из гаубиц по воробьям, а может быть... также и по зайцам...

Однако «воробьям» и не в меньшей мере «зайцам», когда они с автоматами, и мощные железобетонные форты нипочем.

— Вы имеете в виду Эбен-Эмаэль? [1] Конечно,— лейте-

---

[1] Мощный бельгийский форт, принужденный к капитуляции группой немецких парашютистов в мае 1940 г.— *Авт.*

нант Величко медленно закурил,— но войдем в положение лиц, работавших над инструкцией... Перед их взором вся граница... сотни батарей... Если каждый лейтенант в какой-то случайной стычке подаст команду «огонь!»... что тогда? Не стану говорить о положении на Дальнем Востоке. Здесь атмосфера накалена значительно больше... война не война, а нападение ограниченного характера... скажем, с демонстративной целью... и вот ваш стопятидесятидвухмиллиметровый снаряд... грохнется с рикошета на немецкой стороне... одиночный разрыв вызовет резонанс на всем протяжении западной границы... повод для войны... Вы это понимаете?

Да, разумеется. Но вернемся все же к старшему на батарее. Огневые взводы инструкций не читают... им-то что делать? Открывать огонь... прятаться?

Третье лицо — свидетель инструктажа, техник-интендант подошел к столу.

— Разрешите? — он взял предложенную Величко папиросу.— Товарищ лейтенант, неужели начнется война? Как вы думаете?

— Я ничего не думаю,— ответил Величко.

— Ну как же? Полчаса говорили тут,— интендант взял инструкцию,— «готовность к открытию огня», «направление стрельбы», «мост у водяной мельницы»... это там, где мы переезжаем речку? Просто не верится... мороз по коже, а вы... «ничего не думаю». Неужели вы, товарищ командир, не боитесь? — техник-интендант поглядел с сочувствием.

Конечно, обязанности лиц его профессии, как и смежных — связистов, техников, автомобилистов, саперов и всех, представляющих учреждения и службы боевого и материального обеспечения,— несравненно проще. Война ли, провокация — военнослужащим тыла нет нужды ломать над этим голову. Ключ от сейфа в карман, имущество на телегу, личные дела в папке. От бомбы в придорожной канаве достаточно места, укрытие за всякой кочкой. Не нужно побуждать других к действию, прицеливаться, вести бой. А тут — орудия, боеприпасы, тягачи... люди. Каждому определено место, и ими нужно управлять. Не уйти и не укрыться, потому что они — те, кто у артиллерийских орудий, за броней танка, в стрелковой цепи,— воины, они должны стоять лицом к противнику и сражаться, не помышляя о собственной участи.

И заботы у каждого свои. Зачем порицать интенданта? Круг его служебных интересов несравненно уже, чем командира подразделения, скажем, у лейтенанта Величко,—

и человеческая природа направляла избыток внимания интенданта в сторону близких ему людей.

— ...Мы-то уйдем... моя старушка... беда, граница-то рядом...— интендант пустился в воспоминания о первой мировой войне и бедствиях, которые пережило мирное население. Разговор, кажется, тяготил командира батареи. Стараясь положить конец воспоминаниям, он щелкнул крышкой часов, потом обратился к папке, но намек не остановил словоохотливого секретчика.

— К вам стучат... извините.

Интендант направился к двери.

— Штабной унтер старой армии... деликатен, молчалив, а тут совсем заговорил...— продолжал Величко.— Служили вместе в одном артиллерийском полку. Так на чем мы остановились? Да... в колонне огневых взводов достаточно стрелкового оружия... Как вы используете его?

Так же, как и орудия,— расчет Проценко отражает нападение с фронта, Дорошенко — справа, третий и четвертый расчеты — слева и с тыла. Ну, а если нападающие располагают тяжелым оружием?

— Не исключено... этого нужно ожидать.

Как подавить батальонную пушку, даже 50-мм ротный миномет? Карабины и пулеметы огневых взводов беспомощны.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь. Вести огонь из гаубиц нельзя... запрещено.

А танки?

— Вопрос серьезный... в настоящий момент здесь нет ясности. Хотелось бы думать, что обстановка прояснится раньше, чем танки появятся перед нашими стволами... Я думаю, так и будет.

Командир батареи говорил убежденно, и я был готов согласиться. Но тут неожиданно пришла со стороны поддержка. Техник-интендант выступил из-за перегородки и предостерегающе поднял руку.

— Загвоздка-то в том, товарищ командир, что панцеры имеют обыкновение заходить с тыла... вспомните Польшу, Францию... Великие державы, а что получилось? — он крякнул и опустил руку.

— Для орудий моей батареи безразлично, откуда они зайдут,— сказал Величко.— Личный состав огневых взводов должен всегда знать свое дело.

Да, разумеется.

— Товарищ лейтенант, воинская присяга нерушима и сохраняет силу при любых обстоятельствах.— Величко по-

низил голос.— Меня больше беспокоят средства связи... Наши телефонные линии действуют исправно... Можете вести переговоры со всеми штабами... Но стоит объявить тревогу, начинается... капсули в трубках сыреют, контакты окислились, рвутся провода. Будто телефонные аппараты предназначены для стрельбы и телефонисты пользуются ими в рукопашной схватке, как холодным оружием. Нужна четкая, беспрерывная связь, прямая, от старшего к младшему, и в обратном направлении... Штабы частей обязаны доносить дивизионным и уровским инстанциям обстановку, а эти... старшим штабам. Представляете, как неустойчиво управление... Уровские части должны удерживать приграничные позиции, полагаясь только на себя и ни на кого другого.

А пограничники?

— Что вы хотите сказать?

Пограничники разве не учитываются?

— Вы военный человек,— отвечал Величко нетерпеливо.— Задача пограничных подразделений... охрана границы от нарушителей-одиночек и мелких групп... несение сторожевой службы, не более... Пограничные заставы и отряды меньше или больше пехотного батальона, но они имеют только стрелковое вооружение: комар против носорога.

Но, может быть, у пограничников надежнее связь?

— Боевые возможности их ни для кого не секрет, а связь, не знаю...— и, считая вопрос исчерпанным, командир батареи вернулся к инструкции.— Наш дивизион в лучшем положении, чем уровцы, расстояние до границы исчисляется сотнями метров... Им размышлять некогда в случае чего... Так-то, товарищ лейтенант... Лично мне больше доверия внушает связь через нарочных, чем телефонная...

Линия, связывающая командира батареи с огневой позицией, обслуживается техническими средствами и должна работать бесперебойно. Управлять огнем через посыльных невозможно...

— Согласен... Командир дивизиона направил запрос начальнику артиллерии корпуса по поводу этой инструкции... Судя по содержанию, планирование оборонительных мероприятий не закончено. Месяц назад нас привлекали к решениям всех перечисленных задач... силами подразделений, которые существовали только на бумаге... Обстановка на сегодняшний день улучшилась. Мы можем действовать, нужно конкретизировать узловые вопросы и увязать требования инструкции с положениями воинских уставов. Как понимать, скажем, выражение «диверсионные группы»?

Я могу определить численность наступающего в секторе стрельбы противника... его намерение... но специализация не мое дело,— лейтенант Величко отодвинул папку.— Продолжайте... Знание этих документов я проверю практически, на каждом этапе с момента объявления боевой тревоги, а завтра... с привлечением огневых взводов,— Величко вышел.

К полудню тень решетки переместилась на середину комнаты. Я занял стол ближе к проходу, намереваясь продолжить занятия.

Рядом стоял большой металлический шкаф. На стенках проступала пятнами ржавчина. Техник-интендант, облачившись в клеенчатый фартук в дополнение к черным нарукавникам, открыл дверцу и стал вынимать бумаги. Покончив с разгрузкой шкафа, он появился с кистью в руках. Запахло краской. Техник-интендант ходил к перегородке и обратно к шкафу, вынуждая меня прерывать чтение.

— Сидите... какой вы, право... никого ведь нет,— говорил он всякий раз, поравнявшись с моим столом. Техник-интендант сухонький, с усами ежиком, в чистой, выглаженной одежде, имел три кубика в петлицах. Он — старший.

Понятия дисциплины того времени зиждились на букве устава. Всякий, кто без должного уважения относился к букве,— попирал суть заключенных в ней требований. Считалось также, что должностные лица не имеют права пренебрегать правилами субординации, знаками внимания со стороны младшего. Если команда для встречи подана, старший обязан принять рапорт.

Всякий раз я поднимался, слушал интенданта, человека, который в моем понимании склонял строевого командира к сделке с его совестью, должно быть, думал прельстить поблажкой. Нет, я твердо знаю, как вести себя в присутствии старшего, и не нуждался в снисхождении со стороны интенданта.

Комната секретной части штаба вентилировалась слабо. Недоставало света. Окна — одно за перегородкой, другое освещало «зал», как значилось на бирке, справа от входной двери. Запах сырости и олифы заставил меня отодвинуть папку.

— Пожалуйста,— с готовностью согласился интендант, когда я спросил разрешения открыть окно,— хотите отдохнуть? Разумно. Вы не возражаете, если я закончу красить? — и водил кистью, придерживая лист, куда падали капли.

Из узкого окна сектор обзора ограничен, но было видно, как за речкой крестьяне косили сено, женщины метали стог. Работавшие в поте лица люди вернули меня к инструкции. Что произойдет, если там, где резвился лошачок, вспыхнет облако огня и дыма? Нет, там лягут только одиночные снаряды, те, что отклонятся. Центр эллипса рассеивания — это ясно — монастырь. Последует сигнал тревоги. Нужно бежать в парк... Сцепка, затем — марш. Действовать, сообразуясь с обстановкой... Первоочередная задача старшего на батарее — привести орудия в выжидательный район. Все остальное — потом.

Я уложил листы и собирался возвратить документы интенданту, когда в комнату вошел старший лейтенант Шилкин, сопровождаемый командиром батареи.

Техник-интендант щелкнул каблуками, поспешно снял фартук и стал докладывать помощнику начальника штаба, что в секретной комнате происходят занятия согласно расписанию. Старший лейтенант Шилкин подошел к моему столу.

— Объясните порядок действий старшего на батарее после сигнала «боевая тревога»... Так... Зачем тащить колонну в выжидательный район? Так... так... вроде бы верно,— старший лейтенант взглянул на командира батареи.

— Да... теоретически...— лейтенант Величко не желал оставлять подчиненного командира в заблуждении относительно его задач.

— Монастырь, парки, район села Зимно... в пределах досягаемости огня немецкой артиллерии... С начала боевых действий они подвергнутся обстрелу,— продолжал старший лейтенант Шилкин.— Вам приходилось видеть разрывы снаряда вблизи?

Я вспомнил эпизод, произошедший на Ново-Московском полигоне в прошлом году во время зачетных боевых стрельб курсантов выпускного курса. Из-за ошибки стреляющего при подготовке исходных данных 152-мм снаряд лег в сотне шагов от наблюдательного пункта.

— В сотне шагов от наблюдательного пункта? — заинтересовался лейтенант Величко.— Вас то где застал разрыв... в траншее? И что же? Каково впечатление?

Трудно передать. На меня обрушился непередаваемо жуткий вой с каким-то лязгом и присвистом. Разрыв всколыхнул под ногами землю. Помню выражение лиц курсантов в ячейке. Только майор Предтеченский — старший преподаватель стрельбы, командир батареи в годы прошлой

мировой войны — сохранил подобающую артиллеристу-фронтовику невозмутимость.

Помощник начальника штаба с усмешкой спросил командира батареи:

— Вы находите... случай... заслуживает внимания?

— Нет, разумеется...

Чрезвычайное происшествие годичной давности на Ново-Московском артиллерийском полигоне не интересовало старшего лейтенанта Шилкина. Он думал о завтрашнем дне.

— Орудийные номера заняты только своим делом, наводчик он или водитель тягача... Но старший на батарее помимо своих, чисто функциональных обязанностей должен управлять поведением подчиненных ему людей,— глядя в раскрытую папку, говорил помощник начштаба.— Нападение, если оно произойдет, по всей вероятности, начнется огневыми налетами немецкой артиллерии... Представьте себе людей среди разрывов... скорее в парк... бежать, не оглядываться... ваше место впереди... вместе... рядом с отставшими... не размышлять, не медлить,— старший лейтенант перевернул титульный лист и умолк.

«Не размышлять... впереди... рядом с отставшими,— думал я.— Одновременно в разных точках пространства?..»

— Вы не понимаете: управлять поведением пятидесяти человек... это значит не упускать того, что происходит,— начал объяснять лейтенант Величко.

— Пространство... понятие в некотором роде условное... С точки зрения боевой задачи вы должны обеспечить последовательность действий... важен конечный итог. Привести огневые взводы в парк и дальше, в выжидательный район. А уж как там вы сочтете... бежать ли цепью, гуськом ли, россыпью... не имеет решительно никакого значения. Я понятно говорю, товарищ лейтенант?

Да, вполне.

— В таком случае...— помощник начальника штаба поднялся с табурета. Тут вошел техник-интендант с ведомостью. Принялся считать листы в папке.

— Товарищ старший лейтенант... держу я в руках эту инструкцию, да ведь... это война. Как же так?

— Благодарю вас,— вежливо наклонил голову младший годами Шилкин,— как-нибудь зайду, поговорим, а сейчас некогда, правда,— он обратился к лейтенанту Величко и ко мне,— пойдемте.

— Не беспокойтесь... я понимаю,— техник открыл дверь, сделал шаг в сторону.

За воротами коновод держал подседланных лошадей. Перикла я не видел.

— Жеребца выводите сами,— сказал командир батареи,— раз вы взяли на себя... не стоит передоверять дневальным...

Перикл под седлом стоял на коновязи. Правила обращения всадника с необъезженной лошадью требуют определенной последовательности. Спешить не рекомендовалось.

В поводу я привел Перикла. Окинув жеребца взглядом, старший лейтенант Шилкин спросил командира батареи.

— Так это тот норовистый... из Желкува? Еще не угомонился? — он воткнул ногу в стремя, легко оттолкнувшись, сел в седло.— Марш!

В парке я был подвергнут форменному допросу. Спешивался не менее десяти раз, чтобы показать пути подъезда, сцепку тягача с орудиями и т. д.

— Пока достаточно,— старший лейтенант Шилкин подал команду «шашку вон!» — В каком направлении движется колонна в выжидательный район? Укажите клинком.

Я повернул Перикла в сторону монастыря на выход из парка. Перед линией тягачей помощник начальника штаба задержал коня и направился к арке. Следом — командир батареи, за ним — я, мимо орудий 3-й батареи, 2-й, 1-й. Выехали за черту парка. Старший лейтенант Шилкин остановился.

— Сосчитайте, сколько мы сделали поворотов? — обратился он к лейтенанту Величко.— Три?

— Так точно, три, товарищ старший лейтенант,— и поглядел на меня через плечо.— Думаю, старший на батарее понял ошибку... никакой арки! Он поведет колонну прямо, кратчайшим путем... на изгородь!..

Старший лейтенант Шилкин дал шпоры коню. Все перешли на рысь. Старые липы, манящие своей тенью в жаркий полдень, окружали кладбище села Зимно. Старший лейтенант провел строй в один конец главной аллеи, потом в другой. Остановился перед часовней. Деревья цвели, распространяя аромат зелени и меда. Жужжат в листве пчелы. Кладбище со всех сторон закрыто живой изгородью — жасмин, черемуха. Над могильными холмиками тишина. Душно.

Но прохлада в тени деревьев не отвлекла моих начальников, занятых тем, чтобы внушить старшему на батарее чувство ответственности за выполнение боевой задачи подразделения. Инструкция — документ обобщающий. Построенную условно ситуацию следовало конкретизировать.

Известны, к примеру, маршрут, расстояние, характер местности. Эти данные используются для расчета времени, необходимого огневым взводам на занятие выжидательного района и последующих действий, таких, как подготовка к самообороне, организация наблюдения, оповещения, связи, маскировки и прочее.

— Говорите, что западный сектор прикроете первым огневым взводом, южный и восточный... вторым? — после осмотра кладбища спрашивал помощник начальника штаба.— Командиры орудий доложили о готовности... противник начал обстрел... снаряд разорвался с перелетом... там, на лугу... еще один за хатами,— он указал в противоположную сторону.— Что следует делать?

Людей у орудий укрыть, оборудование позиций продолжать, наблюдение не прекращать.

Лейтенант Величко очертил рукой круг, включив село Зимно в район монастыря.

— Колонна вышла из парка. Из кабины вы видите... кладбище подверглось обстрелу. Ваше решение?

Продолжать движение в запасный район.

— Обязанности в общих чертах вы усвоили,— резюмировал командир батареи.— Скажите, с какой целью мы занимаем выжидательный район?

Увести огневые взводы из парка, чтобы уменьшить потери от огня. Укрыть от наблюдения, ждать указаний.

— Закончим,— объявил старший лейтенант Шилкин и, приподнявшись в стременах, потянул вниз нависшую ветку липы. Величко стал срезать ножом покрытые золотистыми соцветиями ветви и передавал их старшему. Оглядев букет, помощник начальника штаба поместил его в зазор передней луки и повернулся ко мне:

— Разверните вашу карту.

Я подтолкнул Перикла. Жеребец поравнялся с конем помощника начальника штаба.

— Укажите точку нашего местонахождения!

В артиллерийской терминологии кладбище называется «твердой точкой». На картах масштаба 1 : 25000 нанесены контуры кладбищенской ограды, часовня. Это — знаки, позволяющие привязаться к трангуляционной сети, определить координаты. Я задержал острие карандаша у основания конуса с крестом — графического обозначения часовни.

— Ясно,— согласился старший лейтенант.— Проложите маршрут в запасный выжидательный район.— И когда я сое-

динил оба овала — кладбище с опушкой леса, который лежал на западе,— он распорядился: «Ведите... рысью!»

Вслед за Периклом, стуча копытами, шли кони старших. Коновод позади отбивался подхваченной на рыси жердью от сельских собак. Старший лейтенант Шилкин крикнул мне:

— Переводите коня на галоп!

Не исключено, что артиллерия противника предпримет обстрел парков и кладбища одновременно. Огневые взводы попадают в зону сплошного огня. Колонну следовало повернуть, не доезжая до восточной окраины Зимно. Дорога останется слева. Перед опушкой леса я придержал коня.

Деревья стояли часто, занять укрытия с ходу нельзя. Придется колонну остановить.

— Не хотел бы я видеть гаубичные стволы по кромке леса, один возле другого,— заявил старший лейтенант Шилкин, когда я доложил свое решение.— Район — это не точка и не линия... Почему бы вам не протянуть колонну вперед, к поляне,— он ткнул карандашом в мою карту,— видите одинокое дерево? Груша, кажется... там развернитесь. И обзор обеспечен приличный... Укажите основной сектор... дополнительный. Пять минут на осмотр района, отправляйтесь.

Конь почувствовал свободу, с места рванул в галоп. Я вынужден был прибегнуть к мундштукам, чтобы умерить бег. Конечно, «район... не точка»... но груша находилась все же за пределами нанесенного на мою карту овала.

Вернувшись, я доложил старшему лейтенанту.

— Верно. Я уточняю задачу... держите карту,— старший лейтенант Шилкин росчерком карандаша включил опушку с дикой грушей в пространство с надписью: «3-я батарея».

— У вас есть вопросы? — спросил Шилкин командира батареи и, щелкнув кнопками планшетки, закончил:

— Занятия прекращаются... За мной, рысью... марш!

Перед воротами КПП кони перешли на шаг. Помощник начальника штаба и командир батареи спешились. Коневод увел лошадей.

— Карту оформите на завтра к двадцати часам... Вы свободны,— сказал командир батареи, но когда я тронул Перикла, остановил.—...У нас существует правило... населенные пункты посещаются в сопровождении коновода... Как у вас с питанием? В поездках на обед держитесь вместе... Нужно соблюдать осторожность,— и пошел к воротам вслед за помощником начальника штаба.

Непоенный Перикл, сопя, жадно глотал воду. Дневальный подбавлял из бочки одно ведро за другим. Послышались голоса — Поздняков и Гаранин.

— Глядите, перегрелся конь... нельзя столько,— советовал Гаранин, глядя на раздутые бока жеребца.

— Ничего, товарищ младший лейтенант, вода нагрелась, как чай без заварки,— отвечал дневальный.— Солнце-то палило весь день.

Подошел Поздняков.

— Заканчивайте водопой... Едем, не то останемся без ужина,— он сел в седло, подобрал поводья.— Сегодня мы можем разрешить себе отдых. У нас более полутора часов.

Приученные к строю, обе кобылицы шли рысью стремя в стремя. Перикл брыкался, полсотни километров, пройденных за день, ему нипочем, нужно сдерживать.

Цивильные знакомые

Всякому, кто приходил во двор в пору предзакатного солнца, панна Зося на крыльце с поднятой рукой в пронизанной лучами одежде представлялась бело-розовой феей, олицетворением всего, что было привлекательного в облике молодой девушки. Красавица-полька, стройная, гибкая, в меру высокая и полная, занимала младших лейтенантов больше, чем стол набожной старухи, настроенной враждебно к переменам, которые после крушения панской Польши происходили на землях Волыни. К тому же старая хозяйка с поразительным упрямством требовала соблюдения местного этикета и становилась прямо-таки неприятной в своем недовольстве.

Белокурые волосы панны Зоси, небрежно заплетенные в косу, тяжело опускались через плечо и грудь вниз к поясу. Щеки, чуть тронутые румянцем, яркие губы и глаза, мерцающие необыкновенной синевой под тонкими с надломом дугами рыжеватых бровей. Польский язык панны Зоси почти не нуждался в переводе, но не оттого, что раскрывал перед собеседником суть ее мыслей. Речь девушки сопровождалась необыкновенно выразительной мимикой, как у всех искренних и прямодушных людей.

Омрачить настроение панны Зоси, вывести ее из состояния восторга могло лишь какое-то необыкновенное происшествие. На губах ее блуждала улыбка, и вся она будто светилась доверчивой радостью при встрече долгожданных знакомых.

Молодая хозяйка приветлива, самоуверенна и несколько высокомерна, но при всем этом ее беспокоит что-то всерьез и постоянно. Она внезапно задумывается и умолкает. О чем бы ни шла речь, соглашалась она или возражала, в такие моменты лицо неизменно сохраняло выражение скуки и досады. Панна Зося отдавала предпочтение командиру взвода управления. Но странно, глядит она на обоих младших лейтенантов с укоризной, даже обидой, так же, как на бабусю, будто она — кредитор, а эти все трое — должники.

В доме строгая дисциплина, порядок, чистота. Панна Зося обращается к старухе по хозяйственным вопросам почтительно и выполняет в точности все ее указания. Во всем достаток — богатая мебель, некрестьянская утварь, столовое серебро, предметы обихода не согласовывались с положением двух одиноких женщин. Для бабуси ведение хозяйства уже не по летам, а панну Зосю влекли всецело радости, которые несло ей неизведанное бытие.

Младшие лейтенанты — тот и другой — совершенно покорены беспечностью и обаянием панны Зоси. Их нисколько не интересуют прежние, а может статься, и настоящие хозяева дома. Кто жил здесь до недавнего времени? Для меня это загадка. Во дворе — скот: три или четыре коровы, свиньи. Под навесом два великолепных экипажа. Конюшня, однако, пустует.

Националистически настроенная старая полька не давала себе труда скрывать свою враждебность, молодая — не обзавелась еще собственным мнением и не особенно, кажется, страдала от этого. В центре духовного мира обеих — дева Мария, патронесса земли Польской, покровительница всех женщин, владевшая испокон веков их сердцами и умом. Изображение девы Марии в золоченой раме ежедневно украшается свежей зеленью. Когда старуха обращает свой взор к матке бозке, ее лицо преображается, отрешенное от всего мирского.

Старая хозяйка не переносила Позднякова — бедняга из-за этого не раз краснел при всех. Тщетно старалась панна Зося поддержать согласие. Старуха была непримирима. Младший лейтенант держался стоически, был неизменно учтив, но не мог скрыть своих чувств к девушке и еще больше раздражал этим старуху.

Кто готовил вкусные блюда? Неизвестно. Накрывала стол, точнее, заканчивала сервировку панна Зося. Поздняков следовал за ней неотступно, стараясь упредить всякое желание: он открывал дверь раз за разом и готов был

подхватить тарелку с обжигающим супом, вдруг она свалится с подноса.

Обе женщины состояли в родстве, может быть, близком. Сходство между ними несомненное. Рисунок глаз, разлет бровей и что-то общее в произношении и голосе.

Старуха была подозрительна и полагалась на благоразумие девушки не больше, чем на учтивость младшего лейтенанта. Стоило Позднякову выйти вслед за панной Зосей, она приходила в беспокойство.

— Зосью... ты задерживаешься...— и показывала намерение подняться с кресла.

В части терминологии хозяйка строга и не признает никаких званий неславянского происхождения. Военный человек без конфедератки, по ее мнению, стоит на уровне с цивильным. Ношение пилоток простительно только потому, что ей импонируют звон шпор и ремни полевого снаряжения. Гаранину и мне она говорит «поручик». К Позднякову обращается, подчеркнуто растягивая слова, «пан командир» — единственные, произносимые ею по-русски.

Старая хозяйка, в очках, с библией на коленях, сидит в своем кресле. Нужно соблюдать этикет: в сенях снять пилотки, поклониться, прищелкнуть шпорами и ждать приглашения «пшепрошу». Снова наклон головы, отодвигается стул. В застольном разговоре единственная тема — бог и вера. Обязанности переводчика выполняет панна Зося весьма небрежно. Поздняков справлялся лучше, но хозяйка предпочитала импровизацию девушки.

Старуха перебирала четки. Мы ели молча, осторожно двигая ложками. Панна Зося в переднике оставалась рядом с креслом. Бабуся вышла.

— Пан поручик, сегодня занятия? — спросила панна Зося.

Командир взвода управления обучал девушку верховой езде. Желание стать амазонкой у нее появилось после помолвки. Она выходит замуж. Сюрприз предназначался для жениха, и все, связанное с конной подготовкой панны Зоси, делалось под покровом тайны.

— Вечером... с наступлением темноты,— Поздняков взглянул на часы.

Младший лейтенант не был свободен в выборе времени. Командир батареи вызывал командира взвода управления к себе на 21 час. Приказание об этом посыльный передал Позднякову на коновязи, когда мы садились в сёдла.

— То е... поздно,— панна Зося поспешно прошла к окну.

Со двора доносился лай собаки. Мелькнула тень всадника. Раздался стук. В комнату вошел человек высокого роста, лет тридцати, в бриджах с крагами, усы щеточкой. Бледное лицо, открытый лоб, зачесанные назад волосы. Жокейское кепи он держал в согнутой руке, по-офицерски.

— О... пан Ян... знаменитый ювелир и... фальшивомонетчик,— с веселым смехом встретил вошедшего Поздняков.— Здравствуйте!

Все поднялись.

Пан Ян молча отвесил присутствующим положенный поклон.

Поздняков спросил:

— Что случилось? Сегодня ведь среда.

Я знаю со слов Гаранина: пан Ян увлекается спортом, соответственно этому ведет себя и одевается. Он — англоман. Невесту навещает только в дни, заранее назначенные, чаще всего в субботу, верхом на вороной тонконогой кобылице. Во Владимире-Волынском и где-то там, на другом берегу Буга, он владеет ювелирными магазинами и ведет еще какие-то коммерческие дела.

Вошла бабуся. Пан Ян поклонился, сделал неторопливый жест, как бы отстраняя кого-то, кто мог бы ему препятствовать, поцеловал руку старой женщины и, обогнув стол, опять же, будто заручившись согласием то ли хозяйки, то ли еще кого-то отсутствовавшего, с улыбкой умиления направился к панне Зосе.

Бабуся положила конец церемонии, опустившись в кресло. Прошло несколько минут в молчании. Ужин продолжался.

— Важные дела, должно быть, заставили вас приехать... пан Ян? — прервал затянувшуюся паузу Поздняков.

— Да, важные... бендзе война... пан поручик хорошо знает.

— Гм... надеюсь, вам вернули деньги? — Поздняков хотел, по-видимому, повернуть разговор в другую сторону.

Вчера вечером Гаранин рассказал мне, что, несмотря на перемены последнего времени, коммерческие дела пана Яна шли вгору. Его магазин стал местом нескольких сделок, и весьма выгодных. Владелец остался доволен и начал хлопотать по поводу обмена изрядных сумм на иностранные деньги. И тут обнаружилось, что гражданские лица, приобретавшие драгоценности, оплачивали их облигациями займа. Операция по обмену, естественно, приостановилась. Взбудораженные коммерсанты пришли в негодо-

вание. Посыпались жалобы во все учреждения — гражданские и военные.

Пан Ян не состоял в родстве с бабусей, но во взглядах обоих было много общего. Неприязнь старой набожной женщины к нам носила в общем отвлеченный характер. Для нее всякий атеист — человек заблудший, но он может еще раскаяться в грехах и не потерян для христианской церкви,— его нужно наставлять.

Пан Ян не прибегал к риторике старой женщины. Но, как и она, не скрывал своих взглядов. Торговля драгоценностями — занятие практическое. Пан Ян был настроен откровенно враждебно и не упускал случая, чтобы рассеять у окружающих всякое сомнение на этот счет. Слухи о войне будоражили его коммерческую душу.

Поздняков затронул, по-видимому, больное место.

— Деньги потеряны... Мыслимо ли? Обман! Ваше военное командование клятвенно обещало соблюдать права торговли! — воскликнул, сердито сверкая глазами, пан Ян.

— Вы стали жертвой аферы... при чем здесь командование? Вас надул негодяй,— Поздняков предпринял попытку умерить гнев ювелира.

— Мне все одно. Если вы не в состоянии оградить честного торговца от...— пан Ян терял самообладание,— так что же это... за освобождение? Верните мою собственность, вы слышите, пан поручик?

Горячность коммерсанта начала заражать Позднякова.

— Послушайте... подобным тоном говорить со мной я не позволю,— младший лейтенант поднялся, отвесил поклон бабусе,— потрудитесь соблюдать меру.

— Цо?.. Мне? Меру?..— вопил пан Ян.— То есть грабеж средь бела дня... деньги верните!

— Милый Янек,— взмолилась бабуся,— Езус Мария... что подумают паны поручики, право, вы добрый... великодушный человек...— и всплеснула руками.

В глазах панны Зоси стояли слезы. Бабуся протирала стекла очков. Пан Ян с шумом отодвинул стул, за которым стоял, с деланной улыбкой вынул из кармана платочек и, бормоча бабусе извинения, галантно раскланялся.

Гаранин положил вилку, готовый выйти из-за стола.

— Нет... нет,— панна Зося удержала младшего лейтенанта,— зачем ссориться за столом... не обижайтесь,— слез как не бывало, она улыбалась.

Бабуся указала на стул рядом со своим креслом. Пан Ян с той же миной поблагодарил и уселся. Минуту-другую длилось неловкое молчание. Ужин шел к концу. Панна

Зося весело говорила о пустяках, обращаясь то к бабусе, то к жениху. Поздняков озабоченно поглядывал на Гаранина. Уйти сразу означало бы нарушить только установившийся мир.

Отражение в зеркале напротив джентльмена с усиками несколько примирило пана Яна с окружающими. Он поправил массивную золотую цепь с брелками на жилетном кармашке и спросил:

— Скажите, правда ли, что... у вас в России поощряется обмен женами? — вопрос прозвучал с акцентом, но по-русски.

— Какой ужас, неужели это возможно? Как же дети? — панна Зося в изумлении прижалась к жениху.

— А дети,— торопливо отвечал пан Ян, не желая оставлять невесту в неведении ни на одну минуту,— о... маленькие несчастные создания отдают в большие дома... на произвол жестоких и свирепых надзирателей... наказывают за шалость без всякой пощады,— в негодовании воздев руки, закончил коммерсант.

Панна Зося должна быть довольна своим выбором. Ее жених умел задавать вопросы и сам же отвечал весьма обстоятельно. Дети лишены детства, их направляют чуть ли не из роддома в концлагеря под надзор НКВД. Цивильные люди не моются, пищу им выдает администрация и т. д.

Зачинщик ссоры вторил гнусным измышлениям, которые распространялись за рубежом о нашей стране. Злопыхательская болтовня коммерсанта начинала надоедать хозяйкам. Бабуся теряла интерес, пан Ян не мог не заметить этого.

Гаранин переглянулся с Поздняковым и, поблагодарив хозяек, направился к двери. Бабуся осталась. Мы вышли во двор.

Пан Ян провожал своих противников — младших лейтенантов и меня — к воротам и ждал с видом оскорбленного, пока продолжалась посадка. Поздняков повернул свою лошадь. Гаранин поравнялся с ним. Оба по-польски поднесли два пальца к пилоткам. Панна Зося взмахнула рукой, ее жених поклонился в ответ, как требовал английский этикет.

* * *

17 июня, 6 часов 15 минут. Покой и утреннее безветрие предвещали жаркий день. В листве кленов — старые огромные деревья занимали добрую часть монастырского двора —

птичий гомон. Ласточки, воробьи, на крыше ворковали голуби. Пели где-то петухи.

Я возвращался с берега обычным путем как все, кто после утренней гимнастики хотел окунуться в прохладную лужскую воду. Путь в оба конца занимал не более пяти минут, примерно столько, сколько к умывальнику за оградой, оборудованному рядом с коновязью.

Во дворе — ни одного человека. По распорядку сейчас утренний осмотр. Режим дня соблюдается с точностью до минуты — важный показатель состояния дисциплины во всякой воинской части.

Личный состав 3-й батареи, кроме лиц внутреннего наряда, построен в две шеренги повзводно в проходе, разделяющем казарму на две половины. Осмотр производят помощники командиров взводов под руководством старшины.

Старшина молча наблюдал за ходом осмотра. Может быть, кто-то находит его лицо простоватым, но это не укор честному служаке. Все видит опытный глаз старшины. Ближайший помощник командира батареи, старшина занимался обеспечением личного состава всеми видами довольствия, хранением стрелкового оружия и патронов, организацией службы внутреннего наряда, присматривал за поддержанием воинского порядка в казарме. Мне он не подчинен, но неписаные правила воинского такта обязывали блюсти субординацию. Старшина подал команду и направляется навстречу с докладом. Одет опрятно, ремень затянут, светится белизной подшитый утром подворотничок, на чистеньких черных петлицах — ряд красных треугольников. Во всяком движении точный расчет, сноровка, приходящая к солдату в неустанных трудах.

Наблюдая за поведением старшины, я вспомнил эпизод, имевший место при моем поступлении в Сумское артиллерийское училище. Один из членов приемной комиссии — человек гражданский — вознамерился непременно узнать побуждающие мотивы абитуриента. Чем объясняет молодой человек свой выбор? Поступающие отвечали преимущественно стереотипными фразами. Но мой товарищ Николай Бобров запутался и умолк, растерянно уставившись перед собой.

— Странно...— изрек за столом экзаменатор, взглянув на других,— будущий командир Красной Армии, значит, не отдает себе отчета в своем поступке... Так почему вы, молодой человек, обращаетесь к нам?

Члены комиссии ожидали, что скажет абитуриент. Бобров молчал довольно долго. И вдруг его осенило:

— Я хочу стать артиллеристом потому,— громко и членораздельно ответил Бобров,— что считаю воинскую службу единственным занятием, достойным порядочного человека.

Дотошный член комиссии счел ответ неуважительным и дерзким. В его поддержку высказались еще двое из начальствующих лиц. Мнения членов комиссии разделились. Одни одобряли ответ, другие нет. Конец разногласиям положил начальник училища полковник Иванов:

— Хороши же мы были бы, если бы начали принимать в военно-учебные заведения лиц, которые придерживаются противоположных убеждений.— И объявил Боброву: «Вы зачислены... молодец... желаю успехов в курсантской службе. Идите!»

Старшине 3-й батареи, наверное, не представился повод во всеуслышание высказаться на этот счет, но всем своим видом он свидетельствовал, что именно таково его жизненное кредо. Он твердо знал, как полагалось вести себя младшему командиру, и каждым своим поступком учил других блюсти интересы службы.

— Внимание... через пять минут утренний осмотр закончить,— подал команду старшина.

Я оглядел людей в шеренгах. 3-я батарея в части порядка во многом уступала курсантскому подразделению. Но предпосылки для совершенствования строевой выучки были налицо.

Командиры отделений приступили к устранению недостатков, обнаруженных в ходе осмотра. Тот заводил нитку в иглу, носимую в пилотке, другого учили заправлять гимнастерку, третий подшивал заново подворотничок.

Пришел Гаранин. По решению командира батареи, вместо утренних занятий личный состав огневых взводов идет на беседу к замполиту. Мы можем отправляться на завтрак.

Стол еще не был накрыт. Поздняков, переступивший порог, повернул обратно, но бабуся его остановила. Я вошел в комнату последним и оказался рядом с Гараниным. Поздняков стоял у двери. Бабуся отодвинула библию и принялась, как обычно, отчитывать неверующих и всех, кто относился без почтения к римской церкви.

Поздняков упомянул о былом величии константинопольских патриархов, но лишь подлил масла в огонь. Старуха продолжала свою постоянную проповедь, изобличая атеизм. У нее вызывает возмущение, что никто из нас не

осеняет себя крестом перед едой. И это подавало повод к нравоучениям, однообразным и нудным.

Возражать, ввязываться в полемику было совершенно бесполезно. Бабуся безапелляционно отвергала правомерность вопроса: есть ли бог? Мир сотворен... кем? Ни одному из смертных эта миссия непосильна. Человек ничтожно малая песчинка в необозримых просторах мироздания, сотворенный с ним заодно. Он является, не ведая откуда, живет, но однако же не так, как ему хотелось бы, а как живется, и исчезает вопреки своим желаниям в предопределенный свыше срок.

Творец всего сущего — бог. Он создал свет и тьму, и «...увидел... что это хорошо...» Отрицать бога бессмысленно, а тот, кто пытается это делать, поступает жестоко и негуманно, ибо отрицание лишает человека поддержки с высоты небес, со стороны непостижимой в своем могуществе силы. Оставшись один на один со своей слабой плотью, человек теряется, отгороженный в суете мирской от других, столь же, как он, безучастных к страданиям ближнего.

Рушатся устои, в душе наступает разлад, поскольку она, как и ее бренная оболочка, сотворена по замыслу всеобъемлющему творца. Покоя более нет, в умах воцаряется смятение и хаос — великий грех, ввергающий людей в предубеждение. Все, что им в корысть,— есть истина,— твердят они,— все же прочее — ложь.

Развивая свою мысль далее, старуха пересказывала в деревенской интерпретации реакционную сущность христианского вероучения. Нельзя, грешно противиться социальному неравенству, нищете и эксплуатации. Неимущий должен безропотно нести свой крест, уповая на блага, уготовленные ему в раю.

Церковь осуждает вмешательство государства, светских властей в божественный порядок на том основании, что власти, т. е. люди, под предлогом заботы, по своему произволу возводят якобы ограничения, и человек отвыкает пользоваться богатством разума, дарованного всем нам богом, для удовлетворения своих насущных потребностей, уподобясь скотам, удел же их — работать за корм и т. д. и т. п. Старуха не соблюдает ни малейшей последовательности и не считается решительно с доводами оппонентов. Могущество бога простирается в бесконечность, но если это так, то почему, спрашивается, не обратил он магометан, буддистов, иудеев, а прежде всего атеистов в лоно своей истины, т. е. христианской церкви, и если старушка несет

глагол божий, почему он не внушил ей убеждений пророка? Не далее, как вчера старушка возвестила, что бог сам служит объектом творческих упражнений и его нужно рассматривать вроде точки опоры, которую алчущий спасения христианин создавал в душе усилием своей собственной воли. Он же, христианин, в помыслах и деяниях следующий заветам святой веры, вступает таким-то образом в общение с богом и заручается согласием его. В удаче своей возносит хвалу богу, бедствующий находил спасение в храме его.

Мне, как и младшим лейтенантам, маловразумительная проповедь бабуси представлялась обыкновенной схоластикой. Игра мысли открывала источник благих надежд всем людям, если они поклоняются распятию.

Бабуся бесцеремонно отнимала у нас свободные часы только затем, чтобы доказать, будто атеисты слабы духом. Подобно всякому, кто отрицал очищающую роль христианских догм, которые утверждают бессмертие души, указуя людям путь нравственного совершенства и добродетели, мы втроем причислялись к сонму закоренелых грешников, погрязших во лжи и себялюбии. Поступки наши старуха толковала по-своему. Все мы, по ее словам, исходим из того, что поскольку смерть неизбежна, ее не миновать никому... ни царям, ни пахарям... так сто́ит ли стеснять себя выбором средств в погоне за житейскими благами? Атеист корыстолюбив и невоздержан, в моральном отношении он ущербная личность. Только умение кривить душой отличает его от людоеда и т. д. и т. п.

Ни утром, ни в обед, ни вечером не прекращается гонение на атеизм. Так и в этот раз. Мы завтракали. Бабуся после короткой передышки снова принялась изобличать греховную жизнь людей, не верующих в бога. Ее энергично поддерживала панна Зося.

— Вот ведь миссионеры,— тихо говорил Гаранин,— самый закоренелый папуас... преклонил бы колени, я уверен...

Бабуся потребовала перевести ей реплику.

Поздняков начал, но под взглядом панны Зоси умолк. Время, отведенное на завтрак, кончилось. Мы вышли. Гаранин отвязывал поводья. Поздняков озабоченно оглядывался, подтягивал подпругу. Панна Зося ушла, обычно она оставалась на крыльце до нашего отъезда.

— Не понимаю, зачем затевать эти богословские диспуты? — недовольно произнес Гаранин, когда затихло тявканье дворовой собаки.

— Это вы мне? — спросил Поздняков. Он хмурится. Панна Зося встревожена, старуха раздражена. Позднякову следует, кажется, проявлять больше сдержанности.

— Вы хотите переубедить их? — продолжал Гаранин.

— Как вам сказать...

— Выражайтесь яснее.

— Да... в некотором смысле... Я говорю не для ушей бабуси.

— Поэтому старуха и косится.

— Что же, по-вашему, сдавать позиции? Я обязан, кстати, как и вы, отстаивать материализм от нападок со стороны воинствующих церковников... и не отступлю.

— Охо-хо,— вздохнул Гаранин, попустив поводья,— и вы недалеки от цели... если хотите хлебать щи из котелка.

Поздняков имел в виду панну Зосю. Нет, он не ловелас, просто девушка нравилась ему. Навстречу бежал дневальный. Поздняков слез с лошади, проговорил серьезно:

— Нужно бороться с заблуждениями, а борьба требует усилий.

— Как знаете,— ответил Гаранин.— Мне нужно заменить уздечку кобылице,— он указал на хибару, сколоченную под оградой из горбылей, где хранились седла и вся прочая конская амуниция.

— До четырнадцати часов, товарищи командиры,— напомнил Поздняков и скрылся за поворотом на КПП.

Учебная тревога

Оба огневых взвода я застал в казарме. Старший сержант Проценко прервал объяснение правил ухода и хранения стрелкового оружия, положенного орудийному номеру. Люди, сидевшие вокруг ружейного стола, шумно задвигали табуретками.

Следом за мной пришел командир батареи.

— Подайте команду,— сказал он, взглянув на часы,— касается всего личного состава. Боевая тревога!

Пронеслось эхо: «Тревога, тревога...»

Помещение наполнилось топотом, шумом. Возле ружейных пирамид толчея. Люди разбирали оружие, противогазы. Перед столом дежурного выдавались патроны, ящики с приборами. С занятий прибежал Поздняков со взводом управления.

Ждать построения? Нет, не следует. Я вспомнил инструкцию. Кто замешкался, догонит по пути.

— Внимание, огневые взводы и взвод управления, за мной, повзводно, в парк!..

Командир батареи и замполит, наблюдавшие с порога за происходящим, бросились в бег.

1-й и 2-й огневые взводы миновали распахнутые ворота КПП. Люди взвода управления отставали. У разведчиков на каждом ранец, карабин, два подсумка, противогаз, бинокль, помимо того — треноги, тяжелые угловатые ящики стереотруб. Вычислители несли планшеты, папки, двое — громоздкий топографический зонт. Но больше всех загружены связисты. Катушки кабеля, аппараты, сумки, на лямках по четыре упаковки, входящие в комплект радиостанций, тяжелые ящики с аккумуляторами.

Командир батареи замедлил бег. Миновав арку, расчеты повернули к орудиям. Хлопают дверцами водители — они налегке, только ранец, оружие и противогаз.

В артиллерийских парках во всякое время толкутся люди, занятые изучением материальной части, чисткой, осмотром, уборкой территории. Сейчас все занятия приостановлены, внимание приковано к 3-й батарее.

— Моторы, тягачи к орудиям, сцепляй!

Орудия вытянулись в колонну к выходу из парка.

На развилке дорог — автомобиль ГАЗ-2А командира батареи. Красный флажок регулировщика преграждал путь на Зимно. Мой тягач сделал поворот, и колонна двинулась в сторону учебных огневых позиций. Позади клубилась пыль. Автомобиль командира батареи проехал вперед, остановился.

— Стой, глуши моторы! Постройте у орудий расчеты,— лейтенант Величко щелкнул крышкой часов и беглым шагом направился в хвост колонны.

— Кто наблюдает здесь за танками? — спросил он сержанта Дорошенко.— Ясно... за воздухом? Ни того, ни другого...

На марше меры охранения принимаются командирами орудий самостоятельно. В курсантских батареях соблюдалось неизменно правило: однажды назначенный курсант нес обязанности наблюдателя, даже если не был назначен. Но в данном случае старшему на батарее перед началом движения следовало напомнить командирам орудий.

— Та-ак...— командир батареи явно недоволен.— Прикажите подготовить к осмотру боеприпасы.

Люди приступили к разгрузке. Укладываются в ряд один возле другого ящики. Стучат открываемые крышки.

— Готово!.. Готово! — слышались голоса командиров орудий.

Лейтенант Величко шел и вдруг остановился, как человек, увидевший нечто необычное. В двенадцатом ящике лежал снаряд, покрытый слоем жирной смазки. Один-единственный среди полусотни других, блестевших в лучах полуденного солнца.

Пушечное сало. Даже в самом малом количестве, пушечная смазка, сгорающая под действием пороховых газов при выстреле, образует пленку на внутренней поверхности ствола. Ухудшаются баллистические характеристики орудия. Удалять нагар необходимо после стрельбы.

Осмотр продолжался. Командир батареи сделал еще два-три замечания.

— Инструкцию в общих чертах вы усвоили... Отбой! — объявил он.— Передайте: занятия продолжать по расписанию.

Взвод управления возвращается в парк. Гаранин увел орудия на позиции. Гул моторов затих.

— Что же это такое? — спросил командир батареи.— Никто не вел наблюдение, колонна шла как с завязанными глазами. Я говорю о поведении старшего на батарее и подчиненных ему огневых взводов в условиях сегодняшнего дня... понимаете? — Он умолк, глядя с отчуждением, которого я прежде не замечал.

Что отвечать? Не распорядился... забыл в спешке. А какая собственно разница? Совершен проступок по неведению или преднамеренно... Факт налицо.

Пауза затягивалась. По-видимому, следовало извиниться. Но командир батареи не желал слушать.

— Вы доложили мне двое суток назад, что подготовка боеприпасов к стрельбе не закончена. Почему не занялись ими? Почему вы не удалили смазку?

— Я отдал приказание в тот же день. Был занят. Позавчера — рекогносцировка, вчера в штабе, потом поездка... Сегодня собирался проверить после занятий.— Довод казался мне вполне убедительным.

— Мероприятия старших начальников не освобождают командира от его прямых обязанностей, ни в коем случае! У ваших орудий обнаружен снаряд, не подготовленный к стрельбе. Подобные упущения имеют место, наверное, и в дисциплине подчиненных вам военнослужащих, в содержании оружия. Я не педагог и не опекун, чтобы призывать к соблюдению требований, совершенно ясно определенных уставами. Старший на батарее несет ответственность еди-

нолично за состояние огневых взводов, их боеспособность и в конечном итоге за успешное выполнение задач подразделения. Тут ничего сложного нет, нужна только добросовестность. Командир, возглавляющий огневые взводы, должен старательно относиться к службе.

Меня смущал непримиримо суровый тон командира батареи. Легкомысленное отношение к службе... беспечность... противопоставление незыблемых законов дисциплины порядку, введенному на данный момент в подразделении...

За время пребывания в училище курсант-артиллерист не однажды выполняет обязанности должностных лиц батареи как в классе, так и на полевых занятиях. И я в таких случаях, подобно другим, иногда делал ошибки, которые вызывали замечания со стороны командиров и преподавателей. Независимо от того, носили они характер советов или выговора, я всегда чувствовал себя неловко, не задумываясь, однако, в чем причина. Но ни разу прежде мою совесть так болезненно не трогали обвинения, потому что вместо отвлеченных схем передо мной находились живые люди — огневые взводы 3-й батареи.

Всякий лейтенант, только одевший командирские знаки различия, несет с собой остатки гражданского индивидуализма, привыкший отвечать только за себя. Он обучен подчинять собственную волю требованиям лиц, наделенных властью старших, и довольствоваться сознанием человека, облеченного правом приказывать в такой же мере, как и подчиняться. Военное мышление вчерашнего курсанта ограничивается умением суммировать данные, необходимые для принятия решений в рамках должностных обязанностей командира взвода. Тем не менее он считает себя достаточно подготовленным к несению службы. Но оказывается, что знания и все, приобретенное за двухлетнюю службу в училище, составляют лишь часть образовательного ценза командира-артиллериста, обязанного собственными усилиями воплощать замысел стреляющего в действия полусотни людей, обслуживающих орудия.

И до той поры, пока жизнь не научит, мы заблуждаемся, порою совершенно непростительно для военного человека. Я, к примеру, со дня вступления в должность был занят постоянно, кроме часов, отведенных для сна и принятия пищи. И полагал, что недостаток времени является убедительным объяснением упущений, вскрытых в ходе боевой тревоги.

Но командир батареи придерживался противоположного мнения. Распорядок дня, рекогносцировки, изучение

инструкций, как и все сопутствующие обстоятельства, старший на батарее обязан использовать для укрепления дисциплины в огневых взводах и повышения собственных навыков, а отнюдь не наоборот.

— Не только белый подворотничок... одежда... внешние признаки... но и очищенные боеприпасы говорят о способности командира нести службу,— Величко ничего не желал прощать.

Со стороны огневых позиций подошел замполит.

— Вот именно, очищенные...— издали начал он,— ай, ай... нехорошо, товарищ лейтенант.— Замполит сдвинул назад пилотку.— Ясно... никакого опыта, со школьной скамьи... но граница ведь рядом, а вы потеряли бдительность.— Он остановился передо мной,— нехорошо, товарищ лейтенант, нехорошо... Вы и ваши люди должны строго соблюдать дисциплину... Только так... иначе поступать мы не имеем права!

— Никаких сроков я назначать не намерен,— произнес командир батареи и сомкнул шпоры.— Идите!

Со стороны огневых позиций доносились голоса. Гаранин замедлил шаг и остановился на полпути к буссоли.

— Огневые взводы, стой! — командир 2-го огневого взвода показывал завидную проницательность.— Всем, кроме командиров орудий, в укрытие!

* * *

Неочищенный снаряд! Вместо послеобеденного отдыха в последние дни люди работали в парке. Содержание боеприпасов входит в обязанности командиров орудий. Это известно каждому сержанту. Что может сказать командир 4-го орудия по этому поводу?

— Чистили, так точно, с одиннадцатого числа.

Командир 4-го орудия осмотрел снаряды?

— Так точно...— сержант запнулся,— за исключением двух ящиков.

Но он доложил, что боекомплект весь подготовлен к стрельбе.

— Так точно!

А на деле?

— Не полностью... Хотел проверить сегодня... не успел...

Он доложил о готовности младшему лейтенанту Гаранину?

— Так точно! Было приказано... раньше мы не докладывали.

Командир 4-го орудия знаком с правилами?

— Так точно! Сначала проверить, потом...— сержант бросил взгляд на Гаранина и умолк.

Командир 1-го орудия объяснил отсутствие наблюдателей тем, что из парка колонна двинулась в направлении учебных огневых позиций.

— Ну и что же?

— Раньше мы не назначали...

— И он туда же,— вспылил Гаранин.— Один после объявления тревоги развесил уши, другой не проверил! Отговорки и ничего более! Мое мнение... наказать обоих.— И, помолчав, командир 2-го огневого взвода решил расставить отсутствовавшие, очевидно, прежде ударения по своим местам: «Вы-став-лять... наб-лю-да-те-лей во всех случаях без всякого исключения!.. Боеприпасы при-вес-ти в над-ле-жа-щий вид к шестнадцати часам завтра, а также стрелковое оружие, средства химической защиты, снаряжение, обмундирование, обувь и все прочее... к тому же сроку и подготовить к осмотру... к восемнадцати часам!»

Командиры орудий отправились в укрытие. Перерыв продолжался.

— Мямля, не в состоянии управлять орудийным расчетом; всего-то девять человек,— в адрес сержанта говорил Гаранин. Но чувствовал он себя неуверенно. Объявленное мне замечание косвенно касалось командира 2-го огневого взвода так же, как и непосредственных виновников упущений — командиров орудий.— Дни, недели... на позициях, один-одинешенек,— Гаранин вытер платком запыленное лицо,— изнываешь в жару, под дождями мокнешь. Все примелькалось... свыкаешься... я перестал замечать бревно в глазу. Обломанные растения кажутся, как прежде, зеленым кустарником... Тут... канавы, следы гусениц, черт бы их побрал, а я шагаю по ним ежедневно, как на паркете, и вот заслужил выговор. Люди, не знающие службы, полагают, что у командира, если он безвылазно, день-деньской торчит тут, взгляд делается зорче. Как раз наоборот... дистанция, назначенная воинским уставом между мною и рядовым, сокращается до нуля... Так много не успеешь... Я младший лейтенант, и как меня не называли... командир огневого взвода или старший на батарее... не справлялся за троих и, вместо исполнения командирских обязанностей, действовал практически в роли надзирателя. А для подобной личности на огневых позициях нет и не может быть места.— Гаранин вынул часы. Занятия он не начинал, пока с наблюдательным пунктом не установлена связь.— Я не

привык кривить душой, есть и мой, как говорит бабуся, грех... Командир четвертого орудия... старательный парень... сегодня он не оправдал своей репутации. Да, видно, как бы хорош он ни был... нужно глядеть за каждым шагом... не послаблять требовательности. Он младший командир, стало быть, обращаться с ним нужно по-человечески... за усердие поощрять и взыскивать за оплошность, как положено по уставу.

Командир 2-го огневого взвода возвращался в обычное состояние духа:

— Вот... каюсь в слабости... Не раз уже зарекался... Натура у всех сродни... попустил, не пресек вовремя, так он и поровит срезать угол... без всякого умысла. Так и рождается лень... неряшество входит в привычку... Вы спросите, кто виноват? Тот, кто учит людей порядку... Я знал недостаток сержанта, сегодня повторилось то же, что было и в прошлый раз, когда проверял лейтенант Величко.— Командир 2-го огневого взвода стал вспоминать неприятности, которые принесла ему однажды излишняя беспечность — качество, недопустимое для артиллерийского командира.

Справа, позади буссоли, кусты — ольха, две-три остроконечные пирамиды можжевельника, орешник. Слева — рожь, высокая, густая, едва колышется под дуновением ветерка. Окинув взглядом поле впереди орудий, Гаранин решил перейти от слов к делу.

— Товарищ лейтенант, неизвестно когда придут телефонисты. Время перерыва истекло. Разрешите приступить к занятиям? — и крикнул звонко:

— Внимание... огневые взводы... по местам!

Орудийные расчеты гурьбой бегут к орудиям. Командир 2-го огневого взвода находил, что дистанции между отдельными лицами неприемлемы с точки зрения истинной дисциплины.

Люди поворачивают обратно и через минуту снова к орудиям. Гаранин недоволен и вдруг, сорвавшись с места, бежит вместе с орудийными номерами, придерживая ножны. Опередил всех и долго водит расчеты по замкнутому кругу от орудия в укрытие и обратно. Сержанты держатся рядом с Гараниным, но разрывы увеличивались. Отстающих становилось все больше.

— Ну, ну... поднажми... не отставать! — кричал, оглядываясь, Гаранин.— Шире... шире шаг! Следите за дыханием!

Бег туда-сюда продолжался. Обычное дело на огневых позициях.

* * *

В училище командиры взводов и преподаватели гоняли курсантов по часу и более. И не налегке, а с полной выкладкой — карабин, скатка, противогаз. В укрытие должны все лечь одновременно, а затем подняться и бежать, соблюдая равнение.

А зимой?.. Форма одежды на полевых занятиях — куцая венгерка с тонкой прослойкой ваты, стоячий воротник, брюки — и никакого зимнего белья. Температура — за минус 30. Сыпучий снег по колени, метет поземка. Впереди строя — лейтенант Патаман, командир 3-го взвода 1-й батареи. Хромовые сапоги, шинель, обтянувшая плечи, снаряжение. Одежда у лейтенанта с иголочки, подогнана с величайшей тщательностью. Красиво со стороны... но на морозе!

Посиневшими губами лейтенант говорит что-то, время от времени глядя в раскрытую планшетку, которую держит, вытянув перед собой. Там — конспект. И не шелохнется, не поведет рукой. Нам — в строю — позволено опускать отворот шлема, застегнутого ниже подбородка на оголенной шее, шевелить пальцами — и ничего больше. Грудь развернута, равнение в шеренгах, каблуки сомкнуты, носки врозь, драгунская винтовка у ноги.

Лейтенанту Патаману воинский порядок представлялся в каждом конкретном случае как явление совершенно реальное. Холод, стужа невыносимая? Да! Жесткий морозный воздух обжигал легкие, конечности немели, не повиновались губы, и шинель оледенело обжимала плечи. Но курсантам не легче. Тот, во второй шеренге, уставился, как истукан, мутными глазами в пространство, того и гляди рухнет в снег. А другие? Совсем окоченели. Ветер бросал в лицо колючие снежинки... но разве это предел испытаниям, уготовленным будущему командиру?

Нужно показать, что мороз, допимающий подчиненных, ему, лейтенанту, нипочем. Он, воин, честно добывал свой хлеб и превосходит людей в обеих шеренгах силою своего духа. Престиж командира превыше всего на свете, и он, лейтенант Патаман, не отойдет ни на йоту от тех требований, которые навязывал курсантам на плацу, в спортзале, в манеже, на глазах горожан. Нет, лейтенант не унизится до уровня обыкновенных людей и не станет притоптывать. Он готов призвать всю свою волю и будет продолжать занятия, как бы невыносимо медленно ни тянулось время, продолжать до конца, пока не перевернута в конспекте последняя страница.

Тема занятий — боевые порядки стрелкового батальона в основных видах боя, взаимодействие сил и средств, эшелонированных в глубину. Время от времени лейтенант обращался к записям. Занятия продолжались. Кровь стынет в жилах, холод проник до мозга костей. Какое там внимание... Пытке, казалось, не будет конца...

Но вот лейтенант Патаман опустил на ремни планшетку, медленно, как-бы нехотя, отвернул одеревянелыми пальцами в черной перчатке обшлаг рукава, взглянул на часы. «Разойдись!» Курсанты бросаются в стороны. Только после этого командир взвода счел для себя возможным сойти с места и начал шагать в снегу, глухо бренча шпорами.

Кружатся, подхваченные ветром, снежинки. Скрыла поземка недалекие дома на Лебединской дороге. Курсанты толкают друг друга, тщетно пытаясь согреться. Кому-то удалось зажечь спичку, все потянулись с папиросами к огоньку. До обеда еще три часа и два — до конца занятий.

Физическая подготовка курсанта? Ежедневно, помимо гимнастики, кросс — три километра. В 6 часов 15 минут утра стоит густая ноябрьская темень. Снег еще не выпал, но тепла уже нет и в помине. Взвод курсантов в свете фонарей дышит на бегу белым паром. Гуськом на выход через КПП. Если температура не ниже минус семи, форма одежды — майка, трусы, спортивная обувь. За дорогой сердобольные старушки, начинавшие торговлю ни свет, ни заря, суют нам яблоки, орехи, груши. Женщины — матери, чувства им дороже денег. Но никаких угощений! Только на возвратном пути. Помкомвзвода Оленичев непреклонен и никому не простит ослушания.

* * *

— Молодцы,— хриплым басом возвещал всем Гаранин. И нельзя понять, в похвалу ли, в порицание.— Еще... для верности, раз-другой. Не отставать!

Командиру 2-го огневого взвода нельзя отказать в настойчивости. Он не сбавил шаг, пока орудийные расчеты не добились нужного темпа. Сорок минут неистового состязания одного с пятьюдесятью — пример, действовавший даже на тех, кто выдохся совсем. Но вот их уже только семь — четыре из расчетов и три водителя. Гаранин привел их к буссоли. Этих людей, по его мнению, нужно учить отдельно.

— Я займусь вами,— объявил командир 2-го огневого взвода,— чтобы не компрометировать тех, кто носит по праву артиллерийские эмблемы.

Появление телефонистов заставило Гаранина отложить свое намерение. Включение телефонных аппаратов, проверка исправности линии займет не более двух-трех минут. Гаранин подал команду, предусмотренную правилами подготовки орудий к ведению огня с закрытых позиций — приступить к выверке прицельных линий и нулевых установок.

Команда

Зачем, спросит читатель, загромождать воспоминания командами, вдаваться в детали эпизодов, не вызывающих, быть может, интереса у людей, не знакомых со службой в артиллерии. Автор ведь рассказывает о своих личных впечатлениях.

Команды — широко распространенная форма взаимосвязи в артиллерии. Посредством команд отдельные лица объединяются в орудийные расчеты, огневые взводы и взвод управления — в батарею — первичное артиллерийское подразделение, предназначенное для решения самостоятельных огневых задач.

Артиллерийские команды содержат самые разнообразные требования, рекомендации и сведения. В отличие от сигналов, которые применяются для управления подразделениями других родов войск, у нас команды заставляют действовать,— двигаться и прекращать движение,— орудийных номеров, людей взвода управления — всех без исключения, рядовых и командиров, каждого по отдельной программе, но не сообща, как происходит по сигналу в строю эскадрона, стрелковой или танковой роты.

Я не могу представить моих сослуживцев, людей 3-й батареи, обособленно, вне их служебных обязанностей, и хочу рассказать словами артиллериста, без прикрас и недомолвок, о том, что происходит на огневых позициях и незримо касается человеческих душ, рождая силу мужества, не свойственную людям, которые не испытали власть истинно воинской дисциплины.

Самосознание воина подвержено влиянию многих факторов. В числе прочих, важную роль играют свойства его оружия. Винтовка, скажем, пулемет или автомат относятся к боевым средствам индивидуального пользования. Что это значит? Пехотинец с момента, когда его отделение изготовилось к стрельбе, пустит в ход свое оружие, полагаясь только на себя. Он независим ни от кого другого ни в заряжании и наводке, ни в прицеливании и производстве

выстрела. И поскольку винтовку обслуживает стрелок, за ним сохраняется автономия и в том, что касалось интенсивности личных усилий на всех последующих этапах стрельбы.

Артиллерист поставлен в иные условия. Орудийный расчет есть своего рода конвейерная линия, накрепко связавшая девять человек, принудив их двигаться каждого посвоему, но в строгом согласии друг с другом, и при этом вносить усилий ровно столько, сколько необходимо на каждый данный момент по мнению командира орудия. Не больше и не меньше. В одном темпе, без спешки и промедления. Вмешательство орудийных номеров — одного в обязанности другого — даже под благим предлогом недопустимо без ущерба для всего расчета.

Речь идет не только о физической нагрузке артиллериста. Давлению подвергается и психика. Орудийный номер — живой человек, и то обстоятельство, что призывная повестка привела его в общество случайных незнакомых людей, усложняет положение. Девять человек... Нужно найти общий язык, приноровиться, ладить со всеми у орудия, на тесном сидении тягача, у полевой кухни.

Правила солдатского общежития преступать нельзя. Чем бы орудийный номер ни занимался, он всегда ловит на себе чей-то взгляд, дружественный или полный безразличия, порою враждебный.

Боевые уставы артиллерии с исчерпывающей точностью определяют порядок на огневых позициях. Орудийный номер должен двигать станины, работать у приборов наводки, управляться со снарядом — вес три пуда,— словно это сухое полено, таскать, не покладая рук, тяжести, и не в одиночку — вместе с кем-то, однажды назначенным на все случаи жизни. Скучный, нередко унылый в своем однообразии физический труд, преследующий цели, с точки зрения запросов отдельной личности, зачастую весьма отдаленные. Какой смысл, спрашивается, в беготне у орудия, долгой, изнуряющей? Либо в повторении слов — одних и тех же? Но вдаваться в рассуждения, приносить жалобы запрещено уставом.

Орудийному номеру необходимо запастись терпением, выдержкой, а иному и совсем позабыть свой строптивый нрав. Воинская дисциплина — удел мужчин. Нелегко сносить замечания, окрики, порою грубое слово в суматохе ночных тревог. Ничего не поделаешь, командир орудия — тоже ведь живой человек. Орудийный номер занят своим одиночным делом, он — командир — в ответе за всех. Он из ше-

ренги рядовых и не пользуется никаким преимуществом ни в одежде, ни в снаряжении, ни в пище. Опрятность, сметливый ум, вот, кажется, черты внешности, отличающие одного новобранца от другого. По воле начальников он отобран кандидатом в полковую школу. Обратно в батарею вернулся с понятием воинского долга, тверже прежнего и треугольниками сержанта на петлицах — знаком доверия со стороны старших и всех, кому воин обязался блюсти закон службы.

Командир орудия поддерживает воинский порядок. Арсенал средств, данных ему уставом, невелик. Там нет места ни увещеваниям, ни уговорам. Орудийный номер не школьник и не студент. Зачем многословия в обращении к воину? Он поставлен на место, отведенное ему у орудия. Понятно? Двоякое толкование поступков орудийного номера исключено. Он соблюдает нормы воинских уставов, независимо от степени их важности, либо не соблюдает. Факт налицо, и переиначить его нельзя.

Чем объясняется нарушение воинской дисциплины? Преимущественно ленью расслабленного человека. Он не способен держаться в рамках воинских уставов, принудить себя к действию, когда это идет вразрез с его личными запросами. Нарушитель дисциплины перебивается обманом за счет престижа своих добросовестных товарищей. Ему необходима поддержка извне, чье-то воздействие, чтобы пробудить совесть.

Командир орудия утверждает дисциплину примером собственного поведения, пресекая попытки всякого, кто уклоняется, не выполняет обязательств, торжественно скрепленных собственной подписью, и требует не из корысти и не потому, что сам он — лживый хитрец, привыкший подменять действия речью. Командир орудия требует повиновения ради общих интересов — боеспособности орудийного расчета. И делает это по доброте душевной и потому, что в общевоинской чести он находит честь собственного имени.

Только в условиях строжайшей дисциплины содержатся необходимые предпосылки для развития волевых и физических задатков воина. Здоровые, определенные воинским уставом отношения в орудийном расчете, во взводе и подразделении приносят возмещение повседневных трудов воина, высвобождают присущие ему способности как личности, сознающей свой долг перед советским обществом.

Огневая служба

На огневых позициях не допускаются никакие неопределенности. Все четко и ясно. Орудийные расчеты находятся либо в положении «по местам», у орудий, либо «в укрытии», на отдыхе.

Командиры орудий подняли сигнальные флажки. Расчеты готовы к ведению «огня». Связь установлена. Когда начнут поступать команды с наблюдательного пункта? Пройдет две, три минуты, четверть часа.

Гаранин проверил заземление телефонного аппарата. Штырь сидит глубоко, линия готова к работе. Гаранин подал команду: — Огневые взводы... внимание... приступить к выверке прицельных линий и нулевых установок!

Мгновенно опустились сигнальные флажки. Командиры орудий обращаются лицом к расчету, называют орудийные номера. Один спешит к торцевому срезу ствола, другой открыл затвор, третий стал устанавливать вехи.

Подготовка орудия к стрельбе завершается выверкой прицельных линий и нулевых установок. Это необходимо: отдельные детали и механизмы орудия в движении испытывают нагрузки, изменяются зазоры в зубчатых передачах. Происходит смещение осевых линий приборов относительно осевой линии канала ствола и, как следствие,— ошибки в наводке орудия.

Выверку производят командиры орудий под руководством командиров огневых взводов либо самостоятельно, когда позволяет обстановка. С точки зрения готовности к ведению огня выверка — мероприятие не первостепенной важности. При стрельбе с закрытых позиций ошибки не выверенного орудия исправляются в ходе пристрелки. Но это требует времени. А на прямой наводке, когда дорого каждое мгновение?

В тот период происходила некоторая переоценка взглядов в вопросах боевого применения артиллерии. Опыт войны в Западной Европе, финский конфликт, а также локальные инциденты на Дальнем Востоке показали, что в управлении огнем артиллерии многие положения устарели. Нуждались в пересмотре методы артиллерийской поддержки пехоты, кавалерии, танков во всех видах боя. Процесс специализации артиллерийского вооружения продолжался. Становилось очевидно, что отдельные задачи следовало решать сообща: к ведению огня прямой наводкой, в первую очередь по танкам, привлекались орудия всех калибров войсковой артиллерии.

Лейтенант Величко не упускал случая, чтобы напомнить подчиненным о новых требованиях командующего артиллерией. На огневых позициях систематически и постоянно должна совершенствоваться воинская дисциплина. Только таким путем повышается боеспособность орудия, взвода, батареи. С азов начинается всякая служба, нет и быть не может порядка, если орудийные номера не соблюдают элементарных требований уставов и наставлений.

Огневые взводы 3-й батареи начали тренировки в стрельбе с открытых позиций и достигли определенных результатов. Я не мог ошибиться, 152-мм гаубицы вполне удовлетворительно вели «огонь». Но командир батареи недоволен. Мне казалось, что рядовой состав беспокоил его меньше, чем старший на батарее. Особенно то обстоятельство, что я недостаточно знаком с практической стороной дела. Тем не менее лейтенант Величко не считал нужным конкретизировать отдельные вопросы, надеясь, по-видимому, заняться этим позже. Старшему на батарее предоставлялась свобода действий.

152-мм гаубица использовалась для стрельбы с открытых позиций эпизодически, в редких случаях. Между тем командир батареи настаивал на ежедневных многоразовых, интенсивных тренировках. Но ведь гаубица не противотанковое орудие. Стрельба с открытых позиций с точки зрения артиллериста представлялась проблематичной скорее в моральном отношении, нежели в техническом. Как достичь попадания из тяжелого орудия, когда цель в движении, перемещается? Скажем, повозка едет по усмотрению ездового, исчезает в складках местности, появляется снова с какой-то скоростью. А орудийный расчет, его численность? Командир орудия, затем наводчик, замковый, заряжающий и т. д.— десять, в данном случае двенадцать, человек. Положение цели непрерывно изменяется, все участвующие в стрельбе орудийные номера должны действовать в тесном согласии и с быстротой, гораздо больше принятой на закрытых позициях. Возрастает физическое и особенно психологическое напряжение, интенсивность усилий. Если предположить, что психологическая подготовка орудийных номеров закончена, то следующая ступень — физическая подготовка. Только после этого начинается освоение техники стрельбы прямой наводкой, работа на приборах наводки, заряжение, подача снарядов и т. д.

Вообще меры, направленные к увеличению тягот службы, овладевают сознанием людей и облекаются в поступки далеко не сразу. Обучение огневых взводов 3-й батареи

происходило по одновременному графику, что имело свою теневую сторону. Орудийные номера сознавали важность индивидуального вклада, но далеко не каждый подкреплял слова делом. Большая часть старательно выполняла свои обязанности. Но некоторым требовалось время на раскачку. Дисциплина на огневой позиции не принимает во внимание индивидуальных особенностей людей и обязывает всех к повиновению, независимо от того, понимают они конечную цель или нет.

Младший лейтенант Гаранин на сей счет сомнений не испытывал. После команды «по местам!» отвлекаться нельзя.

— Командир второго орудия, вы опоздали со снятием вех... почему? — спрашивал Гаранин.

Орудийный номер, которому полагалось убрать вехи — окрашенные бело-черными полосами полуметровые шесты, выставляемые для выверки прицельных линий — возвратился к своему месту позже других. Непорядок, нарушение установленного ритма.

— Третий номер споткнулся... выронил веху, виноват,— отвечал сержант Дорошенко.

— Второе орудие, внимание... выверку отставить! — Младший лейтенант Гаранин принимал меры.— Сержант Дорошенко, вместе с орудийным номером выставить вехи... только для второго орудия. Начать выверку.

Работа выполнена в срок. Сержант Дорошенко возвратился к своему месту. Готово!

— Всем... внимание... измерить наименьшие прицелы... прямо за ограждением парков линия горизонта... Справа купол монастыря... Слева... крыши хат южной части села Зимно.

Командиры орудий в порядке очередности доложили полученные результаты. Нам обоим — Гаранину и мне — нужно занести в бланки величины наименьшего прицела. Эти сведения всегда интересуют стреляющего, т. е. командира батареи. Вести огонь на углах возвышения ниже, чем наименьший прицел, опасно. Снаряд, вышедший из ствола, может разорваться на гребне укрытия.

— Разрешите доложить,— телефонист приподнялся,— командир батареи приказал подготовиться к приему команд,— и громко,— основное направление... буссоль... сорок пять ноль.

Свобода действий, предоставленная боевым уставом артиллерии старшему на батарее, пришла к концу. С этого момента он только выполнял команды стреляющего.

Пока Гаранин должен оставаться в своей прежней должности. Я наблюдал за поведением командиров орудий и вел записи, позволявшие при необходимости приняться за выполнение обязанностей старшего на батарее.

— Первое... основное... основному...— повторял Гаранин команды стреляющего,— двадцать один... тридцать... наводить в буссоль! — это адресовалось только первому орудию.

— Первое готово! — доложил командир орудия, вернувшись к своему месту после проверки работы, сделанной наводчиком.

— Веер! — следуя уже непосредственно обязанностям старшего на батарее, продолжал Гаранин. К нему возвращалась самостоятельность.

Веер — понятие, положенное в основу всей системы управления огнем артиллерийского подразделения с закрытых позиций. Смысл его заключается в следующем. Когда основное орудие наведено в основное направление, т. е. по линии, разделяющей сектор стрельбы батареи на две равные части, параллельно основному наводятся все остальные орудия. Только после этого огневые взводы в целом готовы к открытию огня.

— Отметиться,— продолжал Гаранин, приняв доклады командиров орудий о готовности,— по точке наводки, что справа позади [1] фронта батареи... церковь на бугре, среди городских строений... крест правого купола.

По команде командиров орудий все наводчики перемещением головки панорамы относительно угломерной шкалы совмещают перекрестие панорамы с точкой наводки. Стволы остаются в основном направлении. Определен угломер основного направления, ствол орудия зафиксирован в горизонтальной плоскости углом, заключенным между линией основного направления стрельбы и направлением на точку наводки.

Построение параллельного веера завершает последний этап подготовки огневых взводов к ведению огня с закрытых позиций. Стволы орудий наведены в основном направлении на интервалах, соответствующих радиусу действительного поражения 152-мм гаубичного снаряда. На таком расстоянии один от другого — веером — ложатся снаряды. Централизованное управление огнем батареи в отведенном секторе и за его пределами существенно упрощается.

---

[1] При стрельбе с закрытых позиций точка наводки, как правило, выбирается позади орудия.— *Авт.*

Стреляющий имеет возможность маневрировать траекторией, не прибегая к сложным перерасчетам.

Командиры орудий должны лично проверять наводку в основном направлении — совмещение перекрестия панорамы с точкой наводки. Угломер основного направления, списанный с угломерной шкалы, заносится в бланк. Эти данные используются как отправные в решении последующих огневых задач батареи, при переходе от параллельного к другим видам веера — сосредоточенному или по ширине цели.

— Телефонист, доложить на НП командиру батареи: веер построен, огневые взводы к ведению огня готовы,— распорядился Гаранин, вернувшись к буссоли.

Орудийные номера, привстав на колено, оставались по своим местам. В тишине прошла минута, другая.

— По пехоте...— передавал телефонист для Гаранина команды, поступающие с НП,— осколочно-фугасной гранатой, взрыватель РГМ осколочный, заряд полный, основное направление... правее, один-ноль, уровень тридцать ноль, прицел сто восемьдесят, веер сосредоточенный, первому... один снаряд... огонь!

Гаранин во всю силу голоса подавал команды, одновременно записывая данные в бланк. После слов «веер сосредоточенный» наступила пауза. Старшему на батарее нужно некоторое время, чтобы перерасчитать линейные величины — интервал между орудиями — в угловые, для доворота 2-го, 3-го, 4-го орудий к основному — первому. Вычисления закончены.

— Второму орудию правее ноль ноль два, третьему — правее ноль ноль один, четвертому — правее ноль ноль семь,— продолжал Гаранин.

Командиры орудий прибавляют указанное число делений к угломеру основного направления и слово в слово повторяют остальную часть команд старшего на батарее. Орудийные расчеты приходят в движение. Наводчик, установив немедленно угломер, наводит орудие в точку наводки; замковый открывает затвор, установщик поворотом крана устанавливает взрыватель, подносчик передает снаряд помощнику заряжающего; тот, согнувшись под тяжестью трех с лишним пудов, бросает его на руки заряжающему.

Пройдет еще несколько мгновений, прежде чем командир орудия повторит принятую от старшего на батарее команду «огонь!», которой и заканчивается цикл обслуживания орудия перед выстрелом. Только после этого заряжающий вложит снаряд, затем гильзу и следующим движе-

нием втолкнет в зарядную камору. Замковый тут же закроет затвор.

Командир орудия проверяет наводку, возвращается к своему месту и поднимает вытянутую над головой руку с флажком: орудие к выстрелу готово!

Старший на батарее, если он не намерен проверять работу командиров орудий, подает команду: «Первое!» В ответ командир орудия выкрикивает: «Орудие!» Наводчик нажимает на спуск. Так производится орудийный выстрел.

Одной из важнейших предпосылок воинского порядка на ОП является последовательность подчинения. Всякая команда, подаваемая старшим на батарее, адресована исключительно командирам огневых взводов либо командирам орудий, если это оговорено заранее, и не касается никого другого. Орудийные номера начинают действовать только по командам командиров своих орудий. Однако крайняя необходимость может заставить старших начальников на ОП — командиров огневых взводов — управлять непосредственно орудийными номерами.

Тактическая обстановка не исключает того, что по одной цели одновременно ведут пристрелку несколько батарей. Чтобы облегчить стреляющему опознание своих разрывов, телефонист сообщает каждый раз на НП: «Выстрел!»

Имитация боевой стрельбы — то, чем занималась 3-я батарея,— имела своей целью практическое обучение личного состава. Огневые взводы отрабатывали вопросы занятия ОП, приведения орудий «к бою», обслуживания их во время ведения огня. Люди взвода управления на НП — разведчики, топографы, телефонисты, радисты — обеспечивают стреляющего связью и данными, необходимыми в управлении огнем.

Первый снаряд, по времени, достиг района цели. Облако воображаемого разрыва, решает командир батареи, появилось справа. Измеряется угол отклонения, и стреляющий, после введения поправок, через телефониста подает команду на ОП.

— Правее ноль десять... огонь! — телефонист повторяет слово в слово команды стреляющего для старшего на батарее, и тот действует, соблюдая приведенную выше последовательность.

Я вел записи и присматривался к поведению людей у орудий. Сержанты действовали более или менее уверенно. Сказывалось влияние курса полковой школы. Но среди орудийных номеров заметен разнобой, несогласованность. Наводчик 2-го орудия, как видно, не усвоил достаточно

твердо правила обращения с маховиками наводки. Медленно перемещался ствол 4-го орудия. Не отработаны отдельные элементы заряжания орудий — работа, требующая навыков, четкости и силы со стороны заряжающего и его помощника.

Младший лейтенант Гаранин превосходно знал огневую службу: занятый ведением записей и вычислениями, он слышал слова, которые передавались с НП, и ни на минуту не упускал из поля зрения ни одного орудия. Кто опоздал доложить о готовности, замешкался со снарядом. Командир 3-го орудия сделал ошибку в вычислении уровня. Младший лейтенант Гаранин все видел и слышал.

— Стой! — следовала реакция немедленно. Командир орудия или орудийный номер исправляли ошибку, и работа повторялась всем составом расчета.

Орудия «ведут огонь». Стреляющий раз за разом запрашивал буссоль последнего выстрела, т. е. определял отсчет угломерного кольца на панораме основного орудия после выстрела. Таким путем командир батареи непрерывно контролировал наводку орудий и всю работу на ОП. Обнаруживались ошибки — расхождения в записях, которые на НП вел стреляющий и на ОП — старший на батарее.

Подана команда: «Стой!» Гаранин проверил вычисления и обнаружил разницу в прицеле, исчисленном стреляющим, и тем, что установлен на шкале прицельного приспособления орудия. В ошибке виновны несколько лиц — командир орудия, наводчик и косвенно — старший на батарее. Небрежное обращение с цифрами привело к тому, что снаряд разорвался с недолетом на семьсот метров от расчетной точки. Полсотни килограммов убийственных осколков. Если бы орудие вело действительный огонь, это обошлось бы пехоте дорого.

В середине третьего часа «стрельба» приостановилась. Командира батареи вызвал в штаб кто-то из старших начальников.

После перерыва младший лейтенант Гаранин занялся разбором замечаний, сделанных стреляющим при ведении огня. Снова — «в укрытие», «к орудиям», тренировки в работе на панораме и прицельных приспособлениях. Огневые взводы отражали прямой наводкой очередную «атаку» кавалерии. Пришел политрук Шапир. Для встречи замполита расчет 1-го орудия занял положение «за орудие».

На пыльную траву ложатся перед шеренгой короткие тени. Солнце перевалило за полдень. Гимнастерки промок-

ли от пота. Политрук прошел к орудию. Расчет сделал вслед ему поворот кругом.

— Как артиллеристы учатся? — спросил политрук у командира орудия.— Есть замечания?

Старший сержант Проценко начал с последнего вопроса: замковый во время приведения орудия «к бою» оступился, неуверенно выполнял обязанности один из установщиков, наводчик, совмещая перекрестие с точкой наводки, не подвел дважды горизонтальную линию. Проценко не умолчал о своих ошибках, менее, впрочем, опасных, нежели у командира 3-го орудия.

— На марше недоразумения, наблюдателей не было... И тут на огневой... тоже неважно. Как оцениваете действия первого орудия, товарищ младший лейтенант, удовлетворительно? — Гаранин в подтверждение склонил голову.— Надо лучше нести службу, товарищи артиллеристы... Вы знаете, перед нами ответственные задачи...— замполит говорил о сознательном отношении к службе, о роли комсомольцев в повышении боеспособности орудийного расчета. — Я, наверное, задерживаю? Хочу поговорить с вами,— он повернулся ко мне.

— И вы ведете записи? Здесь пометки... первое орудие... второе... наводчик,— политрук заглянул в мой бланк.— Нужное дело, присматривайтесь к людям. Я слышал, вас смутили требования старших вчера на рекогносцировке в районе сосредоточения. Находиться впереди огневых взводов и рядом с каждым... да, управление... дело сложное... вы понимаете? Командир четвертого орудия не обучен самостоятельности, нуждается в напоминании... Учтите: контроль со стороны старшего начальника заставляет строже относиться к службе... Сержанту полезно... так и научится...

Исполняющий обязанности стреляющего на наблюдательном пункте младший лейтенант Поздняков объявил огневым взводам «отбой», занятия закончены. Орудия снимались с позиций. Вести колонну в парк — обязанность старшего сержанта Проценко.

По пути в монастырь замполит в разговоре снова коснулся боевой тревоги.

— Вы сделали выводы, товарищ лейтенант? Расчет четвертого орудия плохо справляется с обязанностями. Сам командир нарушает дисциплину... По-видимому, на сержанта нужно наложить взыскание.

— Тут моя вина... Но если вопрос стоит о взыскании, то объявлять должен командир взвода... я подумаю,— сказал Гаранин.

— Конечно, спешить не следует,— согласился политрук.— Товарищ лейтенант, а как со снарядами?

Я помню замечания командира батареи. Нужно выяснить, кто из орудийных номеров не удалил со снаряда сто граммов пушечного «сала».

— Да, случай серьезный, не откладывайте. Лейтенант Величко не любит напоминать...

Перед монастырской стеной встретился лейтенант Луценко. Политрук умолк и повернул к контрольно-пропускному пункту.

— Ваш замполит? — спросил Луценко.— Как служба?

Я рассказал о боевой тревоге. Не выставил наблюдателей. Состоялся неприятный разговор с командиром батареи.

— В первой батарее дела лучше. Огневики пока не доставляют мне неприятностей. Только сейчас из штаба. Закончил знакомство с инструкцией... Скоро война? — Луценко взглянул на часы.— Через десять минут на рекогносцировку...— Звякнув шпорами, он удалился по тропе на коновязь.

После обеда я проверил состояние боеприпасов. Чистка снарядов производилась неоднократно, и всякий раз в утренние часы. Удалить с помощью ветоши загустевшую за ночь смазку в междупоясковом пространстве и в кольцевых выточках снарядов, кажется, никто и не пытался. Очищались только центрующее утолщение и цилиндрическая часть, куда доступ открыт.

В соответствии с техническими правилами заводская смазка удаляется только тогда, когда снаряды подготовлены к окончательному снаряжению в складских условиях либо непосредственно перед стрельбой на огневых позициях. Хранение в парке артиллерийских боеприпасов, подготовленных к выстрелу, не допускается. Если же происшествие рассматривать применительно к положению 3-й батареи, то командир орудия обязан проверять состояние боеприпасов одновременно с материальной частью орудия и средствами тяги ежедневно, командир огневого взвода — один раз в два-три дня, на выбор несколько ящиков из десяти.

Пятьдесят артиллеристов в течение трех часов скоблили, чистили, терли, удаляя со снарядов остатки коричневой смазки. К закату солнца работы закончились. Длинная лента ящиков, извиваясь серпантином, пролегла от орудий мимо тягачей к ограждению парка.

Начался осмотр. Два орудийных номера снимали переплеты укупорки в ящиках, следом два других, приподняв

снаряд, поворачивали с боку на бок. Точеная поверхность отдавала тусклым зеркальным блеском. Гаранин внимательно обследовал каждый снаряд.

Объявлен перерыв. Я просил Гаранина вызвать орудийного номера, за проступок которого сегодня огневые взводы лишились послеобеденного отдыха.

— Стоит ли,— ответил Гаранин.— Вначале я проведу с ним коллективную беседу. Этот товарищ уже зарекомендовал себя не лучшим образом. За ним числится несколько подобных поступков.

Коллективную беседу? Но ведь он один...

— Гм...— Гаранин поднял глаза,— разговор состоится в присутствии огневых взводов... С одной стороны — орудийные расчеты, с другой... он... если вы не против...

Гаранин построил в каре всех, кто принимал участие в чистке. Посередине соорудили из ящиков пирамиду. Наверху с открытыми наполовину стенками установлен тот, что попал на глаза командиру батареи. Рядом занял место «товарищ». Ему вменялось в вину недопустимое отношение к оружию и личным вещам, которыми он пользовался, и вообще ко всему тому, что на солдатском языке называлось службой. Провинившийся орудийный номер на вопросы командира 2-го огневого взвода отвечал уклончиво, ссылался на забывчивость, непонимание и еще на какие-то причины, но скоро умолк, смущенный под взглядами полусотни глаз. Пауза тянулась и тянулась, и все вдруг поняли действительную подоплеку в поведении нарушителя дисциплины — он слаб, распущен и не в состоянии принудить вести себя так, как полагалось воину. И от того, что причина открылась неожиданно, как бы сама собой, всем стало неловко.

Гаранин отошел в смущении, подал команду «Смирно!» и сказал: «Личный состав огневых взводов собран здесь, в парке, для того, чтобы предостеречь вас...— он назвал фамилию орудийного номера,— от поступков, порочащих артиллеристов. Они и я, командир 2-го огневого взвода, предоставим поддержку вам во всем, за исключением того, что обязан военнослужащий делать лично. Возьмитесь за ум... «нужно исправляться», как выражается наш политрук, и не откладывайте неочищенный снаряд в долгий ящик. С вами все! Становитесь в строй! Огневые взводы!.. Внимание... приступить к погрузке боеприпасов в тягачи... разойдись!

К назначенному сроку я пришел в батарейную канцелярию, уверенный в том, что лейтенант Величко будет

удовлетворен. Огневые взводы закончили подготовку боеприпасов к стрельбе, выявлен факт невыполнения приказаний со стороны сержанта и рядовых.

В комнате было достаточно света, но в люстре уже горели свечи. Командир батареи поднялся, отодвинул бумаги, лежавшие на столе, и стал слушать с непроницаемым видом доклад о работе, проделанной за день.

— Меня не занимают ни ящичный, ни командир... какого, вы говорите?.. четвертого орудия,— начал лейтенант Величко, когда я упомянул «коллективную беседу».— Представьте себе схему элементов боевого порядка батареи. Каре огневых взводов. Ваши орудия. Все это очень далеко от моей ячейки на НП... Я имею дело со старшим на батарее и не хочу знать никаких фамилий, кроме вашей. Вы понимаете? Орудийный номер может быть ленивым... страдать всеми пороками недобросовестной личности... Ваша обязанность исправить, сделать его честным воином. Каким образом? Думаю, вам это известно...

— Так точно... военнослужащих необходимо приучать к соблюдению норм воинских уставов.

— Вот именно,— прервал командир батареи,— поведение орудийных номеров определяется постановкой службы на огневых позициях, всем состоянием воинского порядка. Ящичный четвертого орудия виновен в происшествии, нельзя отрицать, он делал работу вместе с замковым, наводчиком и заряжающим. Спрашивается, почему один успел, а другой... нет! Потому что ящичный... выпал из поля зрения командира. Это недостаток в руководстве людьми.— Лейтенант Величко вышел из-за стола и остановился в конусе света, обратив лицо ко мне.— Снаряд не очищен, кто виноват!

«Командир орудия и, наверное, Гаранин,— мелькнуло в моей голове.— Вчера, позавчера — да, сегодня — нет. В данный момент — ни тот, ни другой»,— и я ответил: «Старший на батарее».

— Вы меня убедили,— командир батареи сделал поворот кругом, возвратился в исходное положение,— не вижу более оснований говорить о недостатках, вскрытых утром...

Доклад закончен. Я намеревался спросить разрешения выйти, но лейтенант Величко поднял руку.

— У меня сложилось впечатление, что вы оглядываетесь, как на экзамене, в ожидании подсказки. Замполит говорил с вами? — Он понизил доверительно голос: — Предстоят боевые стрельбы, но период сколачивания батареи по существу не завершен... Никто не знает, сколько времени

осталось в нашем распоряжении, а работы немало.— Лейтенант Величко не стал вдаваться в подробности и закончил сообщением, что штаб дивизиона приступает к планированию мероприятий по выводу подразделений на летний период в Повурские лагеря.— Мы, артиллеристы, должны быть готовы действовать всегда и во всякое время... Вам это известно... Что еще? По текущим вопросам обращайтесь в случае необходимости... дверь для вас открыта... Дело пойдет на лад.

Новость

На следующее утро, вернувшись после завтрака, я осмотрел Перикла, прежде чем передать его дневальному. Заживление травм, оставленных удилами, шло медленно. Скапливались остатки кормов, и конь, еще не вполне смирившийся со всадником, вынуждал меня раз за разом прибегать к насилию. По удилам свисала хлопьями розовая пена.

— Продолжает капризничать? — спросил младший лейтенант Поздняков. Сегодня он дежурный по дивизиону и в порядке несения службы производит в сопровождении дежурного на конюшне осмотр коновязи.— Судя по Перикломой морде, врач сюда еще не заглядывал... Принесите книгу больных,— Поздняков занял место рядом со мной, глядя в разведенные челюсти жеребца, затем взял книгу, чтобы сделать напоминание ветеринарной службе.— Почему вы не вызвали лекаря? — спросил он у дежурного.— Пусть занимается лечением либо заберет коня в лазарет.

Дневальный увел Перикла, держа под уздцы.

— Нет, прежний ветеринарный врач не позволял себе таких слабостей... а этот торчит в разделочной... на общей кухне...— недовольно ворчал Поздняков, шагая вдоль ограды.

В артиллерийских частях того времени ветеринарный врач пользовался среди командного состава большей известностью, чем его коллеги — медики. Кормежка, ковка, лечение, уход и прочие вопросы содержания лошадей лежали на обязанности ветврача, а еще больше — на его совести. В подавляющем большинстве ветеринары отличались привязанностью к своей профессии и добросовестно несли службу. Я спросил, куда девался ветеринар, о котором упомянул Поздняков.

— Строевых лошадей для нашего дивизиона собирали в одном месте... две... три в другом,— издалека начал Позд-

няков,— в Желкуве. Там стоит не то сорок третья, не то сорок седьмая кавалерийская дивизия... На этой почве возник конфликт. Кавалеристы утверждали, что лошади, которых они передавали, пригодны к службе, председатель же нашей приемной комиссии находил изъяны. Капитан Корзинин направил туда компетентное лицо... начальника ветеринарной службы, его фамилия Перс. Он обратился к командиру дивизии. Кавалерийский генерал узнал в нем сослуживца по гражданской войне. Спустя три дня пришла телеграмма: «Ветврача первого ранга Перса немедленно откомандировать в распоряжение начальника ветслужбы шестой армии».

Так ветврач и не вернулся?

— Нет,— продолжал Поздняков,— самым замечательным из желкувской партии был Перикл. На первом же занятии он сбросил одного за другим двух всадников и ускакал. Граница ведь рядом. То-то скандал, если бы заамуниченный жеребец перебежал на немецкую сторону... Капитан Корзинин отправил весь командный состав в погоню, оповестил пограничную заставу... Преследование коня продолжалось целый день. Ночью полил дождь, представляете? Темень, слякоть... ищи ветра в поле... Только на следующий день в запретной зоне, где-то за Млынском, беглец был обнаружен, и младший лейтенант Безуглый набросил ему аркан на шею...

Скандальная репутация у Перикла.

— Норовистый конь,— согласился Поздняков.— Мы, четыре десятка всадников, возвращались голодные и промокшие. Кони загнаны. Острый на слово старший лейтенант Чикало поднялся в стременах и спросил громогласно: «Стоило ли менять спокойного Перса на дикого, взбалмошного грека, чуть ли не дезертира?» Перс был хороший врач, к тому же заядлый шахматист...

Я спешил на совещание у командира батареи.

— Подождите, пойдем вместе,— Поздняков направился к группе людей на пустыре за дорогой. Двое тянули мерную ленту, остальные работали лопатами.

— Чьи люди, чем занимаются? — спросил я, когда Поздняков вернулся.

— Штабная батарея, трассируют плац. В воскресенье строевой смотр.

— По какому случаю?

— Вы не знаете? Ожидается приезд нового командира,— Поздняков подал команду «Смирно!» и, обнажив клинок, двинулся навстречу появившейся группе всадников.

Во главе ее покачивался в седле на рыжем поджаром, в чулках, дончаке капитан Корзинин.

Я ждал, когда раздастся команда «Вольно, продолжать занятия!». Ровно в 8.30 я вошел в канцелярию. Кроме командира батареи, там были Гаранин, старшина, замполит. Явился Поздняков. Лейтенант Величко жестом пригласил всех сесть.

— На должность командира нашего дивизиона назначен майор Фарафонов,— объявил он уже известную мне новость,— капитан Корзинин связался с ним через штаб артиллерии и получил указание сократить до минимума мероприятия для встречи, предусмотренные уставом. Из этого вы можете заключить, как дорого расценивают старшие начальники наше учебное время. Капитан Корзинин принял решение представлять подразделения командиру дивизиона в будничной службе... Занятия продолжаются по расписанию. Соблюдать порядок в огневых взводах, и особенно во взводе управления.— Поздняков поднялся.— У вас, товарищ младший лейтенант, люди, как вьючные лошади. Телефонисты, радисты гнут спину под тяжестью катушек, аппаратов. У разведчиков и топографов... если не сундук, так тренога, планшеты за плечами... зонты, бинокли. Приборы он сбросит, а обмундирование, ремень... так и остались наперекос то у одного, то у другого. Я не могу избавить ваших людей от багажа, но дисциплина страдать от этого не должна. Возьмите на себя труд объяснить каждому, что внешний вид — первая забота воина.

— Есть объяснить!

— Садитесь, Поздняков. Это касается всех,— продолжал командир батареи.— С завтрашнего дня во всякое время следует ожидать посещения занятий командиром дивизиона... У меня все. Замполиту остаться. Командирам взводов — по местам!

Первые часы занятий огневых взводов — строевая подготовка. Тема: движение и повороты в строю. Проводят командиры орудий. Место занятий — манеж — пространство в пять-семь гектаров за дорогой, которое использовалось для конной подготовки. По длинной стороне манежа расставлены препятствия: «барьеры», «гроб», «клавиши» и т. п.

Люди штабной батареи продолжали трассировку. Вдоль парковой изгороди шагают шеренги огневиков.

— Вот там участок для занятий нашей батареи,— указал рукой идущий рядом Гаранин.— Лейтенант Величко приказал к двадцати часам закончить оборудование полностью.— Гаранин заводит речь о погоде.— Ну и жара, не

меньше вчерашнего... Ласточки носятся низко, похоже, будет дождь...— тема исчерпана, младший лейтенант умолк.

Доносится голос сержанта Проценко: «Внимание... огневые взводы... прекратить занятия... смирно! Равнение... на... лево! — он бежит с рапортом.

Занятия продолжались. Орудийные номера в шеренге стараются, тянут носок, корпус вперед, ставят ногу. Сделан поворот. Все эти движения мало похожи на то, что я привык видеть в училище. Курсант шагал в строю свободно и непринужденно, с легкостью увлеченного человека. А они? Орудийный номер, будто скован одеждой, там промедлил, тут поторопился, невпопад приставил ногу, на повороте завалил плечо.

Гаранин вызвал командиров орудий. Уровень их строевой подготовки гораздо выше, чем у рядового состава, но в общем положение представлялось не блестящим. Строевая выучка составляет основу воинской дисциплины и рассматривается как неотъемлемый элемент огневой службы. На этом построена боевая подготовка орудийного расчета, взвода, батареи. В шеренгах орудийных номеров много упущений!

Сержанты вернулись к своим местам.

— Удивляться нечего,— проговорил Гаранин, обиженный замечаниями, которые сделал я сержантам,— планомерные занятия начались десять-двенадцать дней назад.

— Командир батареи не склонен с этим считаться.

— Да...— согласился Гаранин,— огневикам, конечно, далеко до курсантов, но то, что положено... дайте срок... они покажут, и не в худшем виде.

Я не сомневаюсь. Но срок, по-видимому, нужно сократить.

Замечание

Следующие часы занятий — огневая служба. Стрельба с закрытых позиций. По заведенному в батарее порядку личный состав огневых взводов в ранцах, с оружием, приборами и всем прочим — с полной полевой выкладкой — следует в парк. В течение двух-трех минут орудия приведены в походное положение, и колонна двинулась в район огневых позиций. Наблюдатели следят за местностью, в облаках пыли мелькают бело-красные сигнальные флажки командиров орудий.

— К бою!

Орудия разворачиваются, занимают позиции. Пройдет еще минута, прежде чем командиры орудий доложат о готовности. Гаранин установил треногу, отгоризонтировал буссоль и молча наблюдает за работой орудийных номеров.

На дороге со стороны Зимно появились всадники — командир батареи и Поздняков с коноводом. Телефонист принял сообщение, преднамеренно задержанное на НП.

Поданы положенные для встречи команды. Лейтенант Величко ознакомился с состоянием воинского порядка на ОП. Несколько замечаний вызвала маскировка. Объявляются вводные. Огневые взводы отражают одно за другим внезапные «нападения». Командир батареи с довольным видом направился к буссоли.

Коновод подвел лошадь. Садясь в седло, лейтенант Величко спрашивал Гаранина:

— Дальше как маскироваться? Извели совсем кустарник.

— К тому времени, когда из лагерей вернемся, вырастет,— ответил Гаранин.

— Изрыли, перепахали... Товарищ лейтенант, к двадцати часам верните местности ее первоначальный вид... Гусеничные следы ровнять каждый раз.— Натянув поводья, командир батареи послал коня вперед.

— Смирно! Равнение... направо! — подал команду Гаранин, как положено при отбытии старшего.

Орудийные номера четырех расчетов в положении «за орудие» поворотом головы провожали командира батареи. Послушный всаднику конь с места перешел в галоп.

Гаранин объявил огневым взводам указания командира батареи. Подготовка орудий к ведению огня с закрытых позиций продолжалась.

— Внимание,— начал передавать телефонист команды,— огневые взводы... по местам!

Телефонный аппарат для связи с НП установлен на расстоянии пяти-семи шагов от буссоли, в месте, определенном раз и навсегда. Обслуживается двумя телефонистами. Один должен принимать и громко повторять команды стреляющего, которые поступают с НП, другой ведет запись. Все, что телефонист слышит в трубке, адресовано старшему на батарее и не касается никого другого. Всякая команда, принятая с НП, приобретает значение приказа только после того, когда объявлена голосом старшего на батарее.

— По пехоте,— продолжал телефонист,— осколочно-фугасной гранатой... взрыватель РГМ осколочный... заряд пятый...

К ведению «огня» привлекались: наводчик и замковый в полном объеме своих обязанностей, все остальные номера — условно, они тренировались в обращении с боеприпасами. Снаряд — масса 45 килограммов. Несколько меньше половины этого веса приходится на латунную гильзу с пороховым зарядом. Нужно умение обращаться с тем и другим, сноровка и высокая степень согласованности. Орудийным номерам нужно иметь изрядную силу, прежде всего третьему номеру — заряжающему. Пока снаряд не дослан до упора ведущим пояском в нарезы ствола, затвор не закрывается, и орудие, как бы тщательно оно ни было наведено в цель, не произведет выстрел.

О выполнении всякой команды наводчик сообщает командиру орудия. Работа остальных номеров контролируется визуально по времени, отведенному для исполнения всякой операции в процессе подготовки орудий к выстрелу.

Занятия подходили к концу.

— Стой,— принял с НП приказ телефонист,— расчеты, за орудия!

Шеренги орудийных номеров, обращенные к буссоли, в сторону, противоположную направлению стрельбы, замерли в ожидании. Проходят три минуты, пять, семь.

Приехал командир батареи. По-видимому, он намерен снова проверить состояние воинского порядка на ОП.

Лейтенант Величко спешился у буссоли, выслушал рапорт.

— Подайте команду «в укрытие»,— потребовал он, направляясь ко 2-му орудию, обошел штабель ящиков, который должен обозначать нишу для снарядов,— покажите ваши записи.

Лейтенант Величко водил карандашом с одной графы бланка старшего на батарее на другую, заглянул в свою тетрадь. Занял место наводчика и, не прикасаясь к барабанам прицельных приспособлений, заглянул в объектив панорамы.

— Выведите на середину,— указал он на один из уровней.

Перемещая поворотом маховика ствол в вертикальной плоскости, я следил за тем, что происходило под стеклянным окошком вертикального уровня. Скользящая капля медленно миновала одну риску, другую. Я остановил маховик, капля качнулась и зависла на середине в своей оболочке, суженной двумя черными ограничителями. Расстояние, пройденное воздушными пузырьками вертикального уровня, соответствовало целому делению прицела. Снаряд,

если улетит из ствола, разорвался бы на полсотни метров дальше, чем рассчитал стреляющий.

Командир батареи открыл боевой устав артиллерии на странице, где излагался порядок выполнения команд, и стал читать одну статью за другой. Ответственность за ошибку, допущенную наводчиком в установке прицела, ложилась на старшего на батарее.

Меня озадачило непонятное смещение вертикального уровня не меньше, чем командира батареи. Что же произошло? Лейтенант Величко желал получить исчерпывающий ответ.

После доклада командиров орудий о готовности Гаранин перед каждым выстрелом проверял 2-й огневой взвод, я — 1-й. Твердо помню положение обоих уровней и установки прицельных приспособлений 2-го орудия. Именно на последнем выстреле в моих записях за сержантом Дорошенко не значилось ни одной ошибки.

После команды «Стой!» никто не подходил к орудию, ни один орудийный номер не сдвинулся со своего места в шеренге до приезда командира батареи. В чем же дело?

Лейтенант Величко молча ждал объяснений. Получив разрешение, я снова взялся за рукоятки маховиков. Капля, заключенная в стеклянную ампулу, начала сползать и снова вернулась в срединное положение. Величина ошибки при установке угла возвышения орудийного ствола не изменилась — одно деление прицела.

В чем же причина? Состояние материальной части?

— Неисправное орудие вело огонь?! — воскликнул изумленно Величко.— Вы доложили о готовности! Неслыханно... грубейшее нарушение дисциплины... грубейшее!.. Найти всех, кто виновен в происшествии, к четырнадцати часам завтра,— он сунул БУА в полевую сумку и осмотрел штабель.— Любопытно... десять ящиков... вам приказано выгружать весь боекомплект, полностью, до последнего снаряда!

Лейтенант Величко находил, что орудийные номера, прибывшие в 3-ю батарею из подразделений 76 и 122-мм калибров, недостаточно подготовлены физически к несению службы у 152-мм гаубиц. Обеспокоенный этим положением, он еще в день моего представления потребовал увеличить физическую нагрузку всему личному составу огневых взводов. Проводились тренировки в перекатывании орудий, и всякий раз при занятии позиций орудийные номера должны сгружать все возимые в кузове снаряды и уклады-

вать обратно. Огневые взводы неукоснительно следовали этим указаниям.

Но сегодня на занятиях по строевой подготовке я обнаружил, что одежда большей части людей изорвалась и требовала ремонта. Выдача производилась совсем недавно, полтора месяца назад...

То, что в день принятия должности мне представлялось мелочью, сегодня выглядело иначе. Командиры орудий, несущие непосредственную ответственность за внешний вид номеров, заявили в один голос, что обмундирование рвется на огневой службе главным образом во время работ, связанных с боеприпасами, разгрузку-погрузку нужно прекратить. Такого же мнения придерживался Гаранин. Аналогичное приказание незадолго до моего приезда командир батареи отменил.

В самом деле, думал я, обмундирование выдано для повседневной службы и использовать его на работе вместо спецодежды нельзя. Я надеялся убедить командира батареи, поэтому и задержал подготовку орудий к стрельбе. Телефонист передал на наблюдательный пункт мою просьбу уменьшить количество выгружаемых на позициях ящиков и ограничиться десятью.

— Ну и что же? — спросил командир батареи.

Я не получил ответа с НП.

— Старший начальник исходит только из своих собственных соображений при рассмотрении просьб подчиненных и вправе отвергнуть либо оставить их без внимания, вам это известно?

Да.

— Здесь только часть боевого комплекта... Где остальные снаряды?

В тягачах.

— На каком основании?

Обмундирование скоро придет в негодность, считаю, что...

— Отвечайте на вопрос!

Я ждал решения...

— Вы отменили приказание старшего. Так следует классифицировать самоуправство старшего на батарее! А в части того, что относится к вещевому имуществу, вы обязаны придерживаться общих требований воинского порядка. Устав призывает бережно обращаться с одеждой, но нельзя возводить бережливость в самоцель... Обмундирование выдано для обеспечения службы, мероприятий, которые проводятся командиром подразделения. Так что, това-

рищ лейтенант, вам нужно учиться и учиться... Если возникают сомнения, откройте устав. Там есть ответы на все случаи жизни.

Проводив командира батареи, я занялся осмотром 2-го орудия. Прицельные приспособления и уровни вполне исправны. А подъемный механизм? Маховик работал с нагрузкой, на рукоятках ощущались рывки. В чем причина?

— Идите сюда...— воскликнул Гаранин. Я нашел командира 2-го огневого взвода на корточках под люлькой.— Поднимите орудийный ствол выше горизонта.

В проеме орудийного щита видны оба сектора. Вал подъемного механизма покрыт густым слоем смазки, смешанной с пылью. По мере повышения температуры воздуха смазка плавилась, изменяя зазор между зубьями вала и секторов, и ствол орудия сам по себе медленно сползал вниз, изменяя положение вертикального уровня.

Явное нарушение правил эксплуатации материальной части со стороны командира орудия и замкового — лица, ответственного за содержание всех механизмов, находящихся за орудийным щитом. Командир орудия следит за работой орудийных номеров и в парке, перед сцепкой, обязан лично тщательнейшим образом проверить состояние орудий и только тогда поднять флажки — сигнал о том, что орудие и тягач готовы к движению.

Гаранин продолжал занятия, а я решил переговорить с сержантом Дорошенко. Его орудие неподготовлено к стрельбе. На секторах не удалена смазка. Что же, ему недостало времени для приведения материальной части в походное положение?

— Никак нет. Замковый доложил, что секторы очищены,— ответил Дорошенко,— я хотел проверить...

И что же?

— Другие начали докладывать о готовности, и я... поднял флажки.

Сержант Дорошенко перед выходом из парка ввел меня в заблуждение. Он сознает последствия?

— Так точно... моя ошибка...

Он проверял наводку во время «стрельбы»?

— Так точно!

Подъемный механизм?

— Ствол дергался... не посмотрел я...

Почему?

— Не поспеваешь... одна команда за другой...

Он — сержант, обязан сам соблюдать принятый на ОП ритм и управлять орудийным расчетом.

— Так точно... Не мог... бегал к орудию и обратно на свое место... всего не заметишь...

Полуденное солнце светит в глаза сержанту, он мигает рыжими ресницами, с трудом подыскивая выражения. По виску струится пот. Меня раздражали суждения командира 2-го орудия. «Не мог, не заметил». Гражданские люди, заинтересованные в оплате труда, работают в меру возможности. Военный человек связан присягой и соизмеряет свои усилия только с требованиями устава. Он обязан успевать повсюду в рамках своих обязанностей, невзирая на обстоятельства. Разве сержант не учился службе в полковой школе?

— Так точно... Я не заметил грязи... Бегаешь туда-сюда...

Незадолго до обеда в парк приехал лейтенант Величко.

— И что же вы ответили сержанту Дорошенко? — спросил командир батареи.— Он не понимает простейших начал службы. Внушать командиру орудия истины полковой школы... поздно. Разжаловать!

Но участь командира 2-го орудия занимала не только лейтенанта Величко и меня. Интересовался этим и младший лейтенант Гаранин.

— Не торопитесь с рапортом,— сказал он,— сержант Дорошенко — неплохой командир...

Я не могу тянуть, лейтенант Величко приказал.

— Старший на батарее вправе иметь свое мнение о подчиненных и отстаивать его, если нужно...

Командир 2-го орудия допускает грубые ошибки: пытался подводить некую базу, обосновать бездеятельность ссылкой на причины, якобы независимые от людей.

— Парень простодушный и сказал то, что хитрый человек утаит,— настаивал Гаранин.

«А если Гаранин прав? — подумал я.— Лейтенант Величко исходит из моих слов, и срок подачи рапорта не установлен».

— Кроме того, у нас не были выработаны определенные взгляды в толковании отдельных уставных положений,— продолжал Гаранин.— Перед выездом, например, положено удалять смазку. Полностью? Частично? Секторы второго орудия очищены в нижней части, вы видели. Работа, значит, в какой-то мере сделана...

Нет, «удаление смазки» толкуется буквально.

— А по-моему, нужно уточнение... Секторы зубчатки имеют длину почти полтора метра...— Гаранин сослался на приказ, изданный по дивизиону. Там перечислялись случаи

нарушения пограничного режима, вызванные противоречивыми формулировками различных приказов и инструкций. Наряду с разъяснением уставных терминов командир дивизиона требовал внимательно изучать штабные документы. Указывалось, в частности, что маяк-регулировщик, если он выставляется, должен стоять, сомкнув каблуки на пересечении осевых линий дорог, а не на обочине или в каком-либо другом месте.

Пришел посыльный. Начальник штаба дивизиона вызывал Гаранина и меня на зачеты по артиллерийской стрелковой подготовке — мероприятие, не отмеченное в расписании занятий.

Так я и не представил рапорт. Вопрос о разжаловании командира 2-го орудия отодвинулся, а затем разразилась война и заставила всех нас — лейтенантов Величко, Гаранина, Позднякова, меня — учиться обращению с людьми в новых условиях и учить их простыми методами, которые испокон веков применяются на поле боя.

* * *

Огневые взводы под командованием старшего сержанта Проценко продолжали занятия на тему «погрузка боеприпасов». Разъяснения, сделанные командиром батареи, не оставили сомнений: физическое состояние личного состава огневых взводов — фактор боеспособности не менее важный, чем моральный дух.

К зачетам по артстрелковой подготовке привлекается только строевой командный состав дивизиона: командиры батарей и взводов, штабные командиры. На зачеты командир является в полной экипировке: планшет, топографическая карта, приборы для подготовки данных, бинокль.

Зачеты проводились в артстрелковом классе — просторной комнате подвального этажа главного здания. Добрую треть общей площади занимали стеллажи, на нижнем ярусе был оборудован макет местности — рельеф, растительный покров, пути сообщения, дома, мельницы и т. д. На верхнем — механизмы и масштабные рейки, с помощью которых имитировались разрывы снарядов и все этапы в стрельбе с закрытых позиций.

Я стрелял третьим. Руководил зачетами капитан Корзинин. Вначале он изложил тактическую обстановку. По условиям задачи батарея поддерживала стрелковый батальон, обороняющий северную окраину населенного пункта Мстибово. Стреляющий, т. е. я, имея только двух телефонистов, занял НП в тот момент, когда пехота «противника»

начала разворачиваться в цепь, намереваясь атаковать оборону со стороны шоссейной дороги на Пруды. Итак, стрельба по движущейся пехоте. Подготовка данных — глазомерная.

Хронометрист включил секундомер. Я начал пристрелку. Первый снаряд, за ним второй, третий — все дали отклонения. Механика имитации условий моей задачи не действовала, и руководитель стрельбы обозначал разрывы с помощью указки. После введения корректур снаряды стали ложиться ближе, в цепях. Пехота залегла.

Капитан Корзинин подал команду «Стой!». Я отступил в сторону от буссоли. Записывающий и хронометрист начали перечислять ошибки и замечания: в конце пристрелки я принял сомнительный перелет за определенный плюс и на этом основании счел дальний предел вилки обеспеченным. Затем был зафиксирован перерасход времени при расчете корректур в ходе стрельбы на поражение.

Капитан Корзинин просмотрел мои записи, задал дополнительные вопросы.

— Задача выполнена на «хорошо». Расскажите, как дела?

Оказалось, командир дивизиона знает о том, что я ездил на Перикле, о замечаниях, сделанных командиром батареи в течение двух последних дней.

— Строевой командир должен в совершенстве знать боевые уставы, правила стрельбы. Необходимо, чтобы знания, полученные в училище, находили практическое отражение в поведении командиров орудий, орудийных номеров, в содержании материальной части, боеприпасов, средств тяги, во всем, что делается на огневых позициях на всех стадиях подготовки орудий и во время ведения огня. Командир третьей батареи, как несет службу лейтенант?..— командир дивизиона назвал мою фамилию.

Лейтенант Величко упомянул мои проступки и выразил мнение, что старший на батарее в ближайшее время займет на огневых позициях предусмотренное ему уставом место. Он, лейтенант Величко, заверяет командира дивизиона, что сделает для этого все необходимое.

— Слушайтесь советов командира батареи,— снова обратился ко мне капитан Корзинин.— Он добросовестный и способный командир.

— Благодарю вас,— поднялся смущенный похвалой Величко.

— Садитесь,— капитан Корзинин улыбнулся в ответ и

назвал другую фамилию стреляющего. Запись очередной «стрельбы» поручалась Позднякову. Лейтенант Величко принял секундомер. Для меня зачеты на этом закончились.

«Лукреций не был центурионом...»

Вслушиваясь в разговоры, я стал замечать своеобразие лексикона орудийных номеров. Немецкий самолет-разведчик, перелетевший границу, к примеру, они не называли ни самолетом, ни разведчиком. Имя ему — «он». Выдерживалась пауза. «Он» сделал разворот, «он» снизился либо скрылся за горизонтом.

— Гляди... на его стороне какие тучи,— говорил на коновязи один дневальный другому. Оба — орудийные номера 3-й батареи.

Я только вернулся с обеда. Один дневальный увел Перикла. Я спросил другого, о чем шла беседа.

— Жарко, а там дождь... Я загляделся и сказал — ...на его стороне...

За Бугом темно-дымчатая тяжелая туча упругими боками загромождала всю северо-западную часть неба. Дневальный говорит «на его стороне», на немецкой... Почему? Там польская земля, занятая немецкими войсками. Дневальный ведь знает о том, что произошло в позапрошлом году с Польшей?

Мой собеседник смутился.

— Там... немец,— уклончиво ответил он.

Дневальный представляет себе конфигурацию государственной границы. Что же все-таки подразумевается под выражением «на его стороне»?

— Не знаю... так говорят...

Кто именно?

— Все...

Где?

— В курилке... на перерывах...

Доносятся отдельные раскаты грома. Ползут через границу тучи, сгущаются над Владимиром-Волынским. Вот-вот дождь начнется. Невесть откуда налетел ветер, и рассеялись в лазурной синеве на востоке тучи, не проронив ни капли. Снова зной. Перед вечером хлынул, наконец, ливень.

Орудийные номера, не успевающие в физической подготовке, в свободное время занимались тренировкой под

руководством старшего сержанта Проценко, бросились шумной толпой в казарму.

В помещении дежурного по дивизиону, куда меня загнал дождь, полно людей. Курят, толкуют о службе. На завтра назначена рекогносцировка государственной границы. Вошел лейтенант Величко.

— Вы свободны? Командир дивизиона приказал поговорить с вами. Я сам ждал случая... пойдемте.

В стенах монастыря духота, явно ощутимая для вошедшего с улицы. Лейтенант Величко с порога направился к окну, распахнул оконные створки.

— Освежить немного келью... Вы промокли... переодевайтесь. Есть во что?

Помимо обмундирования на плечах с собой я имел только комплект летнего белья. Его оказалось довольно. После замены белья мокрая гимнастерка не стесняла движений.

— Ближе к окну садитесь,— предложил лейтенант Величко,— к отбою одежда подсохнет... Товарищ лейтенант, в бытность курсантом вам приходилось выполнять обязанности командира? Помните впечатление, когда вам объявляется выговор за недисциплинированность подчиненных вам лиц?

Да, я чувствовал себя приблизительно так, как человек, который не сдержал слово, уличенный при всех в низкой, предосудительной слабости.

— Вас возмущает то, что пустячный, на ваш взгляд, проступок... частный, так сказать, случай старший начальник трактовал в обобщенном виде. Хотелось протестовать...— лейтенант Величко лучше меня знал состояние командира, обязанного управлять поведением других.— На службе, как и в жизни, не так уж много общего с тем, что говорят в учебных классах. Считается, что подразделение — это дружный и сплоченный общим стремлением коллектив, однородный по своему составу. Самоуправляемый. А в действительности?.. Возьмем хотя бы третью батарею. Сто с лишним человек — орудийные номера, разведчики, топографы, связисты... Люди самых различных специальностей. Рядовой состав, младшие командиры, командиры взводов. Невнимательность, халатное отношение к обязанностям одного из этой разношерстной сотни оборачивается ошибкой, которая влечет за собой отклонение разрывов... вы представляете?

Так точно!

— Теоретически, конечно?..

Заданный в таком тоне вопрос заставил меня встать. Я ответил, что до сих пор поступал, руководствуясь требованиями устава. Если командир батареи имеет в виду случай со снарядами, то здесь действительно частный случай, и нет, мне кажется, оснований трактовать его в обобщенном виде.

Лейтенант Величко некоторое время разглядывал лист с пометками, лежавший перед ним на столе.

— Садитесь. С ящиками вопрос ясен... Вы приняли с обидой замечания, сделанные на разборе занятий по боевой тревоге.

Но я не высказал этого никому.

— Согласен... у вас есть выдержка.— Командир батареи не принял моей оговорки.— То, что вы хотели бы скрыть, проступает наружу в выражении лица.

Я не имею обыкновения глядеть в зеркало в присутствии старших.

— Товарищ лейтенант, меня не интересуют ваши привычки. Не забывайтесь! Устав запрещает военнослужащему выражать недовольство замечаниями начальников.

Выговор полагалось слушать стоя. Я вышел из-за стола.

— Ну вот... так-то лучше,— командир батареи щипцами принялся снимать нагар со свечи.— Еще один вопрос... Вам, конечно, знакома атмосфера боевых стрельб? Присутствующие на НП лица, даже артиллеристы, поддаются иногда настроению момента и забывают нашу штатную структуру, многообразие людских характеров, численность и специализацию лиц, которые участвуют в обслуживании орудий, средств управления огнем и линий связи... Когда снаряд отклонился... обвинения падают на голову стреляющего. Почему? Давайте разберемся... Люди взвода управления привыкли видеть в образе стреляющего черты необыкновенные... Он постиг секреты подготовки данных... По слову стреляющего рвались снаряды. А старшие начальники? Они считают, что командир батареи наделен достаточно широкими полномочиями. Он обучает личный состав на огневых позициях и наблюдательном пункте... Всех вместе и каждого в отдельности. На этом-то основании всякую ошибку того или иного из подчиненных командир батареи должен принимать как свою собственную... Резонно... нельзя ставить военнослужащему в укор неумелое обращение, скажем, с противогазом, если он не усвоил правил предварительно. Вы понимаете? — командир батареи вопросительно поглядел на меня.

Да, необходимо подготовить...

— Ну а если военнослужащий обучен, но пренебрегает установленными правилами, если причиной ошибки явились нерадивость к делу, лень?

В уставах определены меры, которые применяются в подобных случаях...

— Верно... командир должен упредить нарушения. Но людские характеры проступают зачастую неожиданно. Когда перед вами сто человек... предусмотреть всякую случайность трудно. Вот, предположим, наводчик, замковый или топограф... Одним словом, виновник найден. Но снаряд-то уже... вышел из ствола, и его нельзя вернуть обратно. Что же, произвести повторный выстрел?.. Нет, ошибку исправлять поздно... момент упущен... Сделанная по чьей-то оплошности, она ложится пятном на репутацию стреляющего. Дорожащий честью командир должен протестовать. Возмутительно!.. Кто-то, уклоняясь от своих обязанностей, компрометирует другого. Что же получается? С одной стороны — долг, стремление к порядку, с другой... пренебрежение службой, безразличие по отношению к коллективу, индивидуализм, черты натуры, не способной — по немощи ли физической или нравственной либо по недостатку опыта — нести службу наравне с теми, кому дорога честь воина...

— Лейтенант Величко имеет в виду старшего на батарее?

— Да... разумеется. Скажите, кто наделил вас правом отменять приказания старшего?

Я ответил, что осознаю опрометчивость сегодняшнего своего поступка.

— Товарищ лейтенант, покаяние, даже искреннее, не изменяет сущности того, что произошло... Рядовой, к примеру тот же ящичный, ввел в заблуждение, может быть, одного-двух орудийных номеров. Вы командир, ваш проступок влияет на личный состав огневых взводов... Не хотелось возвращаться к вопросу, который оставлен на вашу совесть, но ведь порядок подчиненности одинаков повсюду и для всех. Вы и в училище отменяли приказания?

— Нет.

— Почему же здесь, в линейном подразделении, вы позволяете себе вольности?

— Я ждал разрешения с НП, а затем, поглощенный стрельбой, упустил из виду...

— Служба... занятие серьезное... очень серьезное... «Ждал»... и что же? Командир должен взвесить всякое свое решение.

Лейтенант Величко заявил, что он, командир батареи,

обязан направлять подчиненных, когда они несведущи в тех или иных вопросах, но он не намерен учить старшего на батарее азам. Рядовой состав батареи истолковал мой проступок так, будто он — лейтенант Величко — небрежно формулирует свои требования и, следовательно, должен взять долю вины подчиненного на себя.

— Это... посягательство на воинское достоинство командира... Вы понимаете?

Минуту назад я считал, что с разгрузкой снарядов покончено, но лейтенант Величко рассудил иначе.

— Невыполнение уставных норм, безответственное отношение к службе со стороны одного командира компрометирует другого... Вот причина, которая заставляет старшего говорить в повышенном тоне с младшим, а тот впадает в обиду. ...Случай ущемленного достоинства. Видите ли, начальник «оскорбил»... А почему «потерпевший» вспоминает свое достоинство задним числом, в прошедшем, так сказать, времени, почему он вынудил старшего взять на себя заботу о деле воинского коллектива? Почему он, преступая границу дозволенного уставом, толкает других на тот же путь, навязывает свои методы поведения старшему начальнику?

Лейтенант Величко относился явно критически к понятиям, которые в представлениях вчерашнего курсанта казались непререкаемыми. Я гордился тем, что привык, не размышляя, выполнять требования службы, знаю наизусть многие статьи уставов и ожидал, что точно так же поступают все люди. В моем понимании шинель должна преображать человека, сообщая ему качества, которые не практикуются в гражданской жизни. Тот факт, что гражданский человек облачался в форменную одежду, уже сам по себе наделял его силой воина, способного переносить «...все тяготы и лишения...». Командир, мне казалось, ничем особенно не отличался от гражданского руководителя, разве что не имел права пренебрегать требованиями, которые сам же предъявлял другим. Обязанность командира сводится к роли распорядителя, отдающего приказания. По его слову подчиненные немедленно приходят в движение и выполняют всякий свое «... точно и в срок...». Конечно, воин несет службу бескорыстно, побуждаемый сознанием долга и в отличие от рабочего не преследует взаимную выгоду, материальную заинтересованность, но я не придавал этому значения. Знал также, что воинская среда неоднородна, встречаются сплошь и рядом люди малопонятливые или непонятливые. Наряду с этим есть и те, кто не особенно

желал или совсем не желал утруждать себя воинской дисциплиной. Словом, практическая сторона командирских обязанностей рисовалась мне в виде схемы, изобретенной военачальниками высших категорий, которые не знакомы с воинской службой. Мне просто не приходило в голову, что командовать означало буквально приводить в действие орудийный расчет, взвод, батарею, в общем, нести тяготы неизмеримо большие, чем несли подчиненные.

Воинскую дисциплину в училище мы принимали как символ веры. Моральный облик будущего командира выражал его способность подчиняться, соблюдать нормы уставов. Внешний вид, умение вести себя, как подобало воину, ценились наравне со знаниями ведущих предметов. Такое отношение к службе диктовалось логикой курсантской мысли. Над повышением уровня воинской дисциплины курсанта трудился штат командиров, политработников, преподавателей училища, трудился целеустремленно и без устали, но ни одна кафедра не занималась проблемой совести, изучением начал воинской этики — фактора, доминирующего в области морали.

Лейтенант Величко полагал, что уставные нормы, даже если они соблюдаются в точности, часто не обеспечивали единства взглядов среди должностных лиц, ибо дисциплина — понятие двоякое. Чьи интересы в каждом конкретном случае преследовал военнослужащий — общественные или личные? Призывая к повиновению, командир обращается преимущественно к чисто человеческому свойству личности — совести подчиненных. Требования службы подлежат выполнению — это понятно всем, но не все наделены совестью — чертой натуры, заставляющей порядочного человека стыдиться низких поступков, таких, которые классифицируются как ненаказуемые, но в сущности своей являются таковыми. В то же время лейтенант Величко считал, что, изменяя методику требований, нельзя добиться соблюдения уставных норм, если воинский коллектив, каждый орудийный номер в отдельности не заинтересован лично в дисциплине и не находит в работе побуждающих к повиновению начал. Дисциплина, приверженность к уставному порядку, по его мнению, возбуждает сознание воинского достоинства личности, если ей дороги общественные идеалы.

— Скажите, почему старательный воин не распространяется о своем достоинстве? И почему ленивые люди твердят об этом? Добросовестная служба не нуждается в публичных признаниях, ее видит всякий... Праздный человек,

эгоист, безразличный к другим, всегда занят одной мыслью: как обмануть окружающих, скрыть свое безделье. Самый верный способ... фраза... Вот он и ссылается на достоинство. Но это ложь... ущемленное достоинство есть всего лишь повод, притянутый за уши, чтобы отвести в сторону обвинения... Во-первых, начальник позволяет себе грубости, повинен сам в злоупотреблении предоставленными ему правами и, следовательно, нарушает закон дисциплины. Во-вторых, с обиженного у нас меньше спроса... Видите, как легко переложить ответственность с больной головы на здоровую?..

Позабыв правила субординации, я спросил:

— Неужели нельзя вывести хитреца на чистую воду?

Лейтенант Величко помолчал:

— Вы не понимаете... Разумеется, можно, но жизнь непрерывно течет, не останавливается перед клеветой... течет дальше... пока длится разбирательство, если, конечно, оно вызовет интерес, правый должен носить ярлык виновного... предубеждение пускает корни... попробуйте спорить с молвой, доказывайте... а негодяй окружен все это время сочувствием... И потом... неловко ведь тем, кто порицал, признать собственную оплошность, и они нередко мирятся с подлостью, делают вид, что ничего не произошло. Вас скомпрометировали? Пустяки. Руководство лично против вас ничего не имеет. Наказать клеветника? А за что? Он ведь тоже человек... ошибся и т. п.

Командир батареи говорил, как по телефону, выдерживая паузы, будто его слова передавались на огневые позиции. Некоторые его суждения представлялись малопонятными и необоснованными, но возражать я не решался.

— Что же означает, по-вашему, воинское достоинство? — лейтенант Величко ждал ответа.

За время службы в училище я не раз слышал разговоры на эту тему среди курсантов. Причиной их чаще всего служила дисциплинарная практика младших командиров — строгость мер и тон обращения. Наш взводный арбитр, лейтенант Патаман, с присущей ему решимостью легко примирял враждующие стороны и, по своему обыкновению, исходил из того, что устав обязывает всех беспрекословно блюсти дисциплину, предписанную курсанту. Но ввиду того что повод к взысканию подавал подчиненный, вина ложилась на него. Лейтенант Патаман считал предосудительным поощрять чрезмерную амбицию лиц, неспособных вести себя подобающим для будущего командира-артиллериста образом. Что же вкладывалось в понятие воинского достоинст-

ва? Продуманного ответа у меня не было. Лейтенант Величко не стал дожидаться.

— Достоинство... есть не что иное, как печать, оставленная в сознании воина усилиями, которые принесены по чистой совести в доказательство солдатской верности присяге... и, поскольку служба не возмещена... в памяти живет и не стирается с течением времени... бередит душу... напоминание о том, что нет иного пути, кроме того, которым шел воин. И нет иной меры его поступкам...— лейтенант Величко умолк, глядя перед собой с выражением человека, охваченного сомнением — стоит ли открывать душу малознакомому человеку.— Я участвовал в финской войне в должности старшего на батарее... У меня за четырнадцать лет службы сложились твердые убеждения о долге и дисциплине, о собственной личности и о других людях. Я не могу позволять себе поступки, противоречащие требованию воинских уставов... а равно оставлять без внимания таковые со стороны лиц, за службу которых несу ответственность. Не могу, даже если бы хотел. Это было бы отступничество... шаг, равнозначный отказу от правил, которым я следовал как военнослужащий, во имя которых рисковал головой на фронте и служу нынче.— Лейтенанта Величко явно беспокоит отсутствие опыта у его ближайшего помощника,— всякая сделка артиллерийского командира с нарушением дисциплины доказывала, что он не понимает службу либо лишен волевых качеств, необходимых для выполнения обязанностей старшего на батарее. Воин, не подготовленный, скажем, в строевом отношении, не способен обслуживать орудие. Снижается боеспособность всего орудийного расчета в целом. Вы понимаете почему?

— По-видимому, замедляется темп работы орудийных расчетов при ведении огня.

— Ну вот,— произнес удовлетворенно лейтенант Величко, поднялся, прошел из угла в угол. Выцветшее хлопчатобумажное обмундирование сидело на нем ладно, крест на крест ремни полевого снаряжения, почти не заметна помятость ткани, не то что у людей, далеких от службы. Им чуждо понятие симметрии — поясной ремень ослаблен, лямки на плечах — одна назад, другая сползает обратно. Вся одежда на нем наперекос, все невпопад, мешок, да и только. Ему все в тягость — и застегнутый воротник, и ремни, и оружие, и экипировка — случайный груз, назначенный кому-то другому, избавиться бы от всего этого поскорее.— Скверно то,— продолжал лейтенант Величко,— что вы слишком молоды, но что делать? Нам тянуть вместе лямку, как

говорят орудийные номера, обученные, разумеется.— Вернувшись к столу, он открыл одну из книг. Кожа истерлась по углам, выделяются тусклым золотым блеском тисненые буквы: Лукреций «О природе вещей».

— Вы читали?

Я помнил римского философа Лукреция по учебнику истории древнего мира. Но книгу видеть не приходилось.

— Жаль.— Величко перевернул страницу, другую.— Скажите, почему молодые люди зачастую не знают того, что необходимо военному человеку, и должны убивать время на изучение догм, совершенно не связанных с жизнью?

Каких именно догм? Требовалось уточнить. Но лейтенант Величко не стал вдаваться в детали.

— Лукреций не был... центурионом, тем не менее видел человеческий мир в истинном свете, без всяких прикрас и бутафорий. Его философия свободна от тенденции восемнадцатого и последующих столетий, когда хитрые люди стали обращать свою склонность к мудрствованию во вред ближним, возбуждая низменные чувства собратьев... К чести Лукреция, он не прибегал к таким приемам. Он не пророчествовал лживо, а ограничивался констатацией фактов. Все вещи и явления, утверждал он, имеют свою природу, происхождение, обусловленные естественными причинами. Природа вещей постоянна и не изменяется от того, что говорят люди. Мысль простая, как будто ничего особенного... А если мы приложим ее к делам воинской службы? Как рисует себе ее начало военный человек? Представьте себе кочевой стан первобытных людей, наших предков. Внезапное нападение... все охвачены страхом, смятением. Кто-то первым в толпе поднял дубину, чтобы постоять за себя и близких, за жизнь тех, кто не имеет сил защищаться. Пристыженные решимостью одного, опомнились другие. И вот нападение отражено. Кому принадлежит заслуга? Тому, кто первым ответил на удар... Люди, спасенные от гибели, чтят защитников, и признательность к погибшим воздают живым... Им добыча, слава, первое место... Именно так зарождалось военное ремесло. Предводительствовал один. Только час, может быть, или мгновение. Но он стоял один, не дрогнув, лицом к лицу... Утверждения, будто страх смерти нипочем, и на поле брани все под одну стать — это ложь, внушенная стремлением принизить идею, завлечь обманом в ряды воинов людей малопригодных... там, в свалке боя, пусть сами выкручиваются, как знают... Безнадежность, дескать, заставит обороняться, и трус, гляди, еще прослывет героем.

Заметив, по-видимому, сомнение на моем лице, лейтенант Величко изменил подход к теме:

— В своей позиции я не одинок... об этом свидетельствуют летописцы, поэты. Кому не известен воитель, водрузивший свой щит на вратах Цареграда? И кто помнит бранных товарищей князя? Память народная предала забвению оружейных дел мастеров, сработавших достопамятные княжеские доспехи. И не по капризу поэтических муз, и не потому, что плохо сделано дело... Нет, мастеровому за труд плачено платой, «но... воителю слава отрада». Равнять в чести неравных, а паче того причислить к славе воина оружейников и даже оруженосцев было бы кощунством... Сами вещи могуществом своей первоприроды отметают потуги демагогов вторгаться в дела, неподвластные человеку.— Лейтенант Величко говорил с увлечением, даже пафосом. Похоже, мой непосредственный начальник принимал службу как кровное дело.

— ...Ушедшие века унесли с собой образ первобытного воина. Но природа военного ремесла осталась прежней, не изменилась и цена, которой расплачивается воин. Если прежде условия сурового бытия сами по себе порождали воинственность, то ныне мы стараемся развить задатки мужества, привлекая здоровую молодежь к несению воинской службы. Умение подчиняться, соблюдать установленный порядок службы принимается как доказательство воинского духа... Я не из тех, кто тратит свои силенки, часто, впрочем, недостаточные для того, чтобы соблюдать дисциплину... в праздном старании... подменить перетасовкой слов смысл одного понятия другим, диаметрально противоположным... Воинская дисциплина проявляется наглядно в поведении. Все прочее... то, что существует теоретически... так сказать, в воображении... уставы решительно запрещают принимать во внимание. Орудийный номер соблюдает уставные нормы постоянно и в точности по отношению к товарищам и старшим, в обращении с оружием, лошадью, вещевым и всяким прочим имуществом, значит, он воин! Не соблюдает, значит, кто-то иной, только одетый в форменную, но чуждую ему одежду. Внимание... осторожно... перед вами сомнительная личность, полагаться на нее в делах, если это связано с опасностью для жизни... не следует... нельзя.

Лейтенант Величко подверг резкой критике людей, которые не сознают ответственности, возложенной на воина социалистического государства. Повинны в этом, по его

мнению, не только лень, безразличие к общественным идеалам.

— ...Сложилось два пути утверждения дисциплины,— продолжал он,— прямой, когда примером собственного поведения начальствующие лица учат рядовых соблюдению порядка, определенного воинским уставом... И обратный, путь борьбы за дисциплину, который предпочитают люди, неуверенные в правоте воинских уставов... не нужно напряжения ни физических сил, ни разума... и никакого труда вообще...

* * *

Кажется, в предвоенное время в среде командного состава были единицы людей, о которых говорил Величко. Я не замечал их, может быть, по краткости своей мирной службы. Но не однажды сталкивался с ними после войны, особенно в годы, которые теперь стали называться застойными.

Вместо того чтобы выполнять свои обязанности, как положено всякому военнослужащему, они занимаются «борьбой» за строевую выправку и успеваемость, за физическую подготовку и за все, что угодно. Борьбу они ведут на словах, для видимости, без всякого движения души и ума, расслабленные, полусонные от безделия и скуки. И оживляются лишь тогда, когда ожидают чего-либо лично для себя. Времяпрепровождение и «борьба» связаны со службой в той только мере, в какой это совпадает с личными интересами этих людей. Уставные нормы, дисциплина, обязанности, воинский порядок в их толковании — пустой, надуманный формализм, только для простаков. Выполнять уставные нормы они не хотят, да и не умеют... требовать от других боятся — а вдруг подчиненный примет в обидную для себя сторону и станет жаловаться... Зачем навлекать на себя неприятности? Лучше объявить благодарность за несуществующие достижения... Так вырабатывается тактика «борьбы» за дисциплину, некое молчаливое согласие, солидарность соучастников надувательства... Подчиненные довольны попустительством, начальник... преимуществами занимаемой должности... Огромной важности общественное дело превращается в сделку.

Эти явления, разумеется, не определяют состояние такого здорового организма, как Советские Вооруженные Силы, но они имеют место, и закрывать на это глаза опасно. Более того, это вполне закономерно — вооруженные силы существуют не в безвоздушном пространстве. Они переживают все то, чем живет создавшее их общество, и за-

стойные явления, тяжело поразившие общество, не могли их не коснуться. Поэтому Советские Вооруженные Силы не могут оставаться в стороне от революционной перестройки и очищения, охвативших советское общество по инициативе М. С. Горбачева — мужественного руководителя, самого принципиального со времен Ленина. Развернутая партией перестройка, призванная преобразить все стороны жизни советского общества, должна оказать самое благотворное воздействие на боеспособность Советских Вооруженных Сил, свято несущих знамена Октября.

* * *

— ...Природа вещей непреложна,— продолжал лейтенант Величко,— нельзя ее изменить никакими словами... Значит, командира необходимо вернуть в условия, предусмотренные воинскими уставами. Он обязан требовать соблюдения норм дисциплины, словом и делом лица, ответственного за боеспособность подразделений в целом и каждого из подчиненных в отдельности.— Величко взглянул на часы.— Командир батареи обязан обращаться со своими ближайшими помощниками откровенно, чтобы исключить непонимание между людьми, которые решают общую задачу... сегодня на учебных позициях, а завтра... кто знает? Товарищ лейтенант, мне не нужно фокусов, которые иногда показывают по требованию начальства орудийные расчеты. Но те нормы, что определены уставом, потрудитесь выполнять без всяких отклонений. У наших лейтенантов, прошедших курс подготовки нормального училища, вполне достаточно знаний... Делайте свою работу... вот чего я требую.

Командир батареи отодвинул книгу, поднялся. Разговор окончен.

Владимир-Волынский укрепленный район

Утро следующего дня выдалось пасмурным. В воздухе — запах вчерашнего дождя. Сыро. Перед тыльной калиткой — непросохшая лужа, тропа на спуске размокла. Впереди шел Поздняков, следом Гаранин и я. К речке на утренний туалет. Поздняков оступился. Гаранин хотел поддержать, ветка, которая служила опорой, обломилась. Младший лейтенант предпринял отчаянную попытку удержаться, но из этого ничего не получилось. Он заскользил вниз к берегу и оказался с головой в воде. Рядом вынырнул Поздняков.

Вследствие неудачного спуска утренний туалет затянулся. Я едва успел склеить листы топографической карты, полученные в секретной части. Клеил в спешке, с помощью Гаранина.

Карты — два листа польской съемки, два — русского генерального штаба, съемки 1911 года — без координатной сетки. У поляков некоторые знаки, в частности растительный покров и отдельные элементы дорожной сети, обозначались на свой манер. В общем и те и другие карты еще вполне пригодны для использования.

Из канцелярии — на коновязь, оттуда верхом к месту построения рекогносцировочной группы. Клей на стыках листов сохнет медленно. Карта развернута — около квадратного метра плотной бумаги. Поднималась на ходу, как змей. Перикл испуганно косился, дергал поводья, того и гляди, закусит удила.

На месте сбора рекогносцировочной группы — полсотни всадников из 92-го и 85-го ОАД, 212-го ГАП [1], 186-го ЛАП, 83-го ОПТД [2] и еще каких-то частей укрепрайона. Командиры батарей, заместители и равные им. Возглавляют группу капитан Букштейн, начальник штаба артиллерии 87-й СД и полковник Порошенко, командир 283-го СП [3].

Цель рекогносцировки — изучение местности, увязка вопросов взаимодействия артиллерийских подразделений с уровскими частями и пехотой на рубежах в непосредственной близости к государственной границе. Рекогносцировке подлежала местность южнее пограничного местечка Устилуг, у слияния рек Луга и Западный Буг, и дальше на юго-восток, возле сел Хотячев, Сшижув, где расположены узлы обороны Владимир-Волынского укрепрайона.

Не менее четверти часа капитан Букштейн излагал правила поведения на местности, просматриваемой с немецкой стороны. Моя карта тем временем подсохла, но еще не подготовлена к работе. Ее нужно сложить по размеру планшетки, обжать края.

В перерыве я перенес маршруты, сориентировал карту. Раздалась команда: «Садись... справа... по два рысью... марш!»

Капитан Букштейн вскоре перевел коня на шаг. Осталась позади слева опушка леса — запасной район сосредоточения 3-й батареи. Мы придерживались направления на

---

[1] ГАП — гаубичный артиллерийский полк.— *Авт.*

[2] ОПТД — отдельный противотанковый артиллерийский дивизион.— *Авт.*

[3] СП — стрелковый полк.— *Авт.*

северо-запад. У каждого на луке[1] — планшетка с раскрытой картой.

В здешнем краю полевые и проселочные дороги пролегали большей частью в углублениях, напоминавших рвы. Почвенная эрозия. Рысивший позади командир 1-го дивизиона 212-го ГАП говорил соседу, старшему адъютанту, о трудностях, которые ожидали артиллеристов в случае внезапного нападения. По сторонам дороги — обрывистые стенки высотой более полуметра. В такой канаве орудийная колонна не могла бы сойти на обочину для развертывания.

Капитан Букштейн приподнялся в стременах, конь рывком взял барьер — глинистую стенку. Вслед за ведущим строй двинулся лощиной, оставляя во ржи утоптанную полосу. Правила маскировки, похоже, вступили в си́лу.

Впереди ручеек извивается по дну широкой лощины, в зарослях осоки. Тридцать лет назад, в дни, когда производились съемки русской карты, сплошная растительность покрывала оба склона. Граница обработанных полей лежала дальше. У изгиба ручья находилось болотце, теперь тут поляна, правда, мокрая, десяток копен сена, повозки. Пять-шесть крестьян, оставив грабли, степенно кланялись, приветствовали строй.

Кустарник произрастал на правом берегу по всему склону, на левом — жидкой грядой вдоль проселочной дороги. Капитан Букштейн приостановил коня. Заросли достигают высоты трех-четырех метров. Пара всадников впереди — командир 2-й батареи лейтенант Криклий и его заместитель лейтенант Павлов, а за ними большая часть командиров из 212-го ГАП остановились. Здесь район огневых позиций по меньшей мере четырех батарей, в том числе 2-й — нашего дивизиона.

Все, кто остался, спешились. Только лейтенант Павлов не сошел с коня. Рекогносцировочная группа продолжала движение. Когда расстояние уменьшилось, Павлов поднес к фуражке руку, ладонь вывернул наружу до невозможности, как делают гражданские люди, приветствующие парад. Лейтенант Величко удивленно повернул голову.

— Подобрать поводья... и руку держите, как следует, если перед вами строй.

— Есть подобрать и держать,— ответил Павлов, довольный, что шутка не осталась незамеченной.

Четверть часа спустя рекогносцировочная группа оста-

---

[1] Лука́ — изгиб переднего или заднего края седла.— *Ред.*

новилась. Я передал Перикла коноводу и вслед за командиром батареи направился к траншее, которая вела к дзоту, оборудованному, по-видимому, для прикрытия южных склонов бугра. Сооружение в точности напоминало увеличенный до натуральных размеров макет из класса инженерной подготовки Сумского артиллерийского училища. Энтузиаст своего дела, полковник Лопатин — начальник цикла инженерной подготовки училища — нашел бы работу похвальной. Перед амбразурами грунт тщательно отсыпан, укрыт дерном. Наружная дощатая обивка окрашена в цвета полевой зелени. Аккуратно, чисто. Но дальше впечатление портилось. Масксети, развернутые на отдельных участках ходов сообщения, ведущих к дзоту, увядшая зелень под откосом демаскировали то, что предназначены были скрыть.

На западном склоне бугра — хозяйственные постройки, скопление повозок, лошади в упряжках, толкутся люди. Производилось строительство дота. Под фальшкрышей — стены, одетые в опалубку. Куча глины, вынутой из котлована. Тут же, рядом,— бетономешалка, тачки, бочки, доски, навалом бревна, воет циркулярная пила. Куда ни взгляни, никаких следов растительности, голый, избитый косогор.

Военинженер, руководитель строительства, приняв полковника Порошенко за старшего, явился с рапортом, стал давать объяснения. В качестве рабочей силы на строительстве использовался рабочий батальон, укомплектованный гражданскими лицами разных возрастов. Стройматериалы доставлялись на повозках местным населением.

До того дня я представлял саперов с лопатами, кирками и шестом, на который одевался моток колючей проволоки. Их дело — постановка мин, оборудование окопов для пехоты и командных пунктов, содержание в исправности путей сообщения. А тут — индустриальная панорама.

Строительство железобетонных сооружений на местности — сложная производственная задача. Наряду с организацией рабочей силы необходима уйма разнокалиберного оборудования и механизмов, инструменты, электроэнергия, складские помещения, источники воды, горючее — одним словом, техническая база. Жаль, что инженер, возглавлявший строительство, не заботился о том, чтобы содержать сооружаемый объект и прилегающий участок местности в должном порядке.

Я ожидал, что рекогносцировочная группа возвращается обратно к стоянке лошадей, но капитан Букштейн взял направление в сторону границы. Численность рекогносциро-

вочной группы уменьшилась. Часть командиров 86-го ОПТД осталась в районе строительства.

На бугре колышется под ветром рожь. В лощине воздух неподвижен. Жарко. Безлюдие. Не видно ни одного человека.

Командиры шли молча, в порядке по два. Справа на склоне — одинокое строение над гладью ржаного поля, серая стена, ни крыши, ни окон, ни дымовой трубы.

Капитан Букштейн остановился, последовала команда: «Приступить к ориентированию карт!» Местность вокруг, что называется, безлика совершенно, голые склоны, справа пологий, на другой стороне — с некоторой крутизной. Единственная отправная примета — проселочная дорога. Но куда ведет она, откуда?

На моей карте последняя отметка сделана в месте скопления повозок у строящегося дота, на стыке листов, около трех километров назад. Как найти то, что изображалось в масштабе карты на местности?

Направление на северный полюс я могу определить по солнцу. А дальше... Старая съемка! У командира батареи современная двадцатипятитысячная карта нашего генерального штаба с координатной сеткой и сведениями, которые отмечаются на полях. Конечно, я сделал оплошность, забросив ведение карты.

Лейтенант Величко неодобрительно следил за перемещением моего карандаша. Вот, кажется, я найду то, что искал. Старший группы начал проверку.

— Внимание! — произнес вполголоса командир батареи.— Перенесите,— он подвинул свою карту. Пунктирная линия маршрута тянулась от монастыря — исходного рубежа рекогносцировки — и дальше по всему пути движения. Две-три черты пересекали линию, это рубежи, где делались остановки. Был очерчен район строительства дота и огневых позиций 2-й батареи.

Капитан Букштейн обменялся рукопожатием с командиром батареи. Мельком заглянул в его карту и стал рассматривать мою.

Двинулись дальше. Я хотел благодарить лейтенанта Величко.

— Деликатность здесь неуместна, ведите самостоятельно карту. Больше внимания... следите за местностью,— наставительно произнес он.— Рекогносцировка... ответственное занятие.

Строй остановился. Словно из-под земли возник дот. На меня он производил странное впечатление. Внешние кон-

туры совершенно определенно открывают тайну его внутреннего устройства. Невероятно толстые стены. Закругленные углы, мрачный провал амбразуры. Что это? Храм мифических богов? Обломок фантастического камня, прилетевшего из глубины Вселенной?

Нет, ни то и ни другое. Серые стены возведены сегодняшним днем. В бетонной толще таится мысль о войне, о той минуте, когда под шквалом огня умрет все живое, растения и люди, уцелеет лишь то, что укроется за стенами дота.

Ни вблизи, ни дальше нельзя обнаружить никаких следов недавнего строительства. Кубическая масса бетона — словно игрушка, брошенная рукой великана посреди поля. Ржаные стебли тихо колышутся, чуть ли не касаясь серой шершавой стены.

Обогнув дот, командиры в молчании остановились. Глухо лязгнула тяжелая бронированная дверь, появился пехотинец. Рядом с бетонной громадиной он выглядел довольно беспомощным. В безотчетной тревоге командиры глядели один на другого. Казалось, вот-вот раздастся вой сирены.

Я не видел прежде железобетонных оборонительных сооружений в натуральную величину и немало удивился тому, что сторона дота, обращенная к границе,— монолит без единой щели. Амбразуры прорублены только в боковых стенах. Стальные двери наполовину заглублены в грунт. Наверху — колодцы вентиляционных труб и дымоходов.

Вооружения дот еще не имел. Семь-восемь пехотинцев — команда, занятая монтажом вспомогательного оборудования,— выстроились, чтобы приветствовать участников рекогносцировки.

В качестве основного калибра для дота — если судить по размерам амбразуры — предполагается установить, вероятно, 45-мм орудие.

Некоторые командиры высказывали сомнения относительно расположения дота, подступов и т. д. Но лейтенант-пехотинец, старший команды, стал заверять, что в секторе прикрытия вся местность простреливалась пулеметами и стрелковым оружием.

Капитан Букштейн объявил перерыв. Часть командиров ушла к месту, отведенному для курения. В группе, окружавшей капитана Корзинина, продолжался прерванный разговор.

— Орешек крепкий, саперы... молодцы,— говорил капитан.— Я уверен, немало труда положили и те, кто определил место для дота. Неужели это сделали пехотинцы?

Представитель штаба укрепрайона ответил, что рекогносцировку местности во всей полосе производила смешанная комиссия, состоявшая из войсковых командиров и начальников соответствующих управлений Генерального штаба. Возглавлял комиссию генерал Матыкин Ф. И.

Примерно в двухстах шагах от дота предполагалось развернуть наблюдательные пункты двух батарей — 1-й из 85-го ОАД и 2-й нашего дивизиона. К инженерному оборудованию НП[1] взводы управления приступали после занятия боевых порядков, т. е. в ходе боевых действий.

Из вопросов, заданных представителю штаба укрепрайона, выяснилось, что между командирами упомянутых выше батарей и гарнизоном дота связь взаимодействия не налажена. Не удалось установить, почему поддерживающие батареи занимали наблюдательные пункты на необорудованной местности. В доте не была предусмотрена установка артиллерийских приборов наблюдения.

Очевидные неувязки штабного планирования в масштабе опорного пункта вызывали недоумение. Живучесть боевых средств в зоне досягаемости артиллерии определяется эффективностью артиллерийской поддержки. Невзирая на толщу бетона, доту придет конец, когда орудия противника откроют огонь прямой наводкой. Прикрытие обеспечивали поддерживающие батареи с закрытых позиций. Ну а если их наблюдательные пункты будут подавлены раньше?

Начался осмотр дота. Толщина наружных стен достигала полутора метров. Внутренние помещения расположены значительно ниже уровня горизонта и разделялись на отсеки. Из тамбура вела внутрь спиральная металлическая лестница. Во всех отсеках держался могильный холод.

Капитан Корзинин собрал командный состав дивизиона в дот на артстрелковую подготовку. Наблюдение велось через амбразуру. Руководитель стрельбы указывал воображаемые оборонительные сооружения противника на местности. Присутствующие, пользуясь таблицами стрельб и справочниками, определяли расход снарядов и время на подавление или разрушение долговременных оборонительных сооружений. Если 152-мм гаубичная батарея вела огонь с закрытых позиций на средних дальностях, для разрушения дота такого класса необходимо от двух до трех часов и около 1000 снарядов. Орудие нашего калибра способно ре-

---

[1] НП — наблюдательный пункт.— *Авт.*

шить задачу прямой наводкой в течение четверти часа полусотней снарядов.

Снаружи доносились обрывки команд. Капитан Корзинин приостановил занятия. Все присутствующие направились к лестнице. Перед дотом я увидел вновь прибывших командиров. Капитан Букштейн представил старшему участников рекогносцировки и объявил перерыв.

Укрывшись под стеной дота вместе с другими командирами, я стал осматривать местность. Где остальные элементы опорного пункта? Старший лейтенант Кравченко — командир штабной батареи штаба артиллерии 87-й СД — из тех людей, которые знают, кажется, совершенно все на свете, рассказывал о Владимир-Волынском укрепленном районе. Строительство оборонительных сооружений на первом положении началось сразу же после установления демаркационной линии с Германией и продолжается неослабевающими темпами по сегодняшний день силами многочисленных рабочих батальонов и саперными подразделениями войск.

Старшие и высшие командные инстанции постоянно следят за ходом строительства. Некоторое время назад боевые порядки Владимир-Волынского укрепленного района посетил командующий войсками Киевского особого военного округа Герой Советского Союза генерал-полковник Кирпонос. Старший лейтенант Кравченко принимал участие во встрече командующего и даже рассказал кратко его военную биографию.

Затем старший лейтенант начал называть прибывших командиров. Возглавлял их полковник Карманов — комендант укрепрайона. В числе других старших должностных лиц находились полковник Неврузов, начальник артиллерии укрепрайона, начальник штаба майор Каролинский, майор Бородюк — начальник артиллерии 87-й СД, начальник штаба дивизии полковник Бланк, командир 197-го ЛАП майор Гладких, командир 96-го СП полковник Василенко, командир 16-го СП полковник Филимонов, командир 85-го ОПТД капитан Прокопенко.

Команда, призвавшая на построение, прервала рассказ старшего лейтенанта. Участники рекогносцировки и те, что прибыли, выстроены по ранжиру. Я оказался вблизи дота. Как по мановению волшебного жезла, появились схемы и карты.

Подошел майор Каролинский. Указав на важность сведений, которые содержались в схемах и комментариях к ним, он начал обзорную лекцию о Владимир-Волынском

укрепленном районе, силах, предназначенных для удержания приграничной полосы и последовательности ввода их в действие на случай войны.

После беглой, в общих чертах характеристики немецких войск по ту сторону границы, майор перешел к топографии предполагаемого театра боевых действий. Стороны разделяла пограничная река Западный Буг. Начиная от истоков, вниз по течению на десятки километров южный берег поднимался над руслом крутой обрывистой стеной. Форсирование реки на многих участках, по крайней мере для танков, затрудняется, на других — необходимо предварительное инженерное обеспечение. Важным фактором на стороне обороны является Пятиднецкий лес — лесной массив, расположенный на северо-запад от Владимира-Волынского, который рассматривался как рубеж для контратак тактических резервов. В общем плане всхолмленная, слабо пересеченная местность, оборудованная долговременными оборонительными сооружениями, благоприятствовала обороне. Начальник штаба укрепрайона не сомневался в том, что задача по удержанию государственной границы на участке Владимир-Волынского укрепрайона будет выполнена.

Пространство на запад от Владимира-Волынского составляло так называемое предполье, зона, лежавшая впереди поля боя. Оборона предполья возлагалась на части укрепрайона, части 87-й СД и артиллерию, входившую в состав многочисленных групп поддержки пехоты. Удержание предполья и рубежа по границе обеспечивало прикрытие двух операционных направлений: Грубешув — Владимир-Волынский и Грубешув — Горохов.

В каком состоянии находились эти силы?

Рассматриваемый в качестве оборонительной системы Владимир-Волынский укрепленный район состоял из шести отдельных узлов обороны, созданных на всех важнейших направлениях. Гарнизоны их комплектовались пулеметно-артиллерийскими батальонами — специальными подразделениями, которые проходили подготовку для ведения позиционной обороны в условиях укрепленного района.

Узел обороны состоял из нескольких опорных пунктов, объединявших в непосредственном огневом взаимодействии два, три и более долговременных оборонительных сооружений. Всего во Владимир-Волынском укрепрайоне насчитывалось 100 дотов на фронте 60 километров, большей частью оснащенных стационарным вооружением.

Передовые опорные пункты возводились на некотором удалении от государственной границы по холмам южного

берега Западного Буга. В оснащении дотов сохранялась определенная дифференциация. Некоторые сооружения отличались особой прочностью, выдерживали прямое попадание снарядов 155 и 170-мм калибров и обеспечивали относительную защиту оружия и обслуживающего персонала.

Самый мощный из узлов обороны находился на южном фасе укрепрайона, невдалеке от сел Морозовичи — Лишня (севернее г. Млынск). Он прикрывал низменный берег Западного Буга, доступный для танков. В его дотах насчитывалось 16 канонирных орудий — 75 и 45-мм — по 8 каждого калибра, 28 станковых пулеметов. Другие узлы обороны — у населенных пунктов Поромов, Янов, Устилуг — уступали ему в вооружении.

Владимир-Волынский укрепленный район на севере граничил с Ковельским, на юге, у Млынска, со Струмиловским укрепленными районами.

Гарнизоны узлов обороны состояли из подразделений (с юга па север) 146-го отдельного, 20, 245 и 19-го пулеметно-артиллерийских батальонов.

Большое внимание в системе обороны укрепленного района уделялось организации связи. В те дни была закончена прокладка подземных телефонных линий, связывавших узлы обороны в одну общую сеть с командным пунктом коменданта Владимир-Волынского укрепленного района. Завершались подготовительные работы к строительству на втором положении по течению р. Луга, включая южную окраину Владимира-Волынского, и дальше на рубеже севернее города.

В оперативных планах на будущее Владимир-Волынскому укрепрайону отводилась роль волнолома, который должен рассечь в случае прорыва ударную группировку противника и направить одну часть ее к северу — в заболоченные районы, другую — на юг, в сторону Сокаль — Горохов под удар механизированных соединений вторых эшелонов 5-й армии.

Начальник штаба укрепрайона привел соображения, положенные в основу планирования обороны, коснулся международно-правовых отношений государств. Германия, говорил он, официально признает существующие конвенции о войне. Поэтому наше командование исходит из предположения, что нападение произойдет, если это случится, только после расторжения договора о ненападении.

В этом случае наши войска, в частности пулеметно-артиллерийские батальоны, будут выведены из мест постоянной дислокации на свои позиции. Одновременно приступают

к занятию боевых порядков артиллерийские части укрепрайона. Под прикрытием этого заслона части 87-й СД и части усиления должны начать движение из выжидательных районов для занятия полевых позиций в промежутках между узлами обороны, отрекогносцированных прежде и частично подготовленных. Этим обеспечивалось так называемое полевое заполнение укрепленного района.

87-я СД состояла из трех стрелковых полков — 16, 96, 283-го и двух артиллерийских — 197-го ЛАП и 212-го ГАП, специальных частей и подразделений боевого и материального обеспечения. Это мощное соединение, оснащенное всеми видами оружия, насчитывало 17 тыс. штыков, около 1000 легких и станковых пулеметов, свыше 100 минометов, около 200 полевых и зенитных орудий.

Начальник штаба укрепрайона сообщал, что объявление войны не внесет и не может внести каких-либо изменений в дислокацию войск. Управление частями и подразделениями, предназначенными для ведения обороны, должно осуществляться особыми приказаниями старших командных инстанций.

Командиры пулеметно-артиллерийских батальонов действовали самостоятельно вплоть до занятия оборонительных сооружений. Для артиллерийских дивизионов укрепрайона этот момент наступал после вывода подразделений в вижидательный район.

Примерно в таких же условиях находились части 87-й СД. Выжидательные районы: пехоты — на рубеже Владимира-Волынского, артиллерии — лес близ станции Верба: 212-й ГАП, 197-й ЛАП — район села Стефанувка, 85-й ОПТД — Очеретнув Новый. Здесь производится пополнение боеприпасами, горючим, всеми прочими видами боевого и хозяйственного обеспечения. Одновременно пехота направляла разведывательные подразделения: 16-й СП — на Стенжаричи и Залужье (севернее г. Устилуг); 96-й СП — на Руссов, Устилуг, Верхнов; 283-й СП — на Дехнов, Хренов, Бубнов (южнее г. Устилуг).

Независимо от сведений, поступающих от разведывательных подразделений, инструкции, имеющиеся на сегодняшний день, остаются в силе и после объявления войны. К выполнению боевых задач части 87-й СД, как и все другие, должны приступать по особому приказанию, а именно: 16-й СП при поддержке 197-го ЛАП занять отрекогносцированные прежде позиции на участке Залужье — Черников (фронт — 13 километров); 96-й СП с двумя дивизионами 212-го ГАП оборонять участок Черников — Пустенев

(фронт — 16 километров); 283-й СП с 3-м дивизионом 212-го ГАП — участок Морозовичи (севернее Млынска) — Крапивчизна (фронт — 14 километров).

Боевые порядки стрелковых полков — в один эшелон. Командиры полков имеют в резерве по одному батальону. Резерв командира дивизиона — 3-й батальон 283-го СП, 85-й ОПТД, 43-й отдельный разведывательный батальон. Части обеспечения — 11-й саперный батальон в районе Фундум — Вощатин — Ласков. Здесь же находятся огневые позиции 14-го ОЗАД [1]. Командный пункт командира 87-й СД — в Оране.

Артиллерийские дивизионы укрепрайона обеспечивают поддержку узлов обороны: 92-й ОАД — Морозовичи — Лишня, Поромов — Янов; 85-й ОАД — Янов — Хотячев. Задача — подавлять с закрытых позиций огневые средства противника в первом эшелоне, и прежде всего орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой.

С момента занятия позиций подразделения обоих дивизионов привлекаются к участию в огневых налетах по целям в глубине боевых порядков противника. Командиры дивизионов обязаны поддерживать устойчивую связь с командным пунктом начальника артиллерии укрепрайона и начальника артиллерии 87-й СД.

Части усиления укрепрайона: 264-й корпусной артиллерийский полк без одного дивизиона, 184-й гаубичный артиллерийский полк РГК без одного дивизиона.

Общая численность артиллерийской группировки в полосе обороны Владимир-Волынского укрепрайона составляла 44 дивизиона, без учета противотанковых и полковых орудий. Опираясь на эти цифры, майор Каролинский выразил уверенность, что пехота, поддержанная всей мощью огня артиллерии, сумеет отразить нападение, если начнется война. На вопросы, вызванные противоуставным ограничением прав командиров частей и подразделений на поле боя, начальник штаба отвечал фразами инструкции, хорошо известными всем присутствующим.

Комендант укрепрайона, говоривший в заключение, подтвердил выводы, сделанные начальником штаба. Отсутствие надлежащей ясности относительно применения войсками оружия беспокоило коменданта не меньше, чем текущие задачи. Кроме того, остался несогласованным целый ряд вопросов взаимодействия пулеметно-артиллерийских

---

[1] ОЗАД — отдельный зенитный артдивизион.— *Авт.*

батальонов и частей 87-й СД, особенно в поддержке гарнизонов на рубеже передовых узлов обороны. Серьезно отставало от сроков, установленных наркомом обороны, инженерное оборудование предполья, несмотря на то что на работах занято до половины личного состава войск. Командующий войсками КОВО генерал-полковник Кирпонос, посетивший соединения 15-го СК[1], нашел, что отвлечение войск от строевой службы отрицательно сказалось на дисциплине. В некоторых частях понизился уровень боеспособности. Отмечены случаи, когда строительные команды пехоты, вопреки строжайшему запрету, комплектовались за счет подразделений полковой артиллерии.

— Не исключено,— оповестил в конце комендант,— что войска будут выведены в лагеря для того, чтобы наверстать упущения в боевой подготовке. Командующий войсками 5-й армии приказал устранить недочеты, обнаруженные в организации службы, к 12 часам 22.06, чтобы доложить генерал-полковнику Кирпоносу.

После команды «Смирно!» он объявил перерыв.

Командный состав отдельных частей возвращался к месту, где оставались лошади. Коноводы ждали с нетерпением. На каждого приходилось по шесть-семь лошадей, измученных кровожадными насекомыми, неподвижностью и духотой, которая держалась в лощине.

Государственная граница

После посадки в седла капитан Корзинин объявил задачу следующего этапа рекогносцировки. Через тридцать-сорок минут мы выйдем к государственной границе.

Путь, рассчитанный без учета местных обстоятельств, занял в три раза больше времени. На дороге из Лудзина к Устилугу группа более получаса шла пешком. Я следил за картой. На расстоянии в полтора километра от берегов Западного Буга капитан подал команду: «Ложись... по-пластунски!»

Движение таким способом требовало много усилий, а в жаркий день ничего худшего придумать невозможно. Группа растянулась. Преодолен пологий склон, лощина, еще двести шагов по влажному грунту. Новый подъем. Знаки запретной зоны. Поля не обработаны — в густом высоком бурьяне — красные маки, ромашки, чертополох.

---

[1] СК — стрелковый корпус.— *Авт.*

Передо мной, не отрываясь от земли, ворочая лопатками, полз лейтенант Величко. В бурьяне мелькают каблуки и спины. Глаза заливает потом.

Преодолен последний рубеж. Открылся вид на Западный Буг. Под обрывом струится вода среди прибрежных зарослей. Внимание приковано к двум солдатам в зеленосерых мундирах на другом берегу. Оба с оружием, в касках. Один стоял, не двигаясь, другой шагал тропой, будто мерял расстояние к одинокому дереву и обратно.

А выше — линия горизонта. В северо-западном направлении возвышалась поросшая лесом конусообразная высота. Петляет на поворотах дорога. Появился один, другой автомобиль. Поднималась позади пыль.

Меня уже не занимала открывшаяся перед глазами панорама местности. У подножия высоты происходит то, что представляло чисто профессиональный интерес. Немецкая конная батарея занимала огневую позицию. Четыре орудия, наверняка гаубицы, по два уноса в каждом и один на передках. Мигом сняты чехлы. Орудийная прислуга действует споро. Приводимые в движение наводчиками орудийные стволы ползут быстро вверх. На стволах дульные тормоза — по-видимому, это 105-мм гаубица, орудие образца 1915 не то 1918 гг., состоящее в штатах полковой батареи пехотного полка, а также во всех трех дивизионах артиллерийского полка пехотной дивизии. 105-мм гаубицы по своим баллистическим характеристикам уступают 122-мм гаубицам образца 1936 г.— основному калибру нашей дивизионной артиллерии.

За поворотом дороги пехота — три-четыре десятка солдат — занималась трассировкой или оборудованием окопов. Это все, что я успел разглядеть в течение примерно минуты после того, как выдвинулся на уровень командиров, которые вели наблюдение.

Лейтенант Величко, открыв карту, вернул меня к исполнению обязанностей. Ориентирование не заняло времени. В южной части панорамы — изгиб дороги на склоне высоты 187,7, влево 4-90 — в знойной дымке вырисовывались два костела — один шпиль выше, чем другой в черте, несомненно, Грубешува, самого крупного населенного пункта на всем обозреваемом пространстве по ту сторону Западного Буга.

Пользуясь картой лейтенанта Величко, я стал переносить на свою линию государственной границы. Граница у Литовеж выходила на Западный Буг и шла дальше по восточному берегу реки, обрисовывая ее изгибы. На карте

русского генерального штаба никаких разграничительных знаков, разумеется, не было. Вся местность по обе стороны реки лежала в пределах бывшего царства Польского, так именовались тогда эти земли Российской империи.

К началу занятий я успел дотянуть линию государственной границы до Устилуга. Командиры батарей в качестве стреляющих выполняли вторую задачу. Измерение отклонений разрывов производилось на пунктах сопряженного наблюдения дивизиона (СНД), развернутых на базе немногим более двухсот метров. Вместо штатных приборов лица, работавшие на пунктах, пользовались биноклями.

Занявший позицию в стороне разведчик, на которого возложена обязанность вести наблюдение за местностью, доложил:

— Ориентир номер три... всадники... дальность полторы тысячи метров!

Капитан Корзинин намеревался делать разбор первой стрельбы, подал команду «Стой!».

Лейтенант Луценко, вместе со мной обслуживавший правый пункт СНД, отложил в сторону бинокль. Помимо двух-трех караульных, несших охрану границы, на противоположном берегу никого не было. Появились всадники. Что-то неприятное шевелилось в душе. Немцы вели себя непринужденно, тогда как на нашей стороне не заметно признаков жизни, она казалась совершенно безлюдной.

Но я позабыл об этом, когда семь всадников двинулись к берегу. Пехотинец в каске взял оружие на караул. Неужели немцы намереваются омыть в реке копыта коней?.. Нет, у самого уреза воды старший удержал коня. В завидном порядке остановились и все остальные. Но ненадолго. Старший заставил коня войти в воду. Какая наглость! Реку принято считать ничейной, пренебрежение ее нейтралитетом приравнивалось к нарушению границы. Немцы, будто развязали вдруг им руки, оживленно жестикулировали и взялись все, как один, за бинокли.

— Черт побери! — выругался капитан Корзинин.— Называется добрососедство... Точно на охоте... господа...

Сделалось жарко. Сырая, пропотевшая одежда! Я не замечал этого до последней минуты.

Немецкие офицеры, не двигаясь с места, продолжали о чем-то толковать, кажется, спорили. В линзах моего бинокля лица, погоны. Глазеют, сидя в седлах. А тут? Нельзя позволить себе встать на ноги... И маскировка ни при чем. Мы прячемся... это унизительно!

И, повинуясь общему порыву, все вдруг поднялись. Нем-

цы пришли в замешательство. Еще бы! На берегу столько людей!

Послышался испуганный крик, невидимый пограничник призывал к соблюдению режима. Прошла какая-то минута. Пограничник переместился ближе, голос слышен отчетливей.

— Коней! — подал команду капитан Корзинин.

Взмыли сигнальные флажки. Обычно невозмутимый, командир дивизиона нервно шагал, звеня шпорами. Лейтенант Величко складывал карту. По склону неслись во весь опор коноводы. Пограничник запнулся и умолк.

— Садись!

Рекогносцировочная группа — четырнадцать всадников — мгновенно развернулась. Лошади с места взяли в карьер.

Чувствовал я себя скверно, командир батареи, кажется, тоже, перед глазами маячили немцы, растерянно взывал пограничник. Капитан Корзинин вел коня переменным аллюром, то и дело срывался в карьер и, не оглядываясь, напоминал о дистанции. Только на окраине села Изув закончилась скачка. Объявлен тридцатиминутный привал. Распаленные лошади глотают воду ведро за ведром.

Возобновились занятия. Около трех километров, с южной окраины с. Лудзин, рекогносцировочная группа двигалась пешком. И снова по-пластунски на гребень для занятий НП. После с. Изув рекогносцировался район с. Верхнув.

По пути встретился огневой разъезд 1-й батареи нашего дивизиона. Старший разъезда — командир 2-го огневого взвода, один командир орудия и остальные лица из состава разъезда изучали состояние дорог для выдвижения в район предполагаемых огневых позиций.

Село Верхнув и его окрестности лежали на стыке секторов смежных опорных пунктов. Траншеи и ходы сообщения тянулись через лощину от одного дота к другому. Группа пехотинцев подносила дерн, другие занимались укладкой.

Капитан Корзинин подал команду «Отбой!». Неожиданно над головой появился немецкий самолет-разведчик. Какая возможность разглядеть с близкого расстояния! Но капитан Корзинин запретил подниматься, а в положении пластуна, застигнутого командой «Стой!», не много увидишь.

Уже в сумерках рекогносцировочная группа вернулась к месту, откуда ушла утром. У ворот командира дивизиона встречал дежурный с рапортом. В конце перечня дневных происшествий лейтенант, поставленный уставом во главе

внутреннего наряда и караула части, сообщал с указанием точного времени о том, что дежурный по штабу 5-й армии интересовался инцидентом, который произошел на границе в ходе рекогносцировки. В Луцке об этом стало известно час спустя. Связь оповещения как будто функционировала нормально.

* * *

Перед каждым орудием установлен на кольях ящик от снарядов. Одна половина его предназначена для чистой ветоши, другая — для ветоши, бывшей в употреблении. В летнее время в конце дня промасленную ветошь полагается уносить во избежание самовоспламенения.

Я застал старшего сержанта Проценко в парке. Огневые взводы занимались в течение дня по расписанию. Происшествий, за исключением отдельных нарушений воинского порядка со стороны двух-трех лиц, не произошло. Помкомвзвода назвал фамилии. Приняты меры. Проценко задержался в парке, обнаружил использованную ветошь в ящике 3-го орудия. Командир батареи приказал докладывать ему по каждому случаю несоблюдения мер противопожарной безопасности.

Из парка я пришел на коновязь. Перикл мирно жевал сено, уткнув морду в кормушку. Кобылиц не было, значит, оба младших лейтенанта еще не вернулись с ужина.

За монастырской оградой во дворе уже было темно. В окне канцелярии мерцал свет. Лейтенант Величко сидел в кресле с чашкой чая в руках.

— Хотите? Для участников рекогносцировки ужин приготовлен в столовой рядового состава... посыльный принесет.

Я доложил о том, что видел на коновязи, в парке.

— Снова ветошь? Командир третьего орудия, выясните, в чем дело. Завтра к утреннему осмотру доложить.

Раздался стук в дверь. Вошел Гаранин.

— Ну что ж, товарищи командиры, будем ложиться спать? — Лейтенант Величко прошел с угла в угол, снял снаряжение, оружие.— Устраивайтесь... спокойной ночи.

Я уже засыпал. Слышу, Гаранин ворочается на своем диване.

— Извините, в тот раз, когда ехали на обед, я испугался... дело могло кончиться...

Меня клонило ко сну. Какой случай... и дело какое?

— В первый день... с этим Периклом... Думал, что Поздняков вам сказал.

Вот он о чем? Так обошлось же... Я уже позабыл. Подобные шутки среди конников, насколько я знаю, не считаются предосудительными.

— ...Мне неловко... хотел сказать, да вот... что-то помешало.

Пустяки, Гаранин совсем меня не обидел, но относительно Перикла... командир батареи, кажется, отдал приказание, чтобы предупредили... если это так, тогда Гаранину или Позднякову нужно объясниться с лейтенантом Величко.

— Гм...— Гаранин примолк.— Знаете, я не переношу хвастливых так же, как и неряшливых людей, они посягают на престиж военного человека.

Надеюсь, Гаранин не причислил меня к их числу.

— Ну что вы...

Спасибо... Сон... мои веки слипались... Гаранин собирается сегодня отходить ко сну?

— ...Напялит снаряжение... ремень... как веревка на рубахе старообрядца, туловище перекосилось под тяжестью нагана, одежда топорщится, будто взывает к совести встречных. Чучело, да и только. Какой в нем прок? Не служит, а пробавляется за счет службы. Ну, ленив, слаб, неспособен... так это твоя забота... но как смеешь ты позорить тех, кому дорого имя воина... ты возбуждаешь неприязнь публики... будто мне, ему, нам всем присущи твои пороки... позорная слабость твоего духа,— Гаранин говорил о военных, полувоенных и гражданских людях, тех, которые играют в солдатики. «Военная струнка», если перенести на школьную почву, служит забавой. Детям нравится, они любят. Но ведь наше ремесло сегодня — это пот, а завтра — кровь и гибель. Разве можно этим играться? Школьник по малолетству не понимает смысла клятв, пресыщается словами и уносит со школьной скамьи в жизнь бездумное, по-детски легкомысленное отношение к одежде, терминологии и дисциплине воина.

Гаранин увлекся и стал говорить довольно громко. Лейтенант Величко приподнялся на койке.

— Который час, вы знаете? — осветил фонариком свои часы.— Спите... спокойной ночи.

Прошло не знаю сколько времени, пять минут, может, четверть часа. Гаранин поднялся, оделся, обул сапоги и прошел к вешалке, где оставил оружие.

— Как там командир орудия, дежурный по батарее... и на конюшню не заглядывал, ждал отбоя, пойду проверю,— проговорил он и вышел.

Сон рассеялся, я думал о Гаранине. Кажется, прямодушный парень. Уж не обиделся ли моим безучастием к тому, что волнует его солдатскую душу?

У меня под головой снаряженный пистолет с двумя обоймами, планшетка, на спинке стула — клинок, две пачки патронов, уже очищенных от складской смазки. Пистолет сегодня вечером принес воентехник Хан взамен нагана, которым вооружились выпускники училища. Я одел снаряжение и покинул канцелярию. В коридоре темно. Два фонаря в разных концах освещали конусом сводчатый потолок, фигуру дневального у тумбочки. Во дворе встретился Гаранин.

— Куда это вы? Поглядеть на Перикла? Прошлой ночью вы, кажется, проверяли наряд?

В черном бархатном небе рассеяно множество звезд. Светлеющей дугой склонился к горизонту Млечный путь. Тянет откуда-то прохлада, за оградой перекликались перепела.

На проволоке, которая натянута вдоль кормушек, подвешены три-четыре фонаря. Лошади лежат между цымбалинами в ряд. Дневальный под грибком, настороженный голосом Гаранина, поспешно сбросил с плеч шинель. Лица, несущие службу наряда, не подчинены своим начальникам, но, по правилам этикета, встречали посещающих коновязь командиров.

Перикл был уложен на ночь, как полагалось, на удлиненном чембуре. Стойло убрано. Лошади похрапывали перед кормушками.

Гаранин осмотрел свою кобылицу, сделал какое-то замечание дневальному. В конце коновязи возвышается штабель бревен.

— ...Что-то не идет сон, присядем,— Гаранин опустился на бревно, закурил и снова завел разговор об экстерьере Перикла.— Сущий дьявол жеребец ваш... Сам я мучился с ним целую неделю... не дался... по-моему, недостатки в выездке... хотя по возрасту...

Мерный шаг за углом заставил Гаранина притушить папиросу. Мы поднялись. Разводящий с фонарем в руках провел смену караульных к фуражному складу. Фонарь мелькал в такт шагам и скрылся за углом монастырской изгороди. Прошла смена в обратном направлении.

— Как вы думаете,— переменил тему разговора Гаранин,— ...караульная служба есть выполнение боевой задачи...— необыкновенно разговорчивый сегодня младший лейтенант сравнивал условия, когда начинал службу, с нынеш-

ними. Сказывается благотворное влияние мер, принятых после финской войны наркомом обороны, в укреплении дисциплины.

Младший лейтенант Гаранин придерживался взглядов командира батареи. Хорошо. Чем это объясняется? Совместной службой?

— В третьей батарее я два месяца из десяти лет службы...

Младший лейтенант одел мундир командира по собственному желанию?

— Как вам сказать... меня тяготила служба... обидно было в первое время. Младший командир — подумаешь, начальник. А попробуй заикнуться... наделен властью неограниченной, как монарх. Потом понял: командир имеет столько прав, сколько обязанностей. У рядового права шире, обязанности — наоборот...

И это определило выбор Гаранина?

— Мои мечты еще со школы занимала геология... и наверняка бродил бы я в тайге с теодолитом...

На коновязи беспокойно ржала лошадь. Гаранин поднялся, чтобы помочь дневальному, но надобность, кажется, отпала.

— ...Расстаться с грезами меня заставил случай, скорее наваждение...— Гаранин притушил папиросу,— нет, дневальные не справятся, пойдемте...— тревога, однако, улеглась прежде, чем мы явились.

— ...Товарищ младший лейтенант, не знаю, что такое с конями,— жаловался дежурный по конюшне,— брыкаются, вскакивают ни с того, ни с сего. Лошадь лягнула копытом другую, та едва не оборвала чембур, ровно белены объелись. И прошлую ночь наряд гадюку в кормушке нашел... кони ржут, всхрапывают, будто черт привиделся.

— ...Нужно спросить ветеринара,— решил Гаранин, когда дежурный удалился,— уже несколько дней жалуются люди... Я не пойму, что беспокоит животных... Кормятся вроде нормально,— он занял прежнее место, зажег папиросу,— я был командиром первого орудия седьмой батареи сто первого корпусного артиллерийского полка... При заезде на позицию... галопом.. у подседельной лошади первого уноса оборвалась постромка. Ездовой спрыгнул, подручная лошадь упала... В общем, орудие опрокинулось... трехтонный ствол — с салазок к черту, передок разбит, наводчик погиб... Три других номера получили тяжелые травмы... упряжка вся искалечена. Главный виновник... я, командир орудия... причина — изношенные постромки. Перед трево-

гой старшина принес со склада новую сыромятину. Командир первого огневого взвода приказал заменить. Взвод стоял пожарным, сменился в полночь, и тут — тревога. Командиры возместили убыток, нанесенный полку, а меня... разжаловать и на всю катушку гауптвахты строгого режима,— Гаранин погасил папиросу и умолк.

Неужели служба прельстила карцером разжалованного сержанта?

— ...Вы не хотите слушать? — спросил младший лейтенант и продолжал: — Караульное помещение времен русско-японской войны... потолок — шесть метров, зарешеченное окошко в стене... куда не повернешь глаза — пусто, глухо... нары опускались на четыре часа. Выводной приносил фонарь только к приему пищи, остальную часть суток я шагал из угла в угол... вспоминал... чаще одно и то же... когда учился... начальник полковой школы... капитан Кунцевич... на редкость удивительный человек, умелец, знаток... стрелял... разгонит коня галопом... и с двадцати шагов в десятку... А рубка!.. Поводья бросит, шашки в обеих руках, и не пропустит ни одной лозы... На снарядах работал... перекладина, брусья, кольца... дух захватывало! В физзал приходил от пяти до шести, как раз свободное время, следом бегут курсанты, красноармейцы из батареи обслуживания, из линейных подразделений... битком набито... Загляденье. Но строг. Не попустит никому. Я исполнял три месяца обязанности каптенармуса школы, начальник обращался со мной удивительно просто, с каким-то участием... старый офицер... Меня пугало искренне открытое высокомерие, доверительность и чистосердечие тона. Он часто говорил: «Военный человек, братец Гаранин, живет в стеклянном доме... и носит прозрачную одежду... издали видно, чем он занят... Скажите, братец Гаранин, что есть ниже существа, живущего обманом?..» И вот знаете? Втемяшились мне в голову стеклянный дом, одежда, и я думал... до Кунцевича мне далеко... но неужели ты, братец Гаранин, слабее многих других, кто носит по праву прозрачную одежду?

Кто-то едет. Приглушенно постукивали копыта. Младший лейтенант Поздняков возвращался с ужина.

— Э... э... времени-то вот сколько, а случись тревога? — спросил Гаранин с деланной строгостью.

— ...Не беспокойтесь, связной начеку, в сеннике. Верно, спит... Дневальный? Вот вам поводья, кобылке моей сейчас же сена. Связного отправляйте в казарму. Зря я остался...— Поздняков расстегнул подпруги, снял седло.— Битых два часа пришлось слушать проповедь... скука,— он взял

под локоть Гаранина.— Извините... нужно потолковать по поводу оплаты обедов... и еще кое о чем.

Я вернулся в канцелярию, прошел ощупью к окну. До подъема оставалось три часа.

За два дня до войны

Двадцатый день июня в 3-й батарее начался с артстрелковой подготовки. Под руководством лейтенанта Величко младший лейтенант Гаранин вел стрельбу на разрушение. Младший лейтенант Поздняков выполнял обязанности записывающего, я — телефониста.

Пришел посыльный с книгой приказаний. Командир батареи должен явиться в штаб, где собирались лица, участвующие в рекогносцировке, которая проводилась вне плана кем-то из старших артиллерийских командиров. Занятия прекратились.

Солнце поднялось уже довольно высоко. За монастырской оградой жара ощущается больше, нежели во дворе, под тенью каштанов и лип. Это огромные деревья в полтора-два обхвата. Некоторые достигли высоты нижних куполов монастыря.

Вместе с Гараниным и Поздняковым я шел на учебные позиции. Они видны из кустов, на пригорке. Сегодня занятие проводилось поорудийно. Младшие командиры должны учиться самостоятельно.

Следует отметить, что в 3-й батарее, как и в остальных подразделениях 92-го ОАД, занятия велись отнюдь не планомерно. Подготовка орудийных расчетов не была закончена. Зачеты в огневых взводах по темам, которые предшествуют ведению огня в составе батареи, не проводились.

Нетрудно заметить последствия этого в поведении должностных лиц на огневых позициях... Некоторые командиры орудий держались скованно и не показывали необходимой распорядительности в обращении с орудийными расчетами, как и в остальной службе. Команды подавались недостаточно энергично, люди из орудийных расчетов, занятые передачей снарядов во время ведения «огня», часто выпадали из поля зрения командиров орудий.

Я доложил об этом лейтенанту Величко. Ряд нарушений дисциплины следует объяснять вышеприведенной причиной. Нужно составить отдельное расписание для занятий с младшими командирами. Лейтенант Величко не возражал, но вносить изменения в планирование отказался.

В делах подразделения командир орудия несет больше ответственности, чем командиры отделений других родов войск. В этом особенность служебного положения младшего командира-артиллериста.

Знание огневой службы и тактики у командиров орудий сочетается с общевойсковой подготовкой пехотинца или танкиста. Командир-артиллерист должен уметь ориентироваться в условиях различных видов боя, знать твердо огневую службу, многие положения правил стрельбы. Он обязан поддерживать боеспособность орудийного расчета.

Орудийному номеру не принесет пользы разум командира, если природа обделила его духом мужества и совестью, чертами характера, тем, что возвышает воинов равных, одного над другим. Командир орудия, помимо готовности повиноваться присяге и действовать на месте каждого из подчиненных, не имеет других нравственных оснований к тому, чтобы управлять орудийным расчетом.

В довоенный период и некоторое время после войны подготовка младших командиров стояла в центре внимания всех командных инстанций. Командиры батарей и взводов тщательно отбирали кандидатов для обучения в полковой школе. Штаты учебных подразделений всякой артиллерийской части комплектовались исключительно из числа тех военнослужащих, которые в должности рядового уже проявляли склонность к службе. Этого требовали общие интересы. Воинский порядок обращается в фикцию во всех случаях, когда во главе орудийного расчета назначен сержант со стороны, без санкций командира батареи, не известный подразделению, не показавший прежде, до зачисления в полковую школу, задатков, присущих стойкому и добросовестному воину.

Командиры орудий 3-й батареи по своим нравственным качествам в общем отвечали требованиям, которые предъявляются службой к младшему командиру. Отдельные проступки того или другого скорее объяснялись случайными причинами, нежели недостатком характера. Мои первые впечатления подтвердились в полной мере на поле боя.

* * *

Покосившееся деревце с обломанными ветками отбрасывало жидкую тень по краю канавы — след, оставленный на развороте гаубичными колесами еще в сырое весеннее время. В углублении — трава сочно-зеленого цвета, а вокруг уже подсушена лучами июньского солнца.

Поравнявшись с деревцем, Гаранин остановился.

— Наблюдатель, по-моему, нас не заметил... Интересно, как действуют наши сержанты вдали от глаз начальников. Присядем?

Перед мостом через Лугу — позиции 1-го орудия, 3-го и 4-го — за дорогой, а на солнцепеке, в стороне от других, стоит 2-е. Гаубичный ствол приведен в горизонтальное положение, в проеме щита торчат две-три увядшие ветки.

На орудийном передке в тени сигнальных флажков восседал сержант Дорошенко. Под стрелой передка ведро с водой. Дальше там, где по команде «в походную колонну» полагалось находиться второму номеру,— водитель тягача. Черпнув из ведра, он подносил котелок командиру орудия. Тот, сделав глоток, обращался к расчету. В голосе недовольство.

— Пятый орудийный номер! Чего уставился под лафет?.. Раз подана команда — ... глядеть, куда положено!

Пятый орудийный номер смахнул пот, поднимает голову.

— Внимание для всех... в укрытие!

Девять человек срываются, бегут россыпью. Один отстал, другой вырвался вперед, нет равнения.

— Отставить!

Люди возвращаются, занимают свои места. Команда снова гонит их в укрытие и обратно.

— Отбой... К бою!

Недовольство командира орудия вызывают две причины. Некоторые из номеров действуют вяло. Наводчик, занявший место командира, медлил с докладом. Снова «к бою». На поляне, изрытой гусеницами, жарко. Не колыхнется ни одна ветка, ни один стебелек. В такое время кому нравится бегать по кругу, по рытвинам, к орудию и обратно в укрытие? Усталость, жажда у иных людей смещают понятие справедливости и долга. Забыты высокопарные слова вчерашних обещаний. Кажется, будто огневая служба — просто издевательство. Кому это нужно? И чем он, командир орудия, выше других начальствующих лиц? Ни интенданты, ни врачи, ни инженеры и начфины, даже командиры-пехотинцы не утруждают своих подчиненных таким рвением к службе. Подумаешь — сержант! Придирчивая, зазнавшаяся личность гоняет людей из корыстных побуждений, хочет выслужиться. Будто нельзя обойтись без окриков и беготни. Противник, стрельба, тревоги, огневые позиции и маскировка — ведь все это вымысел, условность.

На данный момент — да. Но служба вполне реальна. Служба — это тяжкий, в поте лица труд, и в противовес производственному — часто непонятный, а еще чаще —

как будто бесцельный, если иметь в виду направление мыслей утомленного, не привычного к воинской дисциплине молодого человека.

Общественный смысл воинской службы не нуждается в доказательствах, как не нуждается всякий полезный обществу труд. Взамен расходуемых сил военнослужащий обретал то, чего не имел,— навыки к исполнению обязанностей орудийного номера, он становился выше духом.

Сколько нужно положить труда и терпения, чтобы девять человек двигались у орудия, как один, в любых условиях, днем и ночью! Орудийный расчет — это спаянный одним общим стремлением коллектив, и цель всех усилий командира заключается в том, чтобы крепить у артиллеристов сознание общности.

Младший командир — не педагог и не учитель, статус его должности шире. Командир орудия претворяет на деле идею подчинения личности общественному долгу и уполномочен вносить все необходимые исправления в школьное образование военнослужащего. Управлять поведением взрослых людей — занятие далеко не равнозначное руководству школьным классом. На командира орудия возложена ответственность за поведение подчиненных. Непосредственный начальник орудийного расчета, он вместе с тем обязан обращаться по-человечески с подчиненными, т. е. поощрять добросовестную службу и взыскивать за нерадивость.

Необъективность командира, стремление извращать данные о дисциплине подчиненных уставы приравнивают к преступлению. Это понимает всякий честный человек. Лживые оценки вызывают у старших инстанций иллюзии, у рядового воина — неверие лозунгам коллективизма.

Слухи

2-е орудие отражает нападение кавалерии, объявленное сержантом Дорошенко. 1-е меняло направление стрельбы, 4-е тоже не стояло на одном месте. Только в 3-м орудии расчет занимался в должной последовательности — седьмой раз приводил гаубицу к бою и обратно в походное положение.

Пятнистая тень, отбрасываемая деревцем, делалась все короче. Солнце пришло в зенит. В зыбких волнах горячего марева качался домик вдали. Поздняков вытер платком потный лоб.

— Мне, пожалуй, пора,— он притушил папиросу,— скучно у вас на позициях. То ли дело на НП... можешь в холодке, а нет, так на солнышке...— он хотел подразнить огневика Гаранина.

— Поэтому ваш взвод командир батареи упоминает частенько, и не всегда с лучшей стороны,— проговорил Гаранин вслед уходившему Позднякову.— Добросовестные у нас сержанты, согласитесь, можно полагаться.— Он поднялся.— Эй, Дорошенко, как там, осталась вода в ведре? Должно быть, теплая. Я не прочь попробовать... Заодно и людей своих поите.

Объявлен перерыв. Я подал команду «Отбой», чтобы произвести перестроение.

— ...Жара адская,— Гаранин вернулся от орудий.— Одежда у всех... хоть выжимай... Сколько до конца занятий? Нельзя ли сократить? Как раз в парк... успеем искупаться.

Старший на батарее не распоряжается служебным временем огневых взводов.

— ...Сегодня они вполне заслужили десяток минут отдыха сверх того, что предусмотрено расписанием,— Гаранин ценил прилежание огневиков.

Орудийные расчеты заняли места «за орудие». Я сказал о том, что наблюдал за ходом занятий. Трудились все добросовестно. Я принимаю предложение младшего лейтенанта Гаранина и готов прекратить занятия. После возвращения в парк отправляемся на речку.

Установка орудий заняла меньше времени, чем обычно. В конце работ явился старший сержант Проценко с докладом о поведении орудийных номеров за истекшие сутки. Как всегда, аккуратен, подтянут. Выцветшая пилотка посажена на бровь.

— ...Дозоры, патрулировавшие в прошлую ночь Зимно, слышали от жителей... война... начнется не сегодня завтра... Орудийные номера спрашивают...

— Спрашивают? — повторил Гаранин.— О чем? Заместитель по политчасти на политинформации, кажется, ясно ответил на этот вопрос. Разве вы не понимаете значения пакта о ненападении, заключенного с Германией?

Проценко явно растерян.

— ...Разрешите идти? — осипшим голосом спросил в нерешительности.

Его, кажется, не удовлетворяет ответ младшего лейтенанта?

— Так точно! Что я скажу людям?

— Разговор откладывается на завтра. Я доложу командиру батареи.— Проценко повернулся на месте кругом и зашагал недовольно к орудию.

— Товарищ лейтенант, зачем водить людей за нос? Командир батареи скажет то же самое, что и замполит, вы же знаете,— Гаранин присел на стрелу передка, задумался.

Младший лейтенант имел к этому причин более чем достаточно. Люди сбиты с толку. Действительность опровергает уверения должностных лиц. Концентрация немецких войск по ту сторону границы продолжается. Разведывательные самолеты ежедневно летают над головой. Активизировалась деятельность рекогносцировочных групп. Личный состав частей укрепрайона не располагал сведениями о том, как далеко зашли немцы в своих приготовлениях, и судил о степени готовности их к нападению по ответным мероприятиям, которые проводились в наших частях и подразделениях.

— Война, наверное, близка. Мы морочим головы людям...— мрачно говорит Гаранин.— Куда обращаться орудийным номерам со своими тревогами... что ждет их завтра? Вопрос естественный... Раздастся выстрел... Ложь, которую я повторяю вслед за кем-то... претит... от этого я чувствую себя болваном... и порою... готов поступать соответственно...

По мнению Гаранина, нападение начнется внезапно. Командир 2-го огневого взвода считал, что к действиям такого рода подразделения дивизиона готовы меньше всего. Тактические учения и боевые стрельбы — орудийные, взводные, в составе батарей — еще не проводились, не закончен перевод подразделений на механическую тягу. Гаранина тревожила уязвимость линий связи и вся система управления, которая вводилась в действие с начала войны.

Я не разделял опасений младшего лейтенанта Гаранина. Почему? Не хотелось расставаться с мыслью, которую внушало сообщение начальника штаба укрепрайона. Разумеется, он не раскрывал никаких сверхсекретов. Почти все, о чем говорилось у дота, известно в общих чертах всякому курсанту и командиру. Привлекала сама идея обороны, подборка сведений о мощи наших Вооруженных Сил. Слушатели сознавали себя причастными к этой мощи и склонны были собственные возможности отождествлять в какой-то мере с подразделениями, которые представляли.

По уставам того времени в обороне полагалось 500 пуль на каждый погонный метр переднего края. На рубеже передовых опорных пунктов плотность ружейно-пулеметного огня — в два раза превосходила эту цифру. 42 батареи —

от 76- до 152-мм калибра — участвуют в постановке заградительных огней, более четырех орудий на километр фронта.

В полосе Владимир-Волынского укрепрайона дислоцировались соединения и части 9-го МК, артиллерийские части БМ резерва Верховного Командования, части специальных противотанковых соединений. Начальник штаба укрепрайона не стал упоминать об этом, вероятно, потому, что в первом эшелоне достаточно сил для удержания пограничных рубежей. Несокрушимая мощь! Местное население напрасно гадает о своем будущем.

Так думал не я один. Подавляющее большинство командиров, принимавших участие в рекогносцировке,— я видел по выражению лиц — было убеждено, что наши войска в состоянии отразить немецкое нападение и затем пограничные столбы их не остановят.

Как предполагалось вводить в бой эти силы на случай войны?

Инструкция не давала вразумительного ответа. Не отличались определенностью высказывания на этот счет и майора Каролинского. Но ведь война — событие исключительное. Время, по-видимому, еще есть. Верховное Командование снабдит войсковых командиров всех степеней четкими и недвусмысленными указаниями относительно применения оружия, как всегда делается на полигоне перед боевыми стрельбами. Артиллерийское орудие нельзя использовать как, скажем, самолет. Он в районе цели метает бомбы или барражирует. Артиллерийское орудие может вести огонь либо не вести.

Что же преобладало в этих суждениях — иллюзии, навеянные курсантской политподготовкой, или невежество малоопытного воина?

Командир, вышедший из стен училища, далек от предрассудков. На его голову валились обвинения в формализме чаще, чем в безразличии к недостаткам. Буква устава и содержание его — одно и то же. Я понимал вполне, что огневые взводы 3-й батареи не были полностью приведены в состояние, определенное инструкцией на случай войны. Несколько орудийных номеров находилось на конюшне... Но, во-первых, орудийный номер обязан нести службу там, где приказано. Во-вторых, ничего чрезвычайного не произойдет, огневые взводы не потеряют боеспособность. Слово присяги незыблемо. И смысл ее независим от обстоятельств. Орудие должно вести огонь, если в расчете остался хотя бы один человек.

Так рисовалась ситуация с точки зрения воинской дисциплины. А с точки зрения морали... воинской?

У орудия, готового к ведению огня, недостает какого-то числа людей, предусмотренных штатным расписанием. Почему, спрашивал себя орудийный номер, глядя вслед немецкому разведывательному самолету. Одно из двух... либо неразумно определена численность орудийного расчета, либо же командование заранее расписалось в собственной неспособности использовать в полную меру боевой потенциал гаубицы. Что же происходит? Как поступать орудийному номеру по команде «к бою», на погрузке боеприпасов, т. е. на каждом шагу? Так, как диктует закон или следовать примеру командования? Он — орудийный номер или сержант — делает все необходимое для поддержания режима готовности, но командование не пресекает действий, которые наносят ущерб боеспособности орудийного расчета, подразделения, части. Командование, призывающее к порядку, не выполняет обязанностей, утвержденных законом по отношению к орудийному номеру и расчету в целом, тем самым законом, именем которого оно приводит к повиновению личный состав войск. Неужели призывная повестка лишает рядового военнослужащего прав и оставляет ему только обязанности орудийного номера, топографа, разведчика и т. д.?

Нет, тот же закон во многих параграфах обращается к военнослужащему с настоятельным призывом всеми мерами крепить дисциплину, более того, он обязывает его бороться с злоупотреблениями, наносящими ущерб боеспособности Вооруженных Сил. Закон требует от начальников считаться с мнением военнослужащего, если оно не противоречит интересам службы.

В те времена артиллерия находилась на особом положении. Все командные инстанции наблюдали за ее боевой подготовкой. Приказ наркома обороны строжайшим образом запрещал отвлекать личный состав подразделений батальонной, полковой, дивизионной артиллерии от плановых занятий.

А в пехоте и пулеметно-артиллерийских батальонах? Треть и более личного состава подразделений пребывала, что называется, у черта на куличках, в составе строительных, лагерных, полигонных команд, работала в подсобных хозяйствах и военторгах, на заготовке продовольствия, фуража, топлива, на выпасе скота, обслуживала всякого рода бесштатные учреждения, легальные, полулегальные и нелегальные, но совершенно необходимые в жизни войск.

Тот же коэффициент следовало применять вплоть до ро-

ты и взвода при рассмотрении количественных показателей, которые характеризуют состояние дисциплины, степень обеспечения, исправность оружия, воинского транспорта и т. д. Поэтому численность штыков, пулеметов и прочих боевых средств, приведенных к бою, выражалась цифрой значительно меньше той, что была принята в качестве исходной в планировании важнейших оборонительных мероприятий высших штабов. Это обстоятельство нельзя не учитывать при оценке соотношения сил к началу боевых действий, в обороне и нападении.

Между тем, что значилось в отчетных документах, и реальным положением вещей существовал разрыв. Воздушная подушка подпирала в одинаковой степени и цифры и понятия.

Уместно спросить, поскольку речь идет о предвоенном времени, кто подкачивал подушку? Командиры подразделений и частей, те должностные лица, которые высказывали и продолжают высказывать обвинения в адрес Верховного Командования, оно-де не предусмотрело и то и это, не приняло меры и так далее в этом духе. «Мы не при чем... все они... «Мы псковские».

Обвинения построены на фактах. Да, но факт, если рассматривать его в отрыве от обстоятельств, сопутствующих тому или иному решению и действию, уводит исследователя нередко в сторону, прямо противоположную от истины. На первый план выдвигаются субъективные мнения. А если говорить прямо, то критика задним числом — это стремление переложить с одной головы на другую примерно то же самое, что с больной головы на здоровую.

Уставы Вооруженных Сил разграничивают обязанности должностных лиц и подлежат соблюдению в малом и большом деле строго и неукоснительно. Разграничивают, да, но не разделяют железобетонной стеной. Старшие командные инстанции и младшие работают в полном согласии друг с другом.

Если согласие нарушено и старшие начальники не понимают младших или наоборот, уставы требуют принимать решительные меры с той и другой стороны для восстановления согласия. Иными словами, если старшие командные инстанции ставят задачи подчиненным, превосходящие по масштабу возможности последних, подчиненные инстанции обязаны незамедлительно опротестовать либо истребовать все необходимые подкрепления и таким путем восстановить согласие, т. е. намерения старших привести в соответствие с

теми средствами, которые имеются в наличии на данный момент.

Войсковые командиры от имени войск приняли на себя задачи по удержанию приграничных позиций, не имея представления о группировке немецких сил и ее намерениях, и заверили старшие командные инстанции в своей способности отразить нападение.

Верховное Командование не сделало, может быть, многого, очень многого. Но это его дело. А дело войсковых командиров взять на себя ту часть, в которой они повинны, для того чтобы снять необоснованные обвинения с высших командных инстанций и подвести черту в длинном и всевозрастающем перечне ошибок и недочетов первого и последующих периодов войны, которая была завершена победой.

* * *

Странно создан человеческий разум. Военных людей привлекает внешняя сторона службы больше, чем содержание. Рвение орудийных расчетов при занятии огневых позиций создает видимость всеобщего порядка и согласия. В сравнении с этим неочищенный снаряд или некомплект орудийных номеров либо имущества представляется мелочью, вроде как пятно на мундире должностного лица. Стоит его покритиковать — и на глазах окружающих пятно без всяких усилий со стороны испарится, исчезнет.

Мы свыкаемся исподволь с явлениями, недопустимыми с точки зрения воинского порядка. Так обитатели жилого дома сживаются с портретом или трещиной в потолке. Все видели и единодушно хотели устранить опасную трещину, но... на голову не каплет. Трещина примелькалась, ее перестали замечать. Среди обитателей жилища нет того, который «...лицом к лицу...», нет, он существует, но он не положен, не практикуется. Трещина становится неотъемлемой деталью представлений о жилище. Безначалие, непорядок, зло все глубже пускают корни и уже независимо от сознания людей сами по себе утверждаются и приобретают право на существование.

* * *

Конечно, война начнется, но, может быть, не так, как рисовал себе Гаранин. К тому моменту кое-что изменится. 3-я батарея должна провести боевые стрельбы, поступят автомобили и все прочее из недостающего имущества. Закончу я выездку Перикла? Придется передать коня. Кому он достанется?

На коновязи Позднякова уже не было. Уехал четверть часа назад. У него дела с хозяйкой. Я осмотрел наскоро Перикла, прежде чем сесть в седло. Гаранин толкнул свою кобылицу, и кони с места перешли в рысь.

Перикл требовал постоянного внимания. Нужно то удерживать поводья, то перекладывать, когда он оставлял колею в пыльной траве.

Заслышав стук копыт, ржала лошадь Позднякова. Сам он во дворе беседовал с панной Зосей и стариком, который сидел на скамейке в тени клена.

— Этот человек... из-за Буга,— начал Поздняков, когда ушла панна Зося,— перешел границу прошлой ночью у Млынска.

Старик поднялся. Высокого роста, лет шестидесяти, сухощав, по виду довольно еще крепок. Подойдя, обнажил голову, поклонился.

— Пан...— Поздняков обратился по-польски, назвал имя,— герман готов начать войну?

Старик проговорил невнятно несколько слов и остался стоять, теребя в руках поношенную шляпу.

— Садитесь, пожалуйста,— пригласил Поздняков,— расскажите снова, что вы видели на немецкой стороне? Не смущайтесь... эти командиры... мои сослуживцы. Ну, говорите.

Панна Зося явилась на крыльцо вовремя, чтобы вывести старика из затруднения. Он явно не был склонен вступать в разговор.

— Швагер... устал с дороги... нужно отдохнуть,— заявила панна Зося.

— Но, одну минуту,— Поздняков двинулся навстречу.

— После, после... стол накрыт... швагер подождет, правда? — и панна Зося увела старика.

Обед закончился. Кресло старухи пустовало, ни разу не заглянула в столовую панна Зося. Вслед за младшими лейтенантами я вышел во двор, надеясь увидеть старика. Но его не оказалось. Поздняков вернулся, постучал в дверь. Вышла панна Зося, крайне расстроенная. Куда девался старик?

Панна Зося в ответ только шевелила беззвучно губами. Поздняков сделал шаг к порогу. Что случилось? Девушка в слезах скрылась за дверью.

Гаранин вынул карманные часы. Пора ехать. Кони тронулись. Поздняков говорил о том, что слышал от старика. Он житель одного из сел неподалеку от Грубешува. Перед тем как пуститься в опасное путешествие через границу, родич панны Зоси ездил на праздник в село под названием Вельки Очи, в полусотне километров от его собственного.

Вся местность, уверял старик, наводнена немецкими войсками. Населенные пункты заняты пехотой. Овраги и лощины — артиллерией. В Грубешуве танки, обозы, склады. Немецкие солдаты похваляются, что в полосе от Буга до Владимира-Волынского все населенные пункты будут сметены с лица земли. Старик не внял совету жителей Вельки Очи, они просили его остаться, и пожалел об этом. Проехать нельзя. Всякое движение в тот день цивильным людям немцы запретили. Многочисленные посты и караулы беспрерывно задерживали повозку. Старик опасался, что не успеет помочь эвакуации родственниц — одиноких женщин.

— Упустили,— Поздняков сожалел, что его настойчивость была истолкована превратно,— вряд ли увидим старика. В Зимно его привели родственные чувства... думаю. Что еще могло заставить старика рисковать жизнью?

— Да, разумеется... На контрабандиста он не похож,— согласился Гаранин.— А впрочем... кто знает... дух предприимчивости проявляется в любом возрасте.

Кони переходили на шаг. Мы попустили поводья. Уже виден замшелый флюгер на коньке крыши КПП.

— Старик состоит в родстве с женщинами, следовательно, и с этим... коммерсантом Яном... и кто ему ближе? — спросил Гаранин.

— ...Он скрылся... почему? Обманул... казался мне искренним,— размышлял Поздняков.

Гаранин продолжал:

— Искренность не исключает умысла. Перейти границу в то самое время, когда, по его же собственным словам, начинается война...

— Не знаю,— отвечал Поздняков,— но, видимо, мы сменим столовую. И скоро, если не сегодня... панна Зося...

Со стороны КПП донеслась команда «Смирно!». Ворота распахнулись. Выезжали всадники. Капитан Корзинин держался во второй шеренге, за ним следовали командиры батарей: старший лейтенант Чикало, лейтенант Криклий, старший лейтенант Шилкин. На три корпуса впереди шел конь майора, которого я раньше не видел. Держа руку под козырек, майор повел взглядом вдоль шеренги лиц наряда, застывшего под створками ворот.

— Вольно... продолжать занятия! — громогласно переложил на слова жест майора дежурный по дивизиону.

— Наш новый командир... майор Фарафонов,— объявил дежурный всем, кого задержала команда.— А, Поздняков, Гаранин, как дела? — приветствовал обоих младший лейтенант Березовский — дежурный по дивизиону.

Поздняков сдержал лошадь. Гаранин тоже. Оба вступили в разговор. Я переложил поводья, Перикл двинулся дальше.

Послеобеденный отдых личного состава заканчивался через полчаса. Есть возможность переговорить с командиром батареи относительно просьб старшего сержанта Проценко. В канцелярии никого не было. Я заглянул в казарму. Дежурный по батарее ответил, что лейтенант Величко не вернулся с рекогносцировки. Заместитель по политчасти — в городе.

У входа я встретился с Гараниным и Поздняковым. Они хотели присутствовать при разговоре с командиром батареи.

— Товарищ лейтенант... то, что месяц назад всеми называлось немецкой пропагандой... провокационными слухами, которые фабрикуются вражескими элементами, теперь очень смахивает на правду,— заявил Поздняков.— Лейтенант Величко... пусть обратится к старшим начальникам... мы не можем пренебрегать настроениями личного состава.

— Живой свидетель, родственник хозяйки... пришел с той стороны и скрылся,— говорил Гаранин.

Вместе с младшим лейтенантом я вышел во двор. Синее небо над головой, беззаботный смех встречных и война... нет, неправдоподобно... Старику померещилась пехота, артиллерия и танки. Что он еще плел... И Поздняков верил... кому? Панна Зося расстроилась от страха за перебежчика... скрылся, чтобы избежать наказания.

В тени под липой я нашел многих командиров: лейтенантов Желудя и Луценко, командира штабной батареи младшего лейтенанта Березовского, а также военинженера 3-го ранга Попова, начальника артиллерийского снабжения и начальника тыла дивизиона интенданта 2-го ранга Маркова С. М., командира 1-й батареи старшего лейтенанта Чикало, воентехника Хана. Они обсуждали мероприятия по подготовке к строевому смотру. Стало известно, что майор Фафонов намерен возбудить ходатайство и оставить командирских лошадей. Разговор об этом не прекращался со дня моего прибытия в дивизион.

Подошел лейтенант Павлов. Разговорились. Вчера он занимался вместе с командиром 2-й батареи в районе Хотячева. Подразделения 96-го СП, оборудовавшие там позиции, имеют приказание прекратить работы. Пехота возвращалась на зимние квартиры для подготовки к отъезду в лагеря. Военинженер Попов сообщил, что на железнодорожную станцию прибыл эшелон с танками Т-34. Ему говорили об этом знакомые техники, когда он получал винтовочные патроны

на гарнизонных складах. Новыми танками комплектуется по одному батальону в танковых полках 41-й ТД [1].

Огневые взводы проследовали в артиллерийские парки. День близился к концу, занятия прекращены. Я осмотрел орудия, передки, укладку боеприпасов в тягачах. Времени осталось ровно столько, сколько занимал путь на коновязь и оттуда в село на ужин.

Дом панны Зоси. К воротам навстречу торопливо шла незнакомая женщина. Где панна Зося, старая хозяйка? Поздняков дважды повторил вопрос. Вначале женщина отмалчивалась, затем сказала, что их нет в доме. Уехали. Она — дальняя родственница. Ей поручили готовить поручикам пищу.

— Надолго уехали хозяева? — спросил Поздняков.

— ...Воют собаки... Нехорошо... То к беде...— женщина перекрестилась.— Матка боска, смилуйся над нами.— Она умолкла, обратив глаза к распятию.

Окна закрыты. В комнате душно. Листики герани в горшке будто привяли. Начался ужин. Младшие лейтенанты принялись благодарить женщину. Она грустно улыбнулась. Поручикам не нравится пища? Завтра она приготовит вкусный обед.

За селом кони перешли на шаг. В сумерках светятся огни. На коновязи лица наряда зажигали фонари ночного освещения.

— Ну и дела...— заговорил Поздняков, слезая,— я навестил семью... только и разговоров, что о войне... стыдно сознаться, но чувствую... сгущаются тучи.

Дневальный увел лошадей.

— Ну, ну,— возразил Гаранин,— атмосфера действительно не того... не располагает к благодушию. Отъезд женщин... перебежчик... Не кажется ли вам, что немцы шантажируют? Подают поводы для слухов? Но, конечно, угроза налицо и кое-кто уже принялся за дело... а старик? Надо же, перебрался через границу... где-то теперь панна Зося?

В канцелярии держалась прохлада. Гаранин открыл окно, зажег свечу. Тоскливо завыл, захохотал филин, и не поймешь, где он уселся, в ветвях липы или на крыше? Гаранин пробормотал ругательство. Поздняков высказал сожаление, что нет дробовика под рукой и ушел. Его постель в каптерке у старшины.

Командир батареи к отбою не вернулся. Погашены све-

---

[1] ТД — танковая дивизия.— *Авт.*

чи. Со двора доносятся шаги. Разводящий провел смену караульных на посты, туда и обратно. Гаранин курил, долго ворочался на диване. Я уснул.

Перед началом

Настала суббота. В туманной дымке над крышами городских строений поднималось солнце. В монастырском гарнизоне начался новый день.

Дежурный по дивизиону в установленный час отдал приказание горнисту сигналить подъем. Утреннюю тишину нарушили голоса и топот. С подъема — физическая подготовка. Пять батарей — полтысячи человек — бегут в строю по два через ворота КПП, вдоль степы по дороге к мосту через речку Луга. Возвращались тем же путем. Дальше — заправка постели, туалет, построение на утренний осмотр, завтрак, занятия,— час, другой, третий. Размеренный распорядок дня, приобщавший человека к понятиям дисциплины, долга и чести воина.

Старший сержант Проценко увел огневые взводы в артиллерийский парк. Первый час занятий — уход за материальной частью орудия. Тема младшего командира.

Вчера лейтенант Величко возвратился ночью поздно, не знаю в котором часу. С постели поднялся в обычное время. Но до завтрака говорить о делах не полагается.

Когда я пришел в канцелярию, лейтенант Величко беседовал с замполитом.

— Опять о войне? Отвечать на вопросы старшего сержанта обязаны вы,— сказал лейтенант Величко.— Относительно перебежчика и остальных местных людей... я не уверен... можем ли мы отличать правду от вымыслов. Впрочем, зовите командиров взводов, раз уж вы обсуждаете между собой слухи...

Явились Поздняков, Гаранин.

— В соответствии с указанием командира дивизиона,— объявил командир батареи,— с сего дня запрещается разглашать любые сведения о немецких войсках, как и все прочие сведения, известные тем, кто участвует в рекогносцировках местности. Эти сведения предназначены для служебного пользования и отмечаются соответственно грифом. Личный состав вправе интересоваться положением на границе. Тем более, что речь идет о вещах очевидных. Серьезное происшествие нужно объяснять... разумно... с учетом сообщений официальных органов. И, наконец, слухи... Да, местное

население в последнее время твердит о скорой войне... стоит ли этому удивляться? Мы знаем случаи распространения ложных сведений... Катятся они клубком... обрастают всякой всячиной. Но бывало и так, что удар, нанесенный соседу внезапно, не позволял даже ахнуть... Товарищи командиры, мы обязаны следить за настроением личного состава. Договор о ненападении остается в силе, он не расторгнут... Но, конечно, затыкать уши... дело не наше... Вопросы есть?

Командир батареи умолк.

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить,— начал Гаранин.— Ссылки на договор не вяжутся с тем, что происходит на глазах орудийных номеров и непосредственно с их участием. Готовность к открытию огня с каждым днем повышается... Мы требуем... а на политзанятиях и в печати призываем к дружбе.

— Ясно... газеты специально для частей, дислоцированных в укрепрайонах, не издаются,— прервал командир батареи.— Печать... не наше дело... Боевые задачи объявляются в приказах. 92-й отдельный артиллерийский дивизион в данный момент состоит в подчинении начальника артиллерии пятнадцатого стрелкового корпуса и готов соответственно действовать... если он сочтет необходимым, мы откроем огонь. Газеты не остановят... Верно, замполит?

— Так точно,— подтвердил политрук Шапир.

— И еще одно,— продолжал командир батареи,— намерения немцев... нам мало известны... с этим, я думаю, нельзя не согласиться... Предположим, на другой стороне границы проходят обыкновенные занятия по боевой подготовке. Поэтому строить гипотезы, мне кажется, не следует... нет оснований.

Замполит выражался более определенно.

— Товарищи командиры, наша Коммунистическая партия, Советское правительство, как известно, стоят на платформе невмешательства во внутренние дела соседних стран и неустанно борются против войны.— Политрук говорил о войнах справедливых и захватнических, о фашизме и расовой политике третьего рейха.— В Германии и странах, покоренных вермахтом, создана сеть концлагерей для борцов против нацизма, всех прогрессивных передовых людей и евреев, по смехотворной причине, будто они способствовали поражению Германии в первой мировой войне. Истребление евреев приняло невидимые изуверские размеры. Наше правительство неизменно придерживается курса на невмешательство. Мы стоим за мир, но нельзя забывать, что в Германии есть влиятельные силы, которые стремятся поссорить

наши страны... склоняют Гитлера расторгнуть пакт о ненападении... разжигают ненависть к коммунистам... провоцируют различные инциденты.., в том числе и на нашем отрезке границы... Вспомните самолеты, которые сюда залетают. Указания, которыми мы руководствуемся, строго запрещают недружественные высказывания против немецких войск и правительства... В это ответственное время долг командиров и политработников... правдиво разъяснять деятельность Коммунистической партии, Советского правительства по укреплению мирных отношений со всеми странами и удерживать личный состав от необдуманных поступков, и главное, предупреждать случаи применения оружия без приказа свыше...

Кто-то настойчиво стучал в дверь. Командир батареи дал замполиту время закончить и произнес «да». Вошел посыльный. Лейтенант Величко молча просмотрел последнюю страницу книги приказаний, поставил подпись.

— Вы хотите продолжать? — спросил он замполита.— Нет? Товарищи командиры, с двадцать пятого июня... подготовка к отъезду в летние лагеря. Эшелоны подаются двадцать седьмого. Строевые подразделения дивизиона участвуют в параде на Повурском полигоне по случаю открытия лагерных сборов артиллерийских частей корпусного и армейского подчинения пятой армии. Командир дивизиона назначил строевой смотр подразделений на завтра. Начало в семнадцать ноль. Сегодня рядовому составу предоставляется отдых до четырнадцати часов. Дальше занятия продолжать по расписанию. Кажется все... по местам!

Гаранин закрыл за собой дверь батарейной канцелярии. В коридоре шум, суета, похоже, штабной батарее объявлена тревога. Писари, связисты, посыльные грузят имущество. Открыты ворота КПП. Разнородный транспорт штаба занял полдвора — три автомобиля ГАЗ-2А, четыре пароконных повозки, телефонные двуколки.

— Куда они... в Повурские лагеря или на войну? — спрашивал дежурного Гаранин. Позади шум не затихал.

— Если на то пошло, я предпочел бы одно из двух. Лагеря... либо «огонь»...

— Да, конечно... одно исключает другое,— подтвердил Поздняков.— Парад по случаю открытия лагерного сбора состоится не раньше, чем мы оборудуем генеральские линейки.

Из ворот одна за другой выезжали штабные машины.

— Штаб готов, а ваши орудия, Гаранин? — Поздняков остановился.

Гул автомобилей удалялся. Мимо на рысях шли повозки.

— Не в меньшей мере, чем взвод управления,— ответил Гаранин.

— Значит... никакое нападение не застанет нас врасплох, я уверен,— Поздняков сделал шаг в сторону, повернулся четко кругом и зашагал прочь от парковой арки.

Гаранин предложил изменить расписание занятий. Тему «Стрельба прямой наводкой» заменить на другую: «Ведение огня с закрытых ОП[1] и измерение наименьших прицелов». Нужно готовиться к выезду на полигон и тренировать людей в соблюдении мер безопасности. Ошибки, допущенные в определении наименьшего прицела, вызовут разрыв снаряда на гребне укрытия, в районе возможного нахождения людей, обслуживающих стрельбы.

Полдень. Тень от буссоли почти упряталась под треногой. Оба телефониста жарятся в глубине ровика. Там нет тени. Лица, одежда — в поту.

Приехал командир батареи. Состояние порядка на огневых позициях не вызвало замечаний. Утверждены темы занятий. Контроль за мерами безопасности во время боевых стрельб отвлекает стреляющего.

Командир батареи распорядился закончить занятия раньше установленного срока. В 17 часов сбор начальствующих лиц для встречи нового командира дивизиона. Вчерашнее сообщение лейтенанта Павлова подтверждалось. Все части 87-й СД получили приказание приостановить оборудование позиций в предполье. Пехота готовилась к отъезду в лагеря.

Подготовка к отъезду в лагеря, мероприятие широкого масштаба, несколько рассеяла сомнения. Озабоченность, которую я заметил утром на лице командира батареи, исчезла. Уезжая, он заставил коня прыгать на рытвинах, будто в манеже, через «клавиши». Гаранин истолковал эти упражнения как напоминание: подъезды на огневые позиции нужно привести к назначенному времени в порядок.

Гаранин объявил расчетам распорядок дня на завтра. Разъяснения относительно положения на границе орудийные номера слушали скептически. Этого нельзя было не видеть. «Пехота уходит?» Доказательство не убедительное. Скорее, на руку немцам. Они изготовились и т. д. Таков был смысл вопросов, которые задавали орудийные номера.

— Какими путями к вам попадают эти сведения? — спросил Гаранин.— Откуда?

В ответ — молчание.

---

[1] ОП — огневые позиции.— *Авт.*

— Время беседы на исходе, кто ответит?

— Товарищ младший лейтенант, все люди говорят... это правда...— голос из второй шеренги.

Гаранин увел огневые взводы на речку. Со мной в парке остались только младшие командиры наблюдать дозаправку тягачей. Старшему на батарее необходимо знать наличие топлива в баках.

Немного раньше, чем я, на берег пришел взвод управления. Полсотни людей толпятся на «пляже», это полоса — два десятка шагов наносного песка.

— Снимайте снаряжение, товарищ лейтенант,— кричит Поздняков, шлепая по воде босыми ногами.— Вы не знаете... состояние боевой готовности отменяется... день субботний... Нельзя более пренебрегать фактом прибытия старшего на батарее. Заказан праздничный ужин на двадцать часов, в доме панны Зоси. Форма одежды повседневная...

Поздняков выбрался из воды, закурил.

— Весь начальствующий состав уезжает по домам.

А он, Поздняков?

— Я остаюсь в батарее на всю ночь, назначен старшим. Времени достаточно.

Но Поздняков может обратиться к лейтенанту Величко и ехать сейчас.

— Не стоит... я сопровождаю старшего лейтенанта Пашика в штаб начальника артиллерии 87-й СД. Выезд назначен на пятнадцать ноль... может загляну домой.

— Время на коновязь,— объявил Гаранин.

Пришел старшина. Я садился в седло. Вместо послеобеденных занятий, по приказанию командира батареи,— хозяйственные работы и ремонт подъездных путей. И то и другое в ведении старшины, огневые взводы поступают в его распоряжение.

Крайний ряд кормушек стоит вдоль монастырской стены, пространство только для повозок, которые доставляют сено и фураж на склад, оборудованный между контрфорсами на углу, где начинается спуск к речке. Младший лейтенант Гаранин закончил амуничить лошадь. Старшина удерживал Перикла под уздцы. Сидя в седле, я не могу делать этого. Конь подымался на дыбы.

— Эй, старшина, пустите поводья,— шутит позади Гаранин.— Перикл — животина дикая... затащит вас на обед к панне Зосе.

— Перекусить не прочь... я еще не завтракал... Но таким способом не хочу... Поляки, слышал, кормят вас неплохо,— старшина отпустил поводья.

Я не стал удерживать Перикла, с места он перешел в галоп. Кобылица Гаранина отстала на три-четыре корпуса. Для всадника, идущего в паре, это много. Я придержал Перикла, кони пошли наравне — рысью.

— Напророчил Поздняков,— произнес Гаранин. У ворот стояла незнакомая женщина, кажется, моложе вчерашней.

— Вроде новая, значит, панна Зося не вернулась...— И спросил, вынув ногу из стремени,— уж не обознался ли я воротами?

— Так, так,— женщина улыбнулась,— прошу, заходите...

Обед закончен. Я оставил Гаранина в доме. У ворот толпились крестьяне, рассматривали подседланных лошадей. Что им нужно? Всем... десять шагов назад!

— Пан поручик,— обратился один из крестьян,— продайте лошадь...

Он не шутит? Нет...

— Коней, пан поручик, в вашей части не будет...— Довольно мрачного вида поляк хлопал по карману с злотыми. Он настроен вполне серьезно, знает как-будто толк в конских статях, цену, во всяком случае, называл реальную.

Осведомленность поразительная. Каким образом местные жители узнали о предстоящей сдаче командирских лошадей? Им известны, можно думать, и сроки поступления автомобилей для наших взводов управления.

Крестьяне отрицательно качали головами. Нет, об этом они не слышали.

* * *

Купля, продажа — житейское занятие. Крестьян интересовали лошади. Что же тут особенного? Автор согласен, возражать не станет и запомнил приведенную выше сцену вот почему.

У нас сплошь и рядом грифом «секретно» и «совершенно секретно» штампуются документы сомнительного содержания, которые не представляют для местного населения ни малейшего секрета. Взять, к примеру, вооружение 92-го и 85-го ОАД. Все, кто проживал в окрестностях монастырского холма под видом цивильных жителей, в состоянии определить количество орудий в артиллерийских парках обоих дивизионов, численность личного состава. Становятся доступными многие сведения: режим гарнизонной службы и охраны, уровень дисциплины в батареях и дивизионе в целом. Нет никакой необходимости прибегать к расспросам, эти сведения можно получить и без всякого риска быть пойманным на месте преступления.

Каким образом? Очень просто. Достаточно найти удобную позицию и установить наблюдение за КПП или аркой, ведущей в артпарк. Без всякой маскировки, на глазах у всех, почти открыто. Сломалась телега. Возница чинит. Мало ли какая напасть постигла крестьянина по дороге в поле? Нет никаких оснований подозревать его в недозволенной деятельности.

Таким же способом добываются сведения и совершенно секретные. Правда, в этом случае одной любознательности мало. «Цивильному человеку» необходимо военное образование. На основании визуальных наблюдений артиллерист мог определить боеспособность подразделения, его предназначение, мобилизационные возможности и многие другие данные, которые хранились у нас под семью замками.

Целый ряд должностей в интендантских службах комплектовался местными жителями по вольному найму. Они занимались ремонтом помещений, обуви, обмундирования, вели учет и выдачу продовольствия, денег, обозно-вещевого, инженерного, противохимического и прочего имущества, они имели доступ, и вполне легально, к планированию секретных мероприятий, проводимых в подразделениях и части. Поступая на работу, эти лица обязуются не разглашать служебных сведений. Всякого ли это сдерживает?

Сотрудники городской хлебопекарни не принимают совершенно никаких обязательств. Им никто не запрещал считать. Сколько килограммов хлеба ежедневно погружалось в интендантский фургон? Если разделить полученную величину на количество порций? Цифра означает численность личного состава воинской части, за вычетом лиц и команд, находящихся во временной командировке. Таким путем легко раскрывалось содержание секретного документа — строевой записки, которая составлялась строевым отделом штаба для ежесуточного приказа по воинской части.

Существовала ли возможность в принципе скрыть хотя бы последний этап переоснащения 92-го ОАД? От местного населения и, следовательно, немецкой агентурной разведки? Нет. Кто утверждает обратное, тот ставит под сомнение связь между тем, что происходит на глазах человека, и его мышлением.

В районе дислокации обоих дивизионов и за его пределами никакие мероприятия по маскировке и дезинформации немецкой разведки не проводились. Должностным лицам, по крайней мере батарейного звена и всем, кто привлекался на рекогносцировку в полосе южнее Устилуга, не было об этом известно. Маскировать, собственно, было нечего, наши

войска ни на кого нападать не собирались. Если наши разведывательные учреждения за границей имели хотя бы какое-то подобие агентуры, то, бесспорно, они получали обширные сведения о немецких приготовлениях — стратегических и оперативных масштабах замышленной операции, группировке немецких сил, эшелонированных в глубину, о направлении главных ударов, степени готовности к наступлению, наименовании соединений, частей, их численности, вооружении и т. д. Те именно сведения, которые совершенно необходимы войсковым командирам во всех звеньях для планирования оборонительных мероприятий, но которых они не имели.

* * *

Гаранин обратил слова крестьян в шутку. Он, Гаранин, готов продать лошадь, когда она будет списана, но только вместе с гаубицей и БК [1] снарядов.

— Цо то есть гаубица?..— поляк не понял.— И сколько стоит вместе с кобылицей?

Цена, названная Гараниным, представлялась покупателю чрезмерной. Но он хотел приобрести крепкую ухоженную кобылицу. Добрая лошадь тянет на себе крестьянское хозяйство. И дело такое, что стоит поторговаться.

— Герман... рукой подать... за Бугом... начинается война... завтра.

Крестьяне снова подступили к калитке.

— Пан поручик заломил непомерную цену! Польские уланы продавали лошадей за гроши.

Легко оттолкнувшись, Гаранин вскочил в седло, подобрал поводья. Крестьяне умолкли.

— В позапрошлом году? — спросил громко Гаранин.— О, в то время вашим уланам было не до коней... Когда уходит почва из-под ног, всадник не думает о коне...— и послал кобылицу на поворот через канаву. Она поднялась на дыбы, взяла препятствие и унеслась с места.

Прибытие командира дивизиона

Перед главным входом монастырского здания собрался в ожидании командный и начальствующий состав дивизиона. Слышится смех. Форма одежды — полевая. Снаряжение — пистолет, противогаз, полевая сумка, планшетка. В отличие

[1] БК — боскомплект.— *Авт.*

от начальников, строевые командиры артиллерии носили в обязательном порядке шпоры и холодное оружие — клинок.

Навстречу шел Поздняков.

— Долго обедаете... я жду... Сейчас вернулся из поездки в город. Во дворе штаба сорок первой танковой дивизии видел новый танк Т-34. Рядом с БТ, как мамонт, семидесятишестимиллиметровая пушка... Длина ствола... тридцать два калибра... конечно, маловато для современного орудия. Ствол короткий.— Поздняков обратился ко мне.— Товарищ лейтенант, у нас есть пушечные стволы подлиннее?

Да, 76-мм дивизионное орудие Ф-22 имеет 49 калибров, четыре с лишним метра.

— А начальная скорость снаряда?

Семьсот двадцать метров в секунду.

— У орудия Т-34 меньше, кажется, шестьсот восемьдесят... Зато гусеница...— Поздняков оглядел брусчатую отмостку под стеной здания,— шириной с половину тротуара, удельное давление на грунт низкое... Порядочная броня... не измерял, но в лобовом листе не менее шестидесяти миллиметров...

Раздалась команда «по местам». Все молчаливо двинулись по два в дверь. За порогом обширное помещение, служившее монахам прежде столовой. Большая люстра под сводчатым потолком, широкий проход, столы темного дерева, по сторонам массивные стулья с резными спинками. Каждый занял место за спинкой стула. Прошла в тишине минута.

Капитан Корзинин подал команду «смирно». Послышались шаги. Капитан Корзинин двинулся навстречу командиру дивизиона.

— Товарищ майор! Командный и начальствующий состав девяносто второго отдельного артиллерийского дивизиона собран по случаю вашего прибытия для встречи. Заместитель командира дивизиона по строевой части капитан Корзинин,— и сделал шаг в сторону. Проход свободен.

Командир дивизиона крепок, строен, ростом несколько выше капитана Корзинина. Кажется, угрюм. Возраст — примерно сорок лет.

Оба, майор и капитан, прошли к столу, одновременно сделали поворот. Майор обратился с приветствием к собравшимся, назвал свою фамилию — Фарафонов, стал говорить о прежней службе. В 92-й ОАД назначен с должности командира дивизиона 311-го гаубичного артиллерийского полка РГК 6-й армии, дислоцированного во Львове. Принимал участие в боевых действиях с Финляндией. Осведомлен о положении в полосе Владимир-Волынского укрепленного района.

— ...Штаб начальника артиллерии пятнадцатого стрелкового корпуса обеспокоен долготерпением начальствующих лиц подчиненных частей к разговорам о войне среди личного состава...— негромко говорил майор.— Кто их инспирирует и для чего? Начальник артиллерии приказал довести до вашего сведения решение старших инстанций. Учебный период, в течение которого войска содержались в состоянии полной боевой готовности, с восемнадцати часов сегодняшнего дня пришел к концу. Все части и подразделения по месту дислокации приступают к несению службы на общих основаниях. Поступающие в войсковые штабы данные о деятельности немецких войск приказано направлять без промедления старшим. Те воинские части, которые не привлекаются к лагерным сборам первой очереди, продолжают работы по совершенствованию оборонительных позиций на государственной границе. По первому сигналу войска должны занять боевые порядки...— Новый командир дивизиона намеревался до погрузки в эшелоны ознакомиться с состоянием подразделений и подготовить их к боевым стрельбам на Повурском полигоне. Он выразил сожаление по поводу того, что командный состав дивизиона во время рекогносцировки нарушил правила пограничного режима. В заключение майор сказал: — Я рад встрече с вами... Уверен, что командный и начальствующий состав дивизиона приложит все силы для решения задач, которые определяются предназначением девяносто второго отдельного артиллерийского дивизиона.

После перерыва присутствующим была предоставлена возможность обращаться к новому командиру с вопросами служебного характера и личными. Неожиданная отмена боевой готовности не внесла успокоения умов. Командиры 2-й и учебной батарей считали этот шаг искусственным, предпринятым без учета приготовлений, которые не прекращались на другой стороне границы. Слухи о войне, циркулировавшие в течение месяца и даже больше, не могли не вызвать настороженность и тревогу.

Обратились к майору Фарафонову с просьбой разъяснить эти факты старший лейтенант Чикало, интендант 3-го ранга Марков и военинженер Попов. Командиры других батарей и взводов высказали недоумение по поводу инструкции на случай войны. Если боевая готовность отменяется, то как быть с положением, которое регламентировала инструкция? В парке во всех подразделениях находятся боеприпасы в окончательно снаряженном виде. По правилам мирного времени это недопустимо. Что же, вернуть их на склады? Как

долго боеприпасы останутся в тягачах вразрез с требованиями парковой службы и т. д.?

Командир дивизиона сказал, что не уполномочен обсуждать решения старших начальников. Никаких дополнительных комментариев. На поле боя он принимал решения, исходя из того, как вел себя противник. В условиях мирного времени войсковые командиры не имеют права по-своему интерпретировать мероприятия, проводимые войсками соседнего государства.

В своих ответах майор Фарафонов большей частью ссылался на известные всем положения. Он понимает наши нужды. До поступления автомобилей в подразделения начальник артиллерии не хотел лишать командный состав средств передвижения. Но дольше не согласится содержать несколько интендантских служб из-за четырех десятков верховых лошадей в артиллерийской части на механической тяге.

После командира дивизиона говорил начальник штаба старший лейтенант Пашкин. Все командиры, которые подняли свои топографические карты[1] либо оставили пометки, раскрывающие характер последней рекогносцировки, обязаны не позже 18 часов сдать карты в секретную часть. На стоянку перед КПП подан автомобиль для желающих ехать в город.

Последний вечер

Собрание закончилось. Новый командир в сопровождении капитана Корзинина покинул зал. Следом ушли старший лейтенант Пашкин, командиры батарей. Все спешили, одни на коновязь, другие к месту посадки в автомобили. Гаранин и Поздняков — где они?

— Товарищ лейтенант,— окликнул меня дневальный по КПП,— вас зовет командир третьей батареи, он там... много уезжают, уже в седлах.

За воротами топчатся на месте всадники. Командир дивизиона с командирами батарей отправлялся на ужин в городской ресторан. Лейтенант Величко придержал коня.

— Сдаете карту? Заодно передайте и мою, я договорился с начальником штаба. Взамен вашей русско-польской требуйте себе новую,— он пустил коня рысью.

---

[1] Поднять карту — значит нанести маршрут либо элементы боевого порядка, тактических задач и т. д.— *Авт.*

Уже знакомый мне техник-интендант, заведовавший делопроизводством секретной части штаба, осмотрел карты — командира батареи и мою. Скрипнула крышка кованого сундука. Вместе мы рылись в рулонах. Я подбирал листы по номенклатуре, потом клеил. Работа закончена.

В казарме было полно людей. По распорядку дня — свободное время. Дежурный по батарее сообщил:

— Командир батареи лейтенант Величко приказали передать, что приедут только завтра после обеда, к четырнадцати часам, что вы остаетесь старшим... Когда вы уедете, за командира батареи будет младший лейтенант Поздняков... Он на речке... и младший лейтенант Гаранин там.

Люди занимались каждый своим делом. Писали письма, чинили одежду и т. д. У меня не было причин задерживаться в казарме. Я прошел к воротам КПП. У стены подседланные лошади, доносится шум, разговоры. Продолжался отъезд в город.

Дневная жара спадала. Небосвод в западной части все больше окрашивался в золотистые тона. Солнце клонилось к закату.

На углу манежа, где находилась площадка для развода караулов, играл оркестр. Ухал глухо тромбон, заливались кларнеты, отбивал ритм барабан. Звучала задорная мелодия польки. Разговоры о войне, моя карта с пометками, поездка в город — все отошло прочь и позабылось в радостном пении труб.

Косари на лугу за речкой прекратили работу. Остановились возы, груженные сеном. Крестьяне слушали оркестр.

По дороге со стороны Хотячева в облаке пыли шла колонна пехоты. За спиной ранцы из телячьей кожи, охваченные скатками, длинная трехлинейка «на ремень». Густо запыленные пехотинцы при виде монастыря ободрились. Головная рота запела звонко и дружно:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Дирижеру нашего дивизионного оркестра чуждо было тщеславие, свойственное его симфонической братии. Он взмахнул рукой, и мелодия оборвалась. Умолк оркестр. Трубачи чтили солдатский обычай. Когда пехота поет, музыканты слушают.

Красиво и четко шла пехота. Позабыта усталость. Зачем жалеть силу? Это — чудесный дар. Чем больше тратить, тем больше она прибывала. Дух единства возвышал пехотинцев;

в строю тверже становился шаг. Пехота дорожила славой своего имени.

У ворот кто-то подал команду «смирно!». Всех касается. Устав требовал уважения. Всякий военнослужащий обязан приветствовать строй, будь он в движении или на месте.

Прошли походным шагом, одна за другой, три роты, затем еще три. Мимо ворот и дальше по дороге к мосту через Лугу — две батальонные колонны.

На место развода прибыл караул. Подтягивались отдельными группами лица внутреннего наряда, по парку и коновязи.

Начинался перезвон церковных колоколов в городе. Издали им стали вторить колокола в ближних селах. Вечерний звон. Там, откуда под звуки встречного марша начинал шествие новый дежурный по части на развод караулов, стоял лейтенант Луценко с видом занятого человека. Сегодня суббота, 21 июня, многие командиры уехали, он заступал в наряд.

Чем заняться мне после ужина? Ехать в город, с кем? На Луценко рассчитывать нельзя. Павлова я не вижу. Вновь грянул оркестр.

Я прошел на коновязь, затем обратно. Ожидать Павлова? Найду ли я дом, где остались мои вещи?

Явились младшие лейтенанты Поздняков, Гаранин. Их задержал замполит. И тот и другой выражали сомнения в том, что общая ситуация изменилась к лучшему. Послабления служебного режима в монастырском гарнизоне продлятся недолго.

На ужин Поздняков пригласил из учебной батареи младшего лейтенанта Безуглого В. И., с ним и Гаранин был в дружбе. До моего приезда Безуглый некоторое время проходил службу в 3-й батарее.

Стали знакомиться. Безуглый собран, ладно держится в седле. Конь его не подходил к Периклу, подымался на дыбы. Нам не сразу удалось обменяться рукопожатиями.

— Завтра воскресенье, выходной день. Кто со мной на танцы? — спрашивал Безуглый.— В бывшем офицерском казино прекрасный оркестр, знаете, на углу улиц Ковельской и Маршалека?

Поздняков и Гаранин отказались. Я готов принять предложение Безуглого, только нужно переодеться.

— Где встретимся? Начало в девятнадцать.

— Тревога улеглась, надолго ли? — неожиданно заговорил Гаранин.

— Улеглась? — спросил Безуглый.— У нас день отдыха, а немцы?

— Да...— протянул Поздняков,— до совещания не было ясности, а сейчас совсем путаница... Что, собственно, изменилось в положении?

— Товарищи командиры, были причины, чтобы ввести состояние боевой готовности, и отменяется оно, надо полагать, не без оснований,— возразил Гаранин.

— Какие такие причины? — Поздняков придержал кобылицу.— Прочтите, что пишут сегодня газеты «Правда» и «Красная звезда»...

— Лейтенант Величко критически смотрит на сообщение печати... я с ним согласен.

— Ну, тогда... не знаю, но основания должны быть.

— Командир дивизиона не ответил на вопрос лейтенанта Криклия... боевая готовность отменяется, и все,— Гаранин поддерживал Позднякова.

— Не ответил, потому что он сам не уверен. И приказал с двадцати трех часов командирам быть по одному в каждой батарее... Как бы чего не случилось...

— Да, неверно, так,— произнес в сомнении Безуглый.— В третьей Поздняков?

— А у вас, в учебной батарее?

— Новый, лейтенант Адаменко, командир четвертого взвода.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что точка зрения всех трех младших лейтенантов совпадала. Отмена боевой готовности недолговременна. Наступил период летних лагерных сборов. Наши части уйдут из мест постоянной дислокации. Но что предпримут немцы?

...Ворота во двор закрыты. В окне свет, лаяла собачонка. Поздняков распахнул калитку, поднялся по ступенькам, постучал. Дверь отворилась.

Белая скатерть, стол уставлен блюдами. Холодные, горячие закуски. Посредине — букеты полевых цветов. Хозяйка зарделась, польщенная похвалой младших лейтенантов, переставляет без надобности приборы с места на место. По ее мнению чего-то на столе недоставало.

Поздняков неотступно следовал за молодой женщиной. Но сегодня ему, кажется, не везло. Хозяйка относилась с предпочтением к Гаранину.

У забора беспокойно всхрапывали кони. Залаяла собачонка, тявкает не переставая. Раздался стук, и неожиданно появилась панна Зося. Позади следовал с непроницаемым лицом пан Ян.

Панна Зося была удивлена не меньше нас, взглянув на праздничный стол.

— Так-то вы скучаете... по мне,— укоризненно покачала она головой.— Такой час... веселитесь... по какому случаю?

Поздняков объяснил причину торжества:

— Наш товарищ прибыл в батарею, полагается по офицерскому обычаю отмечать такое событие... частным образом.

Панна Зося обошла стол.

Поздняков представил Безуглого, тот встал, поклонился.

— А вы? — обратился Поздняков к девушке.— Снялись с позиции... уехали как по команде... А теперь что же, объявлен отбой?

— Цо то ест отбой? — в свою очередь спросила девушка. Когда Поздняков объяснил, она с грустью ответила:

— К сожалению, нет... завтра будет война... Езус Мария...

Все заняли места за столом. После второй рюмки пан Ян завел речь о войне и стал сокрушаться по поводу поражения Польши. Он прежде жил великолепно... а теперь? Деятельные удачливые люди влачат жалкое существование, но, по крайней мере, пан Ян знает почему. Немецкая армия не могла бы покорить Польшу, если бы на помощь немцам не пришли «Советы», они атаковали с тыла.

Наглая ложь. Младший лейтенант Безуглый напомнил коммерсанту широко известные факты. К войне Польша не была подготовлена. Надежды на помощь со стороны Франции и Англии не оправдывались. Во Франции господствовали пацифистские настроения. Правительство проявляло трусость во внешней и внутренней политике. Воевать народные массы не хотели. Гитлер отверг ультиматум союзников Польши, и она осталась одна, обреченная заранее на поражение.

Коммерсант начал возражать. В Силезии, по его словам, существовала цепь польских крепостей. Укрывшись за их стенами, польское войско рассчитывало задержать немецкие армии до вступления в войну союзников, но сражаться одновременно на западе и востоке было невозможно.

— Польская армия была разгромлена до похода наших войск,— напомнил Поздняков.— По своей организации и оснащению она стояла на уровне двадцатых годов. Главная роль отводилась кавалерии. Современные виды вооружения — танки, авиация — существовали в состоянии зародыша. Польская армия не имела никаких шансов противостоять вермахту.

Доводы младшего лейтенанта Безуглого, возможно, новая рюмка заставили пана Яна согласиться.

— Когда заходит речь о поражении,— сокрушенно говорил он,— я чувствую себя поляком более, чем когда-бы то ни было... Боже всемогущий, отчизна повержена в прах... унижена врагами...

— У Польши только один враг,— уточнил Безуглый,— тот, кто ее оккупировал.

— А почему оккупировал?! — возмутился коммерсант.— Да, пан поручик... почему?

— В результате поражения... Польская армия была слабее немецкой.

— Нет, то все не так... Бог свидетель,— пан Ян понес околесицу.

Желая отвлечь внимание, Поздняков упомянул Клаузевица.

— Во всякой войне, справедливой и несправедливой, моральный фактор играл решающую роль. В мыслях солдата превыше жизни — верность присяге и долгу.

Пан Ян истолковал слова младшего лейтенанта как укор польским жолнежам, которые будто сражались без воодушевления, не веря в победу. Пан Ян снова взбеленился.

— Поляки... храбрые солдаты,— Безуглый пытался успокоить вспыльчивого коммерсанта,— никто не сомневается в этом. На Эльстере Понятовский...— он привел эпизод периода наполеоновских войн.

Подвиг, совершенный польской ковалерией в 1914 г., смирил пана Яна. Он примолк, но ненадолго. Поздняков неосторожно перевел какое-то выражение хозяйке, и опять мир был нарушен. Препирательства закончились тем, что пан Ян выпил еще одну рюмку и покинул стол. Ушла вслед за ним и панна Зося. Вскоре она вернулась и сообщила, что ее жених приносит извинения, в селе у него дела.

Разговор раз за разом возвращался к войне. Хозяйка была уверена, что поручикам известна истина, но они скрывают ее от «бедных цивильных жителей». Ужин шел вяло. Чтобы поддержать настроение, младшие лейтенанты принялись ухаживать за женщинами. Панна Зося, улыбаясь, грозила пальцем Позднякову, а раскрасневшаяся соседка неуверенно возражала Гаранину:

— То не вольно, пан поручик.

Около полуночи возвратился пан Ян. Объяснялся коммерсант намеками, женщины его не понимали. Со двора слышалось бормотание кучера, лошади позвякивали колокольчиками. Пан Ян торопился. Панна Зося с видимой не-

охотой последовала за женихом. Она не прочь была остаться.

С легким скрипом экипаж развернулся и укатил со двора. Десятый раз хозяйка произнесла «до видзеня». Платочек панны Зоси мелькнул светлым лоскутком и пропал в темноте. Никто больше не хотел ни есть, ни пить. Ужин закончился.

За порогом стояла ночь. Кони похрапывали, переминались. Гаранин толкал свою лошадь, она не шла, но шенкели заставили ее протиснуться в узкую калитку. На крыльце ждала в свете лампы младшего лейтенанта хозяйка, чтобы проститься.

Село спит. Его не тревожил ленивый лай собаки вслед трем всадникам. Улица пустынна, стучат копыта.

— Стой! Кто едет? — нарушил тишину окрик. Восточную окраину села патрулировал дозор.— Стой! Стрелять буду!

Глухо застучали затворы карабинов. Один дозорный бросился к дереву, другой стоял, как пень, в десяти шагах.

Поздняков недоволен поведением своих подчиненных. Он сам инструктировал ночную стражу. Вначале следовало обоим залечь. Дозорные обнаружили себя.

— Стой! Не двигаться! — потребовал дозорный. Кажется, он узнал с кем имеет дело.— Пароль!

— Ах... так вам еще пароль?! — Поздняков послал вперед лошадь.— Ложись!

Знакомый голос освежил память дозорных. Занял позицию и тот, что сплоховал. Поздняков подозвал обоих, осмотрел драгунские винтовки. Патроны досланы в патронники. Дозорные серьезно относились к своим обязанностям. Это примирило командира взвода управления.

— Я поговорю с вами завтра, когда смена?

Поздняков сказал еще несколько напутственных слов дозорным.

— Как вы долго объясняетесь с ними! — встретил Позднякова Гаранин.— Учите людей на занятиях.

— Мы обязаны учить непрерывно и во всякое время,— ответил Поздняков.

Кони перешли на рысь. В стороне парка крик, слышатся выстрелы, один, другой.

Я думал: ехать в город? Ночь, адрес дома я не знаю, да и зачем мне вещи? У Позднякова и Гаранина другое дело, семьи.

В зашторенном окне дежурного по КПП мерцал свет. Обозначились ворота. Я не хотел объясняться и спросил младших лейтенантов:

— Кто из нас старший?

Безуглый промолчал, а Поздняков и Гаранин отвечали: — Вы, конечно.

— В таком случае все вы отправляетесь в город. Это... приказание. В батарее остаюсь я.

Поздняков стал возражать, но слабо. Право старшинства к нему переходило после моего отъезда. Сделав вольт направо, он остановил лошадь в ряду с Гараниным и Безуглым.

— Коновод, где вы? Отправляйтесь вперед к повороту,— крикнул Гаранин, и младшие лейтенанты ускакали в темноту.

— Счастливо оставаться...— донеслись вразнобой их голоса.

Перикл рвался вслед, дергал поводья. За парком на окраине Зимно лаяли собаки. В стороне мельницы тоскливо завывал филин. Стук копыт затих.

Я провел Перикла в одну сторону, в другую и передал дневальному. Дежурный по дивизиону лейтенант Луценко тренировал лиц наряда в обращении с входной дверью. Мимо проследовала смена караульных.

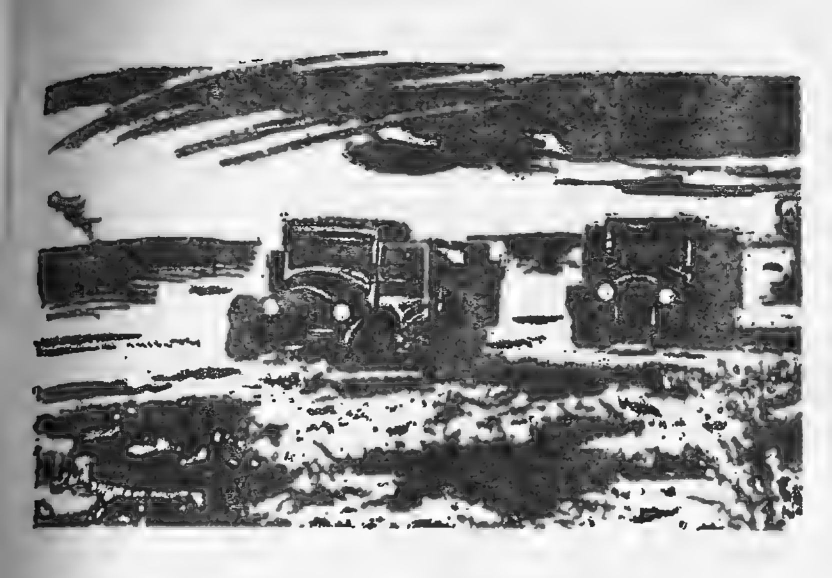
Луценко приостановил занятия и стал изображать сцену из курсантской службы. Как-то он и я — два курсанта — возвращались из городского увольнения. Я пропустил Луценко — минута в минуту — вперед и готов был сам перешагнуть порог, но дежурный по училищу вернул обратно. Мне вменялось опоздание из городского увольнения. Меньше чем на полминуты. «Товарищ курсант, срок не имеет значения, факт опоздания налицо. Я не следователь, а командир»,— ответил мне дежурный по училищу лейтенант Шарейко.

— У вас еще есть в запасе время,— сказал Луценко,— до отбоя две минуты...

Я не находил в этой сцене ничего забавного.

Входная дверь открылась. Хлынул свежий воздух. С потолка свисали две-три лампы, разгоняя темноту длинного коридора. Я поднялся в спальное помещение 3-й батареи. На койках безмятежно спали люди. Старший сержант Проценко — дежурный по батарее — доложил, что происшествий не произошло, личный состав находится на отдыхе.

В батарейной канцелярии темно и пусто. Я открыл створки окна, лег, не раздеваясь, на диван. Так закончился в моей жизни этот последний мирный день и наступил новый — день войны. На листике настенного календаря — 22-е июня. Стрелки показывали 0 часов 30 минут.

Это война!

3-я батарея, тревога!

Спросонья я не мог сообразить, что произошло. Дрожали стены. Битые стекла. Сыпалась штукатурка, пыль. Оконные створки — одна на полу, другая повисла на петлях, люстра раскачивалась, как маятник, жалобно звенели хрустальные подвески. Валил едкий дым. Грохотали разрывы.

Я шагнул к окну и остановился, потрясенный тем, что видел. За воротами и дальше, на всем обозреваемом пространстве клубился серо-желтый дым, сверкало пламя. Рвались снаряды. На крыше КПП зияла дыра.

Война! Я взглянул на часы. Две стрелки — одна вонзилась в цифру 3, другая миновала 12 — 3 часа 02 минуты.

Подсвечник свалился на пол. Какая-то сила толкнула меня к столу. Дверь сама собой отворилась. Я бросился в спальное помещение батареи. Полуодетые люди в страхе толпились у окон.

— Внимание, смирно! Товарищ лейтенант, за время моего дежурства никаких происшествий...— Проценко умолк, растерянно огляделся и продолжал: — Товарищ лейтенант, три минуты назад немцы открыли огонь... Дежурный по батарее старший сержант Проценко!

— Третья батарея... боевая тревога! Наряду вскрыть ящики с патронами, выдать оружие!

Люди одевались, разбирали оружие, противогазы. Проценко открыл книгу выдачи оружия. Толчея, грохот, крики со всех сторон.

— Патроны,— требовал сержант Дорошенко,— патроны давайте!

Кричал еще кто-то, у шкафа с противогазами толчея, Проценко швырнул книгу выдачи на пол.

— Товарищ лейтенант, ключи от ящиков у старшины.

Сорван с противопожарного щита лом. Ящик вскрыт. Грохотали разрывы. Содрагался пол. Кирпичная пыль вползала в окна.

Младшие командиры строили людей. Снова качнулись стены, и снова дым. В помещении темень. Время 3 часа 06 минут.

— Внимание... третья батарея, повзводно за мной, в парк.

За порогом сумрак, откуда-то ветки путаются под ногами. Ворота КПП открыты настежь. В стене пролом. На пути вековая липа, ствол ободран, вокруг обломки веток, листья. Поражал слух грохот, вой, свист.

Горячий воздух обдал меня с ног до головы. Что-то сковывает все тело, оно отказывалось подчиняться сознанию. Позади лица, искаженные страхом.

— Не отставать! — кричал я, «не отставать» вторил кто-то. Мгла рассеялась. За обочиной — воронки. Позади строй ломался, ни рядов, ни шеренги. Кто-то споткнулся, кто-то упал замертво. Группки людей. Куда они? Стой! Все в парк, не ложиться, встать!

Арка развалилась, раскиданы шесты, колья. Люди прыгают через воронки, миновали орудия 1-й батареи. В вышине завывали снаряды и рвались с перелетом справа. Где? Не разглядеть, вероятно, в парке 85-го ОАД.

Чей тягач? Пламя скользит по борту. Пятый запасной. Кузов загружен снарядами. Полтонны керосина в баках.

— Внимание, всем ко мне! — никто не отозвался, не слышат.

Я повторил команду еще и еще. Нашелся, наконец, один смелее остальных — сержант Белый. С разбега набросил трос, оглядывается: не соскочила бы с крюка упругая из гнутой стали серьга. Тогда все, не подступиться. Тягач на буксире тронулся с места, охваченный пламенем, и медленно пересек черту парка.

— Внимание... моторы... сцепить орудия!

Сержанты еще, кажется, не в своей тарелке. Напропалую бранятся, импровизируют команды, позабыта начисто вчерашняя служба. А помощь командира словом и делом? Орудийные номера подкатили передки.

— На лафет!

Трамбованная колесами и людьми земля лишена растительности. Пыль вихрится под давлением газов выхлопных труб тягача.

Я невольно поднял глаза. «Хеншель»! Строчит из пулемета. Неужели тот, что облетал не однажды парки? Задрав хвост, снижается. Шасси растопырены, под крылом распорки, черный крест на фюзеляже. В кабине лица пилотов.

— Внимание, огневые взводы, стой!.. По самолету огонь!

Раздаются вразнобой винтовочные выстрелы. Кто целился, кто нажимал спуск вслепую. Пылает запасной тягач, в пламени глухо лопались латунные гильзы и отлетали, кувыркаясь, в стороны.

Время 3 часа 14 минут. Старший сержант Проценко отправил связных на автомобиле хозяйственного отделения оповестить командиров и замполита. В черте парка ложатся одна за другой очереди разрывов. Прямое попадание, пламя! Горит машина батареи обслуживания. Хозяйственники бегали, пытались завести, не то тушить.

— Товарищ лейтенант, наши раненые... куда их? — спрашивал санинструктор.

Раненые... обращаться к дежурному по дивизиону... Это дело санитарной части. Где она?

«Хеншель» пошел на второй заход. Командиры орудий подняли флажки: «Готово!» Сцепка закончена.

Со стороны батареи обслуживания бежал лейтенант Луценко. Следом кто-то из лиц наряда. Луценко что-то кричит издали. Ревет с надрывом двигатель «хеншеля», рассеиваются веером трассирующие пули. Пыль серой рябью поднимается с земли.

Трасса изломилась, дневальный упал, раскинув руки. Остановился и Луценко, опустил клинок, который придерживал, гимнастерка в крови, он ранен.

— Навылет,— приподняв тело дневального, заключил санинструктор и обратился к раненому лейтенанту Луценко.

Прибежал старший сержант Проценко.

— Товарищ лейтенант, огневые взводы к маршу готовы! Товарищ лейтенант, скорее надо отсюда...

Старший сержант позволяет себе вольности. Я не нуждаюсь в советах... В чем дело?

— Виноват... я думал... мы ждем в парке командира батареи,— Проценко, держится спокойно, ни боязни, ни тревоги.

Пусть подает сигнал «все по местам».

Проценко отступил от гусеницы, взмахнул флажками. Я поднялся в открытую дверцу кабины. Время 3 часа 17 минут.

— Огневые взводы, взвод управления, в походную колонну... Дистанция сто шагов, справа поорудийно, за мной марш!

Помкомвзвода закончил передачу команд. Колонна тронулась. Но напрямик не пошла, как обещал командир батареи старшему лейтенанту Шилкину. Легла новая серия разрывов. Я повернул тягач в направлении КПП, туда, где недавно стояла входная арка.

Парк скрылся в облаках пыли и дыма. Что-то горит, отдельные очаги, три-четыре. Упершись в дверку, я огляделся. Снаряды рвались у стен монастыря.

— Воздух! — кричит наблюдатель в открытую дверцу.

Летел «хеншель». Высота не более ста метров. Из кузова раздаются выстрелы, орудийные номера ведут огонь по самолету.

Дорога на Зимно непрерывно обстреливалась. Колонна двинулась через поле.

Позади грохот не затихал. Как там, в парке? Тягач шел вдоль канавы по краю огородов. Выйду ли я напрямик в район сосредоточения?

Тягач попал в промоину, и меня отбросило на сиденье. Стрелки показали 3 часа 18 минут. Война!

* * *

После отъезда из училища я не раз размышлял об участии командиров, направленных в части, дислоцированные в приграничной полосе, тех, кому предназначался первый удар. Нападение неизбежно, оно представлялось мне как бедствие. Воина ждут тягчайшие испытания. Он готов физически и нравственно переносить все тяготы и лишения, усталость, голод, раны и смерть. Но вот действительно, война наяву. Ничего общего, ни малейшего подобия с тем, что прежде рисовало воображение. Кошмар! Неужели все это длится только четверть часа?!

Инструкция гласила: «Командир батареи и лица, его замещающие, обязаны немедленно вывести батарею, материальную часть с боеприпасами, тягачи, автомобили, личный состав, все штатное имущество из расположения...» Передо

Начальник
Сумского артучилища
полковник В. А. Иванов
(снимок 1939 г.)

Заместитель начальника
Сумского артучилища
полковник Г. Г. Лампель
(снимок 1943 г.)

Военный комиссар
Сумского артучилища полковой
комиссар П. М. Латышев
(снимок 1937 г.)

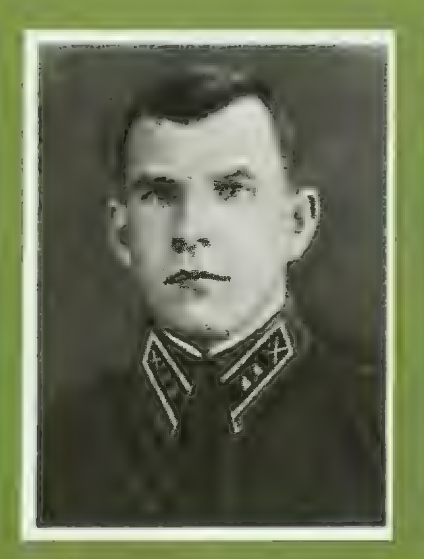
Командир 1-го дивизиона
Сумского артучилища
Н. Т. Кисилев
(снимок 1943 г.)

Помощник командира 1-го дивизиона по тактике капитан А. Ф. Олейник

Командир 3-й батареи Сумского артучилища Г. А. Краснянский (снимок 1942 г.)

Помощник командира 2-й батареи по тактике лейтенант Н. А. Птицын

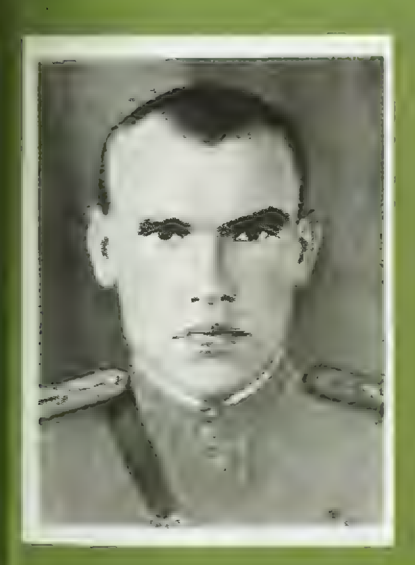
Командир 3-го взвода 1-й батареи Сумского артучилища лейтенант С. А. Патаман

Командир 2-го взвода
2-й батареи Сумского
артучилища младший лейтенант
Т. П. Ермаков

Командир 1-го взвода
3-й батареи Сумского
артучилища лейтенант
А. А. Пивоваров (снимок 1943 г.)

Командир 3-го взвода
3-й батареи Сумского
артучилища лейтенант
П. И. Водяной (снимок 1943 г.)

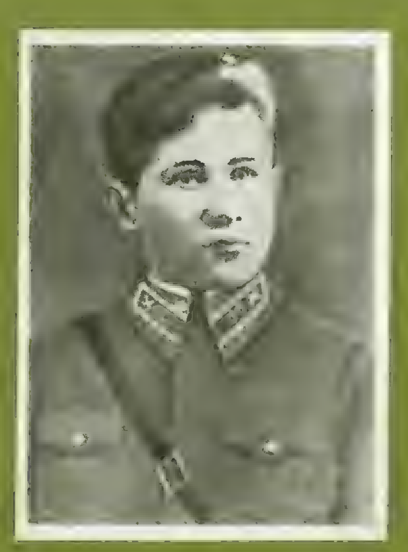
Командир 2-го дивизиона
Сумского артучилища
капитан А. Т. Бедрицкий

Командир 6-й батареи
Сумского артучилища
капитан Н. Д. Себежко

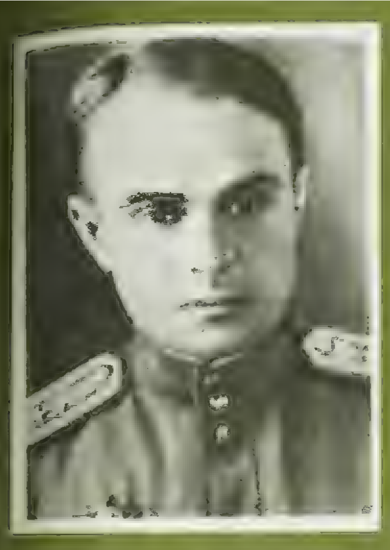
Командир
2-го взвода 5-й батареи
Сумского артучилища
лейтенант В. С. Архипов

Командир
1-го взвода 9-й батареи
Сумского артучилища
лейтенант В. Д. Кириченко

Курсант
Сумского артучилища
А. И. Коваленко

*…арший преподаватель
…циально-экономического
… га Сумского артучилища
… Н. Чалинкович (1945 …)*

*Преподаватель топографии
Сумского артучилища
В. Б. Лейбович
(снимок 1944 г.)*

*Начальник О…еского
… училища генерал-лейтенант
арт… …рии И. И. Гимогиевич
…нимок 1949 г.)*

*Командир 9?-го ОАД
майор М. А. Фарафон…
(снимок 1940 г.)*

Монастырь Зимно

Начальник тыла 92-го ОАД
интендант III ранга
С. С. Марков

Командир
3-й батареи 92-го ОАД
С. А. Величко (снимок 1943 г.)

Заместитель политрука
3-й батареи 92-го ОАД
Кинерман

Командир взвода
учебной батареи 92-го ОАД
младший лейтенант
В. И. Безуглый

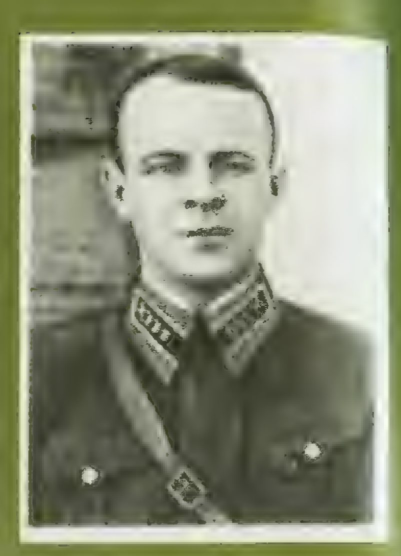
Наводчик 4-го орудия
3-й батареи 92-го ОАД
рядовой И. С. Тищенко

Замковый 4-го орудия
3-й батареи 92-го ОАД
рядовой И. Елагин

Снарядный 4-го орудия
?-й батареи 92-го ОАД
рядовой А. Юмин

Нача..ьник штаба
... ОАД старший лей...нант
В. ... Малюков

Старший на батар...
М. Ф. Коротеев.
55-й ОАД, 2-я батарея.
(снимок ноября 1944 г.)

...тарший на ...атар...
...ей...нант Я...иненко
...5-й ОАД, ... батаре...

ндир 2-го вода
л тр. 341 ГАП
И. В. Ширин
им 194

Начальник
ртил ерии 5-й ар
рал-м р арти ри
В. нскин

31- ГАП
чик П. А. С
мо 1942 г.

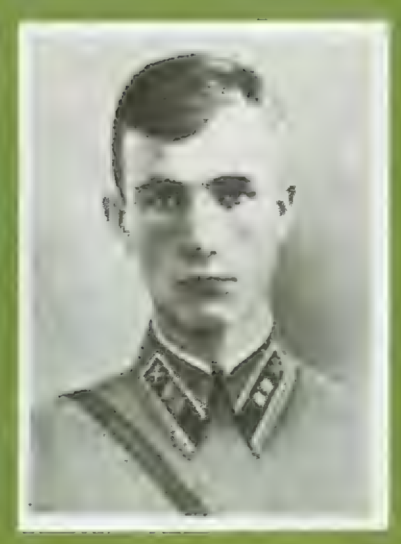
Начальник штаба 231-го КАП
старший лейтенант
К. А. Мартынюк

Комиссар 231-го КАП батальонный комиссар А. Д. Дроздов

Помощник начальника штаба 231-го КАП старший лейтенант О. С. Гусев

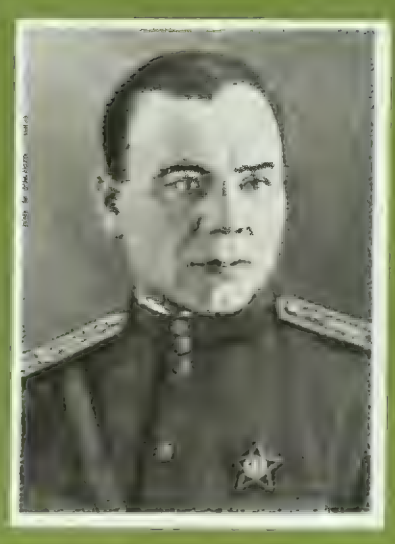
Помощник начальника штаба по разведке 231-го КАП лейтенант С. Ф. Пономарев (снимок 1939 г.)

Командир штабной батареи 231-го КАП лейтенант Б. М. Кобец

*Начальник
артиллерийских мастерских
231-го КАП воентехник
М. А. Карасев*

*Командир 2-го дивизиона
231-го КАП подполковник
П. Н. Значенко
(снимок 1943 г.)*

*Начальник штаба 2 го дивизиона
231-го КАП старший лейтенант
С. С. Рева*

*Командир 4-й батареи
231-го КАП младший лейтенант
И. С. Устимович*

Командир [illegible] батареи
231-го КАП И. И. Варавин
(снимок 1956 г.

Ст[illegible]ший на [illegible]тарее
[illegible]ший [illegible]итенант [illegible] К. Иванюк

[illegible]омандир 1-[illegible] дивизиона
[illegible] АП старший [illegible]
И. Т Плешаков

Командир 2-й [illegible]
[illegible]о КАП Н. Н [illegible]
(сни[illegible] 1960 [illegible]

тарший на батарее
йтенант Б. В. Сотенский.
31-й КАП, 1-я батарея

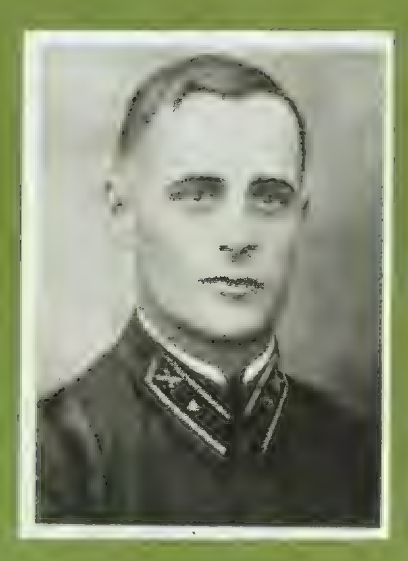
Командир 3-го дивизиона
231-го КАП старший лейтенант
Г. А. Горунов

Начальник ра дки
див зиона 231-го КАП
йтенант И К Юшк

Начальник связи
3-го дивизи на 231- КАП
Быкадоров
(снимок 1944 г.)

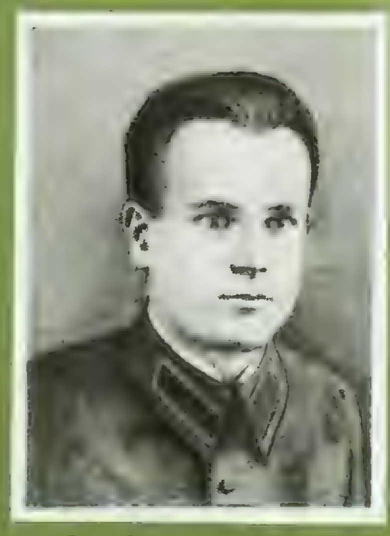
Командир 8-й батареи
231-го КАП младший лейтенант
П. Г. Волынцев

Старший на батарее
лейтенант Вагин.
231-й КАП, 9-я батарея

Командир взвода управления
7-й батареи 231-го КАП
Д. С. Васецкий (снимок 1963 г.)

Разведчик-наблюдатель
5-й батареи 231-го КАП
рядовой С. С. Перекрест

Командир
4-го дивизиона 231-го КАП
капитан Л. И. Магомет

Командир
45-й СД 15-го СК
генерал-майор Г. И. Шерстюк

Командир 61-го СП 45-й СД
П. С. Антонов
(снимок 1944 г.)

Заместитель командира 61-го СП
по политической части
Кузнецов (снимок 1945 г.)

Командир
2-го батальона 10-го СП
В. И Коробов (снимок 1978 г.)

Командир 5-й роты 10-го СП
лейтенант Е. В. Васильев
(снимок 1941 г.)

мной кладбище села Зимно — выжидательный район 3-й батареи.

— Стой, слезай... К бою! Первому огневому взводу... направление стрельбы... отдельные деревья на западной окраине Зимно... Второму огневому взводу... направление стрельбы... церковь в центре села. Готовность немедленно... Взводу управления НП занять дом под цинковой крышей в юго-западном направлении... шестьсот шагов... Немедленно подать связь на ОП... Прочесать населенный пункт из конца в конец... немедленно!

Время 3 часа 31 минута. Батарея заняла боевые порядки. На кладбище, как сказано в инструкции, прибывающее подразделение должен встречать кто-то из старших начальников либо его представитель. С начала огневого налета прошло полчаса. Никого нет. Что же дальше?

— Внимание, выслать парные дозоры... первому огневому взводу... развилка дорог на окраине Зимно, второму огневому взводу... опушка видимого справа леса... приступить к маскировке огневых позиций. Готовность десять минут.

В секторе наблюдения 2-го огневого взвода отмечено движение орудий из парков по направлению к Зимно и дальше на северо-запад в лес.

— Воздух!..— слышится голос наблюдателя.— Воздух!

Со стороны границы летят бомбардировщики, курс севернее монастыря, по-видимому, на Владимир-Волынский. Две группы, еще одна, около трех десятков. За крышами городских зданий внезапно появляется облако, оно растет, клубится. «Юнкерсы» сбросили бомбы.

— Товарищ лейтенант, дом загорелся,— взволновался связной,— жильцы-то как? — Он еще не знал, что война не признавала пожарной безопасности.

В городе весь командный и начальствующий состав дивизиона. Автомобиль отправлен более получаса назад. Давно пора вернуться, расстояние 10—12 километров. Уцелел мост у водяной мельницы?

После доклада о готовности командир обязан осмотреть боевые порядки. На ОП 1-го орудия я не нашел повод для замечаний. Орудие приведено «к бою», боеприпасы выложены, маскировка вполне удовлетворительна.

Старший сержант Проценко доложил о состоянии 1-го огневого взвода. Оба орудия имели незначительные повреждения. Ранены три орудийные номера, боеприпасы — один БК, горючее — одна заправка. Стрелковое оружие исправно, вещевое имущество и средства ПХЗ налицо.

Потери 2-го огневого взвода: погиб — один, ранен — один. Поврежден тягач, разбит орудийный передок.

Численность личного состава: два огневых взвода и хозяйственное отделение — 48 человек. Отсутствуют связные, шофер и люди, несшие службу на конюшне.

Командир 4-го орудия отличался своим поведением от остальных. Будто подменили его. Собран, отвечал внятно, его, кажется, не волновали ни разрывы снарядов в парке, ни «хеншель». Оказывается, он участвовал в финской войне на должности наводчика 76-мм орудия.

Как относится командир 4-го орудия к происходящему?

— Такого столпотворения под Выборгом не было... Донимали автоматчики, снайперы... фины-мины...— сержант невесело улыбнулся.

Осмотр закончен. Я возвратился к буссоли. Командир орудия шел следом. Он может оставаться.

— Товарищ лейтенант, что будем делать дальше?..

Дальше... Хотел бы и я знать это. Расчеты остаются в положении «по местам»... Сержанту известно, как выполняются на открытых позициях команды при появлении противника? В течение получаса я надеюсь получить указания старших начальников.

Сержант остановился в нерешительности.

— А если...

— Никаких «если». Огонь, товарищ сержант.

Прибыл помощник командира взвода управления. Потери: один погиб, три человека отсутствуют — два коновода и связной. Выяснилось, взвод управления тоже отправил людей для оповещения после объявления боевой тревоги. Маскировка НП произведена, наблюдение продолжается.

— Внимание, огневые взводы, приступить к выверке прицельных линий и нулевых установок.

Мне пришло время занять пункт, который обеспечит обзор боевых порядков батареи и подступы к ним. Установить связь, но... стоит ли прокладывать кабель? Нет, достаточно командирам орудий выставить сигнальщиков с флажками.

Время 3 часа 41 минута. Грохот разрывов в районе монастыря возобновился с новой силой. В северном направлении пролетел «хеншель».

С моего КП [1] просматривалась юго-западная окраина Зимно, монастырь, поле за кладбищем, крыши зданий в центральной части города. Со стороны границы доносился отдаленный гул разрывов. Дальнобойная артиллерия про-

---

[1] КП — командный пункт.— *Авт.*

тивника не прекращала методический обстрел города. В огневых налетах по району монастыря участвуют три-четыре дивизиона.

3-я батарея находилась на огневых позициях уже более получаса. Связи со старшими начальниками я не имел и не знал обстановки. Что происходит за чертой горизонта? Неужели придется оборонять кладбище?

Итак, немедленно сменить позиции. Задача 3-й батареи состоит, как мне представлялось, в том, чтобы прикрыть огнем прямой наводки район ОП и прилегающую к нему местность.

Два орудия закончили смену позиций. Взвод управления занял ближний НП. Установлена телефонная связь. Две группы разведчиков отправлены в лес северо-западнее Зимно и в район монастыря.

Время 4.00. Огонь по району дислокации 92-го ОАД заметно ослаб. Артиллерийский обстрел города продолжался. Снова кружит корректировщик. По дороге на Хотячев наблюдается движение машин и орудий.

Время 4 часа 10 минут. С ближнего наблюдательного пункта поступило сообщение: разведгруппа установила контакт со 2-й батареей. Она занимает позиции в составе двух орудий в своем выжидательном районе.

Время 4 часа 20 минут. В секторе стрельбы 2-го орудия обнаружен человек. Бинокль ни к чему — Гаранин. Конечно, он!

— «Сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный»,— кричал издали Гаранин.

Да... печальней и представить трудно. Гаранин в грязи до пояса, пот ручьями. Преодолев последнюю сотню шагов, он остановился перед буссолью. Начал приводить в порядок свою одежду. Где же конь младшего лейтенанта? Связные на автомобилях направлены в город.

— Сорок восемь минут... спринтерское время... двенадцать километров!.. Похоже началась война? — он осушил одним духом котелок воды и потребовал новый.

Прошла еще минута. Окинув взглядом ОП, Гаранин продолжал будничным тоном:

— Больше всего боялся, что уйдете с кладбища, не найду... Разрешите приступить к исполнению обязанностей?

По следу Гаранина шел старшина.

— Товарищ лейтенант, зачем мою машину угнали?

Я не успел ознакомиться с делами хозяйственного отделения и считал, что вопрос согласован. Каптенармус, исполнявший обязанности старшины, мне попал на глаза только

в выжидательном районе. Две батарейные кухни с котлами, заправленными водой, буксировала оставшаяся хозяйственная машина.

После бурных объяснений старшина пообещал проучить каптенармуса. И вернулся назад в монастырь за имуществом и продовольствием. Каптенармусу приказывалось, если огневые взводы уйдут, старшину ждать на кладбище.

В 5.05 прибыли лейтенант Величко и младший лейтенант Поздняков. Пешим ходом. Поздняков сказал: «Коноводы с лошадьми попали под обстрел во дворе комендатуры, по-видимому, погибли».

Орудийные расчеты заняли положение «за орудие». Я доложил командиру батареи обо всем, что произошло. Сведений о противнике не имею. С 3-х часов 15 минут отмечается гул разрывов на границе. В район позиции прилетал «хеншель». Батарея занимает боевые порядки с 3-х часов 17 минут. К ведению огня готова. Материальная часть орудий, транспортные средства налицо. Потери — один тягач. Два других тягача и машина хозяйственного отделения имеют незначительные повреждения. При сцепке орудия приведен в негодность орудийный передок. В результате обстрела незначительно повреждены два орудия. Потери среди личного состава: шесть человек — два погибли, четыре ранены. Не возвратились три орудийных номера, шофер и машина хозяйственного отделения, отправленные в город для оповещения. Помкомвзвода управления после объявления тревоги послал без моего ведома с той же целью пешим ходом трех связных. Отсутствуют лица, несшие службу на конюшне. Боеприпасы — один БК, горючего одна заправка. Стрелковое оружие, вещевое имущество, средства противохимической защиты налицо. Старшина уехал за продовольствием на склады и за оставшимся имуществом. По данным взвода управления, 1-я и 2-я батареи нашего дивизиона находились в лесу, северо-западнее Зимно. Ожидается прибытие разведчиков, отправленных на поиски штаба дивизиона.

Лейтенант Величко распорядился вызвать с НП автомобиль и отделение разведки. Стал спрашивать: при каких обстоятельствах сгорел тягач, что происходило в парке, как вели себя люди?

Если не считать самоуправства помкомвзвода управления, к сержантам у меня замечаний нет. Рядовой состав в большинстве своем добросовестно выполняет обязанности как в парке, так и на ОП.

— Хорошо, товарищ лейтенант,— командир батареи тяжело вздохнул,— наверно, началась война... Поеду уточнять

задачу. Орудия развернуть для круговой обороны. Готовность к открытию огня — он взглянул на часы — десять минут.

После отъезда лейтенанта Величко прибыл замполит. Он бодрился, но скрыть волнение не мог.

— Где командир батареи? Как дела, чем занят личный состав? — спрашивал замполит.— Пойдемте, поговорим с людьми...

Со стороны парков летит «хеншель», курс на Зимно. Замполит оборвал речь. Стреляют оба ручных пулемета и орудийные номера из карабинов. В ушах стоит треск.

— Что это, товарищ лейтенант?.. Неужели наши люди... стреляют?

Да, конечно.

— Но...— замполит всплеснул руками,— товарищ лейтенант, мы не имеем права...

Ничего не поделаешь. Личный состав 3-й батареи привлекается к стрельбе по корректировщику с 3-х часов 10-ти минут.

— Как можно...— с дерева падали ветки, срезанные очередью ручного пулемета. Политрук остановился:

— Товарищ лейтенант, вы не имеете указаний, самовольно действуете...

«Хеншель» опасней бомбардировщиков, он корректирует огонь немецкой артиллерии. 3-я батарея прибегла к стрельбе в целях самообороны, будучи вынуждена, и поэтому не нуждается в чьих-либо указаниях.

Спираль в направлении монастыря, которую описал «хеншель», снова привела его в район огневых позиций.

— Воздух! — объявил сидевший на дереве наблюдатель.— Воздух... воздух! — слышалось со всех сторон. Стрельба возобновилась. Политрук сокрушенно вздыхал, оглядывался.

— Командиру батареи вы доложили? Разве можно без разрешения? Ваша опрометчивость, товарищ лейтенант... Опасно, ведь мы на границе. Возможно, фашистская провокация... Подождать бы... пока выяснится...

С начала огневого налета противника 3-я батарея действовала в соответствии с инструкцией на случай войны. Не знаю, как называется то, что произошло... нападение или провокация, но боевые действия начались — это факт. Тщетно я пытался успокоить замполита. Он крайне взволнован. Порывался идти куда-то, поминутно поправлял одежду.

— Воздух! — кричал со своего насеста наблюдатель.— Товарищ лейтенант, глядите, глядите... сколько их...

Рокот, едва слышимый вначале, нарастал с каждым мгновением, близился. Политрук поднял голову и умолк.

— Десять... двадцать... тридцать,— со страхом, в каком-то упоении выкрикивал наблюдатель,— пятьдесят... семьдесят...

Со стороны границы курсом на юго-восток шла крупная партия бомбардировщиков. За ней вторая, третья.

Замполит проводил воздушную армаду взглядом и, когда гул затих, спросил наблюдателя.

— Сколько вы насчитали?

— Сто восемь.

— Куда они полетели? — спросил политрук.

— Не знаю точно... товарищ политрук,— ответил наблюдатель,— на юго-восток... высота две-три тысячи метров.

Всходило солнце. Противник продолжал вести методический огонь по району монастыря и опустевшим паркам. На дороге, которая вела в лес северо-западнее Зимно и дальше на Хотячев, движение машин усилилось.

Замполит взглянул на часы.

— Пять тридцать восемь... вы говорите обстрел начался в три часа?

Да, в 3 часа 02 минуты. Немцы ведут боевые действия уже 2 часа 36 минут.

— Когда вернется командир батареи?

Неизвестно. Скоро, надо думать. Он приказал подготовить позиции для круговой обороны.

Политрук осведомился, что для этого сделано, и снова начал сокрушаться по поводу того, что огневые взводы вели стрельбу, не имея указаний.

— Как дела, товарищи красноармейцы? — политрук подошел ко 2-му орудию. Орудийные номера поднялись со своих мест.

— Теперь уже... всему конец... никаких дел... война,— ответил за всех сержант Дорошенко.

Стали подходить люди других орудий. Послышались вопросы. Как на границе? Что предпринимается? Потери? Почему бездействуем?

— Товарищи красноармейцы, нельзя в такое время рассуждать сгоряча. Фашисты задирают нас, они хотят начать войну и взвалить вину на Советский Союз... возможно, провокация...

— Разрешите, товарищ политрук, трясло-то как монастырь?.. Ходуном ходили стены... света белого не видно... и людей сколько побило... сгорел тягач,— раздались возражения.

— Товарищи красноармейцы, фашисты осложняют отношения...

— Чего уж осложнять... вот все гудит... По границе бьют... а самолетов-то сколько? Летят и летят, конца-краю нет... война... зачем говорить? — кричит кто-то из задних рядов.

Огневики — люди покладистые и сдержанные, говорят все разом, нельзя узнать. Голос политрука тонул среди выкриков.

— Внимание! — подал команду Гаранин.— Старший сержант Проценко, разобраться всем по расчетам... говорите по одному.

Шум затих. Политрук получил возможность продолжить объяснения, но ненадолго. Трудно убеждать людей, когда слова не вяжутся с действительностью. Гаранину снова пришлось угомонять огневиков.

— Если это провокация, то при таком настроении... она легко может перерасти в войну. Кто в ответе? — спрашивал Шапир.— Товарищи, я пойду к замполитруку дивизиона, выясню, не беспокойтесь.

— По местам! — распорядился Гаранин.

Время 6 часов 10 минут. Грохот в стороне границы не прекращался. То нарастал, то становился тише. Явно перемещается к югу. В небе плывут бомбардировщики, большими и малыми партиями. Наблюдатели уже потеряли счет. Реже слышен «воздух». Сигнал подавался теперь только при появлении «хеншеля». «Юнкерсы» летели стороной.

— Воздух! — кричат наблюдатели.

«Хеншель» прошел над селом и после разворота скрылся за горизонтом.

— Воздух! — слышится снова.

Двадцать семь «юнкерсов», высота полторы тысячи метров. Курс на монастырь. Бомбардировщики миновали район позиций, началось перестроение в кильватер. Ведущий потянул стаю к городу и вдруг ринулся вниз, как оброненный камень. Казалось, самолет потерял управление и не выйдет из пике, но он вышел. Едва не коснувшись крыш, взмыл вверх почти по вертикали, уходил от разрыва бомбы. За ведущим последовала вся стая.

Прошло не более четверти часа. «Воздух!» Бомбардировщики нанесли новый удар по объектам во Владимире-Волынском.

— Мне очень не нравятся эти маневры... над нами,— проговорил Гаранин, когда затих гул самолетных двигате-

лей,— что ему стоит спикировать на кладбище? — и умолк. Приближалась новая стая самолетов.

Наши позиции замаскированы, кладбище не привлекает внимания. По всей вероятности, «юнкерсам» указывают цель перед вылетом.

— Кто их знает,— продолжал Гаранин, когда самолеты удалились,— у нас ведь только стрелковые ячейки... ни одной приличной щели.

Да, ровики мелкие, глубина не более двух штыков. Для круговой обороны ненадежно. Гаранин отдал приказание дооборудовать щели.

Я вернулся к пригорку, где установлена буссоль, телефонный аппарат. В голове — ералаш. Что творится вокруг? С начала огневого налета меня не оставляла уверенность — началась война, но в толчее казармы усомнился. Неужели так начинается война — великое бедствие, несущее гибель миллионам людей? И мне казалось, что это наваждение, кошмарный сон, дым рассеется, наступит тишина. Увы, разрывы снарядов не оставляли никаких надежд. Позади меня орудийный номер споткнулся, упал, окровавленный, лицом в пыль, с карабином, ранцем, противогазной сумкой. Он недвижим, он мертв, а другие бежали мимо, охваченные ужасом. Человеческая смерть на глазах. И понял — это начало, первая жертва, принесенная на алтарь войны огневыми взводами 3-й батареи, и больше не сомневался. Потому-то и отдал приказание стрелять по корректировщику, когда еще не раздалось ни одного выстрела.

6 часов 42 минуты. Возвратился лейтенант Величко. Не пожелал слушать рапорт, молча оглядел позицию. Люди выбрасывали из глубины ровиков грунт.

— Распорядитесь прекратить... где замполит? Зовите Гаранина, Позднякова,— и, когда те явились, начал несколько торжественным голосом.— Товарищи командиры, излагаю обстановку... Сегодня после трех часов... немцы, без объявления войны, внезапно начали боевые действия. Массированным огневым налетам подверглись районы расквартирования наших войск на глубину до двадцати километров во всей тактической зоне обороны. Данные о потерях уточняются. Связь в войсковых штабах повсеместно нарушена. Принимаются меры к восстановлению. В штаб дивизиона пока не поступали сообщения о переходе противника в наступление... Пулеметно-артиллерийские батальоны укрепрайона спешно занимают позиции... Все артиллерийские части начали движение в выжидательные районы, ведут разведку в полосе обороны. Девяносто второй отдельный артил-

лерийский дивизион поступает в распоряжение начальника артиллерии восемьдесят седьмой стрелковой дивизии и занимает боевые порядки: третья батарея... огневые позиции на опушке леса юго-восточнее фольварка Октавиан, один километр... Задача: подготовить НЗО[1] на трех участках, пригодных для форсирования реки Западный Буг, и СО[2] по берегу. Основное направление стрельбы — сорок пять ноль, готовность к открытию огня — восемь часов,— лейтенант Величко нанес на мою карту район ОП,— наблюдательный пункт третьей батареи на северной окраине села Хотячев. Командование склонно считать, что немцы демонстративно ведут огонь в провокационных целях. Командир дивизиона приказал соблюдать осторожность, не спешить с выводами. Последовательность движения в район боевых порядков: взвод управления со мной, огневые взводы в отдельной колонне... Сверяю время... вопросы?

— Как поступать при нападении авиации? — спросил Гаранин.

— Движение прекратить... укрыться, если позволяют условия местности.

— Если нет условий?

— Стой!

— А личный состав?

— В случае нападения с воздуха... людей укрыть... отражать атаку...

— При нападении наземных сил на марше и в районе ОП?

— Разрешается применять только стрелковое оружие.

— А танки?

— Вы, Гаранин, хотите заручиться указанием на все случаи жизни?

Гаранина не удовлетворил ответ командира батареи, он повторил вопрос вежливо, но твердо.

— Танки... танки..,— с досадой произнес командир батареи,— надеюсь, обстановка скоро прояснится, и я скажу...

— Но до того времени?

— Огонь, черт побери!

— В каком порядке пополняются огневые взводы боеприпасами, горючим?

— Скажу позже.

— Кто позаботится о наших семьях?

— Гарнизонные власти... Насколько мне известно, приняли меры для эвакуации.

---

[1] НЗО — неподвижный заградительный огонь.— *Авт.*
[2] СО — сосредоточение огня.— *Авт.*

Лейтенант Величко вложил карту в планшетку.

— Время шесть часов пятьдесят минут. Готовность к открытию огня наступает через час десять минут. Огневым взводам движение начать через пять минут. Поздняков, подайте команду «к машине» взводу управления, за исключением лиц, обслуживающих огневые взводы... Всем по местам!

Орудия вытянулись в колонну. Вошли в Зимно. Улица пустынна. Ни одного человека. Село словно вымерло.

Тягачи, орудия сплошь укрыты ветками. Колонна напоминает копны, которые двигались одна за другой. Позади поднимается пыль.

Автомобиль командира батареи скрылся за поворотом. Я веду колонну. Перед глазами лист карты, маршрут, проложенный к фольварку Октавиан, в район ОП. Я должен непрерывно сопоставлять изображение на карте с видами местности, следить за орудиями, оглядываться, направлять водителя тягача.

Обзор сужен, в кабине жара, пыль. Тягач наезжал на кочки, карта сползала, тряслась. Не потерять ориентировку, иначе срывается выполнение боевой задачи!

Вокруг поля, колосилась рожь. Проселочная дорога наезжена. Тягач ползет по склону, подминая гусеницами бурьян. Необходимо повернуть в сторону фольварка Октавиан. Где же развилка? Дальше по маршруту на карте обозначен верстовой знак — придорожный крест. На это обращала внимание пометка, сделанная карандашом командиром батареи.

Не видно признаков. Дорога шла прямо и прямо, рожь поднимается вровень с бортом. Неужели я не заметил, и колонна миновала разветвление дороги? Повернуть обратно?.. Ехать дальше?

Оставаться на сиденьи невмоготу. Я открыл дверцу, огляделся. Наконец-то. Каменный столб, в нише изваяние придорожной Мадонны, украшенное зеленью.

В чем же дело? Я снова осмотрел карту. Съемка 1933 г., исправления внесены в 1938 г. Пять лет назад. Развилка, по-видимому, распахана.

За поворотом начиналась улучшенная дорога. Вдоль обочин ветлы. Высокие, с густой роскошной кроной. Зеленый тоннель обозначен на карте кружочками вдоль коричневой полосы.

Я открыл дверцу и столкнулся лоб в лоб с Проценко.

— Воздух!

Позади мелькали флажки. 2-е, 3-е, 4-е орудия вошли в

тень деревьев. «Хеншель» пересек маршрут и ушел на восток.

Маскировка не держалась, часть веток потеряна. Никто не обманется. Убрать маскировку? Остановить движение на 3—5 минут? Огневые взводы времени не имели.

Колонна миновала отдельные дома. Раздался голос Проценко.

— Люди там... бежали... попрятались,— он указал флажками.

— Люди? Кто они?

— Воздух! — кричит наблюдатель.

Во ржи толпа людей. Вскочили, похоже, собираются удирать. Кто их спугнул — «хеншель», орудия?

Проценко звал — никакого внимания. Люди прибавили шаг. Вернуть! Помкомвзвода бросился вдогонку.

Летевший вдоль дороги «хеншель» и непонятное поведение людей заставили меня остановить колонну. Беглецы приведены к тягачу, большей частью призывного возраста. Полуодеты, без всяких документов. Отвечают невразумительно. Из рабочего батальона строили укрепления недалеко от границы. Немецкая артиллерия на рассвете обстреляла их шалаши. Много погибло рабочих, остальные разбежались.

Как поступить с ними? Замполит Шапир вместе с расчетом 4-го орудия ехал. Может быть, он знает?

— Как же так... вы оставили раненых товарищей на произвол судьбы,— замполит стыдил рабочих.

— Жалко, товарищ политрук... виноваты... да ведь немцы заявятся, прикончат всех.

— Нехорошо,— продолжал политрук,— и начальники, видимо, ищут вас. А документы?

Рабочие переминаются. Неловко. Говорят невпопад.

— Почему не подчинялись требованию старшего сержанта?

— Испугались... думали... немцы.

— Разве вы не знаете красноармейской формы?

— В страхе не разглядели.

— Встречали немцев?

— Нет.

— Нашу пехоту?

— Видели красноармейцев...— пожимают плечами,— не знаем, кто они.

— Далеко ли отсюда?

Мнения расходятся, рабочие противоречат друг другу.

Орудийные расчеты заканчивали подправлять маскировку. Осмотрены тягачи, орудия. В путь!

Рабочие спохватились, стали просить оружие.

— Товарищи, возвращайтесь к месту строительства, окажите помощь раненым. Найдите документы, иначе вас арестуют,— напутствовал их замполит.

Колонна тронулась. Прошло немного времени, навстречу попалась одна, позже еще три-четыре группы строителей. Опять Проценко стучал в кабину. Вызывают подозрение люди, что укрылись во ржи. Старший сержант звал, направился к ним, но через полсотни шагов залег. Неужели стреляют? Орудийные номера начали стрелять в ответ. На ходу, расстояние не менее 800 шагов.

— Что пользы, им бы пару снарядов...— проворчал Проценко и опустил карабин.

Колонна вышла в район позиций. Я взглянул на карту. В 3-х километрах проходил маршрут рекогносцировочной группы. Почему остался в стороне фольварк Октавиан? Почти незнакомая местность. За обочиной поляна мне кажется пригодной для ОП — в границах района, очерченного командиром батареи. Обеспечены ведение огня в основном направлении, маскировка. Достаточно открыты подступы с фронта и тыла.

Орудия с ходу заняли позиции. Закончилась разгрузка боеприпасов, построен веер. Огневые взводы готовы к открытию огня. Сама оборона, инженерное оборудование и прочие соображения? Успею, если представится время.

Каково положение в районе НП? Станет известно после того, как установится связь. Орудийные номера принялись за маскировку.

Замполита беспокоил обстрел колонны, произведенный четверть часа назад неизвестными лицами. Охрана, которую несли два караульных, ему казалась недостаточной, он опасался нападения. Я направил команду с ручным пулеметом на тягаче. Она скоро вернулась, доставила несколько десятков стреляных гильз, с выточкой на фланце. Капсульные втулки герметизированы красным и зеленым лаком. Гаранин определил — немецкие. Замполитрука Кинерман, старший команды, ничего другого не обнаружил. Нападавшие скрылись. За такое-то время?

Связь с НП установлена. Телефонист передал стреляющему доклад о готовности орудий, наименьшие прицелы. Орудийные расчеты ожидали очередных команд. —

Телефонист позвал к телефону. Я нажал клапан телефонной трубки.

— В секторе наблюдения третьей батареи противник ведет интенсивный обстрел берега и объектов в районе строи-

тельства укреплений,— сообщил лейтенант Величко.— Южнее немцы, по-видимому, вторглись на нашу территорию... как далеко? Не скажу... похоже, некоторые опорные пункты блокированы. Левее, позади, относительно моего НП уровские подразделения [1] ведут бой... В дополнительном секторе батареи немцы оборудуют берег... собираются, вероятно, форсировать реку... Переправочные средства пока обнаружить не удалось... Черт знает что творится. Связь не могу установить с пехотой. Одни приходят, другие уходят... Командир дивизиона не разрешил начинать пристрелку. Всей артиллерии запрещается вступать в бой... Позиции заняты, орудия готовы к открытию огня, есть цели, а разрешения нет... Чего еще ждать?

Я доложил о команде, которую посылал, и принятых по настоянию замполита мерах.

— Выставьте дозоры, отделение тяги подтяните ближе... Людей с позиции не отвлекать... ждать команд.

Орудийные номера явно разочарованы. Что происходит? Всех волнует общее положение. Вторжение немецких войск началось, почему батареи бездействуют? Кто запретил открывать огонь? На каком основании? Стаи «юнкерсов» летят на восток, возвращаются, и никто им не препятствует. Где наша авиация?

Я вернулся к буссоли.

— Огневые взводы... приготовиться к приему команд...— телефонист прижал трубку, таращит испуганные глаза,— ...по переправе... осколочно-фугасной гранатой...

Наводка закончена. С каждой секундой уходит время. Вот-вот последует «огонь!». По слову командира орудия заряжающий вложит снаряд, гильзу, замковый в то же мгновение закроет затвор. Орудие готово произвести выстрел.

Люди охвачены нетерпением. Последняя команда, очевидно, задерживается на НП. Ожидание длится и длится. Наконец...

— Стой! Записать установки... цель номер десять... угломер двадцать три ноль один... уровень... тридцать ноль... прицел... сто сорок...

Передача закончилась. Досадно. В северо-западном направлении идет бой, слышен грохот разрывов.

— Внимание! — снова начали поступать команды. Командир батареи — стреляющий — передал данные по рубежам НЗО и отдельным целям.— ...Записать установки...

---

[1] Части укрепленных районов (УР).— *Авт.*

По командам командиров орудий наводчики записали установки на орудийном щите. При необходимости командир батареи приведет немедленно в действие огневые взводы. Достаточно назвать номер цели и... «Огонь!».

— Стой! — принял телефонист.

Стреляющий объявил перерыв. После осмотра укрытий и отделения тяги возвратился политрук Шапир. Его уже не волновала стрельба по «хеншелю». Гнетет бездеятельность, перерывы, которые объявлял раз за разом стреляющий.

В небе не затихал гул моторов. Плывут «юнкерсы», стая за стаей. Над лесом рыскают «мессершмитты». Раздается: «Воздух!».

Приехал старшина, обрадовался, не думал так легко найти ОП. Автомобиль загружен выше бортов. На крюке — кухня. Каптенармус и выделенные ему в помощь люди приступили к разгрузке кузова, вскрывают ящики. Там каски.

— Что... не стреляют наши орудия, товарищ политрук? — спросил старшина.

— Э... нет приказа... и командир батареи на наблюдательном пункте ждет разрешения...

— Нам нужно время на раскачку, как в Финляндии,— на лице старшины горькая усмешка, но он не унывает, не прочувствовал еще, как люди на ОП,— ...грохот вокруг; как обухом в стену,— и стал делиться новостями.

Наши кони разбежались, когда на монастырь обрушились снаряды. Кто-то приказал дневальным рубить чембуры, животные избавились от гибели. Люди, несшие службу на коновязи, включены в команду для эвакуации вещевых и продовольственных складов. Старшина не знает участи связных и автомобиля, направленного в город. По всей вероятности, они погибли, если не задержаны. У моста через Лугу старшина насчитал четыре сгоревших автомобиля. В парке наш дивизион потерял три орудия, четыре тягача, три автомобиля. Потери 85-го ОАД, по словам старшины, гораздо больше.

Началась доэкипировка личного состава, орудийным номерам выдавались каски. Первую каптенармус принес мне. Новая, цвета хаки.

Телефонист в своем ровике занимался примеркой. В одной руке трубка, другой он одевал каску. Телефонная трубка сползала в одну сторону, каска — в другую.

Я наблюдал его манипуляции. Телефонист вдруг всполошился, каска свалилась на дно ровика.

—...Разрешите доложить... по местам,— продолжал без

всяких пауз,— по пехоте, цель номер девять, правее ноль двадцать... четыре снаряда... беглый...

Орудийные расчеты ждут продолжения. Заряжающий застыл со снарядом в руках на полушаге. Наводчик уставился на командира орудия. Наводка закончена, командиры орудий готовы опустить вытянутую с флажком руку. Медленно перемещалась стрелка — 5, 10 секунд, 15, 20. Шумно дышат в ровике телефонисты. Прошло еще десять секунд. Не оборвалась ли линия? Нет, в трубке слышался шорох.

— Стой!

Команда поразила меня, как гром среди ясного неба. Какое-то недоразумение. Я попросил командира батареи к телефону. Прошла минута, другая.

— Слушаю...— произнес недовольно лейтенант Величко,— ну?

— Товарищ лейтенант, разрешите уточнить последнюю команду.

— Какая вам команда?

— Последняя.

— «Стой!»... и обращайтесь впредь через телефонистов, как положено... меня не отвлекать. Все! — на другом конце трубка ударилась об аппарат. Величко раздражен.

8 часов 30 минут. Стреляющий объявил очередной перерыв. Который по счету? К буссоли подошел замполит.

— Товарищ лейтенант, что там передают?

Ничего нового.

— Как же так? Нужно узнать...

Я говорил с командиром батареи, отвлекаю его, он недоволен.

— Да...— протянул политрук,— война, по-моему, началась серьезно... летят бомбардировщики. Что, поговорим с людьми? Пойдемте.

Политрук шел впереди, я следом.

— Товарищ лейтенант, передают,— кричал в догонку телефонист,— передают... батарея... отбой!

— Как, не сделать ни одного выстрела и «отбой»?.. — политрук захватил ремень моей планшетки и спрашивает в упор, будто я главнокомандующий,— это невозможно... кто-то напутал, товарищ лейтенант, спросите командира батареи.

Я уже получил выговор.

— По-моему, недоразумение... нужно выяснить... вызовите лейтенанта Величко,— замполит опустился на корточки перед ровиком, передал мне трубку.

— Что вы хотите? — спросил командир батареи.

— Я получил команду «Отбой».

— Так... что же вам не понятно?

— Неожиданная команда, не вяжется...

— Почему вчера она у вас вязалась, а сегодня я должен повторять... Выводите огневые взводы к перекрестку на Владимир-Волынскую дорогу через фольварк Октавиан. Ожидайте там. Организовать охранение. Все!

Замполит безнадежно махнул рукой и вместе с орудийным номером принялся собирать буссоль.

В состоянии неизвестности

Автомобиль командира батареи стоял в тени деревьев под масксетью. Люди рубили ветки. Поздняков невесело кивнул, вот, дескать, чем занимаемся, вместо того чтобы вести огонь.

Лейтенант Величко прошел с хвоста колонны в голову.

— Немецкая тяжелая артиллерия продолжает обстрел дотов, пехота форсировала Западный Буг,— объявил он, когда все собрались,— опорные пункты в районе Млынска и Паромова окружены. В направлении Горохова наступают танки. Артиллерия молчит... Нет разрешения на открытие огня. Наш дивизион сменяет боевые порядки... Приготовить всем карты. ОП вот где будет,— лейтенант Величко отметил район,— основное направление сорок один ноль. Готовность к открытию огня девять часов тридцать минут. Нанесите маршрут движения... следите за воздухом. А сейчас марш!

Только я успел занять место в кабине — «Стой, воздух!» Какие принимать меры? Корректировщик застал 3-ю батарею врасплох, снизился до ста метров, сделал круг и ушел к границе.

Колонну вел командир батареи. Происходят часто остановки. Наблюдатель взвода управления поднимал флажки: «Воздух!» Движение прекращается:

— Слезай... в укрытие!

В небе одна волна бомбардировщиков сменяла другую. Высота тысяча метров. Местность под крылом на виду. По-видимому, лейтенант Величко опасался бомбежки, но «юнкерсы» не обращали на 3-ю батарею внимания.

Чем объяснялось безразличие немецких бомбардировщиков к объектам в приграничной зоне? Эскадры 1-го воздушного флота с аэродромов в Восточной Польше обеспечивали продвижение моторизованных и танковых дивизий, наносивших главный удар в полосе южнее Владимира-Волынского.

Передвижение небольших подразделений на рокадных дорогах их не привлекало.

Орудия заняли новые огневые позиции. «К бою». С НП начали поступать команды. Всякий раз перед командой «Огонь!» стреляющий делал паузу, неуместную в понимании орудийных номеров. Они воспринимают по-своему обстановку. Отовсюду доносился грохот разрывов, пулеметная стрельба. Огонь ведет только немецкая артиллерия. Вторжение, по-видимому, шло полным ходом. А 3-я батарея продолжала вчерашние тренировки. Одну заняла позицию, другую. Сколько это будет еще длиться?

Вынужденное бездействие подавляло людей. И никто не мог вразумительно объяснить положение. Ни командиры, ни замполит. Неужели они не понимают значения событий? Очевидно, старшие должностные лица не знали, что происходит на границе.

Время 9 часов 55 минут. Снова корректировщик в районе ОП. Долго кружил, снижался, набирал высоту. Наконец, ушел. И вдруг — разрыв бризантного снаряда.

Немецкая артиллерия начала обстрел. Снаряды ложились в лесу, слева позади. Что там корректировщик обнаружил? Телефонист передал на НП сообщение о начале огневого налета.

Все выше поднималось солнце. На позиции становится жарко. Со всех сторон слышен грохот, гул «юнкерсов».

К буссоли пришел Гаранин, следом за ним — замполит. Молча переглянулись. Скверно. Вот уже более получаса стреляющий не позволял орудийным номерам сойти с мест.

С касками хлопоты. Одели их люди впервые. Поверх пилоток. Нет инструкции по подгонке. Ни я, ни Гаранин не знали, как обращаться с каской. Не держалась на голове, что ни делай. Давила затылок подгоночная тесемка, металл нагревался, пряжка грубая, как на поясном ремне, брезентовый тренчик сползал с подбородка.

Сущее наказание. У орудийных номеров скатка, карабин, противогаз. А те, кто работал со снарядом? В условиях огневой позиции каска мало пригодна, это ясно, но командир батареи запрещал снимать что-либо из снаряжения.

Время 10 часов 15 минут. Наводка по очередной цели закончилась. Достаточно нажать спуск, и четыре гаубицы произведут выстрел. Стреляющий потребовал проверить установки. «Готово!» Долго длилась пауза, все думали перед командой «огонь».

— Стой! — и тут же: — Внимание, огневые взводы... отбой!

Оставлена вторая позиция. Колонна вытянулась вдоль опушки, ожидала приезда командира батареи. Тени становились короче. Уже не укроешься от солнца под деревом.

Прибыл командир батареи. Немецкая пехота продолжает наступление. В районе Хотячева попытки противника форсировать Западный Буг сорваны. Некоторые доты повреждены или подавлены немецкой артиллерией. Немецкие танки овладели районом Млынска и продвигаются в юго-западном направлении. Уровские подразделения отражали атаки стрелковым оружием.

Лейтенант Величко видел опасность в том, что противник обтекает, оставляет в тылу очаги сопротивления и не стремится овладеть ими. Немцы направляли основные усилия к тому, чтобы, не задерживаясь, продвинуться возможно дальше в глубь нашей территории.

— ...Сообщения с поля боя, которые поступают разными путями, не вносят ясности в понимание общей обстановки,— продолжал Величко.— Остался ли в силе договор о ненападении?.. Германия не объявила о состоянии войны. Наше командование склонно считать, что инцидент носит ограниченный характер. Во избежание осложнений артиллерийские части отводятся из предполья на рубеж Владимира-Волынского и восточнее. Для девяносто второго ОАД районы сосредоточения — лес в трех километрах юго-восточнее Владимира-Волынского. Третья батарея двигается общей колонной. Взвод управления в голове. Товарищ сержант,— командир батареи звал помкомвзвода управления,— подайте сигнал «все по местам!».

Предельная скорость тягача — около двадцати пяти километров. За автомобилем не угнаться. Дистанции увеличивались. Автомобиль командира батареи исчез за бугром.

В кабине тягача жарко, клубится пыль. Я развернул карту. Район сосредоточения... около двадцати километров. Артиллерия уходит. А уровские подразделения, пехота?

Активность немецкой авиации не ослабевала. «Юнкерсы» летели на юго-восток. Снова появился корректировщик.

Колонна вошла в лес. Пыли на просеке меньше. Но... что это? След бурелома? Деревья повалены, расщеплен ствол, ветки зависли в кронах, далее — туши лошадей, тела погибших... Малиновые петлицы... пехота.

Стоит автомобиль взвода управления. Лейтенант Величко позвал замполита и меня. Вокруг следы обстрела. Опрокинутые вверх колесами повозки, слышатся стоны раненых.

Навстречу бежит фельдшер. Есть в батарейной колонне медики? Нельзя ли выделить в помощь санитарам людей?

Батальонный обоз полчаса назад попал под обстрел немецкой артиллерии.

Лейтенант Величко сожалеет, он не имел возможности помочь. Он советует фельдшеру уезжать, огневой налет может повториться.

Командир батареи не ошибся. После того как возобновилось движение, раздался стук в кабину. Проценко указал флажками назад, там клубился дым разрывов.

По сторонам ржаное поле. Знакомые места. Кажется, Зимно. На бугре стали видны золоченые купола монастыря. Угол стены главного здания разрушен, сорвана обшивка, стропила оголены.

Вспомнился день после моего прибытия в дивизион. Лейтенанты Луценко, Павлов и я бродили по двору, знакомились с расположением. Монастырские здания содержались в превосходном порядке. Дупла, образовавшиеся в стволе старой липы, расчищены и залиты цементом. Луценко заметил в верхней части стены главного здания ржавые металлические стаканы. Не снаряды ли?

— Похоже,— согласился Павлов.

— Так, так, то есть снаряды,— подтвердил бывший служитель монастыря, степенный монах, нашедший приют и работу в интендантской службе дивизиона.

— В тысяча девятьсот шестнадцатом году,— рассказал монах,— немецкая артиллерия долго обстреливала монастырь. Снаряды ударялись в стену здания и не разрывались. На все есть благословение господа,— старик поднял глаза, перекрестился,— настоятель приказал замуровать некоторое число снарядов. Вы видите... железо, орудие сатаны... свидетельствует нам святость места сего...

По простодушию лейтенант Павлов начал разуверять монаха. Ничего подобного, взрыватели неисправны, собирались небрежно либо с умыслом на заводе, где производились, поэтому не вызывали детонации разрывного заряда.

Монах снисходительно слушал, крестился.

— Все... и подъятый меч, и воинство в руце божьей... доподлинно так... вся вселенная поклоняется лику его... и ныне, и в будущем, и во веки веков... Амен.

Жив ли монах? Здание монастыря сильно пострадало. Издали видны прямые попадания, штукатурка осыпалась, по всей высоте стены — рыжие пятна.

Пыль впереди развеялась. Под гусеницами громыхают камни шоссе. Автомобиль командира батареи сбавил скорость. Перед ним шли гаубицы. Кажется, 2-я батарея. Да, она. Двигалась вслед за 1-й.

На пути мост через Лугу. Дальше — перекресток. Справа подходили 76-мм пушки, слева — 122-мм гаубицы, навстречу шел конный обоз. За обочиной стояли в походном положении 37-мм зенитные орудия. Расположилась на привал пехота.

Наши батареи оставили дорогу. 1-я и 3-я повернули вправо, штабная батарея и 2-я — влево. Тянутся заросли, мелкий кустарник широкой полосой. Дальше, на склоне бугра, ржаное поле. Лейтенант Величко на развороте остановил колонну.

— Внимание... направо... слезай... привал.

Люди, припорошенные пылью, прыгают через борт.

— Произвести осмотр орудий, тягачей, поправить маскировку.

К тягачу шел старшина.

— Товарищ лейтенант, на кого похожи ваши люди? Поглядите,— он подозвал меня к машине.

В дверном стекле я увидел отражение своего лица: каска наперекос, болтался подбородный ремень.

— Извините меня,— продолжал старшина,— чему обучали в училище курсантов два года... не умеете одевать каску. Позвольте?

Одним движением старшина опрокинул каску, повертел в руках.

— В гражданскую войну перевидал всех сортов... Кайзеровские, французские, цесарские, американские... все продолговатые... Для нас интенданты делают каски по стандарту, круглые, как глобус... Чтобы унифицировать мозги... Нужна индивидуальная подгонка... видите? Дерматиновая ткань, тесемки... подогнать по голове просто, вот, пожалуйста,— старшина затянул тесемку.

Жесткая ткань подкладки плотно обнимала виски и затылок. Каска уже не болталась, но сидела неустойчиво. Обзор ограничен. Козырек по окружности нависающий над лицом.

— Конечно, ремешок,— старшина снова взял мою каску,— трет скулу. Но нужно подтянуть до отказа... неудобно?.. День-два и свыкнетесь. Товарищ лейтенант, надо объяснить огневикам правила ношения каски. Прошу также запретить порчу вещевого имущества. Каску они насаживают на пилотку. Так нельзя... один человек в двух головных уборах. Пилотки портятся. Где взять новые? Склад-то сгорел...

Лейтенант Величко и замполит слышали поучения старшины.

— Вы мне оказали услугу,— сказал командир батареи старшине,— нет надобности объявлять старшему на батарее замечания.

— Есть, товарищ комбат,— щелкнул каблуками старшина. Принялись подгонять каски младшие командиры, за ними — орудийные номера.

«Юнкерсы» нанесли еще один удар по Владимиру-Волынскому. Дым заволок всю центральную часть города.

— Внимание, по местам!

3-я батарея двинулась дальше. Гудит двигатель тягача, не умолкает гул в небе. Приближалась новая группа самолетов. «Юнкерсы» построились в круг, начали пикировать.

Зенитные батареи, вначале безучастные, открыли огонь, не приводя орудия в боевое положение. С первых очередей — попадание. Один самолет упал в черте города, другой — он входил в пике — врезался за мостом в болото.

3-я батарея прибыла в район сосредоточения. Шумная дорога осталась в стороне. Вокруг лес. Едва ли не под каждым деревом повозка, орудие, упряжка. Я сошел на землю, с кузова прыгали орудийные номера.

— Командный и начальствующий состав, в голову колонны!

Узкая просека занята орудиями 1-й и 2-й батарей, штабными автомобилями. Я бежал вслед за лейтенантом Величко. В колонне 8 гаубиц плюс 4, итого 12, сколько положено по штату.

Выходит, в материальной части дивизион не понес потерь. Старшина сообщил ложные сведения? Но лейтенант Величко объяснил, что 1-я и 2-я батареи были пополнены уже на ходу, за счет учебной батареи.

Строй — две шеренги — занял всю просеку. Впереди — майор Фарафонов, старший политрук, старший лейтенант Пашкин.

— Товарищи командиры и начальники! Сегодня на рассвете, без объявления войны, немецкие вооруженные силы вторглись в пределы нашей страны. Германия ни во что не ставит свои международные обязательства,— сказал, обратившись к строю, командир дивизиона.— В полосе обороны пятой армии главный удар нанесен, по-видимому, южнее Владимира-Волынского. Положение во Владимир-Волынском укрепрайоне неустойчиво... связь не восстановлена... Наши войска получили приказание атаковать агрессора всеми силами и отбросить его за государственную границу. Девяносто второй отдельный артиллерийский дивизион поступает в распоряжение начальника артиллерии восемьде-

сят седьмой стрелковой дивизии. Пехота двинулась в исходные районы и незамедлительно перейдет в наступление. Товарищи командиры и политработники! Нам первым надлежит нанести ответный удар вероломному врагу, продемонстрировать мощь огня нашей артиллерии... Да здравствует наша Родина, Коммунистическая партия и Советское правительство!

В ответ трижды раздается над просекой «ура!». Сомнений больше нет, мы знаем, что делать!

Огонь!

3-я батарея двинулась обратным путем к мосту на речке Луга. Орудия наново замаскированы свежей зеленью, заметно ободрились люди. Прочь неизвестность.

Навстречу летел «хеншель». Колонна пехоты начала дружную стрельбу. Корректировщик развернулся и стал набирать высоту.

— Воздух!

В небе «юнкерсы», три десятка. Ведущий сверкнул крестами, ринулся в пике. Зенитчики открыли огонь. Воют сирены, грохочут разрывы бомб.

Ни один тягач не сбавил скорость, не остановился. Черная тень «юнкерса» мелькнула за стеклом, самолет взмыл вверх. Попадание бомбы казалось маловероятным, я чувствовал себя в безопасности.

Вдали показался монастырь, деревья на окраине Зимно. В лесу, где находился запасный выжидательный район, колонна остановилась.

— Район ОП фольварк Октавиан,— объявил лейтенант Величко.— Тот же, что утром, несколько ближе к домам. Основное направление... сорок семь ноль... Готовность к открытию огня одиннадцать часов пятьдесят пять минут. Гаранин, старший огневого разъезда, вперед немедленно... Теперь, товарищ лейтенант,— командир батареи обратился ко мне,— постарайтесь... на ОП необходим твердый порядок и темп. Я уезжаю... все, по местам!

Возле тягача собрались командиры орудий. Бомбежка все же задела огневые взводы. Потеряны два орудийных номера. Имели повреждения орудия.

— По местам! Марш!

Остался справа фольварк Октавиан — восемь домов, в беспорядке разбросанные на поляне. Начальник огневого разъезда встретил орудия, развел по местам.

— Огневые взводы к бою... тягачи в укрытия!

В плоскости стрельбы — вырубка, торчат пни, на всем пространстве — кучи хвороста. По сторонам сплошной стеной высится нетронутый лес — бук, граб. В тылу ОП — мощенная щебенкой дорога с кюветами. Вдоль тянутся ряды рябины.

— Первое основное... основному сорок один пятьдесят... наводить в буссоль...

По данным, которые указал командир батареи при постановке задачи, 1-е орудие наведено в основное направление стрельбы. По 1-му — наводятся все остальные.

Подготовка огневых взводов к открытию огня закончена. С НП связь еще не установлена. Гаранин смотрит на часы. По его мнению, телефонисты опаздывали. Со всех сторон слышится грохот, гул самолетов. Опять ожидание.

Люди заняты в непрерывной работе. Разгружаются и сортируются боеприпасы, имущество, инструменты, принадлежности. Идет заготовка крепежных материалов. На очереди инженерное оборудование позиции, рытье ровиков, щелей, ниш под боеприпасы. Работа прекращалась только по команде «стой», чтобы перенацелить усилия орудийных расчетов.

Гаранин озабочен. Чем? До сих пор не выставлено охранение. Это упущение со стороны старшего на батарее.

Охрану позиции с тыла несет отделение тяги. Тягачи за кюветами под кронами деревьев. Патрулировать в плоскости стрельбы я не видел надобности. Наводчики безотлучно на месте и обязаны вести наблюдение. Гаранину следует ускорить работу по маскировке и оборудованию позиций. 2-й огневой взвод отстал от 1-го.

Гаранин, не обращая внимания, разворачивал карту.

— В конце вырубки лощина,— Гаранин ткнул карандашом,— вот... Отсюда по кромке леса во фланг... Первое орудие... сколько тут?.. шагов триста...

Пехота едва ли отважится атаковать позиции с фронта, а также со стороны флангов. Зачем преувеличивать?

Гаранин настаивал, он помешался на этой лощине. Меня раздражало упрямство командира 2-го огневого взвода. Спорит со мной, по какому праву? Пусть занимается делом и идет отсюда к своему месту.

— ...Есть на свое место,— взглянул Гаранин с видом убежденного человека.— Как угодно...— повернулся кругом.

Такое положение... Тут связи нет, а он?..— думал я, глядя вслед командиру 2-го огневого взвода. Лощина... лощина... а ведь он, пожалуй, не так уж не прав. Деревья в трехстах шагах. Я окликнул.

Гаранин нехотя вернулся. Я сказал, что согласен с ним. Нужно контролировать подступы. Парный дозор, достаточно? От 2-го огневого взвода.

Правота Гаранина вскоре подтвердилась. Наводчик 2-го орудия обнаружил телефонистов взвода управления только на расстоянии двухсот шагов.

Связь с НП установлена. Телефонист передал доклад о готовности огневых взводов и умолк. В чем дело?

— Товарищ лейтенант, передают... по пехоте... осколочно-фугасной гранатой... взрыватель РГМ осколочный, заряд второй... основное направление правее один ноль... уровень тридцать ноль... прицел сто восемьдесят, батареей... один снаряд, огонь!

Поданы команды. Время, положенное для наведения орудий, проверки и заряжания, прошло.

— Огонь!

Командиры орудий ждали. Проценко поднял руку с флажками.

1-е орудие готово произвести выстрел. Подняли свернутые флажки командиры остальных орудий. Готово, готово, готово!

— Первое!

— Орудие! — выкрикнул в ответ Проценко и опустил руку с флажком. Наводчик нажал спуск. Взметнулось пламя над стволом, орудие окуталось дымом.

— Второе!

— Орудие,— ответил Дорошенко.

— Третье!

— Четвертое!

Четыре мощных выстрела сотрясают воздух. Затухающие колебания звуковой волны опередил мягкий шелест улетевших к цели снарядов.

— Правее ноль двадцать, прицел сто девяносто шесть, батарея, четыре снаряда, огонь!

С треском ломалась деревянная укупорка, желтизной отливают гильзы в руках орудийных номеров.

— Огонь!

Стреляющий перешел на залповый огонь. Многоголосое эхо уносил с собой вдаль тяжелый басистый грохот. Всякий раз телефонист сообщал на НП — «очередь».

— Огонь!

Второй, третий, четвертый, седьмой, десятый раз производится залп — четыре выстрела.

Стреляющий вводил корректуры, изменял направление

стрельбы, дальность, одновременно то и другое, вел огонь батарейными очередями.

— Стой! — принял с НП телефонист.— Батареей... один снаряд, огонь!

— Стой! Прицел меньше... четыре... огонь! — Темп нарастал.

— Стой! По переправе... основное направление... правее... два ноль... батареей один снаряд... огонь!

Время 14 часов 20 минут. Более двух часов на позиции не затихает грохот. Ни одной паузы. Стрельба не прерывается ни на одну минуту. В задульных конусах сгорела растительность, обуглился грунт. Измельченная ударной волной земля поднялась серой непроницаемой пеленой в воздух. Подсошниковые борозды, подковой опоясавшие орудия, превратились в ров. Чудом уцелевшие маты удерживали орудия, и они не ушли вместе с лафетами в землю. Огневые взводы уже израсходовали более 600 снарядов.

Взвод боепитания парковой батареи трижды разгружал шесть трехтонных машин. И сейчас боеприпасы на исходе. Уже в течение 10 минут телефонист пытается передать об этом стреляющему. Поток команд с НП не останавливается.

На ОП духота. Штиль и безветрие. Стволы накалились. Даже за щитом на сиденьи наводчика жарко, как у открытой печи. Орудийные номера выбивались из сил. Огонь продолжался.

Для подноски снарядов и удаления стреляных гильз используются все, кто не занят ведением огня. Но заряжающие! В течение 15—20 минут каждый перемещал в полусогнутом положении тонну груза.

Время 16 часов 30 минут.

— Батарея, стой! — принял с НП телефонист.— СО... сто... буссоль... двадцать девять ноль... прицел двести десять... О готовности доложить.

Направление стрельбы изменялось на 15.00.[1] Перестраивается полностью фронт батареи. Орудия необходимо развернуть под прямым углом к прежнему направлению стрельбы. Огневым взводам нужно, по существу, занять новую позицию.

Работы закончены. В течение 10 минут 3-я батарея ведет огонь по району СО. Слышатся выстрелы других батарей.

— Стой! — поступила команда.

---

[1] 15 делений угломера, т. е. 90°.— *Авт.*

Наконец-то выпала минута оглядеться. Куда стреляла 3-я батарея? Траектория полета снарядов проходила через фольварк, и рвались они если не в тылу, то в пунктах, расположенных в глубине нашей территории. Пользуясь картой и приборами, я определил: район СО накрыл участок на дороге из Владимира-Волынского на Сокаль. Что же происходит? Уж не по своим ли войскам?

— Огонь! — И снова: — Огонь!

Время 17 часов 10 минут.

— Батарея, стой! Цель номер десять... четыре снаряда... беглый... огонь!

Фронт снова перестраивается. Стреляющий требовал вести огонь в неослабевающем темпе.

Взвод боепитания поначалу загружал пустые кузова машин стреляными гильзами. А теперь? У орудий образовались горы. Гильзы дымят, отравляют и без того застойный воздух. Вонь.

Доставлены снаряды. 250 выстрелов. «Куда разгружать?» — спрашивал воентехник.

— Огонь! Огонь! Огонь!

18 часов 10 минут. Первый перерыв. Прошло 3 минуты после батарейной очереди.

— По пехоте... батареей... один снаряд... огонь! — введены корректуры.— Усилить темп... быстрей... быстрей,— передавал телефонист с НП.

Но всему положен свой предел. Люди обессилели, держались с трудом. Огонь! Огонь! Нужно ворочать лафет, заряжать, наводить орудие, подавать снаряды... снова, снова и снова...

«Огонь!» — требовал стреляющий.— «Огонь!» — требовал старший на батарее.— «Огонь!» — требовали командиры орудий. Этого требовала совесть воина, мужская, сыновняя, родительская, гражданская и общенациональная совесть.

Что побуждало действовать Гаранина, сержантов, орудийных номеров? Нравственно здоровому человеку стыдно сознаться, показать, что силы иссякли, одолевает усталость, немощь, конечности налиты свинцом. Неловко, неприятно и неприемлемо перед командиром и теми, кто рядом, кто выполнял команды, повиновался и вел огонь.

Струился пот, пересохло в горле, пыль застилала глаза. Жара. Дышать нечем. Позиции пришли в состояние полной непригодности. Под стволами измельченный грунт обратился в порошок. И с каждым выстрелом колеса, лафеты садились все глубже, ограничивали откат стволов. Кучи стреляных гильз захламили пространство. Расчеты не справлялись

с обслуживанием орудий, не под силу. Для того чтобы его развернуть в новом направлении, я собирал людей всего взвода, всех, кто попал на глаза.

— Стой... расчет второго орудия, к первому... на лафет, быстрей!.. Быстрей!

Тем же путем орудийные номера возвращались «по местам». А телефонист не умолкал.

— Батарее... четыре снаряда... беглый... огонь!

После многих попыток удалось переговорить со стреляющим. Необходим перерыв. Дальше невозможно.

— Сколько займет времени восстановление ОП?.. Три — пять минут, говорите?.. Много... готовность две минуты, доложить!

Расчеты перекатили орудия на полсотни шагов вперед. Удлинялся путь подачи снарядов, гильз.

— Огонь! — без всяких поправок, на прежних установках. Угломер, уровень, прицел. Та же точка наводки. Люди часто пьют. Снаряжен тягач для доставки воды. Водовозы конфисковали на фольварке бочонки. Тягач курсирует по кругу от колодца к орудиям.

Десять, двадцать, тридцать батарейных очередей. Жара, пыль, дым. Тяжело невыносимо. Огонь! Не мешкать, ворочаться быстрей. После двухсот выстрелов грунт разрушался, позиции приходили в негодность.

Взвод боепитания доставил снаряды. Как подать их к орудиям? Со стороны дороги подступы завалены укупоркой, гильзами. С фронта — пни. Артснабженцы боялись. Чего? Если в плоскости стрельбы застряпет машина, воспламенится бензин. Тяжело груженные автомобили ползут в объезд препятствий, другого выхода нет.

Каска непригодна в условиях ОП. Я вынужден облегчить экипировку людей. Они освободились от противогазов, скаток, сняли оружие. Одежда оборвана, воротники расстегнуты, ослаблены ремни. Огневые взводы израсходовали 60 тонн боеприпасов.

Меня постигла напасть — охрип безнадежно. Как управлять? Жестами? Нельзя. Но вот выход найден. Я произносил команды на ухо орудийному номеру, он дублировал. Всем слышно?

Но голосовых связок и другого человека недостаточно. Дублеру понадобилась смена.

Когда орудия умолкали ненадолго, в тылу и с фронта, справа, со стороны Устилуга, слышался грохот. Южнее фольварка Октавиан поднимались столбы дыма.

Раздраженный непонятливостью дублирующего, я оглянулся. Диво. На дороге диковинный экипаж! Вращались колеса, струился пар. Нет ни кабины, ни кузова, обломки досок волочатся позади. Колесница остановилась, с сиденья свалился окровавленный человек. Неужели... начальник взвода боепитания?

— ...Разрешите доложить...— он едва не свалился, вовремя поддержал дублирующий.— Немцы захватили мельницу... наши склады... Я приехал на погрузку... начали стрелять... шофер убит... не помню, как доехал... никогда не садился за руль...

Принесли ведро воды. Подбежал санинструктор.

Значит, подвоз снарядов прекращается? А дальше? Дублирующий...

— Командирам орудий доложить наличие боеприпасов... Телефонист, сообщить немедленно на НП...

— Цель номер десять,— махал на дублера руками телефонист,— четыре снаряда... беглый огонь...

Когда последний из 16 снарядов был отправлен к цели, начали поступать сведения. На ОП меньше двух десятков выстрелов. Не может быть! Произвести заново подсчеты.

Командиры орудий знают определенно количество снарядов в комплекте НЗ [1] — 8 выстрелов, итого — 24. Вести огонь дальше нельзя. Я обратился к бланкам старшего на батарее. Графа расхода снарядов. В отчетах командиров орудий недостает более десятка выстрелов. Найти! Без всякого промедления! Разворошить кучу гильз и деревянной укупорки.

Положение на ОП доведено до сведения стреляющего. Немцы захватили водяную мельницу со стороны города, по словам артснабженца. Он ехал мимо монастыря. Боеприпасов нет и, по-видимому, не будет.

Наступило затишье. Наконец-то! Стреляющий осознал ситуацию. Я наблюдал за телефонистом, его лицо изменилось, из пунцового стало белым.

— Передают... старшему на батарее... в направлении позиции идут танки... Приготовиться к ведению огня прямой наводкой!

[1] НЗ — неприкосновенный запас.— *Авт.*

Внимание... танки!

Танки... танки... понятно, так... Я не ожидал. А орудийные номера? В копоти, нетвердо держались на ногах, отбрасывали гильзы, чтобы очистить свои места.

— Внимание... стой! — передавал дублирующий.— В район позиций двинулись танки... установить наблюдение... Первому огневому взводу... в направлении раздвоенного дерева справа фронта батареи, второму огневому взводу... куча хвороста на опушке леса. Поставить маскировку, готовность... одна минута.

Время 21 час 10 минут.

— Товарищ лейтенант, в лесу ракеты!

— Ориентир два... дальше... край вырубки... три красные ракеты! — объявил наблюдатель.

Красные ракеты? Сигнал ближнего охранения. Обнаружен противник.

— Внимание... все работы прекратить... по местам!

Кто заставил дозорных бросать ракеты? Пехота или танки? Похоже, дозорные возвращались... и довольно быстро. Новая серия ракет взлетела ближе, на бугре среди пней.

Танки... Едва ли станут тащиться по лесу. Скорее всего войдут в плоскость стрельбы. Но снаряды... немногим более полусотни... Произвести выверку прицельных линий я не успею... Нет, поздно. Пожалуй, хватит снарядов для отражения атаки.

Время 21 час 12 минут. Дозорные уже на виду, вопят во всю мочь: «Танки!»

Вырубленный участок — не целина. На карте обозначена просека... она сохранилась. Дозорный, переведя дыхание, доложил: танков — пять или десять. Сколько же все-таки? Пять или десять? А... какая разница! Танки... и этого достаточно.

Синеющая вдали предвечерняя дымка непроницаема для линз бинокля. Установилась гнетущая тишина. И вдруг — гул... невнятный, еле слышный... Пропал, возник снова. Гудят двигатели, и уже непрерывно, не затихая.

— Товарищ лейтенант,— телефонист не выпускал трубку,— разрешите доложить, передали с НП... отбой.

— Доложить... танки в пределах видимости.

Телефонист толковал с кем-то, ругался. Прекратить! Пусть передает немедленно!

— Товарищ лейтенант... мешает, включился кто-то в линию, посторонний... Вот, снова слышу, передают... отбой!

— Повторяйте в микрофон слово в слово... для команди-

ра батареи... снятие с ОП исключено... на подступах танки... орудия готовы к открытию огня.

Телефонист начал передавать, кричал в трубку. Я не мог отвлекаться и не слышал слов. И никто не слышал на ОП никаких звуков, кроме угрожающего рокота двигателей.

Стрелки показывали 21 час 15 минут. На фоне леса перемещаются темно-серые силуэты танков. Приземистые, как дот. Я видел в бинокль башню, короткий ствол, в открытом люке — танкист. Орудие качнулось, танк исчез ненадолго в складках местности, показался вновь. По следу стелется серым пятном дым выхлопных труб.

— Огневые взводы... внимание... танки с фронта!

Положение, сложившееся после полудня, вынудило меня привлечь в помощь орудийным номерам людей служб обеспечения. Артмастеров, водителей отделения тяги, старшего химинструктора, двух химиков, санинструкторов, двух рядовых из отделения связи с пехотой, двух радистов. Они подносили снаряды, разрушения на позиции не позволяли взводу боепитания подавать автомобили к орудиям. А затем убирали укупорку, стреляные гильзы, подвозили воду, заготовляли крепежный материал под орудийные лафеты и т. д.

Большинство из этих людей состояло в штатах огневых взводов, но рядовые из отделения связи с пехотой, химинструктор и санинструктор, два радиста, четвертый телефонист оказались на ОП случайно по той причине, что автомобиль взвода управления не подымал весь его личный состав.

По команде «Танки с фронта» все эти лица отводились в укрытие, к отделению тяги. Только остаются орудийные номера, чье место по команде «К бою» определено у орудия, а также оба телефониста, укрытые в своем ровике.

Команда призвала всех к вниманию. Мысли все прочь, помнить только обязанности.

Место старшего на батарее между первым и вторым орудиями, в 10—15 шагах позади. Он обязан вести наблюдение за танками, распределять цели между орудиями, управлять огнем, поддерживать на ОП уровень дисциплины, необходимый для стрельбы прямой наводкой.

Дальность 1300 метров. В поле зрения 4 танка. Остальные я не вижу, скрылись в складках местности. Дым, стоявший на ОП, стал перемещаться в другой конец вырубки.

Я подам очередную команду, когда расстояние уменьшится. Танки, вероятно, не минуют поляну, свободную от пней, посредине кучи хвороста или копны.

Два танка миновали ориентир № 3, кучу хвороста. Взятый курс приведет их на бугор, где темнеет мелкая поросль.

Еще четыре, по меньшей мере, танка следовали рассредоточенно позади. На рубеже ориентира № 3 они как будто становились в колонну.

Орудийные расчеты замерли в ожидании. Дальность уменьшилась. Слышен лязг гусениц.

Надежда на внезапность, которую я питал вначале, исчезла. Зачем оставлять лесную просеку и тащиться на виду, по вздыбленным пням вырубки? Танкисты знали, куда идут. Но продолжать движение дальше походным порядком они не решатся. Да, несомненно, танки начали маневрировать, увеличили скорость.

— Первому огневому взводу... по двум головным, второму огневому взводу... по группе, которая вышла к ориентиру шесть... осколочно-фугасной гранатой, взрыватель РГМ, фугасный, заряд полный... угломер... тридцать ноль, уровень... тридцать ноль, прицел восемь.

— Восемь... восемь... восемь,— один за другим вторили командиры орудий. Передача команд закончилась, перемещаются гаубичные стволы. Наводчики проворачивали маховики наводки. Заряжающий громко произнес наименование снаряда. Лязгнули четыре досланные гильзы, закрылись четыре затвора. Орудия готовы к выстрелу.

И снова ожидание.

— Пятый номер, шестой... прекратить разговор...— сиплым голосом обращался к расчету сержант Дорошенко.

Телефонист, не умолкая, говорил что-то в трубку.

Вспыхнуло пламя, громыхнул выстрел. Танки открыли огонь. Снаряд лег в створе со 2-м орудием. Затем — еще три. Один перелет, два недолета.

Снова свистели над моей головой осколки. Утренний обстрел... налет «юнкерсов»... И вот — танки... Многие утверждают, будто в минуту опасности память возвращается вспять, оживляет позабытые впечатления. Я не могу этого подтвердить. В такие мгновения — не до воспоминаний. Близкие разрывы ударяли больно по слуху. Будто отключилось сознание. Лечь, укрыться, исчезнуть. Нет, страх не коснулся моей души, но состояние жуткое, ошеломляла близость смерти, непостижимое присутствие ее. В то же время меня властно влекла возможность противостоять, предчувствие последующих мгновений, того, что произойдет по моему слову.

Снаряд разбросал позади кучу стреляных гильз. Орудийный номер, дублирующий команды, бросился на землю, лицо — искаженное ужасом. Он не в состоянии выполнять свою роль. Что, собственно, происходит? Стреляли танки,

орудия молчат. Да, огонь прицельный... но поединок не начался... Кто определит исход? Неизвестно. Я стоял у буссоли, на своем месте, уверенный в том, что удар, решающий участь орудийных расчетов и мою собственную, еще не нанесен.

У орудий выкрики, рвались один за другим снаряды. Тот лег, другой укрылся в нише. Вернуть! Длится ожидание... еще... еще... и еще.

Дальность 800 метров, 750, 700. Пора.

— Огонь!

Дрогнула земля, взметнулась пыль, тяжело прогрохотали гаубицы. Головной танк исчез в мгновение ока, скрылся в облаке дыма и пламени. После второго выстрела 2-го орудия получил прямое попадание еще один танк.

Командиры орудий ведут огонь самостоятельно. 4, 7, 10 выстрелов. Позади танков по краю вырубки образовалась густая белесая завеса. Там сверкало пламя. Танки продолжали обстрел.

Один остановился, за ним еще один. Меняют курс? Поворачивают обратно... назад к ориентиру № 3... танки отходят!

— Огневые взводы, стой! Ориентир четыре... по отходящим танкам... огонь!

Снаряды ложились ближе к центру участка вырубки, вздымались пыль, дым. Большая часть — с рикошета улетала вдаль. Соприкосновение с землей под острым углом 45-килограммового снаряда приводит к смещению центра тяжести относительно первоначальной траектории. Дальнейший полет сопровождается рысканием и вызывает мощные звуковые колебания. Эхо усилило их, и они сотрясают воздух громовыми раскатами. Некоторые в испуге бросались на землю.

— Стой!

Атака, по-видимому, отражена. Но обстрел не прекращался. Снаряд, посланный с большой дистанции, разорвался между орудиями.

— ...Стой! Второму огневому взводу продолжать наблюдение в секторе стрельбы... Первому огневому взводу выслать охранение в сторону горящего танка, произвести осмотр... Доложить наличие боеприпасов всех видов... Телефонист, связь!

Я ожидал минуту, другую. Переговорить с командиром батареи так и не удалось. НП не отвечал. Почему? Вразумительно объяснить телефонист не мог. Что же с телефонной линией? Надвигается ночь...

Нужно осмотреть ОП. В каком она состоянии? Где танки?

Доносились стоны. На позиции 2-го орудия переносили раненых. Началась перевязка.

Огневые взводы потеряли семь человек. Два погибли, пять ранены. Одно орудие выведено из строя и к стрельбе непригодно. Два других получили серьезные повреждения. Близкий разрыв привел в негодность тягач 2-го орудия. Гаранин вместе с командирами орудий считал снаряды: на ОП всего пять выстрелов.

Появилась связь. Телефонист повторил приказание сниматься. Огневые взводы, предположим, оставят позиции, а куда двигаться? Пусть телефонист пригласит командира батареи к телефону. И танки... где они? Разведгруппа не вернулась.

— Для старшего на батарее... отбой, огневые взводы отвести к развилке дорог севернее фольварка Октавиан. Свет не включать. По прибытии установить местонахождение других батарей, организовать охранение... ожидать!

Время 22 часа. С командиром батареи переговорить не удалось. Телефонист с НП подтвердил «Отбой».

Наступали сумерки. Отсветы пламени в районе ориентира № 5 делались ярче. Один из подбитых танков горел костром, освещая пни вокруг.

Слышались приглушенные голоса. Орудийные номера подкатывали передки к тяжелым гаубичным лафетам. Прибыли тягачи. Закончилось захоронение погибших, погружены раненые. Орудия снялись с позиции.

Итог дня

В угрюмом молчании провожали колонну разбросанные за обочиной хаты фольварка. Со всех сторон взлетают немецкие осветительные ракеты. Становится видимым ландшафт на удалении винтовочного выстрела. А дальше — черная непроглядная темень и еще что-то таинственное, враждебное человеку, что скрывается всегда во мраке тревожных ночей... Зыбкие, мигающие пятна света. Картина удручающая. До этого дня я не знал, что немецкие войска широко применяли на поле боя индивидуальные средства освещения местности.

Как обстановка? Я не имел сведений, но положение огневых взводов представлялось вполне отчетливо. Снаряды израсходованы. На исходе горючее в баках. Есть шансы по-

полнить израсходованные ресурсы, если склады в руках противника? Можно сомневаться в достоверности сведений, доставленных артснабженцем, но почему прекратился подвоз боеприпасов и топлива? И светят ракеты вокруг!

Стали вырисовываться очертания машин, орудий. Тягач остановился. Я прошел дальше. «Стой!» — раздался окрик. Караульный от 2-й батареи. Где командиры? Ушли в голову колонны, вызвал кто-то из старших. Мой дублирующий вернулся обратно. На обочине я неожиданно столкнулся с лейтенантом Величко.

— Сожжены два танка... немецкие? Вы уверены? — вопрос ошарашил меня. Неужели командир батареи сомневается?

— В район ориентира пять направлена разведгруппа... выяснить положение в конце вырубки. Она не может пройти мимо горящих танков.

— Сколько их было? Шесть?.. Два сожжены... куда ушли остальные? Почему не сообщили мне?.. Почему огневая позиция не принимала команд? Безобразие... Я доложу о вашем поведении командиру дивизиона.

Вести огонь по танкам и выполнять одновременно команды стреляющего? Это уж слишком! Телефонисты несли какую-то чушь... отбой, отбой... я передал о появлении танков... и не отвечаю за постановку службы на НП.

— Отбой был объявлен...— командир батареи взглянул на часы,— двадцать пять минут назад.

Ничего подобного. Первая команда принята в 21 час 15 минут, в то время, когда танки начали обстрел.

— Вздор!

— Но вот... мои записи... если недостаточно, я вызову телефонистов.

Лейтенант Величко осветил фонариком бланки старшего на батарее и умолк. Явились телефонисты. Поздняков начал разбирательство. Одни утверждают, что неоднократно с 21 часа поступало требование «отбой». Другие запальчиво отрицали, команда на снятие была передана только в 21.35.

Командир батареи прекратил диспут. В телефонную линию включились чужие аппараты. Диверсия?

— Что же это такое? — спросил Величко.— По какой цели вы произвели последний выстрел?

С помощью Позднякова я листал записи.

— Ну, что же... мы накрыли ее по всем правилам,— проговорил в утешение самому себе командир батареи.— Но... мерзавцы... дурачили нас столько времени!

База — расстояние между НП и ОП — 8 километров. Всякий желающий имеет возможность включиться в телефонную линию такой протяженности.

— Так что там... с потерями? Продолжайте.

Командир батареи расстроен, спрашивал, слушал с явным безразличием.

— Орудия подтяните вплотную ко второй батарее... выставить охрану. Ремонт тягача прекратить, отзывайте людей.

Танки, мне казалось, не дальше 4—5 километров.

— Вы думаете? Разверните в таком случае одно орудие для прикрытия дороги... направляйте к фольварку дозорных.

— Командиры батарей и политработники, в голову колонны,— слышалась команда.

Лейтенант Величко ушел. Поздняков заинтересовался обстановкой на ОП перед появлением танков, фамилиями погибших огневиков, раненых. Потери взвода управления — 9 человек.

— Лошади разбежались. Ни одна повозка нашей части не вышла из монастыря... Что делать с ранеными? — Поздняков стал рассказывать о том, что происходило в районе НП.— В общем положение неопределенное, если не сказать больше... кретины...— Поздняков имел в виду диверсантов на телефонной линии.— Хорошо, что не артиллеристы... чего доброго, заставили бы вас вести огонь по НП...

На словах шутки, в голосе — тревога. Поздняков подавлен.

— Как дальше?... Кругом ракеты... не верю... если на других участках хуже даже в десять раз, чем было днем в секторе 3-й батареи, все равно немцы не могли продвинуться далеко... Наверное, лазутчики,— он присел, долго чиркал спичкой, раскуривая папиросу,— ну и денек...

Ночь предстояла, кажется, еще похлеще. В бледном свете ракет обрисовывался ночной горизонт. На востоке полыхало зарево. Слух ловит отдаленный орудийный выстрел, стук пулеметной очереди.

А тут, в двух километрах от фольварка Октавиан, тихо. За обочинами — поля. По одной стороне рожь, по другой — сеяные травы. Тянет прохладой, тонким ароматом цветов. Перекликаются перепела.

Командир батареи запретил личному составу удаляться от орудий более чем на десять шагов. Не создавать помех для караулов. В кювете, у тягачей и орудий, курят утомленные люди, обмениваются вполголоса мнениями о событиях дня.

К орудию, которое прикрывает колонну, доставлено все, что имелось в огневых взводах — 6 осколочно-фугасных гранат. Гаранин кончил инструктаж командира. Подошла разведгруппа.

— ...Самый крупный кусок брони на месте танка... не больше противогаза,— утверждал старший.— Воронка от снаряда... поместится свободно тягач вместе с орудием.

Сержант сложил трофеи на шинель: горсть коротких пистолетных патронов с выточкой на фланце, небольшую деталь цилиндрической формы с обрывком шланга, по всей вероятности датчик со щитка приборов. На панели фосфорисцирующие надписи на французском языке. Значит ли это, что подбитый танк французского производства? Или оснащен французскими приборами? По обрывкам документов, изъятых у членов погибшего экипажа, установлено, что танк принадлежал разведывательному батальону 14-й танковой дивизии.

Возвращение разведгруппы вытеснило из головы невеселые мысли. Явился посыльный, сержант Белый и оба тракториста.

— Товарищ лейтенант, вы отозвали людей? — спросил Гаранин.

— По приказанию командира батареи.

— А тягач? Сержант сказал, работы осталось всего на четверть часа.

— Мне приказано людей вернуть в колонну.

— Понятно,— протянул Гаранин,— а орудие? Артмастера говорят, у инженера Попова нет нужного оборудования для ремонта.

— Я доложил командиру батареи... вернется, скажет.

— Снаряды, горючее... баки почти сухие,— не умолкал Гаранин.

Я знал не больше командира 2-го огневого взвода. Гаранин слышал, как встретил меня лейтенант Величко. Ему известно положение.

— Вы оба здесь? — послышался голос Позднякова.

— Да, дежурное орудие,— Гаранин курил, прислонясь к щиту.— Опять ракета. Расстояние, по-моему, не более километра.

— Пожалуй,— согласился Поздняков,— говорят, Владимир-Волынский захватили немцы... как-то не верится.

— Эта новость поступила на ОП еще в девятнадцать, нет, в двадцать часов.

— Почему не сообщили?

— Поздняков, вы, кажется, слышали препирательства телефонистов... Почему не было доведено это сообщение до стреляющего?

— Я находился в ячейке телефонистов... не припоминаю...

— Какая разница,— Гаранин умолк.

— Кто сказал о занятии Владимира-Волынского? — спросил Поздняков.

— Начальник взвода боепитания...

— Сомнительный источник...

— И мне так казалось,— Гаранин вздохнул,— да вот...

Прибежал посыльный. «В голову колонны!»

Началось построение. Команды подавал старший лейтенант Пашкин. Потом он шагал в темноте перед строем минуту, другую. Прибыл командир дивизиона.

— Товарищи командиры и начальники! В полосе Владимир-Волынского укрепленного района обозначились две основные группировки немецких войск,— начал майор Фарафонов.— Первая развивает наступление на Любомль, Ковель. Другая, значительно большей численности, в ее составе преимущественно танковые и моторизованные соединения, нанесла удар в направлении на Горохов... В промежутке между этими двумя направлениями давление противника слабее... Западнее Млынска части 41-й ПД[1] противника после форсирования реки Западный Буг контратакованы нашей пехотой и отброшены в исходное положение. С начала боевых действий и в последующие часы на рубеже Устилуг — Хотячев — Млынск уровские батальоны, совместно с частями 87-й СД, при поддержке дивизионной артиллерии 85-го, 286-го ГАП РГК[2], 92-го ОАД, 264-го КАП не позволили противнику вклиниться в глубь тактической обороны... Однако танковые части, вероятно, они составляют фланговое обеспечение южной группировки противника, во второй половине дня вышли в район огневых позиций нашей артиллерии и захватили Владимир-Волынский... Части 87-й СД отошли под прикрытие узлов обороны к Устилугу. Туда же последовали поддерживающие подразделения дивизионных артиллерийских полков... С двадцати часов связь с командным пунктом начальника артиллерии, а еще раньше с пехотой и командным пунктом коменданта укрепрайона, потеряна.— Майор Фарафонов остановился на действиях дивизиона. Около 13 часов огневой налет, произведенный в

---

[1] ПД — пехотная дивизия.— *Авт.*

[2] РГК — резерв Главного Командования.— *Авт.*

составе дивизиона по району переправы, сорвал попытку противника форсировать Западный Буг восточнее Хотячева. Рубеж НЗО близ населенных пунктов Паромув и Янув преградил путь немецкой пехоте вплоть до вечера. Огнем с закрытых позиций и прямой наводкой подразделения дивизиона подбили и уничтожили более десяти танков. Командир дивизиона выразил признательность командирам 1, 2, 3, 4-й батарей и их личному составу. Его огорчают итоги дня. Все усилия уровских батальонов, подразделений нашей доблестной пехоты и поддерживающей артиллерии оказались тщетными. Противник вышел в тыл, Владимир-Волынский потерян, перерезаны пути сообщения, прекратилось снабжение, боеприпасы израсходованы, нет топлива в баках тягачей. Нарушено взаимодействие частей и подразделений, связь со старшими начальниками прервана. Подразделения дивизиона лишились возможности следовать за теми, кто отошел к Устилугу. Занять оборону и сражаться на месте? Майор Фарафонов считал необходимым использовать оставшиеся боевые способности подразделений 92-го ОАД лучшим образом. Он, майор Фарафонов, принял решение вывести из строя орудия, тягачи и все транспортные средства сжечь. Другого выхода нет...

Водворилась мертвая тишина. Майор Фарафонов продолжал:

— Командирам подразделений подготовить личный состав к движению. Ближайшая цель... выйти к своим войскам и сражаться до конца, как велит присяга. Порядок движения: штабная батарея, первая, вторая, четвертая учебная, тыловые подразделения, третья батарея. Меры походного охранения: штабная батарея высылает головную походную заставу, взвод разведки вперед по направлению движения на удалении пятисот шагов. От первой батареи...— взвод. Боковая застава от второй... слева. Взвод от третьей батареи... тыльная походная застава. Заставы высылают парные дозоры... вперед, назад, в сторону. Дистанция между подразделениями по особому приказанию. Я иду со штабной батареей. Управление через посыльных. Ко мне выслать от каждой батареи через пять минут после начала движения. Обращаю внимание всех начальников на воинскую дисциплину. Всякое отклонение от норм наших уставов рассматривается, как чрезвычайное. Сверяю время... двадцать три часа тридцать две минуты... Движение начать через пятнадцать минут... Походный порядок принять через полчаса... Выделенные для работы команды возвращаются в подразделения не позже чем через четверть часа. Все... по местам!

Передо мной брел, не разбирая дороги, лейтенант Величко. В мерцающем свете ракет вырисовывались контуры орудий. Лейтенант Величко споткнулся. Невыносимая усталость будто вязала ноги. Сегодня я готов был ко всему, но то, что произойдет в ближайшую минуту или две, претило моей воинской совести. Лишиться орудий после всех злоключений! Все уйдут... Я уйду... брошенные гаубицы останутся.

— Внимание... третья батарея... становись! — подал команду лейтенант Величко.— Солдаты третьей батареи, мои товарищи! От имени командира дивизиона и своего лично выражаю вам признательность за службу! Наша пехота, уровцы, пограничники мужественно сражались, отстаивая свои позиции... Огонь наших орудий преграждал путь врагу, поддерживал пехоту в контратаках, в результате которых на ряде участков немцы были отброшены в исходное положение... Взвод управления, разведчики, связисты, топографы обеспечивали стрельбу, оборонялись вместе с пехотой, без устали трудились у орудий огневики... отразили атаку танков...— Изложив обстановку, которая сложилась к вечеру, лейтенант Величко продолжал: — Противник со всех сторон... Наша задача... выйти из блокированных районов и продолжать сражаться... Командир дивизиона возложил на третью батарею прикрытие походной колонны с тыла. Второй огневой взвод составляет тыловую походную заставу. Вам, Гаранин, назначить парные дозоры... назад, вправо и влево... выводите взвод в сторону фольварка... двести шагов, марш!.. Поздняков, вместе с командирами орудий, снять панорамы и затворы орудий... поджечь по моему сигналу тягачи... сверяю время... ноль часов пять минут... действуйте... внимание, всем проверить оружие, патроны... Через пять минут начать движение. По местам!

Выкрики, беготня, шло построение во взводные колонны. Лейтенант Величко стоял, не двигаясь, на месте. «Третья батарея... в походную колонну... повзводно... становись!»

Лязгнул гаубичный затвор, хлопали дверцы тягачей. Расчеты удалялись в темноту шагом пехоты. Не подавлен, не искоренен дух, присущий воину, они полны решимости идти и повиноваться.

Стелется под ногами трава. Взлетают, опускаются, гаснут ракеты. Изредка слышатся команды, шум движения. Батареи идут одна за другой.

В лощине мелькнули огни — красные и белые — сигнал жечь машины. И вот уже пылают факелы. Оружие артилле-

ристов, наши гаубицы — они безотказно служили под разрывами бомб и снарядов — теперь брошены в пламени. Не достанутся в исправности противнику.

Направление атаки — угол дома

0 часов 45 минут, 23 июня. Второй день войны. Вокруг взлетают ракеты. Нельзя определить расстояние. На взлете кажется далеко, ослепляет яркий свет, затем горизонт надвигается, рукой подать.

Раздался слева впереди выстрел, простучала короткая пулеметная очередь. Слышатся возгласы, топот бегущих людей. Оба взвода 3-й батареи разворачиваются в цепь, принимали влево уступом за 2-й батареей. Росистая густая рожь выше плеча, стебли лезут в лица.

— ...В цепь!

Минуту назад я принял 1-й огневой взвод. Нужно ускорить бег, чтобы сохранялась связь со взводом управления. Короткие свистки командира батареи позволяли кое-как ориентироваться в темноте. Доносятся выкрики людей взвода управления. Я узнал голос телефониста. Позади бежал Проценко, еще кто-то с ручным пулеметом. Всего их в 3-й батарее три, по одному в каждом взводе. «Свои, свои»,— слышались возгласы.

— Кто там еще? — раздался окрик командира батареи.— Никаких своих... только пароль... иначе стрелять! Командиры взводов, слышите?

Лейтенант Величко бежал дальше, за ним еще два-три человека.

— Внимание, всем занять места в колонне... продолжать движение.

Повод для тревоги подала боковая застава от 2-й батареи. Она обнаружила во ржи группу людей — пехотинцы и пограничники. Не отвечали на пароль. За первой группой встретилась другая. Снова выкрики. Пехотинцы не соблюдают походный порядок: отстают, разбредаются. Колонна топталась на месте раз за разом.

Время 1 час 45 минут. Перестроение в цепь, опять остановка. На пути река, кажется, Луга. Командир батареи передо мной шагнул в воду. Слышатся всплески. Ил, водоросли путаются по ногам, холодная вода поднимается к поясу, выше, к подбородку. Подхватило течение, я не чувствовал дно. Добрался вплавь до берега.

— «Мария», «Ольга», не задерживаться, не отставать,— называл позывные батарей громкий голос,— «Татьяна», отзовитесь.

В прибрежных зарослях испуганно взлетают птицы. Под ногами болотце, начинается твердая почва, снова поле.

Все более светлеет небосвод. Близится рассвет. Перед собой вижу замыкающие шеренги 2-й батареи, позади на склоне тыльная походная застава — взвод Гаранина.

Три-четыре сотни людей оставляют во ржи широкую утоптанную полосу. Потрескивают под ногами сочные стебли. Голова колонны скрылась в овраге. Справа на буграх деревья, крыши каких-то строений. Вдали купола церкви. По-видимому, северо-восточная окраина Владимира-Волынского.

1-й огневой взвод поднимался к гребню. Сколько же подразделений в колонне? Штабная батарея, она впереди, примерно в километре за ней 1-я, следом 2-я, нет, не похоже. И не тылы... Да, оба смешанных подразделения: пехотинцы, пограничники, уровцы. Одно — двигалось за 1-й батареей, другое — после дивизионных тылов. 2-я батарея снова натолкнулась на людей. Кажется, это пехотинцы, не более десяти-пятнадцати.

3-я батарея перевалила через гребень, вслед за колонной втягивалась в лощину. На склонах — рожь, пшеница. Цепь со стороны боковой заставы мало заметна, а назад взглянуть — как на ладони. Выдают следы, оставленные множеством людей.

Явился командир батареи. Наша задача — перейти ковельскую дорогу. Дальше — в лес на другой стороне. Соблюдать осторожность, на виду окраина занятого немцами Владимира-Волынского.

Поступили дополнительные сведения. Связной командира батареи сообщил, что дозоры батареи управления обнаружили немецкие танки. Нужно оповестить тыльную походную заставу.

Удастся ли войти в лес? Сколько людей... подразделения растянулись более чем на километр. Бежит связной...

— Внимание, приготовиться к атаке! Направление 1-му огневому взводу... угол красного кирпичного дома. Стрелять только в том случае, когда начнет батарея управления.

Красный кирпичный дом... расстояние шагов 600. Под забором танк, позади еще один, и еще. Всего около десятка, как шли, так и остановились в колонне. Машины с крытыми брезентом кузовами. Где люди?

— Первый огневой взвод, принять вправо, бегом... марш! — крикнул командир батареи.

Орудийные номера растянулись. «Сократить интервалы... Шире шаг!»

2-я батарея заняла весь склон, перестраивалась, 1-я залегла. Почему?

— Ложись, по-пластунски...— поступила команда.

В нескольких шагах справа, подминая рожь, полз Проценко, слева — орудийный номер, он поминутно оглядывается.

— Товарищ лейтенант... а если немцы заметят... экипажи в танках? — спрашивал взволнованно.

— Сейчас выясним... не бойтесь,— появился командир батареи и пошел дальше по цепи,— ну-ну... корпус от земли не отрывать, не задерживаться... Вот там лес...

Рожь лезет в лицо, ломаются стебли. Опять связной. Приказано не стрелять левее высоких деревьев. Там штабная батарея. Наш взвод управления будет бросать гранаты. По танкам и машинам стрелять только по сигналу. Если танки двинутся, бежать повзводно через дорогу напрямик. 1-му огневому взводу на опушке леса занять позицию и обеспечивать прикрытие со стороны крайних хат.

Удастся ли атака? Поздняков говорил, во взводе всего несколько гранат... К опушке не более трехсот шагов через дорогу.

Я приподнялся. Людей возле танков не видно. Спят или притаились? В створе с четвертым танком красный дом. Далее вершины деревьев, целый ряд. 1-я батарея еще на месте, 2-я продвигалась в огороды.

Связной принес еще один пулемет. Передать старшему сержанту Проценко? Нет, оставлю себе. Не нужно отвлекать командира орудия. Я стрелял в училище два-три раза. С меня достаточно второго номера, управлюсь. Совмещение обязанностей пулеметчика и своих собственных.

Расстояние сокращалось. Уже пришли в движение цепи 1-й батареи. И вдруг выкрики, топот. Что такое? Позади люди, валят толпой, обгоняя друг друга. Кажется, те, что присоединились ночью. Они должны переходить дорогу позже, одновременно с 3-й батареей.

— Аларм, аларм!..— в ближнем дворе немцы, стучат крышки люков.

Штабная батарея начала стрелять.

— Огонь!

Выстрелы раздаются со всех сторон. Оба пулемета 1-го

огневого взвода молчат. Стрелять через головы своих я не решался.

— Третья батарея, встать! — лейтенант Величко поднялся.— За мной, бегом... ложись!

Треск выстрелов, возгласы. 1-я батарея поворачивала к дороге. Следом 2-я батарея. Близко, не более двухсот шагов. Штабная батарея отходит, она ближе всех к танкам.

— Огонь... целиться лучше,— ободрял кого-то лейтенант Величко,— огонь... не бойтесь, успеем добраться.

Вслед за другими я прыгнул через кювет. Под ногами серый угловатый булыжник, кто-то споткнулся, упал. Часто щелкают, визжат пули. Пулемет из танка посылал одну очередь за другой.

Опушка близко. Взвод управления уже скрылся меж деревьев. Орудийные номера рассыпались под соснами. 10—15 немецких пехотинцев двигались перебежками в огородах, стреляли. Я нажал спуск пулемета. Мой помощник укрылся под деревом, перевел дыхание. Диск пулемета опустел, помощник поставил новый. Диск не садится в гнездо, затвор не захватит патрон. Танки ведут огонь с места, два-три пятились — открыть остальным секторы для стрельбы? На улице все больше немцев. Нет, опушка немецких пехотинцев не интересовала, бегут, направляются наперерез к дороге, строчат из автоматов.

— Огонь!

Стрелял Проценко, орудийные номера. Наконец, диск подчинился, щелкнул. Толчком отдавались в плечо короткие очереди. Слева часто стреляли люди, кажется, 2-й огневой взвод. Возле машин большая группа немцев. И эти повернули к опушке. Немцы строчат из автоматов, ложатся, вскакивают.

Со стороны домов рассеивал длинные очереди пулемет МГ. Звонко щелкают пули. В лицо ударил ком земли, под локтем образовалась выемка. Разрывная пуля? Одна... еще одна воткнулась в дерево, дымится. Кусочек сплюснутого свинца на выходе застрял, взбугрилась кора. Обыкновенные пули в земле оставляли воронки.

Огневики дружно стреляли из карабинов, татакал РПД [1]. Немецкие пехотинцы укрылись под бугром в песчаном карьере. А там, на дороге, что творится? Невероятно... толпа не успела рассеяться, танк въехал в гущу, утюжит шоссе.

---

[1] РПД — Ручной пулемет Дегтярева.— *Авт.*

Жив ли лейтенант Величко, и где 3-я батарея? Позади мелькали каски. Уходил 2-й огневой взвод. Гаранин так и вел в касках людей от самого фольварка.

Танки, закончив на дороге свою страшную работу, поворачивали к опушке. Четыре танка стали преследовать метавшихся людей. Никто уже не перейдет ковельскую дорогу. Сохранившие способность двигаться, бежали назад, ища спасения в овраге. Оставаться 1-му огневому взводу на опушке? Нет, встать, Проценко старший, всем в глубь леса, марш!

Танки начали обстрел. В ветвях деревьев рвутся снаряды. Проценко кричал кому-то на ходу. Приближаются, бегут немецкие пехотинцы.

Мой пулемет стрелял короткими очередями. Я видел, кажется, пыль, поднятую пулями под ногами бежавших автоматчиков. Помощник сменил второй, третий диск. Прошла еще минута.

— Товарищ лейтенант... бежим? — помощник в двух шагах приткнулся у самого корневища головой.

Немцы слева уже на опушке. Шесть танков стояли за оврагом. На ржаном поле тащились несколько человек с поднятыми руками. Это те, кто уже лишен выбора. Им уготовлена участь пленных — дорогая цена, и ее должна платить личность за собственную слабость и еще больше за ослабление дисциплины в военных звеньях общества, которому призван служить воин. Если бы люди, которые присоединились ночью, не подняли паники!

Диск опустел. Помощник снарядил новый, торопливо вернулся под сосну. Вовремя! Очередь МГ полоснула перед стволом РПД, подняв песок.

— Товарищ лейтенант...— опять слышен голос.

Не следует спешить, успеем... нас двое — он и я — уйдем.

— Еще диск?

— Так точно... один... последний...

Я не решался расходовать НЗ. Помощник может уходить. Пора уже. Я догоню.

Но он не ушел... зачем остался? И я не настоял.

Пехота все ближе и ближе. Я не мог прервать очередь. Толчки в плечо прекратились. Диск опустел. Все, теперь быстрей в лес. Ну?! Молчание. Второй номер не отвечал. Я к нему. Зажав руками окровавленную шею, орудийный номер не шевелился. Он был мертв.

Недалекая очередь МГ заставляла спешить. Я не мог бросить диски — снаряженный и пустые — взять хотя бы два-три. Как?

Немцы уже строчили сбоку, позади. Отсекают опушку! Я бежал, в одной руке пулемет, стопор не держал, и сошки болтались, цепляли ветки, в другой — диски плоские скользят, ни прижать, ни перехватить, бинокль, планшетка.

В глубь леса... от одного дерева к другому. Слева — ковельская дорога. Танки еще гонялись за людьми. Уйти подальше, немцы в лесу, преследуют ушедшие подразделения.

Разорвался в ветвях снаряд, посланный наугад из танка. Гулко выстукивала дробь очередь МГ. В глубине леса деревья пониже, заросли. Удалось перехватить кое-как неудобную ношу. Можно убавить шаг, оглядеться.

Треснули ветки. Мелькнула за кустом тень. Старший сержант Проценко?!

— ...Товарищ лейтенант, живы? — он принял пулемет.— Вернул командир батареи... за вами, говорит... такая кутерьма...

На излете просвистела пулеметная очередь. Позади разорвался снаряд, потом еще два.

— Гонятся... бежим, товарищ лейтенант... сюда ушел командир батареи...— Проценко тычет стволом.

Вместе со старшим сержантом два орудийных номера. Они собрали в подсумках патроны, еще снарядить один диск. Я только отвернулся, вдруг — очередь. Стрелял Проценко. Зачем? Напрасная трата патронов.

— Виноват... пугнуть автоматчиков,— оправдывался Проценко,— не отстают, увязались... нахалы.

Поросшая лопухами и осокой поляна делалась топкой. И уже под ногами болото. Кочки, жидкая ржавая тина поднималась все выше, затекала в голенища.

В лесах и болотах

Наступило утро. 4 часа 30 минут. Среди деревьев птичий гомон и ничего более не слышно. Ни стрельбы, ни скрежета гусениц, ни человеческих воплей, ни команд. Тишина. Утренний туман торопливо убегал, оставляя за собой сырость.

Поднималось солнце. Падали лучи на мшистый покров. Капли непросохшей росы, пронизанные светом насквозь, переливались россыпью изумрудов. Стоял тяжелый дух болот.

3-я батарея — взвод управления и 1-й огневой — бредет вслед за 2-й. Люди проваливаются до колен. На поверхности

болота кувшинки, лютики, глубже — коричневый торфяной ил в переплетении корней. И кочки. Гребешком топорщится жесткая корявая растительность. Для обмана, будто на твердой почве.

Я прыгал с одной кочки на другую. Когда удавалось, хватал ветку, сорвавшись, погружался в болото. Прыгали все, проваливались по колено и глубже, по пояс. Промахи становились чаще. Неудачник барахтался, другие прыгали дальше.

— Не терять дистанции... шире шаг... не отставать,— слышатся окрики то впереди, то рядом.

В болотных зарослях духота. Солнце уже жжет с вышины. Донимает жажда. Колонна не изменила походный порядок, принятый еще вначале, в районе фольварка Октавиан. Требовалось все больше усилий.

Создавали помехи люди из тыловых подразделений 87-й СД и пограничники. Они присоединились к дивизиону в разное время. Своих командиров не имели, а лиц, назначенных из их числа, не слушались. Говорят, перед ковельской дорогой их насчитывалось две или три сотни. Возникшая среди этих людей паника едва не привела дивизион к гибели. Их теперь меньше, но хлопот не убавилось: не соблюдают установленных правил, отстают, вклиниваются. Небольшая группа прибилась к 3-й батарее. Лейтенант Величко не без труда отправил ее обратно к своим.

Минул полдень. Колонна держалась южного направления, потом восточного, сделала правый поворот. Шла по лесу, дважды оказывалась в поле. Шла, не останавливаясь, без привалов и отдыха.

Опять болотные кочки. Июньское солнце клонилось к закату. Духота не уменьшалась, но воздух становился чище, слабели испарения. Кочки поднимались чаще, вместо коварных разводьев под ногами хлюпала грязь. Деревья — ольха, сосны. Почва мягкая, но не колеблется, не уплывает из-под ног.

Наконец-то наступил перерыв. 3-я батарея остановилась. Взгляды людей обращены к крестьянской телеге в тени сосен. Раздатчик наполнял водой котелки. Позволяется пить два-три раза, только не задерживаться. Поодаль другая телега, тут выдавался хлеб, разделенный на порции.

Питье и пища собраны в близлежащих селах стараниями взвода разведки штабной батареи. Вчера о хлебе никто не думал. Подразделения дивизиона вышли в путь, имея только оружие и патроны.

Передышка продолжалась четверть часа. Люди не успели присесть на землю.

— Внимание... строиться... становись..!

Орудийные номера заняли в шеренгах места. В первом огневом взводе по списку 31 человек. Налицо 22, карабинов 20, пулеметов 2. Пять раненых оставлены, четверо погибли.

Командир батареи шел вдоль шеренги. Все точно в костюмах леших, от каблуков до головы в тине и водорослях. Мокрая одежда коробится, неприятно тянет снаряжение. Но служба требует порядка. Люди заправляют одежду, ремни, подсумки. Лейтенант Величко вернулся на середину строя.

— 3-я батарея, смирно! Равнение направо!..— он шагал навстречу майору Фарафонову.

Командир дивизиона остановился на фланге 1-го огневого взвода. Я сделал ошибку, вообразив, что замечаниями командира батареи исчерпаны недостатки во внешнем виде орудийных номеров. Майор Фарафонов нашел целый ряд других.

— На вторые сутки войны уже оборваны пуговицы... что же будет дальше? — он считал это недопустимым.— Сегодня не досчитался пуговиц, завтра — сапог, а послезавтра?

Лейтенант Величко готов немедленно устранить недочеты, но командир дивизиона остановил:

— За дисциплиной обязан смотреть командир взвода... всегда и всюду... запомните твердо, товарищ лейтенант... Все знают задачу подразделения.

Майор направился ко 2-му огневому взводу. Все орудийные номера в касках. Это нравилось командиру дивизиона.

— Молодец, товарищ младший лейтенант, не позволяете себе слабостей,— сказал он Гаранину.— Война... иначе нельзя...

Осмотр закончен. Подразделениям отводилось время для приведения в порядок личного состава.

Старший лейтенант Пашкин по приказанию майора Фарафонова построил командный и начальствующий состав.

— Товарищи командиры и начальники, потеряны орудия, транспортные средства,— говорил, обращаясь к строю, командир дивизиона,— отсутствуют службы материального и технического обеспечения... нет продовольствия и всего необходимого для воинской части... Но девяносто второй отдельный артиллерийский дивизион не потерял боеспособности, боевые действия продолжаются.— Командир дивизиона остановился на неоправданных потерях, понесенных при

форсировании ковельской дороги.— Почему командиры, назначенные штабом дивизиона в присоединившиеся подразделения, не приняли мер к пресечению беспорядков и паники? Эти лица виновны в гибели многих людей. Бессмысленные, ненужные жертвы.— Командир дивизиона говорил о дисциплине. Необходимо соблюдать походный порядок, установленный в колонне. 92-й ОАД продолжает марш на Ковель. Направление избрано в расчете на то, что обстановка стабилизируется. Вторые эшелоны наших войск остановят противника. Форсировать движение. Противник, предполагал майор Фарафонов, концентрирует усилия в двух направлениях: на Ковель и на Луцк. Штаб дивизиона внес предложение остаться в тылу и действовать партизанскими группами. Командир дивизиона отклонил эти соображения, поскольку они противоречат присяге. Противник сосредоточил свою наступательную мощь на фронте, там место военнослужащих. В тылу своем или вражеском нам делать нечего. На фронте решается вопрос «...быть или не быть...» Майор Фарафонов объявил благодарность командирам: батарей управления, 1, 2, 3-й за умение и решимость в управлении подразделениями при форсировании ковельской дороги, а также за успехи, достигнутые в боях вчерашнего дня.

Капитан Пашкин огласил фамилии лиц командного, начальствующего и рядового состава, погибших на поле боя. «По местам!»

Движение продолжалось. Задачи головной походной заставы выполнял 1-й взвод батареи управления. Вел разведку, собирал по пути сведения о противнике.

Возглавляет заставу командир взвода разведки лейтенант Желудь. Там же находился младший лейтенант Лозовский — командир батареи управления.

Время 14 часов 30 минут. Очень жарко. На небе ни одного облачка. Непрерывно гудят моторы. Летят стая за стаей немецкие бомбардировщики. В стороне кружит «хеншель».

В 3—4-х километрах слева от дороги поднимается пыль. Немецкие колонны идут на северо-восток.

3-я батарея поднималась по склону. Взводы — в строю по два. Высокая рожь укрывала людей, только на гребне поблескивали в лучах солнца каски дозорных. Второй огневой взвод соблюдал форму.

Бредут устало люди. На лицах отчужденность, страх, апатия. И не радует ни синева небес, ни цветы, ни зелень полей. Все мысли поглощены войной.

Разум потрясает в своей ужасающей простоте смысл происходящих явлений. Разорвался снаряд... и человек, жаждущий жизни, обращается в ничто. Лежит в пыли, не шелохнется, лишенный чувств, безучастный ко всему. Угасло сознание, и окружающий мир... деревья, зной, небо... перестал существовать. Человек — мерило всех вещей? Да... все относительно, и сам он, человек — не более чем вещь, материя в бездонных глубинах мироздания, песчинка безликая, безымянная, частица мира, распростертого в бесконечность. Изменилось состояние, частица обрела чуждую жизни, иную суть. Человек умрет... а вокруг останется все, как было. Мир продолжает существование. Порхают птицы, тянется к свету ромашка, белый веер лепестков. Невыносимо... пропадала последовательность, и мысль обрывалась. Душу обуревает обида, и никакого выхода... связать обрыв нет ни малейшей возможности. Как быть, к кому обратиться? Неужели он, человек, до такой степени слаб, ничтожен и совершенно незаметен?.. Занимал так мало места под солнцем?

А жизнь? Что же думать о ней... и как поступать дальше? Цепляться правдами и неправдами... оберегать слабое пламя... любой ценой, лишь бы выжить?.. Человеку кажется, будто терзания его души разделяют окружающие... не могли не разделять. Чрезмерное внимание к себе, страх смерти поглощали силы... Не замечая, он терял совесть, расположение товарищей, службу, все, чем дорожил в мирные дни. Но слабое пламя так неустойчиво, зыбко, едва теплится... стоит ли думать только о том, чтобы не угасло под... бурей ревущей... и сокрушать свой дух во все часы и всякое мгновение? Во имя чего? Чтобы влачить существование личности, всецело занятой биологической стороной бытия? Но низость и себялюбие не умножают шансов уцелеть на поле боя. Пуля не пролетала мимо, не выбирала, не отклонялась, находила одного и миновала другого.

Нет, воин сделал свой выбор. Он предпочел остаться самим собой, он верен слову присяги. Никому не дано раскрыть тайну времени и никому не ведомо, что уготовил нам миг, устремленный в будущее. «Кесарю кесарево...» Воин не желал удручать себя призрачной надеждой, а все прочее да свершится своим чередом.

И падет позор на того, кто потеряет голову в угоду низменным чувствам, кто слаб и не способен возвыситься над человеческой природой и действовать по велению воинского долга, как ждут окружающие.

* * *

... На полях зреют хлеба. Рожь, пшеница стелются, притоптанные каблуками сапог. Колосья рассыпают пыльцу. Колонна тащится с бугра в лощину и снова на подъем. Пять, десять, пятнадцать километров. Под ногами сыро, налипает грязь. Тяжело идти, жарко. Показались и пропали за гребнем люди боковой походной заставы.

На пути населенный пункт, десятка три-четыре хат в два ряда. Первый за время похода. Все население, кажется, до единого человека, вышло навстречу. Несут кувшины с молоком, хлеб, сало, все, что нашлось в хатах. Молча, без слов. У женщин на глазах слезы.

Будто встряхнул кто-то колонну от начала до конца. Орудийные номера приосанились в строю, тот поправлял пилотку, другой ремень. Голову выше, шагают твердо. Перед жителями безвестной волынской деревушки они демонстрировали воинский дух и верность присяге.

За селом дорога накатана, петляет, поднимается к гребню. На горизонте темнел лес. Наш путь кажется путаным и беспорядочным. В течение двух часов колонна шла на юг, столько же времени на юго-восток, затем повернула на север.

Вторые сутки продолжается марш. Валит с ног усталость. Изнуряют жажда, зной. Есть ли еще силы? Орудийные номера старались сохранять порядок в строю.

3-я батарея спускалась по склону вниз. В полусотне шагов передо мной взвод управления. Командир батареи и замполит — в голове колонны. Время от времени тот, потом другой останавливался, ободрял людей, шел рядом.

Сказывается груз выкладки: скатка, котелок, фляга, противогаз, карабин, подсумки. Немного, кажется, но орудийные номера находились в том состоянии, когда иголка тянет плечи книзу.

Пять подразделений дивизиона растянулись на полтора километра. Впереди 2-я батарея, выходили из лощины 1-я и 5-я, так именуется сводное подразделение военнослужащих других частей. На гребне позади маячил хвост батареи управления.

Слева невдалеке заросли, деревья, белеют цинковые крыши домов хуторка. И снова лес.

Вдруг поднялась в небо ракета. Слышатся выстрелы. Одно строение задымило, над крышей мелькают языки пламени. 2-я батарея перешла в бег, начала разворачиваться. Учащалась стрельба. Лейтенант Величко повернулся лицом к строю.

— Внимание... взвод управления, первый огневой... направление — деревья справа от дома... в цепь, бегом, марш!

Бежали недолго. Во ржи пули часто свистят, рикошетируют.

— Ложись... по-пластунски... марш!

Я полз и ничего не видел перед собой, пока не достиг гребня. Поднялся. Боковая застава обходила хутор с тыла, скрылась в дыму горящего строения. Спешил беглым шагом взвод Гаранина. Люди стреляли на ходу. Снова взвилась ракета. Стучат пулеметные очереди. 2-я батарея полудугой оцепила заросли. Издалека донеслась команда и замерла позади: «В походную колонну!»

Стрельба затихла. Командиры орудий собрали людей. 1-й огневой взвод набрал дистанцию, шагает вслед за взводом управления. 3-я батарея вернулась в колонну. Прибыл связной. Боковую заставу обстрелял немецкий конный разъезд, 12—15 всадников. Подверглась нападению со стороны населенного пункта головная застава.

— Внимание, противник рядом,— объявил командир батареи.— Усилить наблюдение, следить за сигналами.

Стало легче. Под ногами — дорога. Поднимается пыль. Местность пересеченная. На горизонте возвышаются холмы, поля, рощи одна сменяет другую.

Время 17 часов. Опять выстрелы. Политрук Шапир настороженно остановился. Люди шагают мимо. Выстрелы прекратились. В лощине населенный пункт, заболоченная речка, по течению ряды хат. 2-я батарея прочесывала огороды.

В походной заставе

Время 18 часов 30 минут. Изменился походный порядок. 3-я батарея выдвигалась в голову колонны вместо батареи управления. На 1-й огневой взвод возложена обязанность боковой походной заставы. Лейтенант Величко взмахнул рукой. 1-й огневой взвод двинулся в поле.

— Ваше дело... обеспечить прикрытие,— говорил мне младший лейтенант, передававший обязанности начальника заставы.— Двигаться параллельным курсом на удалении зрительной связи. Иметь парные дозоры впереди, слева, в тылу... Если обнаружен противник, вы стреляете из этой штуки,— он передал мне ракетницу.— Сигнал одновременно указывает направление. Все подразделения начинают перестраиваться. Поэтому прежде, чем нажать спуск, подумай-

те... нельзя ли обойтись,— младший лейтенант отсалютовал жгутом стеблей, как шашкой, на измученном лице скользнула улыбка. И ушёл. Следом потянулись его люди.

Боковая походная застава строилась в виде треугольника. По углам — парные дозоры, со стороны, обращенной к дороге, двигается ядро заставы — остальной состав взвода.

Походная застава составляет часть колонны, ее глаза и уши. Дозоры обязаны знать все, что происходит на расстоянии до полутора километров. Застава не уклоняется от направления, принятого колонной, не выбирает дорогу. Тыльному дозору надлежит поддерживать зрительную связь с головным дозором тыльной походной заставы.

Старший головного дозора — старший сержант Проценко, сержант Дорошенко — бокового, сержант Белый — тыльного. Старшему не удаляться более чем на 300—500 шагов. По местам!

Скоро я убедился: в колонне легче. Большей частью она шла по дороге. Правда, пыль надоедлива, но ни кочек, ни ям, ни растительности, которая путалась под ногами. Походная застава двигалась напрямую, беглым шагом, безостановочно.

Требует постоянных усилий сохранение заданной дистанции. Дозорные то норовят обойти препятствия, то удаляются в сторону, пропадают с глаз.

Начальник походной заставы обязан соблюдать порядок движения. Он сам является к дозорным, управляет заставой через посыльного либо посредством команд.

Не колыхнется густая пшеница. Стебли ниже ржаных, но идти ничуть не легче. Дозоры начали приноравливаться к движению. Примелькалось унылое однообразие полей. С высоты жжет солнце. В километре-двух видны деревья. Лесная опушка. Укрыться в тени, может быть, встретится ручей. Надежда временами занимала все мысли. Расстояние сокращалось.

Неожиданно застучала очередь. Пулемет стрелял навстречу. Головной дозор залег. Скорей, к гребню! Снова очередь, вторая, третья, четвертая.

Проценко начал отвечать. Я не решался нажать спуск ракетницы. Кто стрелял? Откуда? Пули свистят высоко. Нападение. Ясно. Ударник щелкнул, без всякой отдачи взвилась сигнальная ракета.

Слева отдельные выстрелы, кажется, со стороны бокового дозора. Хуторок на опушке, под соснами две-три повозки, лошади, суетятся какие-то люди, по одежде — крестьяне.

Неужели они? Да, пулемет посылает очереди. Но слишком высоко наводчик берет. Увлеченные стрельбой, крестьяне поздно заметили дозорных. Бросились в бег, кто куда. Не остыл, дымит пулеметный ствол. Лошади в упряжке отбиваются от слепней.

Я перезарядил ракетницу для очередного сигнала. Полоснула новая очередь. Вот они... бегут, сломя голову, ищут под соснами спасения. Или рассчитывают удрать на повозке?

Подошла цепь тыльной заставы. Опоздала, нападающие скрылись в глубине леса.

Возле повозки трупы. Кто они? Переодетые немцы? Их местные сторонники? Оружие — два допотопных пулемета с ржавчиной на кожухе. Кажется, французские «Гочкисы». В ведре навалом матерчатые ленты, снаряженные тупоголовыми пулями, пять-семь винтовок «Кольт».

Боковая походная застава потеряла трех человек, один погиб, двое ранены. Погрузили на повозку. Командир батареи приказал санинструктору оставить раненых в первом населенном пункте.

Перед заходом солнца боковая застава вышла к лесному ручью. Пили лежа, плескались водой в лицо. Скоро подоспела пища. Посыльный принес хлеб, всем по ломтю.

Наступали сумерки. Возможности зрительной связи исчерпаны. Люди бредут наощупь. Темнота прибавила мне забот. Слух ловит топот колонны. Дозоры то отстают, то сбиваются в кучу. Не растерять бы людей.

Полночь. Лес. Подразделения шли просекой. Боковая походная застава продиралась сквозь заросли, им ни конца ни края. Грунт заболоченный, под ногами вода, грязь. А сбоку, в сотне шагов — сухо, песок. Духи лесные, что ли, ополчились на 1-й огневой взвод?

Люди едва держались на ногах. Безвольно свисает голова, болталась туда-сюда, отказывали ослабевшие мышцы. Орудийный номер машинально переставлял ноги, нес оружие, скатку. Обращаться к нему бесполезно. Он не слышит, не понимает, не видит перед собой ничего. Если встряхнуть, может, проснется, и то не сразу.

Спать на ходу — прескверное состояние. Те, кто проходил в предвоенные годы курсантскую службу в Сумском артиллерийском училище, могли это подтвердить. Ремни ранца, оружие, подсумки делаются жесткими, сколько ни поправляй, больно давят ребра. Снаряжение становится тяжелым. И все неудобно. Курсант чувствовал невыносимую усталость. Но остановиться, прекратить движение нельзя.

Трава, солнце — весь белый свет подернут беспросветной пеленой. Разум погружался в сумеречное состояние.

Сознание тупеет, над всем существом курсанта довлеет одна мысль — не останавливаться, тащить на плечах выкладку, непрерывно идти, двигать ногами. Ну... шаг, еще шаг... еще. Ломота в костях, каждое движение отягчает тело и передается толчком во все члены, в мозг, в позвоночник, в мышцы... Курсант знает твердо: нужно повиноваться. И он шел.

Куда, зачем?.. Не имеет значения. Интересоваться, спрашивать? Нет смысла. Да курсант и не в состоянии... Содержимое черепной коробки словно разбавлено чем-то неприятно теплым, заплетался язык. Единственное, что он понимал, так это движение. Перемещаясь в пространстве, он избавлял себя от необходимости размышлять, ибо проблеск мысли усугублял уныние и безнадежность. Достаточно того, что он идет, повинуется какому-то началу.

Меня раздражали инертность и бессилие орудийных номеров. Они устали, но нельзя опускаться до положения невменяемости, терять рассудок, способность управлять собственными конечностями.

После полуночи я стал убеждаться, что рассчитывать на понимание не следует. Темень, в ногах путается рожь, какие-то растения. Дозорные исчезают, приходится раз за разом возвращать их к обязанностям. Они не знали службы, которую несли курсанты.

Почти все спят, ноги едва переставляют, раскачиваются, как во хмелю. Слов не воспринимают, каждую минуту нужно тормошить. Направление сообщается толчком. Пытаться вывести человека из этого состояния тщетно. На лице появляется гримаса обиды и недоумения. Он бессмысленно таращит глаза в свете фонарика. И остановить опасно, он топчется на месте, вообразив перед собой препятствие. Норовит обойти или падает замертво.

Я встречал командира батареи, когда шел второй раз к дозорным. Он явился опять.

— Что из того, что люди спят? Задача прежняя... Никаких остановок!.. Начальник заставы обязан обеспечить прикрытие колонны. Не растеряйте людей...— Командир батареи предоставлял начальнику заставы неограниченные права. Какая в этом необходимость? Орудийные номера делали больше того, что в человеческих силах.

— Солдат и обязан делать больше... но оставим этот разговор... Противник рядом, а поддержание порядка... дело

ваше. Провожать меня не надо, оставайтесь,— и он растворился в темноте.

Когда же придет рассвет? Да, я ждал этого, может быть, с большим нетерпением, нежели кто-либо другой в походной заставе. По крайней мере будет видно, что делается перед глазами.

Бредут, шатаясь, люди, сталкиваются, падают. Иной после падения еще продолжал на четвереньках движение. Подняться он не в состоянии.

Моя задача — обеспечить безопасность людей, спящих на ходу. Все в колонне полагаются на бдительность взводов, несущих охранение. Противник близко, вот... снова вспыхнула ракета... Вчерашний день, атака танков... Слова командира дивизиона всплыли в памяти и несколько ободрили меня. Я стал считать людей. Еще несколько часов назад положение было терпимым. Они были на виду, шли кое-как, но все же шли... а сейчас? В предрассветной мгле пропали куда-то... Позади четыре орудийных номера на ногах спят, прислонясь один к другому. Нет, невозможно! Этак он свалится — и поминай как звали, даже днем с огнем не найдешь во ржи. Нужно принимать меры. Немедленно. Я соберу их и пусть идут вместе, держась друг за друга. Но... оголяется прикрытие. Пойду, поставлю в известность командира батареи. Люди не в состоянии передвигаться порознь.

С этим намерением я оглянулся и увидел длинную вереницу людей. Они шли в обнимку. Неужели колонна, пять отдельных подразделений с дистанцией в пятьсот шагов? В таком виде! И я понял, насколько безвыходно положение. Ставить в известность — кого? О чем? Разве командиры, усилиями которых двигалась эта толпа людей, не знают их состояния?

Безмерная усталость сковала мышцы. Я сам не мог двинуться с места. Что делать? Идея командира дивизиона нежизненна, исчерпала себя? А долг, присяга? Нет, я обязан... они обязаны... все мы обязаны идти любой ценой. Я повернул обратно.

Под ногами стелилась колючая ежевика. На склоне бугра поле, вдали виден лес. Мой взвод спускался вниз, в лощину. От треугольника, образованного парными дозорами, ничего не осталось. Люди перемещались скопом, три-четыре кучи.

В стороне тащились два-три человека, по всей вероятности, из головной походной заставы. 1-й огневой взвод опередил колонну?

Водворить порядок. Дозорные сейчас же должны занять свои места! Но командиры орудий и командир отделения тяги тверже, чем остальные, держались на ногах, были вроде поводырей. Как только они отошли, наступило замешательство. Одна куча распалась, люди столкнулись, падали.

Я вернул сержантов, и они принялись за дело. Подъем длился медленно и долго. Но подоспело время, и в затуманенные сном головы вернулось сознание. Орудийные номера заняли назначенные каждому места.

Третий день войны

24 июня. Время 4 часа 30 минут. Походная застава шла, держась лесной опушки. Молодые ветвистые сосны испускали аромат смолы. Не знаю, тепло ли, веявшее со стороны сосен, или мысль о дозорах явились причиной того, что мой разум на какое-то мгновение сковала истома. Я потерял связь с происходящим. Перед глазами вдруг возник человек, майорские знаки различия. Командир дивизиона!

— Товарищ майор... первый огневой взвод третьей батареи несет службу левой боковой заставы. За время...

— В таком-то виде люди... как со свадьбы... И сам он спит. Кругом противник, черт побери, возьмитесь за службу, товарищ лейтенант.— Командир дивизиона скрылся, как привидение, среди сосен. С ним были еще какие-то люди, три-четыре человека, по-видимому, сопровождавшие.

Я остановил взвод. Орудийные номера топтались в сонном забытье на месте. Бледные измученные лица, пялят глаза. Головной дозор находился с боковым вместе. «Внимание, становись, оружие на изготовку. Этого я не потерплю! Вздремнули немного и всё, довольно. Старшим дозоров, выйти из строя! Отставить... Отставить... отставить. Внимание! Дозорным поменяться местами! Проценко, Дорошенко, Белый! По местам, бегом... марш!» И они побежали.

Лес кончился. До горизонта раскинулись поля. 1-й огневой взвод очнулся. На дороге я увидел колонну, спят все поголовно. У меня стало меньше поводов обращаться к дозорным.

Вдали над вершиною леса показалось солнце. Лучи его рождали в душе облегчение. Орудийные номера уже не сталкивались лбами, не валились наземь. У сержанта Дорошенко на лице какое-то подобие улыбки.

— Эй,— кричал он дозорному,— просыпайся. Гляди под ноги... ящерица... не наступи на хвост!

Пришел проверяющий — военинженер 3-го ранга Попов. Оказывается, была предпринята попытка перейти шоссе. Помешала немецкая автоколонна. Подразделения возвращаются обратно в лес, который прошли ночью. Боковая походная застава должна обеспечить прикрытие со стороны строений, которые виднелись вдали.

На горизонте начали рваться бризантные снаряды, грохотали орудийные выстрелы. Артиллерия вела огонь с закрытых позиций? Немецкая? Наша?

Снова Попов. Спросил, откуда стреляли орудия, куда? Походная застава уверена, что это бризантные гранаты? Может быть, шрапнель, и недалеко позиции нашей артиллерии?... Попов имеет приказание выяснить и доложить начальнику штаба дивизиона.

Орудийные расчеты заняли оборону. Прошло полчаса, вдали грохот затих. Противник не появлялся. Подошли дозорные из батарей управления. Боковая застава последовала за ними.

Голова колонны втягивалась в лес. Опять тревога. Беглым шагом подразделения спешили укрыться. Мой взвод получил приказание занять оставленные только что позиции. В стороне дороги люди оглядываются. Что там происходит?

Солнце грело все больше. В глубине леса тишина. Передо мной ручей. Песчаное русло, вода чистая, родники должны быть недалеко. Все пьют, подставляют фляги. Вода начала темнеть на глазах. Кто-то замутил, по-видимому, подошла колонна.

Время 12 часов 40 минут. Прибыл взвод управления от 2-й батареи. Я передал его командиру, младшему лейтенанту, ракетницу, рассказал то, что касалось порядка движения. 1-й огневой взвод сложил с себя обязанности боковой походной заставы.

Я чувствовал облегчение. На дороге сохранялось подобие рядов. Между подразделениями — дистанция. И пыль. В первых шеренгах мало заметна, в хвосте висит густым облаком.

Чем объяснить стрельбу артиллерии? Далеко продвинулся противник. Нашему походу, вероятно, конца не будет. Не узнать крепких, здоровых людей. Лица бледные, осунулись, будто постарели. Многие изменились до неузнаваемости. И причины нетрудно понять. В течение двух суток они перенесли столько испытаний!

Колонна двигалась зигзагами, преимущественно на северо-восток. Я определил направление по компасу, который крепится на планшетке. Скорость — два-три километра в час. Из одной рощи подразделения переходили в другую, и опять поля, бугры, долы.

Командир дивизиона, очевидно, избегал населенных пунктов. Сведения о противнике не поступают. Два-три раза пролетал «хеншель». Вдали плыли «юнкерсы» в безоблачном небе, стая за стаей.

«Свои... пехота»

Наступила ночь. Марш продолжался. Дорога, деревья, людские лица, все, что перед моими глазами, представлялось, как в тумане. И будто идти легче. Командир дивизиона отменил ряд ограничений, в частности, равнение в шеренгах, оружие позволялось нести вольно. Чаще делались привалы.

Но в остальном майор Фарафонов остался непоколебим. «Не отставать, не задерживаться, не останавливаться!» Начальник штаба дивизиона собрал командиров, которые не имели подчиненных, и всех начальников служб. Они курсировали непрерывно из конца в конец колонны. Один уходил, являлся другой.

Наступил новый день. Солнце, жара, пыль. Усталость достигла новой стадии. Во всех мышцах ощущалась непроходящая боль, конечности налиты тяжестью. Если замедлить, остановить шаг, необходимо собрать все силы, чтобы сойти с места.

Над головой в продолжение трех-четырех часов тень ветвей. Тянется лес, местность многоводная. Болота то справа, то слева.

После полудня стали доноситься перекаты далеких разрывов. По-видимому, бомбежка. Пролетают «юнкерсы». Скрывались в небе самолеты, затихал гул двигателей.

11 часов. Слышатся разрывы, орудийные выстрелы. Пикируют самолеты. На горизонте дым. Вырисовался острый шпиль костела. Красные крыши зданий. Город. Уж не Ковель ли? В ста с лишним километрах от границы. Неужели немцы за трое суток сумели преодолеть такое расстояние?!

Переломные минуты марша наступили для меня совершенно неожиданно. Редколесье. На виду шла 2-я батарея. В сотне шагов лейтенант Величко, замполит, Поздняков,

за ними взвод управления в строю. Все то, что я видел последние пять-семь километров. Величко обернулся.

— Внимание... сократить дистанции...

Расстояние медленно уменьшалось. Я старался ускорить шаг. Позади оба командира орудия — Проценко, Дорошенко — в затылок им расчеты в колонне по одному.

— Третья батарея... повзводно... в цепи... бегом... марш! — подал команду лейтенант Величко.

Началась со всех сторон стрельба. Частая, беспорядочная. Кто стрелял? Зачем?

— Командиры взводов... равнение в цепи... не отставать, кто там оглядывается? — лейтенант Величко с пистолетом в руке бежал вдоль цепи. Стрельба усиливалась. Свистят пули. Левый фланг отстал, цепь расстроилась. Опять командир батареи.

— Смелей, вперед... смелей!

Орудийные номера поотстали, укрылись среди деревьев. Справа бегут люди взвода управления, 2-го огневого. Поздняков, Гаранин, старшина помогали тем, кто залег и не в состоянии подняться.

Стрельба не прекращалась. Строчил пулемет длинными очередями.

— Огонь... туда,— командир батареи взмахнул пистолетом,— первый огневой, цельтесь...

— Куда? — никого нет, поляна, кусты.

— Товарищ лейтенант.., почему умолк второй пулемет? Огонь!..— требовал командир батареи.

Орудийные номера стреляют наугад. Командир батареи, замполит побуждают: «Вперед, вперед!» Справа какие-то люди, кажется, из батареи управления.

У Позднякова в руках пулемет. Он прислонил его к дереву. Энергичные очереди подстегивали людей. Поздняков бросился вперед. За ним бежали другие. Кто-то упал. Передо мной поляна, ноги грузнут, проваливаются. Под деревом автомобиль серого цвета, широкие шины, тела солдат в серо-зеленых мундирах, пулемет МГ — металлическая лента размотана во всю длину. Старшина дернул конец и потянул пулемет.

— В походную колонну! — кричал кто-то позади.

Раздалась звонко очередь, одна, другая. Люди в замешательстве бросились от машины кто куда.

— Не задерживаться, уводите людей...— командир батареи бежал вперед по следу автомобильных колес.

— Поздняков — старший. Ведите батарею, я ухожу,— и торопливо зашагал с пистолетом в руке вслед за связным.

Стрельба стала затихать. 1-й огневой взвод шел за взводом управления. Спрашивают люди друг друга. Что произошло? Я не знал ни места нахождения, ни причин, которые вызвали стрельбу. Ясно, произошло столкновение.

В колонне 2-й батареи только один взвод. Где второй? Справа, повернул вдоль опушки. Впереди местность открытая, на два-три километра. Подразделения оставляли места в колонне. 2-я батарея повернула влево, 4-я — вправо. Кажется, окопы? Батарея остановилась.

Под бруствером головы в наших пилотках, торчат стволы знакомых винтовок. Подошел командир батареи.

— Кто вы?

Молчание. Пехотинцы глядели во все глаза. Лейтенант Величко повторил вопрос.

— Есть среди вас старший?

В окопе поднялся пехотинец с петлицами сержанта.

— Какой части? — лейтенант Величко хотел завести знакомство.— Дождусь я ответа?..

— Товарищ лейтенант, боевое охранение шестой роты... второго батальона... начальник охранения... сержант...— он назвал свою фамилию,— город называется Ковель... Бои начались вчера. Ковель обороняет наш шестьдесят первый стрелковый полк.

— Какой дивизии?

— Сорок пятой стрелковой...

А вокруг возгласы: «Наши... наша пехота!»

Колонна подразделений 92-го ОАД вышла в расположение своих войск... Посрамлены все нытики и пессимисты.

3-я батарея бодрым шагом двинулась дальше. Пехотинцы удивленно оглядывали орудийных номеров. Боевое охранение 2-го батальона ожидало с той стороны кого угодно, только не своих.

На лесной опушке ютится хутор — пятнадцать-двадцать хат. Соломенные крыши, дворы огорожены ивовыми плетнями. Озерцо, поросшее камышами. На фоне синего неба шпили костелов. В четырех-пяти километрах город Ковель.

Колонна остановилась посреди улицы. Хвост у озерца.

— Через десять минут командирам батарей доложить о состоянии подразделений.

Лейтенант Величко вышел из строя.

— Третья батарея... повзводно, становись!

Начался смотр. В 1-м огневом взводе 19 человек, потери — 12: восемь — 22 и 23 июня, два — в столкновении вчера, два — сегодня. Вооружение: карабины — 18, пулеметы — 2, бинокли — 3, орудийные панорамы — 2, диски снаряжен-

ные — 2, в подсумках по тридцать патронов на карабин. Скатки — 19, противогазы — 19. Утерян карабин, пять пулеметных дисков.

Во 2-м огневом взводе примерно такое же положение. Взвод управления потерял половину личного состава. В строю 3-й батареи — 62 человека.

Подошел командир дивизиона. Доволен, на лице улыбка.

— Вы верили в исход нашего марша? — спросил он у Позднякова.

— Товарищ майор... такие дни...— дипломатично отвечал Поздняков.— Но после того, что произошло при форсировании ковельской дороги... я понял... нужно идти...

— Сколько у вас по списку... налицо? Три человека пропали в лесу... и никаких следов? — спросил майор серьезно.— Жаль... люди прошли такой путь... им теперь цены нет... так вы всех растеряете... непростительное упущение со стороны командира... спят где-нибудь,— командир дивизиона ушел.

— Внимание, командирам взводов, развести людей на отдых,— объявил лейтенант Величко.

Место 1-го огневого взвода в 50 шагах, но пройти до конца это расстояние было выше человеческих сил. Ноги подкашивались. Люди валились на землю и мгновенно засыпали.

На поприще пехоты

Пробуждение наступило внезапно. Я слышал гул двигателей, грохот. «Юнкерсы» сновали среди черно-белых разрывов зенитных снарядов, пикировали, поднимались стремительно в небо. На северо-западной окраине Ковеля шел бой.

Так казалось... но чего хочет этот человек? Дергал меня непрерывно, тянул ремень планшетки. Зачем это ему?.. А, посыльный... меня вызывает командир батареи?

Тупая боль во всем теле не давала подняться. Чувствовал я себя словно после колесования, конечности онемели.

— Срочно, товарищ лейтенант,— посыльный не выпускал ремень планшетки,— бужу вас десять минут... поднимайтесь.

С трудом я перекатился на спину, кое-как встал на четвереньки. Лишь после этого удалось принять вертикальное положение.

Лейтенант Величко успел умыться, уже в новом обмундировании. Но отдохнуть ему, видно, не пришлось. Устал и осунулся. Поздняков и Гаранин выглядят лучше.

— Товарищи командиры... Обстановка... Противник вышел на окраину Ковеля,— сказал Величко.— Пикирующие бомбардировщики наносят удары по боевым порядкам наших войск, объектам в городе и дорогам. Ковель и подступы к нему обороняют части сорок пятой стрелковой и сорок первой танковой дивизий при поддержке двести тридцать первого и двести шестьдесят четвертого корпусных артиллерийских полков, первой противотанковой артиллерийской бригады и других частей артиллерии резерва Главного Командования. Прикрытие с воздуха осуществляют три-четыре зенитных дивизиона. Девяносто второй отдельный артиллерийский дивизион поступает в распоряжение начальника Ковельского гарнизона в качестве пехотной части. Наши позиции назначены здесь, в лесу. Участок третьей батареи... от просеки, которую вы видите в створе с углом дома и вправо исключительно до ручья. Боевые порядки занимаем с наступлением темноты. Готовность к открытию огня двадцать два сорок, инженерные работы закончить к шести ноль. Через десять минут на рекогносцировку... Вопросы?

Гаранин спросил о соседях. Обстановка в полосе обороны?

Справа занимала оборону 8-я рота 3-го батальона 61-го СП, слева — 2-я батарея. О положении в районе Ковеля командиру батареи известно только то, что противник продвинулся и обложил городские окраины. В северном направлении слышались разрывы снарядов, перестук пулеметов. Над хутором прошуршала батарейная очередь и разорвалась в глубине леса.

Помимо командиров в рекогносцировке участвовал от каждого взвода состав огневого разъезда: сержант, по два рядовых. Для пехотного подразделения людей многовато, но лейтенант Величко считал, что с помощью огневого разъезда мы быстро ознакомимся с местностью. До наступления темноты оставалось не более часа.

Командир батареи шагал впереди с картой в руках, останавливался. Ориентирование нужно закончить засветло. В ночном лесу и одному легко заблудиться, а с подразделением — тем более.

На поляне — повозки, загруженные мотками колючей проволоки, безоружные люди в мешковатых гимнастерках, без петлиц и знаков различия. Пожилые и молодежь разных возрастов. Они валили деревья в районе позиции 3-й бата-

реи. Лейтенант Величко в недоумении, присутствие рабочих — помеха, задержится оборудование позиции. А маскировка?

Лесорубы объяснялись между собой на языке, которого не понимал даже Поздняков. Он позвал замполитрука Кинермана, и тот установил: это местные евреи, мобилизованные в рабочий батальон, возводят проволочные заграждения. Административные лица батальона отсутствовали. Командир батареи распорядился прекратить валку деревьев. Рабочих использовать для расчистки секторов стрельбы. Колья проволочного заграждения перенести ближе к болоту.

Позиции 1-го огневого взвода находились в низине, на берегу ручья. Дальше лежал мокрый луг.

С наступлением темноты началось оборудование ячеек. Установлена связь с пехотой на другом берегу ручья. Согласованы сигналы оповещения.

Около полуночи через позиции в боевое охранение прошел топовзвод батареи управления. Проверяли службу командир батареи и старший лейтенант Шилкин.

Незадолго до рассвета я прилег. Разбудил Кинерман. Командир батареи приказал к 7 часам людей переодеть в новое обмундирование и обувь, получить патроны, гранаты, саперные лопаты и каски. В Ковеле, по словам Кинермана, большие склады вещевого имущества, продовольствия. Эвакуация приостановлена. Запасы выдаются войскам. Кинерман только из города, привез сгущенное молоко, сливочное масло, консервы. Две повозки с продовольствием, семь повозок — целый обоз — каски, одежда, обувь, боеприпасы, саперное имущество.

Ездовые из обозного батальона Ковельского гарнизона под присмотром Кинермана разгружали повозки. Образовалась гора — тюки, ящики. Запах складов, нафталина, кожи.

27 июня, 8 часов. Противник, кажется, начал артиллерийскую подготовку. Стоит гул разрывов, завывают сирены пикирующих бомбардировщиков. На участке обороны 92-го ОАД изредка разрывались случайные снаряды.

Грохот не затихал до полудня. Бомбили «юнкерсы». Над крышами — дым. 1-й огневой взвод продолжал возводить брустверы стрелковых ячеек. Опустели окопы на другой стороне ручья. Соседи — 8-я рота — ушли.

Прибыл связной. Командирам взводов явиться на КП командира батареи.

— Товарищи командиры, наш пехотный дебют здесь закончился,— объявил лейтенант Величко.— Придут представители пехоты, передадим участок... и повзводно к озеру.

Пехотинцев два, оба младшие лейтенанты. В частях 45-й СД, по их словам, производилась перегруппировка. Бывший сосед 3-й батареи — 2-й батальон — отведен в резерв командира дивизии. На любомльской дороге положение тяжелое, подразделения отошли в черту города. С уходом 92-го ОАД полоса обороны 283-го СП расширилась вдвое.

По меньшей мере, час блуждала 3-я батарея в поисках разрыва в проволочных заграждениях. За ночь рабочий батальон успел опутать колючей проволокой добрую часть леса. Наглухо закрыты оба вчерашних прохода. Командир батареи приказал рубить проволоку лопатками.

Время 13 часов 30 минут. 3-я батарея остановилась у озерца на привал. Объявлен обед. Сгущенное молоко, на двух человек килограммовая банка.

В городе начался очередной воздушный налет. Зенитчики сбили два «юнкерса». Из штаба дивизиона вернулся лейтенант Величко. Марш в город, там получить задачу.

От Ковеля к Луцку

3-я батарея двигалась замыкающей, за 4-й. Пехотинцы и пограничники — все, кто выдержал путь из района Владимира-Волынского, не отличались по внешнему виду от орудийных номеров. Все в новом обмундировании с черными петлицами и артиллерийскими эмблемами.

Навстречу шла колонна пехоты, в касках, за спиной ранцы, опоясанные скатками. Длинные трехлинейки, ручные пулеметы, станковые — в разобранном виде. Стучат по камням мощеной улицы подковы коней. За каждым подразделением тащатся обозные телеги, кухни.

Противник уже занял северную часть Ковеля. Бризантные снаряды рвались над центром города. На каждом шагу следы бомбежки. Горят здания, машины. Очередной привал. Подразделения расположились вдоль тротуара. За высокими заборами — особняки. В садах зреют вишни.

Командир батареи сообщил: «92-й ОАД выведен из подчинения начальника Ковельского гарнизона и направляется в район Луцка. По пути получить дополнительно стрелковое оружие».

Движение продолжалось. Дистанции сокращены. Город буквально забит обозами, автомобильным транспортом. Раз за разом слышится: «Воздух!»

Поступила команда рассредоточиться. Летят «юнкерсы», перестроились, пикируют. Улицы совершенно непроходимы.

Строй поломался. Люди карабкаются через заборы, переходят из двора во двор. Наконец, 3-я батарея выбралась из Ковеля.

Дорога на Луцк занята танками, кажется, Т-35. Габариты весьма внушительны. Высота не менее трех метров, длина — около десяти. Несколько башен цилиндрической формы. В главной — установлен ствол 122-мм гаубицы, в других — пушки, меньшего калибра. Извергают огонь пулеметы. Танковые экипажи отражали очередной налет «юнкерсов».

На мостовой цокот подков, шел конный обоз, повозки в два ряда. Батареи остановились. Танкисты с любопытством выглядывали из люков. У разведчиков батареи управления трофейные автоматы.

— Внимание! Стой! Командирам подразделений получить у танкистов оружие!

Началась выдача. Танкисты начали выгружать из недр своих машин пулеметы.

Бери сколько хочешь, никаких ограничений. Я не видел еще пулемет такого образца. Вместо приклада — рукоятка, цилиндрический магазин, ствол короткий. Танковый пулемет весил меньше, чем РПД. Складская смазка толстым слоем покрывала поверхность.

3-я батарея получила 23 пулемета, около сотни магазинов. Почти в той же пропорции, что сгущенное молоко. На трех человек — пулемет. Командир батареи благодарил танкистов за щедрость.

— Уж не с ваших ли складов старшина получал молоко, масло? — спросил Поздняков.

— Нет, наши склады остались во Владимире-Волынском,— ответил танкист.

— Сорок первая танковая дивизия?

— Да,— подтвердил танкист.

— Так, значит, мы в некотором роде земляки?

— Вы разве из Владимира-Волынского?

— Да, из укрепленного района.

— Быстро же откатились вы, артиллеристы.

— В одном эшелоне с танками,— ответил Поздняков.

В Ковеле всему личному составу вместо ранцев были выданы вещмешки, положенные пехотинцам по нормам военного времени. Каждый орудийный номер нес не меньше трех банок молока, мясные, рыбные консервы. Старшина сокрушался — часть продовольствия осталась возле озерца ввиду отсутствия транспорта.

Вскоре выяснилось, что переносить танковые пулеметы и тем более пользоваться ими нельзя, пока не удалена смаз-

ка. Где взять ветошь? Орудийные номера тащили из обозных повозок все, что годилось для этой цели. Обозники возражают, но что делать?

Булыжная дорога поднималась на десять-пятнадцать метров выше прилегающих болот. В сторону Луцка и навстречу нескончаемым потоком идет пехота, артиллерия, танки, обозы. Заманчивая цель для пикирующих бомбардировщиков. Зенитного прикрытия нет. Стрельбу по «юнкерсам», даже на выходе их из пике, ведут далеко не все.

Колонна 92-го ОАД избавилась, наконец, от толчеи, которая царила на дороге. Солнце уже клонилось к закату. Батареи сошли за обочину. Привал. Началось ознакомление с пулеметом. Расставлены мишени. Командиры взводов производят пристрелку каждого пулемета. Затем стреляли орудийные номера. Пулемет вручался лучшему стрелку. В конце занятия лейтенант Величко провел тренировку по отражению нападения пехоты. Треск, поднятый десятками пулеметов, привел в полное замешательство конный обоз на дороге.

Налеты пикирующих бомбардировщиков происходили, как по графику, через полчаса. Подразделения дивизиона, весь личный состав до последнего человека обязан участвовать в отражении их атак. С пулеметами не все ладно. Складская смазка удалена не полностью. Танкисты не дали патронов, а те, что привез Кинерман со склада, расходовались непозволительно быстро.

По сторонам всхолмленная местность. Лес сменяют поля. Встречаются ручьи и речки. Лощины заболочены, и дорожная насыпь поднимается иногда довольно высоко. Узкое шоссе перегружено войсками, конным транспортом, автомобильным. В основном он направляется на Луцк.

Наступали сумерки. Марш продолжался. Раз за разом вспыхивают в темноте встречные фары. Было около полуночи. 3-я батарея спускалась в лощину. Справа от дороги внезапно взметнулся высоко в небо ослепительно яркий столб пламени. Через некоторое время донеслись раскаты грома. Мощная ударная волна смела все, что было на шоссе. Раскиданы на десятки метров повозки и автомобили, многие люди получили серьезные травмы. Раздавались крики о помощи, ржали лошади, сброшенные с высоты дамбы вместе с повозками. В страхе люди ожидали повторного взрыва.

По всей вероятности, взорвался склад боеприпасов. Кто это сделал? Свои, чужие? Подобной силы взрыва я больше не слышал за всю войну.

Не так-то легко в темноте собрать два десятка оглушен-

ных людей. Один не слышит, другой уполз подальше в поисках укрытия, третий выпустил из рук оружие, нужно искать.

3-я батарея шагала час, другой. «Принять вправо, стой, командиры батарей, в голову колонны!» Наступил долгожданный привал. Выставляются караулы. По указанию командира батареи для каждого пулемета назначалась позиция. Все, кто свободен, получил возможность отдохнуть.

28 июня. Сырой предутренний туман окутал рощицу, занятую в темноте для привала, и стелется в низине тонким слоем. 3-я батарея на ходу заканчивала построение и направлялась к дороге. Беглым шагом прошел взвод, выделенный в боковую походную заставу. Установленный походный порядок не отменен, его необходимо соблюдать.

8 часов. Горизонт чист, ни одного облачка. Доносится гул моторов, летят «юнкерсы». Автомобили, повозки останавливаются, прекращают движение подразделения пехоты, конные батареи. Люди ищут укрытия в кюветах, под деревом, за копной на краю подсохшего болота, где есть место. Многие бегут, сломя голову, лишь бы подальше от дороги.

Началась бомбежка. С грохотом рвались бомбы, выли сирены. Прошло четверть часа. «Юнкерсы» и «мессершмитты» обстреливают дорогу из бортового оружия. Налет закончился. В походе, когда всякий торопится, сострадание говорит не всегда. Горе тому, кого настиг осколок. Стонут раненые, их случайные помощники призывают санитаров.

Средства ПВО состоят в основном из стрелкового оружия — винтовок, пулеметов. Хромает организация, нет общего начальника. Военнослужащие обозов, тыловых учреждений, автотранспортных колонн ведут себя, как безоружные. Не проявляет должной активности личный состав многих боевых подразделений.

Во время налета «юнкерсов» подошли 6 счетверенных зенитно-пулеметных установок на шасси ГАЗ-3А и без промедления включились в стрельбу. И никто их не поддержал. «Юнкерсы» набросились со всех сторон и подавили счетверенные пулеметы.

В 92-м ОАД все подразделения отражают атаки воздушного противника. Стрельбу вели карабины и пулеметы. Прицеливание осуществляется с ходу, пулемет устанавливался на плечи третьего номера. Он фиксирует оружие, удерживая за сошки.

Запасы патронов быстро уменьшались. После полудня командир дивизиона отдал приказание использовать только

половину пулеметов из каждого подразделения. Призыв к бережливости не принес желаемых результатов. Патроны ящиками заимствуются у обозов.

Время 19 часов. Очередной налет застиг колонну у небольшой степной речушки, перед мостом. «Юнкерсы» понесли самые большие потери за один налет, который я видел,— 3 самолета. Один сбили пулеметчики из батареи управления дивизиона, два других — батарея МЗА, которая стояла на прикрытии моста. 1-я батарея потеряла 9 человек.

Незадолго до захода солнца колонна остановилась в придорожном лесу. Привал. Подразделения заняли круговую оборону. Оборудовались стрелковые ячейки, места для отдыха людей и т. д.

Ночью 29 июня мне не пришлось спать. У командиров забот больше, чем у рядового состава. Марш начался раньше, чем предполагалось вчера. Командир дивизиона решил выступить пока свободна дорога и не действовали «юнкерсы». Надежды не оправдались. Боязнь налетов толкала всех в путь. На Луцк шли танковые подразделения из соединения 9-го мехкорпуса, пехота со своими бесконечными обозами, конная артиллерия, всевозможные обслуживающие учреждения. Тылы, не принимавшие участия в боевых действиях, предпочитали ночное время больше, чем войска. В темноте помех на марше не меньше, чем днем.

Транспортные средства дивизиона состоят из пяти пароконных повозок, уведенных из обозного батальона. Они загружены продовольствием из ковельских складов. Оружие, патроны, консервы текущего довольствия личный состав тащил на спине. Кажется, не так уж много. А если взвесить? Орудийный номер нес карабин, панораму или буссоль, либо треногу к ней, скатку, подсумки, вещмешок с продовольствием, одну патронную цинку, снаряженные диски. Пулемет несли поочередно. Танковый пулемет неудобен в походе. Наплечных ремней он не имеет, нести можно только в положении на плече.

Люди втянулись. Их физическое состояние улучшилось. Строгая дисциплина — важнейший фактор, облегчающий тяготы войны. Орудийные номера переносят форсированный шаг, воздушные налеты легче, чем прежде. Скорость движения колонны — 5—6 километров в час. Привалы участились и производятся регулярно. Питание: хлеб, сливочное масло, сгущенное молоко, все ненормированно.

Полдень. Дышат зноем камни шоссе. В вещмешках вздувались консервные банки, грелся металл на плечах орудий-

ных номеров, до последней нитки промокает от пота одежда. Досаждает жажда.

У колодца в селе Копачевка толчея, крики. Пехотинцы, артиллеристы из конной батареи, которая остановилась на обочине. Лошади в упряжках. Несчастные животные, вот уж кому достается! Человек на всякий случай имеет флягу. А лошади? Нечищенные и некормленные, аммуниция не снимается много суток, безжалостно понукаемые, они едва тащат орудия, зарядные ящики. Уставшие ездовые не уделяют им должного внимания.

Привалы, кормежка делаются наспех, кое-как. А во время бомбежки? Люди убегают, лошади стоят на дороге, гибнут, калечатся в постромках. Иной пристрелит из жалости, а иной пройдет мимо, и издыхает конь на солнцепеке сутками.

У колодца ссора. Пехота возмущена. Артиллерист поит скотину, а человек — что, умирай от жажды? На дне колодца мутная, густая жижа, непрерывно взбалтываемая ведрами. Какая там вода! Только и того, что прохлада, во рту песок да глина, плеваться потом полчаса.

Здоровенный, с рыжими усами артиллерист вырвал ведро из рук пехотинца. Тот вскинул винтовку. Куда там... не испугаешь! Ведро уплыло, унес ездовой к упряжкам. На голову пехоты сыплются упреки — о лошадях надо заботиться.

Артиллерист опять завладел бадьей. Новый взрыв возмущения, стучат затворы. «Братцы, что же это? Застрелить его!» — кричат пехотинцы.

Подошла еще одна батарея. Длинные стволы — Ф-22. Командир батареи обнажил клинок. «Стой! Слезай!» Орудийные расчеты бегут к колодцу. Усач смягчился, увидел своих, плеснул жидкость в котелок воинственного пехотинца, ругаясь на чем свет стоит.

С подсолнечной стороны летят «юнкерсы». Я заканчивал свой завтрак. Толпа у колодца дрогнула. Бегут, кто куда. Конная батарея ушла. На орудийном передке застучал пулемет, потом второй, третий. В стрельбу включились люди наших батарей.

Ведущий бросил бомбардировщик в пике. Взвыли самолетные сирены. «Юнкерс» несется с бешеным ускорением к земле. На высоте в полторы сотни метров отделился черный корпус бомбы, она продолжала с отставанием полет под фюзеляжем. Взревели двигатели, самолет стремительно взмыл вверх. За ведущим последовали остальные. Двадцать семь бомбардировщиков пикировали один за другим. Чертово колесо. «Юнкерсы» нанесли удар по рощице в низине,

четверть часа назад туда прошел пехотный обоз — десятка два повозок.

Клубятся облаками пыль и дым в низине. Бомбы, кажется, израсходованы. «Юнкерсы» продолжали пикировать вхолостую. Стучат бортовые пулеметы. Последний самолет, наконец, вынырнул из облака и потянулся к стае. Бомбардировщики в строю кильватер трижды прошли по кругу и улетели.

Стоны, крики. Ржут лошади. Возле колодца опять толпа, опять ругань.

Подразделения 92-го ОАД двинулись дальше. Вдоль обочины — пушечная колонна длиной два километра. Орудия, тягачи, прицепы загружены снарядами. Колонна направлялась на юг, в сторону Луцка. У артиллеристов привал.

Люди оглядываются назад. «Воздух!» В небе снова «юнкерсы». Повторяется то, что было в Копачевке. Объект очередного налета пикирующих бомбардировщиков — колонна пушечного артиллерийского полка.

В кюветах, за обочинами дороги все чаще встречались остовы сгоревших машин, лошадиные туши, обломки обозного транспорта. Справа впереди поднимаются столбы дыма. Слышен отдаленный грохот стрельбы.

Село Княгининки

Вечерело. Движение на шоссе не останавливалось. Два встречных потока — один в сторону Луцка, другой — в противоположном направлении, на Ковель.

В низине небольшое село. Колонна 92-го ОАД остановилась. «Привал»,— объявил командир батареи и отправился вслед за посыльным по вызову майора Фарафонова.

Орудийные номера уже проведали: называется село Княгининки. Селяне живут не бедно. Хаты в большинстве под цинковыми крышами, все исправны, дворы ограждала изгородь, в приусадебных садах деревья ломились под тяжестью плодов. Вишни и сливы. Вокруг нивы, колосятся хлеба. В западном направлении на горизонте темнеет лес.

— Что тут у вас... братание? — возвратился лейтенант Величко.— Не отвлекайте людей ненужными разговорами. Местных жителей удалить. Как с патронами во взводе? Осмотрите оружие... десять минут.

Карабин в большей мере, пулемет в меньшей оружие безотказное. Ни командиры орудий, ни наводчики — первые номера пулеметных расчетов не выражают нареканий. Ору-

жие исправно, все время в стрельбе. А патроны? В 1-м огневом взводе помимо того, что в подсумках, только НЗ — две цинки. Снабжение патронами еще с Ковеля переложено на командиров орудий.

— Две цинки? — спросил командир батареи.— А у вас, Поздняков?.. Гаранин? — оба они вызваны, стоят рядом со мной.— Поздняков, кого вы послали за боеприпасами?

— Замполитрука Кинермана, с ним два телефониста,— ответил командир взвода управления.

— Вы указали, куда?

— Так точно, товарищ лейтенант. С Кинерманом военинженер Попов, не заблудятся.

— Товарищи командиры, пока не поступят другие сведения, нам нужно ожидать немцев... Гаранин, вашему взводу... выяснить положение в окрестностях села Княгининки. Командир дивизиона хотел бы знать, кто занимает лес, который лежит там... на западе. Второму огневому взводу достаточно полтора часа? Туда и обратно, вы понимаете задачу?

Гаранин ответил утвердительно, огляделся. Лес на виду. Расстояние 4—5 километров. Пехотинцу только в один конец нужно не меньше 40 минут. Столько же обратно. У Гаранина взвод, оружие, имущество.

— Гаранин, я понимаю вас,— лейтенант Величко следил за выражением лица младшего лейтенанта,— ведите людей налегке... двух пулеметов вам достаточно. Все остальное оставьте, хотя бы у той хаты...

2-й огневой взвод прошел беглым шагом и скрылся в огородах. Движение на шоссе не останавливалось. Гудят автомобили, слышится скрип повозок.

Привал длится полчаса. Люди успели поесть, спят в кювете. Я спросил разрешения у командира батареи отвести взвод к забору.

— Нет... оставаться на местах,— ответил лейтенант Величко.— Я вздремну... отдыхайте и вы... Бодрствует Поздняков.

Меня разбудил шум. Возвратился Гаранин. Лес занимали подразделения 622-го СП 124-й СД и две батареи 469-го ЛАП. Соприкосновения с противником они не имели.

Ни командира батареи, ни Позднякова не было на месте. Оба ушли в голову колонны. Гаранин привел только треть взвода, один неполный орудийный расчет. Другой — позади, отстал.

Вечерело. Вернулся командир батареи. Колонну нашего дивизиона, по его словам, остановил подполковник из штаба

27-го стрелкового корпуса. Немцы подошли к Луцку. На рубеж севернее города отходят соединения 27-го СК — 124-я, 135-я СД, части корпусной артиллерии и РГК. Из района Ковеля перебрасываются 41-я ТД и другие соединения 9-го МК. Луцк подвергается ожесточенным ударам авиации. Большая группа танков прорвалась в тыл наших войск.

Сведения, поставленные 2-м огневым взводом, уже известны лейтенанту Величко. Оборона частей 124-й СД строилась фронтом на юг и запад. Есть данные, что шоссе перерезано. Ожидать противника нужно со стороны Луцка. Представитель командира 27-го СК приказал 92-му ОАД занять оборону. Задача: предотвратить продвижение противника по шоссе на Княгининки и дальше на север, в сторону Ковеля.

Лейтенант Величко не закончил изложение обстановки. «Командиры батареи, в голову колонны!»

— Поздняков рекогносцирует местность в группе командира дивизиона. Должен скоро подойти. Приступаем к занятию боевых порядков... Объявите личному составу,— на ходу крикнул лейтенант Величко.

Командиры орудий строили в темноте полусонных людей. Явился связной. Меня вызывал лейтенант Величко. Он за селом.

Атака мотоциклистов

В поле не видно ни зги. Втроем, командир батареи, Поздняков и я, ищем пучки ржи, которыми на рекогносцировке были обозначены взводные участки и направления стрельбы. А все прочее... места окопов, границы секторов?

Лейтенант Величко собрал в охапку рожь, выдернул. «Лопату!» Малой саперной лопатой связной снял на два штыка грунт.

— Глубже... еще,— Величко взял из рук связного лопату.— Да... земля тут не мягкая... Поздняков, как насчет шанцевого инструмента?

— Я получил полтора десятка лопат на батарею.

— Товарищи командиры,— лейтенант Величко вернул лопатку связному,— командир дивизиона приказал шоссе перекрыть намертво. Ни один танк, ни один пехотинец... Мышь... если с той стороны... не пропустить... дальше... Княгиня... Княгана... нет... Княгининки... Откуда такое название, Поздняков?

— Наверное, какая-то путаница,— Поздняков повторил название села.— Особенность местного языка.

— Да... тут не удержаться,— продолжал Величко,— если не оборудовать со всей тщательностью позиции... Ячейки закончить в срок... кровь из носу!.. Растрассировать ходы сообщений.— Лейтенант Величко умолк.

В лесу взвились три-четыре ракеты почти одновременно, осветили крыши хат в Княгининках.

— Товарищ лейтенант, не подвернулось бы нам работы более неотложной,— сказал Поздняков.— Ракеты недалеко... где тут свои, где немцы?

Командир батареи не слушал.

— ...Получите гранаты... к занятию позиции приступить не позже, чем через тридцать минут... до двадцати четырех часов я здесь... после на НП. Все, отправляйтесь!

Да, грунт на сельской житнице лежалый, крестьянская соха поднимала верхний слой па полштыка, не более. Глубже твердь, не тронутая, кажется, от сотворения мира. Рыжая пластичная глина. А инструмент? В 1-м огневом взводе, помимо малых саперных, 7 ржавых лопат, реквизированных у населения. Держаки никудышние. Даже прочная, военного ведомства лопата гнется и звенит, будто о камень. Две кирки. В затылок орудийному номеру, который работает, стоят четверо других. Кирка долбила глину две минуты непрерывно и передавалась следующему.

За ночь ни один орудийный номер не присел и не сомкнул глаз. Рыли, отбрасывали грунт, маскировали.

Стало светать. Движение на шоссе не прекращается. Позади, в тылу, я увидел танки Т-35. Ровным счетом десять. Гудят двигатели. Вначале танки стояли в низине справа от шоссе, потом отошли к хатам северной окраины села.

За ночь люди вытолкли рожь. Выяснилось, правый фланг всего участка обороны висел в воздухе. Пехота 622-го СП не подошла ни ночью, ни утром, как обещал Величко. Левее 1-го огневого взвода находились позиции 2-го и взвода управления. Слева занимала оборону 2-я батарея, своим флангом она упиралась в шоссе.

Пригревает солнце. Впереди по всему склону застыла желтеющая рожь. Оборонительный рубеж, занятый подразделениями дивизиона, открыт для обозрения. С бугра, откуда нужно ждать немцев, Княгининки просматривались насквозь. Все наши старания скрыть стрелковые ячейки бесполезны. Маскировочный материал — трава, рожь — засыхал на глазах.

— По местам!

8 часов. Не затихает скрип повозок. По шоссе полз нескончаемый обоз. Грохот отдаленных разрывов обозначил направление на юг, в сторону Луцка. Над лесом кружит корректировщик. Приблизился к селу раз, другой, но шоссе не перелетел.

В тылу рокочут двигатели танков. Корректировщик улетел. На всем обозреваемом пространстве не заметно каких-либо признаков опасности. В окопах душно. Орудийные номера в недоумении переглядываются. Чем вызвана команда «по местам»?

Прошло четверть часа. Начался завтрак. Без всякого аппетита люди мазали хлеб подтаявшим маслом, ложками черпают тягучее молоко.

Я присел на ступеньке окопа. Оружие готово к стрельбе. Пулеметы на упоре, рядом снаряженные диски, по две цинки патронов, выложены гранаты. Воздух неподвижен, температура не менее 30 градусов. Дышать трудно и выше бруствера. Уложенная перед завтраком трава усохла, коробились листья веток.

Движение на шоссе заметно уменьшилось. В сторону Ковеля шел обоз. Завьюченная наглухо повозка, пара лошадей, ездовой на передке. Небольшой разрыв, опять повозка, следом кухня и так далее до гребня, шоссе там делало поворот.

Обоз уходил все дальше вниз, к мосту. Шоссе пустело. И вдруг — гул двигателей. Мотоциклы — пять, семь, десять. Застучала автоматная очередь. Немцы! Лошади на шоссе бросились в галоп. Обоз смешался, повозки наезжали одна на другую, переворачивались. А мотоциклы мчались с бугра вереницей под бешеный треск автоматов.

— Внимание... противник слева! — послышалась с НП команда.

Обоз в панике рассыпался, перекрыл шоссе, обочины. Мотоциклы один за другим выскакивали из-за бугра. Скорость бешеная. Тщетно тормозить. Мотоциклы, повозки, лошади — все смешалось в общей свалке. Немецкие мотоциклисты стали жертвой собственной дерзости.

Но прежде, чем заглох последний опрокинутый мотоцикл, послышались новые звуки. Мины, падая, выли на излете. Поднимается дым разрывов, свистят осколки. Дрожат стенки окопа, сыплется вниз грунт. Приторно-сладкий запах сырой земли и тротила.

— Усилить наблюдение... приготовиться к стрельбе!

На бугре справа появилась пехота. Склон пересекла трас-

сирующая очередь немецкого пулемета и потянулась в сторону позиции 2-й батареи. Стук металла заставил меня отложить бинокль. Перед ступенькой прилег орудийный номер, каска ерзала по стволу карабина.

— Разрешите войти? — сдавленным голосом произнес связной.

Я устыдился собственного невежества и помог связному сойти на ступеньку.

— Товарищ лейтенант...— два разрыва легли за бруствером. Бедняга оступился, и, стуча зубами, продолжал: — Вас вызывает командир батареи.

Я выбрался из окопа. Позади бежали связной и ординарец, должность вроде денщика, учрежденная с первых дней боевых действий. Ординарец обязан следовать за командиром, содержать в порядке его вещи и выполнять прочие поручения.

Обстрел усилился. Я следил за поведением моих провожатых. Какого усилия стоит им каждый шаг. На связном лица нет, дрожит всеми, как говорится, фибрами души, но не отстает. Так выглядит на деле настоящий солдатский этикет.

Непрерывно рвались мины. Рикошетируют пули, концентрическими кругами полегла вокруг воронки рожь. Ординарец вскрикнул и повалился на землю. Я вернулся, ординарец ранен, рвал индивидуальный пакет. Он остался на позиции пулемета 2-го орудийного расчета.

Весь маскировочный материал на НП командира батареи лежал в куче. Над бруствером торчат обмотанные стеблями бленды стереотрубы, дымится ствол пулемета.

Я готов был шагнуть на ступеньку, но удержался. Вой мины напомнил приподаный мне урок фронтовой вежливости. Я крикнул: «Разрешите войти?»

Старший лейтенант Шилкин оставил стереотрубу и удивленно шагнул навстречу. Среди лиц, находившихся на НП, командира батареи не было.

— Он занят,— ответил Шилкин.— Вы видите... справа вожи пригорок? Там никого нет, наш правый сосед, пехота, не подошла... Понимаете, куда метит противник? Если он зайдет во фланг, нам не удержаться... Вашему взводу... занять высотку немедленно. Установите связь с подразделениями шестьсот двадцать второго стрелкового полка на опушке леса... Имейте в виду, немцы уже вошли в низину.

Старший лейтенант Шилкин поворачивал стереотрубу, говорил о наших танках, которые вели огонь, о том, что необходимо удержать рубеж села, и еще о чём-то. На высот-

ке часто рвались мины, по склону вниз спускались автоматчики.

— ...Вот появились немецкие танки... видите? — старший лейтенант Шилкин умолк.

Танки, автоматчики... они направлялись вправо. Как оградить орудийных номеров от пуль и осколков? До высотки не менее 700 шагов. Сколько у меня останется во взводе людей?

Ни старший лейтенант Шилкин, и никто другой не мог предсказать, что ожидает 1-й огневой взвод через час или полчаса, даже в следующую минуту. Но... нужно идти.

— Вопросы есть? — старший лейтенант Шилкин, по-видимому, находил мое тугодумие чрезмерным.

Нет, задача понятна... вполне. Что же еще?

— Разрешите выполнять?

Быстрей в обратный путь. Я издали заметил пулеметный ствол на бруствере моего окопа.

— ...Первый огневой взвод, разобрать оружие... всем... вылезай... по направлению на высотку... за мной бегом марш!

Началось перемещение. Всего-то людей два десятка и такая канитель! У одного диск выскользнул из рук, другой застрял в воронке, те залегли в ряд тут же за бруствером... страшно... Никаких оговорок! Вперед, дорого каждое мгновение. Иначе опоздаем, и немцы опередят 1-й огневой взвод.

Наше сознание во многих случаях не воспринимает слов, даже тех, что исходят из глубины души, исторгнутые очевидной для всех необходимостью. Хорошо знакомый человек вдруг преображается, не узнать, чужой да и только, непонятлив и глух, будто истукан. Как с ним обращаться? Сократить дистанцию, подойти ближе, приблизиться вплотную, помочь? В общем, только успевай поворачиваться, время не ждет. Где противник... мои люди?.. не вижу ... где еще четыре человека? Не потерять направление и не упустить того, что происходит перед глазами, вокруг и там на шоссе.

Рвались с оглушительным грохотом мины, снаряды. Позади опять заминка. Один отстал совсем и другие не торопятся. Страх гнет в дугу, тянет неудержимо к земле, люди на грани... не пересилят себя, оглядываются.

— Проценко, сюда ваших людей... Направление стрельбы... окапываться... интервал десять шагов...

Немецкая пехота уже в лощине. Чего ждать? Орудийный номер не знает, где противник?

— Ячейку рыть!

Он оставил в окопе лопатку? Рыть чем угодно и с места ни на шаг.

Одна за другой ложились мины. Воронки в окаймлении выброшенной ударом земли, иссеченные полегшие стебли. Дым, копоть. Строчат пулеметы с фронта и слева, со стороны шоссе.

Подтянулись еще пять человек. А остальные? Расчет 2-го орудия залег, ни туда, ни сюда. Что же думает сержант Дорошенко? Он командир!

— Приготовить оружие, не стрелять... окапываться, вести наблюдение... Проценко, сектор... шоссе и вправо угол поля... Дорошенко, Белый... вправо и дальше, где дым.

Орудийный номер кричит о чем-то, непонятно, приподнялся, указал вправо. Наша пехота! Двигались из лесу густые цепи. Куда они, на шоссе, в атаку? Велико расстояние. Может, и там противник?

Строчат немецкие пулеметы, очереди рассеиваются во ржи. Отмечены отдельные группы пехоты. Дальность 300—500 шагов. Ждать сближения? Высоту обороняют 6 пулеметов.

— Назад не оглядываться, углублять ячейки... целиться.

Командиры орудий усвоили задачу.

Рыли пулеметные позиции. Кто бездействует?.. Нет, шевелятся... один стреляет, другой долбит лопаткой. А там еще два не двигались, присыпанные землей на краю воронки.

Умолк пулемет сержанта Дорошенко. Что с ним? Не слышит, сколько ни кричи. Рвутся мины, громыхают позади орудия Т-35.

В чем дело? «Диск опустел»,— отвечает сержант Дорошенко, не выпуская приклад. Его помощник толкал окровавленными пальцами патроны в отверстие, сразу по десятку. Пружина провернулась, диск готов. Дорошенко повел дымящимся стволом.

Патроны... сколько осталось в первом, во втором расчете?

— Пять-шесть цинков.

— Внимание, стрелять короткими очередями, три-четыре патрона... целиться... углублять ячейки...

Последнее напоминание излишне: все мои стрелки зарылись более чем на полметра. Вот так. Ночью эта земля не поддавалась даже кирке.

На шоссе немецкие танки не решаются повернуть в обход мостка. Обстреливают из-за насыпи позиции 2-й и 3-й батарей. Из лощины строчат автоматчики.

Я нашел свою ячейку глубже, чем оставил. Связной старался. Успел переставить пулемет. Стрелять вполне удобно. Но обзор ограничен. Сменить позицию? Нельзя. Что происходит в лощине? Я не вижу. Полагаться на слух опасно. Разве подтянуть пулеметы, те, что справа? Хотя бы один.

Пулеметчики поняли с полуслова. Молодцы! Не отстают, со мной — шаг в шаг.

Я указал место. Первому номеру — наблюдать и не мазать. Второму окапываться. Ну, а теперь обратно к своей ячейке.

Душно, жара, дым. Мелькнула тень. Кто это? Поднялся, упал. «Встать!» Пехотинцы. Два, три четыре! Ручной пулемет, винтовки. Какой части? Дозор от разведроты 622-го СП... послан к шоссе... застиг огневой палет... Решили переждать.

Пехотинцы привлекаются к выполнению задачи 1-го огнево взвода. Оборонять позицию. Сержант, старший дозора, колеблется. Он не понимает?

— Товарищ лейтенант, немецкие танки... сообщить командиру роты.

Танков сколько... всего-то восемь.

— Так точно!

В Княгининках наши танки. Полтора десятка. Прекратить разговор. Все... за дело!

Очереди моих пулеметов, кажется, слишком длинные.

— Короче! Не более трех-четырех патронов!

В стороне леса стрельба усилилась. Сверкает пламя орудийных выстрелов. Орудия вели огонь прямой наводкой. Где же цели?

Слева беспорядно стрелял пулемет. Я повернул к нему.

— Танки, товарищ лейтенант! — первый номер поднял голову. Под рукой снаряженные лимонки, он передвинул их ближе.

Танки? Да, я видел несколько минут назад. Направлялись вниз по склону.

— Где наша батарея? — интересовался пулеметчик.

На фланге видимость ничуть не лучше. Нужно возвращаться. Слева все три пулемета возобновили стрельбу. Позади раздавались орудийные выстрелы, не иначе как Ф-22. Они, говорил Гаранин, на опушке леса. Мелькают факелы, справа налево и обратно. Расстояние не более километра. Я поднялся. Четыре вспышки. Это что? Упряжки? Идут карьером... Передки, за ними зарядные ящики. Следом немецкие танки— три, четыре. Неужели орудия стреляют по

своим упряжкам? Ясно — шрапнель, трубка на картечь. И уже нет упряжек.. полегли ездовые, кони.

Танк вдруг остановился... один... еще один, окутался дымом, а тот уползал в лощину. Где же еще один? Поднялись ракеты.

Танк в тылу... уж не двоится ли у меня в глазах? Откуда? Из Княгининок? Над селом кружили «юнкерсы». Танки обошли позиции нашего дивизиона. А шоссе? Со стороны подбитых танков неслись трассирующие очереди, одна в одну, как будто отсекали угол ржаного поля.

Горячий, серо-желтый дым, я едва не задыхался. На склоне немецкая пехота, по-видимому, она уже заняла огороды. Следом накатывалась новая волна. А там, в стороне, удалялись от шоссе группы людей. Наши батареи отходили? Свалка осталась, по всей вероятности где-то слева, позади.

Немецкая пехота второй раз меняла направление атаки. Вначале двинулась в сторону леса. Прилетели «юнкерсы», пехота круто повернула. Немецкие танки обошли Княгининки, вполне вероятно, с востока. Пехота вернулась в первоначальное направление.

Позади, в лощине,— серия ракет.

— Внимание... пехота с фронта, дальность триста метров... Приготовить диски для всех... когда минует пехота оголенные места во ржи, стрелять самостоятельно.

Поднялся невообразимый треск. Разрывы мин, в тылу выстрелы танков. Видимость не превышала сотню метров. Согнувшись, редкой цепью приближались немецкие пехотинцы.

Застучал ДП сержанта-пехотинца. Слева начал строчить еще чей-то. Очереди растянуты. Наводчик задерживал спуск. Я осмотрел ближний пулемет. Он стрелял в белый свет — колодка прицельной рамки сдвинута на предельную дальность. А у соседнего, наоборот, пули ложатся под носом.

— Внимание всем, проверить установку прицела... Очереди короче, короче!.. Следить... где ложатся пули!

Старший сержант Проценко целился, нажимая спуск. Второй номер лежал навзничь, рядом с ячейкой. Лицо прикрыто каской. Он уже не нуждался в укрытии.

— Там кто-то бежит,— Проценко указывал в сторону шоссе.

Неужели связной... Тот самый, в руках — цинка. Упал, нет, залег, кажется, ползет.

— Товарищ лейтенант, командир дивизиона приказал отступать за дорогу... туда... наши батареи ушли... на шоссе

танки, машины... долго искал, первый огневой взвод не мог найти...

Подразделения дивизиона оставили оборонительный рубеж. Должен ли 1-й огневой взвод удерживать дальше повисший в пространстве фланг? Задача, поставленная старшим лейтенантом Шилкиным, представляется мне выполненной. Отходить?.. Во ржи автоматчики... головы́ не поднять. Шоссе занято. Княгининки тоже. На запад, в лес, к позициям Ф-22? На пути танки... два горят... третий посылает пулеметные очереди во все стороны.

Так... 4-я батарея ушла четверть часа назад. А 3-я?

— Следом... отступала за дорогу...— ответил связной.

— Патроны где взял?

— Недалеко... там убитый.

Рвались мины, не затихал стук автоматных очередей, отстреливались мои пулеметы. Успею ли известить командиров орудий?

Пулемет оборвал очередь. Посланный с закрытой ОП снаряд оставил на месте ячейки широкую воронку. Курится дым.

— Товарищ лейтенант, мы уходим,— кричал сержант-пехотинец,— отрежут.

Пехотинец чувствует себя слишком независимо. Мог бы и меня пригласить... за компанию.

— Но... товарищ лейтенант... командир роты приказал разведать... и назад.

— Вы, сержант, знаете устав?

— Так точно!

— Как там сказано?

— Выполнять последнее приказание.

Вот и прекрасно... 1-й огневой взвод оставляет свои позиции. Уйдут и пехотинцы, но... когда я подам сигнал.

— Прямое попадание,— послышался голос Проценко.

Во рту горечь, все пересохло. Пыль лезет в глаза. Пулемет подбитого танка перестал стрелять. Автоматные очереди раздаются справа, полукругом, позади.

— Товарищ лейтенант, танки!

На участке, который занимала 3-я батарея, четыре танка, переваливаются на брустверах, качали стволами. Да, нужно уходить!

— Старшему сержанту Проценко и всем... по пехоте, огонь! Сержанту Дорошенко с расчетом 2-го орудия... отходить бегом в направлении горящего танка, к лесу!

Теперь пехотинцы. Придет их время.

Автоматные очереди рядом. Словно палкой колотил кто-то по каске. Сгущался дым. Вместе с сержантом Дорошенко четыре орудийных номера. Я совершенно не уверен, удастся ли им пройти под стволом поврежденного танка.

На позиции остались Проценко, два орудийных номера и связной. Для арьергарда многовато, я понимал. Но если Дорошенко застрянет, то останется один путь... прямо на танк.

Проценко вытирал струившийся пот. Танки проутюжили окопы 3-й батареи и направились в село. Пришел в движение второй эшелон, на шоссе шесть танков. Очевидно направлялись к позиции 1-го огневого взвода.

Стучал ДП. Уговор свят. Пехотинцы, уходить! И вот последняя очередь моего пулемета. Встать!

Немцы находились ближе, чем я полагал. Низко стелились пули, валятся подсеченные стебли. Не задерживаться, по-пластунски, вперед марш!

— Немцы, товарищ лейтенант,— вскрикнул связной.

Просвистела автоматная очередь. Силуэт возник и исчез. Я нажал спуск. Автоматчики не унимались. Передвигаться по-пластунски не менее опасно, чем в рост. В затылок подталкивали очереди. Я ничего перед собой не вижу. Тыкаются в землю пули, того и гляди продырявят одежду. Не задерживаться, вперед, вперед, без передышки!

Два, три прыжка и передо мной барьер — межа. Подрытый внизу грунт. Еще усилие, упор под сошки — и пулемет готов. Автоматная очередь оборвалась. Преследователи вроде приутихли, начали отставать.

За гребнем, похоже на шоссе, стрельба возобновилась. Гудят двигатели. Перед глазами бугрится поле, запах гари, дым. Лошадиные туши, целая упряжка, погибшие под своими снарядами. Опрокинутый на колесо зарядный ящик.

Проценко повеселел. Автоматчики, танки уже позади, и экипаж с пулеметом не помеха. Путь в лес, кажется, открыт. Где пехотинцы? Где Дорошенко? Простучала пулеметная очередь МГ, пули прошли, подняв комья земли. Межа тянулась дальше, еще, еще. Высота полметра. Я в безопасности.

Пришла минута оглядеться. Треск очередей позади за высотой не затихал. Автоматчики прочесывали ржаное поле, палили впустую. Нужно прибавить шаг, лес рядом.

На опушке я не замечал признаков пребывания людей. А в глубине?

Над головой шуршали снаряды. Солидный калибр. На склоне высоты взметнулись столбы земли и дыма. Доносят-

ся далекие выстрелы. Орудия вели огонь с севера. Наши, значит. Кто-то вел наблюдение за полем боя.

Межа тянулась дальше, в конец клеверного поля. Сиреневые бутоны, растения сочные, темнозеленые. Начинались заросли. И тут воронки. Ровики наполовину отрытые. Тела погибших воинов. Пустые консервные банки. Колея, запах болота. Угасший костер недавно оставленного бивуака.

— Товарищ лейтенант, вода! — обрадовался Проценко.

В яме на глубине двух штыков жидкость, довольно прозрачная. Орудийный номер снял котелок. Вода теплая, чайного цвета, отдает болотной тиной. Все пьют и пьют.

Лес обитаем. Под деревом лошади в упряжке, повозки. Слышатся стоны. Санитары и ездовые заняты погрузкой раненых. Переполох, вызванный появлением сержанта Проценко, прервал ненадолго работу. Санитары сообщили, что оба батальона 622-го СП ушли часа два назад.

Бдительная пехота

Вечерело. Люди шли гуськом. Один пулемет нес Проценко, другой — у связного. На плечах у орудийных номеров шинели в скатках, два карабина, диски.

Какая благодать! Не путается под ногами рожь, колосья не хлещут в лицо. И не надо вскакивать, напрягать слух и зрение, метаться от одного пулемета к другому, следить непрерывно за тенью, которая обращается в цепь, брызжущую выстрелами. Куда она двинется? Сжимала голову каска, мутный полуденный жар обжигал лицо.

Дорога петляла по опушке, в объезд луж и выбоин. Отвернет в поле и снова под ветви берез и сосен. На повороте расщепленный ствол вздымал заостренные обломки.

1-й огневой взвод ушел от автоматчиков. Миновала пулеметная очередь поврежденного танка. А дальше? Княгинины занял противник. Подразделения дивизиона ушли на Ковель. Но, может быть, они заняли оборону за селом? И где мои люди? Только Проценко и три орудийных номера... Ушел же еще кто-то с высоты... А Дорошенко жив ли? Четыре человека... Неужели это все, что осталось от 1-го огневого взвода?

— Товарищ лейтенант, кто уцелел из наших? — Проценко остановился и оглушительно засвистел. Тишина, и птиц не слышно.

Что же стоять? Пойдем. Проценко не терял надежды,

свистит раз за разом. Позади бредут остальные. Уже обменялись дважды оружием, по очереди.

Деревья на опушке искалечены снарядами. Пни, обломки разной высоты. Воронки одна за другой.

— Стой! — вскричал Проценко.— Товарищ лейтенант, там люди,— и бросился на землю.— Выходи, не прячься!

— Свои,— последовал ответ.

Из-за куста поднялся человек — сержант Дорошенко, и не один. Орудийные номера, пехотинцы, общим числом восемь.

— Не ждали... вот повезло, товарищ лейтенант,— радовался Дорошенко,— у меня затвор заклинило, я видел, автоматчики зажали вас... И диск кончился... коробка раскалилась, не снимается, хоть плачь... вместе с ним,— он схватил за руку пехотинца,— собрали патроны... когда залез обратно на дерево... вас нет нигде. Думаю, ну все, пропали ни за что... им не сказал... может, придете... так и вышло.

И все глядят друг на друга, одиннадцать человек.

— ...Весь день воевали,— продолжал Дорошенко.— Под огнем не думал-не гадал в живых остаться.

Котелок пошел по рукам. Вода из источника не лучше прежнего, пехота вырыла чуть глубже. Влага теплая, все угощают друг друга.

— Немцы эти... чистые дьяволы... И бежат вроде не шибко... уследить как? Ничего не видать, а он, гляди, словно из-под земли, уже сбоку зашел, с тыла... и строчит проклятый,— сержант-пехотинец обнимал орудийного номера.— Товарищ лейтенант, нам... было уйти. Я жалел, что обратился, а...— недосказал сержант, махнул рукой.

— Как танки зашли в тыл? — возбужденно спрашивал Проценко.— Не пойму... Хорошо прижучила их пушечная батарея, а то всем бы каюк... Село бомбили «юнкерсы»... здорово ты поймал того, помнишь? — говорил он наводчику 2-го орудия. Пулеметы их стояли рядом.

Говорят все, каждый о своем. Как окапывались и стреляли, как хотелось пить. И о том, кто верил в чудо и не верил, не заклинил бы перегретый ствол. Целый день они держались и ушли наперекор всему, зажатые со всех сторон танками и автоматчиками.

Души переполняет радость, неподдельно искренняя признательность одного другому, преклонение перед силой случая, которому воин обязан жизнью. И нет ничего скрытого, исчезла всякая грань индивидуализма. У ровика с подпочвенной водой сошлись люди, сплоченные воедино общей участью. Они живы, избавлены от смерти. Они охвачены

одним стремлением и несут свое бремя, как воины всех веков,— поровну, честно, до конца. Нет ничего выше рожденной в бою солдатской дружбы.

Орудийные номера и сержанты... Каждый знает, не все вели себя лучшим образом. Кто именно? Не забыто, да зачем вспоминать? Известно... по оплошности. У кого сил больше, у кого меньше. Что было— не в счет, важно — уцелели и в безопасности.

Прошла и улетучилась мимолетная радость. Все умолкли, прислушиваются. Гул двигателей. Танки. Есть ли гранаты? Гул вроде удалялся. Кто-то вспомнил о еде. С утра ни крошки во рту. Принялись за вещмешки, там — три цинки патронов, пустые диски. Хлеб, консервы, банки с молоком остались в ячейках.

За бугром взлетали осветительные ракеты. Подошел связной, разговорились. 3-я батарея последовала за 1-й, 4-й и штабной. Куда девалась 2-я батарея? Связной не знал. Еще в девять часов танки вышли к мостику. Вдоль шоссе путь отходящим подразделениям был отрезан. Вполне вероятно, 2-я батарея не сумела сняться и не ушла с позиции, на обочине шоссе.

Княгининки в руках противника. Далеко ли он продвинулся в сторону Ковеля?

Я решил идти на север и, сколько возможно, не удаляться от опушки. Объявлены сигналы. 1-й огневой взвод принял походный порядок. Со мной в головном дозоре сержант Дорошенко, один орудийный номер. В сотне шагов остальной состав взвода со старшим сержантом Проценко. В тыльном дозоре сержант-пехотинец и орудийный номер.

Стало темнеть. Позади тускло светился горевший танк. Сколько пожаров пылает в темноте ночи! Со всех сторон, куда ни взгляни, взлетают и опускаются ракеты, в небе трассы зенитных снарядов.

Скоро дистанции пришлось сократить. В голове двигался только парный дозор. Неопределенность принятого решения для меня становилась все более очевидной. Идти в обход, на север... сколько?.. Час, два, три? Я не имел сведений о противнике. Не лучше ли найти своих? Выяснить обстановку, поесть, если удастся. Пехота после неудачной атаки ретировалась. Не могла уйти далеко со своих позиций и батарея Ф-22. Из глубины леса вели огонь 152-мм батареи.

Впереди раздался выстрел, свист. Все залегли.

— Товарищ лейтенант, свои! — послышался голос сержанта Дорошенко.

Выкрики, стук затворов заставили меня прибавить шаг.

Головной дозор наткнулся на часового. Караул от батареи, которая стояла поблизости.

После недолгих препирательств, караульный согласился проводить на ОП. Он впереди, я следом. Вырисовывается поляна. Колея, оставленная орудийными колесами, становилась глубже. Сыро, под ногами жидкая грязь.

— Сюда, сюда...

Опять окрик: «Стой! Кто идет?» Виден силуэт орудия, длинный ствол Ф-22 загородил путь. Слышится храп. На ящиках спят орудийные номера.

Караульный разбудил старшего на батарее. Спросонья тот бормочет: «Кто такие... что?»

— Разрешите доложить... задержали,— начал караульный,— пароль не знают.

Светит слабо лампа подсветки, протянутая от орудия. Едва различаются лица. Лейтенант, караульный, еще кто-то. «Задержали?» Ну, ладно.

Лейтенант потребовал документы. Прежде чем предъявлять удостоверение, я представился:

— Девяносто второго отдельного артиллерийского дивизиона, третьей батареи,— назвал свою должность, звание, фамилию.

То же самое сделал лейтенант. Я находился на ОП 2-й батареи 469-го ЛАП. Данные, которые содержались в моем удостоверении, вызвали у лейтенанта ряд вопросов. Он ничего не знает ни о мотоциклистах, ни о том, что произошло после их появления на рубеже Княгининок.

— На бугре за клеверным полем? — лейтенант оживился.— Дополнительный сектор второй батареи.— Он сообщил подробности упомянутой атаки танков. Не колеблясь, лейтенант подал команду «огонь!», когда убедился, что упряжки не уйдут с плоскости стрельбы. Пришлось стрелять, он очень сожалеет. Батарея потеряла половину конского состава — Ф-22... великолепные орудия, с первого выстрела... цель... сделано шесть выстрелов.

Пока продолжался ужин, которым 1-й огневой взвод угощала 2-я батарея 469-го ЛАП, я узнал, что лейтенант — единственный средний командир в огневых взводах. Окончил 2-е Киевское артиллерийское училище, в то время когда производился выпуск в нашем училище. 469-й ЛАП дислоцировался в г. Сокаль, на расстоянии нескольких километров от границы. Части 124-й СД, в состав которой входил 469-й ЛАП, начали боевые действия в таких же условиях, как во Владимир-Волынском укрепленном районе. Но более организованно. 124-я СД, несмотря на потери, понесенные

в первый день войны стрелковыми и артиллерийскими полками, с 23 по 27 июня в полном составе сражалась в тылу противника. Со вчерашнего дня перешла на широком фронте к обороне северных подступов к Луцку. 622-й СП со 2-м дивизионом 341-го ГАП и 1-м дивизионом 469-го ЛАП обороняял участок 18 километров, лес и дальше на юго-запад. Мало боеприпасов. Батареи вели огонь с оглядкой.

Я узнал немного относительно обстановки в районе Княгининок. Связь с командиром 2-й батареи прервалась по неизвестным причинам вскоре после смены НП. Во второй половине дня 3-й батальон 622-го СП предпринял контратаку в направлении шоссе, но подвергся интенсивному обстрелу и потому отошел в исходное положение. С наступлением темноты пехота была отведена к северу, на промежуточный рубеж, в 6—8 километрах. Когда наладится связь, по всей вероятности уйдет и 2-я батарея.

1-й огневой взвод снарядил пулеметные диски и отправился к месту для отдыха, которое указал лейтенант. Я готов был идти вслед за своими людьми, когда приехал командир батареи. Он не сообщил ничего нового. 1-му дивизиону 469-го ЛАП приказано оставáться на занимаемых ОП до рассвета, обеспечить пехоте занятие оборонительного рубежа.

Наступило утро. Сырая болотная мгла окутала поляну, деревья. Расчеты 2-й батареи приводили орудия в походное положение. Виден лишь корпус всадника, все, что ниже седла, скрывалось в густом тумане.

В огневых взводах 2-й батареи на орудие по одному-два уноса вместо трех. Шины колес на зарядных ящиках оборваны, они катятся чуть ли не на дисках. Орудийные номера брались за лямки раз за разом в помощь лошадям.

Некоторое время 1-й огневой взвод не отставал от орудий. Почва становилась суше. Дорога все чаще подворачивала в поле. Орудия начали удаляться, скрылись за деревьями.

Два расчета, разделенные дистанцией, шли молча. Дорога опустела совершенно. Я не боялся затеряться ни в лесу, ни в поле, но душа была неспокойна. Настораживала тишина. Там ровики, куча гильз, тут поломанное колесо, пустые банки, забытая впопыхах кормушка. Безлюдно в лесу, вчера еще переполненном войсками. Куда ушли пехота, орудия, повозки?

8 часов. Справа впереди раздаются орудийные выстрелы. Там шоссе. А Княгининки? 1-й огневой взвод в пути 5 часов. По-видимому, село осталось в 10—15 километрах позади.

Пригревало солнце. Орудийные номера неохотно соблюдали порядок движения. Дорога все больше отклонялась к северо-западу.

Сержант Дорошенко заметил впереди людей, они явно спешат укрыться за деревьями. Оба орудийных расчета залегли.

— Стой! Кто такие?

Взвод разведки 2-го батальона 781-го СП. Вчера вечером получил задачу выяснить положение севернее Княгининок. Младший лейтенант, командир взвода, утверждает, что немецкие танки ушли в сторону Луцка. Он слышал ночью гул двигателей.

У разведчиков длинные трехлинейки, два ручных пулемета, гранаты, малые саперные лопаты. В ботинках с обмотками «двенадцать месяцев». Так назывались на солдатском языке широкие полосы из плотной ткани, уложенные витками от щиколотки до колен, которыми снабжалась в то время наша пехота.

Орудийные номера шагают бодро, даже молодцевато. Правда, обмундирование потеряло вид. Брюки, гимнастерки и тяжелые яловые сапоги три дня назад получены в Ковеле.

· Пехотинцы отличаются внешностью, и не в лучшую сторону. Утомлены, у некоторых каски в руках, другие нацепили кое-как, с перекосом. Болтаются подбородные ремни.

Разведчики начали отставать. Младший лейтенант взмахнул рукой. Что случилось? Привал. Разведчики снимали оружие.

Я спросил младшего лейтенанта, где он рассчитывает найти 781-й СП?

— В лесу...— младший лейтенант указал направление.

Известно ли ему, что вчера перед вечером подразделения 622-го СП ушли с южной опушки леса? На всем пути я не встретил нашей пехоты.

— Помощник начальника штаба не говорил насчет отхода... найдем.

Долго ли разведчики собираются отдыхать?

— Люди устали...

1-й огневой взвод оставил пехотинцев. Полученные сведения, грохот орудийной стрельбы на шоссе укрепляли мои предположения. Идти нужно на север.

Незадолго до полудня я заметил дым на опушке леса. Стоит кухня, повозки. Пехота отдыхала. Винтовки собраны в пирамиду. Станковые пулеметы на колесах.

Никто не ожидал появления 1-го огневого взвода. Пехотинцы вскочили. Кто? Куда? Откуда? Пришел лейтенант скорым шагом. Его интересуют документы. Он подозрительно долго для усталого человека листает мое удостоверение, все, что я мог предъявить. Вдаваться в объяснения того, что значилось на первой страничке обложки, мне казалось излишним. Я хотел встретиться со старшим начальником. Лейтенант указал на санитарную повозку. В тени отдыхали старшие командиры. Я представился, упомянул обстоятельства, которые привели 3-ю батарею 92-го ОАД в район Княгининки.

Командиры переглянулись. Меня направили к начальнику штаба полка. Затем к командиру.

— В шестьсот двадцать втором стрелковом полку никто не знает про девяносто второй отдельный артиллерийский дивизион. Но, допустим, он существует в действительности и входил в состав частей Владимир-Волынского укрепленного района,— командир полка черноволос, говорит с кавказским акцентом,— зачем забрел сюда лейтенант-артиллерист? Село Княгининки,— он заглянул в развернутую на ящике 200-тысячную карту,— в двухстах километрах от Владимира-Волынского...— и умолк, убежденный, что перед ним диверсант либо лазутчик.

Возле повозки шушукались писари, ездовые. Командир полка распорядился спросить орудийных номеров. Какая необходимость в этом? Я возражал против того, чтобы опрос производился в моем отсутствии. Для сопровождения ко мне были приставлены два лейтенанта. С ними я вернулся во взвод. Опоздал. Препирательства, возникшие между орудийными номерами и пехотинцами, перешли в потасовку. Ни те, ни другие не пускали в ход оружие, но дело шло к тому. Не без усилий нам — лейтенантам и мне — удалось развести спорящих на обочины.

Старший сержант Проценко доложил, что уполномоченный пехотной контрразведки начал дознание сразу после моего ухода. Помкомвзвода запретил орудийным номерам отвечать на вопросы лица без знаков различия. Пехоте внушают недоверие наши пулеметы, и она вознамерилась отнять их.

Я не мог оставить в таких обстоятельствах взвод на дороге и привел к штабной повозке.

— Танковые пулеметы... Гм... допустим, но как они попали в артиллерийскую часть? — командиры-пехотинцы ждали ответа.

Возмущенный подозрением и глупостью вопросов, я не упомянул о довооружении и переобмундировании в Ковеле. 3-я батарея получила тогда 23 пулемета, а дивизион — более сотни.

— Такое количество? Враки это все! Неправдоподобно!.. Пока не подтвердится принадлежность ваша к воинской части... и факт ее существования, вы и ваши люди будут задержаны... оружие сдать!

Об этом не может быть и речи. 1-й огневой взвод не обучен сдавать оружие и не знает, как это делается.

— Какой заносчивый...— командир полка смягчился,— в таком случае, сдадите патроны и гранаты.

Диски танковых пулеметов неразъемны.

— Что такое? — повысил голос майор.— Товарищ лейтенант, я не люблю повторять приказания.

Старший сержант Проценко вскинул пулемет и посредством заряжания стал выбрасывать из диска патроны под ноги пехотинцу. Защелкал затвором и Дорошенко.

— Наши винтовочные патроны подходят к этим пулеметам? — удивленный командир полка повернулся к уполномоченному контрразведки: — Не стоит обнажать шпаги, подождем... а?

Привал закончился. «В походную колонну!» 1-й огневой взвод двинулся вслед за штабными повозками.

Минул час, другой. Дорога вывела головную роту в поле. Следом шел ротный обоз, шесть-семь повозок, кухня. Тяжелое оружие — ручные и станковые пулеметы, две минометные трубы, плиты к ним — пехотинцы несли на плечах. Любопытно, чем загружен ротный транспорт? Боеприпасами, продовольствием?

Колонна растянулась километра на два. Каждое подразделение тянуло за собой облако пыли. Жарко.

Появился «Хеншель-126». По-видимому, заметил пыль на дороге. Порядок в колонне 622-го СП гораздо лучше, чем на шоссе. Из роты в роту исправно передавались команды. Пехотинцы стреляли по самолету с колена, не сходя с дороги, и очень отрадно было то, что стреляли все.

Довольно долго за мной в качестве наблюдателя шел младший лейтенант-пехотинец. Рослый, крепкий, лет 35-ти. По всей видимости, из младших командиров. Каска посажена низко, я не заметил ни разу, чтобы он поправлял ее. Молча оглядывался, курил на ходу. Жара и пыль заставили его сесть в повозку. Интерес к 1-му огневому взводу заметно ослаб.

Меня донимала забота. Тащиться с пехотой? Как долго? Найдутся ли люди, которым известен 92-й ОАД в полосе действий соединений 27-го стрелкового корпуса?

Минул полдень. Пехота двигалась на север. Это несколько смиряло меня с положением пленника. Разрывы мин и снарядов слышались справа.

К вечеру пыль уменьшилась. Голова колонны повернула в юго-восточном направлении на проселочную дорогу, кажется, к шоссе.

Штаб, две или три роты вошли в овраг, который тянулся дальше на север. После короткого отдыха подразделения начали занимать оборону, окапывались. Ездовые кормили лошадей. Все заняты делом. Только орудийные номера сидели безучастно в стороне.

Пришел старший сержант Проценко. Нельзя ли отвести людей в укрытие? Младший лейтенант-пехотинец возражал. Место указал командир полка. И что же? Не думает ли он, пехотинец, что 1-й огневой взвод останется тут до конца войны?

Пехота продолжала рыть ячейки. Подошла кухня. Застучали котелки.

Меня тяготила опека. Делать нечего. Я шагал по собственному следу взад, вперед. Приехал на коне командир полка. Все поднялись.

— Гляди ты, перегрели ствол...— командир полка указал на пулемет,— зачем беречь в бою оружие? Стрелять, не жалеючи патронов...

Похвала пехотинца нисколько меня не трогала, но примирительный тон вселял надежду.

— Не знаю, где ваша часть.. болтаетесь без документов, двенадцать... четырнадцать человек. А у меня в полковой батарее два орудия... и нет прислуги... Начальник артиллерии доложил... Не наберется и на одно... Может, пойдете в полковую батарею?

Предложение смахивало на приказ. Майору достаточно изменить ударение — и разговорам конец. Отвечать нужно коротко, одним словом — «есть». А 3-я батарея? Мои товарищи... Бег в парк... стрельба по танкам... ковельская дорога... Столько тяжких и радостных минут. И люди — Величко, Гаранин, Поздняков, Шапир...— ждут, может быть... Мысль о возвращении не давала мне покоя.

Пехотинец превратно поймет мое молчание. Тянуть нельзя. Что же? Он — командир полка, и службу знает лучше, чем я. Если бы его подчиненные находились на моем месте, им как отвечать?

— Товарищ лейтенант, шутить не время. Я не нуждаюсь в вашем согласии. Уйдете... задержат другие... Речь идет о зачислении в полк. Пройдем к моим артиллеристам.

Невдалеке стояли на огневых позициях 76-мм орудия образца 1902/27 года. Короткий ствол, деревянные колеса вровень со щитом. Точь-в-точь шуваловские единороги.

Командира полка встречал младший лейтенант, командир батареи. Служака, видно по всему. Лицо дубленое, крепкий. Заправлен наглухо, и нипочем ему никакая война. Только вот зачем он на ОП? Младший лейтенант, как и люди орудийных расчетов, носил артиллерийские эмблемы на малиновых петлицах. Абсурд. Никакого соответствия!

Орудийные расчеты громко отвечали на приветствия командира полка. Он спросил по-дружески, нравятся ли мне орудия?

Я ответил без всякой задней мысли, что мало знаком с материальной частью полковой артиллерии. Вначале принял эти орудия за минометы в походном положении.

— Минометы? — в негодовании младший лейтенант позабыл субординацию.— А у вас? Неужто береговые, корабельные?

Нет, зачем же, обыкновенные полевые гаубицы. Я не знал еще. как далеко заведет запальчивость младшего лейтенанта.

— Гаубицы, конечно, отличаются,— он повернулся ко мне.— Как вы могли назвать полковое орудие минометом? Недавно из училища, оно и видно... выпускают таких... командиров...

Майор вопросительно взглянул на меня.

— Ну как впечатление?

Я не знаком со службой у полковых орудий. Не знаю устройства и назначения, обязанности должностных лиц. Разве начинать с орудийного номера?..

— Сколько занимает обучение?

Трудно сказать, нужны руководства службы, таблицы, словом, литература.

Командир полка обратился к своему подчиненному. Тот подтвердил сдержанно.

— Так точно... смотря кого учить... Товарищ майор, он не разбирается, принял полковую пушку за самоварную трубу... вы слышали? Еще черные петлицы...— оскорбленный до глубины души, младший лейтенант оправил гимнастерку под снаряжением и умолк.

— Ну пушкари... окапывайтесь, да смотрите мне...— майор закончил осмотр ОП. Кажется, он так и не принял решения.

1-й огневой взвод спал весь поголовно, нисколько не тревожась о том, что заключен под стражу. Тщедушный пехотинец, стоявший бодро на карауле, в шароварах не по росту и обмотках до колен, приветствовал командира полка поефрейторски.

— Война, товарищ лейтенант, не до учебы,— прервал вдруг молчание командир полка.— Вы артиллерист... отправляйтесь в штаб артиллерии дивизии, пусть там решают. Идите.

Иногда тайны, над которыми военные люди долго сушат голову, раскрываются самым неожиданным образом. Чем, собственно, 1-й огневой взвод обратил на себя внимание начальствующих лиц и рядового состава 781-го СП, а еще прежде — дозорных 76-мм батареи? Я узнал только близ хутора, где находился штаб артиллерии 124-й СД, от пехотинца, который выполнял обязанности проводника. Вчера на командный пункт 406-го СП — другого полка 124-й СД — явился делегат связи с приказанием отвести с позиции в тыл два батальона. Спустя несколько часов обнаружилось, что это дерзкая диверсия вражеского лазутчика. Но к тому времени возможность вернуть оставленный рубеж была упущена.

Внушали пехоте недоверие также обстоятельства, забросившие 1-й огневой взвод в расположение частей 124-й, и еще больше танковые пулеметы, поскольку они отличались от ручных, которые состояли у нее на вооружении.

Старший из начальников в штабе артиллерии 124-й СД — помощник начальника штаба артиллерии по связи — сообщил, что все должностные лица находятся в частях и стал сетовать на то, что за время отступления кабель потерян, на радиостанциях работать невозможно — помехи. Без связи — какое управление? И выходит, что за все неудачи должен отдуваться начальник связи. А при чем он, когда все отступают?

В саду колодец, ведро с водой. Помыться... Первый раз за столько дней. Как установить местонахождение 92-го ОАД? Начальник связи обещал доложить обо мне начальнику артиллерии дивизии.

1-й огневой взвод безмятежно спал в саду, под изгородью, когда приехал начальник артиллерии. В чем дело? Лейтенант со взводом? Какие там сведения... в полночь. Сейчас не время заниматься пустяками. Ждать до утра. Начальник

артиллерии бросил поводья на руки коноводу и скрылся за дверью хаты. Начальник связи в испуге опустил руки по швам. Он ни при чем, сделал все, что обещал.

Я проснулся уже после восхода солнца. Часть повозок штаба артиллерии стояла на улице, другие торопливо вьючили штабные писари. Меня принял капитан — начальник штаба артиллерии. Он обратился с запросом относительно 92-го ОАД. Но он, начальник штаба, не обещает ничего положительного. Если бы вопрос касался только командира взвода. Но ведь еще полтора десятка орудийных номеров? В артиллерийских частях 124-й СД достаточно вакантных должностей. Сейчас неподходящее время для переборчивых людей, заявил капитан. Меня ждет назначение в один из артиллерийских полков — 469-й ЛАП или 341-й ГАП.

Начальник штаба отбыл на КП. После завтрака оперативный и разведывательный отделы штаба ушли из хутора. Оставшиеся люди сидели в седлах. В штабной колонне повозки менялись местами. Я найду службу в одном из артиллерийских полков. А орудийные номера, сержанты? «Завел нас лейтенант невесть куда и бросил». Я стыдился упреков в адрес старшего на батарее.

Послышался стук копыт. В конце улицы всадник, кажется, начальник штаба артиллерии. Писарь подал команду «смирно». Капитан остановил коня.

— По приказанию начальника артиллерии пятой армии комбрига Сотенского девяносто второй ОАД бывшего Владимир-Волынского укрепрайона выведен из боя и направляется в район станции Сарны... на реке Горынь... Оставил бы я вас в полку, не могу... приказ.

Орудийные номера укладывали в вещмешки хлеб и консервы, полученные из повозки. Писарь принес командировочное предписание. Там значилось, что группа военнослужащих 92-го ОАД, отставшая от своего подразделения, следует к месту дислокации части. Станция Сарны.

Начальник штаба просмотрел документ, не слезая с седла, поставил подпись. Личный состав 1-го огневого взвода построился. Я подал команду, и взвод прошел строевым шагом, приветствуя старшего из должностных лиц штаба артиллерии 124-й СД.

Мимо Киверцев на Мицк

Штабные повозки удалялись по дороге. Уже не слышно скрипа. 1-й огневой взвод остался на хуторке один. Одолевают мысли. За истекшие сутки дивизион достиг места назначения. А там? Получил новую задачу... отправлен, может быть, на формирование... Что ждет меня в Сарнах? Как туда добраться?

Карты нет. По совету начальника штаба, я составил по старой русской карте кроки маршрута. Этого совершенно недостаточно. Сарны лежат более чем в ста километрах, если считать по прямой. Уповая на компас и на кроки маршрута, я пустился в путь.

На склоне бугра копошилась пехота. Желание выйти к луцкому шоссе заставило меня оставить полевую дорогу. 1-й огневой взвод поднимался по склону на бугор, господствующий над всей округой. Проценко позади замедлил шаг, второй орудийный расчет отстал. Вдруг вой мины, разрывы — один, другой, третий. Озадачил не столько обстрел, сколько то, что я не видел противника ни на шоссе, ни на участке, который прилегал к нему с запада. Внизу в долине раскинулось село. Расстояние не менее пяти километров.

Возвращаться назад, к месту, где пехота оборудовала окопы? Нет, буду продолжать путь на север.

Головной дозор скоро наткнулся на пехоту. Она занимала оборону фронтом на юго-запад. Противник находился в селе Жидачи, на удалении двух километров.

1-й огневой взвод пересек луцкое шоссе и спустя час был на берегу реки Стырь. Люди шли вниз по течению в поисках брода. Заросли, болото, грязь до колен. Стырь имела ширину шагов сто. Переправлялись вплавь. Почти все оружие побывало в воде. Трех человек, не умевших плавать, перетащили волоком на поясных ремнях.

Солнце, зной, безветрие. На горизонте поднимался дым. Со стороны м. Киверцы [1] слышен грохот орудийных выстрелов. Памятные места! Четверть века назад на берегах реки Стырь разыгралось одно из важных сражений первой мировой войны. Войска русского Юго-Западного фронта под командованием выдающегося полководца генерала Брусилова А. А нанесли ряд сокрушительных ударов по австро-венгерскому союзнику Германии.

На опушке рощи воинское кладбище. Два ряда гранит-

---

[1] м. Киверцы — местечко Киверцы — топографическое обозначение населенного пункта.— *Авт.*

ных крестов, на каждом надписи — звания, фамилии, даты. Орудийные номера прошли из конца в конец кладбище, остановились. Оружие приставлено «к ноге». Безмолствуют могилы. Молчат орудийные номера. Те, кто нашел здесь покой, сделали свое дело, настал наш черед.

Жарко греет солнце. Одежда пропотела насквозь, нагрелись каски, оружие. Проселочная дорога разбита и раскатана. К обочинам вплотную подступает рожь.

Впереди лес. Под деревьями прохлада. И вдруг орудийные выстрелы. Огневые позиции 122-мм гаубичной батареи. Стволы направлены на юго-восток. Противник недалеко, вероятно, гаубицы вели огонь по району м. Киверцы.

Просека вышла на дорогу. Тащится обоз. Десятки повозок с красным крестом. 1-й огневой взвод оставил дорогу, не по пути. Головной дозор скрылся среди деревьев. Сыро, под ногами грязь. Тропа терялась в густой чаще. По пути лесные ручейки, озеро. Меня выручал компас.

После переправы через небольшую речку дозорные остановились у трех отдельных домиков южнее точки, которая на кроках маршрута обозначала село Озеро. Нетрудно заметить следы недавнего пребывания пехоты. Дорошенко спрашивал у местных жителей.

— Красноармейцы с черными петлицами проходили?

— А как же...

— Куда?

— Кто их знает... те — на Киверцы, другие — на Колки.

Опускались сумерки. 1-й огневой взвод покинул домики. В темноте — не ходьба, мучение. Ветки лезут в лицо, досаждают насекомые, на каждом шагу лужи, грязь.

Поздней ночью дозорные встретили лесников. За два дня до прибытия обозов прошло «русске войско» — человек триста.

В каком направлении?

— Просто... на Цумань,— говорил лесник,— а может, на Клевань... того невем.

Я не сразу понял, что «просто» означало «прямо».

Идти дальше? Лесники отговаривали меня, принялись перечислять по-польски невзгоды, которые поджидают путника в ночном лесу. Трудно устоять воину, истомленному долгой дорогой, против доводов благожелательных людей. Лесники проводили 1-й огневой взвод к своим жилищам. Караул бодрствовал, все остальные спали.

Долго будил меня утром старший сержант Проценко. Люди уже завтракают. А лесники? Следовало благодарить. Где они? Никто не знал, куда пропали лесники.

Поиски еще не закончились, когда явился старик. Высокого роста, седые вислые усы, зеленая шляпа, кавалерийские бриджи и куртка того же покроя. Выправка выдавала в нем военного человека. Старик беспрестанно раскуривал трубку, ко мне обращался не иначе, как в третьем лице.

— Пан поручик муве по-польски?

— Где лесники?

Старик уклонялся от ответа, вроде не понимал.

— Ниц... нема... цо пан хце?

Недолгие сборы закончились, 1-й огневой взвод готов в путь. Старый кавалерист с любопытством наблюдал построение.

Две белокурые женщины, по-видимому, дочери хозяина, болтали у открытой калитки. Я уже занял свое место, когда одна из женщин окликнула старика.

— Пану поручику не можна идти на войну не евши,— старик вынул изо рта трубку, широким жестом крутил седой ус,— то есть не добже... не хорошо... Пан поручик по заповеди обязан блюсти обычай...

Старый кавалерист не желал слушать возражения. Он сам знавал службу, слава богу, и понимает, как обращаться с военными людьми. Девушка принесла ведро с молоком, хлеб, большие куски сала, присыпанного солью.

Старик указал, как попасть на дорогу, которой шло «войско». Оба сержанта считали, что речь идет о нашем дивизионе.

Густой, девственный лес, поляны, сухие и мокрые. Кроки маршрута вывели меня на торный путь. В обе стороны катится потоком транспорт. За обочиной окапывалась пехота. Из трубы полевой кухни валит дым, распространяется запах пищи.

До станции Сарны не более 30—40 километров. Дорога шла строго на север, проложена, видимо, по стрелке компаса.

Солнце клонилось к закату. Встретилось первое за весь день поселение. Старший сержант Проценко стучал в дом лесника.

— Так... так... войско прошло утром.

Ну а куда, в какую сторону?

— Просто... а просто...

У колодца с журавлем «войско» стояло на отдыхе. Женщина с некоторыми подробностями обрисовала внешность старшего командира, знаки различия, каски. Налицо вещественные доказательства: пустые консервные банки одного сорта с теми, которые получала 3-я батарея у Княгининки.

Приметы прямые и косвенные вели на Знамировку. Колонна дивизиона находится в 20—25 километрах. Надежда догнать своих ускоряла шаг. Ужин? Нельзя терять времени. До наступления темноты осталось четыре часа. Вдруг колонна остановится на привал или уйдет в сторону с дороги?

Быстро наступают в лесу сумерки. Я уже сожалел о том, что не внял доводам командиров орудий. Следовало сделать привал раньше, хотя бы на полчаса. Все проголодались.

«Стой, привал». Жужжат комары. Проценко развел костер. Люди разогрели консервы. Дым костра стелется низко, отпугивает насекомых. Орудийный номер протянул к огню рваные сапоги. У других обувь не лучше. Развалится через день-два.

Идти наугад не стоит. В лесу недостаточно одного компаса. Необходимо осматривать деревья, и прежде всего те, что стоят в стороне от других. Куда тянется просека?

Меня не оставляла мысль о «войске». 300 человек, черные петлицы, каски — это еще не доказательство. А если другая часть? Но артиллеристы не ходят пешей колонной. Нет, должно быть, наш дивизион шел кратчайшим путем на Сарны.

Командиры орудий настойчиво предлагали продлить привал, отдохнуть полчаса. Начали устраиваться, хлынул дождь.

Какой смысл мокнуть, согнувшись под деревом? Вода течет за воротник, барабанят капли по каске. Люди до самого рассвета ощупью брели в грязи. Лучи восходящего солнца, проникшие сквозь ветви, едва прогревали насыщенный дождем воздух.

Миновали те времена, когда оружие отягчало плечи орудийных номеров. Втянулись. Наш нормальный суточный переход составляет 40—50 километров. К вечеру, правда, многие устают. Особенно один из пехотинцев. Ноги избиты в худой обуви. Немалые неудобства создавало оружие. Танковые пулеметы несли на самодельных ремнях, карабины — вниз стволом.

Лес по сторонам становился реже. Бегут по небу белые облака. Нас согревает солнце.

Впереди лежал населенный пункт Яполоть. Дорога с твердым покрытием. В южном направлении двигались автомобили, танки, орудия. На отдельных участках проезжая часть разрушена. Груженый автомобиль застрял в колдобине. 5—6 человек толкают безуспешно. Проценко взялся помочь и не без пользы. Старший машины сообщил: не далее чем у Мицка он встретил пешую колонну.

Свои!

Ночной дождь оставил повсюду лужи. В кювете стоячая болотная вода. Орудийные номера гуськом растянулись по обочине. В 17 часов головной дозор догнал тыльную походную заставу дивизиона. 1-й огневой взвод перешел на беглый шаг. Первым из начальствующих лиц я встретил военинженера Попова. Наконец-то среди своих товарищей!

Военинженер Попов не отстал, и не любопытство привело его в походную заставу. Командир дивизиона еще в районе фольварка Октавиан собрал начальников служб в отдельную команду и включил в состав штаба. За неимением дела должностные лица тыловых служб использовались для поручений всякого рода как штабные командиры.

Боевое и материальное обеспечение в силу своих специфических особенностей ограничивает кругозор должностных лиц. И кажется им, что содержание материальных средств на складах, обеспечение войск связью, постановка минных полей и тому подобные занятия сопоставимы с боевой деятельностью войск. Впрочем, такая тенденция в ряде случаев поощряется преднамеренно. Интендант обязан — это краеугольный камень его профессии — приумножать и экономить складские запасы. Поэтому он часто воображает себя единственным лицом на страже государственной копейки. Строевые подразделения, с интендантской точки зрения, расточительно расходуют боеприпасы, продовольствие, вещевое имущество. Отсюда проистекает предвзятость по отношению к нуждам строевых подразделений, неспособность подняться над ведомственными и личными интересами, понять человеческие запросы личного состава и ту истину, что материальные средства предназначены для обеспечения деятельности боевых подразделений, а отнюдь не наоборот.

Под благотворным влиянием строевой службы сотрудники тыловых учреждений дивизиона заметно преобразились. Многие выполняли свои штабные обязанности старательно, с увлечением. Изменения заметны в личном поведении.

Начальники служб часто посещали подразделения, в особенности во время марша на Луцк. Некоторые сдружились с командирами. Их принимали на равных началах. К числу этих последних принадлежал и военинженер Попов.

— Вы... откуда? — он остановился и стал протирать стекла своих очков.— Штаб дивизиона включил вас в списки погибших. Я сам слышал от ваших раненых подробности...

Попов экипирован по форме, установленной для штабных

командиров. Карабин на ремень, вещмешок, через плечо плащ-палатка в скатке. С Поповым у меня сложились приятельские отношения еще в дни марша на Ковель. Он дал знак дозорным, и мы пошли рядом. Попов коснулся подробностей, которыми сопровождалась моя гибель. Меня больше интересовали дела в дивизионе. Все ли живы? Как 3-я батарея?

Попов подтвердил сведения, которые сообщил мне начальник штаба артиллерии 124-й СД. Дивизион выведен на переформирование. 3-я батарея потеряла 9 человек погибшими. Число раненых он не знал. Командиры все в строю. Попов листал свою записную книжку. Участь раненых, оставленных у Княгининки, неизвестна.

Каким путем немецкие танки вошли в Княгининки? Попов не мог объяснить. Попечение за ранеными, которых не успели эвакуировать до появления танков, было возложено на интенданта третьего ранга Маркова. Попов видел его в штабной батарее. И врач и фельдшер дивизионной санчасти отсутствуют. Попов объяснил это тем, что они остались для ухода за ранеными. Хотелось надеяться, что это именно так.

Что значит переформирование? 92-й ОАД получает орудия или преобразуется в новую часть? Попов склонялся в пользу первого предположения.

— Вы не слышали?— Попов взглянул на часы.— Печальные известия... Немцы заняли Ровно. На киевском направлении они вышли на рубеж укрепленных районов по старой государственной границе... Потеряны Минск и вся Прибалтика... Бои идут под Смоленском,— он снова вынул часы.— Вы... вот неожиданность... рад... рад. Мне пора... начальник штаба не одобряет, когда проверяющие запаздывают с докладом.

Тыльная походная застава — взвод управления 2-й батареи — держалась за обочиной, подальше от дороги. Виден хвост колонны.

1-й огневой взвод следовал за походной заставой. На обочине легче. Даже на заболоченных участках. Ни гусеницы, ни колеса машин не окатят тебя дорожной грязью с ног до головы.

Застава замедлила шаг, остановилась. Похоже, привал. Люди снимали снаряжение, вещмешки. 3-я батарея готовилась к приему пищи. Наши! Гаранин вскочил на ноги. Поспешно поднялся Поздняков, в одной руке нож, в другой банка консервов.

— Товарищ лейтенант... вы? — кричал издали Поздняков. Командир батареи донес в штаб дивизиона о гибели

1-го огневого взвода и моей. Как утверждали «свидетели», танки окружили позиции.— Не хотелось верить,— продолжал Поздняков возбужденно,— но мои разведчики твердили, что на кургане у Княгининки все погибли... Вас нет и нет, мы сожалели... Вернулся с того света!.. Здорово!.. А говорят, незваный гость хуже татарина,— Поздняков протянул мне открытую банку.

Спрашивали Гаранин, Поздняков обо всем, что происходило дальше у Княгининки. Кто сообщил маршрут, как удалось догнать колонну?.. Ведь шла форсированным шагом, остановилась один-единственный раз у дома лесника.

— Что ждет нас, не знаем,— продолжал Гаранин,— переформирование?.. Домысел... в приказании говорится только одно: отвести в район Сарн... от слухов голова идет кругом. Один хуже другого.

Младшие лейтенанты удручены оборотом, который принимали фронтовые события. Потерян Луцк, немецкие войска после прорыва обороны на смежных флангах 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта вышли к Новограду-Волынскому. В укрепленных районах на линии старой государственной границы оказалось демонтированным все вооружение дотов... остались одни коробки... Вооружение, которое имеется в полевых войсках, мало пригодно для использования в стационарных условиях.

— Немецкая тактика проста, проще пареной репы,— Поздняков покончил с консервами, сложил нож.— Наткнулся на сопротивление не по зубам... пошел по касательной дальше вдоль фронта, ищет слабый участок... С воздуха «юнкерсы», артиллерия, минометы, на флангах танки... Оборона по всем швам... Тут заткнуть бы дыру, да нечем... в воздухе господствует авиация противника... непрерывно бомбит дороги. На себе испытали. Сколько проходит наша пехота?.. Сорок километров в сутки... а моторизованный немец? Где наши механизированные части? На ковельской дороге,— он указал назад,— колонна только двинулась... «юнкерсы» тут как тут, и... никакого избавления. Долбят весь день, с утра до ночи. Путь не близкий. Пока выйдут подкрепления на рубеж развертывания, остаются рожки да ножки... еще до начала атаки.

— Возьмите нашу оборону у Княгининки... «Юнкерсы» все перевернули с ног на голову,— Гаранин закурил.— Громадины эти, «Т-35», великолепно стреляли... Ни за что не пропустили бы немецкие Т-III. Но налетели «юнкерсы», и все пошло кувырком.

— Не нахожу себе места. Жена, дети... что с ними? —

воскликнул Поздняков.— Скорее бы вернуться на фронт.

— Не убивайтесь, Поздняков,— утешил Гаранин,— в тылу нам делать нечего. В Сарны отправлен курьер. Старший лейтенант Шилкин говорил, что эшелоны из Владимира-Волынского идут только через Сарны.

— Судьбу солдата решает случай... естественно,— продолжал Поздняков,— вы знали... я знал... все знали... вот-вот грянет война... командующие не затыкали уши. Только одно учреждение, разведка... не замечала развертывания немецкой армии, которое продолжалось в течение многих месяцев открыто, на глазах польского населения... и наших войск... Расплачиваются за это дети... женщины... Теперь они подвергаются бомбежке, обстрелам, бедствуют, страдают, гибнут... Если у нас действительно существуют свои разведывательные органы, то чем же они занимаются? Почему они не донесли и не убедили командование о близком нападении и почему не началась эвакуация семей хотя бы двадцатого, двадцать первого?

Критическую речь командира взвода управления оборвала команда «по местам». Младшие лейтенанты поспешно поднялись.

В голове колонны я встретил командира батареи. Он направил меня к старшему начальнику, поскольку ставил задачу 1-му огневому взводу представитель штаба. Лейтенант Величко сослался еще на одно соображение. В течение стольких суток он, командир батареи, ничего не знал о участи 1-го огневого взвода и полагал, что он погиб. Он рад моему возвращению. Численность 3-й батареи увеличилась на 12 человек, на столько же увеличилась численность дивизиона. Командир взвода должен сам доложить командиру дивизиона.

— Добрая примета... если сочли воина погибшим, значит останется в живых,— майор Фарафонов приятно удивлен,— кто подвергался риску, тот верит приметам... ничего зазорного... трусливые люди не сознаются... Не многим из нас суждено встретить конец этой войны...

Майор тщательно выбрит, чистый подворотничок. Как он умудрялся содержать одежду? Гимнастерка, брюки, похоже, только стираны. Он выглядел сегодня так же, как в Ковеле. Командир дивизиона выразил признательность 1-му огневому взводу за службу.

— О поведении людей донесите рапортом. Товарищи командиры, вот вам пример... Вы свободны, товарищ лейтенант.

Стоит непрерывный гул моторов. Навстречу шли артиллерийские подразделения на механической тяге, конные ба-

тарей, автомашины, повозки. На юг, в сторону Ровно, к фронту. Поток брал начало, по-видимому, в Сарнах. Это крупный железнодорожный узел на краю обширной, лишенной дорог области, которая простирается южнее Припяти от ее истоков до впадения в Днепр.

Со вчерашней ночи не прекращаются грозовые дожди. Почва размокла. Кругом вода. Заторы на каждом шагу. Тяжело груженные ЗИСы идут в объезд, буксуют, садятся один за другим.

3-я батарея выбралась на дорогу с бревенчатым покрытием. Следы недавней бомбежки. Застрявших машин еще больше.

Село Степань. Улица забита машинами, повозками. Дворы и огороды залиты водой, будто наводнение постигло. Люди рассеялись и продвигаются в одиночку.

В Степани колонну встретил курьер. Железнодорожный эшелон с семьями военнослужащих Владимир-Волынского гарнизона проследовал через станцию Сарны на исходе дня 22 июня. Курьер доставил письма, оставленные на всякий случай у железнодорожного коменданта. В число немногих адресатов попал и Поздняков.

Дальше за Степанью дороги, как таковой, не существовало. Сплошное болото. На поверхности торчат остовы сожженных «юнкерсами» машин. Ни обойти, ни объехать. Кругом вода. 3-я батарея, следуя примеру других, помогала выталкивать застрявшие машины.

Прощание

4 июля поздно ночью у населенного пункта Ост колонна остановилась. Привал. Идет дождь. Над головой глухо шумят вершинами вековые сосны. Люди готовились к ночлегу. Постель — охапка веток — подмокла снизу, но сон, даже в болотной луже,— благо. Воин ставит его выше питья и пищи, забывается жажда, голод. Сон обновлял силы и дух.

5 июля. Полдень.

Низко ползут черные тучи и осыпают лес мелкими брызгами. Нигде ни клочка сухой земли. Вода залила поляну и пузырится в траве, колышет поникшие стебли. Похоже, дождь со вчерашнего дня не прекращался. Подъем.

Под елью собрался командный состав 3-й батареи. Лейтенант Величко с помощью обоих младших лейтенантов пытался раскурить папиросу. Политрук Шапир подгонял по росту плащ-палатку. Старшина строит батарею.

В конце поляны дымит на крюке у ЗИСа двухкотельная кухня. Повар в белом колпаке взобрался на ступеньки с черпаком на изготовку. Старшина повернул для верности два-три раза строй и повел на кухню.

Завтрак закончен. Объявляется готовность к построению. Побатарейно. Лица, назначенные линейными, торопливо ровняют ошкуренные колья, обозначение флангов подразделений.

92-й ОАД поредел. Мало заметно присутствие новой 4-й батареи, созданной из пехотинцев и пограничников, одетых под Ковелем в одежду с артиллерийскими знаками отличия.

— Внимание! Слушай мои команды... дивизион... смирно!.. Равнение на средину,— капитан Корзинин двинулся навстречу командиру дивизиона, разбрызгивая немилосердно лужи.

Строй ответил на приветствие майора Фарафонова. 1-я, 2-я и 3-я батареи остались на месте, 4-я и 5-я, штабная,— вышли на фланги. Образовался прямоугольник, наподобие каре.

— Товарищи командиры и начальники, товарищи красноармейцы,— заговорил майор Фарафонов,— с сегодняшнего дня девяносто второй отдельный артиллерийский дивизион прекращает свое существование... Личный состав направляется для пополнения подразделений двести тридцать первого корпусного артиллерийского полка. Командиры штаба и батарей, заместители командира дивизиона... в распоряжение начальника артиллерии пятой армии, политсостав... в отдел кадров политуправления.— Майор Фарафонов упомянул обстоятельства своего прибытия на должность, первый и последующие дни войны, коснулся заключительного этапа боя у села Княгининки.— На протяжении восьми часов вы удерживали позиции под непрерывным огнем. Преградили танкам путь по шоссе на север и не позволили пехоте противника вклиниться в боевые порядки дивизиона, как требовала поставленная задача. Вы продолжали сражаться, несмотря на то что танки зашли в тыл оборонительного рубежа... Личный состав первой, пятой и третьей батарей оставил позиции только после того, как я получил приказание старшего начальника вывести дивизион из боя... товарищи командиры, война предъявила суровые, чрезвычайно суровые требования, может быть, непосильные для многих людей... но вы... воины... добросовестно выполняли обязанности. Я верил вам тогда у фольварка Октавиан, перед открытием огня, и на всем пути до Ковеля... и после... я верю вам и сейчас... вы честно несете службу. Начальники могут

положиться на вас... все вы, командиры, начальники, рядовой состав, достойны лучшей похвалы. В рядах 231-го КАП, я не сомневаюсь, вы приумножите свои заслуги...

Майор Фарафонов обратился к должностным лицам дивизиона: капитану Корзинину, старшему политруку Киселеву, старшему лейтенанту Чикало, лейтенанту Криклию, лейтенанту Величко, младшему лейтенанту Березовскому. Объявил всем им благодарность за мужество, знание дела, показанные на поле боя и в походе. Затем совершил прощальный обход подразделений, вернулся в исходное положение и закончил речь пожеланием успехов всем, кто находился в строю.

— Смирно!.. Пятая штабная батарея, прямо, остальным направо... дистанция на одного линейного... равнение направо, шагом марш! — капитан Корзинин занял место впереди шеренги штабных командиров.

Подразделения прошли торжественным маршем, прощаясь со своим командиром. Личный состав 92-го отдельного артиллерийского дивизиона знает, чем обязаны майору Фарафонову. Командир дивизиона не растерялся, не утратил ясности мысли на поле боя и в последующее время, когда прекратилось централизованное управление войсками. Возникла дилемма: вести бесперспективную борьбу в тылу противника или, руководствуясь соображениями долга и совести, действовать с учетом обстановки? Немцы, заняв Владимир-Волынский, предпочли бы, чтобы наши войска остались в укрепрайоне, вдали от главной арены борьбы, и чем дольше, тем лучше. Боеспособность окруженных с течением времени будет понижаться. И придет день, когда боеприпасы и продовольствие иссякнут и голод завершит то, что не удалось сделать силой оружия.

Командир дивизиона решительно отвергал волю, навязанную противником, и не желал прозябать в окружении. Подразделения 92-го ОАД сохранили свои боевые ресурсы и достойны лучшей участи. Чистота помыслов командира укрепляла веру в подчиненных.

Церемония закончилась. Лейтенант Величко отвел батарею в конец поляны, к машинам 231-го КАП. Дождь не прекращался. Все пулеметы, танковые и ручные, принадлежности к ним — диски, патроны, гранаты и артиллерийские приборы — все это сложено в кучу. Рядовому составу оставлены карабины, у командиров — личное оружие и предметы экипировки.

Взводы 3-й батареи набрали дистанцию и остановились. Лейтенант Величко на прощание благодарил всех за службу.

Подошел старший лейтенант из 231-го КАП, представился. Его фамилия Азаренко.

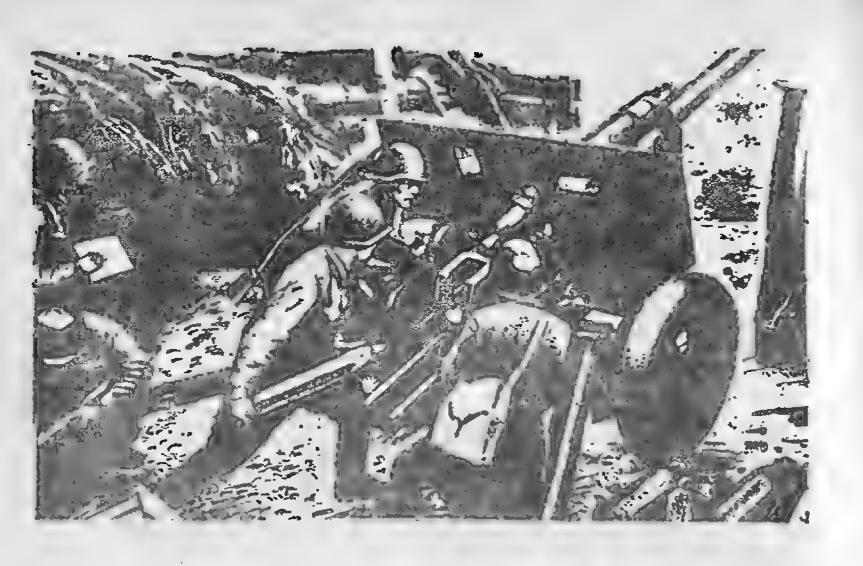
— Внимание...— подал команду лейтенант Величко.— Смирно!

Командиры — лейтенант Величко и старший лейтенант Азаренко поднесли руки к пилоткам.

— Товарищи командиры и красноармейцы... с этой минуты я передаю командование третьей батареей представителю двести тридцать первого корпусного артиллерийского полка старшему лейтенанту Азаренко, помощнику начальника штаба второго дивизиона по разведке. Счастливо вам нести службу,— лейтенант Величко повернулся кругом и ушел.

Старший лейтенант Азаренко объявил назначения. Гаранин и Поздняков поступали в резерв командного состава артиллерии 5-й армии. Азаренко назвал мою фамилию. Назначен в 6-ю батарею 231-го КАП на должность старшего на батарее.

— Имущество, я вижу, с вами... есть дела к сослуживцам? — Азаренко взглянул на часы.— Посадка в машины через десять минут.

В 231-м КАП

На НП старшего начальника

Шесть автомобилей ЗИС с личным составом — приблизительно 100 человек — едут в направлении Степани. Дорога со вчерашнего дня не стала лучше. На развилке перед населенным пунктом Азаренко повернул колонну в лесную просеку. Ухабы, лужи.

Третий час в пути, четвертый. По сторонам песчаные бугры с пролысинами. Заросли, старые подгнившие пни, на горизонте — лес.

Дорога раздваивалась, снова входила в одну колею. Колонна остановилась. Азаренко высадил всех. Пять автомобилей с рядовым составом, кухня двинулись по дороге в сторону леса, который маячил в мутной дымке.

В кузове остался я один. ЗИС тронулся. Склон пересекла старая, обвалившаяся траншея — сооружение времен первой мировой войны. А вот день нынешний — свежие воронки, одна, другая... много. Дождь еще не смыл копоть по краям.

Автомобиль остановился в лощине.

— Приехали,— Азаренко захлопнул дверь кабины, размялся,— дальше пойдем пеши.

Старший лейтенант Азаренко среднего роста, на плечах серый непромокаемый плащ со знаками различия, снаряжение, пистолет, сумка, планшетка, бинокль. Лицо угреватое, в светлых глазах — участие.

— Э... промок насквозь,— Азаренко оглядел мою плащ-палатку,— ничего... не беспокойтесь, интенданты из ковельских складов везут продовольствие, одежду, всего хватает, придете в батарею, оденетесь... Район НП нашего дивизиона обстреливает артиллерия.

Ход сообщения — старая, поросшая травой траншея — ведет к гребню. На последнем участке углублена, кое-где подправлены стенки. За бруствером тянется черная нить кабеля. Закреплена колышками. Телефонисты старались ее маскировать.

Далеко передний край? Как обстановка?

— Обстановка? — переспросил Азаренко.— Немцы поджимают нашу пехоту... Я уехал утром... Бой шел за населенный пункт Мицк. Дым видите? — он остановился, поднес к глазам бинокль.

Дым?.. Нет, не вижу. Стекла моего бинокля в подтеках. Все промокло, протереть нечем.

— Ничего,— улыбнулся Азаренко,— скоро увидите.

Моросит, не переставая, дождь. Ход сообщения становился глубже. В песке следы сапог, образовалась лужа. Доносятся слова команд.

— Ну вот, пришли. НП командира нашего дивизиона. Снимайте плащ-палатку. Подождите, я доложу.

Ход сообщений разветвлялся. Слева оборудована ниша, торчат головы в пилотках. Телефонисты. Над ячейкой стреляющего раскинут пятнистый топографический зонт. Все заняты. Похоже, 2-й дивизион вел огонь. Прошла минута. Явился разведчик.

— Товарищ лейтенант, вас зовет стреляющий... старший лейтенант Рева, начальник штаба нашего дивизиона... Сюда и направо.

Закончилась передача команд. Стреляющий прильнул к объективам стереотрубы. Прогрохотали орудийные выстрелы. Разрывов я не слышал.

— Синица... Сокол... Сойка... стой!

Стреляющий отвернул стереотрубу. Поднялся. Высок ростом, крепок, возраст около тридцати.

Начальник штаба 2-го дивизиона, по-видимому, считал, что устав не освобождает старшего от норм, которые соблюдает по отношению к нему младший. Старший лейтенант Рева сомкнул каблуки, руки по швам.

— Вы объявили лейтенанту о назначении? — спросил он Азаренко.— Подождите минуту.— Это уже мне.

Начали поступать из батарей доклады о расходе снарядов. Старший лейтенант Рева вернулся к стереотрубе, сделал пометки в бланке.

— Товарищ лейтенант, какого училища? Возраст? Когда состоялся выпуск? Последняя должность в войсках? — задавал вопросы старший лейтенант.— Расскажите правила ориентирования на открытой равнинной местности... в лесу... на болоте... днем... ночью. А в населенном пункте?..— Дождь то усиливался, то слабел. Струится вода. Старший лейтенант не замечает этого. Черты круглого лица жестковаты, под козырьком фуражки белесые брови, глядят угрюмо серые немигающие глаза.— Как построена относительно сторон света христианская церковь? Так. С юго-запада на северо-восток... Назовите расстояние между тригонометрическими пунктами 1-го класса? 2-го? 3-го? Высота стандартного телеграфного столба в метрах? Как определить дальность с помощью бинокля?.. На глаз? Обязанности наводчика? Командира орудия, старшего на батарее?

Я знал предмет достаточно хорошо. Удовлетворили ответы старшего лейтенанта... на сколько? Трудно сказать. Начальник штаба 2-го дивизиона не обмолвился ни словом. Зазуммерил телефонный аппарат, из ячейки слева разведчик сообщал о цели, обнаруженной в секторе наблюдения.

Вдали на склоне холма разорвался снаряд, другой, третий. Немецкая батарея обстреливает позиции нашей пехоты. Старший лейтенант поднял бинокль.

— В створе с разрывом... поворот траншеи... желтый бруствер... видите? Наблюдать!

Разорвался еще один снаряд. Дым плоским облаком сползал по склону, обозначилась воронка.

— Измерить отклонение!

Я получил угол несколько больший, чем у старшего лейтенанта.

— Левый край воронки, левый край бруствера,— напомнил правило старший лейтенант.

Новый разрыв — снова расхождение.

— Дайте ваш бинокль,— старший лейтенант недоволен.

Причина расхождения в угломерной сетке моего восьмикратного Цейсса. Трофей передал мне Проценко две недели назад, после стычки на хуторе. Наши отечественные бинокли не хуже немецких. Я не отказался от Цейсса потому, что нравился, и, кроме того, он был легче, чем мой собственный с царапиной на выходной линзе.

В немецкой артиллерии одно деление угломера равно 1/955 дальности. У нас эта величина округлялась до 1/1000. Соответственно нарезана угломерная сетка на всех артиллерийских оптических приборах стрельбы, наблюдения и наводки орудий.

— Цейсс-Икон... Иена,— старший лейтенант взял бинокль, оглядел со всех сторон,— а ваш, положенный артиллерийскому командиру по табелю вооружения? Отдал взамен? Передача предметов экипировки приравнивается к утере. Известно ли вам, что значит... батарея?

Когда стоит вопрос о службе, артиллерийского командира интересует прежде всего калибр орудий. Еще до того как началась посадка в машины, я уже знал, что в 6-й батарее 231-го КАП состоят на вооружении 107-мм пушки образца 1937 года. И отвечал без запинки: «Четыре 107-мм орудия... личный состав около ста человек».

— Четыре орудия,— повторил старший лейтенант.— А если батарея попадет в руки настоящего командира?

— Эффективность огня выше, соответствует, быть может, шести орудиям.

Старший лейтенант опустил свой бинокль.

— Значительно выше... двенадцати, товарищ лейтенант! Целый дивизион... понимаете? Шестая батарея на хорошем счету. Огневые взводы поступают целиком и полностью в ваше ведение... не ослаблять усилий ни на одну минуту!

В небе послышался вой. Стремительно опускался снаряд. Умолкли телефонисты. Перестал двигаться карандаш топографа на планшете. Недолет... Разрыв один... другой... четвертый... еще четыре. Серый дым перекатился через бруствер, потек в ячейку. Старший лейтенант Рева оглядел притихших у приборов людей, присел к стереотрубе.

— Продолжать наблюдение... мест не оставлять,— он приподнялся, повернул стереотрубу.

Дым сгущался. Грохотали разрывы, очередь за очередью. Стучат по куполу топографического зонта комья земли.

— Ориентир номер три,— выкрикнул разведчик,— вправо двенадцать... пехота...

Старший лейтенант не отрывался от окуляров.

— Синица... Сорока... Сойка... внимание... НЗО Тигр... шесть снарядов... беглый...— он протянул руку в сторону ячейки, где телефонисты передавали команды.— Огонь!

Прошла минута, другая. С тыла, издали, стали доноситься орудийные выстрелы. Старший лейтенант указал жестом на буссоль. Разведчик освободил место, я принялся за наблюдение.

Ориентир 3 — песчаная насыпь в конце плоского оврага, который тянулся по склону бугра. Где же пехота? Старший лейтенант снова подал команду «огонь».

— Вы нашли цель? Опушка леса... ниже два... берите правей... еще.— Он коснулся линейкой топографа, работавшего на планшете.

— Достаточно, товарищ лейтенант, отправляйтесь к Варавину, топограф проводит.

На востоке скрытые за горизонтом батареи — Синица, Сорока, Сойка вели огонь. Топограф взял карабин, направился к выходу.

— Сорока недалеко, от силы полтора километра... по ходу сообщения, дальше тропа,— мой провожатый оглядывался, говорил о текущих делах наблюдательного пункта. Привязка элементов боевого порядка батарей закончилась час назад. В районе ОП 4-й батареи стоял туман, видимость была плохая. Топовзвод дивизиона не уложился во время. Старший лейтенант Рева недоволен. Топограф слышал, что противник направляется в обход Мицка. 6-я батарея подручная. Командир дивизиона капитан Значенко вызван на КП полка. Вооружение 2-го дивизиона не однотипно. 4-я и 5-я батареи имеют 122-мм пушки. В 231-м КАП четыре дивизиона. 1-й вооружен 107-мм орудиями, 3-й — 152-мм пушками-гаубицами, 4-й дивизион — АИР [1].

На НП 6-й батареи подавались команды. Перенос огня. Командир батареи оглянулся, взмахнул рукой — «занят». Говор в ячейках умолк — командир батареи не свободен, ожидать.

НП 6-й батареи располагался в старой траншее. Оборудован так же, как у командира дивизиона. Я прошел в ячейку разведчиков ознакомиться с местностью. Видимость немного улучшилась. Панорама местности несколько изменилась. Я нашел только опушку леса, исходное положение немецкой пехоты. По-видимому, она пыталась продвинуться в юго-восточном направлении к долине. Снаряды какой-то батареи ложились значительно правее опушки, ветер относил дым. В стороне рвались немецкие мины. Их нетрудно отличить — воронки мелкие, жидкое облако едва заметно. Даже сейчас, в безветренную погоду, дым быстро рассеивается.

На фоне дальнего леса взлетали ракеты. Серия — белые, красные. Влево — 10, ниже — 2, фигуры людей. По-видимому, пехота. Чья?.. Пятнами стелется дым. Вероятно, разры-

---

[1] АИР — артиллерийская инструментальная разведка.— *Авт.*

вы снарядов... нет, скорее мины. Там, по-видимому, позиции нашей пехоты. Немецкие минометы ведут обстрел. Оборона за гребнем, на обратных склонах.

В те дни наши войска вели многотрудные бои. Положение осложнялось до крайности отсутствием разведывательных сведений. Из разговора, который вел по телефону старший лейтенант Рева на НП 2-го дивизиона, я понял, что в полосе 45-й СД группировка немецких сил установлена только вчера. На участке населенного пункта Мицк, где оборонялся 10-й СП, его поддерживал 2-й дивизион, наступали подразделения 192-го пехотного полка 56-й пехотной дивизии.

— Сойка один... стой... доложить,— командир 6-й батареи оглянулся и умолк. Артиллерия противника возобновила обстрел местности. Разрывы ложились позади, ближе к НП командира 2-го дивизиона.— Сойка один доложить расход снарядов.

Над головой стреляющего, там, где установлены приборы наблюдения, натянута плащ-палатка. Больше для видимости, чем от дождя. Ткань провисла. В складках скапливалась вода, течет под стереотрубу, образовалась лужа, сапоги разведчика по щиколотку в воде. Командир батареи подтянул угол плащ-палатки.

— Когда закончится ремонт топографического зонта? — спросил кого-то из присутствующих. Ответа я не расслышал.

Телефонист начал принимать доклад, поступающий с ОП. Командир батареи распорядился:

— Доложить на Сокол, по НЗО «Тигр» Сойка израсходовала шестьдесят снарядов. Для всех перерыв пять минут... можно курить.

В ячейке стреляющего кто-то задел палатку, полилась вода. Командир батареи вышел.

— Варавин,— назвал он свою фамилию,— отойдем отсюда... Командир дивизиона сообщил о вашем назначении. Вы из какого училища?

Младшему лейтенанту Варавину около тридцати лет, средний рост, продолговатое лицо. Под пилоткой густые светлые волосы.

6-я батарея произвела свои первые выстрелы, имея в обоих огневых взводах всего одного среднего командира. После его гибели батарея оказалась неспособной вести огонь с закрытых ОП. Варавин вынужден был направить в огневые взводы командира взвода управления. Неделю назад штаб прислал младшего лейтенанта.

— Постойте...— Варавин стал припоминать,— кажется, он из вашего девяносто второго ОАД... дельный командир. Фамилия?

— Безуглый... вы знакомы?

Да.

— Тем лучше... ну к делу... Вы служили в гаубичной артиллерии... у меня стосемимиллиметровые пушки. Вы знаете их назначение?

Орудия такого калибра состоят на вооружении частей корпусной артиллерии и предназначаются преимущественно для контрбатарейной борьбы.

— Расскажите устройство.

107-мм пушки я видел только мельком, в парках соседнего дивизиона, в гарнизоне монастыря Зимно.

Командира 6-й батареи это обстоятельство не беспокоило, он продолжал.

— Материальная часть современных полевых орудий конструируется по общему принципу: ствол, люлька, противооткатные устройства, лафет...

Взгляды на службу моего нового начальника не отличались от общепринятых: в вопросах воинской дисциплины мелочей не существует. Всякая деталь — свидетельство, и поэтому заслуживает пристального внимания командира. Младший лейтенант Варавин хочет предостеречь старшего на батарее. Как стреляющий, он судит о состоянии воинского порядка на ОП по цифровым показателям. Насколько ложатся снаряды в стороне от цели — по дальности и направлению? Это объективный показатель. Стрельбу обеспечивают люди. Три пары телефонистов — на НП, промежуточном узле связи и ОП. Старший на батарее, командиры взводов, орудий, затем орудийные номера. Легко опустить слово или прибавить, и команда искажена. Мы учимся нести службу в условиях военного времени. У нас, артиллеристов, и в пехоте успеваемость не блещет. Части 45-й СД, которые поддерживал 231-й КАП, отошли на 200 километров от границы, оставили крупные населенные пункты — Любомль, Ковель, Маневичи. Поддержку 45-й СД осуществляли четыре артиллерийских полка: 231-й КАП, 264-й КАП, 212-й ГАП, 187-й ЛАП. Очевидно, артиллерия не подавляла своевременно огневые средства противника. Разведка на НП организована неудовлетворительно, сплошь и рядом неустойчиво работает связь, на ОП допускаются ошибки в выполнении команд, в наводке орудий — медлительность. Опоздания при смене боевых порядков, перебои в поставке боеприпасов и т. д.

— ...Видите, сколько у нас недостатков... На ознакомление с материальной частью орудий вам достаточно, по-моему, часа два. Изучите документацию, и прежде всего таблицы стрельбы. Осмотр личного состава, средств тяги займет еще два,— подсчитывал вслух Варавин.— Момент ответственности за воинский порядок на ОП для вас наступит через шесть часов. Вопросы есть? Превосходно... телефонист! Проводите лейтенанта на ОП...— Варавин поднес руку к пилотке и вернулся в свою ячейку.

На подступах к НП 6-й батареи с тыла воронки, оставленные 105-мм снарядами. Поблизости никаких других объектов не было. По-видимому, противник не имел данных о местонахождении НП и обстреливал местность наугад.

— Товарищ лейтенант,— говорил телефонист,— кабель мы тянули по прямой... я знаю другую дорогу... раньше придем... нет ни оврагов, ни речки...

— База?

— Восемь тысяч восемьсот метров,— расстояние от НП до ОП телефонист знал по количеству израсходованного кабеля.

Я не стал возражать. Окольный путь иногда раньше приводит к цели. Телефонная линия осталась в стороне. Но скоро уверенность покинула телефониста, он останавливался, перечислял приметы, которых я не видел. Пусть не вздумает блуждать, прошли не более километра, вернемся на линию. Телефонист огляделся в нерешительности, перехватил карабин, воскликнул с радостью:

— Вижу, товарищ лейтенант, там, под деревьями, канава... тянется почти до огневых... не заметил сразу... погода... я запомнил дорогу.

Местность в районе НП батарей 2-го дивизиона, три-пять квадратных километров, отводилась, по всей вероятности, для возрождения вырубленных лесов. Трава выше колен, заросли сосняка, березы, муравейники и давние пни — след корчевки.

Затихший ненадолго дождь пошел снова. Видимость сократилась до полукилометра.

— Наш кабель,— телефонист замедлил шаг.

А как он знает?

— ...Колышки... я крепил... последние катушки размотали в канаве... поворот... уже недалеко до орудий.

«Канава?» Это траншея первой мировой войны, того же времени, что и в районе НП. Поля Волыни изрыты солдатскими лопатами наших отцов.

— Да, похоже... командир взвода управления говорил, не верилось,— удивился телефонист,— обвалилась траншея, позарастала...

ОП 6-й батареи

В кронах сосен курится туман. Подняв стволы, стоят 107-мм пушки. Рядом передки, зарядные ящики. Два орудийных номера возятся со снарядами.

— Шестая батарея? — спросил телефонист.

Орудийные номера из 4-го орудия. Готовят боеприпасы к стрельбе. Расчеты в укрытии.

Я издали узнал младшего лейтенанта Безуглого. На плечах у него мокрая плащ-палатка. После памятного ужина в доме панны Зоси мы собирались в город на танцы. Но воскресенье так и не пришло. Еще я встретил Безуглого в день выхода из окружения.

— Командир батареи приказал ознакомить вас с огневыми взводами... вызову людей к орудиям,— скорее ставил в известность, чем спрашивал младший лейтенант. Подал команду «по местам» и обратился к записям:

— В первой графе буссоль основного направления... вторая...

Начинать с документации, не зная положения на ОП? Нет, дойдет очередь, бланк старшего на батарее потом. Безуглый, кажется, не узнал меня или только делает вид?

— Я веду расчеты для 1-го орудия... угломер,— продолжал Безуглый,— по основной точке наводки... запасной...

Вначале я хочу увидеть 107-мм пушку, записи после.

— Шестая батарея имеет девять пристрелянных целей,— говорил по пути к орудиям Безуглый. Держался как-то официально, ни слова о монастыре Зимно. Может, я обознался? — и участвует в составе дивизиона в стрельбе по четырем рубежам НЗО, в составе полка... в постановке двух СО. Орудия исправны. Сегодня закончилось комплектование расчетов, у орудий по девять человек. Есть и ваши, из третьей батареи. Боеприпасы... всех видов, два БК. Все, что положено... бронебойные, шрапнель, дымовые... осколочно-фугасные гранаты... обещали еще подвезти,— Безуглый умолк. В тылу показался один ЗИС, за ним еще три. Прибыли боеприпасы.

Орудийные расчеты начали разгрузку. Пришел заместитель командира батареи по политчасти политрук Савченко. Познакомились. Политрук прежде служил в пехоте. Склонен

был считать артиллерийских командиров формалистами. Куда ни поверни — бланки, цифры, команды. Но видит, что ошибся. Порядочным людям команды не мешают нести службу и жить по-дружески.

— Правда, товарищ младший лейтенант? — политрук обратился к Безуглому.

— Добросовестные люди находят взаимопонимание скоро... хитрецы приглядываются долго, пока не прощупают один другого, как говорят интенданты, два сапога пара,— смеялся Безуглый.

Савченко одет в шерстяное, хорошо пригнанное обмундирование мирного времени. Черные петлицы с красным кантом, на рукаве выделяется рельефно звезда, отороченная толстым золотым жгутом — отличительный знак политсостава. Но, кажется, он еще чувствует себя пехотинцем на огневых позициях.

Явился старшина батареи. Фамилия его Политов. Обед готов. Старшина спрашивает разрешения выдавать пищу. Безуглый запросил НП. Командир батареи не возражает.

После обеда младший лейтенант Безуглый вызвал орудийные расчеты «по местам». Как подготовлены огневые взводы?

— Погодите,— Савченко поднялся с места, где обедал, вернул повару котелок, ложку.— Посмотрите во время стрельбы...

Я не против, но командир батареи ограничил срок принятия должности.

— Да? Ну тогда другое дело... заодно погляжу и я...

— Внимание...— подавал команды Безуглый,— командиры орудий, станины не сдвигать, ствол в походное положение не приводить... Отбой!

Расчеты принялись за работу. У 2-го орудия — знакомое лицо: сержант Дорошенко. Безуглый подал команду: «Стой!»

Дорошенко подошел к буссоли, руки по швам. Вот встретились! Он в 6-й батарее?

— Так точно... и вы? — сержант оживился.— Наших два, со второго огневого взвода, из четвертой батареи девять человек. Наши все попали в первый дивизион.

— Двенадцать рядовых, сержант... вы... я,— Безуглый заглянул в бланк, который держал в руках.

— Уровцы — солидная прослойка,— удовлетворенно заметил замполит.— Я беседовал, хлопцы хоть куда. Значит, вы из одной батареи?

Дремавший на бруствере с трубкой в руке телефонист встрепенулся.

— Сойка один слушает... есть!.. Внимание... огневые взводы по местам, приготовиться к приему команд.

Безуглый в нерешительности остановился. Нет, пусть продолжает. Я не принял должность и вмешиваться в обязанности старшего на батарее не собираюсь.

— По батарее... осколочно-фугасной гранатой...— младший лейтенант Безуглый умел подавать команды, не торопился и не медлил. Паузы выдерживал ровно столько, сколько нужно для работы. Голос у младшего лейтенанта громкий, слышалось еще нечто непередаваемое, кажется, внутренняя убежденность, заставляющая повиноваться, соблюдать ритм.

Командир 6-й батареи хвалил огневиков заслуженно. Орудийные номера действуют дружно. Ни суеты, ни разговоров. Видны старание, сноровка.

Выстрелы следуют один за другим. Из поступавших команд ясно: цель — батарея противника. Стреляющий вел огонь по данным, которые определены батареей звуковой разведки 4-го дивизиона.

У орудий служба не останавливалась ни на мгновение. Восьмой номер, свернув предохранительный колпак взрывателя, передавал снаряд седьмому, тот — шестому. Дальше снаряд попадал в руки пятого и четвертого номера, затем заряжающего. Тот сильным толчком всего корпуса отправлял снаряд в зарядную камору и тут же — гильзу с зарядом. Следовал двойной удар. Затвор закрыт.

Тем временем наводчик производил наводку. После установки угломера и прицела орудийный ствол перемещался в двух плоскостях, принимая заданный угол возвышения. «Готово!» — наводчик докладывал командиру орудия.

Командир орудия сигналил о готовности к выстрелу, подняв руку. Безуглый называл номер орудия.

— Первое!

В ответ командир орудия опускал руку вниз и одновременно произносил: — Орудие! — В то же мгновение наводчик нажимал спуск. Происходил выстрел.

— Второе! Третье! Четвертое!

Снаряды улетают к цели. Спустя минуту повторялось все сначала.

Дым впереди орудий сгущался. Заволок заросли и сползал назад, в тыл, куда старшина увел кухню. Там рельеф пониже.

— Сойка один... стой! Записать... цель номер десять... Батарея на ОП, доложить расход снарядов...

У орудий движение остановилось. Истекает дым, стволы подняты на угол, близкий к предельному.

— Стой,— передал Безуглый,— цель номер десять.

Командиры орудий повторили команду и принялись за вычисления. Безуглый сверил цифры, полученные командирами орудий, со своими.

— Записать на орудийных щитах... угломер двадцать один тридцать семь...

Расчеты снова пришли в движение. Наводчик с помощью замкового наносил мелом на внутренней стороне орудийного щита цифры: угломер, уровень, прицел.

Командиры орудий доложили расход снарядов. Безуглый подал следующую команду.

— НЗО «Туман»... навести,— он доложил стреляющему расход снарядов и наличие их у орудий.— Командирам орудий, привести в порядок ОП... восстановить маскировку!

НЗО «Туман», похоже, ограждал оголенный или недостаточно обеспеченный прикрытием участок на переднем крае обороны пехоты, которую поддерживала 6-я батарея. Положено по уставу в перерывах между стрельбами орудия наводить по району СО, либо рубежам ПЗО, либо НЗО.

Стреляющий объявил перерыв. Закончился осмотр орудий. Расчеты ушли в укрытие. Остаются только наблюдатели.

— Ну как впечатление? — спросил Безуглый. Он доволен. Со стороны стреляющего ни одного замечания. Ничего необычного. Стрельба велась скорее всего по ненаблюдаемой цели,— будем продолжать?

— Как, товарищ лейтенант, а? — политрук Савченко смеется.— Составили впечатление? — Он все же научился кое-чему за две недели пребывания в 6-й батарее. Проницательный человек.

Разумеется, но... работа, показанная для развлечения гостя, мало о чем говорит должностному лицу. Меня интересует истинное состояние орудийных расчетов.

— Вы считаете стрельбу развлечением? — поразился Савченко. Он не понял.

Ведение огня по цели номер девять — случай не показательный.

— Может быть... в этом я не разбираюсь. Но командир батареи понимает толк в таких вещах... верно? — обратился замполит к Безуглому.

— Да,— коротко подтвердил тот.

— У меня беседа в отделении тяги, пойду...— заторопился Савченко.

Расчеты заняли свои места. Материальная часть орудий 6-й батареи находилась в хорошем состоянии. Видимых неисправностей ни верхнего станка, ни нижнего, ни прицельных приспособлений я не обнаружил. Снаряды хранятся в нормальных условиях. Оба боевых комплекта. Как обстоит дело с расходованием технических ресурсов? Каждое орудие произвело свыше двух тысяч выстрелов. Цифра внушительная.

Мне доставляло большое удовлетворение видеть на позициях 6-й батареи орудийных номеров из 92-го ОАД. Даже люди 4-й батареи — ни одного я не знал в лицо — держались так, будто служили в огневых взводах 3-й батареи с первого дня войны.

Среди младших командиров на ОП выделялся выправкой командир 1-го орудия старший сержант Орлов, стройный, белокурый парень. Крепок физически, хорошо подготовлен во всех отношениях. Говорит коротко, обстоятельно. По характеру, кажется, замкнут. Орлов — помощник командира 1-го огневого взвода. Орудийный расчет содержит в порядке. Это не редкий пример среди сержантов третьего года службы того времени.

После огневых позиций я осмотрел отделение тяги. Представлял его сержант технической службы Смолин — старший механик в подразделении и командир отделения. В качестве тягачей в 6-й батарее используются СТЗ-НАТИ-3, гусеничные сельскохозяйственные тракторы, полученные незадолго до начала войны со складов. Предельная скорость движения 7—8 километров в час. Тягачи исправны, имеют достаточно большой запас хода.

Транспортные возможности огневых взводов повышались наличием прицепа, который буксировался пятым запасным тягачом, и двух автомобилей ЗИС, предназначенных для перевозки боеприпасов. В укрытии, где располагалось отделение тяги, находился еще один ЗИС, принадлежавший хозяйственному отделению. Его начальник — старшина, подчиняется непосредственно командиру батареи.

Ознакомление продолжалось. Безуглый вызвал орудийные расчеты «по местам».

— Внимание... командирам орудий... не заряжать... цель номер девять, огонь!

Как наводчики устанавливают отсчеты на панораме, прицельных приспособлениях? Точность наводки орудий? Исправность механизмов наводки? Вначале проверял Безуг-

лый, за ним я. Безуглый характеризовал орудийных номеров. Я не мог не признать: огневые взводы 6-й батареи 231-го КАП подготовлены лучше, чем в 3-й батарее 92-го ОАД.

Под сосной, где телефонисты оборудовали свой ровик, запах керосина. Откуда? На перекладине висят фонари «летучая мышь», около дюжины. Но их место у орудийных передков. Оказалось, фонари собраны по приказанию Безуглого — удалить копоть со стекол. А освещение точки наводки в случае стрельбы ночью?

— Затихает дождь, посмотрим,— ответил Безуглый.

Телефонист позвал командира батареи к аппарату. Я доложил о вступлении в должность.

— Как аккумуляторы ночной подсветки? — младший лейтенант Варавин спросил о том, чего я не знал.— Освещение готовится днем... пятнадцать минут... доложить.

Безуглый вызвал расчеты к орудиям. Началась проверка. Принятая с НП команда «по местам» вернула Безуглого и меня к буссоли. Орудия открыли огонь. Подавлена одна цель, другая.

— Стой!.. орудийным расчетам разрешается отдых тридцать минут,— передал телефонист.

— Отдохнуть не вредно,— решил Безуглый,— заодно я закончу обед.

Телефонист принес котелок с пищей, ложку. Безуглый продолжал.

— Товарищ лейтенант, когда ушел девяносто второй ОАД из Ковеля? Куда? — Еще 27 июня, в числе 12 командиров, Безуглый был направлен в 231-й КАП и потерял след воинской части, в составе которой встретил войну.— Я спрашивал людей из пополнения... то стрельба, то разгрузка боеприпасов... так ничего и не узнал. А ваши живы... лейтенант Величко, Поздняков, Гаранин?..

Дождь усилился, загнал нас в укрытие. На рогатках перекладина, две плащ-палатки, соединенные на петельках по длинному краю, с торцов пристегнуты, сложенные углом, еще две. Пол устлан сосновыми ветками. Палатка старшего на батарее разделена условно на две части. В одной разместился Савченко. Перед ним полевая сумка, тетрадь. Политрук занят, пишет, по-видимому, донесение.

— Заходите,— Савченко потеснился. Для троих места достаточно. Впрочем, размеры палатки не имеют существенного значения. Вместимость ее зависит от состояния погоды.

— И когда перестанет этот дождь? — Савченко вернулся к своей тетради.

— Так, значит, лейтенант Величко в нашем полку... Поздняков и Гаранин ушли... жаль,— возобновил разговор Безуглый,— я вам не мешаю? — обратился он к Савченко, закурил.

Младший лейтенант Безуглый успел привыкнуть и в 231-м КАП чувствовал себя, как воин, дорожащий принадлежностью к своей части. Знаком с историей полка. Стал рассказывать. До вторжения вермахта в Польшу 231-й КАП дислоцировался в местечке Белокоровичи, затем был переведен в Ковель. В боевых действиях участвует с первого дня войны. Оказывал поддержку пехоте, в частности частям 45-й СД, прикрывавшим направление Любомль — Ковель — Сарны.

Где находится в данный момент противник? Наши части? Их задачи? Расположения сторон Безуглый не знал. Он удивился, когда я назвал номера пехотных полков 56-й ПД.

— На огневые позиции такие сведения не доходят...

— Почему?

Безуглый взглянул на часы.

— За прошедшие сутки мы семь раз меняли позиции... позавчера — восемь. Когда тут вспоминать о противнике?

— Немцы применяют танки?

— Не слышал... С танками встречаться не приходилось...— Безуглый открыл планшетку. Там бланк, записана каждая команда, принятая с НП старшим на батарее.

— Два дня назад командир батареи стрелял по мотоциклистам на дороге, которая ведет в Колки... две стрельбы.

— По каким целям сегодня вела огонь 6-я батарея?

— В основном по пехоте...

Безуглый листал записи.

— По боевым порядкам немецкой артиллерии... Цель номер три, наблюдательный пункт... номера восемь, десять... огневые позиции 105-мм орудий. Распространенный калибр у немцев.

— Подготовка данных?

— В полку есть дивизион АИР... Звукобатарея ведет засечки немецких батарей с высокой точностью. Стреляющий оповещает, когда ведет огонь по данным АИР...

Прибежал телефонист: «По местам!»

В течение получаса стрельба велась по целям на переднем крае, затем в составе дивизиона 6-я батарея участвовала в огневых налетах по району СО.

— Стой!

Надвигались сумерки. Безуглый объявил командирам орудий пароль. Выставлена ночная охрана: парный дозор, патрулирующий район ОП, караульные — по одному у орудий, в отделении тяги и у хозяйства старшины.

В ночное время 6-я батарея, говорил Безуглый, огонь ведет лишь в исключительных случаях. Почему? Выстрел 107-мм пушки сопровождается вспышкой. Великолепный объект для определения координат средствами инструментальной разведки.

Но ведь в корпусной артиллерии, как известно, еще со времен первой мировой войны широко применялись специальные пакеты для гашения пламени. На стволах 107-мм орудий стоят дульные тормоза-пламегасители.

Безуглый посмеивался. Все это он хорошо знает. В мирное время не раз участвовал в ночных стрельбах. При выстреле никакого пламени, только грохот. Сейчас пакеты исчезли, артснабженцы уверяют — нет в наличии.

— Со второго июля наша батарея ночью не стреляла ни разу.

— Чем это объясняется?

— Вечером того дня командир батареи решил обстрелять мост на реке Стоход... долго готовил данные. Открыли огонь в темноте... Под утро на ОП обрушились немцы, калибр не меньше ста пятидесяти пяти миллиметров,— Безуглый умолк. Пришли командиры орудий. Ночное освещение готово к осмотру.

Наводчики включили подсветку приборов. Проверка закончилась. Разговор вернулся к последствиям ночной стрельбы по мосту через Стоход.

Чем закончился обстрел ОП? Были потери?

— Девять человек... одно орудие... снаряд лег под стволом... Вчера только заменили.

— Как «заменили»?

— Артснабженцы не успели до войны сдать на склад. Три 107-миллиметровки возят с собой.

Безуглый обратился к Орлову.

— До двадцати четырех ноль вы проверяете караул... После... командир второго орудия... Товарищ лейтенант, пойдемте в палатку, темно,— Безуглый мигал впереди фонариком.

Над моей головой впервые с начала войны была крыша, непроницаемая для дождя — тонкая брезентовая ткань. Постель из сосновых лап. Комфорт, о котором вчера я и мечтать не мог. Силуэт орудия темнел впереди, выкрики кара-

ульных, стук капель. ОП представлялась мне крепостью. Я пришел туда, куда стремился.

107-мм корпусная пушка — мощное оружие. Никаких сравнений с пулеметом. Стоило нажать спуск — и диск израсходован, затвор застревал в крайнем положении. Как меня терзали эти патроны, пока привык. Трудно пехоте!

Из 23 пулеметов в 3-й батарее осталось 14. Сегодня с подъема орудийные номера почистили их наспех и сложили на месте ночлега в штабель. Рядом образовалась гора пустых дисков. Так все там и осталось. Жаль. В огневых взводах 6-й батареи всего 2 РПД. Танковые пулеметы проще в обслуживании, компактны и больше отвечали запросам артиллеристов.

Меня тревожит положение на фронтах. Савченко знал об этом не больше Безуглого. Батарейные радиостанции РБМ и радиостанции взвода связи 2-го дивизиона не принимали сводок Совинформбюро. Вначале немцы ставили прицельные помехи, теперь изменили тактику и подавляют весь коротковолновый диапазон.

— Фашистская клика всеми средствами хотела бы скрыть от воинов Красной Армии истинное положение... очень боится голоса правды,— говорил политрук в утешение Безуглому и мне.— Она применяет самые изощренные методы дезинформации, а теперь еще начала глушить радиостанцию имени Коминтерна.

7 июля. Палатка пуста, я один. Ни Безуглого, ни Савченко.

— Товарищ лейтенант, проснитесь,— кричал телефонист,— приготовиться к приему команд... по местам!

Время 8 часов 30 минут. 6-я батарея ведет огонь. Цель — пехота. После двух-трех корректур по направлению стреляющий ввел поправку в дальность и перешел на поражение.

— Сойка, стой... записать... Цель номер двенадцать... пехота у развилки дорог.

Прошел час, другой. Стрельба не прекращалась. Цели разнородные. На переднем крае подавлены пулеметы, НП, рассеяно скопление пехоты. Подавлена батарея в глубине боевых порядков противника. Произведен огневой налет на перекресток дорог близ населенного пункта Мицк.

Поступила команда: «Стой!» Движение у орудий остановилось. Я ожидал очередные команды.

— Старшему на батарее, «отбой»,— передавал телефонист,— огневым взводам идти на Степань. Выступление через тридцать минут. У развилки дорог южнее Степани ожидать командира батареи.

Недоразумения, имевшие место в первый день войны, заставили меня задержать исполнение команды. Командира батареи к телефону. Телефонист готовился выдернуть штырь заземления.

— Я недостаточно ясно выражаюсь? — спросил Варавин.

— Я хотел получить подтверждение последней команды.

— Какой именно? Надеюсь приказание на снятие отдано? В девяти километрах по дороге на Степань... развилка,— Варавин повторил: — Отбой!

Из Степани на Сарны

— Товарищ лейтенант, бдительность... вещь полезная. Возможно, у огневых взводов есть время, но его нет у меня,— Варавин прошел колонну из конца в конец,— погляжу, как у вас служба. Внимание!.. Все направо, слезай, осмотреть орудия, тягачи... десять минут... Товарищ лейтенант, с девяти часов связь с пехотой прекратилась. Южнее Степани противник вышел на реку Горынь. Мост, возможно, саперы взорвали, тогда придется идти в объезд... Вот карта, возьмите, здесь я встречу,— он нанес точку по течению реки,— вы приняли меры походного охранения?

Да, назначены наблюдатели, дежурное орудие, сигналы. Огневые взводы готовы к маршу.

— Пойдемте, проверю,— командир батареи на ходу складывал карту.— Хорошо, первое орудие. Кто следит у вас за воздухом? За танками кто?

Мимо шли батареи 3-го дивизиона. 152-мм пушки-гаубицы значительно тяжелее 107-мм пушки. Пыхтят двигатели, гусеницы тягачей оставляют на влажной земле глубокие канавы.

Варавин вернулся к машинам ГАЗ-АА взвода управления. В 6-й батарее их две.

— Выведите колесный транспорт из колонны и марш. Позади никого нет.

Небо затянули сплошные тучи. Где-то громыхают разрывы. Дорога утопает в грязи. Лужи, ухабы, торчат обломки бревен, жерди. Подсобный материал шоферы используют для самовытаскивания машин. Глубокие воронки, следы бомб.

Огневые взводы вошли в Степань. Жители укрылись в домах, предчувствуют перемены. По улице тащатся повозки, полтора-два десятка.

К 14 часам огневые взводы вышли к перекрестку дорог у населенного пункта Кричилыск. ЗИСы со снарядами отстали. Машины взвода управления стоят по ступицы в грязи. Командир батареи взобрался на скамейку у ворот дома.

— На этот раз они не успели,— говорил он о саперах,— начальник штаба полка капитан Мартынюк отнял у саперов все спички, все до последней... они ожидают обезоруженные, под стражей караульных от штабной батареи, пока пройдут наши орудия, торопитесь!..

Мягко постукивают траки по деревянному настилу моста. Река Горынь. На берегу группа саперов, ящики с тротилом. Старший — капитан — беспокойно оглядывался.

— Товарищ младший лейтенант, ваши орудия прошли? Можно взрывать?

Я доложил командиру батареи о повозках, которые видел в Степани.

— ...Ну вот обоз... а велосипедистов... на ходулях вы там не видели? — спросил язвительно сапер.— Командование назначило срок... взорвать не позже двенадцати часов, а сейчас? Строгий приказ, головой отвечаю...— сапер вытащил из полевой сумки бумагу.

Младший лейтенант Варавин подал сигнал. Люди штабной батареи побежали к своей машине.

— Я уезжаю, товарищ лейтенант, следующая встреча... на железнодорожном переезде, все.— Дверца захлопнулась, командир батареи уехал.

За Горынью дорога на восток представляла собой печальное зрелище. Тягачи едва ползли, гусеницы погружались в грязь, буксовали колесные машины.

Кабина СТЗ-НАТИ-3 не имела дверок, сиденье командира, как лавка, на двоих с водителем. Карта, которую дал Варавин, вернула мои мысли к фольварку Октавиан. Сколько туда? Сто пятьдесят, двести километров? Я впервые вел колонну. Сегодня обстановка мало напоминает тот день. Как и погода. Местность вокруг равнинная, и скорость тягачей 6-й батареи в три раза меньше, чем СТЗ-НАТИ-5.

Время 17 часов. Переезд на железнодорожной ветке Сарны — Ровно. У будки стрелочника старший лейтенант Рева, старший лейтенант Азаренко, младший лейтенант Варавин. Колонна остановилась.

Старший лейтенант Азаренко подложил к моей карте новый лист. Нанес линию маршрута. От переезда — на Сарны и далее к югу, на реку Случ. Карта окрашена сплошь в зеленые цвета. Лес. В районе Олевска старший лейтенант Рева нанес треугольник с флажком.

— Двести тридцать первый КАП выведен в резерв начальника артиллерии пятой армии. К одиннадцати ноль десятого июля второй дивизион сосредоточить в лесу севернее Белокоровичи. Район огневой позиции шестой батареи справа от дороги,— старший лейтенант Рева плавно очертил кружок, топографический знак батареи на ОП.

Покончив с обозначением своих войск, он перевернул карандаш синим концом и заштриховал косыми жирными линиями квадраты на юг от Емильчино — район СО батарей 1-го дивизиона. Сегодня в 22.00, возможно раньше, они произведут огневой налет.

Начальник штаба 2-го дивизиона считал вполне вероятным, что отдельные подразделения противника вышли к берегам реки Случь. Все колесные машины за железнодорожным переездом объединились в одну колонну с огневыми взводами 6-й батареи. Старшим назначен Азаренко. Чехлы снять, орудийные стволы перевести в боевое положение, согласовать сигналы.

Начальник штаба дивизиона уехал. Вслед за ним уехали Азаренко, Варавин. Как выполнять приказание?.. Позади замыкающего орудия ползли две-три машины, все остальные застряли. Колонна распалась.

Застрявшие машины — на каждом шагу. Сарны. Железнодорожная станция разрушена авиацией до основания. Вдоль путей валялись грузы, обломки рельсов, шпалы, перевернутые вагоны. Но работы не прекращаются. Дымят паровозы, суетливо бегают железнодорожники. На разрушенном участке саперы укладывают рельсы.

Тягач подошел к спуску. С высоты западного берега открылась широкая панорама. На востоке лес, сколько глаз видел. Мост через реку Случь. Под дамбой на ОП орудия батареи МЗА. Два — на одной стороне, два — на другой. В котловане — счетверенные пулеметы на машинах. Пулеметчики следили за небом.

Перед мостом наряд пограничников. В ровике пулемет. Саперы ремонтировали средний пролет, поврежденный, по-видимому, «юнкерсами».

1-е орудие взошло на мост. Тракторист, рядовой Дуров, поднял руку. В серых облаках плывут «юнкерсы». Орудия МЗА открыли огонь. Навстречу бомбардировщикам неслись трассирующие очереди счетверенных пулеметов.

Мелькают сигнальные флажки. Дистанция между орудиями увеличилась. Ведущий «юнкерс» ринулся вниз, взвыла сирена. Бомбардировщики пикировали один за другим. Бомбы рвались в реке, на берегу.

За Случью начинался лес. Я не видел ни одной колесной машины. «Стой!» Командиры орудий произвели осмотр. Огневые взводы не понесли потерь. Только один орудийный номер, спавший на прицепе, свалился в испуге с высоты моста в реку. Он бежал теперь вместе со своими спасителями вдогонку, промокший, но довольный, что остался жив.

В налете участвовали три группы «юнкерсов», бомбили одновременно колонну 1-го, 2-го, 3-го дивизионов и мост. Позже я узнал, общие потери погибшими и ранеными составили двенадцать человек. В числе тяжелораненых находился лейтенант Величко, принявший 9-ю батарею. Он был отправлен в госпиталь и в полк больше не вернулся.

Полесские дороги

Я не стал ожидать колесные машины. Орудия тронулись. В левом верхнем углу моей карты выписаны сигналы. Нападение противника — серия красных ракет. 1-е орудие разворачивалось справа от дороги, 2-е — слева и т. д. Если условия местности не позволяли, орудия приводились к бою в колонне. Вполне понятно, но кто должен подать сигнал? В огневых взводах не было ни одной ракетницы, по словам Безуглого, они переданы во взвод управления.

На обочине автомобиль. Старший лейтенант Азаренко поднял сигнальные флажки. «Стой!» Где колесные машины? Огневые взводы готовы отразить нападение противника? Старший лейтенант опросил Орлова, орудийных номеров. Как относительно сигналов? Нет ракетницы? Старший лейтенант внес ясность. Орудия должны действовать по указанию старшего.

Мой тягач пересек невидимую границу овалов, заштрихованных на карте синими линиями. Справа лес, слева лес. На дороге ни машин, ни орудий. Противник, возможно, уже переправился через Случь. Орлов — его место на орудийном передке — стучал в кабину. В небе вспыхнули белым облаком воздушные разрывы. Четыре, еще четыре. Похоже, шрапнель. Стреляли, по-видимому, батареи 1-го дивизиона.

Опускались сумерки. По сторонам стена деревьев. Едва ползут тягачи. Дорога — болото, сплошь ямы да лужи. В темноте загораются фары и гаснут. Движение остановилось. Прошло четверть часа, еще четверть.

Я шел, погружаясь в грязь с голенищами. В чем причина остановки? Шоферы спят, командиры барахтаются в грязи, выкрики, брань.

Впереди ствол, 152-мм пушка-гаубица. По ступицу в колесе. Орудия батареи 3-го дивизиона. Люди расчетов спят на станинах и передках. Вкось и вкривь стоят колесные машины, двигатели заглушены. Обозначился свободный участок, дальше дорога пуста. Еще одна машина под тентом. Я включил фонарик. На командирском сиденьи спит интендант. Рядом шофер. В кузове фанерные ящики, два-три тюка. Слышится разноголосый храп. ЗИС нельзя считать перегруженным.

Начали подходить люди.

— Слезай! — подал кто-то команду, ударяя палкой по брезенту. Из кузова понеслись ругательства, угрозы.

Луч фонарика осветил ящики. Ругательства притихли.

— ...Ну-ка, на свет,— потребовал орудующий палкой,— всем... слезай!

Четыре человека, один за другим, перевалили через борт.

— ...Отставить... обратно под ящики живо... теперь снова... слезай!

Я спросил лейтенанта с артиллерийскими эмблемами:

— Кто это?

— Командир третьего дивизиона, старший лейтенант Горунов, он быстро расчистит дорогу... вы с этой машины?

Интендант вылез из кабины. Собралась толпа людей.

— Со всех машин сюда... без разбора... рядовых, начальников... бегом! — повернулся ко мне старший лейтенант Горунов.

Явилось человек сорок. Старший лейтенант Горунов приказал всем взяться за борта. Шофер зажег фары. Загудел двигатель. Люди поднатужились и вытолкнули ЗИС.

Дорога совершенно разбита. Колея заполнена до краев грязью. Машина выбиралась из одной ямы, попадала в другую, садилась на мосты, шофер засыпал.

Тягачи кое-как ползут. Незадолго до рассвета движение остановилось. Безуглый ушел вперед. Вслед за ним отправился и я. В низине закрыл проезд ЗИС.

Явился майор-танкист. Он действовал не менее энергично, чем Горунов. Танкисту помогал Безуглый. Владелец ЗИСа протестовал, просил, возмущался, но тщетно. ЗИС опрокинули на борт. Дорога освободилась.

Тягач нырял из одной колдобины в другую, орудие дергалось на крюке вместе с передком. Дорога узкая. Никаких объездов. Останавливалось впереди орудие, останавливалась колонна.

Настал рассвет. Впереди лес, позади лес. Заводь. Колея разветвлялась, гусеницы погружаются в воду, вот-вот зальет

кабину. Орудийные номера забираются на люльку, ближе к щиту.

Тягач преодолел заводь. Навстречу бежал старшина Политов. «Стой!» Пища готова. Командир батареи приказал кормить людей.

— Внимание,— кричали наблюдатели,— товарищ лейтенант, командир второго дивизиона капитан Значенко.

На обочине шагал капитан, приподняв полы плаща. Высок ростом, плечист. За ним — младший лейтенант Варавин.

— Новый... лейтенант? — Я представился.— Вы знаете срок готовности к открытию огня? Как тягачи? Наличие топлива в баках? — Командир дивизиона заглянул в мою карту. Внес исправления в цифры, которые обозначают контрольное время на марше.

— Товарищ лейтенант, как чувствуют себя люди? — капитан Значенко ждал ответа.

Как чувствует себя орудийный номер, если он сидит, как курица на насесте? Нормально, разумеется.

— Вижу и у вас люди спят в движении... прекратить. Свалятся под колеса... организуйте отдых по очереди на прицепе.

— Прицеп загружен снарядами выше бортов,— ответил Варавин.

— Товарищ младший лейтенант, орудийный номер... живой человек. Он нуждается в отдыхе...

Командир батареи осторожно заметил, что срок готовности к открытию огня, как и возимый комплект боеприпасов в прицепе, устанавливается старшими начальниками.

— Решение старших начальников — это их дело, а ваше, Варавин, обеспечить условия для отдыха людей.

— Есть обеспечить условия!

Командир дивизиона уехал.

— Вы слышали? — спросил Варавин.

— Так точно.

— Запрещаю спать на лафетах.

— Но...

— Никаких но. Прицеп есть? Снаряды укладывайте по-другому.

Два яруса составляют БК. Если один снять, разместится не более 10 человек. А остальные?

— Товарищ лейтенант, я ничего изменить не могу... командир дивизиона приказал, и он прав... Люди нуждаются в отдыхе. Вы понимаете?

— Вполне.

— Объявить личному составу дальнейший маршрут движения.— Командир батареи направился к своей машине.— Где колесные машины? Перегрузите часть ящиков.

Оба ЗИСа отстали еще вчера. И оба перегружены. Варавин уехал.

Гудит двигатель. Тягач дергался, нырял в колдобину. Все так же, болотные лужи, грязь, остановки.

— Почему стоите? — на обочине появился командир батареи.

По-видимому, впереди пробка. Сейчас выясню.

— А срок готовности? Ведите в объезд, не теряйте времени.

Деревья стоят одно к одному. Куда ехать?

Младший лейтенант Варавин занял место водителя. Тягач рванулся, миновал одну узость, другую. Остальные двинулись по следу.

— ...В объезд, не ждите указаний,— командир батареи остановил тягач, передал управление водителю.

Лес. Глухая, малоезженая дорога. Движение продолжалось черепашьими темпами до вечера, всю ночь.

Утро 8 июля. «Воздух!» Пролетел «Хеншель-126».

После своего первого визита «хеншель» является снова. Вслед за ним стая бомбардировщиков Ю-88. Высота 1500 метров. Ю-88 нетрудно отличить от пикирующего Ю-87. Орудийные номера поглядывали в небо. Ю-88 бомбят с горизонтального полета. Не страшно, бомбы редко попадают в цель.

Полесье. Край лесов и болот. Колесный транспорт остался далеко позади. С натугой шли только гусеничные тягачи. Двигатель на предельных оборотах поглощал уйму топлива, но скорость меньше, чем у пешехода.

И хлопоты! Засыпали орудийные номера. Как прогнать сон? Спешивать раз за разом? Пустая затея. На прицепе спящий перекатывался, как бревно. Нельзя снять ни один ящик. Люди предпочитали спать сидя и неохотно покидали места на лафете.

Безуглый обнаружил поляну земляники. Дальше — ульи. Пасечник, седой старик, стоит у шалаша, опершись на палку.

— Товарищ лейтенант.., остановитесь,— старшина Политов перемолвился с пасечником,— мед... эй, хлопцы, сюда!

В руках у орудийных номеров янтарно-желтые рамки. Пчелы жужжат над головой. Каптенармус положил к ногам сторожа консервные банки. Он отродясь не видел машин. Изъясняется на местном наречии — смесь украинского язы-

ка с белорусским. Ближайшая железнодорожная станция в ста верстах.

Я спросил, как дорога на Белокоровичи?

— Люди ездили, но шлях тут не был. Пришла война три дня назад... Гул не умолкает,— нету покоя ни ему, пасечнику, ни пчелам. Собака от страха околела на привязи. Близок должен быть конец света.— Старик замолчал, палкой принялся передвигать консервные банки.

За поворотом стояли 107-мм орудия. На щитах наша эмблема. Батареи 1-го дивизиона. Откуда? После полудня появились первые колесные машины, кажется, тылы механизированных частей.

С наступлением темноты остановки участились. Все спят. Орудийные номера, водители. Крепились только командиры, и то не все. Раз за разом прыгай из кабины, расталкивай спящих и сколько проку?

Водитель ерзает на сиденье. Лобовое стекло залеплено грязью, в дверной проем летят брызги. Роняет голову водитель, рычаги выскользнули из рук.

Олевск. Белокоровичи

Утро 9 июля. Колонна огневых взводов 6-й батареи миновала Олевск. В заболоченном лесу дорога с твердым покрытием. Мосты разрушены толом. На каждой речке объезд, толчея, пробки. Все орут друг на друга, бранятся.

Впереди дорожное полотно оборвалось. Взорван мост. Лежит на боку в кювете С-2 — быстроходный тяжелый тягач. Брошен. Широкая гусеница, вместительный кузов. Под капотом авиационный двигатель В-2. Было бы непростительно пройти мимо. По виду тягач новый, незаметно повреждений. Младший лейтенант Безуглый произвел осмотр. Явился старший сержант Смолин — командир отделения средств тяги. Послезали со своих мест орудийные номера.

Смолин забрался в кабину, стартер зарычал, выбросив дым из выхлопной трубы. Гудит двигатель, набирая обороты. Смолин включил скорость. Гусеницы вращаются, но тягач не двигался с места.

Орудия расцеплены. Безуглый с помощью двух НАТИ уменьшил крен С-2, и он вылез из кювета. Находка ценная. Двигатель работал чисто, устойчиво. Смолин расталкивал толпившихся огневиков. Тягач, похоже, совершенно новый. В баках мало горючего. С-2 занял место в хвосте колонны.

Смолин захотел опробовать тягач, прокатиться. И доро-

га — как на катке. С-2 плавно тронулся, обогнал колонну. Находка на дороге, как трофей. Тягач радовал личный состав огневых взводов. С-2 вернулся, прошел навстречу, снова начал обгон. Бетонные плиты стелятся одна к одной. С-2 проскочил мимо, не сбавляя скорости. Смолин увлекся и не заметил объезд. С-2 рухнул в реку с высоты взорванного моста.

Смолин едва не плакал. Вытащить тячаг, по общему мнению, не было возможности.

Но Смолин убивался недолго. На дороге стоял поврежденный СТЗ-НАТИ-3. Смолин брался в течение трех-четырех часов восстановить его.

— ...Не перенесу потерю, разрешите остаться... моя вина,— настаивал командир отделения.

Безуглый поддержал Смолина.

— Внимание...— раздался голос наблюдателя,— внимание!

Подошла одна машина, другая. Начальник штаба дивизиона, командир батареи.

— Вот... брошенный тягач...— я доложил старшим начальникам просьбу сержанта.

— Долгий ремонт... Чем он кончится, неизвестно,— проговорил старший лейтенант Рева командиру батареи,— а механиков вы лишитесь наверняка.

— Товарищ старший лейтенант, в других батареях по два прицепа, у меня один. Колесные машины перегружены, тягач нужен.

— Вы хотите восстановить брошенную машину?

— Товарищ старший лейтенант, людей размещать негде,— вторил Варавину Савченко,— командир дивизиона осматривал батарею...

Командир батареи и замполит уговорили старшего лейтенанта Реву.

— ...Прекратим разговор... раз вы настаиваете...— уступил он.— В конце концов люди ваши... вы командир, решайте.

Младший лейтенант Варавин инструктировал Смолина. По окончании работ двигаться в район ОП. Командир отделения вместе с водителем приступили к ремонту тягача.

На западной окраине Белокоровичей — военный городок. Двух-трехэтажные казарменные здания, столовая, склады. На территории ни одного человека, окна выбиты, двери настежь. Странно. Местечко, кажется, не подвергалось налетам авиации. Незаметно воронок и сгоревших строений.

* * *

Огневые взводы заняли ОП. В секторе стрельбы высокие толстые деревья. А шанцевый инструмент? Только то, что положено по табелю. Поперечные пилы — по одной на орудийный расчет, столько же в отделении тяги. Полтора десятка топоров.

Деревья преимущественно лиственные — дуб, береза. Пилы быстро тупились. Нет ни напильника, ни разводки.

Орудия приведены в боевое положение, но стрелять нельзя. Каждые четверть часа с НП поступают запросы. Командир батареи торопит. На расчистку секторов стрельбы по меньшей мере уйдет полсуток, даже если удастся организовать заточку пил.

10 июля. Гребень укрытия за ночь удалось отодвинуть на расстояние, позволявшее вести огонь лишь на предельные дальности. Сваленные деревья загромоздили с фронта подступы к позициям. Опасно. Как убрать завалы? Я обратился на НП. Командир батареи дал согласие прямой наводкой обстрелять завалы, но когда я доложил о готовности, отставил.

Работа остановилась. Приехал начальник артиллерии 5-й армии генерал-майор артиллерии Сотенский. Его сопровождали начальник артиллерии 15-го СК полковник Стрелков и майор Соловьев — командир нашего полка. Всех этих лиц я видел впервые. После осмотра позиций начальник артиллерии 5-й армии направился к буссоли.

— Товарищ лейтенант, расскажите обстановку,— сказал генерал-майор артиллерии Сотенский.

Я знал только то, что сообщил старший лейтенант Рева перед бомбежкой моста в Сарнах.

— Где находится в данный момент противник? Наши войска?

— За рекой Горынь, возможно, восточнее.

— А точнее?

— Не знаю.

— Командир обязан представлять себе общее положение и сообразно с этим направлять усилия подчиненных ему людей... верно я говорю? — обратился начальник артиллерии к сопровождающим его лицам. Полковник Стрелков и командир полка подтвердили мысль генерала,— товарищ лейтенант, вы не пытались выяснить обстановку у старших начальников?

— Нет, огневые взводы непрерывно в пути.

— Так не годится... вы говорите, трое суток люди не

спали, работают без отдыха. Согласен, но чем объяснить это?

— Содержанием боевой задачи 6-й батареи.

— То-то... задачи,— укоризненно произнес генерал,— вас следует наказать, но, принимая во внимание добросовестную службу ваших подчиненных, ограничимся разговором. Вызовите людей.

Младший лейтенант Безуглый построил орудийные расчеты, водителей, людей хозяйственного отделения.

— Товарищи воины... личный состав наших вооруженных сил,— начал генерал,— пехотинцы, артиллеристы, танкисты, моряки, летчики — сражается, не щадя жизни, в едином строю на фронте от Баренцева до Черного моря за свободу и независимость Советского государства, основанного товарищем... Лениным. Враг, опираясь на преимущества, обусловленные внезапностью нападения, продолжает рваться вперед... Немецкая авиация господствует в воздухе и наносит беспрепятственно удары по нашим войскам... во всей тактической и оперативной зоне... В полосе пятой армии противник продвигается в направлении Дубно — Новоград-Волынский с целью выйти к Днепру. Командующий пятой армией намерен всеми силами противодействовать замыслам врага. В настоящий момент наши войска концентрируются на рубеже укрепленных районов по старой государственной границе,— генерал выражал надежду, что продвижение противника будет остановлено и призвал личный состав 231-го КАП множить усилия.— Трудно, чрезвычайно трудно, но мы должны остановить противника, и мы остановим его любой ценой и во что бы то ни стало. Остановим и обратим вспять,— начальник артиллерии 5-й армии пожелал 6-й батарее успеха и уехал.

Снова стучали топоры. Расчистка затянулась. Бо́льшая часть пил пришла в негодность. Орудийные номера предпочитали работать топорами. Громадные деревья, падая, зависали. Нужно валить заново.

Я доложил командиру батареи о посещении ОП начальником артиллерии, но он не стал слушать, бросил трубку. Что происходит на НП?

К полудню стена деревьев отодвинулась всего на несколько сот метров. Ведение огня обеспечено лишь на средние дальности.

— Отбой! — передал неожиданно с НП телефонист.

Огневым взводам возвращаться на северную окраину Белокоровичей. Приехал командир батареи. Ему уже известно о посещении ОП начальником артиллерии 5-й армии.

— Вы наблюдали разрывы шрапнели на берегу реки

Случь?.. Почему не доложили начальнику артиллерии? Старшим начальникам нужно отвечать четко. Давность сведений... не ваша забота. Шанцевый инструмент восстановить... Срок... двое суток. Непригодный инструмент передайте старшине, пусть в тылах заменит...

Варавин умолк, прислушался. Гул двигателя. Появился тягач. За рычагами — старший сержант Смолин. Кабина смята, ни стекол, ни сидений, в баке дыра. Мелкие дефекты, СТЗ-НАТИ-3 на ходу.

Командир батареи доволен, благодарит механиков. Недостает прицепа? Пустяки, Смолин заверяет, что прицеп найти легче, чем трактор.

Разговор вернулся к посещению позиции начальником артиллерии. Майор Соловьев приказал представить в штаб полка список лиц, отличившихся в боях. Все наши четыре дивизиона снялись с боевых порядков и ушли на Лугины. 231-й КАП перебрасывается в район Новограда-Волынского.

Младший лейтенант Безуглый обратился с просьбой объяснить обстановку. Где проходит сегодня передний край обороны наших частей? Недовольство старших начальников нельзя направлять только против отдельных лиц.

— Товарищ младший лейтенант, газеты на ОП не доставляются,— продолжал Безуглый,— мы, командиры взводов, знаем положение сейчас не лучше, чем до приезда генерала Сотенского.

— Ко мне не поступают сведения со штаба дивизиона,— отвечал Варавин.— Немцы подавляют частоты, на которых ведут передачи московские радиостанции.— В частном порядке Варавин сказал, что на юг от Новограда-Волынского немецкая танковая группировка прорвала оборону войск нашей 6-й армии в районе Староконстантинова. Заняты Бердичев, Житомир. Передислокация нашего полка в район Новограда-Волынского, возможно, вызвана этими печальными событиями,— поживем, увидим,— высказал уверенность Варавин.— В последние дни в полку имеют место случаи гибели людей под гусеницами... Товарищи командиры, четверо суток... не так уж много. Орудийные номера не понимают... объясните им... Жизнь стоит того, чтобы не спать. Никаких отговорок. Спать в движении запрещаю!

— Товарищ младший лейтенант, разрешите доложить,— взмолился Безуглый,— люди переутомились. Непрерывно оборудовали позиции. За сутки никто не присел... опять марш... на ногах без сна... Человек не может бежать за орудием... присел на станину... засыпает... сколько их я вытащил из-под гусениц...

— Установить очередность, и пусть отдыхают.

— Прицеп загружен выше бортов, на передке два, а остальные? На лафете не удержаться. Ему только присесть и забыл обо всем... спит...

— Товарищ младший лейтенант, я запрещаю вам обсуждать приказания старших начальников. За безопасность людей всегда отвечали командиры огневых взводов... сейчас тем более... Держите их, бегите рядом, сажайте в кабину, на капот... куда угодно... Все! Встреча... перекресток на западной окраине Лугины. По местам!

Командир батареи уехал.

— Не понимаю... В глазах пелена... Я сам едва держусь,— Безуглый протиснулся ко мне в кабину.— Водитель спит... и их на станинах три десятка. Что делать?

Не знаю. Есть, конечно, выход — остановить колонну, но это выше моих прав.

Жара, пыль. Ползут орудия, то одно съехало на обочину, то другое. Мы — Безуглый, я, командиры орудий — тормошим людей. Водителя нельзя ни минуты оставлять без присмотра.

Прошел час, другой. Снова явился Безуглый.

— Давайте остановимся.

— А время?

— Да...— Безуглый умолк,— помню, мы спали на орудийном передке, лямками привязывали к ограждению друг друга... попробуем?

На передке есть подножка, поручни. Разместятся максимум три человека. А остальные как? На лафет? Бревно отесанное, бум. Куда вязать концы лямок?

— Что вы предлагаете?

— Ничего.

— Товарищ лейтенант.., я не могу видеть все это... Погубим людей... останавливайте... не более пяти минут.— Безуглый спрыгнул в пыль. Орудийные номера одевают лямки. Петля шла на плечи, еще один виток — под ремень и дальше за скобу. Держит кое-как, неустойчиво. Люди — один клонится туда, другой — сюда. Безуглый кричит что-то.

— Марш!

Ох, служба!.. Лишения и тяготы не имеют границ. Спал ли орудийный номер, бодрствовал, оборудовал позиции или боролся в изнеможении со своей человеческой натурой, он обязан сохранить в неприкосновенности ресурс воина для того, чтобы повиноваться...

Перед речкой Жерев колонна остановилась. Поглядеть, что получилось из затеи Безуглого.

Речка Жерев примечательна тем, что дорога дальше подвергалась непрерывным ударам с воздуха. Налеты «юнкерсов» происходили чуть ли не каждые полчаса. Движение остановилось. Все бежали в укрытие. Намерение дать орудийным номерам отдых неосуществимо.

Плотность дорожного потока заметно возросла. Автомобильный транспорт, артиллерия, нескончаемые обозы. За обочиной бредет в пыли пехота.

Незадолго до наступления темноты колонна подошла к железнодорожной линии. Будка стрелочника разрушена. На путях — перевернутый вверх колесами паровоз, вагоны, платформы. Полыхает пламя. Эшелон шел на юг со стороны Коростеня.

Повозок множество. Конные батареи, медсанбат на телегах, фургоны с красным крестом, выглядывают краснощекие сестры в платочках. Пыль.

Последний перед сумерками удар «юнкерсов» превосходил по своему ожесточению все предыдущие. Справа, слева — бугры, посредине — дорога. Бушует пламя, дым, крики. В кабине становится жарко, вонь. Дуров заслонил глаза ладонью. «Товарищ лейтенант, опасно, загоримся...» Над радиатором пар, вода закипала. Тягач объезжал препятствие — в ряду горящих машин открылся разрыв. Крутой откос. Тягач повернул в поле.

Стало меньше пыли. Темно. Дорога вскоре вошла в лес. И опять забота. Опекать водителя, орудийных номеров. Как они там на лафете?

Багровеет ночной горизонт. Всюду пламя, пожары. Пикирующие бомбардировщики подвергают массированным ударам пути сообщения, узловые пункты.

11 июля. Рассвет. Огневые взводы 6-й батареи миновали село Бондаревку. Стой! Проезд закрыт. Впереди 122-мм пушка. Наши батареи, 4-я, 5-я. Колонна растянулась до села Степановки.

Появился младший лейтенант Варавин. Двигаться дальше. Первый населенный пункт — село Андриевичи — пройти не позже 12.00. Ожидаются налеты авиации. Возобновить маскировку, вести наблюдение за воздухом.

— Вот... чем плохо? — Варавин остановился у 122-мм пушки. В пространстве между станинами устроен настил. Подобие люльки, туда втиснулось шесть человек. Доски — не иначе как сняты с изгороди — крепились на растяжках, которые удерживали орудийный ствол в походном положении. Но лафет 122-мм пушки нельзя сравнивать со

107-мм. Другие габариты, выше колесная ось. И затем, в 5-й батарее два прицепа.

— Я больше чем уверен,— не слушал Варавин,— в пятой батарее огневики сами о себе позаботились. Нашли доски, проволоку и канаты, а у вас? — он остановился у орудия Орлова.

— Огневые взводы следуют по маршруту...— встретил младший лейтенант Безуглый командира батареи.

— Кто придумал так пеленать их... лямками? — спросил Варавин. Безуглый скромно промолчал.

Орудийные номера спят беспробудно в самых невероятных позах: головой вниз, скорчившись на боку, один совсем повис на лямке, болтаются руки и ноги.

— Разумеется, это не выход, но смысл есть, нельзя не согласиться. Безуглый, вы парень... бывалый...

Позабыв субординацию, младший лейтенант Безуглый развел руками: деваться некуда...

— ...и сколько они так...— командир батареи затруднялся подобрать определение тому, что видел,— сколько длится этот... отдых?

— ...с двадцати трех ноль, после налета... Днем «юнкерсы» не давали покоя, непрерывно бомбили то впереди, то позади,— отвечал Безуглый.

— ...подымайте, он задохнется, ей богу... вниз-то головой... такая пыль.

Безуглый подал команду, второй, третий, четвертый раз. Никто не шевелился. Стал расталкивать Орлова. Тот храпел на подпожке передка, обняв стрелу руками.

Младший лейтенант Варавин не дождался и ушел мимо своих орудий обратно к 5-й батарее.

В Андриевичи огневые взводы пришли позже назначенного времени. Где же командир батареи?

Я готов был остановить тягач, когда на подножку вскочил лейтенант Смольков — командир взвода управления. Мы еще не успели познакомиться. Он втиснулся в кабину и протянул карту. Я перенес на свою дальнейший маршрут: железнодорожный переезд — Старая Гута. Район ОП в лесу южнее села. На карте Смолькова указаны буссоль основного направления, готовность к открытию огня. Проверив идентичность знаков и цифр на обеих картах — моей и его,— Смольков удалился.

Старая Гута буквально забита службами войсковых тылов. Автомобили — ГАЗы, ЗИСы, двух- и трехосные. С прицепами и фургонами, под тентами и с открытыми кузовами. Загруженные тюками, ящиками. Кухни, повозки, лошади.

Снуют люди. Технический персонал артиллерийских и танковых частей — серебристые эмблемы, петлицы без окантовки. Пехотные интенданты в зеленых петлицах. Врачи всех рангов. Представители строевых подразделений, прибывшие по делам снабжения. Преимущественно кавалеристы. Что притягивало тыловиков к сельским хатам? Скопление транспорта. Случись налет — укрыться негде. Июльский зной, безветрие. Какая тень в саду под фруктовым деревом?

Пока я говорил со Смольковым, орудийные номера обшарили местные колодцы. Пусто, вода вычерпана до дна.

А рядом лес. Впрочем, место дислокации служб обеспечения назначают командиры частей. По-видимому, нет координации. Тылы предоставлены сами себе. Где остановился один, там и другой.

Огневые взводы пришли в район ОП. Оглядев местность, я понял, что поляна — не лучшее место в лесу. Позади ручей делал поворот. Тягачи должны двигаться в укрытие в затылок один другому. И сосны по краю жидкие, низкорослые. Расстояние до крайних хат не более километра. Но времени нет. «К бою!»

Пришли телефонисты. Связь с НП установлена. Построен веер, огневые взводы готовы к открытию огня.

Командир батареи мог приступить к выполнению задачи, т. е. вести огонь в секторе стрельбы на участке подразделений, которые поддерживал. Если батарея занимает боевые порядки с ходу и подготовка исходных данных производится глазомерным способом, либо по карте, стреляющий производит пристрелку цели. Вначале выводит разрывы на линию наблюдения, т. е. в створ, между НП и целью, чтобы получить наблюдение по дальности. На следующем этапе пристрелки вводятся корректуры в направление и дальность — обычно в одной из этих двух плоскостей, посредством которых обеспечивается захват цели в первую широкую вилку, восьмиделенную, шестнадцатиделенную, либо тридцатидвухделенную, в зависимости от величины первой ошибки при подготовке исходных данных. Получив не менее одного четкого наблюдения противоположного знака, т. е. на ближнем и дальнем пределе вилки, стреляющий последовательно половинит широкую вилку, сужая ее в два, еще в два раза. В результате последующего введения корректур он получает узкую вилку — двухделенную, ее необходимо обеспечить не менее чем двумя наблюдениями на каждом пределе.

Младший лейтенант Варавин начал пристрелку наблюдательного пункта противника. Такого рода цель называется узкоразмерной. Положение поддерживаемых подразделений,

а иногда и другие причины заставляют стреляющего в одних случаях подавлять, в другом уничтожать узкоразмерные цели.

Стреляющий закончил обеспечение узкой двухделенной вилки. Старший на батарее судит об этом по командам, которые поступают с НП.

— Веер сосредоточенный... батареей один снаряд... огонь! — передавал телефонист.

Старший на батарее начинает подготовку к выполнению этой команды заранее, как только построен параллельный веер. Он трансформирует, т. е. пересчитывает линейные величины — интервал между орудиями — в угловые, соответственно дальности стрельбы. И когда стреляющий решит сосредоточить огонь всех четырех орудий в одну точку, старший на батарее указывает командирам орудий только угол доворота.

— Второму... правее два... третьему правее ноль-ноль восемь... четвертому правее ноль-ноль три... батареей... один снаряд... огонь!

Снаряды улетают к цели. После пяти очередей младший лейтенант Варавин подал команду:

— Батарея... стой... записать: цель номер двадцать три...

Старший на батарее, пользуясь своими записями, объявляет командирам орудий установки угломера, уровень, прицел. Наводчик по команде командира орудия записывает мелом на орудийном щите эти величины.

НП противника разрушен. 6-я батарея продолжала вести огонь.

Обнаружена новая цель в районе разрушенного НП. Пользуясь установками по цели № 23, младший лейтенант Варавин имел возможность, не прибегая к пристрелке, произвести огневой налет.

— По пулемету,— последовала с НП команда,— цель номер двадцать три, правее ноль десять, уровень тридцать ноль, прицел сто девяносто восемь... батареей один снаряд... огонь! — И тут же: — Четыре снаряда... беглый огонь!

Пулемет подавлен.

— Стой... записать,— передал телефонист,— цель номер двадцать четыре, пулемет у подножия кургана.

Обнаружено скопление машин. Дальность 15 километров. 6-я батарея перенесла огонь с переднего края в глубину боевых порядков противника. В таких случаях полагалось готовить заново исходные данные, но стреляющий предпочел решать задачу способом переноса огня. Скопление рассеяно.

Стреляющий объявил перерыв. Орудийные номера уходят на отдых только после осмотра орудий. Нужно подготовить позицию к новым стрельбам.

Командир батареи сообщал обстановку. Вчера на рассвете соединения 9-го механизированного, 31-го стрелкового корпусов и кавалерийские соединения перешли в наступление. Ближайшая задача наших войск выйти на шоссе Новоград-Волынский — Житомир. Противник спешно подтягивает подкрепления. Преодолевая упорное сопротивление, под непрерывными ударами пикирующих бомбардировщиков наши войска медленно продвигались вперед. В секторах батарей 2-го дивизиона наступление приостановилось.

Командир батареи делился по телефону впечатлениями.

— ...Что там творилось... трудно поверить... немцы бродили во весь рост... совершенно никакой маскировки... Цель номер двадцать три, приборы наблюдения на НП установлены на бруствере... цель номер двадцать восемь... она у вас записана?

— Так точно, цель номер двадцать восемь — скопление машин.

— Это у меня сгоряча вырвалось. Там не скопление... стационар в поле. Настоящая парковая стоянка.

— А дальность наблюдения?

— ...Около семи километров... туда перенесли огонь еще две или три батареи, по-моему, наши...— командир батареи выразил удовлетворение работой огневиков. Особо отметил стрельбу по цели № 28.

Пришел Безуглый. Как с пополнением боеприпасов? Где же наши ЗИСы? На тягаче, который привел Смолин, обнаружены серьезные неисправности.

— По местам! — крикнул телефонист.— Цель номер двадцать шесть, левее ноль пятнадцать, прицел...

Стрельба продолжалась. Из политотдела пришел политрук Савченко. Наши части, наступавшие в направлении Червоноармейска, после неоднократных атак сломили сопротивление противника. Шоссейная магистраль Новоград-Волынский — Житомир перерезана.

— Не все так плохо,— говорил политрук Савченко,— может, и тут удастся столкнуть немцев с позиций. Пароль на ночное время объявлен? Когда перерыв? Хочу обрадовать товарищей огневиков.

Телефонист звал к телефону. Командир батареи сообщил, что противник продолжает подбрасывать подкрепление на участок южнее Старой Гуты. Боеприпасы артснабженцы подвезут. Вопрос о запчастях для тягача решить на месте.

Все батарейные автомобили ЗИС-3, которые перевозили боеприпасы, приказано направить в парковую батарею для передачи другой части.

— Старшина нашелся?

Да, прибыл.

— Можете кормить огневиков... пришлите пищу взводу управления.

Начался запоздалый обед, даже, пожалуй, завтрак. На ящике хлеб, котелок с кашей. Безуглый ест. Тут же стоит старшина.

— Политов, вы когда выдавали последний раз пищу? — спросил Безуглый.

— Вчера, товарищ младший лейтенант.

— Знаю.

— Так зачем спрашивать?

— Вчера... значит сутки назад,— продолжал Безуглый,— а в действительности? Тридцать восемь часов.

— ...Не моя вина,— возразил старшина.— На походе сколько раз спрашивал разрешения кормить людей... вечером в Лугинах, потом еще... забыл, как называется село. Потом перед восходом солнца на переезде. Сюда приехали в самый раз... выдать опять не разрешили.

— «Не разрешили»... потому что установлен срок готовности, вы слышали?

— Товарищ младший лейтенант, я приказал поварам выдать... да пища испортилась.

— Политов, позицию мы заняли в двенадцать, а сейчас?

— А я здесь причем?

— Вы раскачивались до вечера.

— Не раскачивались, товарищ младший лейтенант... Тухлятину на дороге выбросил. В колодцах... грязь, пока раздобыли воду, пока повар заложил продукты... и люди у меня не железные. Сколько времени не спавши...

— А огневики?

— Огневикам не мед, но и моим людям несладко.

— А поменяться местами? Верно, не захотят?

— Известно... у орудий, оно тяжело... Каждый при своем деле...

— ...Тяжело вдвойне, когда в животе пусто,— сделал подсчет Безуглый.— Товарищ старшина, огневые взводы хотели бы питаться регулярно, три раза в день... Вам нужно пересмотреть работу...

— Ясно, товарищ младший лейтенант,— Политов ушел.

За дни службы в 6-й батарее у меня сложилось определенное мнение о младшем лейтенанте Безуглом. К своим

обязанностям он относился добросовестно, знал великолепно боевые уставы артиллерии, воинский порядок на ОП.

В первый день, правда, Безуглый держался несколько непонятно. Позволял себе улыбаться в ответ на замечания. Как только представился случай, я подал огневым взводам команду «стой» и обратился к Безуглому с просьбой соблюдать положенные командирам огневых взводов формальности по отношению к старшему на батарее. В тишине, наступившей на ОП, Безуглый ответил «есть!» и больше не подавал повод говорить во всеуслышание о дисциплине.

* * *

Нужно отметить одну довольно важную деталь взаимоотношений на огневых позициях. Пушечные батареи 107-мм калибра и выше на ОП имели трех средних командиров: старший на батарее, командиры 1-го и 2-го огневых взводов. В подразделениях дивизионной артиллерии — 76-мм пушечных и 122-мм гаубичных, а также в противотанковой артиллерии РГК — старший на батарее, как таковой, не был предусмотрен. Его должность выполнял по совместительству, т. е. в порядке общественной нагрузки, командир 1-го огневого взвода. В штатном расписании значилось через тире: «Командир 1-го огневого взвода — старший на батарее». Однако Устав внутренней службы не делал различия в правах командиров взводов. Они равны. Спрашивается, достаточно ли оснований у одного командира взвода для беспрекословного подчинения другому командиру взвода? Штатное расписание в данном вопросе — не советчик, это документ чисто административного содержания.

Назначение командира 1-го огневого взвода по совместительству на должность старшего на батарее объявляется в приказе по полку. Весьма шаткий, неубедительный довод. Устав, как известно, позволял в чрезвычайных обстоятельствах командиру полка вносить изменения в ту или иную статью, но при том непременном условии, что, во-первых, эти изменения не противоречат принципиальным законоположениям, во-вторых, на срок строго ограниченный.

Командир части не имеет права отменять утвержденный уставом порядок и подчинять одно должностное лицо другому, когда он — устав — уравнял обоих в правах. Командиры и 2-го и 1-го огневых взводов недоумевали: инстанция, поставленная блюсти воинский порядок, нарушала его фундаментальную основу. С помощью противозаконных решений на ОП возводилась произвольная пирамида подчиненности. Ряд авторитетных учреждений — оргуправление, Устав

внутренней службы, финансовые органы, Боевой устав артиллерии переложили груз ведомственной компетенции на плечи двух лейтенантов... пусть договариваются между собой там, на месте. На высоких потах, в грохоте орудийных выстрелов некогда подбирать выражения. Кто возьмет верх, тот и старший. Личность восстанавливалась против дисциплины. Принцип единоначалия наоборот.

Я не выполнял обязанности командира 2-го огневого взвода, но сталкивался, и не однажды, с недоразумениями, почвой для которых служила путаница в подчинении. Разногласия среди командиров на ОП не способствовали повышению эффективности огня.

* * *

Мне удалось сравнительно быстро найти общий язык с младшим лейтенантом Безуглым. Объяснялось это присущим ему командирским тактом. У меня не было ни нравственных, ни иных преимуществ перед командиром 2-го огневого взвода, если, разумеется, не считать второй кубик на петлице и нарукавную нашивку лейтенанта.

Младшему лейтенанту Безуглому была чужда мелочная ревность, он не уклонялся от общих дел и не говорил: это мои орудийные расчеты, а те — 1-го огневого взвода. Не без содействия Безуглого налаживался у меня контакт с личным составом огневых взводов. Я не имел времени, чтобы оглядеться. Принятие должности происходило на ходу. Я и сегодня вспоминаю с признательностью В. И. Безуглого.

Кочующее орудие

Командир батареи разрешил младшему лейтенанту Безуглому отдохнуть. Он отказался. Обоим бодрствовать нет смысла. Орудийные расчеты к вечеру закончат оборудование ровиков, а возможно, и ниш под боеприпасы. Я прилег рядом с буссолью и уснул. Слышу грохот. В воздухе повисло облако бризантного разрыва. Начался огневой налет.

Снаряды ложились перед фронтом орудий и дальше позади, в огородах Старой Гуты. Обстрел длился более четверти часа. Я осмотрел ОП. Поляна усеяна воронками. Мелкие, взрыватель осколочного действия. Центр эллипса рассеивания лежал в стороне, слева позади 4-го орудия.

Оборудование приостановилось. Связь с НП прервана. Тишина. Телефонисты нашли обрыв. Связь восстановлена.

Не успел телефонист передать о происшествии, начали поступать команды.

После введения третьей корректуры стреляющий перешел на поражения.

— Стой... записать: цель номер пятнадцать... батарея на огневых позициях.

Стреляющий объявлял огневым взводам результаты стрельбы. Уничтожены четыре стопятимиллиметровых орудия, батарея, которая по мнению Варавина вела обстрел ОП.

Тут же поступило приказание начать подготовку к смене ОП. Противнику известны координаты. Следовало ожидать повторного обстрела.

Через некоторое время Варавин сообщил, что командир дивизиона полагает мнение стреляющего необоснованным. Не было доказательств. Стреляющий только предполагал. Командир дивизиона рекомендовал 6-й батарее временно воздержаться от стрельб и выбрать новую ОП. Район тот же.

К ровику телефонистов подошли Безуглый и политрук Савченко.

— Обложили фрицы воронками. По пути от ручья насчитал три десятка. Так быстро нащупали? — спросил замполит Безуглого.

— Это понятно... погода, солнце, сухо... идеальные условия для станции звуковой разведки.

— Обнаружили по звуку выстрелов?

— Да,— подтвердил Безуглый,— запеленговали с двух пунктов.

— ...сколько до переднего края?

— ...порядочно,— Безуглый заглянул в записи,— около девяти километров... Третье орудие, укупорку уносите дальше, под деревья... всех касается... ускорить работы,— он повысил голос,— до конца осталось три минуты.

На позиции производилась уборка.

— Боитесь разбитых стопятимиллиметровок? — обратился Безуглый к орудийным расчетам.— Помните, на реке Стоход... целый дивизион гвоздил... немец выпустил тогда полторы сотни снарядов.

Безуглый говорил о сомнительном эффекте стрельбы по ненаблюдаемой цели, призывал к дисциплине. Но бодрый тон увещеваний не действовал на людей. Они чувствовали себя под прицелом, на ОП еще слышен запах тротила.

— Внимание... всем прекратить работы,— продолжал Безуглый.— В укрытие... к орудию...

Упражнения по поддержанию воинского порядка закоп-

чены. Нельзя расходовать времени больше, чем позволяет обстановка. Уборка возобновилась.

Перед наступлением темноты возвратился огневой разъезд. Он выбрал новую ОП. Расстояние около километра. Разбит фронт относительно основного направления стрельбы, отмечены места орудий. Я доложил командиру батареи. Перемещение займет не более тридцати минут, четверть часа — подготовка орудий к ведению огня.

По пути к буссоли меня остановил телефонист. Требовал командир батареи. Смена позиций временно отставлялась, меня вызывал на КП дивизиона кто-то из старших начальников. Варавин не сказал кто именно. Явиться немедленно.

Командный пункт и штаб 2-го дивизиона размещался в глубине леса, укрытый от наблюдения с земли и воздуха. Три штабных автомобиля, лагерная палатка. Полость открыта. Посреди стол, освещенный аккумуляторными лампочками, карты. Писарь клеил листы.

— Товарищ лейтенант, вам известно назначение кочующих орудий? — спросил командир дивизиона. Видимо, он только вошел в палатку. Одежда в пыли. Писарь придвинул карту,— вот позиция вашего орудия,— командир дивизиона нанес на карту цели, одну, другую,— в два ноль открыть огонь по первой цели... сменить ОП... тридцать минут... в два сорок пять... по цели номер два... Данные рассчитаете со старшим лейтенантом Азаренко. Ознакомьтесь с маршрутом, выясните обстановку в районе ОП. Связной есть? Посылайте за орудием.

В палатку вошел полусонный Азаренко, щелкнул каблуками.

— Товарищ капитан, по вашему приказанию...

— Вы передали Варавину? — командир дивизиона поднялся.— Возьмите автомобиль взвода связи. После рекогносцировки зайдете ко мне.

Старший лейтенант Азаренко на ходу осмотрел мою карту. Штабной ГАЗ-2А тронулся. Прошел южную окраину Старой Гуты, развилку дорог.

В Боевом уставе артиллерии кочующим орудиям отведено несколько строк. Они выделяются для подавления важных объектов в войсковом тылу противника, за пределами досягаемости артиллерийских батарей с основных ОП. Устав требовал тщательно готовить орудийные расчеты к стрельбе. Позиции кочующим орудиям назначаются, как правило, вблизи переднего края. Орудийный расчет и командир орудия должны знать о той опасности, которой подвер-

гаются. Необходимо отстреляться быстро и оставить позицию.

Азаренко остановил автомобиль. Караульный. Поперек дороги — бревно.

— Товарищ командир... дальше ехать нельзя. Рядом немцы...— заявил пехотинец. Под кустом винтовка, разостлана шинель.

— Какие немцы? — возразил Азаренко.— Кто вам сказал? Вперед!

Автомобиль проехал не более полукилометра. Снова барьер. Проезд закрыт. Поодаль отдыхали пехотинцы. Вскочили, машут руками. Похоже, недавно закончился обстрел. Валяются обломки веток, воронки. Азаренко озабоченно разглядывал карту.

— Кто старший? Давно здесь загораете? Откуда?

Пехота занимает оборону с полудня. Пришла из Андриевичей.

— Товарищ старший лейтенант, немец уже три раза нас обстрелял... не проедете, нужно повернуть.. туда...

— Не будем возвращаться,— решил Азаренко,— до тригопункта недалеко... Пойдемте, осмотрим первую позицию вашего орудия.

Тропа, указанная пехотинцами, стала отклоняться в сторону. Азаренко заглянул в карту и двинулся напрямик. Вышли к опушке. Поле, лысая горка. На вершине — тригонометрический пункт, по склону десятка два, вразброс, мелких минометных воронок.

Азаренко постоял минуту, осторожно направился к тригопункту. Пятьдесят шагов, сто. Огляделся и — дальше.

— Не понимаю...— Азаренко заглянул в карту.— Вы видите передний край? Я перенес обстановку у танкистов... пехоте приснилось... немцы... на южных склонах никого нет. Черт с ним. Давайте займемся подготовкой данных.

Азаренко прилег, развернул карту, стал измерять хордоугломером расстояние. Я пересчитал для контроля полученные цифры.

— Дальше, я считаю, не стоит идти. Вот ваша позиция, запомнили? — Азаренко помолчал.— Вопросы есть?

Закончилась подготовка данных. Колышком отмечено место орудия. Осталось найти точку наводки, осмотреть подъездные пути.

Старший лейтенант Азаренко не переставал удивляться. Передний край, сколько тут? Полкилометра — и никаких примет ни противника, ни своих. Тишина, стрекочут кузнечики.

— ...ладно... немцы... это их дело, но наша пехота... где

она? Пройдем, пожалуй, поищем еще? Стрельцы где-нибудь спят.— Азаренко неуверенно приподнялся.— Не случилось бы чего ночью. Испугается пехота... нужно предупредить. О прикрытии договоримся.

Азаренко сложил карту, снова прилег. И вдруг — очередь. Пули. Азаренко прижался к земле, умолк.

— ...колышки-то мы расставили, товарищ лейтенант, а назад как? До опушки не менее двухсот шагов.— Он приподнялся на локоть.— И склон, как назло, голый... уйти отсюда как, а?

Пулеметчик послал еще одну очередь. Прошла минута. Азаренко молчит, ни слова. Жив ли?

— Жив...— не поднимая, он повернул голову.— Не иначе наблюдает, стервец... Ну товарищ лейтенант, дай бог ноги, как говорят у нас в селе... встать.

Насыпь, на которой возведен тригопункт, и опоры приняли немало пуль, посланных нам вдогонку. Очередь оборвалась только на опушке.

— ...Ушли вроде...— Азаренко остановился, перевел дух. По лицу струился пот.— Внимание, немцы...— он потянулся к пистолету,— танки...

Под деревом два БТ [1], закиданы ветвями, торчат стволы пушек. Люди. Азаренко закрыл кобуру, шагнул вперед.

— Чем занимаетесь, хлопцы?

— Чем? Воюем, товарищ старший лейтенант... а вы? — лейтенант-танкист ужинал, не выпускал ложку из рук. Под гусеницами вповалку отдыхали танкисты.

— Какой части? — спросил Азаренко.— Давно ли на фронте? Танки исправны? Стоят, будто... в обнимку. Рассредоточить нужно. Немцы под тригопунктом, а вы спите тут.

— С нас хватит,— отмахнулся танкист.— Как стемнеет, уходим,— и стал рассказывать. В частях 9-го МК экипажи, потерявшие в бою машины, действуют как пехота.

— Ночью подойдет стосемимиллиметровое орудие обстреливать мост на киевской дороге.

— Немцы вмиг накроют... и не достанет, далеко,— усомнился танкист,— не менее пятнадцати километров.

— Ничего, не беспокойтесь... лейтенант постарается,— Азаренко кивнул в мою сторону,— стрельба недолгая... десяток-другой выстрелов — и долой... Ну... нам пора, всего хорошего.

---

[1] БТ — распространенная модель одного из наших танков 30-х годов.— *Авт.*

— Ваша машина под деревом? — спросил танкист.— Подвезите, если на Гуту.

ГАЗ-2А качался в узкой просеке из стороны в сторону. Стучали по бортам ветки. В кузове рядом посвистывал беззаботно танкист. Из моей головы не выходило кочующее орудие. Выйти на передний край, занять позиции... сняться... и снова... Гул двигателя, стрельба. Я вспомнил Ковель, Княгининки. Трудно было, а сейчас? Орудие катить на руках. Какой смысл? Двигатель слышно издали, да еще ночью... ЗИС со снарядами... работа с освещением... гул, грохот. Нет, скрытность исключается.

— Товарищ лейтенант,— Азаренко управлял шофером, стоя на подножке,— запомните поворот. Держитесь дальше от опушки, двести... триста шагов.

На перекрестке у Старой Гуты лейтенант-танкист слез, помахал рукой. Автомобиль прибавил скорость.

— Ну вот, рекогносцировка закончена,— старший лейтенант Азаренко открыл дверцу. ГАЗ-24 остановился,— кажется, ваше орудие? Замаскировали... молодцы. Ну товарищ лейтенант, желаю удачи!

Орудийные номера спят. Караульный дергал Орлова за руки и за ноги, толкал. Никакого впечатления. Прошла минута. Сколько еще будет это продолжаться? Наконец Орлов поднялся и пошел торопливо по кругу, припадал то на одну ногу, то на другую, улыбался, бормотал. Я уже видел подобные случаи, нужно подождать. Орлов повернулся, сделал глубокий вдох и замер на месте.

Люди утомлены сверх всякой меры. В запасе полтора-два часа времени. Идти в район позиции и там дать людям отдых... или остаться на месте до полуночи? Здесь КП дивизиона, вдруг прогонит кто-нибудь из старших?

Орлов уже пришел в себя. Он понял задачу? Выставить караул из водителей. Остальным всем отдых. Меня поднять в 23.30.

Мох под деревом влажный, я уснул. Полтора часа промелькнули в одно мгновение. Подъем! Я чувствовал себя не лучше, чем перед сном.

Пришел старший лейтенант Азаренко.

— Товарищ лейтенант, вы готовы? Работенка вам выпала необычная. Прикажите командиру орудия строить расчет.

— Товарищи командиры и красноармейцы... В последние дни наши части ведут наступление с целью выйти на Житомирское шоссе, вы об этом слышали? — говорил Азаренко.— Перерезать единственную магистраль, по которой враг поставляет боеприпасы и горючее третьему механизированно-

му корпусу на подступах к Киеву... по сути дела блокированному с трех сторон.— Помощник начальника штаба 2-го дивизиона назвал причины, вынуждающие командование использовать артиллерию для подавления объектов в оперативном тылу противника, хотя это дело бомбардировщиков. Упомянул о том, почему командир дивизиона остановил свой выбор на 1-м орудии, и выражал надежду, что старший сержант Орлов и орудийные номера оправдают доверие старших начальников.— Хочу, чтобы вы со спокойной душой выполняли свои обязанности... Желаю удачи. Вопросы есть?

— Товарищ старший лейтенант... А точку наводки найдем в темноте? — усомнился кто-то в строю.

— Не беспокойтесь. Позиция отрекогносцирована, выбрана точка наводки,— ответил Азаренко и обратился к Орлову.— Скажите, старший сержант, когда выставляется освещение точки наводки? Кем?

— После приведения орудия к бою... по команде... шестым орудийным номером.

— Ясно? — спросил Азаренко.

— Как занять ОП незаметно, когда искрит магнето в тягаче... мотор гудит, затыкай не затыкай уши? А уходить как?

— ...В целях маскировки орудие катить вручную... Как действовать при оставлении позиции? Это уже решит старший на батарее.

— Почему нам запрещено рыть ровики?

— Кочующее орудие должно отстреляться и немедленно уйти.

— А... если немцы откроют огонь раньше, чем мы? Что тогда?

— Гм,— старший лейтенант Азаренко умолк, явно смущенный наивностью вопроса,— обстрел не исключается... вполне вероятен. Старшие начальники учли такую возможность, но когда орудие ведет огонь... то нужно ожидать, что немцы не будут молчать... В общем, товарищи артиллеристы, зачем ломать голову?.. Опасаться мин... там... или снарядов... опасность — понятие... растяжимое... ваши шансы увеличиваются, если работать быстро... а этому вы обучены.

Столь исчерпывающее разъяснение не оставило больше сомнений относительного того, что ждет орудийных номеров. Вопросов больше не было.

— Вот и хорошо,— подождал минуту Азаренко.— Товарищ лейтенант, проверить ночное освещение и... по местам!

Навстречу, со стороны Старой Гуты, брела пехота. Полыхали в темноте ночи осветительные ракеты.

У одинокой сосны — по меньшей мере сто лет стоит она у заболоченного ручья — поворот. Следующий указатель — брошенный танк. Колея, накатанная в последние дни, вела дальше, к следующему повороту.

Орудие остановилось подождать ЗИС со снарядами. Заглушен двигатель тягача. Вокруг тишина. До огневой позиции не более полукилометра. Есть ли смысл тащить орудие на руках? И еще одно соображение. После стрельбы тягач придет на ОП так или иначе.

Расчет привел в боевое положение ствол. Установлена панорама. Ящики со снарядами погружены на передок и лафет.

Взвилась ракета, еще одна. Подсвеченная, ползла из темноты навстречу тень тригопункта. Я шел, следом тащилось, подминая кусты, орудие.

Под ногами густая трава, борозды. Вот колышек — место стояния орудия. Дело за старшим сержантом Орловым. Он знает, как подаются команды.

— Стой! К бою!

Расчет снял с передка лафет. Все работают молча. Мигнула лампочка подсветки. Замешкался на другой стороне казенника замковый. Что там с затвором? Пустяк. Я установил отсчеты на приборах, навел перекрестие панорамы в точку наводки. На циферблате стрелки показывают: до открытия огня четыре минуты. Я не рассчитал времени. Орудийные номера ждут. Начинать?

— Первое!

— Орудие! — выкрикнул в ответ Орлов. Над стволом взметнулось ослепительно яркое пламя.

Выстрелы следовали один за другим. Все глубже уходили в грунт сошники. Глухо ударял в ограничители затвор. Орудие содрогалось в течение 6 минут.

— Осколочно-фугасная граната... тридцатая,— выкрикнул долгожданную цифру заряжающий. Назначенное количество снарядов израсходовано.

— Стой... отбой!

Тягач двигался задним ходом. Орлов стучит по дверце флажками: «Вправо... еще! Сцепляй!» Со всех сторон взлетают ракеты, и начался фейерверк. Море света. Пляшет в темноте трехногая тень тригопункта. Широким веером стелется трассирующая очередь. Снуют, слоятся белые, зеленые, красные, синие линии — сплошные, прерывистые, ломаные.

— Увеличить скорость! — Орлов бежит рядом с тягачем, оглядывается.

Орудие ушло с ОП. Но на склоне ничуть не лучше. Пули летят низко, тыкаются в землю. Еще сто шагов, и орудие в зарослях. Разорвалась мина.

Склон становился круче. Где-то здесь занимали позиции два танка. Тягач сделал поворот и катился, лавировал среди деревьев. Трассы летят выше. Грохотали разрывы мин. После очередного поворота орудие оказалось в зарослях. Вырисовываются деревья. Где машина со снарядами? Тягач остановился. Шумно дышит Орлов. На лафете двое раненых. Что с ними? Один уже мертв, другой стонет тихо и жалобно.

По сторонам — частые сосны. Куда я заехал? Возвратиться обратно? Найду поворот... нужно сориентироваться. Собрать людей!

Скоро я обнаружил след. Земля изрыта танковыми гусеницами. Незнакомые места. Грохот минометных разрывов на Лысой горе затих. Реже взлетали ракеты.

Сопоставив время и пройденное расстояние, я понял, что поиск нужно направить в противоположную сторону. Спустя 10 минут орудие вышло на просеку, где стоял ЗИС.

Орлов произвел осмотр. Существенных повреждений нет. В состав расчета включены химик, запасной водитель. Они вполне отдохнули вместе с шофером. В машину погружены раненый и погибший.

Я сориентировал карту, определил местонахождение. Теперь-то не заблужусь. Орлов собрал расчет. Только бы успеть до рассвета отстреляться на втором положении.

Тягач катился вниз под уклон, постукивали гусеницы. Пересек поляну. Я не ошибся, посредине пирамидой стоял великолепный куст можжевельника. Тягач развернулся и пошел в противоположном направлении — к фронту. Не видно вспышек, выстрелов.

Меня почему-то тревожила точка наводки. Покинутый двор лесника. У ворот, где указал Азаренко, я установил столбик высотой метра полтора. На сучке шестой номер подвесит фонарь.

Орудие заняло ОП, разведены станины. «Готово!» — доложил Орлов. Шестой номер ищет столбик. Ему в помощь пришли другие. Ощупывают руками землю под изгородью. Столбик исчез, никакого следа.

Как быть? Навести орудие в цель без точки наводки невозможно. Выставлять новую? Нужно перерассчитать угломер. А время? Скоро рассвет. Наводить с помощью буссо-

ли? Ориентировать буссоль, карту... Благо нанесена цель — мост на шоссейной дороге через р. Тня.

В районе тригопункта возобновилась стрельба. Разрывы перемещаются ближе. В плоскости стрельбы какие-то пятна. Туман или дым минометных разрывов? Я закончил наводку орудия по угломеру, определенному для точки наводки, выставленной вновь.

— Первое!

Орудийный ствол поднят до отказа. Дальность 16 тысяч 800 метров. Улетают снаряды один за другим.

— Первое отстрелялось! — доложил Орлов.

Тягач тронулся раньше, чем расчет одел на крюк шкворневую лапу передка.

— Стой! — в последнее мгновение Орлов успел оттолкнуть орудийного номера. Упала стрела передка, воткнулась под гусеницу.

Не случись этой заминки, снятие прошло бы без помех. Пламя выстрелов и разрывов ослепительно полыхало со всех сторон. Грохот. Кто стрелял — свои, противник?

Орудие тронулось. Оглохший, ослепленный водитель не замечал моих сигналов. Увязался за Орловым, а тот собирал людей, метался с фонарем в руках, позабыв погасить пламя.

Потом я повернул тягач. Где след гусениц... дорога обратно в тыл? Наперерез неслись трассирующие очереди, глаза слепили ракеты, а позади рвались мины.

Вперед! Водитель, рядовой Дуров, только успевал перекладывать рычаги. В кабине пыль, дым. Я видел кромку леса. Туда! Уйти из зоны обстрела.

Темнота скрыла Лысую гору. Полыхает зарево выстрелов. Позади два-три орудийных номера, боятся подходить к орудию. Где остальные?

До опушки уже рукой подать. Становился тише грохот. Похоже, удалось уйти. Задача выполнена. Сколько часов она томила мою душу.

Нет никаких сомнений, орудие удалялось от переднего края. К чему предосторожности? Орлов усадил людей. Надвигался рваными хлопьями туман. Я чувствовал запах хвои, веки смыкались.

Неожиданно сиденье дернулось, я стукнулся лбом в стекло. Тягач стоял. Тишина поразительная. Дуров храпел, уронив голову на колени.

Что-то произошло... и откуда этот монотонный гул? Где-то, кажется, работал двигатель. Ни одного дерева, перед глазами луг... нет, поле... стелется туман.

Я толкнул Дурова и вон из кабины. На передке и лафете спят люди.

— Орлов, орудие к бою! Один номер... со мной.

Гул не прекращался, на одной ноте, угрожающий, тревожный. Я пробежал сто шагов. Четкий след колесных протекторов вел дальше. Немецкий рисунок. В тумане — машина странного вида на двух колесах, из трубы тянулись шлейфом выхлопные газы. И человек в каске. Длинная серо-зеленая шинель. Расставив широко ноги, звал, подняв автомат.

— Немец... товарищ лейтенант! — воскликнул испуганно орудийный номер и бросился бежать. Я повернул за ним. Простучала автоматная очередь.

— Орлов... пехота с фронта... огонь!

— Товарищ лейтенант, снарядов нет...

— Из передка!

Орудие произвело выстрел, другой, третий. Заводи! Не запускается двигатель. Станины после каждого выстрела сползают назад. Уже под гусеницей. Двигатель зачихал, тягач круто подвернул к передку. «Отбой!» Расчет опустил лафет на крюк. Тягач рванул с места.

— Товарищ лейтенант, куда? — спрашивал Дуров.

Я не имел ни малейшего понятия, где находился. Карта? Совершенно бесполезна. Дуров перекладывал рычаги из стороны в сторону.

— Куда, товарищ лейтенант... ехать куда?

Гусеничная колея пересекла след колесного протектора. Позади поднимался дым, рвались мины. Тягач шел под уклон. На передке с обреченным видом сидит заряжающий. Он получил ушиб при сцепке и не мог бежать вместе с другими.

— По кругу... колесим, товарищ лейтенант,— Дуров до крайности взволнован,— накроют... разрешите повернуть...

Куда повернуть? Дуров растерянно дергал рычаги.

— Товарищ лейтенант...— и снова о том же.

— Держать прямо. Там деревья, укроемся. Недалеко, должно быть, лес.

Орудийные номера бегут поодаль, оглядываются. Отстал и Орлов, машет кому-то руками.

Тягач катил вдоль опушки. Сосны — одна к одной, вклиниться негде. Повис на одной опоре полосатый шлагбаум. Начало просеки. Что ждет меня дальше?

На карте окрашенное в зеленый цвет лесное пространство на юг от Старой Гуты испещрено крапинками. Я при-

помнил, лесные просеки прокладываются по магнитной стрелке, север-юг либо восток-запад. Куда ведет эта?

Дребезжало сиденье, дверца. Дуров выжимал из двигателя всю тягу. Просека завалена. «Стой!» Визжат гусеницы.

Бросились врассыпную какие-то люди. Кавалеристы из эскадрона, который нес боевое охранение. Смущенные, спросонья, кавалеристы подступали к орудию. Где же Орлов, расчет? Заряжающий вытащил из чехла сигнальные флажки. «Расчет, к орудию!»

— Глуши мотор,— лейтенант кавалерист щелкнул шпорами,— почему едете с немецкой стороны? — Он наотрез отказывался принимать на веру мои слова. Неправдоподобно. Орудийную стрельбу ночью слышал?

С помощью карты боевого охранения я определил, наконец, точку местонахождения. Старая Гута осталась в двенадцати километрах. Цель кочующего орудия — мост на реке Тня, совсем рядом — семь километров.

Дуров не мог успокоиться, ощупывал гусеницы, радиатор. Инженерное оборудование позиции боевого охранения, похоже, сводилось к одному колодцу. Кавалеристы радушно угощали водой орудийных номеров. Утолил жажду и водитель Дуров. Я простился с лейтенантом.

В 8 часов утра тягач переехал ручей. На позиции орудий 6-й батареи не было. В стороне стояла машина с боеприпасами, которую я отправил назад после первой стрельбы.

Может быть, 6-я батарея заняла ОП, выбранные вчера Безуглым? Я осмотрел, но там торчали только колышки. Не оказалось на месте и штаба 2-го дивизиона.

Во дворах Старой Гуты обозники разводили руками. Нет, орудия не проходили. Я остановил кухню танкистов.

— Поесть? Конечно... эй, повар, выдайте пищу, не хотите? — распорядился политрук, ехавший в кабине. Да, ночью он видел орудия на железнодорожном переезде.— Калибр? — этого политрук не мог сказать.

Навстречу шла пехота. Она подтверждала слова политработника. Проходили орудия. Колонна. В каком направлении? На Андриевичи.

— Товарищ лейтенант, там машина из нашего дивизиона... у забора,— указал орудийный номер, участвовавший со мной в поисках следов 6-й батареи,— и люди, замполитрука Соколов... он был у нас комсоргом.

Соколов сообщил, что подразделения дивизиона после полуночи снялись с позиции и ушли. Старший лейтенант

Азаренко приказал Соколову ждать на ОП возвращения кочующего орудия.

Но не в Старой Гуте?

— Старший лейтенант Азаренко сказал, что орудие придет к двум часам. Я ожидал до шести и приехал на перекресток...

Ждать все же приказано на ОП. Я потерял столько времени.

— ...так точно... но старший лейтенант не сказал, сколько именно ждать... Вам могли передать маршрут другие люди,— уверенный в своей правоте замполитрука протянул мне карту, маршрут движения.—Товарищ лейтенант, старшина Политов оставил мешок с продовольствием. Старший лейтенант Азаренко приказал вам выступить немедленно.

В каком состоянии раненый? Санбат недалеко. Раненый определен. Что делать с телом погибшего артиллериста?

Во дворе перевязочного пункта пожилой врач, по-видимому из добровольцев, ответил, что обращаться нужно в похоронную команду. Погибших положено хоронить на поле боя. Документы изымаются, на могиле делается надпись.

Я знаю об этом. В артиллерийских частях похоронных команд не было. Стоит ли вдаваться в объяснения?

Еще раз орудие вернулось на оставленные позиции. Шесть орудийных номеров опустили на дно ровика завернутое в плащ-палатку тело погибшего товарища, засыпали могилу. Орлов установил на колышке доску, нанес фамилию, дату гибели.

Чирикали птицы, сквозь ветки пробивались солнечные лучи. И вдруг орудийные выстрелы. За ручьем позиции гаубичной батареи. По-видимому, она заняла их ночью.

Впереди доты Емильчино

1-е орудие покинуло Старую Гуту. Навстречу шли машины, повозки. В воздухе стоит густая, непроницаемая пыль.

На карте я нашел проселочную дорогу. Она привела орудие и обе колесные машины к ручью. Люди пили воду, мылись. Шофер вскрыл мешок с продовольствием, раздал консервы. Короткий привал закончился. Снова пыль, жара. Одолевает сон.

Дуров пришел в такое состояние, когда человек уже не воспринимает ни увещеваний, ни окриков. Выбился из сил и не способен управлять рычагами. Кем заменить? Орлов, выразивший согласие, держался не более получаса. Тягач

качался на гусеницах. Нетрудно убаюкать усталого человека.

Орлова сменил орудийный номер, но он плохо справлялся с обязанностью водителя. Тягач глох, дергался. Дуров занял место и снова ронял голову.

Люди на встречных повозках глядят в небо. «Юнкерсы!» Разорвалась первая бомба. «Юнкерсы» пикируют, обстреливают дорогу из бортового оружия. Все бегут в поисках укрытия. Раздаются винтовочные выстрелы.

Бомбежка закончилась. «По местам!» Дуров забрался в кабину. Орлов собирал орудийных номеров. Успели уснуть, не слышат команды.

Тягач тронулся. Водитель ерзал на сиденье, тер глаза. Остановиться, передохнуть? Съездов нет, движение на дороге не прекращается ни на минуту.

Только за селом Кулики орудие вышло из общего потока. Получасовой привал. Я проспал бы в своем углу, вероятно, до наступления лучших дней, если бы не колесные машины. Из-за бомбежки они отстали. Меня разбудил Соколов. Короткий отдых вернул бодрость. Но ненадолго. Водитель засыпает. Тягач едва не смял повозку, виляет то в одну сторону, то в другую.

Летят «юнкерсы». Орлов увел людей в укрытие. На дорогу падают бомбы, загорелась чья-то машина, стелется дым.

19 часов. Орудие вошло в населенный пункт Белки. Речка, перед мостом маяк, выставленный от 6-й батареи. ОП недалеко, в лесу за крайними хатами.

Навстречу шел младший лейтенант Безуглый.

— Долго вы кочевали... Командир батареи обеспокоен... не стряслось ли чего. Сейчас спрашивал,— Безуглый указал Орлову заезд на ОП.

Расчет привел орудие в боевое положение. Закончилась наводка в основное направление. 1-е орудие пристраивалось к батарейному вееру по 2-му. Удалена пыль. Орлов открыл створки передка.

— Пустые лотки? — удивился Безуглый.— Товарищ старший сержант, разве вы не знаете? Снаряды, перевозимые в орудийном передке, расходовать запрещено.

— Так точно, товарищ младший лейтенант, не хватило тех, что вы загрузили в машину,— ответил Орлов.

— Ну... не хотите же вы сказать, будто... с закрытой позиции стреляли бронебойными. Не думаю, чтобы вам ставились подобные задачи.

— Ночью в лесу всякое бывает.

— Орлов, я не люблю шуток..— Безуглый счел ответ командира орудия фамильярным.

— Товарищ младший лейтенант, разрешите доложить,— переменил тон Орлов.

— Снаряды неприкосновенного запаса, товарищ старший сержант, предназначены исключительно для самообороны... расходуются только при отражении нападения непосредственно на огневую позицию.

Безуглый считает, что когда 1-е орудие оказалось между небом и землей, огонь не следовало открывать.

— Куда стреляли? Даже не разглядели толком цель... кухня, зарядный агрегат... а может лавка военторга?

— Но караульный... немцы могли преследовать...

— Не преследовали, значит, не могли.

— Почему?

— Этого я не знаю,— ответил Безуглый.

— Зато я знаю,— ответил Орлов.

— Скажите.

— Потому что рвались снаряды... бронебойные и шрапнель... все, что попало под руку заряжающих...

— Стреляли спросонья,— Безуглый не соглашался.

— Что ж... может быть,— признал нехотя Орлов,— важно, что ушли.

— За это вот спасибо... осталось бы три орудия... и вас, Орлов, жалко потерять,— продолжал серьезно Безуглый,— а замкового, значит, похоронили на ОП?

О выполнении задачи полагалось доложить тому, кто отдавал приказание. Я должен это сделать, по-видимому, через командира батареи.

Телефонист передал на НП о возвращении 1-го орудия. Задача выполнена, израсходовано 60 выстрелов, потери — 2 человека.

Телефонную трубку взял командир батареи. Мне нужно доносить рапортом. Штаб полка интересует причина опоздания. Кочующее орудие 231-го КАП выделялось по приказанию начальника артиллерии 5-й армии.

Безуглый стал рассказывать обстановку. Наш полк снова возвращен в состав 15-го СК и действовал совместно с 45-й СД, ее части занимали оборону в укрепленном районе Емильчино на старой государственной границе. Противник не проявлял особой активности. 6-я батарея поддерживала 1-й батальон 10-го СП. Варавин провел всего четыре стрельбы. Расчеты отдыхают.

После полуночи дозор, несший охрану подступов к ОП, задержал группу местных жителей. В карманах бутылки,

наполненные зажигательной жидкостью и водкой. Члены истребительного батальона, собранные якобы для зажигания немецких танков.

Я не слышал о таких формированиях. Безуглый и Савченко также сомневались — немцы не дураки посылать в Емильчино танки. Гражданские люди... кто они? Почему бродят ночью? В зоне боевых действий население обязано соблюдать комендантский час и не имеет права оставлять место жительства без разрешения военного командования.

Часть задержанных ушла, осталось человек сорок. Складывали в кучу свои бутылки. Произошло воспламенение. Бутылка разбилась. Пламя быстро распространялось. Трава под ногами горела. Безуглый объявил огневым взводам пожарную тревогу.

Как поступить с задержанными? Отправить на все четыре стороны? Савченко возражал. Оставить на ОП? Нужно выставлять дополнительную охрану. Я доложил командиру батареи.

— Истребительный батальон? Кто это придумал? Гражданские дела на усмотрение замполита,— сонным голосом ответил Варавин.

Незадолго до восхода солнца огневым взводам был объявлен отбой. Идти на Белку и дальше до поворота на коростенскую дорогу.

Командир батареи остановил колонну для осмотра. Я представил ему рапорт.

— Переделайте... Штаб дивизиона и меня тоже интересует причина опоздания. Чем вы объясните?

Произошло недоразумение, поэтому орудие задержалось. Немцы открыли огонь. Я предполагал, что передний край остался позади.

— Командиру не позволено ошибаться... тем более, когда ему доверено выполнение важной задачи... когда она расписана по времени.

Но местность совершенно незнакомая, ночь, орудие попало в расположение противника. Едва унесли ноги.

— Потерять ориентировку! Как же это? И выражения у вас... унесли ноги... вы выполняли боевую задачу!

Поразмыслив на досуге, я понял, что командир батареи прав. Я не заручился указанием старших начальников на случай, если орудие изготовится к стрельбе раньше назначенного срока. Приступил к выполнению задачи, не будучи уверен, найду ли в темноте обратный путь. Не учел состояние людей. Силы их, как и мои собственные, были на исходе. А исчезновение точки наводки? И потом... смена по-

зиции ночью в непосредственной близости от переднего края — мероприятие сомнительное во всех отношениях.

Как выяснилось позже, недовольство моих начальников вызывала еще одна деталь. Я не упомянул в рапорте некоторые обстоятельства, считая их несущественными. Так, отсутствие запасной точки наводки, предположим, моя вина. А другие? Очертания переднего края на моей карте, нанесенные в штабе дивизиона, не соответствовали действительности. Старший лейтенант Азаренко не сделал исправлений на рекогносцировке и не позаботился о том, чтобы установить местонахождение подразделений, которые занимали оборону в районах ОП кочующего орудия, как было показано на карте.

Командир батареи вызвал лейтенанта Смолькова, младшего лейтенанта Безуглого.

— Обстановка... Части пятьдесят шестой пехотной дивизии противника вышли на рубеж Емильчино, Белокоровичи. Южнее Новограда-Волынского, в районе Острополя, тринадцатая и четырнадцатая танковые дивизии, двадцать пятая моторизованная из третьего моторизованного корпуса противника прорвали оборону наших войск и после занятия Житомира двинулись на Киев. В настоящий момент бои идут на реке Ирпень. Контрудар, нанесенный группировкой наших войск из районов севернее Новограда-Волынского, должен изменить ситуацию на подступах к Киеву к лучшему. Двести тридцать первый КАП остается в резерве начальника артиллерии пятой армии и выступает на Коростень. Район сосредоточения... лес, южная окраина города. Задача будет уточняться, порядок движения... первый, второй, третий, четвертый дивизионы, сигналы...

Начался завтрак. По случаю того, что собран весь командный состав батареи, старшина сервировал стол. За обочиной на бревне расставлены миски, в одних — суп, в других — черника, кружки с молоком.

Приехал командир дивизиона. Младший лейтенант Варавин пригласил его к столу. После завтрака командир дивизиона в присутствии командного состава батареи объявил мне замечание за несвоевременное возвращение кочующего орудия в батарею.

— По местам! Моторы!

Мимо шли батареи 1-го дивизиона. Колонна автомобилей штабной батареи полка. Тронулся ГАЗ-24 командира батареи. Лейтенант Смольков в кузове взмахнул флажками — «огневым взводам марш!».

В резерве начальника артиллерии

Развилка. Проселочные дороги расходятся на юг и юго-восток из Емильчино, обе заняты автомобильным транспортом. Встречный поток. Тыловые службы подвозили войскам на фронт необходимые средства боевого и материального обеспечения: артиллерийские снаряды, патроны, горюче-смазочные материалы, продовольствие, вещевое имущество, медикаменты и т. п.

Дорога на Коростень не в лучшем состоянии. Мосты приведены в негодность, но грязи меньше, чем в западных районах. Грунт преимущественно песчаный. Застрял автомобиль — другие идут в объезд.

Села встречаются редко. И похожи одно на другое, отличаясь только числом дворов. Заборы плетеные, крыши кроются камышом, каждый сноп и стебель уложены тщательно в ряд. Безуглый считает, что этот кровельный материал превосходит черепицу и жесть — камыши либо солома сохраняют тепло, непроницаемы для влаги. На приусадебных участках возделаны огороды. Под каждым домом яблоня или груша раскинула ветви. Всюду вишни.

Первый крупный населенный пункт на пути 6-й батареи — Ушомир. Городок опрятный, чистый, вдоль улицы добротные дома. Не видно тылового воинства. Ушомир далек от линии фронта. Перед вечером 6-я батарея вошла в Коростень. Над городом стелется дым. Прилегающие к железнодорожной станции кварталы превращены в развалины. «Юнкерсы» не различают границ военных объектов.

В центральной части города, невзирая на разрушения, сохранялся порядок. На перекрестке указатели, крупным, явно военным почерком нанесены названия улиц. Жители расчищают завалы. Перед зданием городского телеграфа регулировал движение опрятно одетый милиционер.

Без всяких препятствий колонна прошла центр города, дальше на южную окраину и остановилась под стеной, которая ограждала территорию опустевшего военного городка. Казармы и складские помещения сожжены либо разрушены.

Привал. Командир батареи осматривал колонну. Летят «юнкерсы». Среди развалин сверкает пламя орудийных выстрелов. Зенитная батарея открыла огонь. Очередной налет. Цель, по-видимому, железнодорожный узел.

Младший лейтенант Варавин объявил задачу. ОП 6-й батареи — лес близ военного городка. Сведения о противнике... Основное направление стрельбы... готовность к открытию огня... Варавин завел речь о воинском порядке, снова

вспомнил кочующее орудие и посещение 6-й батареи командиром дивизиона.

Семь часов сна на позициях у Емильчино не принесли облегчения орудийным расчетам. Люди устали, истрепалась одежда, приходила в негодность обувь. Старшие начальники знали об этом, тем не менее требования к дисциплине не смягчаются. Командир дивизиона после завтрака беседовал со старшим сержантом Орловым, выразил недовольство состоянием одежды орудийных номеров. Младший лейтенант Варавин принял замечание на свой счет и приказал в ближайшие сутки привести в порядок внешний вид личного состава. Но в котелке орудийный номер не постирает гимнастерку. Нужно обеспечить посудой, мылом, водой, временем.

В полночь подготовка орудий к ведению огня закончилась. Как поступить с приказанием? Источников воды поблизости не было. Безуглый предлагал дать людям отдых. Стрельба маловероятна. Коростень находился в оперативном тылу 5-й армии.

Утром старшина привез воду. Я обратился на НП за разрешением начать стирку одежды. Командир батареи не обещал ничего определенного. На стирку и мытье людей — не более полутора часов.

К буссоли бежал дозорный: приехал командир полка. У орудий всего по два человека. «По местам!» Орудийные номера возвращались, на ходу одевали мокрую одежду. Командир полка не частый гость на огневых позициях 6-й батареи.

Расчеты построились за орудиями, как полагалось для встречи старших начальников. После осмотра позиции командир полка обратился к огневикам с речью. Общая обстановка в полосе 5-й армии продолжала обостряться. Соединения 3-го моторизованного корпуса противника вышли на реку Ирпень и находились в 20 километрах от Киева, в то время когда остальные силы 1-й танковой группы и 6-й армии вели бои на линии укрепленных районов по старой государственной границе. Образовался коридор длиной более 200 километров. В последние дни наши войска стремились пересечь пути снабжения подвижных соединений противника в районе Киева и создать предпосылку для окружения их. С севера, в направлении на Новоград-Волынский, продолжались атаки наших 31-го СК, 9-го и 22-го МК. Преодолевая сопротивление переброшенных сюда резервов противника, советские войска вышли на шоссе в районе Червоноармейска. С юга, навстречу войскам 5-й армии, со стороны

Староконстантиново наступала ударная группировка 6-й армии. Противник вынужден был снимать войска с других направлений для обеспечения флангов 3-го МК. Нажим в районе Киева ослаб. Положение улучшилось. Эти итоги достигнуты благодаря мужеству войск и решимости командования.

— Вместе с тем,— продолжал командир полка,— старшие начальники отмечают недостатки в действиях наших частей и подразделений — слабо организована служба наблюдательных пунктов в таких важных вопросах, как разведка целей и наблюдение за передним краем и тактической зоной противника. Сплошь и рядом отмечаются случаи несвоевременного подавления огневых средств противника. Пехота, танки, кавалерия несут тяжелые потери. Некоторые артиллерийские командиры предпочитают вести огонь по районам расположения целей, вместо того чтобы подавлять конкретную цель после пристрелки, как требует Боевой устав артиллерии. Не удовлетворяются нужды поддерживаемых подразделений. 231-му КАП следует принять меры к улучшению взаимодействия с пехотой. Командирам батарей приказано с момента занятия наблюдательного пункта вести постоянное наблюдение, незамедлительно подавлять всякую цель в пределах досягаемости огня, поддерживать непрерывно связь с пехотой. На огневых позициях отмечаются случаи, когда орудийные расчеты не соблюдают заданный темп стрельбы, неудовлетворительно маскируются и т. д. Серьезные упущения отмечаются в содержании средств тяги. Наши войска,— продолжал майор Соловьев,— пехота, кавалерия, танки сражаются в условиях невероятно трудных... Есть подразделения, мне говорил полковник Стрелков, где с первого дня войны люди не имели никакого отдыха... и нельзя ничего предпринять. Усталость, недосыпание, но жаловаться на тяготы службы стыдно и не достойно воина... Желаю личному составу огневых взводов 6-й батареи успехов в бою и службе.

Орудийные расчеты ушли в укрытие. Майор Соловьев ознакомился с документацией, заглянул в схему самообороны ОП, спросил о наличии боеприпасов, горючего. Каково состояние средств тяги, когда они осматривались? Личный состав обеспечен продовольствием, вещевым имуществом? На сколько?

Капитан Значенко, сопровождавший майора Соловьева, интересовался случаями нарушения дисциплины в орудийных расчетах и мерами, которые принимаются командирами взводов. Майор Соловьев желал посмотреть службу у орудий.

Расчеты вернулись «по местам». Спустя несколько мгновений орудийные стволы развернулись на 30.00. Расчеты «вели огонь» прямой наводкой по пехоте и танкам, которые «атакуют» ОП одновременно с нескольких направлений. Майор Соловьев взглянул на командира дивизиона.

— Вполне удовлетворительно... Вы получили пополнение, как люди несут службу? Вид не ахти... Товарищ лейтенант, верните орудия в основное направление.

Объявлен перерыв. На ОП наступила тишина.

— Шестая батарея выделяла кочующее орудие? — спросил командир полка.— Что там произошло?

— Старший уснул, каким-то образом орудие миновало передний край,— ответил командир дивизиона,— мне кажется, следовало направлять два орудия.

— Орлов, который? Я не приметил... тот белокурый? Товарищ лейтенант, вызовите расчет первого орудия.

Майор стал спрашивать Орлова, как вели себя орудийные номера. Беседа закончилась построением огневых взводов. Командир полка объявил старшему сержанту Орлову и его подчиненным благодарность за успешное выполнение задачи кочующего орудия ночью 11 июля.

Командир полка уехал. Огневые взводы продолжали прерванные занятия. Телефонист позвал меня к телефону. Командир батареи сообщил, что майор Соловьев выразил удовлетворение состоянием воинского порядка в огневых взводах. Старшину Политова немедленно направить в тыл полка получить обмундирование на весь личный состав.

Возобновилась стирка-мойка. Большая часть людей успела помыться. Остальные на ходу смывали мыло. Команда «отбой» призвала всех на ОП.

Рассвет следующего дня застал 6-ю батарею в южной части Коростеня, перед железнодорожным переездом. Лейтенант Смольков сигналил флажками: «Принять вправо... стой!»

В городе пожары. По всему кварталу тянет гарью. Впереди 122-мм пушки, вероятно 5-я батарея. Колонна остановилась. Людей не интересует местонахождение, спят на местах, совершенно не пригодных для этого. Свыклись, и не тревожат их ни гул двигателей, ни пыль, ни опасность свалиться под гусеницы.

Смольков скрестил флажки: «Моторы глушить». Ладно, а дальше? Ждать. Этих указаний для огневых взводов недостаточно. Где командир батареи? В голове колонны.

Я шел мимо 152-мм пушек-гаубиц 7, 8, 9-й батарей. Вплотную за 3-м дивизионом стояли автомобили штаба пол-

ка, автомобили 4-го дивизиона, оборудованные аппаратурой для ведения разведки и засечки целей. Колонна растянулась на четыре километра от железнодорожного переезда до военного городка.

Навстречу торопливо шел Варавин. Через несколько минут, вероятно, начнется движение. Командир батареи сообщил, что полк по-прежнему в резерве начальника артиллерии. 1, 3, 4-й дивизионы уходили на восток, в сторону станции Чоповичи, 2-й дивизион возвращается обратно в район Ушомира.

Позиции 6-й батареи в лесу. Чудесное место: в сотне шагов течет река Уж. Вода прозрачная, под берегом песок. Над орудиями раскинули ветви столетние дубы.

Закончилась подготовка к открытию огня. Командир батареи разрешил продолжать помывку, заменить обмундирование. Но люди недолго купались в волнах реки Уж. На рассвете огневые взводы оставили ОП. Снова в путь, на Коростень.

По сведениям, которые поступили из штаба дивизиона, авиация противника бомбит дорогу Ушомир — Коростень. Командир дивизиона указал новый маршрут. Из Ушомира 6-я батарея повернула на юг.

Картина резко изменилась. Вокруг — мирная жизнь. Навстречу тащился допотопный трактор на зубчатых колесах, скрипели повозки, запряженные волами. В поле трудилось население.

Каково положение на фронтах войны? В батарее — ни газет, ни сводок. По тем скудным сведениям, которые к нам поступали, судить трудно. Среди местного населения и в войсках распространялись тревожные слухи. На московском направлении противник якобы овладел районом Минска и угрожает Смоленску. В полосе Юго-Западного фронта бои продолжались на линии укреплений по старой государственной границе. Авангард 1-й танковой группы — 3-й моторизованный корпус — вышел на подступы к Киеву. Это данные вполне достоверны.

«Юнкерсы» ожесточенно бомбят пути сообщения и все узловые пункты на восток от старой государственной границы. В Коростене гораздо больше разрушений, чем день назад. В центре города огневые взводы застряли на целый час.

Несмотря на частые бомбежки, у магазинов и складов толпы людей. Городские власти раздают желающим продовольствие, одежду.

Жители придорожных сел предлагают проходящим вой-

скам скот. Население встревожено и сознает возможность скорого появления противника.

Стоит остановиться — к орудиям спешат люди. Старики, женщины, дети — все оставшееся население села. Молча разглядывают орудийных номеров. Иные спрашивают с укором: «Что же вы отступаете?» Но случалось слышать и недружественные речи: «Немец сильнее, чем вы». Обидные слова задевают огневиков. Если не удавалось разубедить говоруна, его приводили к Безуглому, ко мне.

При выезде из Коростеня огневые взводы остановились. Заправка тягачей. Я наблюдал за ходом заправки. Подошел старик, остановился, явно желая вступить в разговор.

— А что, товарищи командиры... немец уже под Киевом...

— Под Киевом, дедусь? — Безуглый взглянул на старика.

— А как же, все говорят... вы небось не слыхали?

— Зачем же? — возразил Безуглый.— Киев, дедусь, далеко от Коростеня. Вот если немец явится сюда, так мы знаем, что делать.

— Знаете... а пользы сколько? Видно дух у вас не тот... разве так воюют? И то сказать, сколько у него самолетов... каждого дня бомбят... так и войне, гляди, конец... а, товарищи командиры?

Дед говорил с горечью. Утешить бы, сказать: сегодняшние неудачи не означают поражения, придет победа. Казенные, пустые фразы.

— И вам не стыдно? — не унимался старик.

— Стыдно...— отвечал, краснея, Безуглый,— стыдно уступать врагу родную землю и слушать, дедусь, ваши укоры. Мы помним свой долг... и готовы сражаться...

— Конечно,— старик недовольно оборвал Безуглого,— немец, знай себе, едет на танках, что ж насчет конца?

— Войны? — спросил Безуглый.

— Да...

— Война, думаю, закончится не скоро. Наши войска готовы сражаться до победы и никогда не капитулируют. Вот они,— Безуглый указал на огневиков,— дедусь, спросите любого,— Безуглый под одобрительный гул огневиков опустил руки по швам.

Дед глядел пристально, будто искал того, кто не разделяет убеждения младшего лейтенанта Безуглого, крякнул с удовлетворением и полез в карман за кисетом.

— Обидно, сыны, вроде молодцы... а пятитесь... нехорошо... нужно стоять...— желтыми прокуренными пальцами он

свернул цигарку и передал Безуглому кисет,— я три года сидел в окопах. Сейчас под ружьем сыновья и внуки мои... знать бы... не зря...— и выдохнул дым,— не обижайтесь, сыны... дай бог вам удачи.

— По местам!

Темнело. Командир батареи уехал. Дорога все больше отклонялась к югу. Обязанности старшего в колонне перешли ко мне. Около полуночи я стал замечать на горизонте вспышки. Справа впереди. Разрывы бомб, сброшенных в темноте? Не похоже, слишком часто. А может, выстрелы? Тоже сомнительно. 6-я батарея удалялась с каждым пройденным километром от поля боя.

Дуров включал изредка единственную фару, уцелевшую на тягаче. Заброшенная лесная дорога привела огневиков в район ОП. Так я считал, по крайней мере. Утверждать наверняка не решаюсь, ибо вел колонну последние километры, полагаясь больше на компас, чем на карту.

Полночь в лесу. Двигатели заглушены. Тишина. Донимают сомнения. Приметы, которые указал Варавин, я потерял из виду еще после поворота дороги. Если я ошибся, напрасно будут ждать телефонистов с НП. Определенно знаю только направление на север, подтверждением служит магнитная стрелка и замшелая сторона деревьев.

Тягачи ушли в укрытие. На поляне темно. Когда наступит день, нужно сократить интервалы либо расчищать секторы стрельбы для 1-го и 4-го орудий.

Выкрики на ОП затихли. Орудия приведены в боевое положение. Расчеты готовят боеприпасы. На своем месте только наводчик. Он обязан осмотреть материальную часть от дульного тормоза до шкворневой лапы передка, убедиться в исправности механизмов наводки, прицельных приспособлений, а также доделать все, что упустили в спешке другие орудийные номера.

Телефонистов нет и нет. Занимается рассвет. Что же со связью? Пришел Безуглый. Его тревожил тот же вопрос. Какая база? Я определил расстояние между НП и ОП. 9 километров. Это важно для расчета времени.

Безуглый развернул карту. Долго ориентировал, сначала с помощью наручного компаса, потом подошел к буссоли и, оглядев угасающие звезды в утреннем небе, объявил, что всякая ошибка исключена. Позиция занята там, где указал командир батареи.

Хорошо. Но где же телефонисты? Ищут ОП в другом месте?

Расчеты приступили к расчистке секторов стрельбы. Вместо долгожданных телефонистов прибыл командир батареи.

— Отбой...— он не вылезал из кабины,— товарищ лейтенант, дайте вашу карту...

Автомобиль ГАЗ-24 в пыли и грязи. В кузове его много удобных мест. Под шинелями спят разведчики, топографы, связисты. Прижатый в углу сонно кивал головой лейтенант Смольков.

— Восточную окраину Чоповичей пройти не позже чем через восемь часов,— карандаш командира батареи оставлял красную линию, перемещался дальше. Из Чоповичей дорога отклонялась незначительно к востоку, юго-востоку, к железнодорожной ветке, которая ведет из Малина в Коростень.— Имейте в виду,— командир батареи возвратил карту,— у вас не хватит времени на заправку баков, если задержитесь в пути... Выступайте немедленно...

Стук дверцы разбудил лейтенанта Смолькова. В недоумении он обвел полузакрытыми глазами позиции и уронил на грудь затуманенную голову.

— Командир батареи не сказал ни слова про обстановку,— отметил Безуглый,— все дальше и дальше... в тыл... Видимо, на Киев... Напророчил дед...— и подал команду: — По местам!

В дневные часы немецкая авиация не оставляла без внимания дорогу из Коростеня на восток. Незадолго до полудня интенсивной бомбежке подверглась длинная колонна дивизионной артиллерии.

Я наблюдал происходящее с расстояния в один километр. Большая часть конных батарей успела уйти за обочину, рассредоточилась. На дороге остались, в основном, беженцы.

«Юнкерсы» с включенными сиренами бросались вниз один за другим и выходили из пике у самой земли. Местность открытая, прятаться негде. Кюветы заполнены водой. Только справа в отдалении лес.

Беженцы и не пытались укрыться. Бомбежка продолжалась в течение четверти часа, затем «юнкерсы» принялись обстреливать беспорядочные толпы людей из бортового оружия.

Мой тягач подходил к рубежу бомбежки. Последний «юнкерс» взмыл в небо. Отовсюду слышались вопли. Артиллеристы и обозники спешили на помощь беженцам. Среди воронок метались в поисках детей обезумевшие матери. Никто не смог бы видеть без содрогания сердца это страшное деяние войны.

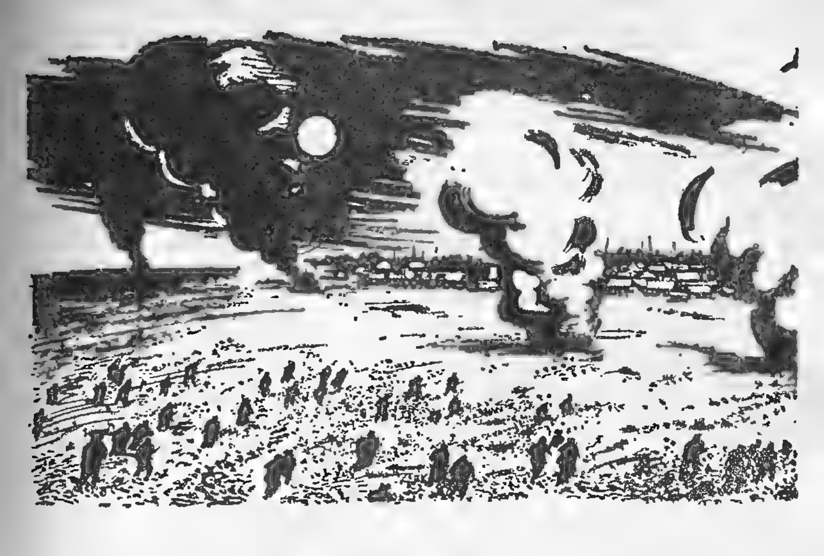
В полдень огневые взводы миновали контрольную черту — окраину Чоповичей. И снова под крылом «юнкерсов». Не успела улететь одна стая, явилась другая, третья. «Юнкерсы» пересекли дорогу и обрушились на лес в полукилометре. Люди, нашедшие укрытие под гусеницами моего тягача, говорили между собой, что в лесу расположен командный пункт командующего 5-й армией.

Очередной налет «юнкерсов» застиг огневые взводы в селе Крушенки. Внезапно началась гроза. Грохотал гром, молния. Гроза длилась столько же, сколько и бомбежка. Орудийные номера промокли с ног до головы. На сиденье лужа. Возвратился из укрытия Дуров, его окатила вода, скопившаяся на крыше кабины. Дуров улыбается. С этим можно мириться, а вот «юнкерсы»... страшно. Дуров — простодушный парень, в глазах то же, что и в мыслях.

Дорога на восток от Чоповичей вполне сносна — тут пески. Местами слегка поднимается пыль. Остались позади пестрые толпы беженцев, основную массу которых составляли семьи еврейской национальности из приграничных местечек Лугины, Белокоровичи, Новоград-Волынский, Емильчино...

Снова лес, болото на болоте, сыро и сумрачно. Гудят, надрываясь, двигатели, тягачи едва ползут. Командир батареи остановил колонну.

— Сколько в баках топлива? Не задерживайтесь,— хриплым голосом говорит он, возвращая карту. Нанес район ОП, буссоль основного направления, время готовности,— опять они спят... Соблюдайте меры безопасности, все!

На малинском рубеже

Посвящение орудийных номеров в солдаты

Тягач тронулся. Расстояние до огневых позиций по карте — пятнадцать-двадцать километров. Нет ли пути короче?

Топографическая карта содержит много полезных и необходимых сведений. Это неизменный, а зачастую единственный спутник командира-артиллериста в бою и на марше. Положась на карту, он мог найти объезд, увидеть лежащую за горами и долами местность. Правдиво и коротко, не отнимая времени, отвечает карта на многие вопросы: куда уводят дороги с перекрестка, какой характер ландшафта в районе ОП и даже почва, есть ли деревце, укрытие от солнца, крутой ли, пологий склон в лощину и обратно на бугор, где журчит придорожный источник, расстояние до ближней хаты.

Мысленно я опередил колонну. За железнодорожной линией в пяти-шести километрах справа — город Малин. На первом переезде — будка стрелочника, другой — тот севернее — без таковой. Рельсы уложены по насыпи, в отдельных местах — уточняла карта — черная зубчатка подпирала железнодорожное полотно одновременно с обеих сторон. Там —

овраг либо лощина. ОП 6-й батареи — севернее Малина, на окраине села Пирожки. Странное название: Пирожки... вроде из поварской книги.

И Малин тоже. Городок упоминался в русской истории профессора Костомарова. Потертый, трепаный экземпляр его труда, уцелевший от конфискации у моего школьного товарища Мити Станкова, мы читали вслух по ночам в школьном общежитии как запретную книгу. Древние поселения славянских племен на окраинах земель Киевской Руси. Городок, кажется, принадлежал одному из князей дохристианской эпохи. Его звали Мал. Непостижимы исторические судьбы: городок избежал переименования и донес имя князя через тысячелетие доныне — Малин.

Воспоминания отвлекали меня. На дороге 122-мм пушка. 5-я батарея. Впереди еще пушки, по всей вероятности, 4-й батареи. Откуда они появились? Дуров не знает, сейчас только заметил.

Я снова принялся за карту. Город Малин останется справа. Дорога вела прямо в район позиции. Шлагбаум на переезде поднят. За обочинами тащатся беженцы — десятки, сотни повозок. Некоторые укрыты по цыганскому обычаю тряпьем — защита от дождя и солнца.

Беженцы увязались за орудием. Кричат все скопом. Машут руками. Всегда они с бесконечными жалобами, просьбами. Орудия перевалили через железнодорожное полотно. Двигаться дальше, вместе с беженцами? Огневые взводы повернули напрямик. Маячат крыши сельских хат. В пределах района ОП обширный кустарник, речка, мокрый луг. Несколько дальше — скотный двор, хаты. Перед глазами село Пирожки в натуральном виде и все то, что изображалось на карте.

Деревья — ольха, береза. В смысле маскировки позиция превосходная. Небольшой уклон в сторону села. Одно нехорошо — гребень укрытия далек даже для пушек. Но... вести огонь не придется. Рубеж села Пирожки от фронта дальше, чем те, где разворачивалась в последние дни 6-я батарея.

В моем распоряжении немногим более получаса. Я знаю, позиции предпочтительно занимать заранее, не принято медлить и тянуть в обрез к сроку.

Орудия приведены «к бою». Закончилась наводка, построен параллельный веер. Огневые взводы готовы к открытию огня. К сараям в укрытие для средств тяги ушел прицеп. У орудий возвышаются штабели ящиков. Выгружен один БК, у каждого орудия — 100 снарядов.

Люди занимались работами второй очереди: удаляли с

орудий грязь, рыли подсошниковые борозды, трассировали ровики. Те, кому полагалось, готовили ночное освещение.

К буссоли подошел Безуглый.

— Следы от гусениц замаскированы... что там горит?.. Видно, бомбили... пулеметные очереди... слышите?..— и умолк.

«Юнкерсы» во второй половине дня не появлялись со стороны Малина. Дым, зарево. Может быть, пожар? На позиции тишина. Из села доносилось пение петухов, мычали коровы — звуки, которые оглашают сельские окрестности тихим летним вечером.

Вдали, по-видимому, за железной дорогой — дым, стрельба. Обозники, я слышал во время последней бомбежки, говорили, будто в Малине был довольно большой гарнизон. Значит, есть стрельбище. Что же удивительного? Учебные стрельбы.

Позади буссоли остановился ЗИС с кухней. Ужин готов. Старшина озабочен, продовольствие на исходе, он собирается ехать в село. Нельзя ли оставить кухню в кустарнике до возвращения ЗИСа?

— Политов, вам уже говорилось: не являться без предварительного разрешения,— вмешался в разговор Безуглый,— демаскируете позиции.

— Товарищ младший лейтенант, через час я вернусь.

— После ужина увозите кухню.

— Раздача пищи, почитай, займет полчаса... Время к вечеру и бояться чего, в тылу-то?

— Есть порядок, товарищ старшина,— возразил Безуглый,— на фронте обязательный так же, как в тылу.

Порешили, что расчеты укатят кухню на руках. Скотный двор, где укрылось отделение тяги и хозяйственное отделение, не так уже далеко. Старшина уехал.

Спокойно, без спешки орудийные расчеты заканчивали работу. Телефонист запросил у командира батареи разрешение на ужин.

Алел на западе небосвод. С луга тянуло сыростью. Стрельба за железной дорогой не затихала.

Я осмотрел орудия и вернулся к буссоли. Телефонист выбрасывал из ровика влажный грунт, другой — прижав к щеке трубку, ел суп из котелка.

— Товарищ лейтенант, с НП передают, огневые взводы... по местам,— воскликнул телефонист. Ложка звякнула в пустом котелке.

Странно. С начала ужина прошло всего несколько минут.

— По местам!

Люди возвращались к орудиям, на ходу выбрасывали из котелков остатки пищи.

— По пехоте...— телефонист передавал поступающие с НП команды,— основное направление... левее один пятьдесят... прицел... сто девяносто, батареей... один снаряд... огонь!

Стрелять в собственном тылу?! Направление, дальность. Снаряды должны лечь за железной дорогой в районе, который огневые взводы прошли два-три часа назад. С командой «огонь» торопиться не следует. Вероятно, младший лейтенант Варавин решил потренировать расчеты. В тылу отвыкли от службы.

Огневая позиция замерла в ожидании. Нужно запросить. Старший на батарее сохраняет за собой право обращаться к стреляющему лично и через телефонистов, если возникают сомнения. Я не уверен, по-видимому, тут недоразумение. В плоскости стрельбы беженцы, сотни повозок.

— Товарищ лейтенант,— телефонист выглянул из ровика,— передают для старшего на батарее... выполняйте команды... немедленно... тысяча чертей!

Неизменно тверд воинский порядок на ОП. Телефонисту строжайшим образом запрещено изменять или опускать слова и даже интонации в выражениях, когда стреляющий обращается к старшему на батарее. Чего только не доносят телефонные провода с НП! Два корреспондента — стреляющий и старший на батарее — в разном положении и мыслят соответственно. Первый — на переднем крае, прижат к земле, может статься, автоматчики строчат со всех сторон, другой — в 8 километрах и не ведает причин, заставляющих стреляющего торопить огневые взводы.

— Огонь!

Орудия окутались синим дымом. Запах пороха.

— ...прицел меньше восемь... четыре снаряда,— выкрикивал из ровика телефонист,— батареей четыре снаряда... беглый... огонь!

Поднятые стволы откатываются, дым ползет, стелется по низу, сверкает пламя.

— Огонь!

Стреляющий не останавливался, не вводил корректур. Доказательство того, что снаряды ложатся у цели. Что же случилось?

— Правее ноль десять,— и та же цифра в конце,— четыре снаряда...

Стучат затворы, ударялись стреляные гильзы со звоном одна о другую. Метались в дыму люди... Тридцать два...

сорок восемь... шестьдесят четыре... Орудия уже произвели свыше ста выстрелов.

— Огонь!

Темп повышался, стреляющий торопил. Дым у орудий не уходил. Заросли замедляли движение воздуха. Ухудшалась видимость. И вдруг потянуло к речке, как в трубу.

— Огонь!

После каждой очереди на мгновение наступало затишье. Замковый сообщал длину отката. Слышался голос заряжающего, слова наводчиков, обращенные к командирам орудий.

— Огонь!

Происходило что-то чрезвычайное. И недалеко, в 7—8 километрах. За железнодорожной линией. По-видимому, прорвался в тыл противник. Откуда? На марше неспроста командир батареи торопил огневые взводы.

— Огонь!

Наблюдая за орудийным расчетом, я вел записи, всякий раз после двух-трех выстрелов проверял наводку одного орудия, другого. Впереди повисло серое облако разрыва. Бризантный снаряд. Отделился дымчато-розовый шлейф, стремительно раскручиваясь по спирали. В нашей артиллерии бризантных снарядов не было.

— Огонь!

Телефонист сполз в ровик с бруствера. Всем известно — бризантный разрыв предвещает огневой налет. Облако дыма — точка, видимая издали, целеуказание для сосредоточения огня группы батарей либо для контроля данных. У орудий — ни одного укрытия, за исключением ниш для снарядов в один штык глубиной.

Нужно доложить командиру батареи. Я прошел к ровику телефониста. Он углублен на полметра, но этого недостаточно. Телефонист уже понял, выбрасывает со дна грунт.

— Стой, основное направление... правее один ноль, прицел сто восемьдесят, огонь!

Еще шестнадцать снарядов улетели к цели. Я сказал телефонисту: «Доложить на НП... очередь!»

Откуда-то с вышины обрушился вой падающих снарядов.

— Ложись!

Повсюду сверкает пламя, клубится дым. Передок 1-го орудия катился к штабелю, исчез мгновенно недалекий куст, кувыркался в воздухе человек.

— Товарищ лейтенант, огонь! — выглянул из ровика телефонист. На голове каска. Другую он протянул мне.

Снаряды ложатся настолько часто, что я не вижу орудий. Целы ли? Гнулись низко кусты, летели подхваченные вихрем листья. На буссоли ерзал чехол, вот-вот сорвется.

— Телефонист, доложить... ОП подверглась обстрелу.

Каска приподнялась на уровень бруствера и пропала.

— Товарищ лейтенант, передают,— телефонист дублировал неуставные слова,— огонь!

Я подал команду. Никакого впечатления, никто не ответил. Бежать к орудию? Под ногами трава, копоть, воронки — одна, другая, третья. Края подсыпаны землей, как пеплом. Опрокинут вверх колесами орудийный передок. Где Орлов? Укрыл голову за подсошниковым бруссом. Жив, и как-будто невредим. Я помог ему подняться. Вдвоем — он и я — собрали орудийных номеров. Близкий разрыв разогнал их тут же. «Стой! Обратно... к орудию!» Орудийный номер вскрикнул и завалился на станину. Другой нашел укрытие под щитом. Нет, так не пойдет. Команда подана, занять места! «К бою!» Разве не понятно?

Я проверил установки. Готово!

— Первое!

— Орудие! — выкрикнул Орлов.

Громыхнул выстрел. Разрывы немецких снарядов ложатся один за другим.

У 2-го орудия я столкнулся с Безуглым. Он уже вернул «по местам» всех, кто способен двигаться.

Вслед за 1-м орудием произвели выстрел 2-е и 3-е.

— Ну, ну... не робеть,— кричал Безуглый,— не оглядываться.

2-е орудие заряжал Дорошенко.

— Батареей... четыре снаряда... беглый... огонь! — передавал из ровика телефонист.

Безуглый опекал одно орудие, я — другое. Люди напуганы, колеблются. Тот согнулся, другой прилег и не двигался в оцепенении. Но, в общем, работали орудийные номера. Наводчик навел орудие. Над стволом — дым, взметнулись факелы.

Прямое попадание! 2-е орудие осело на колесо. Кричал надрывно раненый.

— Правее ноль десять, прицел сто семьдесят восемь,— продолжал телефонист,— огонь! — И снова: — Прицел сто семьдесят шесть... шесть снарядов... беглый огонь!

Дым совершенно заволок позиции. Разорвалось еще четыре снаряда, еще четыре, потом три. Огонь слабел. В створе со 2-м орудием легли одновременно два снаряда. Обстрел прекратился.

— Огонь!

Телефонист передал на НП: «Очередь».

— Стой! Записать: цель номер одиннадцать, батарея на опушке леса, доложить расход снарядов.

Я не слушал телефониста. Два орудия — 2-е и 4-е — выведены из строя, к стрельбе непригодны.

— Доложить...— последовала повторная команда с НП.

Потери огневых взводов — 18 человек, 7 погибших. В пределах ОП насчитывается 88 воронок.

— Для старшего на батарее... вполне вероятно, что батарея, обстреливавшая ОП, подавлена,— повторял телефонист,— доложить готовность к ночным стрельбам.

Сообщение стреляющего не радовало огневиков. «Вполне возможно» — как у Старой Гуты. Хотелось бы знать наверняка.

Доносятся стоны раненых. Со стороны дороги бежал политрук Савченко. Еще кто-то — старшина Политов. Оба остановились у 2-го орудия. Туда переносили тела погибших.

— Товарищ лейтенант, попали под обстрел? Давно? — взволнованный замполит принялся помогать.— И пятой батарее досталось... вот, Политов говорит.

Вызваны люди отделения тяги. Бинтов не хватает. У кого индивидуальные пакеты? Руководство перевязкой принял Савченко.

Раненых нужно отправлять с ОП сейчас же. Где санчасть, полковые тылы? Из Коростеня они ушли вслед за полковой колонной.

Погрузка раненых закончилась.

— Санинструктор, едем со мной, и вы, Политов,— распорядился замполит.

— Товарищ политрук, место санинструктора на ОП,— возразил Безуглый. Я считал, что он прав.

Савченко стал настаивать.

— ...что делать с ними, если не найдем санчасть? Куда везти? Говорят, немцы захватили Малин.

Машина увезла раненых. Неисправные орудия... убрать, куда? Нужно сокращать интервалы. 1-е орудие передвинуть к 3-му — или наоборот?

Безуглый закончил комплектовать расчеты исправных орудий. Часть людей приступила к уборке, остальные копают ровики.

Пулеметная стрельба в стороне железной дороги стала затихать. Я осмотрел позиции. На этот раз центр эллипса рассеивания находился на средине фронта орудий. Кустар-

ник, деревья, в особенности слева впереди, сплошь поломаны, выворочены. Еще дымятся воронки. Стоит запах сырой земли, металла, крови. Что же молчит НП?

— Телефонист, вы слишком зарылись, утонете, близко вода,— шутил Безуглый. Он ударял обломком треноги по каске, подвешенной на ветке,— бум... бум...

— Внимание, приготовить ночную подсветку к включению,— Безуглый снял окровавленную каску, повесил обратно.— Убрать хотя бы второе орудие.., потом подправим заново веер, пойдемте осмотрим.

Опускались сумерки. У орудий мигают лампы освещения приборов. Расчеты готовились к ночной стрельбе. «К телефону!» — звал телефонист.

— У меня минута времени, расскажите,— говорит командир батареи,— обстрел продолжался семнадцать минут? — в телефоне слышались звуки разрывов, чьи-то голоса. Варавин отжал переговорный клапан, трубка затихла. Прошло не меньше минуты.— В каком состоянии местный фон... грунт? — разговор возобновился.— Заготовьте материал, маскировку восстановить.

Мне необходимо отдать приказание на ночь. Меняем мы ОП? Я не имею ни малейшего понятия... что происходит? Где в данный момент находится он, Варавин?

— ...об этом позже, позиции пока на месте... обстановка... трудно разобраться. Я сам не знаю, откуда ждать нападения.

Он, стреляющий, ведет огонь, значит, противник на виду?

— Да, разумеется, я подавил у лесотехникума стопятимиллиметровую батарею, два орудия успели сняться.

У командира батареи есть доказательство того, что именно она вела обстрел?

Варавин снова умолк. Я ожидал минуту, другую. На позиции много срочной работы, только я отошел от ровика — «к телефону!»

— ...минометы долбят по насыпи,— продолжил Варавин,— но я уже за бруствером. Почему не были оборудованы укрытия?

Когда бы я успел? Прошло всего 40 минут после занятия ОП. Приведение орудий к бою, разгрузка боеприпасов, трассировка, прочие работы. Начался ужин, никто не ожидал...

— ...занимайтесь,— командир батареи вернул трубку телефонисту.

— Он говорил о ровиках? — отозвался из темноты Безуглый.— Стосемимиллиметровую корпусную пушку нельзя наводить, как пулемет, сидя в окопе... а вести огонь и подавно.— По мнению Безуглого, огневые взводы не могли избе-

жать потерь, даже если бы ОП была полностью оборудована.

— Смотрите, трассирующие очереди,— Безуглый умолк, захваченный зрелищем ночного неба, расцвеченного во все цвета спектра. Множество точек и линий, прямых, ломаных, дугообразных и параболических — какое орудие перемещаем? Давайте решать...

Опять «к телефону». Командир батареи.

— Немцы захватили сегодня после полудня Малин. Продвинулись к железной дороге и... никого во всей округе. Для прикрытия районов НП выдвигаются подразделения четвертого дивизиона. Задача... удержать железнодорожную насыпь. Первый дивизион поджег две или три самоходные пушки. Положение тяжелое. Поврежденные орудия... отведите в укрытие к отделению тяги.

Противник в тылу, занял Малин... А обстановка? Откуда он появился? Его силы?

— Со стороны Радомышля. Третий дивизион прикрывал дорогу южнее Малина, немцы обошли и ворвались в город...

Численность?

— Я еще не закончил подсчет,— сострил Варавин,— но вы можете обойтись и без этого. Поглядите, что творится на горизонте в южной части неба.

Почему командир батареи не предупредил о появлении противника?

— Не было ни одной минуты... не задерживайте меня... готовьтесь к самообороне... выложить шрапнель... выслать парные дозоры на расстояние триста... пятьсот шагов. Особое внимание... в секторе справа, на дорогу железнодорожный переезд — село Пирожки. Ночное освещение проверено?

Так точно, но у меня нет буссоли для ночных стрельб.

— Помню. Я доложил командиру дивизиона, к полуночи буссоль будет доставлена.

Рассматривается вопрос о смене ОП?

— Командир дивизиона приказал поддерживать непрерывно готовность к ведению огня. Раненые отправлены? Савченко у вас? Когда прибыл? Все!

Смена ОП отставлена

Телефонист включил мой трофейный фонарик. Луч освещает карту. Радомышль на смежном, отсутствующем листе. За рамкой значится — Радомышль 27 километров. Немцы пришли с юга. Для прикрытия района НП выдвигаются

батареи 4-го дивизиона. Выдвижение, т. е. развертывание подразделений в пехотные боевые порядки и занятие позиций, растянется, возможно, до утра. Сколько в 4-м дивизионе людей? Четыре, пять сотен — не более. Жидкая цепочка — прикрытие с фронта. А фланги?

Стрельба не затихала во всей южной сфере. Слышен стук пулеметов, орудийные выстрелы, разрывы. Рассеиваются широким веером трассирующие очереди. Полыхает зарево пожаров. Два-три ярких очага и не менее дюжины желтых, оранжевых. Там Малин. Удастся ли подразделениям 4-го дивизиона закрепиться? Кто знает...

Нужно подготовить ОП к самообороне. С чего начать? Пришел Безуглый, за ним — командиры орудий. Оказалось, им обстановка известна не хуже, чем мне.

Зона патрулирования: ОП — скотные сараи. Расчеты безотлучно находятся у орудий. Безуглый провел тренировку по отражению нападения пехоты. Выяснилось, два раненых не пожелали ехать в санчасть — командир 3-го орудия и наводчик со 2-го.

В каком состоянии орудия, непригодные к стрельбе? Ремонт 2-го потребует день-два. У 4-го — поврежден ствол и вмятина на дульном тормозе, металл — сталь высочайшей прочности.

После замены колес на 2-м орудии — они сняты с орудийного передка — Безуглый увез поврежденные орудия к скотным дворам, в батарейные тылы.

Урон, понесенный 6-й батареей, не исчислялся одним лишь количеством потерянных людей. Кто они? Вот что важно. Огневые взводы лишились одного командира орудия, трех наводчиков, трех замковых, подготовленных по специальности наводчика, одного из лучших заряжающих.

Младший лейтенант Варавин запретил хоронить погибших до утра. Тела их перенесены на позиции 2-го орудия. Хлопоты, однако, на этом не закончились.

— Орлов, выставите ко второму орудию караульного,— распорядился Безуглый.

— Товарищ младший лейтенант, в расчете всего три человека... Один уйдет на смену в дозор, другой...

— Что за разговоры, Орлов, погибли наши товарищи...

— С мертвыми ничего не случится.

— Не заставляйте повторять, товарищ старший сержант,— оборвал Безуглый.

— Товарищ младший лейтенант, мне жаль их, но зачем караул?

Я не замечал прежде за командиром 1-го орудия слабос-

ти — противоречить старшим. Он первым откликнулся во время обстрела. А тут спорит, и о чем?

— Погибшие в охране не нуждаются,— повысил голос Безуглый,— это необходимо вам, мне, огневым взводам.

— Товарищ лейтенант,— зовет телефонист,— связи нет... пять минут вызываю... разрешите на линию?

— Жаль, лучшие люди погибли,— говорил с укором Безуглый. Он уже закончил разговор с Орловым.— Я поименно знаю каждого.

— Э... товарищ младший лейтенант. Суженого конем не объехать, пеши не обойти,— пытался утешить Безуглого кто-то из темноты,— судьба.

— Судьба... судьба,— возразил Безуглый,— малодушного не оторвешь от земли, кроме как за ворот... а они поплатились жизнью.

— Конечно, судьба,— отвечал орудийный номер,— я вот с товарищем старшим сержантом вместе...

— Кто со мной говорит? — Безуглый повел фонариком. Луч осветил орудие и остановился. Два орудийных номера укладывали снаряды.

— Товарищ лейтенант, к телефону! — опять телефонист.

От 1-го орудия до ровика, где установлен телефонный аппарат, не более 50 шагов. Я принял трубку.

— Командира батареи уже нет, вызвали на НП дивизиона,— ответил голос.

Где лейтенант Смольков?

— Впереди занимает оборону... все там... отделение разведки, радисты, мои люди,— говорил командир топоотделения, он остался старшим на НП.

— Где находится НП?

— Здесь, на железной дороге.

— А немцы?

— Отошли недалеко, полкилометра будет, может, больше... а самоходные орудия обстреливают за переездом, только перестали.

Кто занимает железнодорожную насыпь?

— Тут наши, дальше... не знаю...

Подразделения 4-го дивизиона прибыли?

— Не знаю... бежали через железнодорожное полотно какие-то люди,— и продолжал: — Товарищ лейтенант, с ПНП вызывает другой аппарат, лейтенант Смольков.

Стрельба в южном направлении как-будто начала затихать. Прекратила огонь последняя из группы батарея, кажется, 3-го дивизиона, которая занимает позиции в тылу, севернее села Пирожки.

Артснабжение подвезло снаряды. Два ЗИСа из расчета на четыре орудия. Куда сгружать? На позиции 1-го орудия и так немалый штабель ящиков. Один БК, и второй — остался от 2-го орудия.

Прошло четверть часа.

— Товарищ лейтенант, внимание,— кричит телефонист,— командир батареи передал: «Огневые взводы... по местам!»

6-я батарея ведет огонь. Наново укомплектованные расчеты не жалели сил. Но этого мало. Стрельба не ладится: расчеты в новом составе да еще ночь. 3-е орудие опаздывает. А в 1-м... почему задерживается подача снарядов?

Недоставало слаженности. Очевидно и то, что орудийных номеров сковывает ожидание повторного налета.

В плоскости стрельбы опять мельтешат цветные трассы. Полыхают разрывы.

На рубеже села Пирожки не затихал грохот орудийных выстрелов. Справа, слева, позади. Огонь ведут все батареи полка.

Затишье наступило только после полуночи. «К телефону!»

— Слабо, медленно,— объявил оценку командир батареи,— в чем дело?

Расчеты не сработались, половина на половину.

— Товарищ лейтенант, у вас по существу один огневой взвод, неужели нельзя договориться?.. К утру закончить отработку слаженности. В двенадцать часов зачетная стрельба.

Есть зачет на 12 часов!

— Как идет оборудование?

Сделано на одну треть, работают по три человека.

— Всему личному составу, включая водителей, хозяйственное отделение, к шести ноль отрыть щели полного профиля, укрыть в строениях средства тяги. К рассвету закончить маскировку. Все!

На ОП полно снарядов — три БК.

— Оставить у орудий, замаскировать. Где Савченко? Вернется, направите ко мне.

Какова обстановка?

— Ничего определенного. Перед железной дорогой и дальше на запад к лесотехникуму... пехота, дивизион самоходных орудий. О намерениях немцев сведений нет. Посмотрим, что они предпримут утром. Подразделения четвертого дивизиона закрепляются на участке южнее переезда, дальше наших войск нет. В общем, двести тридцать первый корпусной артиллерийский полк оказался один на один... черт

знает что такое! Напоминаю, с ОП контроливать местность... справа дорога на переезд, слева речка за скотными сараями. К двум часам установить контакт с четвертой батареей за дорогой. Шрапнель выложена? Все!

Службу дозорных пришлось реорганизовать. Вместо патрулей учреждены посты. Остаток ночи Безуглый провел у 3-го орудия. К рассвету закончилось оборудование позиции первой очереди. Один БК снарядов остался на поверхности, разместить в нишах негде.

15 июля. 7 часов 30 минут. Вконец измотаны люди, едва передвигаются.

— По местам!

6-я батарея ведет огонь. При дневном свете работать легче. Младший лейтенант Безуглый мог выполнять и свои непосредственные обязанности. Есть надежда закончить к полудню подготовку к зачетной стрельбе.

Стреляющий рассеял пехоту на каком-то пустыре — указано в наименовании цели — подавил пулемет, затем подверг обстрелу улицу в Малине — там замечено движение автомашин. Команда: «Стой!»

Поле боя на расстоянии 8—9 километров от ОП. Утренняя атмосфера не препятствует распространению звуков. Доносится грохот разрывов, перестук пулеметов. Со всех сторон орудийные выстрелы. Я могу определенно указать направления на позиции всех 9-ти батарей полка.

— К телефону!

— Из документов,— голос Варавина,— которые обнаружены у погибших немцев, установлено, что на участке железнодорожного переезда действуют подразделения второго батальона двести шестьдесят первого пехотного полка сто тринадцатой пехотной дивизии. Наш полк любой ценой должен задержать противника на рубеже железной дороги. Подразделения четвертого дивизиона готовятся к наступлению. Ближайшая задача... овладеть участком насыпи восточнее железнодорожного переезда. Дальнейшая... выйти на северную окраину Малина. От рубежа железной дороги продвижение пехоты сопровождается огневым валом, в постановке которого участвуют все батареи.

Трубка пронзительно взвыла. Разговор оборвался. По-видимому, зажат переговорный клапан. Слышен вой мин, разрывы. Телефон умолк. Телефонист нажимал зуммер, НП не отвечает. Возможно порыв? Неужели прямое попадание?

— Товарищ лейтенант, НП ответил: «К телефону».

Командир батареи говорил, по-видимому, из укрытия. Голос звучит глухо. В трубке появился фон, потрескивание.

— Мины ложатся беспрерывно, того и гляди влепит в стереотрубу. Как слышимость? Огонь по сигналу «Ветер». Сейчас я начну пристрелку своего участка, расстояние четыреста метров. По местам!

Стрельба по целям, расположенным вблизи НП, требует от всех повышенного внимания. Незначительные ошибки в установке отсчетов или в наводке орудия вызывают отклонение, и снаряд обрушится на своих. То же произойдет, если в руки заряжающего попадет снаряд, не отобранный по весовым знакам.

Командирам орудий объявляются сведения, содержащиеся в таблицах стрельбы. На дальность 7400 метров у 107-мм пушки ВД [1] равно 50 метрам, ВБ [2] — 7 метрам. Стреляющий производил пристрелку исходного рубежа огневого вала способом переноса огня. Его НП находился в пределах эллипса рассеивания. Даже соблюдение всех условий не исключает разрыв снаряда в пределах расположения НП.

Командиры орудий лично проверяют отбор снарядов, наводку.

— Огонь!

Пристрелка исходного рубежа закончилась. Командир батареи приступил к подавлению целей на железнодорожном полотне.

— Цель,— сообщил стреляющий с НП.

Солнце поднималось все выше. Становится жарко. Увяли листья на кустах, поврежденных осколками. Подсыхала трава, вывороченный вокруг воронок грунт.

Варавин подавал раз за разом команду «стой». Противник обстреливает НП. Паузы продолжаются иногда две-три минуты. Телефонист проверяет линию. Орудийные номера в ожидании томятся на своих местах.

— Огонь!

Когда же начнется наступление? Время близилось к полудню. Срок зачетной стрельбы. Орудийный номер, введенный в должность наводчика 3-го орудия, усвоил лишь часть своих обязанностей. Неуверенно держались и некоторые другие. Но оба расчета действовали значительно лучше, чем ночью.

Командир батареи снова переносил огонь за пределы батарейного сектора.

---

[1] ВД — вероятное отклонение по дальности, обусловленное рассеиванием, т. е. причинами, которые невозможно устранить.— *Авт.*

[2] ВБ — вероятное отклонение снаряда по направлению (боковое).— *Авт.*

— Четыре снаряда, беглый... огонь! — передавал телефонист.— Стой! Один снаряд, огонь!

— Правее...— телефонист отвел трубку,— «Феникс»... «Феникс»... товарищ лейтенант, связь прервалась.

На позициях соседних батарей не затихали выстрелы. С юга, со стороны Малина слышится непрерывный гул разрывов. На рубеже железной дороги, в полосе шириной не более двух-трех километров, сосредоточен огонь девяти батарей 231-го КАП, артиллерии и минометов противника.

Телефонист непрерывно нажимал зуммер.

— «Феникс» ответил... передают... огонь!

Орудия, то одно, то другое окутывались дымом. Пушечный ствол вдвое длинней гаубичного, значительно выше на выходе давление пороховых газов. Четыре сотни выстрелов вызвали образование радиальных трещин на поверхности грунта, в задульных конусах, травяной покров, однако, сохранился.

— «Феникс», стой! Прицел больше два.

6-я батарея подавила одну цель, другую, третью.

— Стой! Правее ноль восемьдесят, прицел двести сорок...

Стрельба длится четверть часа, израсходовано 60 осколочно-фугасных гранат. Стреляющий уменьшил прицел и перенес огонь по цели на удалении 9 километров.

— Стой! Огневым взводам — перерыв. Старшего на батарее... к телефону.

— Подразделения четвертого дивизиона в порядке улучшения своих позиций продвинулись к озеру. На участке восточнее мостовой трубы противник оставил железнодорожную насыпь,— командир батареи сообщал результат стрельбы. Он не хотел возвращаться к вопросу о сколачивании орудийных расчетов, расценив последние стрельбы, как зачетные.— Объявляется готовность к постановке огневого вала. Уточняю, исходный рубеж перенесен. Запишите: цель номер шесть, левее... Верните людей к орудиям, ждать сигнала. Все!

Закончилась наводка орудий. Прошло пять минут.

— Ветер!

6-я батарея открыла огонь. Громыхают орудия на позициях других батарей. Все выше и выше темп стрельбы. Потом замедляется, снова набирает прежнюю силу.

— Стой!

Снова «огонь»... Угол возвышения орудийных стволов увеличивается. Огневой вал катился дальше к Малину. И вот последний рубеж.

— Шесть снарядов... огонь! Восемь снарядов... огонь!

— Стой!

Стреляющий объявил: в результате предпринятой атаки подразделения 4-го дивизиона продвинулись на некоторых участках вперед. Ближайшая задача выполнена, они закрепляются на достигнутых рубежах.

Сообщение, кажется, мало радует огневиков. Спрашивают, когда придет подкрепление? Силы немцев? Каким образом они захватили Малин? Всех волнует вопрос о смене позиции. Стоим среди воронок, разве мало земли?

Безуглый вынул из кармана часы, смеялся.

— В течение шестнадцати часов... не разорвался ни один снаряд, пора уже забыть вчерашний вечер...

— Товарищ младший лейтенант, почему старшие начальники не разрешают сменить ОП?

— На перемещение уйдет в лучшем случае час. Но обстановка не позволяет оставить подразделения на железнодорожной насыпи, которые шестая батарея поддерживает, даже на минуту... противник двинется дальше. Наш полк должен удержать рубеж до подхода подкреплений... Ровики у всех оборудованы?

Некоторые орудийные номера выражали неверие в надежность укрытий. Действительно, от бризантных снарядов ровик не спасает. Командир 2-го огневого взвода не может гарантировать орудийным номерам неприкосновенность на всю жизнь.

— Боится тот, кто не уверен в правоте дела, за которое сражается,— повернул беседу Безуглый.— В нашем строю нет места малодушным и трусам. Воины Красной Армии отстаивают общее дело. Их не должны страшить ни раны, ни смерть.

Артснабженцы доставили новую буссоль. Но ее нельзя использовать без выверки. Что делать? Нужен еще один прибор. Согласится ли стреляющий оставить НП без буссоли?

Явился старшина Политов. Всю минувшую ночь он колесил по окрестным селам в поисках медсанбата. Раненых передал только в местечке Бородянка в местную больницу.

Старшина не забывает службу. Бессонные сутки ему нипочем. Выбрит, в опрятной одежде, не опускается до положения снабженца, «материально-ответственного» лица.

— Товарищ лейтенант, колхоз села Пирожки обратился с просьбой принять скот на котловое довольствие.

Вторжение противника в районы, лежавшие вдали от фронта, дезорганизовало гражданские учреждения. Указания сверху не поступали. Как распорядится запасами продоволь-

ствия, фуража? Куда девать скот? Эвакуировать? Поздно. Дороги забиты беженцами, подвергаются бомбежкам. Председатель колхоза села Пирожки счел за лучшее передать всю наличную живность войскам.

— Коровы, свиньи... около тридцати голов,— продолжал Политов.

Целое стадо, зачем столько 6-й батарее?

— Как зачем? — удивился старшина.— На усиление пайка.

Обстановка ненадежная. Поступит команда «отбой». Что тогда делать со скотом? Не консервы...

— Товарищ лейтенант, ценный продукт... мясо, жиры.

Сколько людей на довольствии? Я не возражаю против того, чтобы взять какую-то часть. Сто, двести килограммов, соразмерно с аппетитом.

— Товарищ лейтенант, немцы в семи километрах. Мы не возьмем... достанется другим, и отказать людям неловко, просят...— продолжал жалобным голосом старшина.

Я ничем помочь не могу. Пусть старшина решает сам.

— Товарищ лейтенант,— старшина подошел ближе к буссоли.

— По местам! — выкрикнул из ровика телефонист.

Орудия снова ведут огонь. 10, 20, 30 минут. Стой! Опять — Политов. Поодаль местные жители.

— Товарищ лейтенант,— скороговоркой начал Политов,— скот... того... туши... утром разделали. Я хотел доложить, а тут команда.

Чего же хочет старшина?

Подошли местные жители. Председатель колхоза благодарил за выручку. Приглашает пройти на кухню, посмотреть, время к обеду.

— О, делегация от местного купечества? — спрашивал, смеясь, Безуглый.— Из Малина?

— Нет,— ответил старшина,— соседи пришли в гости... Жители села Пирожки.

У Безуглого просьба. Орудийные номера хотели бы посмотреть самоходки, подбитые вчера за переездом батареями 1-го дивизиона.

— Я пойду вместе с ними. Сколько тут до холма... триста-пятьсот шагов, не больше,— говорил Безуглый,— туда и сюда.

Телефонист запросил разрешения. На НП трубку взял лейтенант Смольков. Командир батареи не возражает, но предупредил — перерыв продлится не более четверти часа. Возможно, меньше.

Безуглый ушел. Орлов остается старший на ОП. Я догнал делегацию только возле сараев.

Вылазка автоматчиков

— Товарищ лейтенант, срочно... вызывает командир батареи,— звал позади телефонист.

— Автоматчики проникли за железнодорожную насыпь. У подбитых самоходок и на гороховом поле,— говорил торопливо Варавин.— Людей верните на ОП. Вы возьмите десять-пятнадцать человек и ко мне. Первое орудие на прямую наводку, для сопровождения. Командир полка приказал немедленно оповестить соседние ОП.

Нужно условиться, установить сигналы.

— Ни слова больше, сейчас оборвут линию, Безуглого предупредите.

Раздался щелчок, трубка умолкла. Так... а я ведь слышал очереди. Казалось, недалеко. Отвлекли местные жители.

Просвистели рикошетирующие пули. Стрельба усиливалась. Возвращался бегом Безуглый, орудийные номера.

Все, кто попадал мне на глаза, хватали оружие. У Дорошенко пулемет. А эти, Смолин, Дуров, как оказались на ОП? Семь человек, восьмой телефонист, он собрался проверять линию. Младший лейтенант Безуглый с людьми отделения тяги и хозяйственниками занимал опушку. 1-е орудие выкатить сию минуту на прямую наводку... туда, к гребню.

Ни одна батарея не стреляла. Люди бежали гурьбой, телефонист отстал, в руке телефонный кабель, катушка, аппарат через плечо, карабин.

— Что сбились... куча, как...— кричал Дорошенко,— в цепь... интервал... тридцать шагов, оружие опробовать, патроны на учет.

Гороховое поле начиналось за гребнем укрытия и тянулось от одного переката к другому. Вдали ряд телеграфных столбов, на горизонте крыши строений. Город Малин. Темнеет лес. Справа и ближе — проселочная дорога, три-пять высоких дерева, будка стрелочника на переезде. Самоходки в пятнах, черные, одна завалилась на борт за обочиной, другая — на дороге. Стволы у обеих — в разные стороны.

Раздаются винтовочные выстрелы. Короткие очереди немецких автоматов в обрыв, два-три патрона. Не возьму в толк, где — на перекате или за ним? А там, вдали серый дым. Не иначе разрывы мин.

Гороховое поле... растения выше колена. Не напороться бы на автоматчиков. Люди продвигались по телефонной линии. Дорошенко, взявший добровольно обязанности моего помощника, подбадривал.

— Смелей, смелей, не отставать. Помните свои места в цепи, наблюдать. Ложись!

Защелкали пули, вонзаются в землю. Очередь за очередью. Откуда?

Все залегли. Телефонист включил аппарат. Связи нет.

— По-пластунски, вперед. От земли не отрываться, не отставать,— Дорошенко не забыл ржапое поле у Княгининки.

Противник невидим. Все чаще посвистывают пули... Гороховая ботва путает руки и ноги, тянется вслед. Каждый шаг требует усилий. Куда двигаться?

Прогрохотали выстрелы. Один за другим. Взметнулась высоко земля. Опять выстрел, снаряд лег в двух сотнях шагов. Дохнул горячий воздух. Кто вел огонь?

Наблюдает стреляющий свои разрывы? Вдруг как уменьшит прицел на четыре, нет, на два деления. Нужно выждать. Вперед! Люди двинулись. Смолин наблюдает. Справа три орудийных номера. Только зашевелились — очередь.

— Нашел,— вскричал Смолин,— сейчас его поймаю,— и раздвинул сошки РПД. Очередь заставила сержанта умолкнуть. Не ранен?

— Вижу...— Смолин выругался,— вижу...

Застучал РПД. Пули, по-видимому, прошли мимо. Немецкий пулеметчик рассеивал веером очередь за очередью. Взлетала гороховая ботва, сырые комья. Кто-то вскрикнул. Ранен, убит?

Смолин догадался поднять РПД орудийному номеру на спину. Огонь! Люди двинулись с мест. С ужасающим воем пролетел пушечный снаряд, разорвался, обдав горячей упругой волной. Все в испуге ожидали следующего разрыва. Нужно уйти из плоскости стрельбы. Как? Невзирая на очереди РПД, немец не унимался.

— Принять влево, вперед!

— «Фламинго-один»,— послышался голос,— «Фламинго-один». «Феникс»... «Фламинго»... с одной буквы. Позывные нашего 2-го дивизиона. «Фламинго» — одна из батарей, 4-я или 5-я. Значит, недалеко НП. «Фламинго-один» — телефонист обращался на ОП.

— «Фламинго-один», один снаряд, огонь!

В стороне люди, кажется, младший лейтенант Устимович — командир 4-й батареи, я видел его у села Андриевичи.

Громыхнул выстрел. Снаряд лег дальше. Я повернул на НП.

— Стой! — раздался окрик.— Кто? Откуда? Вы не знаете?.. Немецкие автоматчики одеты в нашу форму... Все батареи оповещены,— встретил меня сержант-караульный.

Устимович не стал смотреть мое удостоверение. Автоматчики заняли северную половину горохового поля, блокируют подступы к железнодорожной насыпи. Наблюдательные пункты отрезаны, только ему, Устимовичу, удалось отойти по телефонной линии.

— Вы по приказанию Варавина? Товарищ лейтенант, поступаете в мое распоряжение... никаких разговоров. Зеленая гряда левее трех высоких деревьев, видите? Там основная масса автоматчиков. Разделите людей. Одна группа — прямо на угол, другая — вправо, к дороге. Я попытаюсь вас прикрыть на недолетах.

Моих людей задерживал пулемет. Установлено местонахождение.

— Укажите,— заинтересовался Устимович.

Смещение изменило картину, я не находил примет, которые запомнил.

— Пулемет сам себя выдаст. Почему люди не маскируются? Всех укрыть горохом, травой, марш!

Пот катится ручьем. Люди ползут позади. Низко над головой пролетели снаряды 4-й батареи.

Обнаружено тело погибшего воина. Установлена личность. Из 1-й батареи. Движение продолжается: 200, 300, 500 шагов. Раздался окрик: «Свой, не стрелять!» Снова застрочил немецкий пулемет. Левая группа потеряла ориентировку и вышла в тыл правой. Умолкнувшая 4-я батарея возобновила стрельбу. Ложатся снаряды один за другим. Опять тела убитых. Немцы. Обвиты ботвой, даже на касках умудрились закрепить зелень. Из голенища торчат пустые магазины.

Гряда, указанная Устимовичем, ближе, чем я предполагал. Но расстояние не уменьшалось. Позади, в районе НП 4-й батареи, взвилась ракета. Снова в том же месте.

Пластун видит только то, что перед глазами. Меня выручала карта. Я определил местонахождение. Где-то недалеко должен быть НП 6-й батареи.

Взвыли мины. Впереди железнодорожная насыпь, телеграфные столбы. Местность в пределах досягаемости немецких минометов.

Я ожидал, когда закончится огневой налет. Горох в ряду буйный, стручки толщиной с палец. Там жесткие, тут воско-

вого цвета. Кто-то бормочет. Я огляделся. Люди лежали, застигнутые минами. Ближе, шагах в тридцати, кажется, сержант Дорошенко.

Гм... вроде не по-русски... Немецкие слова... Не далее, чем в пяти шагах — немец.

— Их бин кригсгефанген,— немец поднял руки и медленно по-русски: — Я есть военнопленный.

Немец рослый. Круглое веснушчатое лицо, белесые брови. Ежом торчат рыжие волосы. Под ногами каска, автомат. Проступает пятнами кровь. Немец ранен. За отворотом куртки бинт. Дорошенко подал его документы. Пленный, как и два убитых, из одного подразделения: 1-я рота разведывательного батальона 113-й ПД.

Я спросил, как пленный оказался севернее железной дороги?

Грохот смущал пленного. Падая, мины тоскливо завывали, рвались вокруг. Пленный, кряхтя, опустился на колено, прилег. Я свободно переношу близкие разрывы и не стал укрываться. Пленный в испуге вскинул глаза на мою кобуру, попытался встать. Боится. Напрасно. Немецкие мины угрожают пленному больше, чем мой пистолет. Я застегнул кобуру.

Пленный вздохнул с облегчением. В следующую минуту грохот затих. Я повторил вопрос.

— Яволь,— немец стал говорить. После занятия Малина части 113-й ПД намеревались, насколько пленному известно, наступать (ему никто не говорил, но он думает, что это именно так) дальше, на север. Пленный всего лишь обер-ефрейтор, знает только то, что относилось к его подразделению и т. д.

Пленный говорил быстро. Знакомые выражения тонули в потоке артиклей и предлогов. Я не успевал схватить смысл. Это, кажется, огорчает пленного, он начал по слогам, повторял.

— Вчера, примерно в восемнадцать часов, мотоциклетная рота сообщила, что русские войска не обнаружены. Два батальона двести шестьдесят первого пехотного полка, сосредоточенные на северной окраине Малина, где находилось подразделение пленного, выступили из города по дороге на Барановку. Скоро солдаты услышали орудийные выстрелы. Артиллерия стреляла довольно долго. Вечером стало известно, пленному сообщил его товарищ, что на железной дороге — русские, и что пехота понесла потери, наступление приостановилось, неразумно лезть навстречу пушкам, когда есть менее опасные пути...

Как пленный попал на гороховое поле?

— Яволь,— пленный смахнул капли пота.— Вчера, около девятнадцати часов, командир второго взвода штабсфельдфебель,— следовала фамилия,— объявил, что все частные атаки двести шестьдесят первого пехотного полка не сломили сопротивление русских. Штабсфельдфебель со своим взводом, по приказанию командира роты, направляется в тыл оборонительной позиции русских, силы их невелики. Цель — дезорганизовать управление, блокировать части, которые удерживают железную дорогу. Такую же задачу получил еще один взвод... наша разведрота проводила подобные операции. Я не сомневался в успехе.

В операции участвовало два взвода?

— Да... два взвода были разделены на три группы. Нам обещали, что нападение разведгрупп пехота поддержит атакой...

Численность разведгрупп?

— Группа, в которую я входил, имела девятнадцать человек.

Другие?

— Не знаю.

Где в данный момент находятся люди вашей группы?

— Здесь,— пленный замялся,— в поле... условия для маскировки.

Он в плену... и эти два. А остальные?

— Все ранены или убиты.

Где перешла группа железную дорогу?

— Там,— пленный огляделся,— на востоке, в двух-трех километрах.

Когда, в котором часу?

— Вскоре после полуночи,— и продолжал с сожалением,— атака пехоты провалилась. Что делать без поддержки? Разведгруппа продвигалась, обрывала телефонные линии, обстреливала телефонистов.

Пленный, очевидно, считая, что сообщил достаточно, спросил:

— Как сообщить семье? — он австриец «аус Оберэстерайх». Он остался жив и считает себя обязанным сообщить, передать на родину весть о судьбе товарищей.

Почтовая связь между воюющими странами не поддерживалась. Какие-то возможности, по-видимому, были, например, через нейтральные страны. Но вначале покончим со службой... потом личные дела.

— О, я понимаю. Готов делать все, что будет приказано. Скоро война закончится. У меня не будет, надеюсь, повода

жаловаться на обращение.— Он стал разглагольствовать о скорой немецкой победе.

Разведывательные группы одновременно переходили железнодорожную насыпь?

— Нет, насколько мне известно, первой перешла наша.

Разведгруппы поддерживали между собой связь?

— Нет, каждая имела свою задачу.

А со штабом батальона?

— Нет.

На вопрос о расположении огневых средств немецких войск пленный отвечал общими фразами. Он не ориентировался на местности, которая лежала за железной дорогой.

Со стороны подбитых самоходок подошли люди. Взвод из 5-й батареи.

— Фриц, пленный, где взяли? — спрашивал лейтенант Свиридко.— Вы из шестой? С автоматчиками уже разделались. Я получил приказание возвращаться на ОП. Собираю своих людей, потерялись.

— Товарищ лейтенант, включился «Феникс», есть связь,— сообщил телефонист.— Командир батареи приказал вести пленного на НП.

Местность просматривалась. Дорошенко подал команду: «По-пластунски!»

Пленный стонет. Он не в состоянии продвигаться ползком. Что делать?

— Куда мы идем? Железнодорожное полотно,— пленный тревожно оглядывается.

Вдоль насыпи полоса отчуждения. Необработанная земля. Кучи щебенки, две-три шпалы, отслужившие срок. Бурьян измят, коловертью положен разрывами немецких мин и снарядов.

По откосу проложен телефонный кабель. Увяла трава, кто-то присыпал вынутый каменистый грунт. Под насыпью ход сообщения, вырытый наискось, выше, в ответвлениях ячейки, установлены приборы. Наблюдательный пункт 6-й батареи.

В ходе сообщения духота. Запах шпал. Младший лейтенант Варавин не спешит объявлять отбой людям на подступах со стороны горохового поля. С оружием на изготовку выглядывают из-за бруствера телефонисты, топографы. Торчит обожженный ствол ручного пулемета.

Командир батареи оставил стереотрубу, повернулся.

— Перехватил Устимович? Потерян человек... Кто он? — младший лейтенант Варавин дольше всех служил в 6-й батарее, знает всех поименно.— Где же ваш пленный?

Позади, я не стал рисковать. Открытый участок. Пленный ранен, не успевал со всеми. Его конвоирует сержант Дорошенко.

Начался огневой налет. В ячейках на глубине двух метров люди чувствуют себя лучше, чем в поле. Дрогнула стенка, неподалеку снаряд ударил в насыпь, прямое попадание. Звенят над головой рельсы.

— В каком состоянии пленный? — спросил младший лейтенант Варавин.— Эй, там... в обороне, не подстрелите пленного...

Прошла минута, другая.

— Долго еще ждать? — командир батареи вернулся к стереотрубе.

Подошел пленный. Признав в Варавине старшего, он щелкнул каблуками, назвал свою фамилию, звание. Мина. Снова посыпался щебень. Пленный виновато втянул голову в плечи. Слышится запах дыма.

Младший лейтенант Варавин владел немецким языком лучше, чем я, но узнал столько же, слушая скороговорку пленного. Где располагаются огневые позиции артиллерии и минометов, поддерживающих 261-й ПП?

Командир батареи подвел пленного к стереотрубе. Стал объяснять местонахождение обнаруженных целей. Пленный твердил одно: на выгоне он не был, местность не знает. В словах, вроде, не было фальши. Железную дорогу группа переходила восточнее озера. Пленный скоро исчерпал небогатый запас сведений о своих войсках и умолк. Варавин стал рассматривать его документы.

— Я сдался добровольно...

— Это не важно... проводите пленного... пусть сапинструктор осмотрит рану,— распорядился Варавин.

НП 6-й батареи

Грохот разрывов затих. Командир батареи отправил пленного на КП командира дивизиона.

— Я получил приказание доложить о причинах вчерашних потерь,— объявил Варавин.— Принимайте обязанности стреляющего. Знакомьтесь со схемой ориентировок.— Он указал на буссоль в торцевом отсеке ячейки стреляющего и занял место у стереотрубы.— Ориентирую: ...север, восток, запад, юг. Ориентиры: справа три высоких дерева на дороге из Малина на Барановку, ближнее дерево — ориентир номер один. Дальность две тысячи восемьсот метров... под-

битые самоходные орудия, видите? — повернулся Варавин.— Слева за железнодорожной насыпью левый дальний угол желтого поля... ориентир номер два.— Перечислялись остальные девять ориентиров: — Перед нами подразделения двести шестьдесят первого пехотного и восемьдесят седьмого артиллерийского полка сто тринадцатой пехотной дивизии. Других сведений о группировке войск противника нет. Передний край обороны наших подразделений проходит: справа... ориентир два, ориентир четыре и далее на восток по железнодорожной насыпи. Непосредственно в секторе стрельбы батареи второго дивизиона... ориентир два и ориентир четыре... Боевые порядки второго батальона двести шестьдесят первого пехотного полка... артиллерийская поддержка... один дивизион восемьдесят седьмого артиллерийского полка... Немецкая пехота предпринимала атаки, подразделения четвертого дивизиона потеснили противника и продвинулись в направлении озера. Ориентир четыре... влево двадцать, три дома. Шестая батарея поддерживает десятую батарею. Связь через посыльных. Задача... подавлять огневые средства противника, воспретить движение пехоты в секторе ориентира два, ориентир шесть... вот вам схема целей.

Я принял ватманский лист с координатной сеткой. В центральном квадрате знак НП, зубчатый излом линии переднего края. В глубине боевых порядков противника контуры городской окраины Малина и цели под номером — точка, замкнутая в круг.

— Вам понятно? Укажите цель номер одиннадцать на местности.

Я отложил указанный на схеме угол. В створе со стеной здания лесотехникума и ближе, на опушке леса, следы недавнего обстрела. Вот, вероятно, цель — опрокинутое на колесо орудие.

— Да, позиция батареи, которая вела огонь,— подтвердил Варавин.

— Но в огневом налете участвовали, по меньшей мере, две батареи.

— Да... те подавляла восьмая или девятая... Мы заставили немцев сменить позиции. Хотите убедиться? Вправо ноль двадцать два и выше четыре, видите? Разрушенные строения, обломки былого, так сказать, оружия из состава еще одной батареи. Этот дивизион восемьдесят седьмого немецкого артиллерийского полка нанес нам немалый урон... и наказан.

В ячейках НП работы не прекращаются ни на минуту. Разведчики ведут наблюдение за всем, что происходит в сек-

торах батареи. Телефонисты поддерживают связь, вычислители ведут планшет стреляющего.

Немецкие минометы восточнее переезда начали обстрел железнодорожной насыпи. В воздухе одна за другой — очереди бризантных разрывов.

— Укажите первый рубеж НЗО «Бизон». В огневом налете на втором рубеже участвуют все девять батарей, имейте это в виду.

Кто подает сигналы на открытие огня?

— НП командира второго дивизиона по телефону или через связного.

— НЗО «Буйвол», видите? Ставят батареи только второго дивизиона. Внимание,— повысил голос Варавин,— «Феникс-один», по местам!.. Цель номер одиннадцать, батареей один снаряд...

Телефонист в ячейке позади повторяет слово в слово: «Феникс-один»...

— Огонь! — закончил Варавин.

Прошло не менее минуты. В тылу один за другим послышались выстрелы. На фоне леса взметнулись облака, дым разрывов.

— Стой! — произнес Варавин.— Стреляющий вы... Ориентир пять, вправо двадцать, ниже три, сгоревшее строение, дом, на крыше пулемет... подавить!

Пользуясь схемой целей, я определил положение пулемета относительно ближайшей к нему пристреляной цели, измерял буссолью угол.

— Огонь!

Первый снаряд лег с недолетом. По правилам стрельбы вначале полагалось разрывы вывести на линию наблюдения. Третий снаряд — четкий минус. Захват цели в четырехделенную вилку и последующие корректуры не вызвали замечаний со стороны командира батареи. Цель подавлена. Моя первая стрельба после экзаменов в училище признана вполне удовлетворительной.

— Стой!

Начался огневой налет по насыпи. Командир батареи не успел доложить старшему начальнику о передаче обязанностей. Порвалась связь. Прошло пять минут. Варавин познакомил меня с лейтенантом Смольковым — командиром взвода управления. Он — ближайший помощник стреляющего. Лейтенант Смольков знает местность на переднем крае и в глубине боевых порядков противника, положение целей и всю местную ситуацию: что делалось в окопах пехоты, ее настроение, обеспеченность и т. д. Там он частый

гость. На командира взвода управления возлагалась обязанность поддерживать связь с пехотой. Он возглавлял, в случае выдвижения, персонал ПНП.

Телефонная линия восстановлена. Варавин заглянул во все ячейки и отправился на ОП. Инженерное оборудование НП не закончено. Я заручился согласием командира батареи отозвать часть людей, несших охрану подступов, и переключить их на оборудование.

В качестве стреляющего я обязан обеспечить воинский порядок на НП: поддерживать связь с командиром дивизиона и командиром 10-й батареи; вести непрерывно наблюдение и в случае появления противника немедленно открывать огонь в основном секторе батареи, а также по требованию пехоты. Помимо того — выполнять команды старших начальников для ведения огня по районам СО и НЗО.

Определены сроки окончания инженерного оборудования НП. Произведен осмотр личного состава, оружия, приборов наблюдения, средств связи. Я вернулся в ячейку стреляющего. Смольков утверждает: на крыше дома, район ориентира 6 — НП противника. Зачем откладывать?

Смольков принялся за расчеты для переноса огня. Работа закончилась.

— «Феникс-один», по местам! Цель номер семь... правее...

В створе с домом, на границе сектора, начали рваться снаряды. Вероятней всего, стреляла 5-я батарея. Разорвалось всего шесть-семь снарядов. Стрельба прекратилась.

Смольков считает дом опасным объектом. Возможно, немцы используют его для наблюдения за железнодорожной насыпью на всей протяженности до переезда. Я продолжал пристрелку. Задача осложнялась положением цели. Перелеты ложились за строениями и не давали наблюдений. Был обеспечен только ближний предел четырех делений вилки. Так я и перешел на поражение. Два прямых попадания.

Цель подавлена.

— «Феникс-один», стой! Записать, цель номер двадцать два, НП на крыше дома.

Телефонист принял сообщение о расходе снарядов. Командир батареи прибыл на ОП. Смольков по секрету сказал, что Варавин нездоров, недомогание длится много дней. Похоже, командир дивизиона под благовидным предлогом отправил его на отдых.

— Товарищ лейтенант, к телефону.

— Что нового? Вернулись орудия из ремонта,— Вара-

вин легок на помине.— По истечении десяти минут... пристроятся к батарейному вееру. Доложите командиру дивизиона. Как там наша пехота?

Положение на переднем крае не изменилось, новостей нет.

— Смотрите за порядком... охрану подступов к НП не ослаблять. Все.

Я вернулся в ячейку стреляющего. Смольков приводил в надлежащий вид ватман на планшете, чистил резинкой.

— Ориентир два... вправо двадцать... движение машин,— доложил разведчик-наблюдатель. На дороге из Малина к лесотехникуму поднималась пыль. По-видимому, автомобили, по меньшей мере, семь. На отрезке, который дальше пролегал по опушке леса, движение не наблюдалось.

— «Феникс-один»... по местам! — телефонист начал передавать команды.

Смольков прервал свою работу.

— Ведение огня по дороге к лесотехникуму запрещено... там отметки на схеме целей.

Почему?

— Район СО полка. Зачем зря пугать? Чем больше машин, тем лучше.

Пыль на дороге сгущалась. По-видимому, на территории лесотехникума подвозятся грузы. Главный корпус — два верхних этажа — видны великолепно. Белое здание на фоне леса. Что там происходит?

— Внимание... «Феникс», слушать целеуказания,— начал телефонист, обслуживающий линию связи с КП дивизиона,— СО — сто... десять снарядов... о готовности доложить.

6-я батарея перенесет огонь от цели № 11. На «Феникс-1» переданы команды.

— «Феникс», подготовка прибывших орудий не закончена,— сообщил телефонист.— «Феникс-один» просит две-три минуты.

Смольков взял трубку.

— «Феникс-один», СО — сто... цель полковая... скопление машин... Выполняйте команды.

Шли минуты. Две, три, еще две. Телефонная трубка опять в руках у Смолькова.

— «Феникс-один» готов!

— «Феникс» готов! — Смольков передавал вместо телефониста доклад.

— Огонь!

Грохотали в тылу выстрелы. Район ОП полка зани-

мает четыре километра по фронту. Калибры орудий нетрудно различать по звуку выстрелов. Огонь вели одновременно все девять батарей.

В районе цели дым сгущался, заво́лок фасадную часть, второй, третий этажи здания, крышу. Доносился грохот разрывов. Огонь продолжался. Дым полз в сторону Малина косматой тучей, высоко подняв гребень.

Назначенное число снарядов израсходовано. Телефонист передал доклад командиру дивизиона. Батареи 1-го и 2-го дивизионов отстрелялись одновременно. Практическая скорострельность 107-мм пушки — шесть-восемь выстрелов в минуту. 3-й дивизион продолжал вести огонь. 152-мм пушки-гаубицы входили в категорию тяжелых орудий. Их скорострельность почти вдвое ниже.

— «Феникс», стой! — поступила команда с НП командира дивизиона.

Эхо унесло вдаль грохот разрывов. На всем пространстве перед насыпью воцаряется тишина. Ни пулеметных очередей, ни мин.

Дым в районе СО — 100 начал редеть, рассеиваться. На стенах главного корпуса копоть. В крыше зияет дыра.

Пришла тишина и в ячейки НП. Умолкли телефонисты. Те, кто работал на приборах, продолжали наблюдение.

Нещадно жжет солнце. В глубокой, узкой ячейке воздух застоялся, никакого движения.

Участок насыпи, избранный для НП 6-й батареи, выше окружающей местности на несколько метров. Отрыта траншея хода сообщения длиной около пятнадцати шагов. Один излом, другой. В конце траншея разветвляется. В ячейках установлены приборы наблюдения, размещаются разведчики, топографы, связисты.

Персонал, непосредственно занятый обслуживанием приборов и аппаратуры, насчитывает восемнадцать человек. Часть этих лиц несет охрану подступов с тыла — два поста. Остальной личный состав взвода управления составляет резерв и располагается в сотне шагов под насыпью, укрытый в ровиках.

НП в зоне досягаемости всех огневых средств противника. Определены ли его координаты немецкими артиллеристами? Посредством визуального наблюдения — едва ли. Приборы скрыты, только объективы глядят в зазоры между шпалами. Разведку с воздуха ни вчера, ни сегодня немцы не вели.

Личный состав НП постоянно находится под воздействием противника. Близкие разрывы мин и снарядов ко-

леблют насыпь, щебенка скользит по стенке, осыпается. Осколки и пули попадают в бруствер, рикошетируют, крошат щебень, и частицы его сохраняют убойную силу. Прямое попадание снаряда или мины в насыпь, даже на расстоянии в полкилометра, вызывает звучание в рельсах, которое неприятно действует на слух. Во время интенсивных огневых налетов грохот глушит людей и не прерывается минутами.

Впереди широкой полудугой раскинулись строения северной окраины Малина. Дальность от 2 до 4 километров. С северо-запада вплотную примыкал лес, в глубине его возвышалось здание лесотехникума. Дальность 5—7 километров. Каково было прежде назначение пространства за железнодорожной насыпью? По всей видимости, это выгон для скота, пустырь. Плоская, выжженная солнцем равнина. Ни деревца, ни кустика. В южной части пустыря — довольно большой водоем, возможно, запруда или озеро. Стаи гусей, уток плещутся в воде, машут белыми крыльями.

Чаша озера вытянута в сторону города. Еще одна заметная деталь в восточной части общей панорамы — довольно глубокая долина, которую пересекла железнодорожная насыпь. Вчера еще катились по рельсам воинские транспорты из Киева на Коростень и в обратном направлении.

Подразделения 4-го дивизиона занимают участок по фронту около трех километров. Утром они потеснили немецкую пехоту. В центре передний край удален приблизительно на километр-два, фланги упираются в насыпь. А положение за пределами этого участка? Смольков говорит, будто фланги не обеспечены, там наших подразделений нет. Основную нагрузку в обороне на рубеже железнодорожной насыпи нес 4-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки. Он комплектовался преимущественно техническими специалистами и меньше других в полку подготовлен к действиям в роли пехоты. Но в условиях тех дней часто возникали совершенно неожиданные задачи. Специализация — с этим никто не считался. Все усилия направлялись к одному: выйти из критической ситуации любой ценой в данный момент.

Так и случилось 14 июля. Колонна подразделений 4-го дивизиона — по каким-то причинам он был задержан в районе Чоповичи — миновала железнодорожный переезд около 20 часов. Большая часть людей спала в кузовах, никто не обращал внимания на мотоцикл, который мчался навстречу. В коляске сидел лейтенант Кобец, командир штабной батареи.

Мотоцикл промчался в конец колонны и обратно. Лейтенант Кобец нашел командира дивизиона и сообщил: в Малине немцы. 1-й, 2-й, 3-й дивизионы занимают боевые порядки — огневые позиции в районе села Пирожки, наблюдательные пункты на рубеже железнодорожной насыпи. 4-му дивизиону возвратиться назад, к переезду, найти батальонного комиссара Дроздова, развернуть подразделения и обеспечить прикрытие рубежа НП со стороны Малина.

Неожиданно поднялась стрельба. Колонна пришла в замешательство, несколько автомобилей загорелось, другие ехали, кто куда. Люди разбегались в поисках укрытий. Началась паника. Никто толком не знал, что происходит.

Только два человека понимали опасность положения — батальонный комиссар Дроздов и капитан Магомет — командир 4-го дивизиона. Немцы напали на хвост колонны. Единственный шанс избежать разгрома — немедленно двинуться им навстречу. Задержать любой ценой. Батареям необходимо время для занятия боевых порядков.

Батальонный комиссар Дроздов и капитан Магомет метались в темноте из одного подразделения в другое, объясняли, уговаривали, требовали. В конце концов им удалось повернуть 400 человек лицом к железной дороге.

4-й дивизион многим обязан этим двум — командиру и комиссару. Люди не знали, где свои, где противник. Следуя примеру начальников, подразделения двинулись вперед. Паника улеглась.

Девять батарей открыли огонь. Той ночью в 231-м КАП не было ни одного орудия, ни одного карабина и пулемета, который не стрелял, и вероятно, ни одного бездействующего человека. Штабные писари, техники, шофера и повара, специалисты тыловых служб — все участвовали в бою. Подразделения 231-го КАП в общем порыве задержали противника. Но бесспорно, решающая роль принадлежала старшим начальникам, командирам дивизионов: 1-го — старшему лейтенанту Плешакову, 2-го — капитану Значенко, 3-го — старшему лейтенанту Горунову, командирам батарей — старшему лейтенанту Чикало, лейтенанту Липеву, лейтенанту Горохову, младшему лейтенанту Устимовичу, лейтенанту Миронову, младшему лейтенанту Варавину, младшему лейтенанту Панкову, младшему лейтенанту Волынцеву, младшему лейтенанту Полячкову.

Внезапность нападения, темнота, отсутствие ориентиров, необходимых артиллеристу, не смутили этих доблестных командиров. Их самообладание и выдержка служили при-

мером рядовому составу — орудийным номерам, разведчикам, связистам, топографам.

Внезапная атака утром, предпринятая подразделениями 4-го дивизиона по приказанию командира полка, изменила положение к лучшему. Пехота противника была оттеснена от насыпи на расстояние до одного километра.

С НП 6-й батареи просматривались взводные участки 10-й батареи. Люди укрывались главным образом в воронках, углубляли их, чтобы приспособить для стрельбы.

Положение всех подразделений перед насыпью, в частности оборудование боевых порядков, было бы совершенно невозможным без поддержки батарей с закрытых ОП. Местность распределена между батареями, девять НП ведут непрерывно наблюдение, каждый в своем секторе. Всякая цель, демаскирующая себя выстрелами, немедленно подавляется.

Тишина, наступившая после огневого налета по лесотехникуму, длилась недолго. На пустыре раздался одиночный выстрел, потом пулеметная очередь, одна, другая. Стрельба охватила весь центр участка перед насыпью. Послышался вой, начали рваться мины.

Открыли огонь немецкие батареи. Содрогалась от прямых попаданий насыпь. Рельс гудит, как колокол. 105-мм снаряд лег за бруствером, ячейки наполнились дымом и пылью.

Грохот разрывов не затихал. Дым сгущался, закрыл большую часть батарейного сектора. Видимость ухудшилась. В ожидании конца налета люди ложились на дно, заняли все проходы.

С НП командира дивизиона поступило приказание усилить наблюдение. Разведчики возвращаются к приборам. В районе ориентира 6 треск автоматных очередей явно усиливался. Участок 10-й батареи скрылся в дыму. Оптические приборы в этих условиях почти бесполезны. Артиллерист, в случае резкого ухудшения видимости, ведет наблюдение невооруженным глазом. Я отвернул в сторону окуляры стереотрубы.

Старшие начальники следили за положением на поле боя. С НП командира дивизиона поступило приказание: «Феникс», занять ПНП [1]. Готовность — сорок минут».

Нужно собрать людей, приборы. ПНП на пустыре — несколько соединенных между собой воронок. Туда проложен телефонный кабель. Персонал ПНП — два разведчика, два телефониста во главе с командиром взвода управления. Его

[1] ПНП — передовой наблюдательный пункт.— *Авт.*

задача — вести наблюдение за местностью, которая не просматривалась с насыпи. Командир взвода управления обязан поддерживать непосредственно связь с командиром 10-й батареи.

Расстояние до ПНП не более полукилометра, но путь к нему извилист. Лейтенант Смольков со своими людьми направился к выходу. Далее через водосточную трубу — на другую сторону насыпи, там — открытый участок, перебежками от одной воронки к другой.

Обстрел закончился. Разведчики вернулись к приборам наблюдения. Возобновились работы по оборудованию. Свободная смена — разведчик, телефонисты, вычислители — принялась долбить слежавшуюся щебенку. По ходу сообщения ее выносят на плащ-палатке наружу, под откос.

Я продолжал изучать документацию и карты. Стреляющий обязан знать местность по памяти в секторах батареи и все, что находится на поверхности и скрыто от глаз, твердо, так же, как схему ориентиров.

На пустыре, у перекрестка козьих троп, появились люди. Два немецких пехотинца. Пулемет на участке, кажется, 1-го взвода 10-й батареи дал две-три очереди. Пехотинцы бросились в бег. Взвыли мины. Дым, разрывы. Пулемет умолк.

— «Феникс-один», по пехоте, цель номер восемь, батареей, один снаряд, огонь!

Пушечный снаряд со своей настильной траекторией снижается на подлете к цели медленно. Слышен вой. Вычислители невольно пригнули головы. Разрывы ложатся левее перекрестка. Сделан доворот и снова вой, грохот. Пехотинцев словно ветром сдуло.

— «Феникс-один», стой... перерыв.

На выгоне растительность совершенно сожжена солнцем. Участок в створе с озером покрыт бурыми пятнами. Нетрудно заметить стрелковые ячейки 10-й батареи, ряд песчаных куч. Люди углубляют ячейки.

Две другие батареи 4-го дивизиона занимали позиции на железнодорожной насыпи. Для усиления этих подразделений направлена большая часть штабной батареи. Я не знаю, где ее позиции.

Железнодорожная насыпь — важный оборонительный объект. Высота ее в отдельных местах достигала 8 метров. Просматривается вполне удовлетворительно лежащая впереди местность, включая северную окраину Малина. Под прикрытием насыпи люди находят защиту от пуль и осколков.

Насыпь прорезана насквозь двумя ходами сообщения, но в дневное время они не используются. Немцы держат под прицелом оба хода. Движение направляется в обход, к мостовой трубе.

Лейтенант Смольков занял ПНП и готов к выполнению обязанностей. 10-я батарея продолжала совершенствовать оборону. ПНП обнаружил пулемет. Смольков стал передавать его местоположение.

Воют мины. Продолжать разговор невозможно. Я вернул трубку телефонисту. Очевидно, минометчики ведут стрельбу по насыпи, не различая отдельных целей.

Кварталы северной окраины Малина в той части, которая просматривалась с моей ячейки, кажутся безлюдными. Ни животных, ни людей. Дома покинуты, пусто во дворах, огородах.

Но это не так. Если внимательно наблюдать, обнаруживаются явные признаки жизни. Ориентир 7, влево 20, под изгородью в огороде — насыпной грунт непонятного происхождения. Во дворе дома — ориентир 6, вправо 40, выше 3 — дымка то появляется, то исчезает.

Огневые средства пехоты в секторе наблюдения немедленно подавляются. Но есть цели, недосягаемые для наших орудий. Прежде всего — это минометы. Определить позиции их на местности выше возможностей существующих у нас средств инструментальной разведки.

Время 14.30. В моей ячейке температура перевалила, повидимому, далеко за 40 градусов. К рельсу не прикоснуться. Шпала, выскобленная добела, под действием жары покрылась густой, как смола, отвратительной по запаху, массой. Свисают капли.

Минометы ведут стрельбу. Южнее озера образовалась туча пыли и дыма. В районе ориентира 8 отмечается оживление. Не собиралась ли немецкая пехота наступать? В небе будто раскрылись четыре белых бутона. Это разрывы шрапнели. Какая-то из батарей 1-го дивизиона открыла огонь. В нашем полку только 107-мм орудия в БК имеют шрапнель.

Вторая очередь разрывов, с некоторой разницей по высоте, опустилась ниже. Последующие две коснулись крыш. Стреляющий закончил пристрелку высоты. На следующем этапе он перенесет разрывы ближе к цели.

— Ориентир восемь... пехота,— поступило сообщение с НП командира дивизиона,— усилить наблюдение!

Район ориентира 8 лежал за пределами секторов 6-й батареи. Командир дивизиона извещал батарейные наблюда-

тельные пункты о том, что оживление возможно и на других участках.

Обнаружена новая цель. Пулемет у фасадной стены дома. Разведчик-наблюдатель зафиксировал уже четвертую стрельбу.

— «Феникс-один», по пулемету, цель номер десять, правее...

Команда еще не достигла ОП, когда в районе цели начали рваться чьи-то снаряды. Трудно вести пристрелку. Я не уверен, найду ли свои разрывы.

— «Феникс-один», стой!

Что происходит в районе ориентира 8? Стреляющий обязан контролировать местность за пределами батарейных секторов, если она просматривается с НП.

— «Феникс», стой! НЗО «Буйвол» десять снарядов, о готовности доложить,— поступила команда командира дивизиона.

Доносятся выстрелы. Все три дивизиона участвуют в постановке заградительного огня «Буйвол». 107-мм батарее необходимо от полутора до двух минут, чтобы израсходовать назначенное количество снарядов, 122-мм — две, 152-мм — около трех минут. Огонь становился все реже и, наконец, затих.

Я снова развернул стереотрубу в юго-восточном направлении. Дальность наблюдения составляет около пяти километров. Поступило сообщение: подразделения 4-го дивизиона продолжают удерживать занимаемые позиции.

Солнце клонилось к закату. Темнее становился в знойной дымке лес. Под насыпью воздух, вроде, свежел, но в ячейке — прежняя духота, запах просмоленных шпал и металла.

— Воздух! — оповестил наблюдатель. Вдоль железнодорожного полотна летит «хеншель». Появился первый раз. Высота около 800 метров. Стрелять из карабина бесполезно. Винтовочная пуля сохраняла убойную силу до тысячи метров. А по вертикали — еще меньше. И не попасть. За северным переездом «хеншель» сделал разворот, прошел в обратном направлении до мостовой трубы и взял курс на Малин.

Словно по команде корректировщика начался огневой налет. Стрельбу вели не менее десятка батарей и сотни минометов. Впрочем, сосчитать количество стволов мудрено. Среди грохота минометные выстрелы вообще не слышно.

Огонь стал перемещаться вдоль насыпи к западу. Дым заволок поле справа позади, в районе курганов, где нахо-

дились командные пункты командира полка и одного или двух дивизионов.

В секторе севернее озера противник, по данным 10-й батареи, подтянул бронемашины. Обнаружено две или три. С какой целью? ПНП, контролировавший сектор, не подтверждает этих данных.

Содрогалась насыпь под ударами снарядов. Стрельбу вели орудия, судя по звуку, прямой наводкой. Откуда? Облака пыли и дыма скрыли городскую окраину, район вероятного нахождения позиции стреляющей батареи. Огонь сосредоточен на участке мостовой трубы.

Прямое попадание, одно, другое, третье. Снаряд разворотил насыпь. Один рельс согнулся в виде полоза, другой — сброшен под откос. Шпала над стереотрубой в моей ячейке осталась, к сожалению, на месте.

— Ориентир шесть, вправо пятьдесят, пламя выстрелов,— выкрикнул разведчик.

В следующую минуту стало ясно, огонь вели самоходные орудия. Одно или два — занимают позиции в огородах. А остальные? Судя по разрывам, в стрельбе участвуют не меньше четырех-шести орудий.

— «Феникс-один», по местам... Цель номер восемь, правее...— начал передавать телефонист. С НП командира дивизиона последовала команда «Внимание» и затем: «Феникс»... СО — сто один — двенадцать снарядов».

Огонь вели все батареи. Пять, семь, десять минут. Когда дым рассеялся, в районе ориентира 6 уже не было ни домов, ни самоходных орудий.

19 часов 30 минут. Противник предпринял последний огневой налет. Началась атака пехоты. Ее поддерживали три-четыре самоходных орудия.

На атакующих обрушились сотни снарядов. Оставив на пустыре самоходное орудие, противник отошел в исходное положение.

Долгий июльский день шел к концу, запечатленный навсегда в памяти воинов подразделений 231-го КАП. Люди взводов управлений, огневики, топографы, звукометристы, ставшие пехотинцами, самоотверженно сражались, сознавая важность поставленной перед нами задачи. Малинский рубеж приобрел оперативное значение, поскольку удержание его определяло обстановку на фланге группировки войск 5-й армии в районе Коростеня.

Наша пехота

Жара в ячейках наблюдательного пункта начала спадать. Слабели запахи, исходившие от шпал, щебенки и пыли. Под стенкой тень уже коснулась ящика от стереотрубы.

К вечеру немцы по своему обычаю прекращают атаки. Реже слышались пулеметные очереди, разрывы мин и снарядов. Хочешь не хочешь, принимай чужой режим. По крайней мере, можно сойти с места, размяться. Но не более. Оставлять ячейки запрещается.

Я осмотрел наблюдательный пункт. Необходимо продолжать оборудование: в траншее хода сообщения и в ячейках сделать ступени для стрельбы из карабинов на случай самообороны, места для сидения, подчищать стенки, устроить вешалки и т. д. Свободная смена — два телефониста, разведчик, вычислитель — не прекращает работу. В помощь им вызваны еще два человека из резерва.

Опускались сумерки. Все ярче светят ракеты. На горизонте восточнее Малина багровело зарево недалекого пожара.

Со стороны переезда подошла одна повозка, другая, затем — кухня. Под насыпью скапливались люди. Слышны выкрики, стук котелков. Пехотинцы, 1-й батальон 10-го СП.

Шум усилился. Часть пехотинцев двинулась дальше вдоль насыпи, к мостовой трубе, другая — осталась на месте возле грунта, который выносили при оборудовании НП.

Пехота, по-видимому, собиралась занимать оборону. На рубеже железнодорожной насыпи? Какова ее численность, где другие подразделения 10-го СП? Я не могу доносить старшим начальникам, не выяснив этих вопросов. Дозорные не нашли ни одного командира-пехотинца, посвященного в задачи 1-го батальона 10-го СП.

Прибыл старший лейтенант Азаренко. Ему уже известно о прибытии пехоты.

— Дождались, наконец, подкрепления, товарищ лейтенант,— помощник начальника штаба не стал слушать рапорт.— Вы за командира батареи?.. А Варавин? Да, слышал, он на ОП,— Азаренко обратился к кому-то в темноте: — Товарищ майор, мы на месте... наблюдательный пункт... проходите. Ваши знакомые... шестая батарея поддерживала ваши «обмотки» [1] под Мицком.

---

[1] Этими словами незадачливые секретчики кодировали пехоту. Снаряды они называли «огурцами», танки — «коробками» и т. п.— *Авт.*

Майор вошел в ячейку. С ним еще один пехотинец. Тесно. Разведчик освободил место у стереотрубы.

— Вот бы на час раньше,— сетовал Азаренко,— темень... как же с ориентирами?.. Придется отложить... Перед нами важный участок... расположение боевых порядков подразделений четвертого дивизиона.

На пустыре вспыхнула случайная ракета. Цветные трассы одна за другой потянулись к мостовой трубе.

— Откладывать некуда,— отвечал майор,— до рассвета должны занять оборону.

Старший лейтенант Азаренко старался с помощью схемы ориентиров и карты, которую подсвечивал пехотинец, объяснить положение сторон перед насыпью. Из реплик, которыми обменивались командиры, выяснилось, что майор — командир 10-го СП. Прибыл только один батальон. Остальные еще в пути. 1-й батальон сменит 11-ю батарею.

— Вот позиции одиннадцатой батареи,— продолжал Азаренко, когда в свете ракет на мгновение обрисовался берег озера. Ракета погасла, и Азаренко обратился к раскрытой карте.— Мы находимся вот здесь... Идем по северной стороне насыпи к мостовой трубе, дальше, товарищ майор, места нехорошие... голый пустырь, вроде выгон для скота. Ни деревьев, ни заборов, ни домов, как на строевом плацу.— Старший лейтенант начал излагать общую обстановку, события вчерашнего, позавчерашнего дня, охарактеризовал силы противника.

— В обороне артполк один?..— удивился майор, когда узнал о вылазке автоматчиков.— Откуда вам известна нумерация немецких частей? Сколько людей на переднем крае?.. Ширина участка обороны? — Майор сказал, что части 45-й СД, из укрепрайона Емильчино спешно перебрасываемые в район Малина, растянулись на полсотни километров. Вслед за 10-м СП шел 61-й СП. Он подойдет не раньше второй половины завтрашнего дня. Из артиллерийских частей дивизии прибыли только два дивизиона. Выдвижение пехоты на позиции начнется после полуночи. Возможно, даже завтра.— Товарищ старший лейтенант, спасибо за встречу. Положение в общих чертах ясно. Где найти командира второго дивизиона? — майор собрался уходить.

— Нам по пути,— старший лейтенант Азаренко пригласил майора отдохнуть в ячейке разведчиков,— я задержусь минут на пять, переговорю с лейтенантом.— И принялся проверять документацию, потом порядок на НП.— Товарищ лейтенант, работы по оборудованию, устройству, маскировке приказано закончить к двум ноль... а вы? Присесть не-

где... не годится. Ячейка стреляющего делается в первую очередь. Откуда шум, ваши люди?

Нет, по-видимому, опять подошла пехота.

— Товарищ лейтенант, что это? В районе НП не допускаются никакие сборища. Сейчас же удалить!

Караульные отправили одну группу. Другая задержалась недалеко от хода сообщения.

Старший лейтенант Азаренко объяснил командиру 10-го СП расположение наблюдательных пунктов. Оба направились к выходу.

После полуночи стрельба на пустыре, в центре участка, затихла. Реже взлетали ракеты. Наступило ночное затишье. Время отдыха.

Наблюдательный пункт командира батареи мало пригоден для этой цели. Ход сообщения — протяженность около 20 метров — изломан зигзагом, узок. Ячейки не имеют достаточно длины и ширины. Тем не менее — ночь есть ночь.

Спать одновременно всем на НП не принято. Разведчик-наблюдатель, телефонист — остаются на своих постах. И у стреляющего дела: нужно проверить охрану, подвести итог дня, учесть замечания. Сколько израсходовано снарядов, сколько осталось в наличии? Запросить ПНП о положении на переднем крае. Какие работы продолжать и какие перенести на утро?

Я доложил командиру дивизиона обстановку в секторе батареи. Прибыла пехота.

— Знаю, с утра наступает. Задачу на поддержку пехоты получите позже. ПНП снимите сейчас же.

Наступаем? В 10-м СП всего один батальон. Успеет ли пехота выйти к рассвету в исходное положение? Может быть, подошли другие части 45-й СД? Задавать вопросы старшему в артиллерии не принято. Сам он, если сочтет необходимым, скажет.

Телефонист связался с лейтенантом Смольковым и передал приказание сниматься. Сообщить новость на «Феникс-1»? Нет, до утра не стоит.

Люди из отдыхающей смены принесли несколько охапок пахучей полыни. Начали стелить постель. Да, замечания, сделанные старшим лейтенантом Азаренко, справедливы. Боковой отсек в ячейке стреляющего следовало удлинить, полку расширить.

Под насыпью снова выкрики. Что там случилось? Явился дозорный.

— Товарищ лейтенант, пехота не слушается... прет напрямик через рельсы с телегой.

Дозорные несли охрану и присматривали за поддержанием воинского порядка в районе НП. На участке до мостовой трубы командир дивизиона установил два прохода. Дозорным известно, как обращаться с лицами, которые не выполняют команд?

— Так точно, товарищ лейтенант, разрешите стрелять?

Действовать в рамках обязанностей, как сказано в уставе.

Полынь разостлана, готова постель. Я лег. Ноги уперлись в одну стенку, голова в другую. Тянет снизу дневной вонью, но запах поля, свежих трав сильней.

Прибыл лейтенант Смольков с персоналом ПНП.

В вышине розовеет небо. Наступил рассвет. Меня звал разведчик-наблюдатель.

— Товарищ лейтенант, сюда идет генерал, уже недалеко.

Лица высшего командного состава редко посещают боевые порядки артиллерийских подразделений на переднем крае. По отношению ко всем средним и старшим командирам генерал являлся старшим, его полагалось встречать и сопровождать.

Со стороны железнодорожного переезда приближалась группа командиров. Генерал выделялся лампасами и малиновым цветом петлиц на воротнике. В числе других лиц я узнал майора Соловьева, капитана Значенко, командира 10-го СП.

В присутствии своих непосредственных начальников командир батареи не подавал команд, предписанных уставом для встречи старших, и ограничивался представлением. Я встретил генерала перед входом в траншею, назвал свою должность, звание, фамилию.

— Товарищ майор, у вас это третья батарея? — спросил генерал.

— Нет, шестая,— ответил майор Соловьев.

— Как, я считал...— удивился генерал.

— Извините, вы посетили наблюдательные пункты двух батарей. По счету это третья, а в полку она имеет номер шесть...

— А... вы об этом,— генерал двинулся по ходу сообщения в ячейку стреляющего,— вот и докончим разговор... здесь лучше, есть место присесть.

Личный состав НП, включая и тех, кто обслуживал приборы, был удален в укрытие. Это противоречит правилам, но иначе всех пришедших разместить негде.

Генерал довольно долго рассматривал в бинокль местность. Стояла тишина, не раздался ни один выстрел.

— Кажется, я вижу окопы артиллеристов... а ваши подразделения где, товарищ майор? — спросил генерал.

Командир 10-го СП начал ориентировать старшего начальника. Майор Соловьев предложил схему ориентиров. Пехотинцы не пользовались схемой и, кажется, плохо понимали один другого. Наконец, подразделения 10-го СП были найдены на местности.

— Укажите рубеж атаки,— продолжал генерал. Он считает, что расстояние до огородов, где находился, как предполагалось, передний край противника, слишком велико. Немцы перестреляют пехоту прежде, чем закончится сближение. Изменить направление? Открывается фланг. На перегруппировку нет времени и она не меняла положения. Местность на всем участке равнинная, лишена укрытий. Генерал некоторое время вглядывался в свою карту, снова поднес к глазам бинокль.

— Начальник артиллерии дивизии, какие привлекаются средства к артиллерийскому обеспечению наступления?

Исполнявший обязанности начальника артиллерии 45-й СД капитан ответил, что из артиллерийских частей дивизии прибыли только два дивизиона, плюс три — 231-го КАП. Итого, в распоряжении начальника артиллерии пять дивизионов. Четыре он намерен включить в дивизионную артиллерийскую группу, один использовать для непосредственного сопровождения 1-го батальона, придав побатарейно каждой роте.

— Что скажете вы, командир двести тридцать первого артиллерийского полка? Сколько у вас орудий?

Майор Соловьев изложил организацию, вооружение, численность личного состава полка, обеспечение боеприпасами, боевые порядки, задачу.

— Возможности вашего полка по поддержке?

— На участке наступления, в секторе ориентир три... ориентир шесть, мои батареи могут подавить до трех четвертей обнаруженных огневых средств пехоты на переднем крае, треть ее минометов, приблизительно столько же артиллерийских позиций в глубине боевых порядков противника.

— На участке наступления,— повторил генерал,— а на смежных участках?

— Этот вопрос не рассматривался.

— Почему?

— Полк сосредоточил все усилия на удержании насыпи, чтобы обеспечить контроль барановского перекрестка.

Майор Соловьев, по просьбе генерала, охарактеризовал группировку частей противника, их тактику.

Стали излагать свои соображения по организации наступления старшие командиры-пехотинцы. Генерал и все, кто участвовал в обсуждении вопроса, пришли к выводу: численность артиллерийской группировки, учитывая соотношение сил и характер местности, недостаточна.

— Главная задача артиллерии... подавить огневые точки противника на фронте от барановской дороги до озера. Как артиллеристы собираются ее выполнятъ? — спросил генерал.

Начальник артиллерии сообщил, что подготовка батарей дивизионной артиллерии закончится не ранее 6.30.

— Прежде, чем начать пристрелку, нужно провести разведку целей. Когда? До начала наступления остается менее двух часов, а работы...

— Что вы предлагаете? — прервал генерал.

— Предлагаю рассматривать положение реально... Обоим моим дивизионам необходимо от шести до восьми часов, как минимум.

— Корпусной артполк тут воевал, знает расположение пулеметов, других огневых точек... поможет в таком деле.

— Товарищ генерал, от корпусного артиллерийского полка польза невелика... стреляющий должен собственными глазами видеть цель.

— Мы должны перейти в наступление. Командующий пятой армией приказал выбить противника из Малина... Я надеюсь на вас, артиллеристы...— генерал отодвинул карту.— Как, Соловьев, пушкари не подкачают?

— Товарищ генерал, мои командиры батарей не жалели сил и снарядов для поддержки вашей храброй пехоты. Двести тридцать первый корпусной артиллерийский полк честно выполнял свои обязанности перед сорок пятой стрелковой дивизией.

— Да... с первых часов вместе... благодарю вас, мои командиры не жаловались,— согласился генерал,— дело трудное тут... постарайтесь, Соловьев. Как у вас со снарядами?

— Два с половиной БК на орудие.

— Артиллеристы, договаривайтесь между собой. Капитан, поторопите штаб с планированием, увяжите все вопросы в срок,— генерал повернулся,— как там наши батальоны, я хочу встретиться с командирами...

На востоке, куда тянулись покрытые ржавчиной рельсы, розовел горизонт. В безмолвии стояли недалекие дома се-

верной окраины Малина. Над пустырем поднималась легкая предутренняя дымка.

— Товарищ генерал,— нарушил общее молчание командир 10-го СП,— местность не оборудована, время дневное... опасно.

— Вы правы,— невесело отвечал генерал,— но ничего не попишешь. Им наступать днем,— жестом указал он в сторону пустыря,— вернее, вам, мне, всем нам вместе,— и шагнул к выходу.

Словно по команде вскочили храпевшие в ячейке телефонистов адъютанты с автоматами. Вслед за генералом прошли подполковник-пехотинец — начальник штаба дивизии, капитан, выполнявший обязанности начальника артиллерии, майор Соловьев, командир 253-го СП полковник Васильков, командир 61-го СП подполковник Антонов, майор — командир 10-го СП. Более десяти человек.

Группа направилась в долину к мостовой трубе, вышла на южную сторону насыпи. Взвыли мины.

Противник начал огневой налет. Спустя три-четыре минуты обстрел закончился. Генерал и сопровождавшие его командиры продолжали путь.

Минометчики возобновили обстрел. Со стороны огородов доносились приглушенные удары, будто свертком газет в стенку. Звуки, которыми сопровождался выстрел миномета. Осталось только слушать. У нас не существовало никаких способов воздействия на минометы, исключая стрельбу по району вероятного расположения их позиций.

Минометчики вешали на траектории по целой дюжине мин. Отчетливо слышен ноющий разноголосый вой. Мины вылетают из трубы с интервалом в пять, семь секунд и ложатся кучно, одна возле другой, с малым рассеиванием. Метеорологические условия не влияют на их полет.

Сегодня минометы стрельбу начали раньше, чем обычно. Немцы, по-видимому, заметили пехоту, бродит группами и в одиночку в расположении 4-го дивизиона.

Прошел час или около. Разведчик обнаружил людей. Двигались по-пластунски в направлении мостовой трубы. Я стал наблюдать. Группа генерала. Кажется, попала в поле зрения и немецких наблюдателей. Послышались минометные выстрелы. Строчил пулемет.

До насыпи три сотни шагов. Разрывы мин заставили группу остановиться. Нет, два-три человека продолжали двигаться.

— Ориентир шесть... вправо двадцать... пулемет,— выкрикнул разведчик-наблюдатель.

В линзах моей стереотрубы появилась кирпичная стена, наполовину разрушенная вчера прямым попаданием снаряда. Вправо двадцать, левый угол дощатого забора. Сектор 6-й батареи.

— «Феникс-один», внимание, по местам... по пулемету... цель номер восемь, левее ноль десять, батареей один снаряд... огонь!

Телефонист принял с ОП: «Выстрел». Снаряды 6-й батареи еще были на траектории, когда крыша медленно приподнялась над стеной и тут же исчезла в дыму. Звуки четырех выстрелов и разрывов одновременно достигли моей ячейки. Дым заволок здание, огород. Кто же опередил 6-ю батарею, 4-я или 5-я?

— «Феникс-один», стой!

Звенит рельс, уцелевший после вчерашнего обстрела самоходных орудий. Немецкие минометы перешли на беглую стрельбу. Воют снаряды. Открыли огонь 105-мм батареи, одна, другая.

Долина в своем начале, на подступах к мостовой трубе, скрылась в дыму разрывов. Свистят осколки, разорвалась очередь бризантных снарядов.

— Товарищ лейтенант, с КП командира дивизиона передают,— торопливо выкрикивал телефонист из ячейки рядом,— «Феникс», НЗО «Буйвол», восемь снарядов... беглый огонь!

Расстояние, отделяющее НП 6-й батареи от первого рубежа НЗО «Буйвол» — 7 километров. Что там произошло?

10 минут спустя грохот орудийных выстрелов в тылу затих. Под насыпью кричал раненый.

Дозор доложил о появлении старших начальников. НП 6-й батареи готов был к встрече, но генерал, не останавливаясь, прошел мимо. Среди сопровождавших находились новые лица — артиллеристы — подполковник и капитан.

Майор Соловьев зашел на НП. Его интересовало положение на рубеже НЗО «Буйвол». Есть изменения в секторе 6-й батареи? Загнутый рельс убрать при первой возможности, если еще не поздно и противник не использовал его для пристрелки мостовой трубы, а, возможно, для стрельбы по целям, скрытым за насыпью.

В юго-восточных секторах завязался бой. Батареи 2-го дивизиона произвели три стрельбы по исходному рубежу НЗО «Буйвол». С НП командира дивизиона поступило сообщение о том, что противник внезапно вышел на участке восточнее озера на железнодорожную насыпь.

Спустя немного времени лейтенант Смольков принял еще одно неприятное сообщение: два отдельных дома, которые удерживала 12-я батарея, захвачены противником. Вернуть потерю усилиями пехоты и 12-й батареи после интенсивного двадцатиминутного огневого налета, произведенного 2-м дивизионом, не удалось.

Солнце поднималось все выше. Боковая стенка нагрелась, слышен затхлый дух шпал и щебеночной пыли. Артиллерия противника не прекращает обстрел района мостовой трубы.

В 7.30 лейтенант Смольков принял по телефону график ведения огня в ходе артиллерийской подготовки. Назначенная атака пехоты перенесена на 9.30.

6-я батарея ведет огонь почти непрерывно в составе дивизиона и полка. Немало целей, обнаруженных в обоих секторах, остались не подавленными. Во время массированного огня командир батареи не имеет права решать частные задачи.

На участке от барановской дороги до озера противник больше не проявляет активности. Редко раздаются пулеметные очереди, прекратила огонь артиллерия.

В 8 часов 50 минут с КП поступила телефонограмма: в юго-восточном секторе наша пехота вернула дома, потерянные прежде.

Хозяйственное отделение доставило пищу — суп, мясо. Первый раз за время моего нахождения на НП. После завтрака лейтенант Смольков организовал мойку посуды. Перед тем котелки, ложки тщательно протираются свежесорванной травой.

За домами восточной окраины Малина взвилась серия цветных ракет. Прошло несколько минут. Я уже забыл о ракетах, как вдруг загрохотали орудийные выстрелы. На железнодорожное полотно посыпались снаряды. Пустырь исчез в дыму разрывов. Беглая непрерывная стрельба. Дрожит, колеблется насыпь, звенит рельс. Видимость уменьшилась до нескольких шагов. Ячейку заполнила пыль.

Сколько противник сосредоточил минометов в двух батальонах 268-го ПП? Два, три, пять десятков? Где их позиции — в огородах, среди домов?

* * *

Немцы увлекались минометами еще со времен первой мировой войны. Идея заманчивая: избавить пехоту от зависимости со стороны артиллерии и танков непосредствен-

ной поддержки. В арсенале вермахта миномет рассматривался как надежное оружие, предназначенное для подавления живой силы и огневых средств противника на линии непосредственного соприкосновения сторон и в ближайшей глубине.

В отличие от артиллерийского орудия миномет не имел лафета. Он легок, компактен, прост по устройству, быстро приводится в боевое положение. Миномет ведет огонь из придорожной канавы, будучи спрятанным за стеной дома, сквозь оконный проем, как говорится, из-за угла. Во всяком месте, где условия позволяют установить опорную плиту, а если таковой нет — просто с грунта.

Подготовка обслуживающего персонала начинается знакомством с механизмом наводки и с трубой, которая служит стволом и составляет едва ли не всю материальную часть миномета. На этом она и заканчивается.

Правила стрельбы миномета мало отличаются от стрелкового оружия. Обязанности стреляющего, к примеру, способен выполнять наводчик, командир, и всякий другой номер минометной прислуги. Насколько разрыв отклоняется от цели, настолько необходимо вводить поправку. Без всякой интерполяции и перерасчетов.

Миномет не имеет признаков, демаскирующих артиллерийское орудие. Давление пороховых газов в трубе невелико, поэтому высота траектории изменяется медленно, мина падает под углом, близким к прямому. Дальность стрельбы минометов невелика, ротного и батальонного калибра не более километра, полкового — от полутора до двух.

Выстрел миномета создавал звуковые колебания, не исключается возможность засечь вспышку в момент выстрела, если он в поле зрения. Минометные подразделения 268-го ПП укрыты среди домов, а также у озера и в окопах, хорошо замаскированных на пустыре.

У немцев минометные секции входили организационно в штаты подразделений пехоты. Применялись они во всех видах боя для подавления живой силы, боевых средств и разрушения оборонительных сооружений.

Существенную часть в комплекте минометов всех калибров составляют мины. Заряд не следует принимать в расчет ввиду небольшого размера, если сопоставить его с унитарной гильзой.

Укупорка мин металлическая, кассетного типа, плоская, с удобными ручками, герметизированная, надежно предохраняла мины от повреждений и воздействия влаги. Кассеты бросают с высоты борта автомобиля и обратно, перевозят на

любой скорости. Немцы расходуют мины без всякого ограничения, как будто они производятся в полковом или батальонном тылу.

* * *

Минометы ведут стрельбу по всякому поводу. Если же в поле зрения появлялась пехота, не укрытая, как например группа командира 45-й СД, начиналась форменная кононада.

Подошло время начала артподготовки. Но команд нет. Стрелки часов перемещались дальше — пять минут, еще пять. Грохот немецких разрывов не затихал. Дым ползет волнами, перекатывается через насыпь.

Рядом в ячейке не умолкал зуммер. «Феникс-один», «Феникс-один»,— повторял телефонист. По-видимому, обрыв линии. «Феникс» не отвечал. А если поступит сигнал «Ветер»?

Я заглянул в ячейку. Лейтенант Смольков спал, сидя в углу. Телефонист под стенкой не переставал нажимать кнопку вызова, ощупывал клеммы. Другой телефонист, спавший на полу, поднялся. Лицо измято, он укоризненно глядит на дежурного, как будто тот виноват и в обрыве линии. Отдыхающая смена должна отправляться на линию. Телефонист одел каску.

— Товарищ лейтенант, связи нет,— обратился он к лейтенанту Смолькову и умолк.

Командир взвода управления поднял голову.

— На линию,— и снова закрыл глаза.

Телефонист ответил: «Есть!» и направился вниз по ходу сообщения, в одной руке аппарат — болтается заземление, в другой — карабин.

Артиллерия противника усиливала огонь. Не переставая, стреляли минометы. Творилось что-то необычное.

Лейтенант Смольков занял место у стереотрубы. Оптика бесполезна, видимость не более двухсот шагов. Сигнала на открытие огня нет и нет. Необходимо привести «Феникс-1» в готовность, но связи нет.

База — расстояние, отделяющее НП от огневых позиций,— девять тысяч метров. Чтобы избежать последствий, вызванных появлением автоматчиков, и повысить надежность связи, по приказанию командира полка на всех телефонных линиях созданы промежуточные узлы связи. Лица, которые их обслуживали, одновременно несли охрану подступов к НП с тыла. Время рассчитано. Путь до промежуточного узла 6-й батареи занимал пять-шесть минут.

— «Феникс»? В чем дело? — спрашивал Смольков.

Молчание. На НП осталось только два телефониста. Резерв обслуживал промежуточный узел. Лейтенант Смольков намерен сам идти вслед за телефонистом. Но место командира взвода управления на НП. Уходить я не вижу причин. На линию отправлен еще один телефонист.

«Феникс-1», наконец, ответил. Прошло пять минут, еще пять.

— «Ветер»!

На восемнадцатой минуте артиллерийской подготовки в районе ориентира 8 послышался треск автоматных очередей. Я не мог разглядеть того, что делалось на расстоянии полкилометра, но стреляющий обязан открывать огонь в пределах досягаемости своих орудий на случай наступления противника, не ожидая указания старших начальников. Телефонист готов был передать «огонь».

— «Феникс», стой,— поступила команда.

Стрельба прекратилась. Лейтенант Смольков начал расследование. Почему промежуточный узел не отвечал в течение 9 минут?

— После первого обрыва случился второй, третий,— телефонист с промежуточного узла передавал объяснения командира отделения связи.

Я заглянул в ячейку телефонистов. Трубка уже в руках у Смолькова.

— Вы вдвоем работали на линии, навстречу друг другу... такие-сякие,— возмущался Смольков,— сколько положено времени? А вы? Ворочаетесь по-тюленьи... где телефонист с НП? Передайте ему трубку...

Притих лейтенант Смольков. Того, кого он звал, уже нет в живых. Его настиг недалеко от насыпи осколок мины. Уже раненный, телефонист продолжал ползти по линии. Новая мина оборвала его жизнь.

Телефонисты взводов управления наших батарей, наши верные товарищи! Лица, не знающие воинской службы, ставят вас в один ряд с телефонистами рот и батальонов связи пехоты. Это несправедливо. Мы, артиллеристы, протестуем. Никто не смеет умалять ваши заслуги. Обязанность телефониста взвода управления требовала высочайшей самоотверженности и дисциплины. Пехотинца в цепи поддерживает чувство локтя, орудийный номер связан с расчетом узами коллективизма. Телефонист действовал в одиночку. За бруствером бушуют разрывы, свистят пули, он должен бежать. И никого нет рядом, чтобы разделить страх. Настиг осколок — мало надежды на помощь. Но вас не пугали ни смерть, ни раны. Найти конец оборванного кабеля, соеди-

нить стреляющего и умолкнувшие орудия — вот цель, для которой вы, телефонисты, жертвовали жизнью. Вы верили тому, кто управляет огнем.

— «Феникс», НЗО «Буйвол», двенадцать снарядов, огонь!

Грохот усиливался. В стрельбу включились все 9 батарей, частота выстрелов возрастала с каждой минутой. Началась та стадия, которая во фронтовой терминологии последующих лет называлась артиллерийской контрподготовкой. Какое количество батарей вело огонь по НЗО «Буйвол» и какое — по другим целям? Трудно определить. Но мне казалось, в интенсивности огня наши батареи превосходили немецкие.

Видимость в основном секторе 6-й батареи на какое-то время улучшилась. Дым, поднятый разрывами своих снарядов, уходил к озеру. Район ориентира 7, где, как было очевидно, началась немецкая атака, не наблюдаем.

Наступление не получилось. Подразделения 1-го батальона 10-го СП отстреливались. И весьма энергично. Но в автоматическом оружии — этого нельзя не заметить — они уступали противнику. Спутать стрельбу нашей пехоты и немецкой нельзя даже в грохоте, который стоял на пустыре. В 10-м СП всего лишь несколько автоматов ППД. Зато в пулеметах он не уступал 268-му немецкому пехотному полку, хотя личного состава в 10-м СП насчитывалось меньше в два-три раза. Роты 2-го батальона 268-го ПП, как показал пленный ефрейтор, имели по 110—120, в 1-м батальоне 10-го СП — всего 70 человек.

Немецкий пулемет МГ сочетал качества ручного и станкового. Такого оружия наша пехота не имела. «Максим» тяжел и малопригоден в условиях маневренной войны. Два отдельных вида оружия — ручной пулемет и станковый — создавали ненужные трудности в их содержании и боевом применении.

Пулемет — оружие ближнего боя. Основная тяжесть в отражении немецких атак ложилась на дивизионную артиллерию и части усиления. Огнем с закрытых позиций наша артиллерия подавляла огневые средства на всю глубину боевых построений противника, ставила на путях его продвижения заградительные огни, вела контрбатарейную борьбу и борьбу с танками.

6-я батарея израсходовала по НЗО «Буйвол» 48 снарядов, затем 24 и еще столько же.

— «Феникс», стой! — распорядился командир дивизиона.— Приступить к подавлению целей в своих секторах.—

Командир дивизиона сверил время: десять часов сорок две минуты.

В «своих секторах» стоял дым. Видимость не превышала пятисот метров. Лейтенант Смольков предлагал произвести огневой налет по району ориентира 6. На приусадебных участках, утверждал он, занимала позиции большая группа минометов.

Не исключено, вполне вероятно.

— «Феникс-один», внимание. Цель номер семь, правее ноль пятьдесят, прицел двести сорок, шкалою два, вперед два... назад два... четыре снаряда... беглый огонь.

В течение 12 минут 6-я батарея обстреляла площадь приблизительно 4000 квадратных метров. Расход — 96 осколочно-фугасных гранат.

Я не мог различить своих разрывов и вводить корректуры. В этом и необходимости особой не было.

Грохот мин на пустыре несколько затих. Так считал и лейтенант Смольков. Дым стал рассеиваться. 6-я батарея подавила еще две цели. Управление снова централизовано.

— «Феникс», стой!

Все батареи переносили огонь в секторы 3-го дивизиона.

Затих грохот разрывов. Не стало слышно пулеметных очередей. Наступила пауза. Младший лейтенант Безуглый просил четверть часа, чтобы восстановить на ОП порядок, произвести осмотр орудий, убрать гильзы, укупорки и т. п. Наблюдательный пункт в этом нуждается ничуть не меньше. Стенка ячейки со стороны загнутого рельса обвалилась. Убрать грунт? Ячейка потеряет защитные свойства, превратится в яму. Восстановить стенку? Где взять крепежный материал? Так или иначе приборы необходимо переставить и заново отгоризонтировать.

Решено восстанавливать ячейки. Лейтенант Смольков ушел за шпалами к штабелю, на который я наткнулся по пути на НП с пленным.

— «Феникс», атака отражена. Объявить личному составу,— передал телефонист приказание командира дивизиона.

«Феникс-1» сообщил, что артснабженцы подвезли снаряды. Работы младшему лейтенанту Безуглому прибавилось, по меньшей мере, еще на 20 минут.

В 11 часов 40 минут немцы предприняли очередную попытку продвинуться со стороны юго-восточной окраины Малина. Это за пределами видимости НП 6-й батареи. Слышен треск очередей. Стреляла пехота и, кажется, полковая трехорудийная батарея. Ее шрапнели, очередь за очередью,

рвались над крышами домов, значительно выше пристрелочной высоты. Такие разрывы называются журавлями.

— Ориентир четыре... пехота! — крикнул разведчик.

Объективы моей стереотрубы смотрели в сторону озера. Оказывается, наступление противника перекинулось и на сектор 6-й батареи. Немецкие пехотинцы перебежками приближались к траншеям, которые 12-я батарея начала оборудовать еще до смены. Как удалось им преодолеть на глазах наблюдателей около полукилометра?

— «Феникс», стой! НЗО «Буйвол», правее один ноль, прицел меньше двенадцати,— принимал телефонист команду старшего начальника.

На направлении «Буйвол» 6-я батарея имела по меньшей мере три пристрелянные цели и без поправок накроет пехоту. Стреляющему не запрещается размышлять, но действовать он обязан неукоснительно, как требовала команда «Буйвол».

— Огонь!

На пустыре опять пламя и дым надвигается, ползет к домам. Усиливался перестук пулеметов. На минуту я увидел атакующих. Легла новая очередь разрывов.

С полудня силы нашей пехоты увеличились. На поле боя выдвинулся еще один — 2-й батальон 10-го СП. Он занимает отдельные участки траншей, частично оборудованных подразделениями 4-го дивизиона. На этом и базировалась вся оборона. Основная масса пехотинцев рассеялась во все стороны и укрывалась в воронках.

Огонь минометов сосредоточен на пустыре. От северного переезда до озера стелется жидкий дым. В подразделениях 10-го СП, насколько я мог судить, закончилась перегруппировка, вызванная прибытием 2-го батальона.

В траншее хода сообщения появился дозорный, привел пехотинца. Следом еще один.

— Товарищ лейтенант, вы из артполка? Немцы наступают... Послал командир батальона... просит открыть огонь.

— Какой батальон? — спросил лейтенант Смольков.

— Второй, командир батальона просил срочно...

— В каком направлении наступают немцы? Откуда?

Пехотинец не знал. Не могли ответить на этот вопрос ни лейтенант Смольков, ни разведчик-наблюдатель. Стена дыма на пустыре непроницаема.

Нужно помочь пехоте. 6-я батарея открыла огонь в своем секторе по пристрелянным целям непосредственно за чертой переднего края.

— «Феникс», стой!— команда с НП командира дивизиона. «Феникс» привлекается к ведению массированного огня:

— НЗО «Бизон», огонь!

Разрывы немецких снарядов и мин учащались. Слышится треск очередей.

— Направление атаки... на мостовую трубу,— пришел к выводу Смольков.— Глядите, что в долине делается...

— Ориентир три... пехота,— из своей ячейки доложил разведчик-наблюдатель.

Дым на короткое время рассеялся. Я увидел снова немецких пехотинцев — три, пять. Огород остался позади. Они бежали к траншее, там, кажется, пулемет. Участок 4-й роты. Пулемет не стрелял.

В бинокле знакомая деталь: две воронки перед изгородью, пристрелянная цель № 4.

— «Феникс-один», внимание... цель номер четыре, прицел меньше восемь, батареей четыре снаряда... беглый... огонь!

Ложатся на недолетах осколочно-фугасные гранаты. Три, пять, восемь. Дым расползся, скрыл немецких пехотинцев.

— Товарищ лейтенант,— сообщил разведчик,— наша пехота отходит... ориентир три, вправо десять...

За левой границей сектора 6-й батареи виднелись песчаные пятна. Позиции боевого охранения. Их занимал взвод от 1-го батальона. Похоже, пехотинцы собирались оставить свои окопы. Что ждет их после этого? До ближайшего укрытия не менее 300 шагов.

На схеме целей песчаные пятна — рубеж неподвижного заградительного огня «Вепрь». Данные — я помню — записаны на ОП. Пристрелка не проводилась. Почему? Некогда ломать голову. Что же, подать команду «Вепрь»? Опасно. Перенести огонь от пристрелянной цели, но какой?

Отходивших преследовали разрывы мин.

— «Феникс-один», цель номер пять, батареей один снаряд, огонь!

— Очередь! — передал с ОП телефонист.

Я не различал разрывы своих снарядов. Дым, пыль. Поднимаются ракеты.

— Стой!

Я выведу разрывы на открытый участок, попытаюсь перенести огонь.

— «Феникс», стой! НЗО «Буйвол», десять снарядов, огонь!

Команда командира дивизиона вывела меня из затрудне-

ния. «Буйвол» — сектор озера. В течение последующих минут выяснилось: немцы сосредоточили основные усилия вдоль железнодорожной насыпи. Цель очевидна — оттеснить оба батальона 10-го СП на пустырь, где непрерывно рвались снаряды и мины.

— Ну, это им не удастся,— заявил лейтенант Смольков,— пехота имеет опыт... и не захочет оставить окопы... Вы видели, что осталось от боевого охранения?

Да... участь его должна предостеречь. Пехота едва ли решится отходить. Тем более, что отходить некуда.

Разрывы снарядов поднимали на поверхности озера белые султаны воды. Единственный участок, который я видел. Немцы продолжали в ряде мест продвижение.

«Феникс» израсходовал по НЗО «Буйвол» указанное количество снарядов. 6-я батарея вела огонь по цели № 8. Разрывы... да, скорее всего это 107-мм калибр — мои. Следующая очередь дала наблюдение по дальности. Теперь легко перенести огонь в район цели № 5. Можно ожидать, снаряды лягут там, где рассчитал стреляющий.

Число наших батарей примерно с 11 часов увеличилось. Лейтенант Смольков насчитал 19. По-видимому, подошли артиллерийские полки 45-й СД.

В течение семи минут 6-я батарея вела огонь с закрытыми глазами. Видимости никакой. Затем участвовала дважды в огневых налетах в составе дивизиона и полка.

Общими усилиями двух батальонов 10-го СП и артиллерии удалось отразить три атаки: в направлении железнодорожного переезда, на барановскую дорогу, в секторе озера частично и в центре, на пустыре. Немцы заняли позиции боевого охранения. Незначительная уступка, по-видимому, объяснялась внезапностью атаки и неудовлетворительной видимостью на участке НЗО «Вепрь».

Немцы продвинулись, начали минометный обстрел пространства за железнодорожной насыпью. Мины стали рваться в 800 шагах в тылу НП, куда прежде не залетали.

К 13 часам противник приостановил атаки. Треск очередей затих. Реже рвались снаряды и мины. За насыпью слышатся крики раненых.

Персонал НП приступил к восстановлению порядка в ячейках. Лейтенант Смольков принял две телефонограммы — одну с КП полка, другую — от командира дивизиона. Первая предупреждала, что снаряды необходимо расходовать экономно. Во второй — командир дивизиона отмечал случаи недостаточного массирования огня прежде всего на

участках НЗО по причине того, что командиры стреляющих подразделений самовольно увеличивали прицел из опасения поразить свою пехоту.

Автоматчики обращены в бегство

В средних числах июля 1-я танковая группа и 6-я армия — основные силы группы армий «Юг» — вышли к Днепру в среднем течении.

Между тем районы на север от шоссейной дороги Новоград-Волынский — Житомир — Киев продолжали удерживать войска 5-й армии. Есть ли смысл отводить их на несколько сот километров, если учесть их низкую подвижность, неподготовленную дорожную сеть и тот факт, что господство в воздухе принадлежит авиации противника?

Эти и другие соображения побудили командующего войсками Юго-Западного фронта сосредоточить значительную группировку войск 5-армии в Коростенском укрепленном районе. Состояние этих войск было далеко неблестящим, но они вполне сохранили боеспособность. Удержание района Коростеня отсрочило на месяц, а, возможно, и больше, развитие тех неблагоприятных событий, которые во второй половине сентября 1941 г. привели к окружению войск Юго-Западного фронта в районах восточнее Киева.

Ближайшая задача 113-й и 262-й ПД заключалась в том, чтобы выйти к Припяти и блокировать пути подвоза Коростенской группировки 5-й армии, только при этом условии 6-я армия могла атаковать позиции 37-й и 38-й армий, которые сражались на подступах к Киеву. Удастся ли предотвратить продвижение противника на Барановку и дальше на Базар, Чернобыль? Оборона малинского рубежа, задача тактического масштаба, приобрела оперативное значение.

Любопытно было бы заглянуть в оперативные сводки штабов периода боев за Малин. Как расценивали обстановку их непосредственные участники? В архивах нет об этом сведений. Отсутствуют боевые донесения командиров подразделений, на основании которых штабы составляли ежедневные оперативные сводки. Сожжены, уничтожены в киевском окружении.

Вслед за 45-й СД на малинский рубеж начали подходить другие соединения 15-го СК — 87-я, 62-я СД, соединения 9-го МК. Но от многих остались только номера. На малин-

ском рубеже была сосредоточена большая часть артиллерии 5-й армии и многие части артиллерии РГК.

Все эти меры осуществлялись с опозданием и не вызвали положительных изменений в обстановке. Чаша весов непрерывно колебалась то в одну сторону, то в другую. Положение в районе Малина внушало командующему войсками Юго-Западного фронта серьезное беспокойство. Была поставлена задача занять Малин.

Имелись ли для этого предпосылки? Наша пехота едва не опоздала. Части 45-й СД вводились в бой с ходу, без должной подготовки. Еще хуже было то, что они вводились, не ожидая сосредоточения своих сил и средств, по частям. Нередко командиры-пехотинцы не имели сведений ни о противнике, ни о местности, где действовали их подразделения.

Приказы и приказания той поры пестрели выражениями: «срочно», «в первую очередь», «немедленно», «вне всякой очереди», и опять еще более срочно и незамедлительно двигаться туда-то, наступать или обороняться там-то и т. д. Но войска не могли сделать того, что было выше их сил, и делали только то, что возможно, и отнюдь не по вине войсковых командиров. На поле боя обстоятельства диктуют свои законы. Части 45-й СД перебрасывались на малинский рубеж из районов, удаленных на сотню километров. Совершить марш такой протяженности в компактной колонне под бомбардировками и обстрелами с воздуха — трудная задача.

Численный перевес противника не позволил 10-му СП, как и другим частям 45-й СД, в последующие дни успешно завершить атаки. Пехота была остановлена на пустыре — плоской, выжженной солнцем равнине, уже лишенной всякой растительности. Помимо неглубоких ячеек, отрытых батареями 4-го дивизиона, ничего похожего на укрытия. Глазу задержаться негде. Пехота искала спасения в воронках, благо грунт там песчаный. Снаряд, даже с установкой взрывателя на осколочное действие, оставлял заметное углубление. Воронок уйма, достаточно выбросить десяток лопат песка, и стрелковая ячейка готова.

Жаловаться на недостаток артиллерийской поддержки у пехоты не было оснований. Вторую и последующие атаки 10-й СП сопровождали огнем пять дивизионов. На каждую роту — дивизион.

Всякая цель, обнаруженная на линии соприкосновения сторон и в ближайшей глубине боевых порядков противника, подавлялась немедленно. Единственное, что оставалось вне досягаемости наших батарей — это минометы. Заставить их молчать трудно, если в распоряжении стреляющего нет

средств для определения координат огневых позиций. Стрельба по площади требовала большого расхода снарядов и не приносила ощутимых результатов, потому что цель укрыта, как правило, в окопе. Как только прекращался огневой налет, минометчики возобновляли стрельбу.

Справедливости ради нужно отметить, что и немецкая пехота находилась не в лучших условиях. Части 113-й и 262-й ПД, несмотря на все прочие преимущества, не продвинулись дальше северной окраины Малина, сколько ни пытались. Невдалеке от Малина, в лесу, по дороге на Радомышль, еще 10 лет назад проезжающие видели ряды крестов на кладбище немецких солдат, погибших в бесплодных атаках железнодорожного полотна. Массированный огонь наших батарей причинял немецкой пехоте большие потери.

Немецкая фронтовая пропаганда не преминула отметить этот факт. На рассвете 16 июля караул, несший охрану НП, доставил в мою ячейку пакет немецких листовок, сброшенных ночью с самолета. Множество их валялось в ходе сообщения и белыми лоскутами устилало насыпь. Листовки утверждали, что «советы» стянули под Малин всю свою артиллерию.

С прибытием 45-й СД положение существенно улучшилось. Пехота заняла значительный участок насыпи и создала сплошную оборонительную линию. Повторение того, что произошло, когда разведывательные группы проникли в тылы наших наблюдательных пунктов, исключалось.

Люди взвода управления ободрились. Исчезло на лицах выражение озабоченности и тревоги. Разведчики, телефонисты, вычислители уже позволяли себе шутки в адрес пехоты, которую вчера еще ждали с нетерпением. Впрочем, повод к этому подавали сами пехотинцы. Не желая подчиняться требованиям караульных, они переходили в ночное время насыпь напрямик. Предостерегать их было бесполезно. В ячейку, где спала смена разведчиков, свалился пехотинец с котелком горячего супа. Глубина 2 метра. Поднялась тревога. Пустячное недоразумение обрастало другими, и к пехотинцу обращались уже не иначе как «мотыль», от слова «обмотки», либо «двенадцать месяцев» — число мотков, которыми укладывались обмотки.

К 12 часам огонь с обеих сторон начал слабеть. Жарко. Солнечные лучи раскаляют стенки ячеек, приборы, рельсы, шпалы над головой. Духота, как в бане, пыль, вонь, сырость.

Прошлой ночью немецкая 155-мм батарея откуда-то издали обстреляла насыпь снарядами с установкой взрыва-

телей на фугасное действие. Воронки два метра глубиной. На дне тех, что в долине — вода. За насыпью недалеко, триста метров. Вода мутная, с каким-то неприятным привкусом. Но люди пьют непрерывно.

— Пятое ведро,— обращался лейтенант Смольков к сержанту, командиру отделения разведки,— вы который раз прикладываетесь к котелку? И пользы сколько? Четверть часа прошло и снова... Пить так много нельзя... Избыток влаги вызывает такую же жажду, как и ее нехватка.

Смольков человек бывалый. Знает жизнь в пустыне. Он кавалерист, срочную службу нес в Средней Азии, в гарнизоне, который вел борьбу с басмачами.

— Фляга на сутки... Хочешь пей, хочешь гляди,— продолжал он, когда грохот стрельбы затих,— командир эскадрона поощрял экономию и по вечерам приказывал старшине доливать тем, у кого больше во фляге... воду очень ценил.

С рассвета Смольков не сделал еще ни одного глотка. Ждет, когда отфильтруется, в противогазную маску разведчик залил воду. Жидкость по гофрированной трубе попадала в коробку и капала из входного клапана в кружку. У изобретателей противогаза эта картина, наверняка, вызвала бы столбняк.

Вычислитель принес новое ведро. Брал из другой воронки, в самом низу.

— Попробуйте, товарищ лейтенант, почти чистая,— предложил он Смолькову,— без запаха... как из родника, теплая только.

Смольков поднял ведро, пригубил.

— Нет, спасибо, подожду... наберется в кружке.

— Товарищ лейтенант, пейте... а то испарится,— вычислитель снова протянул лейтенанту котелок.

— Спасибо, возвращайтесь к планшету,— губы лейтенанта пересохли, он отслонил котелок.

По-видимому, солнце пустыни люди переносят легче, чем духоту вырытых в насыпи глубоких и тесных ячеек. Каждый занят своим делом. Разведчик-наблюдатель периодически сообщал о том, что происходит в батарейном секторе.

— Ориентир номер четыре... вижу движение людей.

— Чьи люди? — Смольков направился в ячейку наблюдателя.— Говорите вразумительно...

Ориентир номер 4 — желтое пятно — левый край песчаного бруствера траншеи боевого охранения от 1-го батальона.

— Виноват,— поправился наблюдатель,— ориентир четыре... выше семь... люди.

— Ну вот... понятно,— произнес лейтенант,— выше семь... где же — за домом, перед домом?

— Так точно, в створе с «Трамплином» во дворе.

— Журнал разведки, товарищ сержант,— крикнул Смольков,— припоминаю этот двор... а вот и отметка... семь часов три минуты... движение... девять часов... и снова... там что-то есть... наводите стереотрубу и глаз не спускать...

В нише у входа в ячейку стреляющего место телефонного аппарата для связи с ОП. Телефонист раз за разом спрашивал: «Феникс», как слышимость?» Шуршала щебенка под лопатой. Два человека выносили из хода сообщения наружу то, что осыпалось на дно.

Обнаружены блеск стекол приборов, признаки движения людей, дым винтовочного выстрела. Вполне вероятная цель. Лейтенант Смольков уточнял ее положение относительно ориентиров или пристрелянной цели. Телефонисты проверяли связь.

В расположении пехоты раздаются отдельные выстрелы, время от времени падают мины. У мостовой трубы — единственного безопасного хода сообщения через железнодорожную насыпь — скапливались раненые.

Полдень. Телефонист передал: «Командиру батареи в 13.15 прибыть на НП командира дивизиона». Нужно идти.

В моем распоряжении 30 минут. Я передал лейтенанту Смолькову обязанности стреляющего и пустился в путь. Направление на НП командира дивизиона указывал кабель. За насыпью жарко, но дышать гораздо легче, трава под ногами. Простор. Справа на перекате гороховое поле. Впереди — два-три кургана. Расстояние около километра.

Под насыпью саперы оборудуют блиндаж. В разных местах — вздутые лошадиные туши, обломки повозок. В углублениях, сидя, спали пехотинцы. Вообще жизнь на северной стороне насыпи несравненно легче, чем на южной. Не залетают пули, меньше падает снарядов, и только мины, отвесно опускаясь с высоты, находили и здесь свои жертвы.

Из окопа торчала труба — ствол миномета. Спавший рядом сержант протер глаза. Я спросил, почему миномет не стреляет.

— Нет мин.

Подступы к НП командира дивизиона охраняли караульные. Со всех сторон — кабели. Воронок не так уж много.

В ячейке капитана Значенко — стереотруба, раскладной

стол с планшетом и принадлежностями для подготовки данных. Полно людей, повернуться негде: майор, командир 10-го СП и три других пехотных командира, командиры батарей.

Капитан Значенко протиснулся к стереотрубе и стал называть цели, местоположение которых установила пехота.

— Товарищи командиры, до начала артиллерийской подготовки подавить... на всю операцию не более одного часа. Второй дивизион поддерживает второй батальон, наступающий на главном направлении десятого СП. Его ближайшая задача... выйти на северную окраину Малина. Дальнейшая задача... овладеть лесотехникумом. Шестой батарее подготовиться к смене НП. Начало артиллерийской подготовки по сигналу «Ливень». Расход снарядов... один боекомплект.

Я вернулся на свой НП, приступил к поискам целей. Оказалось, они большей частью подавлялись, и неоднократно. Я доложил командиру дивизиона.

— Это не в счет,— ответил Значенко.— В порядке подготовки атаки указанные цели подавить заново.

На юго-восточной окраине Малина поднимался дым. Горят две автомашины, подожженные в мое отсутствие. И в районе ориентира № 6 — облако. Выгон, озеро, домики и темнеющий вдали лес колеблются в знойных волнах миража.

В расположении противника тишина.

— «Феникс-один», по местам, левее ноль восемьдесят, приготовиться к приему команд, цель номер одиннадцать... первому... один снаряд... огонь!

Справа позади раздался одиночный выстрел. Спустя полминуты у отдельного домика взметнулось облако разрыва. Начали стрелять и другие батареи.

Участок по фронту протяженностью свыше 16 километров, от тригонометрического пункта на западе до железнодорожного переезда на востоке, разделен на девять секторов по числу батарей. Организовано непрерывное наблюдение. Колодец, угол изгороди, дом, кочка, куст,— короче, все, что выделялось на поверхности земли, притягивает взгляд разведчика-наблюдателя. Замеченные изменения он заносит в журнал целей. Там указывается время, характер цели, направление и т. д. Суммируя данные наблюдения, командир батареи получает определенное представление о деятельности противника и его намерениях.

Стреляющий должен знать местность и безошибочно ориентироваться. После обнаружения цели определяется

ее положение относительно ориентиров. Необходимо решить, как действовать. Переносить огонь от пристрелянной цели или готовить заново данные?

Проблема засечки целей, ориентирование и целеуказания упрощаются, если группа батарей имеет общие ориентиры. Штаб полка создал единую для всех девяти батарей сеть ориентиров. Она охватывала свыше 20 километров по фронту и в глубину. Командир полка имел возможность в считанные минуты сосредоточить огонь по любой цели.

Не менее важное значение имела связь. Капитан Мартынюк — начальник штаба полка — организовал промежуточные узлы связи. Работа телефонных линий улучшилась.

На промежуточных узлах связи находились группы телефонистов. В случае обрыва кабеля они двигались навстречу друг другу. Они же несли охрану подступов к НП с тыла.

Проведенные штабом полка, штабами дивизионов меры улучшили работу всех элементов системы управления. Батареи не имели телефонной связи с поддерживаемыми подразделениями пехоты, ее просьбы поступали кружным путем — через НП командира дивизиона.

Пехота снова готовилась к наступлению. Лейтенант Смольков со связистами отправился к командиру 2-го батальона. 6-я батарея продолжала вести огонь. Большая часть целей уничтожена или подавлена. Так, уцелевшие автоматчики еще вчера оставили отдельную траншею у разбитого телеграфного столба, именуемую целью № 7. Разрушен до основания сарай, на углу которого в 19.15 из окопа вел стрельбу пулемет.

Подавленные цели иногда оживают. К примеру, та же цель № 7. Не исключено, что ночью автоматчики заняли опять траншею, укрылись на ее дне в ожидании момента. Цель № 9 — пулемет под копной в огороде — подавлена. А если пулеметчик жив? Удачная очередь — и атака сорвана.

— «Феникс-один»... цель номер девять... первому... один снаряд... огонь!

Подавление начинается по заведенному порядку — с правой границы сектора. По цели № 9 четвертый снаряд дал прямое попадание.

— Стой! Цель номер пять... первому... один снаряд... огонь!

Пока телефонисты передают корректуры на ОП, стреляющий наблюдает за положением в районе цели. Тем же занят обслуживающий буссоль разведчик, который с боль-

шей точностью измеряет отклонения разрывов, нежели стреляющий в бинокль. Стреляющий использует измерения разведчика, если сочтет необходимым.

В районе ориентира № 8 — юго-восточный переезд, у нас он называется восточным — воздушные разрывы. Шрапнели, одна очередь, другая. По-видимому, огонь ведут батареи 1-го дивизиона. Я наблюдал: они перешли на беглый огонь. Что бы это значило?

— «Феникс», стой! — передал телефонист с НП командира дивизиона.— СО — сто три, десять снарядов, беглый, огонь!

Спустя четверть часа поступило сообщение: пехота противника неожиданно атаковала и заняла восточный железнодорожный переезд.

6-я батарея продолжала вести огонь. В вышине шуршат снаряды батарей 3-го дивизиона и рвутся на юго-восточной окраине города, перемещаясь ближе к переезду.

— «Феникс», стой... НЗО «Буйвол», восемь снарядов, огонь!

Вели огонь по району восточного переезда все батареи. Прошло четверть часа. Телефонист принял сообщение: «Для всех батарей. Наша пехота вернула переезд».

У озера и на пустыре противник не проявлял активности. Пехотинцы продолжали оборудование позиций.

За насыпью появился командир 61-го СП, подполковник Антонов, два командира батальонов и начальник разведки 2-го дивизиона старший лейтенант Азаренко. Телефонист принял сообщение одновременно с их появлением. Мины, перелетавшие через насыпи, заставили командиров укрыться. Налет закончился.

— «Феникс», стой! Внимание... «Ливень»!..

Началась артиллерийская подготовка. В ней участвуют 231-й КАП, 178-й ЛАП, 217-й ГАП и еще два полка, корпусной и гаубичный, прибывшие в последние сутки.

Прошла минута, другая, и канонада достигла предела. Уже не слышно ни выстрелов, ни разрывов. Гул. Пламя бушует на всем пространстве от озера до лесотехникума.

Все батареи 231-го КАП ведут огонь на установках первого рубежа НЗО «Бизон», переносят дальше, и, наконец, последний рубеж — кварталы северной окраины Малина.

«Стой»! Поступило приказание — вести огонь по целям в своих секторах. И снова — «Бизон».

Грохот затих. И после минутной паузы: «Огонь!»

Разрывы постепенно перемещались на рубеж «Бизон-2». Подразделения 10-го СП начали атаку. В районе ориенти-

ра 4 пехотинцы дружно бросились к огородам. В горячем воздухе висит пыль последних разрывов.

В левой части батарейного сектора наступала 6-я рота. Пехотинцы двигаются перебежками. Начали стрельбу немецкие минометы. Цепь залегла. Нет, не вся — три, четыре пехотинца продолжали бег.

Разрывы мин становились все чаще. 5-я и 6-я роты приближались к огородам. В ячейке тишина, умолкли голоса, все следят за тем, что происходит на участке наступления. 6-я батарея перешла на сопровождение атаки.

Дрожит насыпь. Снаряды, мины рвутся беспрерывно. Из-за домов, южнее озера, открыли огонь самоходные орудия. Снаряды часто рикошетируют и улетают дальше, за насыпь.

— «Феникс-один», цель номер восемь, четыре снаряда... беглый огонь!

С передовым наблюдательным пунктом часто рвалась связь. Последний телефонист — сержант Митрощенко — убежал вслед за другими устранять порыв линий. Включился, передал: командир взвода управления вместе с пехотой. Связь с ним — через посыльных.

— «Феникс-один», стой... цель номер шесть, четыре снаряда залпом... огонь!

Минометы не унимались. Батареи 1-го и 3-го дивизионов переносили огонь в район озера. Взвод пехотинцев миновал оставленную утром траншею боевого охранения и залег. Четкие цепи, в которых подразделения начали атаку, распались. Лишь две небольшие группы продвигались вперед. В районе цели № 8 — вспышки.

— Ориентир номер шесть... причал на озере, вправо двадцать... пулемет! — выкрикнул разведчик.

Наводка орудий после двадцати минут интенсивного огня, наверное, нарушилась. Неужели начинать пристрелку заново? Как найти свои разрывы?

— «Феникс-один», стой... Цель номер восемь, четыре снаряда... беглый огонь!

Цель № 8 — стрелковая ячейка, отмеченная воронками прямых попаданий.

— Очередь! — передал с ОП телефонист.

Один... второй... третий снаряды. Как будто мои. Большое рассеивание. Это в порядке вещей — огонь беглый. Главное — заставить пулемет замолчать.

Новая очередь немецких разрывов легла внизу, под насыпью, дым хлынул в ячейку. Может быть, пулемет умолк? Снова вспышки очередей. Отставить корректуры! Огонь!

Снаряды второй очереди высоко выбросили комья земли. Погасло пламя выстрелов. Прямое попадание!

Пехотинцы — какой роты? — поднялись, мины тут же прижали их к земле. На пути пехоты ложатся разрывы. Похоже, 4-я и 5-я батареи перенесли огонь в район предполагаемых позиций минометов. Пехотинец вскочил, бросился, размахивая руками, вдоль цепи. Поднялось еще несколько человек, побежали вперед.

Из окопов вылезают автоматчики, пятятся назад к домам. Немецкая пехота отходит! Я впервые наблюдал такую картину.

Противник усилил огонь по насыпи. В небе — бризантные разрывы, за бруствером — мины...

— «Феникс», внимание... внимание... по исходному рубежу НЗО «Бизон» не стрелять. Пехота вышла к домам северной окраины Малина,— передал телефонист с НП командира дивизиона.

Я потерял 2-й батальон из вида. Где находились его подразделения? Разведчики-наблюдатели не могли ответить.

Снова порыв на линии ПНП. Нет с лейтенантом Смольковым связи. Поступило подтверждение: «Второй батальон 10-го СП вытеснил автоматчиков из восточного квартала и вышел к озеру».

Поле боя перемещалось к югу. Отдельная группа пехоты продолжала блокировать дома, где засели немецкие автоматчики.

Связь с ПНП не восстановлена. Нужно думать о перемещении наблюдательных пунктов. Когда поступит приказание? Разведчики начали собирать имущество.

— «Феникс», стой! — передали с НП командира дивизиона.— СО — сто семь.

6-я батарея ведет огонь в составе дивизиона по району огневых позиций минометов.

— Немецкая пехота оставила северо-восточный квартал Малина и отошла. «Феникс»! Ваш новый НП... район ориентира номер три. Приготовиться к смене,— передал телефонист с НП командира дивизиона.

Люди разобрали оружие, сворачивали приборы, выносили телефонное имущество. Нужно каждому поставить задачу.

Телефонист передал мне трубку. Говорит командир дивизиона. Смена НП временно отложена. 10-й СП выполнил ближайшую задачу и переходит к обороне на достигнутом рубеже. К смене НП готовятся все батареи 2-го дивизиона.

Восстановить связь с ПНП, наблюдение продолжать в прежнем секторе.

В ячейках дышать нечем. Объявлен перерыв. С оглушительным треском разорвалась очередь бризантных снарядов. Осколки вонзаются в стенки. Шуршит, осыпается щебенка. Вычислитель, полагая, что ячейка — место небезопасное, бросился к выходу, свалил планшет. Другой — впопыхах подцепил ногой лямку, растянулся на полу.

Огневой налет не помеха, служба не прекращается. Караульный обнаружил людей. Начальствующие лица.

Из ячейки стреляющего не просматривались подступы к насыпи с тыла. Я спустился по ходу сообщения. Кто там разгуливает во время обстрела? Генерал Шерстюк. Да, это командир 45-й СД. С ним 6—7 человек, в том числе майор Соловьев и командир 10-го СП. Выделялся высоким ростом капитан — начальник штаба артиллерии.

Новая очередь снарядов, с воем рассекая воздух, легла позади идущих. Немцы не наблюдали с наземных НП мертвое пространство — стометровую полосу позади насыпи.

— Стреляет метко,— заметил генерал, обращаясь к майору Соловьеву.— Пойдемте, товарищи командиры. Прошу в укрытие.

Генерал остановился рядом с Соловьевым у входа. Последние два снаряда разорвались на рельсах. Кто-то потерял выдержку, лег, закрыв проход. Конфуз. Генерал сделал вид, будто не замечает. Он вошел последним, поддерживая под локоть Соловьева.

Еще несколько очередей, и грохот затих.

— Вот так штука, вошли в траншею, и обстрел закончился,— произнес генерал и направился в ячейку к стереотрубе.

Зная, что некоторые пехотинцы не умеют пользоваться артиллерийскими приборами наблюдения, я отжал рычаг отводки, но генерал уверенно развернул стереотрубу и стал осматривать местность. Обращаясь к присутствующим, он говорил о взятии Малина. Сил, по мнению старших начальников, с прибытием 87-й СД — ее части заканчивали сосредоточение на рубеже железной дороги — и двух — корпусного и гаубичного артиллерийских полков,— достаточно. И он, командир 45-й СД, считает, что наши шансы захватить город сегодня больше, чем вчера. Почему подразделения 10-го стрелкового полка не стали продвигаться дальше? Генерал начал перечислять ошибки командиров подразделений в ходе наступления.

Отвечая на замечания генерала, командир 10-го СП остановился на отдельных моментах атаки.

— Немецкие пулеметы были, в основном, подавлены. Артиллеристы действовали вполне удовлетворительно, но минометы испортили нам все дело. Никакой возможности управлять людьми... долбят непрерывно.

Генерал обратился к майору Соловьеву.

— Моя пехота на каждом шагу несет потери. Нетерпимое положение. Нужно уничтожить немецкие минометы.

— Товарищ генерал, миномет... узкоразмерная цель. С моих НП не просматривается пространство за домами, где находятся, мы полагаем, позиции минометов... Поручите своим артиллерийским полкам. Борьба с минометами... их задача.

— Товарищ майор, у вас... разведывательно-артиллерийский дивизион?

— Да, но его аппаратура предназначена для засечки позиции артиллерийских батарей, а не минометов. И корпусная артиллерия ведет контрбатарейную борьбу...

— Вы тут старожилы... Успели изучить и местность, и противника... сколько времени держались одни.

— Если вы освободите полк от всех остальных задач и обеспечите его необходимым количеством снарядов, чтобы сравнять с землей все сооружения в городе на площади в два квадратных километра, то и тогда не исключено, что минометы уцелеют, будут продолжать стрельбу из развалин и окопов. Миномет живуч, товарищ генерал, и его можно подавить только минометами пехоты или гаубицами.

— Нужно заставить их молчать. Пехота вправе ожидать помощи! — командир дивизии настаивал.— У вас мощные орудия, ваши командиры знают местность. Уничтожьте огневые средства немцев, и мы возьмем Малин.— Промолчав, генерал добавил: — Сумел же десятый стрелковый завладеть северной окраиной, командир десятого СП?

Майор-пехотинец снова начал перечислять опорные пункты противника, указал на пулеметы, стрелковые окопы, траншеи и прочее.

— Положение на участке второго батальона известно всем вашим командирам? — спросил генерал.

— Да,— ответил майор Соловьев и стал объяснять задачи батарей и общую схему целей.

Генерал поднялся и указал цель № 4 — амбразура под стеной красного кирпичного дома. Сектор 6-й батареи. Район ориентира 6. Дом получил три прямых попадания, на участке, который продолжали удерживать немцы.

— Вы поняли цели? — майор Соловьев повернулся ко мне.— Огонь!

Снаряды мои. Четыре разрыва. Все недолеты.

— Огонь!

Вторая очередь. Снаряды — один, еще один — ударили в стену, поднялось облако красной кирпичной пыли. Генерал довольно крякнул и указал еще две цели. Они тут же были подавлены.

Стреляла 4-я батарея. Майор Соловьев отдал приказание по телефону. Цель подавлена на третьей очереди.

Генерал выразил удовлетворение стрельбой обеих батарей и обратился к командирам частей.

— ...Нельзя позволить врагу собрать здесь кулак и нанести удар на Барановку во фланг нашим войскам в районе Коростеня. Позади болота. Мы должны ослабить малинскую группировку, пока враг не подтянул авиацию и танки. Штаб дивизии заканчивает подготовку нового этапа... После перегруппировки возобновим атаки. Я осмотрел боевые порядки частей дивизии и артиллеристов и считаю, что командиры батарей оторваны от пехоты... ваши НП, товарищ майор, нужно передвинуть ближе к переднему краю.

— Товарищ генерал, с какой целью? — спросил с некоторым удивлением майор Соловьев.

Прогрохотала очередь бризантных разрывов. С визгом летят осколки. Над головой генерала нависает шпала. Привстав, генерал потрогал застрявший в шпале осколок, рядом торчал еще один, после утреннего обстрела. Грохот затих.

— Куда попал бы осколок? — спросил генерал.

— Боюсь, вам в плечо, товарищ генерал,— ответил майор Соловьев.

— Приняла, стало быть, шпала,— посмеиваясь, генерал вспомнил подобный случай, который произошел с ним — прапорщиком Шерстюком — в первую мировую войну.

Майор Соловьев повторил свой вопрос.

— Цель перемещения в том, товарищи артиллеристы, чтобы приблизить ваших наблюдателей к моим стрелкам.

— Товарищ генерал, я согласен, с минометами нужно разделаться. Всем понятно, неудачи ваших неутомимых и храбрых пехотинцев объясняются недостаточной эффективностью артиллерийской поддержки. Мои командиры батарей делают все возможное, но... стреляющему нужно изложить задачу конкретно... Вы хотите переместить наблюдательные пункты? Чего мы добьемся? Вы видите... равнина. Чем бли-

же к переднему краю, тем хуже обзор. Ваши пехотинцы знают, где позиции минометов? Я готов послать командира батареи, он встретится с командирами рот. Пусть явятся сюда, поговорим вместе.

— Дельно, посылайте. Я думаю, полтора часа хватит,— отозвался генерал.

— Товарищ лейтенант...— капитан Значенко объяснил задачу.— Вам все понятно?

Спустя пять минут я был у мостовой трубы. На скатах и вокруг — воронки, старые и новые, в один штык ровики, окопчики. Под насыпью перевязочный пункт, тут и там спят пехотинцы.

Мостовая труба и насыпь позади. Вход в свежеотрытую траншею, глубина уменьшается. Начался обстрел. Через десяток шагов траншея кончилась, и я вскочил в ближайшую воронку. Бывшие со мной два разведчика отстали. В чем дело? Оказывается, один уже ранен. Хватит сил вернуться к мостовой трубе? Я продолжал дальше путь один. Земля в той части долины, где она делалась плоской, не так уж бедна укрытиями. Воронок предостаточно. Вскоре я попал в другую траншею — глубже тех, что остались позади.

За многие часы, проведенные на НП, я успел изучить впереди насыпи местность в деталях. Все, что было на виду,— траншея, воронки, обломок телеграфного столба и песчаные пятна,— отложилось в памяти. С завязанными глазами я не потеряю ориентировку и найду путь в какую угодно сторону.

Но увы, в двух сотнях шагов от насыпи я понял, что нахожусь в малознакомом пространстве. Воронка, знакомые очертания траншеи, рытвины пропали куда-то, я не находил их, сместились непонятным образом. Больше всего меня поражало расстояние: выкорчеванные снарядами деревца в северном конце пустыря лежат гораздо дальше, чуть ли не в огородах. Зато дома придвинулись ближе. Отчетливо видны испещренные осколками стены, стропила, дымоходы. Я перебегал от одной воронки к другой, боялся потерять ориентировку, но чувство местности скоро вернулось. Вот три воронки — след мин — перед траншеей, которую я столько раз видел в стереотрубу — ориентир — 3, вправо — 20.

Опять грохотали разрывы. Меня укрыла неглубокая канава. Снова — воронки, обожженная пламенем, развороченная земля. Сто шагов, еще сто, я наткнулся на траншею. Она занята. Два пехотинца из 5-й роты. Сержант — командир взвода — ничего определенного не знает о позициях

минометов. Я выглянул, хотел осмотреться — сержант бесцеремонно дернул за гимнастерку: «Товарищ лейтенант, продырявят голову». Где старшие начальники?

Поиски командира роты привели меня в 1-й взвод. Занятые им траншеи вырыты немцами. На дне кучами валялись стреляные гильзы. Командир 5-й роты? Пехотинцы с видом совершенного безразличия пожимали плечами. Укрытий впереди нет.

— Подождите... могут убить,— сонно буркнул младший лейтенант.— Позиции минометов? Не знаю, где-то позади... А, немецкие?.. эти там, в огороде.

Я оставил траншею. Недалеко изгородь, за нею дома. Перед глазами краски странно расплываются, будто на картине живописца. Слева гладь озера, изрытый снарядами пятнистый бугорок. Защелкали пули, поднялась серая пыль. Из одной воронки я прыгал в другую, третью, четвертую... И снова — траншея. Стенки ее чуть выше плеча. Воют запоздалые мины.

Встретились пехотинцы. Есть ли кто-нибудь из начальников? Я ускорил шаг и неожиданно столкнулся со старшим лейтенантом Азаренко: «Как вы попали сюда?.. Ищете командира пятой роты?»

Сто шагов по-пластунски, и я в траншее. Среди командиров, которые в ней находились, я узнал командира 2-го батальона. Капитан Коробков. Лицо в отеках, он ранен в голову, кажется, не тяжело. Я изложил цель своего прибытия. Выяснилось, командиры рот в боевых порядках постоянных мест не имели, ввиду отсутствия телефонного кабеля. 4-я рота занимала три крайних дома. 5-я залегла на пустыре, 6-я оказалась почему-то левее всех, ближе к озеру. О минометах командиры рот знали столько же, сколько командиры взводов. «Минометы за домами»,— утверждали они.

Поднявшись на верхнюю ступеньку глубокой немецкой траншеи, я осмотрел местность. Пехотинцы устроили амбразуру из досок. Я спросил командира 5-й роты, где его НП? Он смотрел на меня с недоумением: «НП там, где я».

Время истекало. С 6-й ротой находился лейтенант Смольков. Я хотел переговорить с ним. Траншея удлиняла, по-видимому, мой путь. Сколько же туда хода? Оказалось, совсем близко. Командиры взводов управления 5-й и 6-й батарей спали за поворотом в той же немецкой траншее.

Есть связь с НП у лейтенанта Смолькова? «Нет». Почему не принимались меры для восстановления? Лейтенант Смольков развел руками.

— Старший лейтенант Азаренко приказал не отходить от командира роты. Не хватает кабеля. Нужна еще катушка. Сержант Митрощенко сидит в полукилометре,— Смольков указал назад,— отсюда ничего не видно. Пока доберешься к телефону...

Где персонал ПНП?

— Персонал? — Смольков усердно тер слезящиеся глаза,— осталось два человека... сержант, телефонист.

А остальные?

— Один разведчик погиб, другой ранен, ранены оба телефониста.

Обратный путь мне показался короче. Знакомые траншеи, одна, другая. На открытых участках воронки, обвалованные свежим песком. Вместе со мной — старший лейтенант Азаренко, лейтенант Васильев, командир 5-й роты 10-го СП, и пехотинец, кажется, исполнявший обязанности ординарца.

Начали рваться мины. Лейтенант Васильев укрылся в воронке. Спустя некоторое время мины загнали туда и Азаренко.

— Эй, как вы там? — раздался голос старшего лейтенанта.— Давайте к нам, места хватит.

Воронка, действительно, вместительная, хотя и осыпалась по краю. По-видимому, оставлена нашим 152-мм снарядом.

Оба, Азаренко и пехотинец, дымят самокрутками.

— Так вы, значит, закончили Киевское пехотное училище? — спрашивал Азаренко Васильева.

— Да, в прошлом году...— разговор перешел на предвоенную службу. Пехотинец притоптал окурок. В его роте 24 человека. Несколько дней назад, когда Васильев вступил в командование, было 36. В числе погибших сегодня — два командира взводов. Васильев высказался вполне определенно: «Нужно больше огня, и непременно прикончить минометы».

— Вам подвернулся случай сказать об этом лично командиру дивизии,— обнадежил лейтенанта Азаренко.— Вроде стало тише... ну, что, тронем?

И вот спасительная насыпь, мостовая труба. Азаренко и Васильев, ординарец — все налицо. Позади продолжали рваться мины.

Лейтенант Васильев принялся отряхивать одежду. Вытер пилоткой лоб, причесал волосы. У ординарца на дне поношенного вещмешка нашлось невероятно белое полотенце. Васильев с сожалением развернул его, провел по

лицу. Потом оглядел свою обувь. Сапожной щетки в вещмешке не было, и лейтенант махнул рукой.

Лейтенант Васильев, отвечая на вопрос генерала, сказал, что прибыл в 10-й СП за несколько дней до начала войны. Роту принял шесть дней назад. Должности командиров взводов занимают сержанты, не имеющие необходимой подготовки. Обязанности замполита выполняет младший командир. Затрудняется управление. В ходе атаки 5-я рота имела задачу захватить четыре крайних дома. Лейтенант Васильев сказал, что сегодня он впервые ступил на землю, отвоеванную у противника. 5-я рота могла выполнить задачу. Большие потери.

Генерал остановил его.

— Товарищ лейтенант, вы пехотинец... гордитесь этим. Настоящая пехотная атака проходит под огнем. Отсюда потери. Командирские должности следует замещать лучшими людьми. Ваше право. Напрашивается вопрос: почему рота выполнила задачу не полностью? Своеволие подчиненных?

— Никак нет, рота остановилась с моего ведома.

— Как так, объясните?

— Посыпались мины... я хотел переждать, сильный огонь... и упустил момент... уже не мог поднять людей, стали закрепляться.

Все молчали. Генерал повернулся к командиру 10-го стрелкового полка. Тот встал.

— Лейтенант чистосердечный парень, не валит вину на подчиненных... нужно иметь смелость, чтобы дать правдивую оценку собственному поведению.

Командир 10-го стрелкового полка, настроенный вначале не очень дружелюбно, сказал в адрес лейтенанта несколько комплиментов.

— Товарищ лейтенант, вы изучили местность на участке вашей роты? Где находятся позиции минометов? — спросил генерал.

— За домами,— и, уточняя, командир роты заявил, что расположение противника с его НП обозревается вполне удовлетворительно.

Раскрыть обман? Я вспомнил амбразуру в немецкой траншее и удержался.

Генерал стал расспрашивать о настроениях личного состава роты.

— Улучшилось настроение,— ответил лейтенант и, помолчав, добавил, что потери не способствуют оптимизму. К тому же усталость, укрытий нет, приказано рыть окопы.

— Работы нельзя прекратить. Людей нужно беречь.

А потери...— генерал обвел всех взглядом.— Мне больно говорить об этом, но атаки должны продолжаться. Наша задача... взять Малин. С вечера артиллеристы переместят наблюдательные пункты к переднему краю. И дело пойдет.

Майор Соловьев спросил о результатах осмотра местности. На пустыре и дальше, в расположении 2-го батальона, по моему мнению, нельзя найти пункты, пригодные сколько-нибудь для наблюдения за северной окраиной Малина. Местность лежит гораздо ниже насыпи.

— Прежде чем отдать приказание,— заявил майор Соловьев,— считаю долгом доложить о следующем. Командиру батареи необходимо наблюдать не только район цели, но и прилегающую местность. Это важнейшее условие пристрелки. Существует закон рассеивания снарядов. Первый разрыв и в нормальном случае ложится иногда в километре от цели. Необходимо вывести его на линию наблюдения. Стреляющий вводит поправки, одну за другой... три, пять, десять... в то время, когда ведут огонь другие батареи... не молчит и противник. Чтобы пристрелять пулемет, скажем тот, у разрушенного сарая, командир батареи должен обозревать местность вокруг на два и три километра. Если же обзор сужен, он не найдет своих разрывов, перелетных и боковых. Короче говоря, управлять огнем нельзя. Товарищ генерал, я хочу, чтобы огонь моих орудий использовался в интересах наших общих задач.

— Двести тридцать первый корпусной артполк должен подавить минометы. Как это сделать? Решайте, вы справитесь, по-моему, если командиры батарей будут вместе с командирами рот,— уже менее категорично закончил генерал.

— Я отдам приказание на перемещение НП...

Генерал сделал начальнику штаба артиллерии дивизии и командиру стрелкового полка несколько замечаний относительно поддержки атаки. Совещание закончилось. Генерал и все, кто был с ним, ушли.

* * *

Чем определяется место командира батареи в боевых порядках пехоты, которую он поддерживал? Наши боевые уставы не давали законченного ответа на все случаи обстановки.

Предполагалось, что командиры различных родов оружия, в первую очередь пехотинцы и артиллеристы, придерживаются общих взглядов, как бывало на тактических учениях. Обязаны, по крайней мере, придерживаться. Разногласия, если они появлялись, не угрожали потерями ни

той, ни другой стороне, их устранял посредник без всякой крови.

А на поле боя? Поддерживаемые и поддерживающие поставлены в разные условия. Пехота требовала больше огня, артиллерия даже при всем желании была не в состоянии делать больше того, что позволяли ее возможности.

В последующие годы я много раз участвовал в дебатах по вопросам взаимодействия до начала атаки, в ходе ее и после. Сколько возникало всевозможных недоразумений?.. Командиры-пехотинцы не решались критиковать общую организацию и планирование операций, и вину за неудачи, свою собственную и не свою, старались переложить на поддерживающую артиллерию или танки. Перед лицом старших начальников вместо одного ответчика фигурировали два, три.

Принцип взаимодействия роты и батареи в бою — «подобру-поздорову». Нашли командиры между собой общий язык, договорились — хорошо, не нашли — не будет толку.

* * *

Получено приказание снять передовой НП. Взвод управления готовился к перемещению.

Прибыл лейтенант Смольков.

— Не знаю, кто придумал менять НП... Вернемся обратно, вот увидите. Насыпь... великолепный рубеж для наблюдения. Наш кабель в каком состоянии? Сплошные узлы. Проложить по траншеям не хватит, а напрямую. К вечеру ничего не останется. Пехота долго не устоит... и ячейки оставлять жалко,— сетования лейтенанта прервал разведчик-наблюдатель.

— Ориентир пять, вправо двадцать... группа пехоты!

Я вернулся в ячейку, но ничего не увидел. Немецкие пехотинцы исчезли. В последние дни они передвигались на переднем крае несравненно проворнее, чем раньше.

По данным наблюдения, в районе ориентира 5 находился НП немецкого пехотного батальона или полка — цель № 17.

— «Феникс-один», по местам, цель номер семнадцать, батареей, один снаряд, огонь!

На четвертой очереди после прямого попадания стрельба прекратилась.

«Феникс», стой!

— К аппарату! — звал телефонист.

— С восемнадцати часов второму дивизиону приказано поддерживать первый батальон,— передавал старший лейтенант Азаренко.— Немедленно выслать лейтенанта Смолькова в пехоту, уточнить задачу, выбрать НП, обеспечить наблюдение в прежнем секторе. К смене приступить в девятнадцать ноль. Готовность к ведению огня двадцать ноль.

Местность на участке 1-го батальона, сколько мне известно, хуже, чем во 2-м. Азаренко не мог объяснить задачу и позвал к телефону начальника штаба дивизиона.

— Никаких вопросов! — заявил старший лейтенант Рева.— Исполняйте приказание! Местность? Это дело старших начальников!

Начальник штаба дивизиона ссылался на основные положения наших уставов. Но приказания на смену боевых порядков позволяется уточнять, если они изложены недостаточно четко.

Каковы требования, предъявляемые к наблюдательному пункту командира стрелковой роты? Обеспечить наблюдение боевых порядков своего подразделения и боевых порядков противника в ближайшей глубине. Цели, обнаруженные в зоне действительного огня пехоты, подавляются ее оружием.

Возможности артиллерийского НП значительно шире. Необходимо, чтобы командир батареи наблюдал боевые порядки поддерживаемых подразделений и противника на глубину, где расположены позиции его тяжелого оружия, недосягаемые для пулеметов и минометов пехоты. При постановке командиру батареи задачи нельзя не учитывать характер местности — соображение, которым определяется положение НП относительно переднего края.

Что ждет взвод управления 6-й батареи на пустыре? Лейтенант Смольков уверял, что я увижу только стропила на домах окраины Малина. И ничего более. Как организовать наблюдение, управлять огнем? Старшие начальники знают об этом. Готовность к движению 15 минут.

Лейтенант Смольков ушел в 1-й батальон. Вместе с ним отправилась часть взвода управления: командир отделения разведки и командир топоотделения, 2 разведчика, 2 вычислителя. К 19 часам Смольков выставит маяк у мостовой трубы для встречи.

В 18.30 последовала команда «отставить!». Старший лейтенант Азаренко сообщил, что боевые порядки остаются на местах. 2-й дивизион продолжает поддерживать 2-й батальон.

Время близилось к вечеру. Разведчик доложил о появлении машин южнее лесотехникума. На дороге из Малина замечена пыль.

— «Феникс-один», по колонне, цель номер одиннадцать, правее ноль сорок, батареей, один снаряд, огонь!

Первая очередь разорвалась в вершинах сосен, и наблюдений по дальности не дала.

— Стой, взрыватель фугасный, огонь!

Стрельба закончена. Телефонист принял сообщение о наличии боеприпасов. В огневые взводы прибыло пополнение в количестве пяти человек. Осталось, помимо лимита командира дивизиона, по 10 снарядов на орудие.

Ограничения в расходовании боеприпасов введены с первого дня боев за Малин. Как-то, вчера или позавчера, противник предпринял атаку. В 4-й и 5-й батареях снарядов не оказалось. Огонь вела одна 6-я батарея. Только с помощью 1-го дивизиона, который перенес огонь в район наших целей, удалось отразить атаку. При этом несколько очередей легли в расположении подразделений 4-го дивизиона. С того времени капитан Значенко запретил вести огонь, если у орудий помимо НЗ осталось меньше 10 снарядов.

Телефонист передал в штаб дивизиона донесение о наличии боеприпасов.

К вечеру немцы стреляли редко. Затишье продлится еще 30—40 минут, а потом минометчики произведут огневой налет. И день закончится.

Случаются исключения. Первые и вторые сутки немцы атаковали почти непрерывно, артиллерия вела огонь и ночью.

Солнце склонилось к горизонту. Спадает жара. Можно сойти вниз — в тень, которую отбрасывала насыпь. Уставшие люди собирались в глубокой, узкой щели. На дне ее хранился трофейный термос с фильтрованной водой.

Пехота в худшем положении. На пустыре деваться некуда, из траншей нет выхода. Если кто-то покажется, немецкие минометчики немедленно начинают стрельбу. Вчера два пехотинца, возвращаясь с водой, рискнули срезать угол. Посыпались мины. Водоносы укрылись в траншее, бросили ведра. Мины продолжали рваться еще в течение нескольких минут.

Поступило приказание: пристрелять репер [1], одно из зданий в городе, район ориентира № 6 — казармы мотострелкового полка.

«Феникс-1» сообщил о подвозе боеприпасов. В 20 часов противник начал обстрел. Дважды рвалась связь.

Согласно указаниям штаба полка по ведению разведки, все наблюдательные пункты обязаны определять по слуху направление на позиции стреляющих батарей противника и вносить в схемы целей соответствующие отметки. Взвод управления встретил скептически эти указания. Штаб не отступался от своих требований. И вот результат: с помощью сведений, добытых таким способом, удалось установить одну весьма интересную особенность огневой службы в немецкой артиллерии.

Четырехорудийные 105-мм батареи ведут огонь очередями с интервалом между выстрелами примерно в полсекунды. Минуту спустя — время, необходимое для заряжания орудия,— очередь повторялась. Первое орудие производило выстрел по команде, при появлении факела над его стволом, наводчик второго орудия самостоятельно нажимал спуск. Таким же способом производило выстрел третье, четвертое орудия. Мы называли эту стрельбу «по вспышкам». Она ничем не отличалась от синхронной.

Я доложил на ОП командиру батареи эти предположения. Оказывается, Варавина занимала синхронная стрельба с первых дней войны. После полудня огневые взводы 6-й батареи стреляют только по вспышкам.

Приблизительно определен численный состав артиллерийской группировки противника в полосе действий 113-й ПД — 5 или 6 дивизионов 105-мм и 155-мм калибра.

К подавлению отдельных целей немцы привлекали одну батарею или несколько. В последнем случае подручная батарея давала очередь высоких бризантных разрывов для целеуказания. Минуты через три переносили огонь другие батареи дивизиона.

Посещение генерала Шерстюка и представителей штаба артиллерии дивизии наших наблюдательных пунктов повлекло за собой ряд приказаний по организации службы на НП. Штаб артиллерии 45-й СД требовал вести наблюдение круглосуточно и непрерывно. Командирам и разведчикам во время обстрела запрещается покидать свои места. Учрежден контроль батарейных журналов целей. Записи

---

[1] Репер — точка на местности, после пристрелки используемая для переноса огня.— *Авт.*

сопоставлять по телефону с журналами, которые велись на пунктах старших начальников.

Со штаба полка получены уточненные данные о группировке артиллерии противника в районе Малина. Численность ее — около 15 дивизионов. Большую часть батарей немцы оттянули на рубеж южнее Малина — в районы, досягаемые только для 122-мм пушечных батарей. Наблюдательные пункты — в домах восточной и северной окраин города.

Немецкие батареи вели огонь, в основном, по железнодорожной насыпи и дальше, на глубину четырех-пяти километров. В этой полосе размещались НП батарей всех наших артиллерийских полков, а также командные и наблюдательные пункты старших начальников.

— Ориентир номер шесть... мотоциклы! — выкрикнул разведчик.

Начался обстрел насыпи. Продолжать наблюдение невозможно. Снаряды ложатся со всех сторон.

Прошло несколько минут. Во втором квартале снова замечена пыль. Промелькнул один мотоцикл, другой, следом машины. Они уходили в тыл.

— «Феникс-один», по местам! Цель номер девять, правее ноль десять, батареей один снаряд... огонь!

Телефонист передал: «Очередь!» Мотоциклы повернули в следующий квартал. На опустевшей улице разорвалась первая очередь, вторая... Вот к чему приводят поблажки, которые, по совету Смолькова, делались огневым взводам сегодня. Когда начался обстрел, следовало подать команду: «По местам!» Машины ушли. НП командира дивизиона несомненно засек их. Не миновать объяснений.

— «Феникс», стой! Слушай целеуказание! Ориентир номер пять, вправо ноль двадцать, железная крыша... казарма мотострелкового полка... пехота, цель номер сто двадцать,— следуют слова команд с НП командира дивизиона,— огонь!

В тылу громыхают орудийные выстрелы. Слышится нарастающий гул. Цель — серые здания казарм в центральной части Малина. Дальность — шесть-семь километров. Начали рваться снаряды. Дым, пыль.

В огневом налете участвовал весь полк — на это указывают цифры. Все батарейные цели имеют номера от 0 до 50. Цели, по которым ведется огонь в составе дивизиона,— от 50 до 100, в составе полка — свыше 100.

В 21.00 произведен огневой налет по районам предполагаемого нахождения позиций минометов.

Время 22 часа. Вместе с вечерней прохладой на НП водворяется тишина. Только издали, откуда-то с востока, доносились редкие пулеметные очереди.

Поиск разведчиков

С наступлением темноты оживляется движение через насыпь. Пехоте доставлялась пища, боеприпасы, вода. В обратном направлении шли раненые. Трубой мало кто пользовался.

На НП передышка. Если не считать лейтенанта Смолькова и тех, кто обслуживал ПНП, а также телефонистов, личный состав НП не утруждал себя чрезмерно. И тем не менее люди уставали. Ночной отдых короток. Часть персонала НП восстанавливает ход сообщения, на своих местах несут службу разведчики, у телефонистов — дежурство.

Около 23 часов возвратился из 1-го батальона командир взвода управления. Как дела в пехоте? Лейтенант Смольков присел на телефонную катушку.

— Положение в первом батальоне хуже, чем во втором. Укрытий нет никаких. Днем ни воды, ни пищи, нехватка патронов. Ждут темноты...— голос лейтенанта становился тише. Он запрокинул голову и уснул.

Благодаря старшему лейтенанту Азаренко, количество спальных мест на НП увеличилось. В ячейке командира батареи вдоль задней стенки оборудована полка. Можно лечь, подогнув ноги. Но большинство людей взвода управления считает, что терять время на устройство не стоит, и спит сидя.

Около полуночи меня разбудил караульный. Прибыл старший лейтенант Пономарев — помощник начальника штаба полка по разведке. Вместе с ним старший лейтенант-пехотинец и группа разведчиков. Пономарев в предвоенное время служил в 6-й батарее командиром огневого взвода, старшим на батарее и ее командиром. За отличия в Финляндии удостоен высокой военной награды. Пономарев пользовался репутацией храброго и деятельного командира.

В условиях быстро меняющейся обстановки служба разведки артиллерийского полка требует четкой организации и постоянных усилий со стороны начальника разведки. Группа Пономарева состояла из 9 человек — 4 артиллеристов и 5 пехотинцев. Она получила задачу проникнуть в Малин и оказать содействие другой группе в поимке язы-

ка. Пользуясь светом немецких ракет и схемой целей, Пономарев знакомил пехотинца с местностью южнее насыпи, нанес на мою карту полосу действий разведгруппы. Вести огонь в ее границах запрещалось.

Я проводил старшего лейтенанта Пономарева и вернулся в ячейку. За насыпью выли снаряды. На севере, кажется в районе огневых позиций 1-го дивизиона, полыхали вспышки разрывов. Над тусклой гладью озера взметнулась вода, поднятая снарядом. Через минуту налет прекратился. Все погрузилось в темноту. Только в стороне обоих разъездов светили ракеты.

Я лег, укрылся палаткой. Засыпая, видел на стенке светлые блики. Следовало подняться, пройти к стереотрубе, подготовленной к работе ночью. Не было сил. В конце концов есть дежурная смена, позовет, если возникнет необходимость.

Шесть часов. Тишина, безмолвие. Стала мокрой моя одежда, на палатке капли росы. Выход из ячейки закрыт. Вытянувшись во весь рост, вниз лицом, храпел человек. Я попытался встать. Посыпалась щебенка. Повернулся спящий, повел сонными глазами и захрапел снова. Старший лейтенант Пономарев. Вспомнилась ночная стрельба. Значит, Пономарев вернулся. По-видимому, операция закончилась благополучно.

В ячейках все спали. Упираясь головой в резиновую окантовку окуляров, спал разведчик-наблюдатель, спал телефонист. Спал и лейтенант Смольков. Ему следовало бодрствовать. Несколько ударов карандаша в каску, и все вскочили, торопливо оправляют одежду. Смольков заговорил о происшествиях минувшей ночи.

Жаль... прежде чем отдыхать, лейтенант мог бы поднять меня. Он, командир, ответственный за службу на НП.

Смущенный Смольков перечислил происшествия. Вылазка разведчиков не удалась. Цель № 9, траншея левее дома — я считал, что она оставлена,— оказалась занятой. Разведчики понесли потери и отошли ни с чем.

6-й батарее ночью пришлось стрелять в запретной зоне. Командир дивизиона приказал цель № 9 подвергнуть получасовому обстрелу. Обнаружены новые цели: один пулемет вел стрельбу из траншеи, а два других — из дома. Тусклые вспышки, отмеченные в разных местах, не поддавались объяснению. «Возможно, это световые ориентиры, по которым немцы проверяли топопривязку»,— высказал предположение Смольков.

Мы вместе готовим данные по целям, обнаруженным

ночью. Пришел Пономарев, он уже умылся и привел себя в порядок.

— Вы... шестая батарея донесла, что траншея оставлена,— недовольно начал Пономарев.

Командир взвода управления навел стереотрубу. В окулярах четко видны старые воронки, прямые попадания снарядов.

— Что толку в ваших воронках? — повернул стереотрубу Пономарев.— Вот следствие ложных докладов, запомните! — на земле, изрытой снарядами, тела погибших разведчиков.

Но... в батарейном журнале отмечено время разрушения траншеи. Автоматчики оставили ее в 14 часов 10 минут. Кроме того, старший лейтенант Пономарев, по-видимому, пользовался сведениями не только 6-й батареи, но и пехоты.

— В том-то и дело, что пехота утверждала то же самое. Сектор-то ваш?

— Так точно! Наш основной сектор и запасной 4-й батареи,— уточнил Смольков.

— Вы! Наблюдайте внимательно в ночное время! Если немцы имеют привычку возвращаться, то командир батареи обязан знать об этом и не ссылаться на дневную запись. Придется докладывать,— закончил старший лейтенант.

У входа в ячейку стоял каптенармус с котелками — принес завтрак. Пономарев поел и отправился на КП.

Предвестие успеха

В 8 часов 6-я батарея начала пристрелку пулемета, обнаруженного незадолго до рассвета. «Стой!»

Лейтенант Смольков молча положил передо мной телефонограмму. В первом пункте старший лейтенант Рева объявлял выговор исполняющему обязанности командира 6-й батареи, во втором — требовал уничтожить цель № 9 и вычеркнуть ее из схемы целей.

В течение получаса 6-я батарея добилась семи прямых попаданий. В результате траншея протяженностью сорок метров превращена в бесформенную яму.

Над головой рвались бризантные снаряды. Очередь за очередью. Грохот глушил телефонистов. Я повторял слова команд три-четыре раза.

— Ориентир номер шесть, вправо двадцать, пехота! — доложил разведчик-наблюдатель.

В восточной части сектора немцы продолжали удерживать позиции близ озера. В тылу этого, сравнительно узкого участка признаки движения. Пехота. Появление живой силы на поле боя привлекает каждый раз общее внимание. Пехота — цель первостепенной важности. С наблюдательных пунктов по проводам торопливо передаются на огневые позиции команды.

Очень похоже, немецкая пехота занимает исходное положение. В разных местах ложатся снаряды. 1-й дивизион перешел на шрапнель. К двум батареям присоединились еще две. Дым. Продолжать наблюдение невозможно.

Минометы неистовствуют. На участке 1-го и 2-го батальонов 10-го СП сгущалось плоское серо-желтое облако дыма и пыли. Батареи противника ведут беглый огонь. Шли минуты. На пустыре грохот разрывов начал затихать. Немецкая пехота не решалась двинуться дальше огородов.

Поступило приказание провести огневой налет по пристрелянным целям. 10-й и 61-й СП готовились к наступлению.

Артиллерийская подготовка началась в 12.00. Количество батарей заметно увеличилось. Прошлой ночью, говорят телефонисты, прибыли еще два артиллерийских полка. Это правда, один из них — гаубичный. Район его ОП западнее села Пирожки.

На участке приблизительно в 10 километров против 40—45 батарей противника действуют 60 наших. В большинстве своем они превосходили немецкие — по калибру орудий, дальности стрельбы.

Если бы 4-й дивизион АИР обеспечил 122-мм пушечные батареи данными, многие огневые позиции противника были бы подавлены. Но звукометрическое оборудование неисправно, наши батареи ведут контрбатарейную борьбу почти наугад, обстреливая значительные площади — районы предполагаемого нахождения немецких огневых позиций.

Те батареи, которые не участвуют в подавлении немецких батарей, в ходе артиллерийской подготовки подавляют цели на переднем крае, а также в ближайшей глубине — северные и восточные кварталы города. Огонь ведется в одной последовательности — от переднего края вглубь и обратно.

Командиры батарей обязаны вести наблюдение и корректировать огонь. Но в столпотворении, что творится на поле

боя, нельзя распознать своих разрывов. Пыль. Пламя. Дым.

— «Феникс», стой! НЗО «Бизон-два»... огонь!

«Бизон-2», затем «Бизон-3». Истекло время. Снова огонь перенесен на исходный рубеж. Подразделения двух батальонов 10-го и двух — 61-го СП поднялись в атаку.

Минометы усилили огонь. Немецкая пехота, укрытая в крайних домах, оказывает упорное сопротивление. Становится очевидным, что атака не удалась.

— «Феникс», стой! — команда командира дивизиона.

Снова 6-я батарея обстреливала цели на переднем крае. Похоже, наша пехота возвращалась в траншеи.

13 часов. Стрельба затихает. Северо-западнее города поднялся немецкий аэростат. Прилетел корректировщик, перевалив через железную дорогу, он взял курс на север. Зенитных орудий нет. В 45-й СД из средств войсковой ПВО, по словам пехоты, осталось несколько счетверенных пулеметов, которые используются для прикрытия командного пункта командира дивизии. Стрельба по «хеншелю» велась лишь из винтовок. Где-то восточнее деревни Пирожки корректировщик сделал разворот и улетел в сторону позиций прибывшего ночью артиллерийского полка.

К 14 часам в ячейках установилась обычная духота. Но большинство людей уже привыкло и не отвлекается от выполнения своих обязанностей. Сегодня пауза длилась без малого три часа. На рубеже насыпи за все время взорвалось не более десятка снарядов.

Если говорить правду, то нельзя не упомянуть о чувствах, которые владели в те дни многими из нас. Измотанные в непрерывных боях, люди плохо осознавали происходящие события. Превосходство противника в силах на земле и в воздухе казалось неоспоримым. Несмотря на все наши старания, оборона терпит неудачу за неудачей. Если удавалось закрепиться на одном участке, противник прорывался на другом. Когда же закончится отступление, где, на каком рубеже? Пехотинец вынужден шагать сутки, десятки суток без пищи и питья, отягченный оружием, выкладкой, без сна и отдыха, шагать до изнеможения, когда человек уже не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой. И вот в конце пути его ждало наступление. Это абсурд, злая, обидная насмешка над здравым смыслом. Что изменится после захвата Малина? Требование начальства кажется беспочвенным. По-видимому, оно плохо знает действительное положение вещей. Бессмысленно и глупо посылать в наступление три-четыре батальона на крохотном участке в условиях всеобщего отхода. Это все равно, что

бросать камешки в огнедышащую пасть вулкана в надежде погасить извержение.

Большинство командиров — мои начальники и подчиненные — поступали машинально (так приказано!) и лишь немногие понимали, что наступление — необходимость, что встречный удар диктуется неизбежным законом единоборства и что всякая пауза, всякая передышка отягчала положение. Уступать нельзя ни в коем случае. Слабый станет слабее, сильный — сильнее. Противник ринется вперед, и завтра борьба потребует больше жертв, чем сегодня.

Измотанные беспрерывным маршем части 45-й СД должны наступать. Усталый пехотинец бежал, укрывался и стрелял... снова и снова... Вокруг ни бугорка, ни кустика, открытая местность. Всюду разрывы мин, осколки, пули, жара, жажда.

Военнослужащий обязан терпеливо и безропотно нести тягость службы и повиноваться, невзирая ни на какие обстоятельства. Способность противостоять усталости физической и духовной, воля к борьбе есть фактор боеспособности войск более могущественный, чем мощь их оружия.

Предположим, части 45-й СД стали бы ожидать сосредоточения своих сил. Немецкая группировка уйдет вперед и с меньшими потерями достигнет цели. Атаки свяжут инициативу противника. Вместо наступления он должен обороняться. Поэтому старшие начальники, настаивая на атаках, стремились решить задачу теми средствами, которыми располагали войска. И действительность подтверждала их правоту. В результате активных действий 45-й СД, а в последующие дни и других соединений 15-го СК, положение на рубеже Малина стабилизировалось. Угроза, нависшая над войсками 5-й армии, которые сражались в районе Коростеня, была на время ослаблена.

Как противник захватил Малин

В 19 часов на НП прибыл командир батареи. Он отдохнул и чувствовал себя вполне здоровым. Выслушал рапорт, направился к стереотрубе. Долго рассматривал передний край пехоты.

— Жаль погибших разведчиков... Думаю, этим дело не закончится. По поводу цели номер девять придется давать объяснения. Невнимательно относитесь к службе, товарищ лейтенант.

Я не особенно сожалел, покидая НП. Чувства двоились.

Облегчение и еще что-то... да... цель № 9... Невнимательность! Нет, это обвинение. Я причастен к гибели разведчиков.

Телефонист, сопровождающий меня до промежуточного узла связи, чересчур боязлив и ложится, заслышав снаряд, не разбирая — свой в вышине или чужой на излете. Каждый раз его приходится ожидать.

На душе не хорошо. Я оставил опасный участок другому, ухожу в тыл... В тыл ли? ОП не так уж далека от насыпи. Да... но все же не на одном удалении.

Вот и заросли. Огневые позиции. Орудия скрыты в окопах, бруствер почти до половины щита. Закончено оборудование щелей. Ниши для снарядов перекрыты бревнами. Исправные маты, под сошниками — брусья.

Огневые взводы 6-й батареи не снимались с позиций в течение нескольких дней. Приведены в порядок оружие и одежда.

Безуглый делился новостями. На ОП работает группа техников. Ремонтирует противооткатные устройства орудия, поврежденного еще 14 июля. Неисправность считалась несущественной, но после нескольких сотен выстрелов уплотнения на штоках дали течь. Опасно, ствол может сорваться с салазок.

Техников возглавлял воентехник Карасев. Окончил Ленинградское артиллерийско-техническое училище. Небольшого роста, общительный, жизнерадостный. На лице простодушная улыбка, будто он и родился с нею. Знакомство с Карасевым принесло пользу 6-й батарее. Он оказывал небольшие, но важные услуги в части ремонта орудий и снабжения боеприпасами.

После осмотра ОП я встретился с людьми пополнения. Призваны по мобилизации. Внешне они заметно отличались от наших старых огневиков, большей частью еще не избавились от гражданских привычек и не успели свыкнуться с мыслью о войне. Но к службе относились старательно. В расчетах, за исключением 1-го орудия, насчитывается по семь человек. Во время стрельб обязанности недостающих орудийных номеров выполняли водители.

23 часа. Батарея принимала участие в огневом налете по району лесотехникума. После команды «стой!» командир батареи передал: «Разрешается отдых». Безуглый распорядился выставить охрану.

Условий для отдыха на ОП достаточно. Палатка, чистый воздух, тишина, иди во все стороны. А на НП? Нудный звон рельса, запах тротилового дыма, щебенки, шпал. Чем даль-

ше от переднего края, тем больше удобств. Орудийных номеров не преследовал постоянный страх, они меньше уставали, лучше питались.

В отступательных боях первого месяца войны 231-й КАП действовал до некоторой степени в отрыве от войск. Сведения о положении на фронте поступали к нам с большим опозданием. Нередко даже о частях, которые поддерживал полк, мы узнавали, находясь вдали от района событий. Распространялись слухи, предположения, домыслы, их переносил с одной ОП на другую начальствующий и технический состав, лица, не имевшие отношения к штабной службе.

Безуглый забрался в палатку, распределил места. Одно — Карасеву, другое — мне. Устроились, закурили. Безуглый стал спрашивать о положении на участке 10-го СП.

С того момента, когда немцы заняли Малин, прошло несколько дней, но никто толком не знал, как это случилось. Каким образом 6-я батарея, другие подразделения и весь 231-й КАП, находившийся, как мы все полагали, в глубоком тылу, неожиданно оказались на поле боя, более того, один на один с пехотной дивизией противника.

Дело было так [1]. В десятых числах июля немцы начали подтягивать в район Радомышля части двух пехотных дивизий. Считалось, что этот шаг они предприняли для обеспечения тыловых коммуникаций 3-го моторизованного корпуса под Киевом. Но вскоре обе дивизии двинулись на север, в сторону Малина.

Генерал Потапов направил в Малин в качестве временного заслона усиленный стрелковый батальон, посаженный на автомобили, и 231-й КАП, который находился в резерве начальника артиллерии. Ответственность за оборону Малина возлагалась на майора Соловьева.

В тот день 1-й и 2-й дивизионы занимали позиции в лесу южнее Коростеня. 3-й дивизион двигался в район станции Чоповичи. Расстояние до Малина для 1-го и 2-го дивизионов составляло 70 километров, для 3-го — около 40. Это обстоятельство побудило майора Соловьева направить для поддержки усиленного батальона 3-й дивизион, несмотря на то что его орудия были малопригодны для непосредственного сопровождения пехоты.

При постановке задачи командиру 3-го дивизиона майор Соловьев не мог сообщить сколько-нибудь определен-

---

[1] Рассказываю со слов Варавина, Карасева и других лиц, с которыми встречался, когда проходил службу в 8-й батарее.— *Авт.*

ных сведений о противнике. Сам командир полка намеревался выехать в Малин на рекогносцировку, но был задержан старшими начальниками. Предполагалось, что пехота займет оборонительный рубеж южнее Малина, по реке Ирше. Огневые позиции батарей 3-го дивизиона были намечены в черте города.

Глубокой ночью 3-й дивизион миновал Чоповичи и настиг хвост колонны батальона. Автомобили с трудом продвигались по заболоченной дороге. Старший лейтенант Горунов предложил пехоте свою помощь. Но командир батальона ответил, что обойдется своими силами. После короткого отдыха его колонна двинется дальше.

Горунов не стал терять времени — действительно, батальон на автомобилях легко догонит тихоходные тягачи. 3-й дивизион продолжал движение. Но пехота не появлялась. Не было ее и на подходе к Малину. Она могла обогнать дивизион другой дорогой. Горунов начал беспокоиться.

Малин встретил 3-й дивизион тишиной. На улицах ни души. Сведения, собранные у местных жителей, внушали тревогу — с минуты на минуту заявится противник. Командир дивизиона направил одну батарею на радомышленскую дорогу для прикрытия моста через реку Иршу, две другие заняли закрытые ОП в лесу на окраине города и на территории бумажной фабрики. Командир дивизиона надеялся задержать противника до прибытия пехоты, вслед за которой подойдут подразделения других дивизионов.

Горунов принял это решение без колебаний. В тридцатых годах 231-й КАП, именовавшийся тогда 8-м КАП, дислоцировался в Радомышле, и Горунов, начавший службу в его рядах командиром орудия, хорошо знал местность.

В полдень 14 июля старший лейтенант Юшко — он был направлен в Радомышль с разведгруппой — доставил командиру 3-го дивизиона первые достоверные сведения о противнике. От передовых его подразделений головную 8-ю батарею отделяли 20—25 километров. Она изготовилась к ведению огня. Для двух других батарей требовалось еще минимум 2—3 часа.

Орудия 8-й батареи заняли ОП. Расчеты заканчивали маскировку, когда налетели пикирующие бомбардировщики. В дыму, поднятом разрывами бомб, показались танки, шедшие походной колонной. Их было около десяти. Орудия открыли огонь, подбили два танка. Остальные начали обстреливать ОП.

Старший лейтенант Горунов, вместе с замполитом дивизиона старшим политруком Талановым и начальником штаба дивизиона старшим лейтенантом Рогачевым, прибыл на позиции 8-й батареи. Танки продолжали обстрел с южного берега. Горунов потребовал удерживать ОП, приготовиться к круговой обороне.

8-я батарея несла потери. В 1-м орудии старшего сержанта Мечетина осталось 4 человека. Командир дивизиона осмотрел позиции и не нашел уныния среди орудийных номеров, их ободрял вид горевших за мостом немецких танков.

С батареями на закрытых ОП связи все еще не было. Горунов уже не мог уехать и занял НП на обочине дороги. Началась новая атака. Противнику не удалось выйти на мост и на этот раз. Но положение 8-й батареи резко ухудшилось. Немецкая пехота начала обстреливать ее ОП из минометов.

Орудия производили выстрелы одно за другим. Речка имела глубину не более метра, но танкисты не решались ее форсировать, их пугали разрывы 152-мм снарядов. Расчеты с нетерпением ожидали поддержки батарей с закрытых ОП.

Прошли «юнкерсы» и начали бомбить город. 8-я батарея держала под огнем мост. У Горунова появилась надежда удержать мост и не пропустить немцев в город. Подкрепления — усиленный стрелковый батальон и оба дивизиона — ожидались с минуты на минуту.

Наступило затишье. Но скоро началась стрельба в тылу. Танки форсировали реку в стороне от моста, обошли 8-ю батарею и стали обстреливать ее со стороны города. Два орудия развернулись в обратном направлении. Наконец, вступили в бой 7-я и 9-я батареи. Но немцы уже преодолели речку. Удерживание моста теряло смысл, и командир дивизиона приказал лейтенанту Волынцеву, командиру 8-й батареи, сниматься.

Понесенные потери и обложившие ОП автоматчики делали задачу батареи почти невыполнимой. Сняться ей удалось только после того, как 7-я и 9-я батареи перенесли огонь на берег речки. Огородами южной окраины Малина 8-я батарея к 17 часам вышла в район закрытых ОП.

Горунов еще некоторое время ожидал пехоту. 7-я и 9-я батареи продолжали вести огонь. На этом операция по обороне Малина закончилась.

Командир 3-го дивизиона прибыл в район закрытых ОП. Ему сообщили, что усиленный пехотный батальон подверг-

ся удару «юнкерсов», потерял весь свой транспорт и поэтому запаздывает.

Только вечером начала подходить пехота отдельными группами. Противник уже овладел Малином. Остатки батальона заняли оборону северо-западнее города, где и держались в течение двух суток, закрыв противнику путь на Чоповичи. В лесу, невдалеке от этого населенного пункта, находился КП 5-й армии.

1-й и 2-й дивизионы приближались к Малину, не зная о том, что происходит. Майор Соловьев получил донесение старшего лейтенанта Горунова около 21 часа. Малин потерян, но задача, поставленная полку, осталась в силе: преградить противнику путь на Барановку. Майор Соловьев избрал рубеж железной дороги Киев — Коростень. Стрельба в городе к тому времени затихла. Колонна 1, 2, и 4-го дивизионов пересекла железную дорогу севернее Малина. 3-й дивизион, вначале отходивший на Чоповичи, повернул назад и присоединился к полковой колонне.

Карасев говорил о положении 4-го дивизиона. Большая часть его подразделений по-прежнему использовалась вместо пехоты и занимала оборону на тыловом рубеже, так как угроза того, что немцы прорвутся за пределами удерживаемого участка железнодорожной насыпи, была вполне реальной. Карасев слышал, что 4-й дивизион комплектует два или три поста звукометрической батареи и АМП.

Клад разъезда Головки

Сегодня 22 июля. Печальная дата. Ровно месяц с начала войны. 6-я батарея провела одну-единственную стрельбу. Расчеты только то и делали, что занимали места у орудий и возвращались в укрытия. Варавин потребовал сведения о наличии снарядов и сообщил о том, что с сегодняшнего дня вводится режим строгой экономии боеприпасов.

У орудий выложено несколько видов снарядов. Самой универсальной считалась осколочно-фугасная граната, предназначенная для разрушения оборонительных сооружений и стрельбы по открыто расположенным целям. Затем бронебойные снаряды, дымовые, шрапнель.

В корпусную артиллерию шрапнель перешла из арсеналов первой мировой войны и применялась при стрельбе как с закрытых, так и открытых позиций, главным образом по таким целям, как пехота и кавалерия. Шрапнель слож-

на в производстве и хранении, особенно дистанционные трубки — устройство, заменяющее взрыватель. Нарушение герметичности на кольцевых соединениях трубки и многочисленных стыках повышает влажность ее горящего состава, что ведет к изменению высоты разрыва снаряда на траектории.

К началу войны наша полевая артиллерия имела шрапнель в боекомплекте почти всех калибров орудий войсковой артиллерии. Исключение составляли 122-мм пушки и 152-мм пушки-гаубицы. В 231-м КАП шрапнель была только в 107-мм батареях 1-го и 2-го дивизионов. Стрельба шрапнелью сложное занятие: кроме дальности и направления, стреляющий сострелива́л и высоту.

6-я батарея ведет стрельбу шрапнелью. Вторую, третью, четвертую. Установщики трубок, орудийные номера в расчетах — все из пополнения. Службу позабыли. На перерыве Безуглый организовал с ними занятия.

Не везут снаряды, обещанные штабом дивизиона. Шрапнель израсходована. Опять команды сменяют одна другую: «По местам!», «Стой!», «В укрытие!»

В 14 часов я получил приказание изучить дорогу на Головки — небольшой разъезд северо-западнее Малина по железной дороге на Коростень. Ходят слухи, будто разъезд Головки завален боеприпасами.

Обстановку в районах на северо-запад от Малина штаб дивизиона, отдавший приказание, не сообщил. Если судить по карте, которую я получил вместе с приказанием, противник на западном участке продвинулся дальше железной дороги, и разъезд Головки лежал в его тылу. Моя задача: осмотреть разъезд и вывезти сколько возможно снарядов, если наших калибров.

Артиллерийский техник дивизиона и я с двумя автомобилями выехали в путь. Полчаса спустя колонна подверглась минометному обстрелу. Я остановил автомобили и невдалеке обнаружил позиции звукометрической батареи 4-го дивизиона. Где передний край? Звукометристы этого не знали. Прошлую ночь дозор, патрулировавший дорогу, был обстрелян, по-видимому, разведгруппой противника. Ни артиллерия, ни минометы прежде не обстреливали позиции звукометристов.

Я ошибся, проселочная дорога — карта показала поворот к разъезду — уводила в другую сторону. После долгих объездов показались строения. Разъезд Головки. На рампе горы ящиков. Снаряды всех калибров: 76, 107, 122, 152-мм. Где хозяин? Неизвестно. Кто и почему выгрузил

на разъезде снаряды? Когда? Железнодорожники не знали.

Арттехник начал осмотр. Железнодорожники возражали — нужно предъявить документы.

— Чудаки,— ответил техник,— какие документы?.. Война... вы, наверно, слышали? Снаряды попали к вам по ошибке. Зачем они вам?

Начальник разъезда — скуластый сорокалетний мужчина в плоской на японский манер фуражке с молоточками вместо кокарды — был неумолим.

— По-вашему снаряды, а по-нашему груз. Если вы желаете получить груз, предъявите документы.

— Моя специальность перевозить снаряды. Последнюю накладную я видел месяц назад... не до бумаг,— возразил техник.

— Возите, что угодно. Я отвечаю за сохранность грузов на станции и не хочу садиться в тюрьму,— настаивал начальник станции.

— И зря не хотите... Раньше посадят, раньше выпустят,— утешил его арттехник.— Вы бюрократ, злоупотребляете своим положением!

В кабинет начальника станции, где происходит разговор, доносятся звуки далеких орудийных выстрелов. Начальнику небезызвестно положение на железнодорожной линии. В самом деле... к чему разговор? Боеприпасы лежат мертвым грузом, а мы теряем время в пустых пререкательствах. Нужно приниматься за погрузку. В зоне боевых действий все учреждения обязаны выполнять приказы военного командования. «Срок пять минут. Начальник обязан собрать всех служащих для погрузки боеприпасов в машины»,— объявил арттехник.

Стали собираться стрелочники, путейцы.

— Это самоуправство. Я буду жаловаться,— ворчал начальник.

Погрузка закончена. Шофера осмотрели автомашины.

— Отдыхайте, набирайтесь сил. Через час-полтора вернемся,— крикнул арттехник, садясь в машину.

На борту красные флажки — опасный груз. Колонна прибыла в тыл КП 2-го дивизиона. Я доложил о положении на разъезде Головки. Старший лейтенант Рева,— он находился на КП, оставил свой обычно недовольный тон и дал понять, что готов забыть случай с целью № 9.

Все последующие дни парковая батарея и артснабжение вывозили боеприпасы со станции Головки. Вывозили и другие части. Для артиллерийских частей в районе Малина проблема обеспечения боеприпасами разрешилась самым

неожиданным образом. Станция Головки находилась, по существу, в тылу противника, он эпизодически обстреливал ее.

Всю ночь в палатку барабанил дождь. Безуглый открывал полость, выходил проверять караул. Брызги падали мне в лицо.

Традиции 231-го КАП

23 июля. В воздухе сыро. Горизонт затянули тяжелые свинцовые тучи. Где-то в их толще поднималось невидимое солнце, разбрасывая лучи широким, бледно-оранжевым веером. Погода портилась. Воронки заполнены водой. Между 2-м и 3-м орудиями лужа. По следу убывающей воды выпрямляются стебли, зеленеет трава.

Карасев еще спал. Безуглый поднялся, разбудил меня. Грунт размок. Под сошниками — вода. Как в нишах, где сложены снаряды?

Прибежал телефонист. «К телефону!» Варавин сообщил выписку из приказа по полку. Я назначен в 8-ю батарею. Явиться на ОП. Назначен временно, поэтому Варавин не прощается. 3-й дивизион выслал за мной автомашину. Обязанности передать Безуглому.

Ни разу мне не приходила мысль о другом подразделении. 8-я батарея... совершенно неожиданно. А как же... Безуглый, сержанты, орудийные номера? Казалось, никогда я не расстанусь с ними. Изрытая воронками поляна. Могила на пути 6-й батареи, она укрыла 9 воинов, сложивших свои головы, исполняя присягу,— целый орудийный расчет.

Крещение огнем! Обстрел длился четверть часа... четверть часа один на один со смертью. У тех, кто остался жив, навсегда сохранится в памяти ОП за обочиной дороги на северной окраине села Пирожки.

Существуют ли, применительно к нашему состоянию, критерии в измерении времени? Если да, то на поле боя воин испытывает в одно мгновение больше впечатлений, чем иные люди за всю свою жизнь.

На дороге ЗИС-3. Повернул к сараям. На дверце — знак 3-го дивизиона. Я пожелал провожающим счастливо оставаться. ЗИС-3 тронулся. Под колесами полевая дорога, ухабы, лужи. По словам старшего машины, ОП 8-й батареи находилась в 7—8 километрах. На радомышленской дороге она потеряла более тридцати человек. В числе погибших был и старший на батарее.

Дивизион в артиллерии по своему положению приравнивается к отдельной части со всеми свойственными ей атрибутами. Он имеет свой штаб, органы разведки и связи, взвод боепитания. Дивизиону для развертывания назначается, как правило, отдельный район. Как у Сарн, Емильчино, Новоград-Волынского, так и здесь, у Малина, значительную часть своих задач он выполняет в полном составе. Дивизион — треть огневой мощи полка.

231-й КАП добился замечательных успехов. Самый яркий в этом ряду — бой на железнодорожной насыпи. Вечером 14 июля положение казалось безнадежным, но полк не дрогнул. 3-й дивизион, может быть, не остановил противника надолго перед мостом на реке Ирша. Он действовал один, без пехоты, и не мог предотвратить захват Малина. Но он сделал не меньше, вошел в соприкосновение с противником, задержал его и тем самым обеспечил возможность другим дивизионам достичь железнодорожной насыпи, единственного рубежа, который увеличил нулевые шансы полка выполнить общую задачу — свою и усиленного пехотного батальона.

Бой на железнодорожной насыпи далеко выходит за обычные рамки. Это подвиг! Наши слова, даже самые проникновенные, не выражают истинного смысла солдатских усилий такого рода. Воинскому подвигу присуще не только содержание, но и цвет, немеркнущий цвет пламени и крови, пролитой во имя Родины-матери.

Личный состав 231-го КАП — орудийные номера, разведчики, телефонисты, вычислители — самоотверженно сражался, не щадя сил и жизни. Противник был остановлен и не мог продолжать наступление. Наши воины проявляли лучшие качества, воспитанные Коммунистической партией — стойкость, отвагу, непоколебимую верность присяге.

231-й корпусной артиллерийский полк был одним из старейших в нашей артиллерии. До 1937 года он именовался 8-м корпусным артиллерийским полком и был расквартирован в городе Радомышле, позже в Белокоровичах. После освободительного похода в Западную Украину был включен в состав 15-го СК и дислоцировался в Ковеле.

В 231-м КАП проходили службу многие доблестные военачальники-артиллеристы, отличившиеся в годы войны: генерал-лейтенант артиллерии Тимотиевич, генерал-лейтенант артиллерии Васюков, генерал-полковник артиллерии В. П. Соловьев, генерал-майор артиллерии Мазур, полковник Казаков, полковник Гончаренко.

231-й КАП имел свои традиции. Зримым выражением их являлась полковая эмблема — силуэт рыцарского щита, наносимый белой краской в верхней наружной части щита каждого орудия, на дверцах всех тягачей и автомобилей. Каждый дивизион имел свой особый символ, который вписывался в полковую эмблему. Во 2-м дивизионе — аист; в 1-м — верблюд — в годы гражданской войны дивизион сражался в пустынях Средней Азии; в 3-м дивизионе — ель, в 4-м — трапеция.

Символика выполняла и определенную практическую работу. Так, все телефонные и радиопозывные подразделений, кодовые таблицы, пароли и отзывы во 2-м дивизионе включали названия птиц, в 1-м — животных, в 3-м и 4-м — соответственно деревьев и геометрических фигур. В каждом дивизионе позывные начинались всегда с одной и той же буквы. Под Малином 4-я батарея называлась «Фламинго», 5-я — «Филин», 6-я — «Феникс».

Установленные правила строго, неукоснительно соблюдались во всякой обстановке. За этим следил помощник начальника штаба полка старший лейтенант Дымнич, черпавший необходимые сведения из книги Брема «Жизнь животных и птиц». Старый, добротно изданный, экземпляр ее хранился наряду с документами особой важности в штабе полка.

Выше упоминалось о команде огневиков, действовавшей на гороховом поле. Позывная «Фламинго» вносила определенную ясность в обстановку. Я находился в районе НП одной из батарей 2-го дивизиона и мог рассчитывать на ее поддержку.

Личный состав полка относится к своей эмблеме как к знамени. В районе Емильчино эсэсовцы внезапно атаковали закрытые ОП 1-й батареи. Это случилось ранним утром. Расчеты отошли. Кто-то вспомнил эмблему. Перед отправкой орудия из подразделения эмблема удалялась. Орудия попали в руки врага. Горстка людей двинулась обратно на ОП вернуть орудия или хотя бы исполнить долг, как требовала традиция полка.

Эсэсовцы встретили артиллеристов автоматными очередями. Схватка возобновилась. Один из орудийных номеров сумел подойти к орудию и стал стирать эмблему. Настигнутый пулями, он погиб, сделав лишь часть работы.

Эсэсовцы снова оттеснили орудийные расчеты. Но на этом борьба не закончилась. К полудню, при поддержке 2-й батареи, огневики вернули свои орудия.

С того времени на щитах орудий 1-й батареи наносились

две эмблемы: рядом со стандартной белела другая, наполовину стертая — какой она осталась под рукой погибшего огневика. Усеченный рыцарский щит напоминал о подвиге воина, верного долгу и присяге.

В отличие от уставных норм, обязательных для всех, требования традиций соблюдаются личным составом только одного подразделения или части. Уравниловка порождала безличие, застой, тормозит состязание. Традиция наделяла отличием всякое подразделение, для того чтобы сплотить всех под знаменем полка.

Влияние воинских традиций огромно. Воин связан со своим орудийным расчетом узами дисциплины и рассматривает принадлежность к коллективу как нечто обязательное и постоянное. Отношение воина к службе определяют общепринятые уставные положения, и все же интересы орудийного расчета, взвода, батареи, к которой он принадлежит, ему ближе, чем другого подразделения. Поэтому в наших Вооруженных Силах батареи и полки исстари называются родными.

Традиции 231-го КАП культивировали у личного состава дух дисциплины и коллективизма. Огневики, разведчики, связисты, люди обслуживающих подразделений дорожили тем, что их полк, оставаясь таким же, как другие артиллерийские части, имел собственное лицо.

Способность подчиняться закону дисциплины возвышает воина в его собственном мнении. Он поступался личными интересами в пользу общую и не представлял себя вне строя своего подразделения. Но сознание рядового не означает, что он утрачивал черты, свойственные отдельной личности. Наоборот, воин старался преуспеть, отличиться, лучше других нести службу. И находил стимулы в делах подразделения, поскольку он внес свою долю, которая не рассеялась попусту и не исчезла бесследно, но обратилась в действия орудийного расчета, взвода, батареи.

Традиции 231-го КАП затрагивали до некоторой степени и служебные отношения. Так, во 2-м дивизионе для приветствия старших начальников полагалось подавать команды независимо от характера занятий, в том числе и во время ведения огня.

Традиция 3-го дивизиона, куда я назначен, обязывает повторять приказания от слова до слова. Об этом меня предупредил Безуглый.

* * *

Автомобиль оставил залитую водой проселочную дорогу. Дальше, за поворотом на Хмелевку, для ЗИСа она почти непроходима.

8-я батарея занимала ОП в дубовой роще, которая тянулась с северо-запада на юго-восток на 2—3 километра. В копнах, слева от дороги, нашли пристанище беженцы, десятка полтора повозок. Пестрая картина. Трепыхались простыни, пеленки, развешанные на дышле. Кляча в упряже, опустив голову, жевала траву. Под повозкой сидели неподвижно дети, глядя на машину.

Все командирские обязанности на ОП 8-ой батареи исполнял лейтенант по фамилии Мухамедаев — среднего роста, черноволосый и смуглый. Он и доложил о моем прибытии на НП командиру батареи. Слышимость после дождя скверная. На линии, по словам телефониста, много порывов. Разговор дублировал промежуточный узел связи.

Лейтенант передал мне трубку: «Принимайте должность. К двадцати часам закончить оборудование позиций»,— сказал командир батареи. Я уже знал о некомплекте людей в орудийных расчетах. После стрельб еще не были убраны гильзы, укупорка. Мухамедаев качал отрицательно головой. К назначенному времени нельзя выполнить работу. Поучения Безуглого вылетели из головы. Вместо того чтобы повторять приказание, я ответил, что это зависит от того, будет ли командир батареи вести огонь.

— Независимо, товарищ лейтенант! Полагается повторять приказания. Оборудование закончить, даже если орудия будут беспрерывно стрелять. Эти новые лейтенанты... Вас назначили для того, чтобы утверждать воинский порядок, а не наоборот,— дублировал недовольно телефонист с промежуточного узла связи.

Лейтенант Мухамедаев сказал, что мой предшественник имел точно такой же разговор с командиром батареи. Лейтенант Волынцев не терпит возражений.

Расчеты, не спеша, убирали ОП. Лейтенант распорядился ускорить работу и отдал необходимые приказания, чтобы упростить мне ознакомление с огневыми взводами.

— По местам!

Оплошность, которую я допустил в разговоре с командиром батареи, не выходила из головы. Не радовал уже и солнечный день и то, что 8-я батарея находилась в лучшем положении, чем 6-я. Шумят листвой развесистые дубы. Передний край в 10-ти километрах.

Говорят, батарея — дом родной... Да... родной. Но дом дорог всякому человеку. Колыбель, начало жизни, тепло родительского очага, питье и пища. Воспоминания о родном доме до конца жизни не изгладятся в памяти.

Но привязанность воина к подразделению имеет другую природу. Нет крыши над головой и нет тепла. Воину дороги люди, с которыми сражался в одном строю, он знает их нагую душу, богатство и чистоту человеческой натуры. Никаких тайн и секретов ни в мыслях, ни в намерениях, ни в поступках. Воин верит своим товарищам, своим командирам, как верят люди собственному я.

Никакие занятия несравнимы с фронтовой службой. Нигде человек не подвергается такому колоссальному напряжению и не переживает такие невыразимо глубокие и острые ощущения.

Я с сожалением покидал 6-ю батарею. Безуглый был для меня ближе, чем Мухамедаев. Я знаю командиров орудий и рядовых в лицо, каждого, кто повиновался командам, пренебрегая опасностью, знаю и тех, кто не спешил занять места у орудия, когда бушевали разрывы. А здесь, в 8-й батарее? Орудийные номера бегают у своих огромных орудий... Конечно, в их числе есть верные и храбрые воины и, может быть, не меньше числом, чем в 6-й батарее. Но тех я видел в действии, а эти? — слышу лишь фамилии, и то со слов других. Но это совершенно разные вещи.

Осмотр ОП закончен. Расчеты принялись за лопаты.

— Огневые взводы, приготовиться к приему команд! — передал телефонист.

Батарея открыла огонь.

152-мм пушка-гаубица относилась к разряду тяжелых орудий. Досягаемость ее по дальности свыше 17 километров. Снаряд весит 45 килограммов. В отличие от пушек, у пушки-гаубицы стреляющий путем изменения зарядов избирал наиболее выгодную траекторию и угол встречи снаряда у цели. Это увеличивало его поражающее действие и позволяло экономить ресурс орудийного ствола.

Вес 152-мм пушки-гаубицы — 7 тонн. Массивный лафет с раздвижными станинами, помимо сошников, имел особые клинья, обеспечивающие устойчивость орудия в момент выстрела. Все это повышало точность стрельбы. Я привык к тому, что после выстрела у 107-мм пушек наводку надо восстанавливать. Пушка-гаубица почти не сдвигалась с места.

Дальность до цели — 15 километров. При стрельбе на больших углах возвышения возникают неудобства в заря-

жании тяжелых орудий. Замедлялся темп стрельбы. Заряжание производится с помощью досыльника, который полагается иметь в комплекте каждого орудия.

Лейтенант Мухамедаев подал команду. Но досыльников не оказалось — был только в 1-м орудии.

Лейтенант Волынцев недоволен. Досыльники не изготовляются по мановению руки. Нужно найти материал. А время? Я торопил огневые взводы. Кто-то предложил использовать черенки лопат.

Что же делать? Лопата — необходимый инструмент. И все же темп в данную минуту важнее. Черенки обломаны и пошли в ход.

Стрельба — хлопотное занятие. Хорошо, когда она ладится, не идут в счет отдельные ошибки, но если подан повод, начинается канитель. Уточнения, запросы, окрики следуют одно за другим.

— Доложить установки последнего выстрела!

Командир батареи решил найти ошибку, через телефонистов сверяет свои записи с моими, командиры орудий листают бланки записи команд. Наконец ошибка найдена. Причина: небрежность в обращении с уровнями наводчика 2-го орудия.

Стрельба продолжалась.

— Стой! Записать... цель номер восемнадцать. Перерыв тридцать минут.

Ни о каком отдыхе не может быть речи. Командиры орудий должны привести в надлежащий порядок штабеля снарядов, материальную часть орудий, принадлежности к ней. Продолжается прерванное оборудование. На это уйдет еще три-четыре часа. У огневых взводов нет времени. Нужно приложить все силы, чтобы выполнить приказание командира батареи.

Телефонист звал к аппарату. Слышимость улучшилась. Лейтенант Волынцев раздражен. В чем дело? У орудий нет необходимых принадлежностей. Почему?

Выясню.

— Я не нуждаюсь в ваших выяснениях... мне нужна четкая служба. Занимайтесь выяснением до стрельб, а не после. Старший на батарее обязан поддерживать на ОП порядок.

Я не успел осмотреться, не знаю состояния орудий.

— Вот как? Товарищ лейтенант, разве во втором дивизионе другой закон?

Нет. Но у 107-мм пушек расчеты не прибегают к досыльникам.

Волынцев умолк. Трубка перешла в руки телефониста.

Лейтенант Мухамедаев объявил расчетам замечания, сделанные командиром батареи, и занялся проверкой боеприпасов, приборов освещения, орудийных ЗИПов.

Знакомство с ОП 8-й батареи продолжалось. Место укрытия для тягачей в сотне шагов. Слишком близко. Тяжелые сельскохозяйственные тракторы приткнулись к деревьям, наскоро прикрыты ветвями.

— Мухамедаев, кто должен рыть для тягачей окопы? Командир отделения тяги, он — Мухамедаев — или я? Кому-то из этого числа нужно приниматься за работу немедленно!

С НП поступила команда «по местам!». Разговор с командиром отделения тяги остался незаконченным. Волынцев вел огонь по пристреляным целям. Одна пауза, другая. Снова огонь.

Надвигался вечер. Лейтенанту Мухамедаеву и командирам орудий, по-видимому, отдыхать не придется. Чтобы избавиться от замечаний, лично я предпочитаю работать днем и ночью.

К полуночи большая часть из того, что считалось отступлением от норм воинского порядка, устранена. Закончилось оборудование мест отдыха для людей.

Ночью прошел дождь. В 5 часов телефонист передал: «По местам!» Пришел с НП замполитрука Юрченко, временно исполнявший обязанности замполита батареи. Он провел там два дня. 8-я батарея поддерживала 3-ю роту 63-го СП. Наблюдательный пункт Волынцева в районе западного железнодорожного переезда. Подразделения 63-го СП вели бои по улучшению своих позиций.

С утра стрельбы идут значительно лучше. В целом огневые взводы 8-й батареи выглядели не хуже, чем в 6-й. Отклонения от норм дисциплины, по-видимому, объяснялись некомплектом командиров и людей в орудийных расчетах.

Служба продолжается. Расчеты получили разрешение на отдых.

Совершенно неожиданно явился командир батареи. Я подал для встречи команду.

— Гм... будем знакомы, Волынцев,— стройный, щеголеватый лейтенант приветливо улыбался. Довольно высок, правильные черты лица.— Не люблю сюрпризов и отступаю от правил редко... шла попутная машина. Хочу посмотреть у вас порядок.

Расчеты заняли места.

— Терпимо... Товарищ старший на батарее, люди устают... Как с отдыхом? Нужно выкроить время...— и ни слова о досыльниках.

Волынцев стал спрашивать о Варавине и Савченко, с которыми знаком. Что там произошло с разведчиками?

Посещение командира батареи закончилось осмотром кухни. После обеда он уехал. По местам! Батарея продолжала стрельбу.

Перед закатом солнца ближнее поле и опушка рощи совершенно неожиданно начали погружаться в туман. Командиры орудий выставили ближние точки наводки.

Юрченко выразил желание присмотреть за порядком в ночное время. Мы — лейтенант Мухамедаев и я — могли спать. Но не удалось. Батарея открывала раз за разом огонь. Последняя стрельба тянулась до рассвета. Я не возвращался в палатку.

Первый утренний огневой налет произведен по цели, обнаруженной ночью.

В полдень прилетел «хеншель». Расчеты только ушли в укрытие. Вернулись, начали стрелять. Корректировщик, наверное, отметил на своей карте ОП 8-й батареи, но она недосягаема для батарей немецкой войсковой артиллерии.

День за днем продолжалась моя служба в 8-й батарее. Как-то вечером,— было уже совсем темно,— телефонист позвал меня к телефону.

— Товарищ лейтенант, есть приказание...— говорил Волынцев,— возвращайтесь в свою батарею. Спасибо за службу. Привет Варавину и Савченко. До свидания.

В районе Пинязевичей

Несостоявшийся визит англичан

Я нашел 6-ю батарею там же, где оставил. Но окружающий ландшафт заметно изменился. Луг как будто подсох. Стали чище, ожили, отмытые дождями, тускло-зеленые листья ольхи. В лучах солнца сверкают капли росы. Не слышно запаха перегретых орудийных стволов. Рядом с обломанной, увядшей веткой тянулись новые побеги. Вокруг воронок щетинилась молодая трава.

На ОП комиссия из штаба артиллерии 5-й армии проверяет состояние орудий, документацию. Я представился военинженеру 2-го ранга, возглавлявшему комиссию. Его интересовал один вопрос: почему не соблюдаются правила эксплуатации материальной части?

Комиссию приводил в изумление непомерный расход снарядов. Интенсивность стрельбы превосходила все допустимые нормы.

— Вы нарушаете режим, установленный техническими нормами,— говорил председательствующий.— Если так будет продолжаться, через десять-двадцать дней орудийные стволы выйдут из строя. Это граничит с вредительством. Буду докладывать командованию.

Военинженер говорил каким-то неестественным, деревянным голосом. Глубокое безразличие в выражении его лица лишали речь всякой убедительности. Неужели артснабженцам невдомек? Старший на батарее, как всякий из орудийных номеров, только выполняет команды. Режим огня и все, что связано с применением оружия, определял стреляющий: темп, количество снарядов, заряды и т. д. Инженер обращается не по адресу. Не знает таких простых вещей? Или разговор затеян только так, для формы?

Комиссия составила погромный акт. Вина за недочеты и упущения, обнаруженные в содержании орудий, возлагалась на должностных лиц огневых взводов — командиров орудий, старшего на батарее.

— По местам!

6-я батарея ведет огонь. Члены комиссии поспешно удалились в укрытие. 30, 40, 60 выстрелов.

— Стой!

К буссоли явился председатель. По его требованию, мы — Безуглый и я — поставили под актом свои подписи. Комиссия закончила работу и убыла в штаб дивизиона.

На участке 10-го СП — 2-й дивизион по-прежнему поддерживал его подразделения — особых изменений не произошло. Пехота не прекращала настойчивых попыток вытеснить противника из Малина.

На следующий день 6-я батарея получила новую задачу. ОП в лесу, справа от полевой дороги из Малина на Бородянку. Работы по инженерному оборудованию начались после приведения орудий в боевое положение. Трудились все в поте лица.

Связь запаздывала. К тому времени, когда явились телефонисты, земляные работы, в основном, были закончены. Начали поступать команды. Батарея вела огонь дотемна.

В лесу масса артиллерии. Всех калибров. Позади 6-й батареи позиции 203-мм гаубиц. С одной стороны — 122-мм пушки, с другой — гаубицы того же калибра. Впереди ОП Ф-22. Выстрелы гаубичной батареи иногда сопровождал необычный вой. В чем дело? Вечером я прошел на гаубичную ОП. Выяснилось, что ведущий поясок снаряда при движении по нарезам ствола частично деформировался. Сопротивление на траектории увеличивалось и вызывало самопроизвольное отклонение снаряда. Производственный дефет.

В нашей артиллерии применялись преимущественно взрыватели инерционного действия, с двойным предохранением. Первая ступень снималась вследствие ускорения снаряда в момент выстрела. Вторая — у цели, при встрече его

с преградой. Срыв ведущего пояска нарушал последовательность. Торможение приводило взрыватель в действие, иногда снаряд разрывался в стволе. В пушечной артиллерии подобные случаи встречались редко.

Ночью 6-я батарея участвовала в огневых налетах по районам СО в глубине боевых порядков противника. С утра подавляла цели на переднем крае.

На участке фронта восточнее Малина, по словам Варавина, артиллерия противника непрерывно вела разведку. Наряду со звукометрическими станциями широко применялись самолеты-корректировщики и аэростаты наблюдения. Обнаруженные позиции в зоне досягаемости немецких батарей подвергались интенсивному обстрелу.

Передний край в 7 километрах. Немецкая артиллерия обстреливает соседние батареи, то одну, то другую. Дошла очередь и до 6-й батареи. Младший лейтенант Варавин прервал стрельбу. Люди укрылись в щелях.

Перед вечером противник произвел новый огневой налет. 3-е орудие потеряло двух человек.

* * *

Наблюдатель обнаружил самолет с опознавательными знаками, которых никто прежде не видел. И силуэт необычный. Варавин сообщил, что самолет, облетавший район Бородянки, принадлежит английским ВВС. Офицеры английской военной миссии и корреспонденты намеревались посетить в зоне боевых действий ряд частей, в том числе наш полк. Англичане находились в штабе 15-го СК.

Командир батареи приказал готовиться к встрече гостей, привести в надлежащий вид людей, материальную часть, машины.

Известие взбудоражило огневиков. Как же! Англичане — наши единственные союзники. Мы знали о боевых действиях английских войск в Северной Африке, о борьбе, которую с непоколебимым мужеством вел на морях британский королевский флот. Английские истребители героически сражались с люфтваффе в небе метрополии.

Орудия 6-й батареи не блестели лаком, на стволах не осталось от краски и следа, щиты испещрены осколками. Но я полагал, что англичан в первую очередь будут интересовать люди. А расчеты выглядели, как и полагалось фронтовикам. Обмундирование изношено, в заплатах, но люди одеты опрятно, по форме. Внешность воина убедительнее, чем все прочее, выражает его дух.

Больше всех пекся о встрече замполит Савченко, листал газеты. Он хотел, чтобы орудийные номера могли называть британские линкоры, миноносцы, подводные лодки, отличившиеся в сражениях с общим врагом, фамилии адмиралов и генералов. Замполит собрал всех свободных людей на тренировку. Провел политинформацию. Долго ли устоит Великобритания? Каково положение на ее фронтах? Беседа затянулась и была прервана командой «по местам!». Орудия открыли огонь.

Во время перерыва младший лейтенант Варавин объявил выводы комиссии артснабжения. Многие командиры обвинялись в небрежном содержании материальной части, несоблюдении технических норм эксплуатации. Я доложил командиру батареи о разговоре, который состоялся с председателем комиссии.

— Ну-ну... не так уж он и неправ. Орудия подкрасить и следите, чтобы не было ржавчины там, где ее не должно быть.

Орудийные расчеты занялись малярными работами. Я вздремнул под деревом, там стояла палатка.

Огневой налет! Слышится запах жженой земли. Какие-то звуки, необычное шипение. Я с трудом повернул голову, словно был контужен. В одном шаге торчит 105-мм снаряд, в рикошете вышедший на три четверти из грунта. Не сработал взрыватель. От него исходил пар.

Безуглый и Савченко с некоторого удаления осматривали мою палатку. Ниже перекладины снаряд оставил дыру, не затронув, однако, ни колья, ни растяжки.

— Товарищ лейтенант, где же амулет? — спросил Безуглый.

— Вы хотите сказать камуфлет,— поправил Савченко, не двигаясь с места.

— Товарищ политрук, я сказал то, что хотел... В нашем языке снаряд, не разорвавшийся с кем-то рядом, на поверхности, называется амулет.

— А я думал...

— Камуфлет...— это тот случай, когда снаряд с фугасным взрывателем уходит в землю слишком глубоко, не в силах выбросить грунт.

Явился артмастер, извлек из земли немецкий снаряд и отнес в сторону. Близкий разрыв другого снаряда мог вызвать его детонацию и привести к тому, что не сделал взрыватель.

Политрука Савченко вызвали в штаб дивизиона к стар-

шему политработнику. Возвратился он уже после полудня. Вместе с политруком прибыл лейтенант.

— Васильев,— представил его политрук,— назначен к нам командиром 2-го огневого взвода. Принимайте в свой круг.

Безуглый пожимал руку Васильеву:

— Круг, конечно, предпочтительней, но у нас только линии... Тут линия орудий, дальше линия железной дороги, за ней линия переднего края.

Лейтенант Васильев — в новом, с иголочки, обмундировании. Ему примерно двадцать три года. На вид не особенно крепок. Среднего роста, лицо продолговатое. Опрятен, побрит, причесан.

Все присели на бруствере. Васильев неторопливо огляделся и стал рассказывать о себе. В прошлом году окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, проходил службу в одном из внутренних округов. Извел немало бумаги на рапорты с просьбой направить в действующую часть. Сегодня его желание сбылось, он доволен, что находится среди фронтовиков.

Телефонист передал на НП о прибытии командира 2-го огневого взвода. В сопровождении сержанта Митрощенко лейтенант Васильев отправился представляться командиру батареи.

Союзники не появились ни в тот день, ни на следующий. Потом штаб дивизиона уведомил, что посещение англичан не состоится.

6-я батарея меняла боевые порядки. Огневые взводы в затруднении. Артснабженцы привезли со станции Головки на ОП четыре боекомплекта. Поднять столько одним рейсом невозможно.

— Орудия выводите на Зарудье, к развилке дорог. Я приеду через полчаса. О снарядах позже,— сказал по телефону младший лейтенант Варавин.

Парашютисты и мифы

Лесная дорога укатана. Стоят указатели. Район тылов какой-то стрелковой дивизии. Пехота, по-видимому, занимала оборону по железной дороге Киев — Коростень. За обочиной позиции дивизионных артиллерийских полков. Дальше — наши калибры, две батареи корпусного артиллерийского полка.

На развилке дорог стоял в ожидании командир батареи. «Принять вправо... стой!» Орудия и машины выкрашены свежей краской. Варавин шел вдоль колонны, он доволен работой, проделанной орудийными расчетами.

— Молодцы. Сколько они тут перенесли огневых налетов? Десять?

— Нет, побольше,— ответил Савченко.

— Потери?

— Два человека.

— А под Пирожками? Понимаете, что значит отрытая вовремя щель? Надеюсь, мне больше не придется говорить об этом,— Варавин стал излагать задачу.

Вместе с Васильевым и огневым разъездом я ехал на ЗИС-3 в сторону Зарудья. Навстречу тянулась кавалерийская колонна. Пять-шесть эскадронов. С батальонными пушками, пулеметы на вьючных лошадях.

ЗИС остановился — ОП. Огневой разъезд приступил к работе. Васильев возвратился за огневыми взводами.

Обоз, отдыхавший на привале, сообщил: до переднего края 10 километров. Невдалеке от выбранной ОП грейдерная дорога. «Воздух!» — кричат обозники. Гудят моторы «юнкерсов», начинается бомбежка.

Связь с НП установлена. Но Васильев не появлялся. Я ждал час, другой. Командир батареи обеспокоен. В чем дело?

Огневые взводы пришли только через четыре часа. Выясняется, на обратном пути Васильев попал под бомбежку, машина сгорела, он добирался пешком.

6-я батарея открыла огонь. Стреляющий получил координаты целей из дивизиона АИР начальника артиллерии 27-го СК, который обеспечивал артиллерийские части в районе Зарудья.

Утром следующего дня командир батареи сообщил обстановку. В район Зарудья прибыл только 2-й дивизион. 6-я батарея поддерживала подразделения воздушно-десантной бригады.

В 8 часов началась артиллерийская подготовка. Грохот стоял невообразимый. По своей численности группировка нашей артиллерии здесь превосходила Малинскую по меньшей мере в три раза.

Варавин сопровождал огнем атаку. Несмотря на сильный минометный обстрел, парашютисты отбросили стремительным ударом немецкую пехоту на 10—15 километров. В ряде мест ее отход превратился в бегство.

На грейдерной дороге показалась колонна пленных —

около 70 человек. Тащатся немецкие повозки с разным трофейным имуществом, запряженные огромными ломовыми лошадьми. Пленные остановились на привал.

— Мне еще не приходилось видеть немецких солдат, пойдем поговорим,— предложил Васильев.

Начальник конвоя лейтенант-парашютист махнул рукой.

— Не имею ничего против, пожалуйста... но эти молодчики отпетые гитлеровцы, до небес превозносят своего фюрера.

Пленные поспешно поднялись. Своей внешностью они мало отличались от тех немцев, которых я видел невооруженным глазом и сквозь стекла стереотрубы: в куртках, засученные рукава, сапоги с широкими голенищами. Не доставало только оружия и в этом, похоже, заключалось единственное обстоятельство, огорчавшее пленных.

— Прошли, что называется, огонь и воду... прожженная публика... Европу оккупировали от Нордкана до Крита. Но у нас не то. Подождите, придет время,— говорил лейтенант-парашютист.

Длинный сухопарый немец с забинтованной головой заговорил по-русски.

— Господин лейтенант заблуждается. Русская армия разбита и больше не способна на серьезное сопротивление. Немецкие войска овладели Смоленском. Москва обречена... Комиссары скрывают правду и обманом заставляют вас сражаться...

— Мы сознательно идем за комиссарами, у нас одна цель,— ответил лейтенант.— Вам известны потери ваших «непобедимых» войск под Киевом? Смоленск, возможно, потерян, но мы вернем его. Уверяю, вы не последний пленный.

— О, не стоит беспокоиться... Мой плен есть досадное недоразумение. Я охотно признаю: русские парашютисты храбрые солдаты. Нам пришлось немного отступить, но это ничего не значит... Разве господину лейтенанту не известно, что русское командование, бросив парашютистов в бой, лишилось своих последних резервов?

— Геббельсовская пропаганда с первого дня войны трубит о том, что резервы русских израсходованы.

— Немецкие войска у стен Москвы... Россия падет. Дни Советов сочтены!

— Не забывайте, вы в плену.

— Да, к сожалению, но мои мысли, как и мысли моих товарищей по несчастью, вместе с теми, кто сражается за фюрера и великую Германию.

После первых русских фраз немец начал употреблять немецкие, польские, чешские слова, адресуя их, по-видимому, к пленным. Они согласно кивали головами.

— Ну, вы видите этих типов? Собираются покорять Россию... А ведь он и в самом деле думает, что меня и вас заставляют воевать комиссары.

* * *

Среди немецких солдат в то время преобладало мнение, что Россия — колосс на глиняных ногах. Гитлер намеревался закончить «восточную кампанию» в течение считанных недель, и в любом случае до наступления осенней распутицы. Судьба России не свершилась, но сомнений нет — дни ее сочтены.

Немецкие штабы планировали операции, которые предполагалось проводить после «падения Советов». Картографы трудились над составлением новейших топографических карт Ближнего и Среднего Востока. Немецкая промышленность производила великолепные сетчатые спальные палатки, чтобы избавить от москитов немецких солдат в жарких странах.

Немецкий подводный флот топил на просторах Атлантики суда, доставлявшие оружие и продовольствие на Британские острова. Горные егери сменяли свои караулы у Нордкана, немецкий танковый корпус поддерживал итальянского союзника в песках Ливии.

Немецкие войска повсюду теснили противника. Нацистская Германия в глазах доброй половины человечества представлялась силой, которая уверенно шла к мировому господству.

Но в основе своей военные успехи нацистской Германии не имели прочного фундамента. Военная мощь ее определялась не столько ее духовным и промышленным потенциалом, сколько обстоятельствами, которые проявлялись в положении срединного государства, лишенного собственной сырьевой базы. Германия подчинила европейские страны, но полностью поставить их ресурсы для обеспечения собственных нужд в короткий срок было невозможно. Да в то время самоуверенные нацисты и не видели в этом особой нужды.

Немецкие войска сражались на фронтах, протяженность которых увеличивалась с каждым днем. Уже в одном этом обстоятельстве таилась величайшая опасность в случае затягивания войны.

Вермахт не был универсальным инструментом и предназначался для ведения скоротечных войн. Исходная позиция совершенно очевидно ограничивала его боевые возможности. Немецкая военная мысль придерживалась концепции блицкрига с самого начала возрождения вооруженных сил. Та же концепция определяла принципы боевой подготовки, штатную организацию, систему управления, свойства оружия и т. д.

В основу боевого использования войск были положены три, по меньшей мере, правила: концентрация сил на избранном направлении («идти врозь, сражаться вместе»); массирование огневых средств («бить так бить»). Соблюдение одного и другого — создавало реальные предпосылки для успешного прорыва подвижных соединений в глубину территории обороняющегося, где и завершался его разгром.

Военная наука, обобщая опыт войн, установила целесообразную последовательность типовых операций. Наступление, к примеру, включает несколько этапов: подавление огневых средств обороняющейся стороны; овладение ее позициями; ввод в прорыв так называемого эшелона развития успеха.

Нацистская Германия обеспечила свои вооруженные силы всеми необходимыми средствами — боевыми и материальными — для ведения войны. Вермахт был до такой степени одержим сознанием своей мощи, что отвергал молитвы богам, перед алтарем которых преклонялся. Последовательность — это предрассудок. Исход операции решался в самом начале. Вермахт ввергал противника в шоковое состояние первым сокрушительным ударом. Объект атаки исчезал и не оказывал сопротивления. Подвижный эшелон устремлялся вперед. Развитие успеха обращалось в преследование уцелевших войск противника.

Следуя своей концепции, вермахт одержал серию побед в войнах против армий соседних с Германией государств. Касаясь этого периода второй мировой войны, исследователи говорят о «легких победах». Едва ли. Победы не бывают легкими. Если немцы несли меньше потерь, чем французы, скажем, или англичане, то это не значит, что боевые действия шли самотеком, без усилий с той или другой стороны. Французская и английская армии предпринимали отчаянные попытки маневрировать силами, но безуспешно. Их коммуникации находились под непрерывным воздействием люфтваффе.

Вермахт превосходил своих западных противников по вооружению и боевой подготовке. Добытые в начале

второй мировой войны победы положили начало недолгому существованию мифа о непобедимости германских вооруженных сил.

После окончания войны на Западе, нацизм повернул острие агрессии в противоположном направлении. С запада на восток непрерывным потоком шли эшелоны с войсками и военными грузами. Территория оккупированной Польши и Восточная Пруссия превратились в гигантский плацдарм для развертывания многочисленных пехотных, танковых и моторизованных дивизий. На восток перебазировались воздушные флоты. Вермахт готовился начать свою последнюю, «восточную кампанию».

Наступление немецких войск началось мощными массированными ударами по боевым порядкам наших стрелковых дивизий первого эшелона и оборонительным сооружениям укрепленных районов. На направлении действий ударных группировок агрессора оборона была подавлена, на других советские войска отразили первые атаки и продолжали удерживать свои позиции. В ряде случаев сопротивление носило обособленный характер, не имело централизованного руководства. Но советские воины не бросали оружия и не спешили попасть в плен. Вошедшие в прорывы подвижные эшелоны раз за разом вовлекались в затяжные бои, теряли темп наступления и вынуждены были развивать успех. Необычайно тяжелыми оказались условия театра боевых действий. Наступление в духе блицкрига встречало серьезные, трудно преодолимые препятствия.

Советские войска оправились от потрясений первых дней войны и продолжали сражаться с неослабевающим упорством. Многообещающие прорывы подвижных сил неизбежно наталкивались в глубине обороны на стену сопротивления. Немецкие войска не могли решающим образом склонить чашу весов в свою пользу, несмотря на все выигранные сражения тактического и оперативного масштаба.

Немецкое наступление катилось на восток, но далеко не так быстро, как предусматривал план «Барбаросса». Убыль личного состава войск увеличивалась, росли прочие издержки. Все более очевидными становились просчеты в планировании «восточной кампании». Сложилась обстановка, которой германское политическое и военное руководство не предвидело. Вермахт уготовил себе роковое испытание. Его мощи угрожают не столько потери в людях, сколько потери времени. Восполнить их за счет маршевых батальонов невозможно. Это понимал Гитлер, понимали фронтови-

ки-фельдмаршалы и понимали панцер-гренадеры[1]. Угроза надвигалась. Германия — национал-социалисты и народ — сознавала ее неотвратимость. Но было поздно, слишком поздно. События вышли из-под контроля. Время работало против вермахта.

И с этим ничего нельзя поделать. Советские войска в боеспособности превосходили прежних противников вермахта.

Нападение нацистской Германии всколыхнуло нашу страну. Война коснулась всех, вошла в каждый дом. Эти фразы доступней всего объясняют стимулы, питавшие дух воинов Советских Вооруженных Сил.

Как поступает человек, когда его постигло бедствие и жилище — дверь вдребезги, вход открыт — очаг его жизни подвергся нападению? В зависимости от своего состояния. Слабый принимает с покорностью чужую волю. Малодушный спасается бегством, не думая о том, что вдали от отчего дома ждет его смерть и стужа. Но если он мужчина и в жилах его течет кровь предков, он восставал навстречу врагу, чтобы сражаться.

Советский воин оборонялся, т. е. действовал вынужденно. Он отражал нападение того, кто посягнул на жизнь близких ему и его собственную жизнь, на тот общественный уклад, который призван защищать воин. Так поступали во все времена его предки, и поступают ныне все, кому дорого сознание свободы и справедливости.

В ходе войны наши немецкие противники во многом порицали особенность натуры советского воина и прямо, чисто по-солдатски высказали немало лестных мнений в его адрес. Он и неприхотлив, и чужд амбиции, вынослив сверх всякой меры и сметлив, и смиренно покорялся своей участи, он чуть ли не фаталист и философ.

Да, это правда. Советский воин сражался днем и ночью без сна и отдыха, выносил долгие — в тысячу километров — форсированные марши, пеши шел наравне с моторизованными колоннами противника и снова сражался, не имея самого необходимого, сражался в зной и стужу, сражался в строю взвода, отделения и в одиночку. Он нес свое тяжкое бремя, потому что в душе не иссякал источник, рождавший силу. Мучила жажда, невыносимо хотелось спать, но воин бодрствовал. Он превозмогал себя и делал то,

---

[1] Панцер-гренадер — солдат мотопехотных подразделений танковой части.— *Авт.*

что вчера еще казалось невозможным, делал, полагаясь и на силу, и на чудо. И чем тяжелее становилось бремя, тем больше прибывало сил, ибо он все отчетливей сознавал общечеловеческие и личные ценности, которые остаются непреходящими от первого дня нашей жизни до последнего.

* * *

В то время когда 45-я СД и другие соединения 15-го СК пытались вернуть Малин, командующий войсками Юго-Западного фронта, желая ослабить сопротивление противника, приказал нанести удар силами небольшой группировки в районе Зарудья. В состав ее наряду с другими вошла одна из бригад 3-го ВДК [1].

Походным шагом двигались одно за другим подразделения воинов. Экипированные, что называется, с иголочки. Голубые петлицы, в скатках, полуавтоматические винтовки «на ремень». Молодец к молодцу. В утренней тишине разносилась звонкая строевая песня. К 4-му орудию — оно стояло ближе остальных к дороге — пришли люди других расчетов, поглядеть на парашютистов.

Много загадок службы военной не разгадает никто. Парашютисты пели песни... Сколько их поляжет в первой атаке... Но смерть им не страшна. Кто они? Лица разные, у всякого свое, и, вместе с тем, несомненное сходство равняло всех в шеренге. Сходство характеров, отмеченных знаком победы, которую одержал над собой каждый парашютист, впервые шагнув через люк в синюю бездну.

Замыкающее подразделение скрылось за поворотом. Орудийные номера возвращались «по местам» в приподнятом настроении. Они верили в успех предстоящего наступления. Парашютисты преумножали рождавшуюся в те дни славу своего оружия.

Немцы непрерывно вели разведку с воздуха и, вероятно, знали о том, что происходило в лесах на северо-запад от Зарудья, но не обращали внимания, полагая, что наши измотанные части не способны к наступлению. И поплатились за свою самонадеянность.

Артиллерийская подготовка началась ровно в 8.00 и продолжалась полчаса. Огневые средства немцев были подавлены. Стремительная атака парашютистов ошеломила немецкую пехоту. Около 20 танков, осуществлявшие непо-

---

[1] Насколько я помню, 1-я; ВДК — воздушно-десантный корпус.— *Авт.*

средственное сопровождение парашютистов, миновали без потерь передний край.

Не в обычае немцев было в те дни оставлять захваченную местность. Некоторые подразделения охватила паника. Опомнившись, они стали оказывать сопротивление. Но остановить парашютистов оказалось нелегко. К полудню над полем боя появились «юнкерсы». Немецкая пехота начала контратаки.

* * *

Полдень. Слышен гул моторов, выкрики. Гаубичные батареи, стоявшие впереди, снимались. Перемещаются вперед, на новый рубеж после наступления парашютистов.

На грейдерной дороге движение усилилось. «Воздух!» В небе «юнкерсы». По району, оставленному гаубичными батареями, «юнкерсы» с горизонтального полета сбросили бомбы.

Размещение вблизи дорог приносит много неудобств. Непрерывно едут машины, повозки. Поток. Одни к фронту, другие в тыл. Дорогу бомбит авиация. В плоскости стрельбы появляются люди. Нужно выставлять дополнительно караульных.

Начался обед. Вдруг выкрики, брань. Караульный произвел из карабина выстрел. В чем дело? Орлов ушел выяснять. Вслед за этим явилось полдюжины людей во главе с капитаном. Танкисты. Черные комбинезоны, в руках танковые пулеметы. В наступлении вместе с парашютистами принимали участие отдельные подразделения, состоявшие из экипажей, которые потеряли свои танки.

— Что у вас за порядки? — издали начал капитан-танкист.— Караульный... идиот!

Танкисты не стеснялись в выражениях. Безуглый пытался говорить: на ОП существуют определенные порядки. Капитан не хотел слушать.

— Немедленно наказать грубияна!

Пришел Савченко, инцидент кое-как улажен. Капитан успокоился. Савченко пригласил танкистов на обед.

— Рота... осталось шесть человек,— капитан рассказал о том, как стал пехотинцем. Под Александрией попал в окружение, в районе Новограда-Волынского вышел к своим. Сейчас танкисты направляются в тыл на формирование.

Телефонист передал: «По местам!» Расчеты прервали обед, вернулись к орудиям. 6-я батарея открыла огонь.

Танкисты с удовлетворением переглядывались. Стрельба велась по вспышкам. Прошло десять минут. «Стой!»

Старшина принес для танкистов бутылку вина. После обеда наши гости тепло простились. Хозяйственная машина увезла их дальше в тыл.

* * *

Новые позиции 6-й батареи на восточном берегу речки Ризня за обочиной дороги, которая вела в сторону Зарудья. Всю ночь батарея вела огонь по данным АИР, дважды участвовала в СО. Данные готовил штаб дивизиона.

Районы сосредоточенного огня обычно назначает, по указанию штабов, старший артиллерийский командир на основании сведений авиационной или агентурной разведки. В некоторых случаях после предварительной пристрелки, но чаще огонь открывается по заранее подготовленным данным.

Районы СО охватывают узлы дорог, речные переправы, населенные пункты, где размещаются штабы или другие важные объекты противника. Огневой налет начинается одновременно в составе дивизиона или полка. Стреляющие батареи — 3—6 или 9 — поражают площади в 10—12 кв. километров. Внезапность и интенсивность огня наносят большой урон.

О результатах стреляющие батарей извещаются не всегда своевременно. Так, огневой налет, проведенный по северной окраине Малина, вызвал в подразделениях 260-го немецкого ПП большие потери и сорвал атаку, как показал в штабе полка пленный, захваченный на гороховом поле. 6-й батарее стало известно об этом только сегодня.

«Хеншель» засек ОП

«Отбой!» Новые позиции 6-й батареи, южнее населенного пункта Пинязевичи. На перемещение и подготовку к открытию огня — 4 часа.

Лес за речкой Ризня тянется на север к Пинязевичам. Вдоль дороги позиции пушечных батарей, участвовавших в артиллерийской подготовке недавнего наступления. Часть их уже ушла, другие снимались. Тащатся обозы, орудия, машины тыловых подразделений. Производилась перегруппировка войск.

6-я батарея заняла ОП. Вокруг вековые сосны. Расчеты приступили к оборудованию и расчистке секторов. Установлена связь с НП, Телефонисты маскировали бруствер

своего окопа. Командир батареи не начинал пристрелку, пока не отрыты ровики.

Грунт ниже поверхности глинистый. В ход идут ломики, кирки. Из-за частого пользования держаки расшатались. Неисправность инструмента замедляла работу.

Прилетел корректировщик. Оборудование приостановилось.

В 13 часов батарея открыла огонь. Цель — НП, укрытая в траншеях пехота. Стрельба шла медленно. Перерывы следовали один за другим.

26 июля. «По миномету»...— начал телефонист. Редкая цель. Обнаружили пехотинцы, занимавшие оборону вблизи НП. 6-я батарея израсходовала 150 снарядов.

Появляется раз за разом корректировщик — «Хеншель-126». Это — самый неуклюжий из всех немецких самолетов. Фюзеляж напоминает гроб. Впереди торчат, как костыли, высокие стойки шасси. Двигатель «хеншеля» работал с какими-то перебоями, казалось, вот-вот заглохнет. «Хеншеля» все называют «костыль».

Корректировщик медленно кружил на небольшой высоте и на стрельбу из карабинов не реагировал. Повернул на Пинязевичи — там позиции батарей МЗА. Зенитки открыли огонь. Снаряды рвались под крылом. Корректировщик изменял курс.

На «хеншеле» установлено разведывательное оборудование, радиостанция для связи с артиллерийскими штабами и непосредственно со стреляющими батареями. Экипаж состоит из двух человек — пилота и артиллерийского офицера. Обнаружить с воздуха огневую позицию во время стрельбы опытному взгляду не так уж трудно. Признаки: орудия на равных интервалах, симметричные элементы окопов, следы тягачей, задульные конусы [1], обращенные раструбом к переднему краю.

«Хеншель» улетал в сторону своих батарей. Спустя немного времени разрывался бризантный снаряд. Так обычно начинался огневой налет.

По соображениям маскировки, орудийным расчетам не рекомендовалось стрелять по корректировщику. Экипаж знал об этом и преспокойно описывал один круг за другим.

Сегодня «хеншель» не давал огневым взводам покоя. То и дело слышится команда «воздух!». Расчеты ставят маскировку.

---

[1] Задульный конус — пространство выжженной земли перед орудийными стволами, образующееся после стрельбы; по конфигурации напоминает конус.— *Авт.*

«Хеншель» улетел, стрельба возобновилась. Цель — пехота в окопах. Огонь на разрушение. Корректуры передаются отдельно для каждого орудия. Нудное занятие. И со связью не ладится. База[1] — 8 километров. Телефонисты бегают друг другу навстречу. Нужно найти после обстрела, где порван кабель, связать концы, заизолировать.

С НП телефонист передал: «Конец связи». Командир батареи менял НП. Возобновилась связь только к вечеру. Варавин сообщил: 2-й дивизион привлекается к участию в постановке ДОН[2]. Открытие огня в 22.00.

Расчеты готовили снаряды, ночное освещение. На карте Васильев определил район, назначенный для огневого нападения,— населенный пункт Вырва.

Закончилась наводка орудий. ОП ждет сигнала. Снова прервалась связь. Приехал старший лейтенант Азаренко. Огонь открыть в 22.00 самостоятельно. Остаток ночи прошел без стрельб.

Наступило утро. «По местам!» Раз за разом прекращается связь. На НП происшествие. Осколком мины ранен командир батареи. Легко. Взвод управления потерял четырех человек.

Расчеты завтракали. «Воздух!» Со стороны переднего края летит корректировщик. Орудийные стволы увешаны свежесрубленными ветками, две-три — прикрывали щит станины. Обычная маскировка. «Хеншель» сделал облет района ОП и лег на обратный курс.

И вдруг бризантный разрыв. Пронзительно выли снаряды и рвались один за другим в вершинах деревьев. Позиции заволок дым.

Спустя восемь минут налет закончился. Падают с высоты, кружатся ветки, листья. В тишине раздался оглушительный треск. Рухнуло огромное дерево, скользнув по другому. Остался пень. Торчат обломки, острые, как кинжал. Прошла минута.

— Командирам огневых взводов и орудий осмотреть позиции, доложить!

ОП ожила. Санинструктор тащил из ровика раненого. Расчеты принялись восстанавливать маскировку. «Воздух!»

Работа приостановилась. Корректировщик пролетел над позициями и удалился.

Связи с НП не было. Расчеты продолжали работу. Есть ли смысл маскировать ОП? Деревья вокруг поломаны. «Хеншель», несомненно, заметил.

---

[1] База — расстояние между НП и ОП.— *Авт.*

[2] ДОН — дальнее огневое нападение.— *Авт.*

— Маскировку отставить!

1-е орудие повреждено, загнут угол щита, у 2-го — раздавлена панорама вместе с корзинкой, вероятно, от близкого разрыва, смят дистанционный барабан. Необходим специальный ремонт. В 3-м — повреждена люлька, из противооткатных устройств вытекала жидкость, вмятины. Рядом с 4-м орудием — две воронки. Нижний станок разрушен. Исчез куда-то подсошниковый брус. Орудие к стрельбе не пригодно.

Раненые отправлены к отделению тяги. Пришел политрук. Упавшее дерево потрескивало без всякой причины, и весьма громко. Безуглый, Васильев, Савченко уселись в ряд.

— Только одно исправное орудие,— нарушил молчание Васильев. Он сидел между сучьями, откинувшись на спину, провожая взглядом падающие листья.

— Сегодня не так плохо,— проговорил Безуглый.— Орудия отправим на ремонт. Через сутки-двое они будут готовы к стрельбе.

— Да, в тыл,— согласился Васильев.— ОП опустеет. Кто будет стрелять?

— Шестая батарея отстреляла много стрельб впрок. Жаль, Васильев, вы поздно явились,— ответил Безуглый.

— Я не об этом. Три орудия выведены из строя.

— Ну и что?

— Есть причины. Недостаточная маскировка, понятно?

— Вот как? Я не живописец... ставлю декорации, как умею.

— Нужно назначить лейтенанта Васильева художественным руководителем батареи, а Безуглого заместителем,— шутит Савченко.— По-моему, вы оба последователи одной школы.

Безуглый и Васильев не ладят между собой. Принимая должность, Васильев нашел, что шанцевый инструмент 2-го огневого взвода хуже, чем в 1-м. Во 2-м огневом взводе больше людей, и против этого возражал Безуглый. Два-три раза на разгрузке командиры орудий отбирали по весовым знакам снаряды [1]. Безуглый недоволен. Это делается у орудий после, когда закончилось распределение.

Разногласия отражаются на взаимоотношениях между расчетами. Орудийные номера не особенно спешат на общих работах, ссорятся. Но это мелочи. Безуглый и Васильев — энергичные и добросовестные командиры.

[1] На артиллерийских снарядах нанесены знаки + или —, означающие отклонения от нормального веса.— *Авт.*

Связь с НП установлена. Командир батареи поставлен в известность о положении на ОП.

— Поврежденные орудия отведите в укрытия. Все!

— Огневые взводы, по местам! Второму, третьему и четвертому орудиям — отбой!

Снова к телефону.

— Старшим на ОП назначается лейтенант Васильев. Вы ведете орудия в артмастерские вместе с расчетами,— командир батареи указал местонахождение мастерских.— Возьмите Безуглого. На ремонт двое суток. Все!

В тылах полка

Первый раз с начала войны мои орудия уходили в тыл под прикрытием с фронта. Расчеты знают, что принятые в колонне меры охраны и оповещения — формальность. Нападение маловероятно, разве с воздуха. Я чувствовал в душе необыкновенное облегчение.

К вечеру колонна вышла на широкую вырубку, где расположился палаточный лагерь тыловых служб. Батареи сменили несколько раз позиции, подразделения тылов не двигались с места.

Тылы 231-го КАП включали санитарную часть, артиллерийское снабжение, автотракторную, продовольственную, финансовую, обозно-вещевую, ГСМ службы со складами и мастерскими.

Начальник артснабжения осмотрел орудия. Расчеты вместе с артмастерами приступили к разборке. Руководил работами воентехник Карасев — старый знакомый. Из санчасти пришли проходившие лечение орудийные номера 6-й батареи.

Перерыв. В месте, отведенном для курения, толпятся люди. Дымят цигарками, судачат о всякой всячине фронтовой. Безуглый нашел знакомых по прежней службе. Я же всех этих людей видел впервые. Среди прочих и старшину сверхсрочной службы Андреева, старшего писаря финансовой службы. Забегая вперед, скажу, что следующая встреча с Андреевым произошла месяцем позже при обстоятельствах, которые ни мне ни ему не могли прийти в голову.

Безуглого пригласили знакомые на ужин. По протекции Карасева я принял великолепный душ в санитарной части и всю ночь напролет проспал в артснабженческой палатке.

Утром нас — Безуглого и меня — пригласил на завтрак

начальник тыла полка капитан Коваленко. Стол ломился от яств. Присутствовали все начальники служб.

Капитан Коваленко — строевой командир, перед началом войны назначен на должность помощника командира полка по хозяйственной части. Прежде он был командиром 2-го дивизиона и хорошо знал его командный состав.

После завтрака я вернулся к орудиям, но посыльный снова позвал к начальнику тыла. Капитан Коваленко находил, что наше обмундирование и обувь слишком изношены, и приказал начальнику ОВС[1] выдать новые. Начальник финансовой части принес денежное содержание. К месту ремонта явились медицинские сестры во главе с начальником санчасти, вручили подарок — папиросы.

Несколько дальше, в ряду 122- и 152-мм орудий, ремонтировались 107-мм 1-й батареи. Там я познакомился с младшим лейтенантом Зайцевым и старшим лейтенантом Чикало.

1-ю батарею знал весь полк. Кажется, в районе Емильчино ее атаковали проникшие в наш тыл эсэсовцы из моторизованной дивизии «Викинг». После утомительного марша орудия уже в темноте заняли позиции, всю ночь вели огонь. Перерыв наступил лишь к утру.

Охрана, очевидно, несла службу плохо и поздно обнаружила противника. Только 1-е орудие сделало несколько выстрелов. Телефонист не успел передать о нападении на НП.

Началась схватка. Ни орудийные номера, ни немцы из боязни поразить своих не решались использовать оружие. Командир батареи старший лейтенант Чикало, не зная о нападении, выехал с НП и был неожиданно обстрелян. Машина загорелась. Из всех, кто в ней находился, ушел только командир батареи.

Чикало услышал выстрелы, в недоумении залег. Что случилось? Чикало поднялся и в ту же минуту был сбит с ног. Младший лейтенант Зайцев, старший на батарее, бросился на выручку, но и его постигла та же участь. Зайцев, человек рослый и крепкий, скоро пришел в себя. Немец забрался на казенник, целился и стрелял в упор. Зайцев метнул в него гильзу и тут же свалился от сильного удара.

Огневые взводы были вытеснены за пределы ОП. Началась перестрелка. Чикало снова оказался один, обезоруженный, пистолет отняли немцы. Он укрылся у горевших машин. Переведя дух, увидел телефонный кабель, стал

[1] ОВС — обозно-вещевая служба.— *Авт.*

тянуть, на конце аппарат с трубкой, заземление. Чикало включился в линию и неожиданно услышал своего телефониста с НП. Через НП дивизиона связался со 2-й батареей, изложил лейтенанту Линеву положение и с его помощью начал пристрелку своей ОП. После нескольких очередей перешел на поражение. Эсэсовцы бежали.

Старший лейтенант Чикало первым явился на ОП, стал вызывать орудийные расчеты. Сбитые с толку разрывами и поспешным отступлением немцев, люди смутились. Чикало отправил всех обратно, снова подал команду «к орудиям!», подкрепив ее соответствующими словами. После этого орудийные номера уже не колебались. Сопровождаемый младшим лейтенантом Зайцевым, Чикало начал осмотр ОП. Было не до смеха, но орудийные номера не могли сдержать улыбок: старший лейтенант Чикало, одетый в полушубок (он был болен малярией), едва двигался, опираясь на обломок банника, лицо в кровоподтеках, полы оборваны.

Я слышал эту историю в другом изложении. Зайцев — в тылах он уже три дня — рассказал детали. 1-я батарея подверглась обстрелу. Два ее орудия заканчивают ремонт. Чикало все еще хромал и временами приезжал на лечение в санчасть. Его я больше не видел, а с Зайцевым встретился еще дважды, в окружении. Об этом расскажу во второй книге.

К вечеру ремонт орудий 6-й батареи закончился. Провожать собралось население всего палаточного лагеря. Отдохнувшие расчеты тепло простились с тыловиками.

* * *

Васильев оставил маяк. Он указал путь на ОП. Ночью расчеты рыли ровики, на рассвете приступили к маскировке. Васильев залез на дерево, осмотрел «камуфляж». Между орудиями были установлены небольшие сосны. Перед стрельбой их убирали.

Снова кочующее орудие

Близилось утро. Батарея открыла огонь. В воздухе кружит «хеншель». Огневые взводы приводят в исполнение меры по дезориентации корректировщика, разработанные Васильевым.

Под вечер я получил приказание явиться в штаб дивизиона. Шел с посыльным, размышляя о причине вызова. Повторилось в точности то, что было у Старой Гуты.

— Вы отдохнули в тылах? Подготовьте орудие,— капитан Значенко изложил задачу.— Огонь для надежности на двух установках. Запоминайте передний край и не заблудитесь. Раз повезло, другой... кто знает? На некоторых участках железную дорогу занимает противник. Карту возьмите. Желаю удачи. Все.

Старший сержант Орлов собрал расчет. Из тех, кто был у Старой Гуты, осталась половина. Но и новички уже знают о кочующем орудии, уныло слушают задачу. На ОП ровики, а там... что ждет их ночью?

Тягач катился по дороге. Люди дремали, завернувшись в плащ-палатки, на лафете и передке.

Наступали сумерки. В кустарнике, окаймлявшем поляну, орудие остановилось. Дальше, среди деревьев, покинутый дом лесника. Крыша разрушена, выбиты окна. Позади ОП — орудия полковой батареи. Рядом овраг, где укрылся пехотный обоз.

Орудие заняло позицию. «К бою!» Орлов объяснил, как избежать ослеплений. Орудийные номера знают об этом, но напомнить лишний раз, по мнению командира орудия, не вредно. У некоторых людей во время ведения огня из головы нередко улетучивается чуть ли не все ее содержимое.

— Внимание, первое...

Грохочут выстрелы. Пыль.

— Стой!

Орудие приведено в походное положение. Уходить! Позади, где-то за железной дорогой, взлетали ракеты, освещая ночной горизонт. А на востоке полыхают орудийные выстрелы.

В кронах деревьев рвались мины. Слышатся крики, кто-то ранен. Орудие вошло в овраг, где стояла кухня.— «Стой!» — Орлов крикнул в темноту.

— Расчет, ко мне!

Принесли раненого. Санинструктор поднес флягу, раненый беспомощно ворочает головой. Его уложили на лафет. Тягач тронулся.

Недалеко от кухни стояли санитарные повозки. Орлов, кажется, успел перемолвиться с санитарками. Пехотинцы помогли перенести раненого в санчасть.

Было за полночь. 1-е орудие вернулось на огневую позицию.

За каждую пядь

С ходу в бой

Закончилась очередная стрельба. Командир батареи объявил перерыв. Я прилег вздремнуть. Прибежал телефонист.

— Командир батареи приказал сниматься. Сейчас приедет. Готовность к движению пятнадцать минут. Связь сматывают.

На востоке только начинало розоветь небо. Орудия строились в колонну. Сборная команда грузила на прицеп последние ящики снарядов.

Прибыл командир батареи. Возвращаемся в район Малина. Там худо. Немцы перешли в наступление.

К 8 часам утра колонна огневых взводов выбралась из леса. На северо-западе открывалась панорама Малина. Я сориентировал карту. Справа впереди — село Пирожки. Огневая позиция 6-й батареи — среди зарослей. До горохового поля — полтора километра, южный железнодорожный переезд в четырех, мостовая труба — в шести километрах.

На горизонте поднималось солнце. Орудия готовы к открытию огня. Доносился нарастающий гул разрывов. Над

темной грядой леса висел немецкий аэростат. 6-я батарея открыла огонь.

Летят «юнкерсы». Начали бомбить, по-видимому, железнодорожную насыпь. Расчетам жарко. Стрельба не прерывается ни на минуту. Подносчики едва успевают подавать снаряды.

9 часов 50 минут. Телефонист звал к аппарату. Голос Варавина:

— Подразделения десятого стрелкового полка оставили насыпь. Отходят, по всей вероятности, на Пирожки. Я хочу сменить НП, думаю успеть... Займите, на всякий случай, ближний наблюдательный пункт за долиной... на гребне укрытия. Установите наблюдение в секторе: деревья на северной окраине села Пирожки... поле с копнами. Вы видите? Если появится противник, поручаю вам вести огонь. Принимайте меры к самообороне. Готовность для ближнего НП... десять тридцать. Все,— наблюдательный пункт отключился.

Гул разрывов усиливался. На южной стороне железнодорожной насыпи поднимался дым.

Для обслуживания ближнего НП, вместо телефонистов, я брал два орудийных номера и весь остаток кабеля. Мой НП приступил к выполнению задачи. Обзор ограничен. В западном направлении 2—3 километра, в северном — и того меньше. Позади лощина, на склоне стерня, две-три копны.

Телефонная линия НП — ОП слева в двухстах шагах. Подтянуть ее к гребню не хватило кабеля. Я включил аппарат, объяснил орудийному номеру обязанности телефониста.

За железной дорогой двигались машины, на крюке — 105-мм орудия. Немецкая батарея снималась с позиций.

Варавин не включался. Зачем терять время? Немецкие орудия двигались к переезду. Дальность 5—6 километров. Открыть огонь? Я подготовил данные по карте и начал пристрелку.

— По колонне... основное направление правее... один ноль...

На ОП раздался выстрел. Орудийный номер, исполнявший обязанности телефониста, безбожно путал слова. Что случилось? Человек будто в панике, нельзя узнать. Ему говорится: «Правее один ноль!», он: «Вправо ноль, ноль, ноль!» Я повторял по слогам. Не помогали и паузы. Невозможно! Я бегал туда и сюда. Пока вернулся, дым моих разрывов исчез, рассеялся.

Сбитый с толку, телефонист несет околесицу: «Заряд!.. Снаряд... батарея!.. Выстрел!..» Самопроизвольно. Остановить невозможно. Запутался окончательно и умолк. Трубку принял другой — результат тот же. Вести пристрелку оттуда, где установлен аппарат, нельзя: я не видел цель. Ко всему еще, после первых разрывов стало ясно, что задача решается при большом смещении. Корректуры приходили на ОП с опозданием. Мы все взмокли. Машины ползли по полю, и никто не стрелял. Это было мучение!

Наконец разрывы выведены на линию наблюдения. Я перешел на батарейные очереди, в надежде на рассеивание, авось отклонятся два-три снаряда.

В тылу слышались еще чьи-то выстрелы. Я вернулся к своему месту, сосчитал — 10 разрывов. Мои, чужие? Досада... Включился командир батареи: «Возвращаться на ОП».

Позже, оказавшись в аналогичном положении, я убедился, что вина орудийных номеров если и была, то минимальная. Для передачи слов другого лица по телефону, особенно команд, необходима предварительная подготовка. Орудийные номера ее не имели.

6-я батарея ведет огонь. Корректировщик перелетал железнодорожную насыпь раз за разом, вел наблюдение за районами севернее села Пирожки. Очередная партия «юнкерсов» бомбила лес позади. И вот они на ОП. Кружат, пикируют один за другим вхолостую, носятся, изредка лишь строчат из пулеметов.

Прервалась связь. «Юнкерсы» продолжали пикировать. Орудийные номера отстреливались из карабинов. Наконец, «юнкерсы» улетели. Налажена связь. Подошли машины с боеприпасами. Командир батареи снова менял НП. Со всех сторон грохочет бой.

Передача команд оборвалась. НП не отвечал. Нет связи. Отчетливо слышен стук пулеметов. Варавин говорил: наша пехота отходит правее. Очереди, похоже, направлены в сторону железной дороги.

Кругом стрельба. Расчеты у орудий, ожидают команд. Отвести их в укрытия я не решался.

К буссоли подошел Безуглый, за ним Васильев.

— Вроде пулемет?.. Глядите, люди,— опустил бинокль Васильев.

Что происходит там, в дыму? На гребень укрытия ОП нужно выслать дозорных. Правда, опасно в плоскости стрельбы. Но что делать?..

Спустя минуту Васильев и два орудийных номера с батарейным пулеметом поднимались по склону. Простучала

очередь. Васильев не добежал до моего бывшего НП, залег. Снова очередь. Пули посланы на ОП. Немцы!

— Внимание, ориентир два, рытвина на гребне, пулемет. Первому... осколочно-фугасной гранатой, один снаряд, огонь!

Разрыв поднял столб земли. Стелется дым.

— Батареей... четыре снаряда... беглый огонь!

Взлетела ракета. Цепь, немецкая пехота.

— Стой!.. По пехоте, левее ноль тридцать... шрапнелью... трубка на картечь... четыре снаряда... беглый...

Бежал Безуглый, размахивая руками: «Стой!.. Там Васильев!»

Шрапнель с установкой трубки на картечь укроет круглыми свинцовыми пулями пространство впереди стволов, и нигде не останется живого места. Погиб Васильев... И тянуть нельзя, автоматчики направляются в обход позиции!

Свистят, щелкают пули. Укрытий нет, и люди жмутся к орудийным щитам. Безуглый переминался на месте.

Чем бы закончилась эта опасная пауза, трудно сказать, если бы я не увидел Васильева. Уже в стороне. Он уводил орудийных номеров из плоскости стрельбы.

— Огонь!

На третьей минуте ОП заволок дым. Стучат затворы, ударяются со звоном стреляные гильзы. Пыль. 2-е орудие сползает назад, к буссоли.

— Куда? Не стрелять! Второе, стой! — кричал Безуглый.

Сошники не удерживали станины. За 2-м орудием показалось 1-е.

— Стой! Крепить сошники!

Очереди автоматов, пулеметов перемещались влево. На склоне — разрывы мин.

— Огонь!

В облаках пыли остановился автомобиль. Прибыл командир батареи.

— Отбой! ОП за мостом, по дороге из Пирожков на Барановку... хмельник... готовность... шестнадцать ноль... Третье орудие, прикрыть снятие!.. Смотрите, немцы обойдут слева... торопитесь! — не слушая, Варавин захлопнул дверку и уехал.

Вопреки правилу

— 3-е орудие, задержать автоматчиков! Васильев... старший.

Приказание отдано, сколько он продержится, подумал я. Позиции обнаружены, пехота с фронта и слева. Едва ли снимется Васильев. Может, повезет? С Васильевым остался политрук Савченко.

Немецкая батарея не прекращает методический обстрел района ОП. Рвались снаряды, очередь за очередью. Огневые взводы уходили, тягач прыгал на рытвинах. Я оглянулся, склон не узнать: до самого гребня разбегались веером оставленные шрапнелью черные полосы.

Я потерял из виду 3-е орудие. Дым, разрывы. Вроде наши... Похоже, стреляло орудие Васильева.

За обочиной тягач — на развороте с искореженной 122-мм пушкой, рядом пылает машина. Отходившая пехота рассеялась. Мой тягач обогнали на рысях обозные повозки. Такое количество... пять, десять, двадцать.

Полосатые склоны скрылись из глаз. Впереди хаты. Село Пирожки. Слева — заросли. Там занимала ОП 6-я батарея. Рвались снаряды. Немцы обстреливают восточную окраину села.

Я нашел хмельник. За селом Пирожки речка преградила путь. Надо держать к мосту. Цел ли он?

Позади, в сторону Малина, местность пологая. Впадины, бугры. Поле боя. Разрывы снарядов, мин, пыль поднимается тучами.

По гребню километрах в 3-х шла батарея. Короткие стволы. Гаубицы, тягачи СТЗ-НАТИ-5. Замыкающее орудие остановилось. По-видимому, попал снаряд. Нет, не похоже. Расчет суетился, мелькнуло пламя. Прямое попадание! Нет... снова вспышка, другая. Орудие вело огонь... не снялось с крюка? Невиданно! Выстрелы следовали один за другим.

Мой тягач повернул к мосту. В полукилометре хмельник. Как там позади, на бугре? Я оглянулся. Гаубица катилась за тягачом в клубах пыли.

С востока к селу Пирожки подступают заросли. Взметнулся факел орудийного выстрела, еще и еще. Похоже, ОП, 107-мм орудия. Стая «юнкерсов» изменила курс. Начиналась бомбежка. Немецкая артиллерия ведет обстрел Пирожков. У крайних хат окапывался взвод пехотинцев.

Мостик цел. Хмельник — квадрат с длиной стороны 600—800 метров, разделен рядами высоких столбов. От одного к другому натянута проволока. Под каждым столбом —

куст хмеля. Вьется длинными лианами хмель, ползет вверх, разветвляется. Издали хмельник напоминает поставленный на плоскость зеленый куб. Орудия сошли с дороги и, набрав дистанцию, двинулись вдоль хмельника.

— Стой... к бою!

Подготовка к открытию огня закончена. Тягачи укрылись в хмельнике, разгружаются снаряды.

Орудия держали под обстрелом южную окраину Пирожков, а также подступы к селу с запада.

Появились телефонисты — связь готова. «По пехоте!.. Батареей... один снаряд, огонь!»

В другом конце хмельника ведут стрельбу гаубицы. Позади за бугром — пушечная батарея. Со всех сторон не умолкает грохот. Противник теснил пехоту к Пирожкам, продвигался вдоль дороги.

6-я батарея вела огонь по целям, удаленным на 6—8 километров. Пушечные батареи стреляют на такие дальности в редких случаях. Сегодня, по-видимому, наступил один из них: пехота отходила и, кажется, очень поспешно.

— Стой! Огневым взводам перерыв! — передал командир батареи.

К буссоли пришел Безуглый.

— По-моему, немцы уже заняли гороховое поле. Как то там Васильев? Пора бы ему прибыть... Вы знаете? Гаубица с крюка стреляла. Первый раз вижу. Интересно, какого полка? Там гаубичные батареи, я пошлю узнать, может быть, она?

Солнце клонилось к закату. Увитые широкими темнозелеными листьями, столбы отбрасывали резкую тень. В хмельнике духота.

Разорвалась бризантная граната. Начался обстрел. На позиции ни одного ровика.

— Командиры орудий... укрытие впереди... канава,— крикнул Безуглый и бросился на землю. Взметнулась пыль. Бризантная граната разорвалась над головой Безуглого. Погиб?.. Нет, жив, прыгнул в канаву. Противник обстреливал барановскую дорогу, село, хмельник, бугор позади, лес.

— Смотрите! — приподнялся Безуглый.

За хатами показалось орудие. Лейтенант Васильев! Бежали три-четыре орудийных номера. Тягач остановился. Из кабины вылезли Савченко, Васильев. У одного лицо пунцовое, у другого — серое. 3-е орудие непригодно к стрельбе, дальше, кажется, и транспортировать нельзя. Кое-как его оттащили в укрытие к отделению тяги. Васильев присел под столбом.

— Ушли...— замполит стал рассказывать о том, что произошло после снятия огневых взводов.— Автоматчики... орудие открыло огонь. Мины рвались под стволом... расчет взялся за карабины... выручила какая-то батарея... перенесла огонь на поле с полосами... Да... оборона рухнула. Далеко до НП? Нужно отправить раненых... у вас тут как?

Вернулся посыльный. Гаубица, стрелявшая с крюка, принадлежит 2-й батарее 217-го ГАП.

...Прошло много лет. Однажды на занятиях, которые я проводил в горной местности, зашла речь о стрельбе по движущейся цели. Большинство офицеров придерживалось того мнения, что прицепные артиллерийские орудия в условиях высокой подвижности войск непригодны для решения этой задачи. На перерыве подполковник Титаренко, мой старый сослуживец по 595-му ИПТАП РГК [1], отвечая своему оппоненту, указал на автомобиль, который мчался по шоссе, и подал команду: «Танки справа!»

Расчеты бросились к орудиям, но, прежде чем командиры доложили о готовности, автомобиль скрылся.

— Видите, насколько устарело орудие. Пока расчет разворачивал его, танк ушел,— сделал заключение Титаренко.

— Ведите огонь, не снимая с крюка,— предложил другой офицер, начальник разведки полка майор Скрябин.— Мы стреляли так еще в сорок первом году.

Я спросил, где.

— Под Малином, севернее села Пирожки,— отвечал Скрябин и рассказывал о немецких автоматчиках, которые преследовали его гаубицу.

— Вы служили в двести семнадцатом ГАП? — спросил я у Скрябина.

— Да.

Так состоялась моя встреча с бывшим командиром 1-го орудия 2-й батареи 217-го ГАП. Скрябин подробно рассказал присутствовавшим на занятиях эпизод двадцатипятилетней давности у села Пирожки.

— Вы наблюдали все это со стороны? — с недоверием спросил его Титаренко.

— Нет, зачем же... Я подавал команды,— ответил Скрябин.

Разумеется, гаубица была вынуждена стрелять с крюка. Командир орудия не имел выбора. Преследовали автомат-

---

[1] ИПТАП РГК — истребительно-противотанковый артиллерийский полк Резерва Главного Командования.— *Авт.*

чики. Стрельба обошлась без неприятностей. Откат гаубицы на уменьшенном заряде сравнительно слаб. Пушка протаранила бы станинами и передок, и тягач.

Хлопотная ночь

6-я батарея продолжала вести огонь. Паузы удлинялись. Бой шел недалеко, южнее села Пирожки.

— По пулемету, гранатой...— связь оборвалась.

Телефонист ушел на линию — и никаких вестей. Стрельба вокруг не затихала. Справа, за хмельником, непрерывно раздаются орудийные выстрелы.

На рубеже хмельника, помимо 6-й батареи, занимали позиции: справа позади — одна из батарей, по-видимому 3-го дивизиона, справа — 2-я батарея 217-го ГАП. В дальнем лесу не умолкают выстрелы 107-мм пушек. Там — 1-й дивизион. 4-я и 5-я батареи стояли в тылу за перекрестком дорог.

Связи с НП нет. Неопределенность тревожила людей. Насколько я мог судить, полагаясь на слух, противник продолжал продвижение, и похоже, вышел на рубеж справа позади ОП. Стал затихать огонь батарей с закрытых ОП. Стрельба в селе Пирожки прекратилась. Сколько продлится затишье?

Нужно подумать о укрытиях. Расчеты начали углублять канаву. Возвращаясь к буссоли, я услышал хлопки минометов. Они уже здесь! В вышине завыли мины, грохочут разрывы.

Со стороны Малина летят «юнкерсы», высота около 1000 метров. За селом сериями взлетели ракеты: немецкие автоматчики обозначали свой передний край. Они продвинулись на запад от Пирожков, на восток, обтекали барановский перекресток.

«Юнкерсы» приближались к хмельнику. Застрочил пулемет. Откуда?

— Ориентир номер два, вижу пулемет! — воскликнул Васильев.

В огородах западной окраины Пирожков большие копны, сено или лен. Немцы бежали и залегли. Поднялись. Просвистела очередь.

— Пехоте с фронта... по пехоте, гранатой... четвертому орудию, один снаряд, огонь!

Первый выстрел, второй, третий... После восьмого — немцев не стало. Непонятно, как они проникли на западную

окраину Пирожков? Не более часа назад Варавин стрелял на дальность 6 километров, и уже немцы у хмельника... Впрочем, за это время многое могло измениться.

Снова воют мины. Люди укрылись в канаве. Когда же будет налажена связь с НП?

Огневой налет закончился. Столбы покосились, оборвана проволока. Красивые лианы безжизненно свисают вниз. С телефонной линии никаких вестей. Справа, за копнами, стрельба не затихала. Что же предпринять? Бездействовать нельзя: минометчики бросают мины, по-видимому, наугад. 4-е орудие они еще не заметили. Если немцы обнаружат ОП, придется туго.

Огневые взводы 6-й батареи могли вести огонь по пехоте, по танкам и по кому угодно, но подавить минометы, даже рядом, на обратных склонах гребня укрытия, они не в состоянии. Мощные 107-мм орудия бессильны в этом случае против небольших, сделанных чуть ли не из кровельного железа, минометов.

Нужно объявить для тягачей готовность. Связной убежал вызвать сержанта Смолина — командира отделения тяги. Если в течение получаса связи не будет, мне самому придется решать, что делать дальше.

Кто-то пробирался через завалы. Наверное, Смолин или посыльный. Нет, старший лейтенант Гусев — помощник начальника штаба полка. Я встретил его.

— ...Давно закончился налет? — Гусев разглядывал обрывки лиан.— Вызовите командиров взводов и замполита ко мне.

Вокруг тишина. Простучала очередь автомата. Я доложил Гусеву обстановку в районе хмельника и свои намерения. С командиром батареи связь прекратилась полтора часа назад.

— Не будем терять времени,— начал Гусев загадочно.— Я пришел... прочту приказ, и станет ясно, что делать... Приказ называется «Ни шагу назад».

Пришли Савченко, Васильев, Безуглый. Гусев оправил снаряжение, огляделся, подал команду «смирно!» и начал чтение. Председатель Государственного Комитета Обороны строжайшим образом запрещал командирам всех степеней всякое отступление и оставление позиций.

— Вольно! — Гусев помолчал минуту.— Вам все понятно?

— Понятно, но... позвольте,— замполит указал старшему лейтенанту на то, что приказ требует стойкости, а отнюдь

не пассивных жертвоприношений, на которые обречены огневые взводы 6-й батареи, если останутся в хмельнике.

— Я не уполномочен давать советы... удерживать занятые позиции... с жертвоприношениями или без них... Ни шагу назад, ясно? — и Гусев строго оглядел нашу короткую шеренгу.

Требования приказа в разъяснениях не нуждались. Нужно стоять... Но перспектива пребывания на ОП в пределах досягаемости минометов ни у кого из нас не вызывала энтузиазма. Старшему на батарее при сложившихся обстоятельствах осталось только одно — развернуть огневые взводы в цепь и выдвинуть вперед в виде оцепления. Вести огонь бессмысленно. После первого орудийного выстрела мины обрушатся на ОП. Не знаю, что уцелеет к моменту восстановления связи с НП.

— Стоять, и никаких разговоров. Вперед, сколько угодно, назад... ни шагу! По пути я осмотрел поврежденное орудие... Оно еще сделает десяток выстрелов... четыре орудия, и вы, можно сказать, готовы стрелять во все стороны... круговая оборона,— заявил Гусев.

На вопрос о положении в районе села Пирожки и общем положении наших подразделений помощник начальника штаба ответил:

— Противник овладел железнодорожной насыпью и продвигается вдоль дороги на Барановку. Занята, по-видимому, южная часть села Пирожки. Мы не имеем связи с пехотой. Но она, наверняка, получила приказ и должна прекратить отступление. В штабе полка вызывает беспокойство то, что нет сведений о командире второго дивизиона и командирах батарей. Похоже, что они...— Гусев очертил в воздухе вытянутой рукой круг и, щелкнув каблуками, пожелал счастливо оставаться.

Темнело. На ОП со мной семь человек — расчет 4-го орудия. Артмастера сделали несколько искусственных откатов неисправному 3-му, чтобы произвести «с десяток выстрелов». Огневики разбирали карабины. Безуглый опробовал пулемет.

Как оттеснить минометчиков с гребня? Огневым взводам действовать без поддержки. 4-е орудие — резерв. Я считал, что ОП еще не обнаружена, и не хотел преждевременно ее демаскировать.

Вернулись орудийные номера, посланные на телефонную линию. В огородах — не дальше восьмисот шагов — автоматчики. Найдены тела обоих телефонистов. Кабель оборван,

орудийные номера притащили конец его. Связаться с командиром батареи уже не было надежды.

Пришли политрук Савченко, старшина Политов. Пища готова, но есть некому. Расчеты выдвигались для занятия обороны.

Поднялась стрельба. Трассирующие пули летели над головами. Оба огневых взвода отвечали. Связной доставил донесение. Цепи залегли, нельзя поднять голову. Автоматчики прижали к земле.

Васильева я нашел укрытым за кочкой. Рядом — пять человек, весь расчет 3-го орудия. Васильев отдал приказание окапываться.

А как Безуглый? Явился связной с ОП. Прибыл командир батареи. Огневики окапывались. Я вернулся к орудиям и встретил командира, но только не 6-й, а 7-й батареи — лейтенанта Полячкова. С ним я не знаком. Полячкова сопровождали разведчики. Кроме приборов, у каждого — немецкие автоматы. Трофеи, захваченные подразделениями 3-го дивизиона южнее Малина.

Я рассказал лейтенанту Полячкову о положении в районе ОП, о посещении Гусева.

— Обычно приказы адресуются старшим командирам... Я впервые слышу об этом приказе. Сомнительно требовать удержания невыгодных позиций, да еще без пехоты. НП второго дивизиона отрезан... Немцы заняли село Пирожки. Я проведу огневой налет по Пирожкам и думаю отвести батарею, если не получу других приказаний. Вам советую сделать то же самое... не хотите же вы потерять орудия?

Конечно, Полячков — старший. Но вправе ли я полагаться на его мнение, когда есть приказ «ни шагу назад»? Пока я ломал голову над этими вопросами, Полячков связался со своей ОП. Выяснилось, что вести огонь по селу Пирожки 7-й батарее не позволяют наименьшие прицелы [1].

— Нужно предпринять что-то другое,— Полячков вернул трубку телефонисту.— Запросите старшего на батарее, нельзя ли сменить позицию?

Мы договорились, что старшина Политов кормит людей Полячкова ужином и они займут позиции левее взвода Безуглого. Будем действовать вместе.

— А пока мой НП здесь,— Полячков присел на ящик со снарядами позади 1-го орудия.

Я вернулся к Васильеву. Орудийные номера рыли ячей-

---

[1] Иначе снаряды будут рваться на гребне, за которым укрыты орудия.— *Авт.*

ки. Дозор продвинулся вперед, донес, что в крайних хатах немцы.

Во 2-й огневой взвод пришли Безуглый и Савченко. Оба считают, что при поддержке людей 7-й батареи и 4-го орудия нужно продвинуться к хатам. Приступить к разведке целей. Кроме того, что противник в Пирожках, нам мало что о нем известно. Как распределить задачи?

Васильев полагал, что все это — пустая затея. Огневые взводы займут несколько хат. А потом? Минометы с утра начнут обстрел... Нет, нужно выяснить мнение старших командиров, переговорить еще раз с командиром 7-й батареи. Все-таки он поддерживает связь с ОП.

Я вернулся к орудиям. Укрывшись под плащ-палаткой, Полячков работал с картой, готовил данные. Подсвечивал разведчик, рядом ужинали телефонисты. Я изложил Полячкову свой план.

— И сколько вы продержитесь в селе?

Кто знает...

Полячков не спеша закончил работу и сказал, что содержание приказа ГКО ему передал командир 3-го дивизиона по телефону.

— Связь с командиром полка потеряна со второй половины дня. Начальник штаба полка погиб. Старший из командиров капитан Значенко, принявший обязанности начальника штаба, приказал всем оставаться на занятых позициях... Я посплю, к утру, думаю, обстановка прояснится.

Полячков уйдет на НП. Но мне нужно действовать, пока темно. Утром будет поздно.

В расположении 1-го огневого взвода послышались выкрики, автоматная очередь. В сопровождении Безуглого появился старший лейтенант Горунов.

— Оставаться на местах,— сказал он.— В течение часа я надеюсь связаться с командиром полка и получить указания.

Я чувствовал облегчение. Горунов — командир 3-го дивизиона. По крайней мере, положение, сложившееся на ОП, известно старшим.

7-я батарея, по приказанию Горунова, открыла огонь. В селе Пирожки взлетают ракеты. Слышен гул двигателя. Машина. Завыли мины. Начался огневой налет. В хмельнике и позади, на дороге, грохотали разрывы.

— Стой, кто идет? — выкрикнул караульный.

Варавин. Наконец-то! После полудня наблюдательные пункты батарей 2-го дивизиона были отрезаны. Взводам управления удалось уйти только с наступлением темноты.

Варавин едва держался на ногах. Меня занимал вопрос, каким образом 16 человек во главе с командиром батареи миновали дозоры огневых взводов?

— Кто еще есть из начальников?

Варавин считал, что волноваться незачем, раз речь идет о старшем лейтенанте Горунове. Они старые сослуживцы. Горунов в течение нескольких лет командовал 6-й батареей, имеет репутацию человека, который не отступает от своих обещаний.

В тылу сверкали вспышки орудийных выстрелов. Снаряды ложились где-то за Пирожками. Значит, не все батареи в таком положении, как 6-я. На дороге за хмельником урчат двигатели. Проходили чьи-то орудия.

Варавин направился к Полячкову. Я получил разрешение отдохнуть. Прошло, может быть, четверть часа. Разбудил связной. Вызывал командир батареи. ОП посетил майор Соловьев.

— Отзывайте людей, быстро! Через двадцать минут начнется огневой налет. Шестая батарея снимается.

Расчеты возвращались к орудиям. Пришли Васильев, Савченко, Безуглый.

— По сведениям, которыми располагает командир полка,— продолжал Варавин,— части сорок пятой стрелковой дивизии отошли на рубеж леса севернее села Пирожки. Второй дивизион поддерживает десятый стрелковый полк. С ним связи нет. Известно, что пехота потеряла контакт с соседями... подразделениями шестьдесят второй стрелковой дивизии. Немцы вклинились в стык между частями обеих дивизий. Начальник артиллерии пятнадцатого стрелкового корпуса и другие представители командования, в соответствии с приказом ГКО, потребовали удерживать занимаемые рубежи. Те батареи корпусных артиллерийских полков, которые оказались на открытых позициях, отводятся на закрытые. Район ОП шестой батареи... лес в двух километрах южнее Барановки. Основное направление тридцать один ноль. Готовность к открытию огня шесть ноль.

Варавин осветил карту, нанес район ОП. Чтобы не привлечь внимание противника, расчеты перекатывают орудия к тягачам.

Что же произошло на рубеже железнодорожной насыпи после полудня?

По словам Варавина, противник в 8 часов утра частями 113-й, 262-й пехотных, 11-й танковой дивизий после сильной артиллерийской подготовки, при поддержке «юнкерсов», атаковал позиции 45-й и 62-й СД. Немецкая авиация по-

давила многие батареи, и противник начал теснить пехоту. Командир 45-й СД запретил частям отходить дальше насыпи. Однако к 10.00 на стыке флангов 45-й и 62-й СД немцы преодолели железную дорогу. Контратака дивизионного резерва успеха не имела.

— Положение ухудшалось с каждой минутой, пехота продолжала отходить,— рассказывал Варавин.— На участке КП нашего полка, куда перешел генерал Шерстюк, отходили подразделения десятого стрелкового полка. Командир дивизии приказал окапываться на месте и отправил в подразделения всех, кто был на КП, но отход продолжался. Генерал просил майора Соловьева задержать пехоту, направить артиллеристов и организовать контратаку. Капитан Мартынюк изъявил готовность помочь пехоте в проведении контратаки. Майор Соловьев возражал: разве нет других командиров? У начальника штаба на КП обязанности, и майор полагается на огонь батарей больше, чем на контратаку. Но Мартынюк настаивал: «Я верну пехоту назад в траншеи. Сколько туда... не больше километра?»

Генерал Шерстюк одобрил его намерение. Майор Соловьев уступил. Вокруг гремели разрывы. Носились над землей «юнкерсы», бомбили и обстреливали боевые порядки пехоты. К этому моменту майор Соловьев связался с командирами 1-го и 3-го дивизионов. Подходивший из района Пинязевичей 2-й дивизион еще только занимал позиции. Весь огонь был сосредоточен на пустыре.

Капитан Мартынюк забрал личный состав батареи управления и всех командиров, которые находились на КП. Оба дивизиона вели огонь. Мартынюк останавливал отходивших, назначал командиров. Ему энергично помогали Пономарев, Дымнич, Гусев, Кобец. В стрельбу включились все уцелевшие батареи дивизионных артиллерийских полков. Началась контратака. Немцы в замешательстве отошли. Пехота вновь заняла насыпь, продвинулась дальше и, в свою очередь, подверглась контратаке. «Юнкерсы», бомбившие насыпь, улетели. Пехота стала теснить немецких автоматчиков, но вскоре залегла. Капитан Мартынюк поднялся, увлекая пехотинцев. Перед немецкой траншеей на пустыре он был смертельно ранен в грудь и голову. Командование принял старший лейтенант Пономарев. Пехота захватила траншею на участке непосредственно перед мостовой трубой. Но к тому времени немцы уже овладели гороховым полем. Остатки подразделений 10-го СП примкнули к группе Пономарева, которая удерживала местность перед мостовой трубой и небольшой участок насыпи. К 13 часам противник вышел

в район ориентира № 1 — три дерева — и оказался в тылу КП. Генералу Шерстюку удалось наладить связь с некоторыми частями. В 14 часов пять немецких танков повернули к кургану и начали обстреливать КП. Майор Соловьев поддерживал связь только с КНП 3-го дивизиона. 1-й дивизион был отрезан и действовал самостоятельно. Батареи 2-го меняли боевые порядки. У командира 3-го дивизиона связь имелась лишь с одной батареей. Она перенесла огонь в район КП полка. Один танк двинулся на КП, преодолел ход сообщения и на развороте завалился в ячейку телефонистов. Двигатель взвыл. Перематывалась гусеница и, черпая грунт, повисла в воздухе. Танк накренился, лег на днище. Генерал прика́зал подготовить гранаты. Стали метать. Гранаты отскакивали от брони и рвались за бруствером. Двигатель танка продолжал работать, гусеницы крутились вхолостую. Экипаж ворочал башню, стрелял. Генерал Шерстюк решил оставить КП. Но было уже поздно. По барановской дороге вслед за пехотой двигались танки, конные батареи, обозы. Серьезную угрозу представлял застрявший танк. Генерал обратился к майору Соловьеву с просьбой произвести по КП огневой налет. Но артиллерийскому командиру даже для того, чтобы вести огонь по собственному КП, необходима связь. А связь поддерживалась кое-как только с командиром 3-го дивизиона. С помощью лейтенанта Кобца и его людей старшему лейтенанту Горунову удалось наладить связь с двумя своими батареями. Началась пристрелка. С командиром 1-го дивизиона к этому времени была установлена связь по радио. И вот два дивизиона — 1-й и 3-й — открыли огонь по району КП полка. Разрывы снарядов приостановили на барановской дороге движение. Воспользовавшись моментом, генерал Шерстюк, майор Соловьев и большинство командиров ушли с КП.

Варавин прервал рассказ и подал команду: «По местам!» Начался обещанный командиром полка огневой налет.

Танки справа!

Наши части, несмотря на возраставшее давление противника, закрепились на новом оборонительном рубеже севернее Барановки.

ОП 6-й батареи — в роще слева от дороги Малин — Барановка. Огонь продолжается с перерывами. В воздухе непрерывно находились немецкие самолеты.

Интенсивность огня вышла за всякие пределы. За вче-

рашний день расход составил полтысячи снарядов на орудие. Тем не менее ОП не была обнаружена. Так продолжалось вплоть до момента, когда наблюдатель проглядел корректировщика.

Я доложил командиру батареи о том, что ОП засечена, но стрельба продолжалась. Немного времени спустя Варавин отдал приказание сниматься. Огневые взводы строились в колонну. Перед отключением аппарата связист принял телефонограмму: «Младшему лейтенанту Безуглому не позже чем через час явиться в штаб 3-го дивизиона для прохождения дальнейшей службы». Указывалось местонахождение штаба.

Безуглый принял известие сдержанно, собрался в путь. Расчеты по этому поводу спешились и заняли места у орудий. Безуглый простился со всеми. Колонна тронулась. С плащ-палаткой и вещмешком через плечо Безуглый стоял на обочине, приложив руку к пилотке.

...Снова 6-я батарея ведет огонь. Специальная команда, направленная в штаб дивизиона, доставила пакет с приказом, в котором излагались обстоятельства гибели начальника штаба полка капитана Мартынюка.

Огневые взводы построились. В приказе говорилось: «...В лице капитана Мартынюка 231-й КАП понес тяжелую утрату. Мы скорбим о гибели доблестного командира-артиллериста. Служба капитана Мартынюка, достойным завершением которой стал подвиг, совершенный в контратаке на железнодорожной насыпи,— пример для каждого командира и начальника, всех воинов 231-го КАП».

Объявлялись служебные перемещения. Начальником штаба полка назначен капитан Значенко, командиром 2-го дивизиона — старший лейтенант Рева, начальником штаба 2-го дивизиона — старший лейтенант Юшко. К новому месту службы направлялся старший батальонный комиссар Дроздов, должность замполита занимал старший политрук Бугаев.

Во второй половине дня 6-я батарея заняла новую позицию в роще. Она ничем не отличалась от прежней. Небольшой участок леса, с трех сторон окруженный полями.

Надоедливый корректировщик описывал круги один за другим. Впрочем обнаружить позицию ему труднее, чем раньше. Краска на орудийных стволах сгорела, поверхность покрылась буро-желтой чешуей под цвет коры окружающих сосен.

Новая ОП — мрачное место. Деревья изломаны, всюду валяются ветви. Едва ли не на каждом шагу воронка, на

дне — вода. Груды глины, выброшенной разрывами из глубины, копоть.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Утром противник начал артиллерийскую подготовку. «Юнкерсы» с горизонтального полета сбросили на рощу около 40 бомб. 6-я батарея вела огонь почти беспрерывно. В воздухе — «юнкерсы», парами рыскают над землей «мессершмитты».

Пехота начала отходить. «Отбой!» Задачу Варавин ставил по телефону, в нарушение правил СУВ [1], но время не терпит.

18 часов. Огневые взводы заняли ОП среди зарослей орешника по опушке лиственного леса. Он тянулся далеко на восток и на север. Вокруг следы недавней бомбежки. Судя по окопам, в орешнике стояли тыловые учреждения. За дорогой, в восьмистах шагах, развернулась 4-я батарея.

Сыро, холодно. Люди устали. В течение последней недели 6-я батарея ведет огонь или меняет позиции. Огневые взводы потеряли 7 человек. В расчетах — пять-шесть номеров. Некомплект людей сказывается на обслуживании орудий.

Мы вдвоем — Васильев и я. Больше времени, чем прежде, проводил у орудий политрук Савченко. Но круг обязанностей замполита шире. Он не имеет определенного места в боевых порядках батареи. Посещает ОП, хозяйство старшины, НП, штаб.

Надвигалась ночь. Подготовлена палатка. Есть надежда отдохнуть. Васильев бодрствует. К утру огневые взводы должны закончить оборудование позиции. Прибыл командир полка.

Майор Соловьев внешне выглядел, как и месяц назад. Только воспаленные глаза свидетельствовали о переутомлении. Командира полка сопровождал заместитель по политчасти старший политрук Бугаев.

У 1-го орудия собраны расчеты. Майор Соловьев рассказал обстановку. Наши ослабленные части не в состоянии остановиться и отходят с одного рубежа на другой. Особо тяжелое положение на главном направлении — все усилия немцы сосредоточили вдоль дороги на городок Базар. Штаб артиллерии обещает в скором времени пополнить батареи личным составом.

Командир полка осмотрел позицию и уехал. Ночью начался дождь, моросит и утром. С переднего края доносится гул разрывов.

---

[1] СУВ — скрытое управление войсками.— *Авт.*

6-я батарея открыла огонь на дальность 17 километров по районам в глубине боевых порядков противника, затем — по целям на переднем крае. Прицел уменьшился. Несколько раз Варавин менял НП и, после долгого перерыва, неожиданно появился впереди орудий.

— Приготовиться к стрельбе прямой наводкой! — Варавин наскоро осмотрел орудия, боеприпасы, карабины.

Лейтенант Смольков со взводом управления выдвинулся на ближний НП. Установлена связь. Смольков наблюдает участок дороги перед селом, северную окраину Барановки, хмельник, а также поле справа, в плоскости стрельбы. Противник в секторе ПНП не обнаружен.

Грохот разрывов, доносившийся с юга, стал затихать. Расчеты томятся в ожидании команд. Слышался недалекий перестук пулеметов. Позиции мало пригодны для стрельбы прямой наводкой. На обоих флангах заросли, с тыла вплотную подступает лес, открыт лишь участок дороги в плоскости стрельбы. Командиры орудий напоминают ориентиры и расписание на случай потерь.

Варавин вернулся к буссоли, стал рассказывать. В 9 часов утра противник при поддержке танков перешел в наступление. «Юнкерсы» начали бомбить боевые порядки. Связь с подразделениями, которые поддерживали батареи 2-го дивизиона, то и дело рвалась и к полудню была потеряна окончательно. Старший лейтенант Рева приказал командирам батарей вести огонь самостоятельно. С 14 часов связь с командиром дивизиона прекратилась. Больше всего огорчало Варавина то, что взвод управления не успел смотать кабель, потеряна половина. Каждый раз немцы обходили НП. Варавин отвел людей в лощину. Там встретились группа пехотинцев и командир 4-й батареи младший лейтенант Устимович. Они вместе решили отходить по телефонной линии к ОП, поскольку задача батарей 2-го дивизиона заключалась в непосредственном прикрытии дороги на Барановку. Варавин и Устимович видели, что придется вести огонь прямой наводкой.

Неожиданно прогрохотали выстрелы. Открыла огонь 4-я батарея? Телефонист запросил ближний НП. Смольков не видел разрывов снарядов, не видел и стреляющего орудия. Дозор, высланный четверть часа назад к дороге, не возвращался.

Тишину нарушили очереди пулеметов. Откуда, в секторе ближнего НП? Смольков не мог объяснить. Стрельба начиналась то в одном, то в другом месте. Стал слышен гул

тягачей — 4-я батарея снималась с позиций. Приехал старший лейтенант Юшко.

— Вы еще на месте? — с удивлением спросил он Варавина.— Снимайтесь... и на Скураты,— Юшко нанес на карту маршрут.

Звонкие пушечные выстрелы заставили старшего лейтенанта отложить карту. Он поднял голову.

— Опоздал. Танки... подошли,— Юшко махнул с досады рукой.— Варавин, вам придется повременить.

Наблюдатель, сидевший на дереве, крикнул:

— Ориентир номер два... танк или самоходное орудие на дороге... дальность три тысячи метров!

— Есть повременить,— Варавин сомкнул каблуки.

— Пожалуй, и я останусь... если вы не возражаете,— проговорил Юшко.

— Еще два танка. Дальность та же! — продолжал наблюдатель.

— Нет, сам управлюсь,— Варавин сделал шаг в сторону.— Товарищ старший лейтенант, разрешите действовать?

По пути к машине Юшко остановился и в знак согласия поднял и опустил руку, как делают командиры орудий.

— Есть! — Варавин неторопливо сложил карту, поднял бинокль, привычными движениями протер линзы.

— Огневые взводы, слушай мои команды... по местам... ориентир два... танки на дороге...

Команда «по местам!» касается всех. Мое место в 1-м огневом взводе, Васильева — во 2-м.

Позиции смещены. Я наблюдал участок грейдерной дороги, опушку леса впереди оставленных позиций 4-й батареи. И танки. Дальность — 1800—2000 метров.

Стучат крышки ящиков укупорки, снарядные и ящичные номера готовили снаряды. Наводчик отслонился от панорамы, поминутно выглядывал из-за щита. Орлов недоволен, оттолкнув наводчика, раскрутил маховики механизмов и рывком остановил ствол. Продольная ось ствола и перекрестие панорамы наведены в точку, где должен встретиться снаряд с танком.

— Первому огневому взводу... по головной группе... второму...— продолжал Варавин.

В моем бинокле расплывался силуэт танка. Наводчики уже не отрывались от панорамы, едва заметно стволы передвигались вправо, влево. Наводчики выбирают мертвые хода механизмов.

Головной танк приближался к трем сожженным машинам.

Заряжающие выкрикивают наименование снаряда, глухо стучат досланные гильзы. Затворы закрылись. При стрельбе прямой наводкой заряжание производится немедленно, как только указан характер цели. Расчеты ждут команды «огонь!». Оптическая ось панорамы и ствол перемещаются вслед за танком.

Напряжение нарастало. Орудийному номеру тягостно промежуточное состояние после команды «по местам!». Время течет с замедлением, вот-вот остановится. Три десятка людей ждут и не должны проявлять никаких признаков жизни. Сознание выключено, и воля всецело подчинена командиру. Расчеты, каждый орудийный номер — на своем месте. У одного на лице — решимость, у другого — смятение и страх, третий колеблется, он готов примкнуть к тому или другому. Нужно собраться с духом. Прозорливый увидит знак судьбы среди ветвей, колеблющихся под дуновением ветра, в полете птиц.

Да, воля подчинена... но всецело ли? Нет, только в меру доверия, которое заслужил командир. Орудийные расчеты и тот, кому они повиновались, должны полагаться друг на друга, и тогда никакие промахи не обескуражат людей, они готовы сражаться до конца.

Танки приближались, Орлов держался бодро, молодец. Свисала на лоб белесая прядь, черные петлицы, блестят эмблемы, треугольники. Привстав на колено, он сосредоточенно наблюдал за целью. Ремень затянут, ладно сидит одежда, совсем не заметно, что в пыли. Истинный воин, ему мундир всегда к лицу.

Старший сержант Орлов сознает, он — командир. Ему вверены орудие и люди. Всеобщее и безоговорочное признание этого факта подтверждают знаки различия, присвоенные командиру для того, чтобы подчеркнуть особый характер его обязанностей среди других категорий начальствующих лиц.

Командир создавал психологическую атмосферу, необходимую для службы. Во всяком деле и во всех начинаниях он совершал первый шаг. Его присутствие и пример побуждали орудийных номеров действовать.

Успех стрельбы зависит от командира. Устав уполномочил его принимать все необходимые меры для поддержания боеспособности орудийных номеров. Он ободряет одного, поддержит другого, исправит ошибку. А случится, командир обязан вернуть на место орудийного номера, если тот потерял самообладание.

На огневых позициях необходимо действовать решительно и быстро. Медлить нельзя — исход решает секунда. Колебания влекут за собой гибель орудия. Задача не выполнена — батарее грозит поражение.

Нравственная предпосылка авторитета командира проста. Он первый покидает укрытие и последним занимает его. Но он сознает: орудийные номера не только подчиненные, они его товарищи, связанные участью людей, которые сражаются во имя общего дела.

Головной танк миновал сожженные машины.

— Огонь! — чужим, необыкновенно громким голосом выкрикнул Варавин.

1-е орудие произвело выстрел. Снаряд ушел рикошетом вдаль. Промах. Второй, летевший за первым, как будто прошил танк.

— Первое... цель! — объявил Варавин.

Снова сверкает пламя выстрела, стелется дым. На дороге заминка. Головной танк остановился. Достигло попадания и 2-е орудие. Танки начали стрелять. Над орудийным щитом один за другим пронеслись снаряды. Танки обнаружили ОП.

Верность долгу

С ближнего НП бегом возвращались люди. 6-я батарея оставляла огневую позицию. Брошены боеприпасы, укупорка, гильзы. Не до того. 1-е орудие прикрывает снятие. Старший — я.

В суматохе, которой сопровождался уход огневых взводов, я потерял из виду танки. Подбитые горят. Куда пропали остальные? 1-е орудие откроет огонь немедленно, если танки появятся в секторе стрельбы. Отбой не скоро. Примерно 40 минут, пока 6-я батарея уйдет от преследования. Скорость танка в три раза выше, чем тягача.

— Воздух!

В сером пасмурном небе плывут «юнкерсы». Гул моторов удалялся. Наступила тишина. Скверно: танки исчезли из поля зрения и, возможно, уже миновали рубеж бывших ОП 4-й батареи.

— Пехота слева, ориентир номер пять, дальность пятьсот метров! — доложил наблюдатель.

В направлении позиций, оставленных 4-й батареей, двигались люди. Недалеко, но распознай, кто они? Не бегут, катятся. Что такое? Люди ли и сколько их — пять, семь?

Защелкали пули, падают ветки. Наблюдатель прыгнул на землю.

— Пехота с фронта... по пехоте... шрапнелью!

Под стволом человек. Пехотинец. Поднял винтовку. Свой. Без головного убора, оборванный, в грязи. Слева от дороги пехота. Отходит к лесу.

Вслед за первым пехотинцем подошли еще пять-шесть. Едва волокут ноги. Раненый, которого они тащили волоком на плащ-палатке, весь в крови, дышит с трудом.

Наконец, сыскался командир — лейтенант. 2-я рота 253-го СП. Преследуют танки. Оторваться удалось после того, когда орудия открыли огонь. Автоматчики проникли в лес.

Как бы в подтверждение слов лейтенанта, позади простучала очередь, затем еще, явно не пулеметная.

Задача 1-го орудия — прикрыть снятие батареи с фронта. Танки задержаны. Не появляются на дороге, ушли в сторону. А время? Всего двадцать седьмая минута. Но ведь автоматчики в тылу?

— Отбой!

Раненого уложили на передок, лейтенант пристроился у люльки. Пехотинцы облепили орудие. Тягач тронулся, наезжает на пни. Глубокая колея, расплескиваются лужи. Миновал заросли. Грейдерная дорога. С одной стороны — кустарник, с другой — голое поле, стерня. Впереди вздымали сырую землю немецкие снаряды.

Лейтенант спешил пехотинцев, поднялся на подножку тягача. Раненый — самый храбрый воин во 2-й роте. Лейтенант не уйдет, не может уйти, если я не дам слово доставить раненого в санбат. Слово командира.

Да... транспорт? И вообще, дело 1-го орудия ненадежное. Санбат, где он? Лейтенант ждал, спрыгнул с подножки, вернулся. Да, я доставлю, непременно. Пусть лейтенант не сомневается. А как же иначе? Пехотинцы уйдут, и больше нет под серым, дождливым небом ни одной живой души, которая возьмет на себя заботу о храбром воине 2-й роты. И он, лейтенант, не может бросить его на произвол безжалостной солдатской судьбы.

Дорога размыта дождем. Глубокие канавы заполнены водой. На обочинах обломки повозок, кухонь, остовы сгоревших машин.

Орлов стучал флажками в кабину. «Воздух!» Три десятка «юнкерсов». Строятся в круг. Я огляделся. Куда они? На дороге ни машин, ни повозок.

Ведущий сорвался в пике. Сброшена бомба, взрыв потряс тягач. Лобовое стекло! Осколки ударили в кабину.

Очередной «юнкерс» лег на крыло, устремился камнем вниз. Взметнулась земля, в кабине дым, темень. Завывают двигатели, снова и снова рвались бомбы. 27 пикирующих бомбардировщиков атаковали одинокое орудие. Остановиться? Догонят танки, если не попадет прежде бомба.

Водитель, рядовой Дуров, в испуге поворачивал голову. Прямо! Дуров отвел взгляд. Перед радиатором всплеск пламени, позади облако пара и дыма, брызги. Новые разрывы... седьмой, девятый, двенадцатый.

Стало светлей. Крыша кабины исчезла, как не бывало. Сиденье залито грязью, капот сорван. В воздух поднялся целый участок дороги и рухнул вниз.

Не умолкая, надрывались сирены. Носились в карусели «юнкерсы», грохотали разрывы, тягач не останавливался, полз всему наперекор. Какая-то фантасмагория, путаница, разлад в восприятии. Двигаться во что бы то ни стало!

Обзор из кабины открыт уже во все стороны. Стремительно пикировал очередной «юнкерс». Под фонарем бледное лицо пилота, черные очки. Едва не задев ствол, «юнкерс» взмыл в небо. Бомба не была сброшена.

Позади у самого горизонта виснут облака разрывов. Расчет отстал. На лафете орудийный номер держал в охапке раненого пехотинца. Орлов — на передке.

Разрыв снова встряхнул тягач. На мгновение гусеницы будто оторвались от земли. «Юнкерс» ушел ввысь. Тягач нырнул, провалился в яму. Воронка позади, воронка сбоку...

Тягач круто брал в сторону. «Дуров... левый фрикцион... что с вами?» Дуров поник, опустил голову и не глядит на дорогу. Ранен в плечо, хлещет кровь, стенка за спиной и угол изрешечены очередью «юнкерса». Дуров не дышит, он мертв.

Я перехватил рычаги, тягач выровнялся. Акселератор нажат до упора. Вой сирен не прекращался. «Юнкерсы» продолжали пикировать вхолостую. Боеприпасы израсходованы.

А Дуров погиб. Горе! Было бесконечно жаль водителя. Я понял, кого потеряли огневые взводы. Откуда Дуров родом? Столько времени я провел рядом в кабине и не удосужился спросить. Но я знаю больше всех анкет, и знаю доподлинно — в груди Дурова билось сердце воина. Рвались снаряды, сверкали трассы очередей, он не выпускал из рук рычаги. В том, что под Старой Гутой орудие ушло из расположения противника, немалая заслуга водителя. Дуров был одним из тех, кто без раздумья, добровольно отправился на выручку наблюдательного пункта. 22—23-х лет, открытое

приветливое лицо, выше среднего роста, блондин. Скромный, добросовестный, покладистый парень, чуждый всякого бахвальства, лени, суесловия. В детстве его не учили разного рода клятвам, он произнес ее только однажды, в день принятия воинской присяги, и до последнего дыхания сохранил верность слову воина.

«Юнкерсы» улетели. По сторонам — стерня, голое поле. Дождь не переставал. Позади дым разрывов. Дорога пустынна.

Я уменьшил обороты: нужно собрать расчет. Орудийные номера удивленно оглядывали тягач. Стонет раненый пехотинец. Орлов заглянул в кабину, отвел глаза. Пехотинца перенесли на передок, Дурова — на лафет.

Кто умеет обращаться с рычагами? Праздный вопрос, большинство людей пробовало свои силы еще по пути к Емильчино. Придется мне совмещать две обязанности.

Прошло еще четверть часа. Показались хаты. Село Скураты? Так, кажется, называл старший лейтенант Юшко населенный пункт.

Орлов поднялся в кабину, начал ориентировать мою карту. Командиры орудий умеют ею пользоваться, но сейчас у Орлова дело явно не клеилось.

Окраина Скуратов. Вдоль улицы высокие деревья, плетни, опрятные хаты под соломенной крышей. У обочин приткнулись 107-мм орудия.

— Товарищ лейтенант, наши! — воскликнул Орлов.

Навстречу бежал автомобильный техник дивизиона Овчинников.

— Не выключайте двигатель!

Тягач остановился. После беглого осмотра техник объявил — перегрев двигателя, масло из картера вытекло.

Начали подходить орудийные номера. Кто-то видел в селе санитаров. На розыски посланы люди. Нужно сейчас же передать раненого пехотинца, он едва дышит.

Соорудили носилки. Орудийные номера сопровождали раненого к медсанбатской машине. Я постучал. Открылась дверь санитарного фургона. В машине полумрак.

— Раздевайтесь! — женщина со шпалой на зеленых петлицах разглядывала пятна крови на моей одежде.— Вам помочь?

Нет. Я от имени пехоты передаю санбату самого храброго воина 2-ой роты 253-го СП. Он ранен, необходима срочная помощь. Санитары начали перевязку.

— Будем лечить храброго воина. Возможно, выживет. До свиданья.

Солдатское погребение

Старшина принес мне комплект новой одежды. Обговорены детали похорон Дурова. Пришел командир батареи. Его омрачила гибель Дурова. Где он?

Варавин бережно отвернул угол плащ-палатки, поднес руку к пилотке. Прошла минута. Варавин повернулся, подал команду: «По местам!»

Батареи 2-го дивизиона двигались на Ксаверов. Дорога песчаная. За обочинами — бугры, поросшие кустами тальника, осокой, березами. Рыскают парами «мессершмитты», обстреливают колонну. Движение останавливается раз за разом. Люди стреляют по самолетам.

Орлов, Смолин, Политов, орудийные номера направляются к бугру справа от дороги. Старшина вопросительно посмотрел, принял молча из рук орудийного номера лопату и, выбросив несколько штыков песка, уступил место Орлову. Его сменяет Смолин.

10 августа 1941 года, 15 часов. Могила готова. Орудийные номера опустили на дно завернутое в плащ-палатку тело Дурова. Сыплется белый песок. Все отдают честь погибшему воину.

Возле 1-го тягача копошился автотехник. Заглох двигатель. Техник пытался запустить. Напрасно. 1-е орудие сцеплено с запасным тягачом. Колонна трогается.

Я занял место в кабине. Остался на склоне могильный холм. Колонна уходила дальше и дальше. Холм скрылся из глаз. Придорожный курган, свидетель погребения, сохранит свою тайну. Дожди размоют песок, и затеряется, порастет травой солдатская могила. Но образ рядового Дурова запечатлится навсегда в памяти воинов 6-й батареи.

Опять дождь. «Мессершмитты» рассеивали над дорогой очереди пулеметов и пушек. Поздно вечером колонна остановилась. На передках и станинах люди спали под мокрыми плащ-палатками. Меня вызвал командир батареи. Огневые взводы отвести за обочину, занять ОП.

Я переписал данные. Готовность к открытию огня — 30 минут. Расход снарядов — 80. Огонь — по особому приказанию.

В течение часа 6-я батарея вела огонь по району села Скураты. Вспышки орудийных выстрелов освещают колонну. И снова марш.

Утром 11 августа 6-я батарея вошла в Ксаверов. Над селом поднималось раннее солнце. Ряды хат, крытых соломой, перед каждой — плетень. Богатые сады.

Огневые взводы остановились. Подошел автомобильный техник дивизиона.

— ...Потеряли ни за что тягач, двигатель и трансмиссия не пригодны. Разве можно ехать, когда в двигателе нет ни воды, ни масла?

Фронтовая служба, по-видимому, мало волновала гражданскую душу автотехника, он не поднялся выше профессии шофера. Тягач — ничто в сравнении с потерей, которую понесла в лице рядового Дурова 6-я батарея и весь полк. Со стороны даже самого отсталого военнослужащего непростительно упоминать второстепенное обстоятельство гибели примерного воина.

На привале меня ждало новое назначение. Командир дивизиона приказал мне явиться в 5-ю батарею в распоряжение лейтенанта Миронова. Временно.

* * *

Части 45-й и 62-й СД не смогли удержать рубеж Скураты — Ксаверов. Причин было достаточно. Противник превосходил их в численности. Немецкая авиация непрерывно штурмовала боевые порядки наших частей, бомбила пути отступления. Активность ее не снижалась все дни, невзирая на ненастную погоду. «Юнкерсы» наносили удары то в одном месте, то в другом. «Мессершмитты» обстреливали из бортового оружия колонны. Отход продолжался.

В центре городка Базар

Штаб дивизиона я догонял на попутных машинах. Выяснилось, что приказание о переводе отдано еще 8 августа. Я нашел 5-ю батарею в небольшом городке Базар. Огневыми взводами управлял лейтенант Свириденко, исполнявший обязанности старшего на батарее и обоих отсутствующих командиров огневых взводов. Я встречался с ним на гороховом поле южнее села Пирожки.

5-я батарея занимала ОП в центральной возвышенной части городка, в саду среди яблонь. Позади орудий дом хозяина, далее, в полукилометре, церковь — два купола, крест на колокольне. Улица спускалась вниз к речке. Ряды домов, кирпичных и бревенчатых. В садах созревают яблоки, сливы.

На вооружении 5-й батареи, как и 4-й, состояли 122-мм пушки образца 1936 года. Эти орудия имели наибольшую в нашей корпусной артиллерии дальность стрельбы — свыше 22 километров. Вес снаряда — 22 килограмма. Начальная

скорость — 720 м/сек. 122-мм пушка собрана на лафете 152-мм пушки-гаубицы. Вес орудия в боевом положении — 7 тонн.

122-мм корпусная пушка предназначалась для решения широкого круга огневых задач: вела борьбу с батареями противника, подавляла самые различные цели во всей глубине боевых порядков и на переднем крае, использовалась для стрельбы прямой наводкой по танкам.

Я представился командиру батареи лейтенанту Миронову по телефону — он был на НП. База — 14 километров, но слышимость сносная. Почему опоздал? Лейтенант Миронов требовал объяснений.

Разговор закончен. Я передал телефонисту трубку. Начался осмотр ОП, мест укрытий средств тяги, ознакомление с подступами.

— По местам!

Численность расчета 122-мм пушки по штату 10 человек. Налицо в двух орудиях по 7, в двух — по 6. Орудийные расчеты не потеряли навыков, приобретенных в мирное время, и работали вполне удовлетворительно. Но нельзя не заметить упущений, вызванных недисциплинированностью, а также малочисленностью людей у орудий.

Нужно исправлять положение. Расчеты приступили к тренировкам. После двух часов занятий большую часть упущений можно было отнести ко вчерашнему дню. Конечно, не всем нравилась однообразная утомительная работа. Я видел, люди измотаны. Но что делать? Нарушения дисциплины недопустимы. Лейтенант Свириденко со мной вполне согласен.

Орудия ведут огонь. На перерыве занятия продолжались.

«Стой!» Расчеты могут отдохнуть. Во двор въехала кухня. Обед.

Перед дверью дома неподвижно стоит седобородый старик — хозяин. Старшина пригласил его отведать солдатской пищи. Старик принял котелок, машинально черпает ложкой.

О чем думал хозяин? Он сажал собственными руками яблони, растил их и не гадал-не думал, что лихо военное докатится в такую дальнюю даль и застрянет в его дворе, сотрясая орудийным грохотом стены тихого полесского городка. Обидно старику, жалко яблонь и плодов, затоптанных солдатскими сапогами. Старик молча вернул котелок. Рядом с яблонями высятся поднятые в небо длинные стволы орудий.

— Огневые взводы, по местам! — телефонист отбросил недоеденное яблоко.— Приготовиться к приему команд... по пехоте... огонь!

Орудия тяжело вздрагивают, обволакиваются сизым дымом. Скользят вниз по салазкам стволы и медленно возвращаются в начальное положение.

Лейтенант Свириденко проверяет установки прицельных приспособлений 2-го огневого взвода. Мне мешает привычка: по команде «прицел 980» я готов был затребовать у НП уточнений, но спохватился: у 122-мм орудий барабан прицела нарезан в тысячных.

— ...батареей... один снаряд... огонь!

Многоголосое эхо уносит во все стороны грохот выстрелов. Сыплются яблоки. Слышен звон битых стекол. В ближних домах — ни одного окна, зияют пустые рамы. Изменяется направление стрельбы, снова звенят стекла. Местные жители укрылись в хатах. Кто посмелее, выглядывает из-за плетней.

По устойчивости 122-мм пушка не уступает 152-мм пушке-гаубице. После выстрела никаких признаков смещения ни колес, ни сошников. Я нашел перекрестие панорамы, совмещенное с куполом церкви — точкой наводки — в том же положении, что перед выстрелом.

В течение двух часов 5-я батарея вела огонь по району Ксаверова и западнее. «Стой! Записать: цель номер пятнадцать... пехота на опушке леса». Командиры орудий доложили о расходе боеприпасов. Расчеты принялись за уборку гильз, укупорки. Возобновляются занятия, прерванные стрельбой.

У буссоли появился политрук Елисеев, замполит батареи. Знакомимся. Замполит, кажется, недоволен. Отошел к окопу телефонистов, разбирает содержимое своей полевой сумки. Занятия продолжались.

— ...Доложить о состоянии материальной части, инструментов и принадлежностей!

Командиры наскоро осмотрели орудия, идут с докладами. Не годится. Так в артиллерии не делают. Осмотр производится в последовательности, установленной БУА. По команде командиров орудий начинают орудийные номера, каждый в пределах своей должности. Только после их докладов командиры лично приступают к осмотру.

— Отставить!

Упражнение начинается сначала. Раз, другой, третий. Достаточно. Проверку производят замполит Елисеев, лейтенант Свириденко и я.

Политрук возражал против тренировок. Нарушения порядка, по его мнению, не имеют существенного значения. Очень любопытно, что дальше? Он считает, что отдельные

положения уставов не обязательны в обстановке сегодняшнего дня.

— Товарищ лейтенант... какой вы части? Из шестой батареи... гм... нашего дивизиона? — удивился Елисеев.— И у вас так гоняют людей? Что это... учения в мирное время?.. Дайте людям отдохнуть, они не спали вот уже сколько суток...

Отдых не в моей власти. Старший на батарее обязан поддерживать воинский порядок. Под Пирожками, во время обстрела 6-й батареи, мне стоило немало усилий вернуть людей к орудиям. А ведь там ничего подобного не было.

Орудийные номера — рослые и расторопные парни. В довоенное время специально отбирали людей для службы в артиллерии. Правда, кадровых орудийных номеров осталось не так уж много. И выглядят они усталыми, но я знаю, они способны выполнять обязанности лучше.

— Что ж,— обиделся политрук,— теперь появилось много умников... Дело ваше. Хотите заниматься... как вам угодно. Я доложу комиссару дивизиона, как вы обращаетесь с людьми.

У каждого свои обязанности. Елисеев выражал частную точку зрения. Но старший на батарее — должностное лицо. Он не имеет права поступаться служебными обязанностями и кривить душой в угоду тем, кто хочет сидеть на двух стульях. Орудийный номер призван соблюдать дисциплину, этого требуют интересы орудийного расчета. Все мы — Елисеев, орудийные номера, я — ведем огонь во имя общего дела. Никаких поблажек, об этом не может быть и речи. Елисеев вправе докладывать кому угодно.

Батарея ведет огонь. Похоже, расчеты преодолели усталость и работают вполне удовлетворительно.

В боеприпасах 5-я батарея недостатка не ощущала. Позаботилось артснабжение. Непосредственно к орудиям боеприпасы подвозят машины взвода боепитания дивизиона. Склад находился в песчаных оврагах по дороге на Мартыновичи, недалеко от городка Базар.

Наступал вечер. Закончилась подготовка к ночным стрельбам. Лейтенант Свириденко выставил ночную охрану ОП. Я просмотрел записи. 5-я батарея вела огонь в основном на дальности 18—20 километров по районам западнее Ксаверова.

На полесский городок опустилась сырая августовская ночь. Улицы, примыкающие к ОП, патрулируют дозорные. Для жителей установлен ряд запретов. Тишина. Городок замер. Светит луна.

В 24.00 5-я батарея в составе дивизиона произвела огневой налет по району СО. В 2.30 снова — «По местам!» Стрельба велась по СО — 107. Последняя цифра указывала, что в постановке огня участвовал весь полк. Мелькают со всех сторон сполохи, как северное сияние.

Телефонист принял телефонограмму: с 4.00 2-й дивизион поддерживает одну из частей 9-го МК. Направление стрельбы изменялось на 20-00 [1]. Необходимо перестроить фронт батареи, другими словами, развернуть орудия в направлении, перпендикулярном прежнему.

Лейтенант Миронов сообщал: после ожесточенных боев части 9-го МК остановили противника на рубеже Игнатовка — Рудня-Калиновская. Ночью они оборудовали позиции и производили перегруппировку.

С утра лейтенант Миронов начал пристрелку рубежей НЗО. Это оборонительное мероприятие. Пристрелка закончилась. На орудийных щитах записаны установки. Орудийные номера отобрали снаряды по весовым знакам. Орудия наведены по рубежу НЗО «Пантера». По-видимому, там нет нашей пехоты, а может быть, рубеж пригоден для наступления немецких танков. В перерывах между стрельбами орудия наводятся по НЗО. Огонь по сигналу «Пантера» открыть немедленно.

После завтрака началась чистка стрелкового оружия, подготовка боеприпасов к стрельбе. То и дело расчет возвращали к орудиям. «Огонь!»

Среди публики, которая толпилась на тротуаре, замечены сотрудники редакции какого-то соединения и девушки-военнослужащие из полевой почты. Оба учреждения размещались в городке до прибытия фронтовых подразделений. В Базаре находился госпиталь.

Политрук Елисеев, навестивший раненых артиллеристов, рассказал о том, в каких условиях трудился персонал госпиталя — врачи и медсестры. Раненых множество. Работа не прекращается ни днем, ни ночью.

Большую часть любопытствующих составляли дети. Все места у забора, на крышах сараев и хат заняты. Зрители делятся впечатлениями и беззаботно смеются друг над другом после каждого выстрела, напуганы до смерти.

В 12.00 над городом появился корректировщик. Для 5-й батареи он не представляет опасности: ее ОП за пределами досягаемости немецкой войсковой артиллерии.

---

[1] Примерно на 120°.— *Авт.*

В течение 30 минут батарея участвовала в артиллерийской подготовке. Кроме 2-го дивизиона, вели огонь, кажется, гаубицы южнее городка. Выстрелы батарей 1-го и 3-го дивизионов не были слышны.

В 16 часов лейтенант Миронов сообщил, что после неоднократных атак некоторым подразделениям 9-го МК удалось улучшить свои позиции на участке Гуты-Калиновской. «Возможно,— заявил он,— атаки будут продолжаться и ночью».

Темнело. Расчеты устраивались на отдых. Орудийные номера спят, как обычно, на ящиках у орудий, в нишах для снарядов.

Ночь прошла спокойно. Пехота не проводила атак, о которых говорил командир батареи.

Приближение утра чувствуется задолго до рассвета. В саду густой холодный туман. Стуча зубами, орудийные номера вылезали из ровиков. Моя палатка отсырела.

— «Филин-один», по местам!

Полдень. Сильный ветер. В саду по-осеннему сыро, холодно.

Вернулся политрук Елисеев. С вечера он отправился в штаб дивизиона, затем на НП, где провел остаток ночи. Как дела в пехоте? Политрук оценивал положение несколько пессимистически. В подразделениях, которые поддерживал 2-й дивизион, людей считают по пальцам. 9-й МК утратил свою прежнюю структуру. Соединения перестали существовать. Корпусной штаб управляет непосредственно частями. Во всем корпусе из тысячи штатных танков осталось меньше трех десятков. Используются для непосредственной поддержки пеших взводов и рот, в которые сведены некогда грозные танковые и мотострелковые дивизии. Но личный состав не падал духом.

9-й мотомеханизированный корпус... В его состав входила 41-я ТД, дислоцировавшаяся во Владимире-Волынском. Два танковых батальона удерживали, говорил Безуглый, Пятиднецкий лес северо-западнее Владимира-Волынского, где к вечеру 22 июня скопилось много людей из 87-й СД и пограничного отряда. В последующие дни соединения 9-го МК сражались на подступах к Луцку, затем севернее Ровно. 9-й МК нес большие потери, принимал участие в контрударе в направлении Новограда-Волынского, вел оборонительные бои на малинском рубеже.

Помимо общих сведений, политрук Елисеев не узнал ничего существенного. 231-й КАП действовал подивизионно. Батареи, не жалея ни стволы, ни снаряды, ведут огонь, ока-

зывая поддержку пехоте 9-го МК на рубеже Базар — Недашки. На отдельных участках танкисты улучшили положение, но в целом обстановка оставалась без изменений.

В ночь на 18 августа улицы городка Базар оживились. Пришли в движение многочисленные обозы. Эвакуировались госпиталь, редакция, полевая почта. Из тыловых учреждений остались только ремонтный батальон 9-го МК, прибывший в последний день.

Местные жители уже смирились с соседством 5-й батареи. По утрам бабуси приносят в кувшинах молоко старшине на кухню. Женщины из ближних домов чинили солдатскую одежду. Выбитые окна, однако, зияли провалами.

Сегодня, 19 августа, у нас — полковой праздник. 14 лет назад, 19 августа 1927 года, 8-й тяжелый артиллерийский дивизион был преобразован в 8-й КАП, номер которого 231-й КАП носил до 1939 года.

Полковой праздник — единственный день в году, который неизменно проходил по одному распорядку. Каждый воин видел в праздничных мероприятиях лучшую сторону службы. Перед его глазами четкие шеренги опрятно одетых товарищей, демонстрировавших воинскую дисциплину и способность защищать свою социалистическую Родину.

Праздник начинался парадным построением. Под звуки полкового оркестра в сопровождении эскорта знаменосцы выносили знамя полка. Смотр проводил командир полка. В праздничном приказе отмечались лучшие подразделения, командир полка от своего имени и от имени старших начальников объявлял поощрения, вручал призы и награды.

Батарея, занявшая в боевой и политической подготовке первое место, оставляла строй дивизиона и выдвигалась на правый фланг, она открывала торжественное прохождение. Вслед за лучшей батареей проходили другие. Затем подразделения исполняли строевые песни. Строевая часть праздника заканчивалась. Батареи в полном составе, с командирами и начальниками, шли в столовую на обед.

Так начиная с 1927 года проходили полковые праздники. Сегодня война. Батареи занимают позиции на участке в 20 километров. Но день 19 августа остался, как и прежде, праздником.

Лейтенант Миронов передал по телефону: «Строевая часть праздника, по приказанию командира полка, заменяется пятнадцатиминутным артиллерийским салютом, который произведут все 9 батарей полка ровно в двенадцать ноль, обычное время начала осмотра».

Подготовку к «строевому смотру» начали аировцы, засекшие для каждого дивизиона по одной батарее противника. После выверки орудий расчеты отложили назначенное количество снарядов. Готово!

Время 11 часов 30 минут. Огневые взводы построились. В стороне прошла стая «юнкерсов». Политрук Елисеев, проводив их взглядом, начал чтение праздничного приказа. Командир полка объявил результаты, которых батареи добились в боях. Лучшей в полку признана 8-я батарея, 5-я и 1-я заслужили благодарность.

Замполит поздравил от имени командира полка личный состав огневых взводов с праздником и успехами, достигнутыми в боях. В ответ раздалось троекратное «ура!». Расчеты направляются в укрытие.

11 часов 45 минут.

— По местам! — кричит телефонист.

Батарея ведет огонь по пехоте, затем — по ОП 105-мм батареи. Объявлен перерыв.

Над городком, как по заказу, установилась тишина. Пролетели два наших истребителя — «чайки». В некотором роде праздничный подарок — наши самолеты появляются в небе очень редко. Истребители покружились где-то над передним краем и улетели.

В 11 часов 57 минут поступило поздравление командира батареи и следом команда:

— «Филин-один»... по местам... цель номер шестьдесят один... батареей... восемь снарядов... беглый... огонь!

Салют имел свои правила. Наводка орудий не восстанавливалась. Все усилия расчетов направлены на то, чтобы выдержать темп. В клубах дыма мелькают языки пламени. 4-е орудие чуть подалось на сошниках. 2-е тоже. Стрельба продолжается.

«Стой!» Расчеты бегут в укрытие. Курят, посмеиваются: «Вот так праздник! Должно, досталось фашистам!» — слышались реплики. Некоторые орудийные номера высказывали сомнения относительно эффективности огня по цели № 61. Замполит разъяснил: главное — показать противнику, что 231-й КАП отметил свою годовщину и готов сражаться, как прежде.

Утро 20 августа. Батарея ведет огонь. В 10 часов с НП поступило сообщение: на участке Калиновка — Обиходы противник перешел в наступление. Я заглянул в бланк записей. Дальность стрельбы не менялась. Было похоже, что наша пехота удерживала свои рубежи. Западнее городка непрерывно грохотали выстрелы гаубичных батарей.

В 15.00 лейтенант Миронов подал команду «отбой!».

Расчеты приводили орудие в походное положение, грузили боеприпасы. Прибыл командир батареи. Обстановка ухудшилась. Пехота отходит. Миронов ознакомил командиров взводов с задачей батареи и уехал.

Орудия выходили из сада. Лейтенант Свириденко управлял флажками. Одевая на ходу скатки, расчеты занимали свои места. Колонна заканчивала построение. На тротуарах толпились жители.

— Внимание... по местам!

Команды достигли головы колонны. Прекратились шум, беготня. Впереди цепочки номеров, рядом с передками флажки командиров орудий, сигнал «готов к движению». Я намеревался подняться в кабину, когда пришел замполит Елисеев. В руках лопата.

— Товарищ лейтенант, задержите орудия, я хочу сказать жителям города несколько слов на прощание.— И к горожанам: — В благодарность за гостеприимство вашего города мы заровняем борозды, оставленные орудиями. Помните нас. Мы вернемся. До свидания!

Расчеты спешились. Замполит засыпал у ворот следы гусениц и вернул лопату хозяину.

Загудели двигатели. Колонна тронулась. Тяжелые тягачи, стуча гусеницами по булыжной мостовой, набирали дистанции.

Толпа на тротуарах росла. В глазах женщин слезы. Зачем они плакали? Вспомнились родные лица мужа, сына, брата? Или в этих слезах извечная тоска славянской женщины по воину, след которого затерялся в круговороте войны?

Солнце склонялось к закату. Было прохладно. Свежий ветер гнал в небе серые тучи. Кружили стаи голубей.

В конце улицы, которая пролегала вдоль речки, шли орудия. На щитах белый знак полковой эмблемы. Это 4-я батарея. Замыкающее орудие 5-й миновало водяную мельницу ровно в 16.10, как предусматривалось приказом на марш.

* * *

Соединения 15-го СК, 9-го и 19-го МК ценою больших усилий продолжали сдерживать противника. Борьба порою носила крайне ожесточенный характер. Малинская группировка противника — 51-й армейский корпус — преодолевала один рубеж, наталкивалась на следующий, все ее попытки

сломить сопротивление наших войск оставались безуспешными.

События в полосе Юго-Западного фронта, как и на севере, по ту сторону Припятских болот, подошли к новому этапу. Главные силы группы армий «Юг» достигли среднего течения Днепра. 6-я немецкая армия атаковала Киев. Дальнейшее удержание Коростенского укрепленного района становилось нецелесообразным. Правофланговая группировка войск 5-й армии оставила Коростень.

17-й и 51-й армейские корпуса противника значительно превосходили в численности наши войска[1]. Ситуация до крайности осложнялась тем обстоятельством, что господство в воздухе безраздельно принадлежало немецкой авиации. «Юнкерсы» подвергали массированным ударам боевые порядки наших войск и пути отступления.

В двадцатых числах августа вероятность того, что противник прорвет оборону, внушала больше опасений, чем когда-либо прежде. Как выйти из этого положения? Командующий войсками 5-й армии приказал контратаковать противника на рубеже Недашки — Ксаверов — Охотовка. Операция готовилась очень тщательно. И вот измотанные, обескровленные войска перешли к контратакам.

Воюющие стороны меньше всего страдают склонностью к преувеличениям в оценке действий противника. Бывший офицер генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал А. Филиппи пишет: «Русская 5-я армия ускользнула из окружения, отойдя за Днепр. Как и прежде, эта армия противника сумела, усилив сопротивление с фронта, ввести в заблуждение командование действующих против нее немецких соединений и скрыть подготовку к отходу, чтобы затем внезапно отступить на всем фронте»[2].

---

[1] «В основе наступления против 5-й армии лежал замысел прорвать фронт противника севернее Ксаверова. Войдя в прорыв, 17-й армейский корпус должен был силами 11-й танковой дивизии нанести удар в направлении на Овруч с целью отрезать западной группировке противника пути отхода на восток, а 51-й армейский корпус — повернуть в восточном направлении и блокировать восточную группировку противника с севера. Таков план уничтожения этих сил. Всего для участия в наступлении выделялось девять пехотных дивизий и одна танковая. Им противостояло в общей сложности до двадцати соединений дивизионного масштаба, из которых шесть танковых не имели машин». (*Филиппи А.* Припятская проблема. М., 1959. С. 109).

[2] *Филиппи А.* Припятская проблема. С. 111.

* * *

Началось отступление на следующий оборонительный рубеж по реке Припять. Войска строго соблюдали правила маскировки, двигались в ночное время. Исключение составляли отдельные подразделения и части, прикрывавшие общий отход, как, например, 2-й дивизион. Он поддерживал на переднем крае пехоту и вел огонь до последней минуты.

Ближайшая цель марша 231-го КАП — Чернобыль, город у слияния рек Уж и Припять. К 6.00 21.09.1941 года 2-й дивизион должен сосредоточиться в районе чернобыльского кирпичного завода. О том, что произошло дальше, читатель прочтет во второй книге воспоминаний.

Послесловие

Читатель познакомился с жизнью небольшого пограничного гарнизона монастыря Зимно в его последнюю мирную неделю, с теми обстоятельствами, которые предшествовали открытию огня, а затем сопутствовали 92-му ОАД в боевых действиях в первые и последующие дни войны, а также со службой автора в 231-м КАП.

После опубликования первой книги я стал получать на адрес издательства письма от бывших фронтовиков и гражданских лиц, главным образом тех, кого интересует начальный период войны. Больше всего их волновал вопрос о том, почему военнослужащие подразделений и частей, дислоцированных в приграничной полосе, беспечно взирали на происходящее? Мы — должностные лица — не приложили достаточно усилий, чтобы убедить старшие и высшие командные инстанции в опасности неминуемой войны.

Что же, в недоумении спрашивали эти люди, руководство не считалось с общественным мнением, той силой, которая ведет без малого полвека успешную борьбу за мир? Не хочет же автор сказать, что борьба за мир — это кампания, преследующая еще какие-то цели? И как же так? В хозяйственной деятельности, когда срывается выполнение плана, рядовые сотрудники бьют тревогу и заставляют администрацию исправлять ошибки, она идет навстречу общественному мнению. Но это всего лишь производственный план, а тогда, в канун 22-го июня, речь шла о войне, великом бедствии, поглотившем 20 миллионов жизней.

Недоумение читателей нельзя отвергать безоговорочно. Автор согласен, оно в какой-то части оправдано.

Дело вот в чем. Человеку кажется, будто личные интересы ему ближе общественных. Во многих случаях это действительно так. Теоретики, призывающие индивидуумы к самоограничению в пользу общества, сами предпочитают поступать наоборот.

Чем объясняет автор свою позицию в таких вопросах, как отвлечение людей орудийных расчетов от огневой службы? По существу, 3-я батарея — он признает — не была полностью приведена в состояние боевой готовности. Должностные лица принимали сложившееся положение вещей с безразличием, которое воинские уставы трактуют как действие наказуемое. В ведении автора состояла большая часть целого подразделения — вторая полубатарея, по делению, которое применялось в артиллерии старой русской армии. Он нес ответственность за боеспособность огневых взводов. Он не проявил должной настойчивости перед непосредственным начальником в решении насущных вопросов состояния огневых взводов и батареи в целом...

Далее читатели спрашивают, почему автор, рассказывая о других, уклоняется от того, чтобы дать принципиальную оценку собственному поведению. Один из этого числа — то ли из Мурманска, то ли из Архангельска — писал: «Генерал (следует моя фамилия) часто порицает лейтенанта (та же фамилия) но как-то слегка, по-родственному...» Нет, я не уклонялся и не уклоняюсь ни в словах, ни на деле. Я описываю события так, как они отложились в памяти, повинуясь долгу перед теми, кто принес свою жизнь на алтарь отечества, и теми, кто призван это сделать, если разразится сегодня или в будущем война.

* * *

В человеческом сознании уживаются два начала — личное и общественное. Развить второе мы можем только в том случае, когда найдем путь стимулирования первого. Чем больше военнослужащий находит удовлетворения в службе, т. е. преимуществ личного порядка, тем ближе принимает ее задачи. Поступки свои собственные и окружающих он толкует, соизмеряя с требованиями уставов.

Жизненные ресурсы военнослужащего — духовные и физические — ограничены от природы у одного больше, у другого меньше. Он расходует их, сообразуясь с запросами своей совести даже тогда, когда долг службы всецело завладевает его сознанием.

В поведении военнослужащего преобладают личные мотивы, т. е. представления о собственном долге и долге других. Орудийный номер совершает движения, предписанные ему должностью, скажем, наводит орудие. Интенсивность, т. е. быстрота, ловкость, сноровка (необходимо с большой тщательностью совмещать линии, указатели, шка-

лы и т. д.), выражение лица, взгляд и слова, которыми наводчик обменивается с другими номерами — то что способствует здоровому настроению или ухудшает его,— одним словом, отношение воина к службе целиком зависит от его индивидуальной совести. Орудийный номер распоряжается собственной жизнью и жертвует ею, когда сам сочтет необходимым, независимо от мнения других номеров и командира орудия.

Воинские уставы не представляют начальникам объективной возможности со своей стороны форсировать усилия подчиненных выше какого-то номинального уровня. Дальше их полномочия не простираются, стой! Граница. За нею — дебри, внутренний мир личности, ее душа.

Начальники собственным примером «...не щадя крови и самой жизни...» побуждают подчиненных блюсти слово присяги строго и неукоснительно. Во всех делах, которые относятся к службе. Но случалось, перенапряжение духа ввергает военнослужащего в такое состояние, что он, преодолев страх смерти, не способен двинуть ни рукой ни ногой. Ему необходим импульс извне.

Неправомерно обвинять орудийного номера в уклонении от службы, если, оставшись у орудия один, он прекратил огонь. Начальник может выразить ему порицание, но не более. А тот, кто станет судить о поведении орудийного номера спустя минуту или час, привносит в толкование факта субъективный элемент, потому что время ушло, обстоятельства потеряли остроту.

Автор понимает, что в дни своей недолгой мирной службы он делал много ошибок, остановился на полпути, не решил вопрос о возвращении людей до конца, в тот же час, и не обратился к старшим, как того требовали обязанности военнослужащего и должностного лица. Почему?

Настаивать дальше я не решился прежде всего из личных соображений. Не хотел навлечь недовольство командира батареи, портить отношения, еще не освоившись ни с людьми, ни со службой. Лейтенант Величко — мой непосредственный начальник, назначенный уставом, и если он счел, что тема исчерпана, продолжать разговор невежливо и нетактично. Это граничит с нарушением воинской дисциплины, норм Устава внутренней службы. Продолжать разговор значило напрашиваться на взыскание.

Свое нежелание вступать в конфликт с начальником я, далее, объяснял для себя тем, что время еще есть. Я, правда, не был в этом уверен, но мои сослуживцы — командиры взводов — вели себя именно так. Они, опытные командиры,

мирились с существующим положением вещей. Мирились и старшие начальники. Штабу дивизиона доподлинно известно, что делалось в подразделениях по расписанию занятий и без расписания.

Командир батареи полагал, что бить тревогу нет причин, по крайней мере неотложных. Время терпит. Ожидается прибытие автомобилей, есть по-видимому какой-то график. Подчиненные, а значит, и вновь назначенный старший на батарее обязаны соглашаться и не обременять начальника беспочвенными, с точки зрения общего положения дивизиона, просьбами.

А если судить по совести? Старший на батарее не имел прав поступаться своими служебными обязанностями, жертвовать общими интересами только затем, чтобы сохранить внутрибатарейный мир, тот мир, который держится на недомолвках и недоделках. Гаранин знал, я знал, Величко знал, что со штатами, инструкциями и т. д. неблагополучно. Знал хорошо командир дивизиона, так же, как и начальник артиллерии, и его начальник. И все соглашались с противоуставным статус-кво.

Мы люди, и поэтому одни часто, другие реже склонны отдавать предпочтение личным соображениям в ущерб службе; мы делаем вид, что ничего не происходит. Есть, дескать, старшие и высшие чины, пусть они приказывают, а уж за нами задержки не будет. Нам только приказ, т. е. толчек, и мы двинемся с места, а до этого, увольте, не положено, вот устав. Мы неуязвимы.

Почему? Система службы не положила границу между тем, что дозволено должностной логикой и недозволено по велению совести, самой обыкновенной, общей, одной у всех людей совести. Субъективное толкование уставных норм позволяло в ряде случаев должностным лицам подразделения выполнять свои обязанности и не портить чрезмерным рвением личные отношения.

Воинская служба, как и жизнь, явление далеко не радужное. Нужно смотреть правде в глаза. В общем взгляды, устоявшиеся в среде, которая приняла вновь прибывших лейтенантов, вовлекли их в русло существующих отношений, и они несли службу так же, как окружающие. Система подчиняет себе личность.

Неужели, спросит читатель, лейтенант бессилен в такой же мере, как сержант? Нет, не бессилен, если он противопоставляет беспорядку собственное мнение. Он найдет, должен найти понимание, ибо люди в своем большинстве — благонамерены. И затем, неприемлемых для начальников

истин нет, есть только истины, которые подчиненными излагаются неубедительно.

Автор не был, по всей вероятности, достаточно твердо убежден в своем мнении по слабости общегражданских представлений и недостатку, несомненно, совести. Признание, может быть, запоздалое. Он согласен, едва ли ему представится случай использовать практически свой опыт. Автор признает собственную гражданскую несостоятельность для очищения совести и ожидает, что за ним последует еще кто-то, чтобы показать единство помыслов и устремлений воинов прошлой войны, всех — от рядового до Главнокомандующего. Вместе делили они горечь поражений и радость победы, вместе разделят недовольство ошибками и недочетами в предвоенном планировании, боевой подготовке, ведении операций, разделят поровну, по-солдатски. Они сражались во имя общей цели.

* * *

В жизни одиноких людей мало стимулов и узок мир их интересов. Может быть, поэтому многим из окружающих кажется, будто позиция этих людей недостаточно обоснована, в некотором роде — плод воображения. И они стремятся уравнять, привести их в соответствие с принятыми стандартами и таким путем оградить права личности. Подогнать коня к подкове. И эта нелегкая работа совершается с применением стульев разного рода, как правило, один на один. Точнее, в местах, скрытых от глаз публики. Почему? Из соображений безопасности. Неделикатно с помощью закона утверждать беззаконие. Ситуация на три четверти освещается следующим обстоятельством. Тот, со стулом — назову его условно товарищ Ч — статист и чистейшей воды потребитель. Ничего другого, кроме этого, он не делал, и по этой причине органически не признает никаких нестандартов. Если есть, предположим, человек, в квартиру которого, по мнению товарища Ч, позволяется стучать палкой, то он, товарищ Ч, считает, что и все прочие не имеют никаких оснований возмущаться этим, и он стучит.

По какому праву? «Порядок для всех одинаков»,— отвечает товарищ Ч. Разуверить его нельзя никакими лозунгами. Перестройка? По его мнению — это слова, а он, товарищ Ч,— реальность. Он стучал до перестройки, стучит сейчас и намерен стучать после перестройки.

Впрочем, автор отошел в сторону от темы, и оставляет за собой право вернуться при случае к вопросу о потребителях и стульях.

Жизнь — предприятие нешутейное. Мало ли кто кем был? То, что было,— былью поросло. Вчера одно, сегодня — другое. Все изменяется, все должно приноравливаться к вечному движению. Все, что живет под солнцем,— и дышит и не дышит,— приспосабливается к условиям своего обитания. Незыблемый закон Земли. Война — не исключение, она — производное — пришла в срок, предопределенный законом, и ушла не раньше и не позже. Кто остался жив, кто погиб...

Разумеется, прошлое важно, никто не отрицает этого. «Не знать, что было до тебя, значит навсегда остаться младенцем». Но ведь наш мир — не окаменелость, он живой и живет сегодняшним днем. Он не считается с тем, что прошло, и руководствуется идеей вечного движения. Да, дни связаны — сегодняшний со вчерашним, узами развития, вчерашний день служит отправным. И если люди вчерашнего дня хотят, чтобы с ними считались сегодня, нужно шагать в ногу с окружающими. Слова бессильны. Всякое отставание напрягает узы, дистанция увеличивается, и они обрываются, люди становятся бывшими. Но приспособлению — не приспособленчеству — она же, жизнь, установила предел. Судьба человека, сотен людей, миллионов — это частное проявление процесса всеобщего взаимодействия. Вот потому-то у автора, и не только у него, много причин обращаться к событиям минувшей войны. Недочеты начального периода налицо. Чем они вызваны? Субъективной особенностью должностных лиц? Характером отношений человека к системе или, наоборот, системы к человеку?

* * *

Автор чистосердечно отвечал на письма и в свою очередь обращается к читателю с вопросом. Зачем участники войны подвергают критике деятельность старших и высших командных инстанций военных лет? С какой целью? Модернизировать существовавшую в те времена систему взаимоотношений начальствующего состава Вооруженных Сил? Скомпрометировать высших должностных лиц того периода?

Игра не стоит свеч. Система службы осталась прежней, изменился лишь уровень воинской дисциплины. Должностных лиц — полководцев — скомпрометировать невозможно потому, что победителей не судят. Их решения и поступки вне нашей компетенции.

Свои чисто служебные соображения автор подкрепляет доводами личного порядка. Всякий раз, когда другие лица

изобличают в неспособности его начальников или подчиненных, он испытывал разочарование. От того, что окружающие толкуют репутацию его командиров превратно, и от того, что усилия подчиненных и его собственные не встретили понимания. И всегда он чувствовал горечь, ибо не мог отмежеваться, предать забвению то, что делал вместе с другими во имя общей цели, если даже допускались ошибки и просчеты.

И, наконец, еще об одном. Многие читатели спрашивают, что побуждает автора преодолевать невзгоды — личные и служебные — и держаться на поверхности житейских морей? Эти люди, как надеется автор, найдут ответ в главе под названием «Тайна фронтовой тактики», которая включена в следующую после этой книгу.

Содержание

Это война!

В 231-м КАП

На малинском рубеже

В районе Пинязевичей

За каждую пядь

Петров В. С.

П30 Прошлое с нами: Кн. 1.— 3-е изд., перераб. и доп.— К.: Политиздат Украины, 1988.— 525 с., 8 л. ил., портр.

ISBN 5-319-00354-4

В своих мемуарах кандидат военных наук дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант артиллерии В. С. Петров рассказывает о событиях первого и последующих дней минувшей войны на отдельных участках Владимир-Волынского укрепленного района в полосе 5-й армии Юго-Западного фронта. Советские воины подразделений 92-го отдельного артиллерийского дивизиона и других частей, о которых упоминает автор, поставленные в неимоверно тяжелые условия, сражались с непоколебимой стойкостью, отвагой и мужеством, не щадя жизни, движимые стремлением отстоять независимость Родины.

П $\frac{1305010000-187}{М201(04)-88}$ Инф. п.

ББК 63.3(2)722

Литературно-художественное издание

Петров Василий Степанович

ПРОШЛОЕ С НАМИ

Книга первая

Киев
Издательство
политической литературы
Украины
1988

Редактор *Я. Г. Кушнирюк*
Художественное оформление *В. Д. Квитки*
Художественный редактор *Н. И. Ткаченко*
Технический редактор *Л. А. Емец*
Корректоры *А. Д. Бондаренко,*
Л. Г. Марковская, Н. Н. Сидорова

ИБ № 5435

Сдано в набор 09.03.88 Подписано в печать 01.04.88. БФ 36831. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 28,665. Усл. кр.-отт. 29,505. Уч.-изд. л. 32,002 + ил. 0,619. Тираж 115 000 экз. Заказ 8—103. Цена 2 р. 40 к.

Политиздат Украины, 252025, Киев-25, ул. Десятинная, 4/6

Напечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3 на Киевской книжной фабрике. 252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.

